Доброе Слово
протоиерей Григорий Дьяченко

Первый год обучения

Образцы рисования по клеточкам

Предисловие

Второе издание «Доброго Слова» в трех частях является исправленным и значительно переработанным согласно указаниям как официальной, так и частной – в педагогических журналах – критики. Кроме того составитель этой книги для чтения соображался, где то возможно и необходимо было, с теми отзывами о его книгах, которые были получены им с разных концов России в письмах от многих лиц, близко стоящих к делу народного просвещения – народных учителей и священнослужителей. – Долгом считаем заявить здесь самую горячую благодарность всем, кто своими добросовестными, на опыте проверенными и научно обоснованными критическими замечаниями, дал нам возможность усовершенствовать «Доброе Слово», как книгу для классного чтения в сельских народных училищах с трехлетним курсом и в церковно-приходских школах.

Во втором издании «Доброго Слова» произведены следующие перемены, которые, как мы глубоко убеждены, должны содействовать улучшению как внешней, так и внутренней стороны означенной книги:

1. Объем «Доброго Слова» год первый, равно как и других годов, значительно сокращен – почти вдвое против книг при первом их издании. Это дало возможность почти вдвое понизить и стоимость книг, что для бедных сельских училищ и церковно-приходских школ имеет очень важное значение. Но через такое сокращение мы не повредили содержанию книг ни в количественному ни в качественном отношении. Вместо статей и стихотворений с более значительным объемом мы внесли во второе издание наших книг статьи и стихотворения с меньшим объемом, сделали самый строгий выбор материала как прозаического, так и поэтического и тщательно выбрали из массы по возможности цельных поэтических и прозаических произведений только такие стихотворения и статьи, которые при ясности, чистоте, силе и правильности грамматического, стилистического и логического построения речи и богатстве форм языка, изящном изложении и общедоступности своего содержания для самого младшего школьного возраста, отличаются в то же время глубоким и полезным, умственно-развивающим и нравственно-воспитывающим характером.

2. Почти все стихотворения и статьи при втором издании заимствованы из образцовых русских писателей, за ничтожным исключением.

3. Все поэтические и прозаические произведения, вошедшие в настоящее издание «Доброго Слова», распределены нами в пяти отделах, вместо прежних двадцати, через что избегнуто допущенное в первом издании неточное в некоторых случаях распределение статей по отделам.

4. Устные задачи, помещенные в первом издании «Доброго Слова» под многими статьями, в настоящем издании опущены, потому что опыт показал, что большинство учителей не пользуется ими.

5. Допущенные в прежнем издании некоторые типографские погрешности и неточности исправлены и уничтожены при втором издании «Доброго Слова».

6. В настоящем (сокращенном) издании «Доброго Слова» мы значительно сузили цель, первоначально нами поставленную при первом издании этой книги. Теперь мы старались иметь в виду главным образом одно – при помощи того литературного материала, который собран и обработан в «Добром Слове», довести ученика народной школы до грамотности, до возможности плодотворнейшим образом пользоваться всякой школьной книгой вообще через практическое усвоение им основ родной речи и через таковое же ознакомление его с богатством, силой, красотой и разнообразием форм языка. Вследствие такой точки зрения на книгу для чтения мы не гнались за разнообразием и богатством содержания книги, или, так сказать, за ее энциклопедичностью: школьная книга должна быть прежде всего только средством или орудием к приобретению всяких познаний, или, говоря другими словами, орудием саморазвития и самообразования. Но само собой разумеется, что это не значит, чтобы мы не придавали большого значения содержанию статей и стихотворений: пренебрежение содержанием в книге для школьного народного чтения, которая нередко служит первой и последней книгой на всю жизнь, было бы более чем неразумно. Мы содержание школьной книги отодвинули только на второй план, поставив на первом усвоение формы ее т.е. мы имели в виду изучение через книгу для чтения не только образовательно-воспитательного материала, но и (главным образом) законов и правил отечественного языка, грамматического, логического и стилистического построения речи и разнообразных форм словесного выражения мысли.

7. Внося в содержание «Доброго Слова» статьи и стихотворения, преимущественно высоко художественные, которые способны сильно действовать на развитие в детях любви ко всему доброму, прекрасному и истинному, мы в то же время никогда не забывали, что предназначаем свою книгу для детей крестьянской среды и старались,

насколько возможно, при обработке этой книжки всегда иметь в виду эту среду, с ее бытовыми, религиозно-нравственными и иными, исторически выработанными условиями, от которых зависит сила и крепость духовно-физического организма русского народа. Вследствие этого, путем подбора известных поэтических и прозаических произведений, мы, с одной стороны, старались осмыслить многие явления крестьянской жизни через художественное воспроизведете их лучшими поэтами и писателями родной страны, с другой, – всемерно избегали всего того, что так или иначе, прямо или косвенно, клонится к колебанию православно-христианских и национально-самобытных основ русской народной жизни, с третьей – так как народная крестьянская школа, по программе, утвержденной Св. Синодом, должна впечатлеть в сердцах детей основные истины веры и благочестия, для привлечения их к спасительному и любвеобильному материнскому руководству церкви и для наклонения их воли в послушание ей – мы внесли в «Доброе Слово» только те статьи духовного содержания, которые отличаются строгой православной церковностью и высокими достоинствами изложения.

8. В настоящем издании, как и в первом, удержано концентрическое расположение материала по всем трем годам школьного обучения, т.е. все отделы и в том порядке, в каком они расположены в первой части, встречаются и во второй и в третьей, при чем статьи, входящие в состав отделов, постепенно увеличиваются в объеме, в относительной трудности понимания их, в расширении точки зрения, в сообщении новых и более подробных сведений, при строгой сообразности *с постепенным развитием ребенка,* ростом его духовных сил и приобретенными им познаниями. Таким образом пять отделов в одинаковой последовательности: проходят через все три года школьной жизни ученика.

Преимущества такого именно расположения учебного материала очевидны.

Во-первых. Концентрическое расположение учебного материала соответствует как нельзя более росту духовных сил ребенка и постепенному приобретению им познаний. Вначале может быть воспринято только простое и очевидное, не требующее для своего восприятия ни развитых способностей, ни предварительной подготовки в виде ранее приобретенных каким бы тони было способом познаний, ни усилий мыслительной способности сделать тот или другой вывод; далее, примерно через год, на почве приобретенных уже познаний и несколько развитой уже мыслительной способности, ребенок может к прежде

узнанному им присоединить другое, более сложное по своим свойствам и требующее большого напряжения познавательных и мыслительных способностей; еще дальше, на третьем году, ученик не только приобретает познания об остальных сторонах значительно уже знакомого ему предмета, но и путем сравнения одних умственных приобретений с другими, еще лучше уясняет и усвояет как те, так и другие, делает общий обзор их, замечает связь и соотношение между ними и прочно запоминает, чтобы впоследствии сделать тот или другой вывод, определяющий его образ мыслей, убеждения и характер.

Теперь представим противоположное. Допустим, что в книге для чтения есть несколько отделов, из коих одни отнесены к первому году, другие ко второму и третьи к третьему. При этом не нужно забывать, что книга для классного чтения в начальных народных училищах и церковно-приходских школах имеет громадное влияние на развитие ребенка в умственном, религиозно-нравственном, патриотическом и художественном отношениях, помимо того, что те сведения, кои приобретены из этой книги, наряду с *практическим* усвоением законов и форм языка, часто остаются; на всю жизнь ребенка, как его единственное духовное достояние. Спрашивается: может ли ребенок, ученик 1-го года начальной школы, *сразу во всей полноте* воспринять те сведения, о коих он прочтет в своей книжке и с которыми ни во втором, ни в третьем году более не встретится? Естественно, что он останется на всю жизнь с теми скудными познаниями, кои он воспринял, или кои он мог воспринять на первом году своей школьной жизни. Для него не будет возможности расширить их, проверить, уяснить, связать и вообще усвоить их в той полноте и с теми качествами, без коих усвоенное́ познание остается мало полезным и односторонним. Такого неудобства не может быть при концентрическом расположении учебного материала, где одно напоминает, развивает, расширяет, обосновывает, уясняет и закрепляет другое.

Во-вторых. Такое именно расположение материала, назначенного для классного чтения, удобно еще и в том отношении, что содействует *прочному его запоминанию* , которое совершается тем успешнее, чем чаще приходится ученику возвращаться к прежде узнанному и так или иначе воспоминать его. *Прочным же усвоением* читаемых в народной школе статей в книге для чтения, от которой можно и должно по всей справедливости ожидать благотворного воспитательного и образовательного влияния на детей, а равно и прочным усвоением через чтение и заучивание наизусть образцовых произведений

отечественной прозы и поэзии законов и форм языка, нельзя не дорожить уже по одному тому, что дети этих школ почти никуда не поступают для дальнейшего своего образования и воспитания.

В-третьих. Концентрическое расположение учебного материала в книге для классного чтения вызывается чисто бытовыми условиями русской народной школы. Известно, что ученики этой школы далеко не все оканчивают полный курс учения. Очень часто бывает, что по семейным или иным условиям ученик, проучившись год или два, должен навсегда оставить школу. Поэтому, чтобы хоть несколько ослабить эту неправильность в нашей школьной жизни, весьма желательно поставить дело обучения здесь так, чтобы ученик, покидая школу через год или два, вынес из нее нечто цельное и законченное, хотя бы в самых кратких чертах. Было бы, напр., весьма печально, если бы ученик, оставив школу спустя два года пребывания в ней, не прочитал ни одной статьи о семье, о церкви, о своей родине и своем царе потому только, что статьи этого рода помещены в книжке, читаемой только в третьем году. При нашем же – концентрическом – расположении учебного материала такого неудобства быть не может.

9. Мы нашли необходимых расположить весь собранный и обработанный нами литературный материал в пяти отделах: человек, мир Божий, родина, церковь и церковно-славянское чтение, присоединив к ним «приложение», где обработаны письменные упражнения в связи с книгой для чтения. Не будем много говорить о необходимости и целесообразности именно такого содержания книги, – скажем только, что мы сделали это по двум, стоящим в тесной связи между собой, основаниям: во-первых – человек, мир Божий, родина и церковь (церковно-слав. чтение является орудием влияния церкви на воспитываемого ей человека) исчерпывают главнейшие и необходимейшие отношения всякого человеческого существа: было бы более, чем неразумно, не пролить умственного света в эти отношения; во-вторых, намеченные отделы с свойственным каждому содержанием дают возможность практически через чтение соответствующих статей ознакомиться с запасом слов и оборотов речи, необходимых для чтения книг общелитературного содержания (отдел – человек), по естествознанию (отдел – мир Божий), исторических (отдел – родина), религиозно-нравственных (отдел – церковь) и церковно-славянских (слав. чтение).

10. Шрифт избран нами крупный, четкий и весьма удобный для чтения. Мы думаем, что такой именно шрифт безусловно необходим для

зрения ребенка, еще не вполне навыкшего отчетливо замечать мелкие предметы, напр. буквы мелкого шрифта, которым очень легко испортить зрение, особенно если он кроме того слишком плотен и уборист.

11. В орфографии мы всюду старались держаться общепризнанного руководства академика Я. Грота: «Русское правописание».

Григорий Дьяченко.

Москва. 1889 года, Ноября 8-го дня.

Предварительные упражнения в чтении

I. Первые опыты в осмысленном чтении отдельных слов

1) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают учебные принадлежности [1] :

Хлеб. Вода. Перо. Окно. Тетрадь. Мячик. Чернила. Шапка. Карандаш. Квас. Щи. Сапоги. Линейка. Лошадь. Соловей. Дом. Книга. Яблоко. Яйцо. Прописи.

2) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают пищу и питье:

Поле. Сад. Репа. Молоко. Земля. Камень. Квас. Лен. Рубашка. Говядина. Книга. Школа. Дерево. Лес. Пиво. Дым. Печка. Каша. Картофель. Суп. Пол. Погреб. Жаркое. Масло. Рюмка. Ведро. Сыр. Соль.

3) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают названия одежды:

Соль. Сковорода. Противень. Сюртук. Кафтан. Самовар. Шуба. Кувшин. Армяк. Ушат. Полушубок. Шапка. Огород. Сад. Ухват. Сарафан.

4) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают посуду:

Молоко. Чашка. Тарелка. Мельница. Кузница. Бутылка. Кружка. Чай. Мед. Котел. Горшок. Самовар. Чулки. Носки. Ведро. Ушат. Кадка. Квашня. Шкаф. Стул. Миска. Стакан.

5) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают названия родственников:

Голова. Глаза. Мать. Отец. Книга. Сестра. Брат. Лес. Сад. Дядя. Тетка. Племянник. Небо. Тучи. Дождь. Племянница. Ночь. Двоюродный брат. Зима. Бабушка. Дед.

6) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают хлебные и огородные растения:

Лошадь. Грабли. Ячмень. Пшеница. Воробей. Овес. Гречиха. Гусь. Утка. Морковь. Картофель. Мак. Репа. Игла. Нитка. Редька. Горох. Огурцы. Хрен. Перо. Ножик. Бобы. Белый гриб. Капуста. Лук. Укроп.

7) Из следующих слов прочитайте вслух только те, которые означают земледельческие орудия:

Ель. Сосна. Грабли. Соха. Муха. Жук. Серп. Борона. Цепь. Малина. Вилы. Заступ. Вишня. Брусок. Плуг.

8) Из следующих слов прочитайте только те, которые означают названия дней недели:

Зима. Воскресенье. Понедельник. Весна. Вторник. Среда. Лето. Четверг. Осень. Пятница. Щавель. Грибы. Суббота. Брат. Дедушка.

9) Из следующих слов прочитайте только те, которые означают месяцы:

Яблоко. Груша. Январь. Февраль. Март. Лещ. Щука. Апрель. Май. Медведь. Воин. Июнь. Июль. Серп. Август. Сено. Сентябрь. Опенок. Рыжик. Октябрь. Береза. Сыроежка. Желудь. Ноябрь. Вишня. Палка. Декабрь.

10) По прочтении каждого олова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Высокий – ? (например дом). Глиняный – ? (напр. горшок). Круглый – ? Тупой – ? Острый – ? Кривой – ? Прямой – ? Короткий – ? Длинный – ? Синий – ? Красный – ? Белый – ? Голубой – ? Черный – ? Деревянный – ? Железный – ? Каменный – ? Серебряный – ? Соломенный – ? Медный – ? Пшеничный – ? Бумажный – ? Прилежный – ? Ленивый – ? Упрямый – ? Послушный – ? Ласковый – ? Милосердный – ? Трудолюбивый – ? Любопытный – ?

11) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Красивый – ? (напр. сад). Каменная – ? (напр. церковь). Глубокое – ? Мелкая – ? Новый – ? Старый – ? Веселый – ? Скучный – ? Тесный – ? Просторный – ? Свежий – ? Испорченный – ? Дешевый – ? Дорогой – ? Рассеянный – ? Внимательный – ? Умный – ? Глупый – ? Старательный – ? Нерадивый – ? Горький – ? Сладкая – ? Кислый – ? Пресный – ? Широкий – ? Узкий – ? Летний – ? Зимний – ? Осенняя – ? Летнее – ? Синий – ? Синее – ? Синяя – ?

12) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Широкая (улица). Тесный (переулок). Крестьянская – ? Крепкая – ? Худая – ? Чистая – ? Грязный – ? Праздничный – ? Кожаный – ? Полотняный – ? Суконный – ? Бумажный – ? Деревянный – ?

13) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Слепой (человек). Правдивая (девочка). Холодный – ? Теплая – ? Большое – ? Глубокое – ? Сладкий – ? Кислое – ? Ленивая – ? Умная – ? Добрая – ? Злая – ? Дорогая – ? Дешевый – ? Хрупкое – ? Прозрачное – ? Богатый – ? Бедный – ?

14) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Читает ученик. Объясняет учитель. Сверкает – ? Пишет – ? Говорит – ? Спрашивает – ? Поучает – ? Ласкает – ? Бегают – ? Поют – ? Косит – ? Жнет – ? Рубит дрова – ? Шьет платье – ? Шьет сапоги – ? Журчит – ? Воет – ? Поет – ? Мяукает – ? Сидит – ? Спит – ? Лежит – ? Воркует – ? Щебечет – ? Лает – ? Квакает – ? Ржет – ? Мычит – ? Цветет – ? Вянет – ? Растет – ? Зреет – ?

15) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Ученик пишет. Дитя играет. Корова – ? Лошадь – ? Соловей – ? Петух – ? Земледелец – ? Дровосек – Рыболов – ? Портной – ? Кухарка – ? Косарь – ? Жница – ? Плотник – ? Ледокол – ? Дровокол – ? Водовоз – ? Купец – ? Кузнец – ? Стекольщик – ? Пастух – ? Молния – ? Ветер – ? Дождь – ?

16) По прочтении каждого слова придумать и сказать вместе с ним какое-либо другое подходящее к нему слово.

Земля – черного цвета. Небо – синего. Листья ... ? Молоко ... ? Чернила ... ? Золото ... ? Кровь ... ? Снег ... ? Уголь ... ? Кумач ... ? Сера ... ? Зола ... ? Огонь ... ? Серебро ... ? Медь ... ? Мука ... ? Бумага ... ? Волк ... ? Медведь ... ? Васильки ... ? Земляника ... ? Песок ... ? Яйцо ... ? Рябина ... ? Сажа ... ? Сахар ... ? Груша ... ? Сливы ... ? Солома ... ? Мясо ... ? Трава ... ?

17) Продолжить чтение следующих примеров:

Нитки прядут изо льна. Стаканы делают из стекла. Муку мелют из... Хлеб пекут из... Столы делают из... Лапти плетут из... Дома делают из... Глиняную посуду делают из... Топоры делают из... Кирпичи делают из... Холст ткут из... Восковые свечи приготовляют из... Стальные перья делают из... Шерстяные нитки прядут...

18) Продолжите чтение:

Хлеб служит для еды. Вода служит для питья. Стул служить... Коса служит... Лавка... Чернила... Карандаш... Лодка... Квас... Сено... Солома... Дом... Хлев... Яблоко... Дрова... Окно служит для того, чтобы пропускать свет в дом. Печь... Труба... Рукомойник... Баня... Кузница...

19) Продолжить чтение:

Глазами смотрят. Ушами слушают. Зубами... Руками... Ногами... Граблями... Метлой... Топором... Пилой... Удочкой... Серпом... Ножницами... Иглой... Ложками... Гребнем... Полотенцем... Замком... Ключом... Ножом... Молотком...

II. Упражнения в чтении кратких предложений

1) Без Бога – ни до порога.
2) Друг о друге, а Бог обо всех.
3) Нынче на ногах, а завтра в могиле.
4) Кто в море не бывал, тот досыта Богу не маливался.
5) Злой человек в добре не проживет весь век.
6) Для долгого житья держи голову в холоде, желудок в голоде, а ноги в тепле.
7) В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.
8) Глупому не в помощь богатство.
9) С Божьей помощью все удается.
10) Тот в сей жизни лишь блажен, (т.е. счастлив) кто малым доволен.
11) Сытый голодного не разумеет.
12) Не испытав горького, не увидишь сладкого.
13) Гордым быть – глупым слыть.
14) В согласном доме ангел обитает.
15) Богу молиться всегда пригодится.
16) Кто потеет на ниве, да Богу молится в клети, тот с голоду не умрет.
17) Все минется, одна правда останется.
18) Тише едешь, дальше будешь.
19) Что посеешь, то и пожнешь.
20) Чужим добром не разживешься.
21) Неправдой весь свет пройдешь, а назад не воротишься.
22) За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
23) Семь раз примерь, один отрежь.
24) Хлеб-соль ешь, а правду режь.
25) Беречь здоровье нет греха.
26) Правда светлее солнца.
27) С Божьей помощью всякий труд легче.
28) Грамоте учиться всегда пригодится.
29) Чего не желаешь себе, того и другому не желай.
30) Людей пожалеешь, и тебя пожалеют.
31) Что деревня, то обычай.
32) Пропал, как камень в воду канул.
33) Конец делу венец.
34) Будь беден, да честен.

35) Хлеб – дар Божий.
36) У чужих людей горек хлеб.
37) Где любовь, там и Бог.
38) Корень учения горек, а плод сладок.
39) Даст Бог дождь, уродится и рожь.
40) Вода и хлеб – вот и обед.
41) Чужим умом да чужим хлебом не долго прожить можно.
42) Старый друг лучше новых двух.
43) Голод народный из бед беда.
44) Хозяйский глаз – алмаз.
45) Не ленись класть в землю навоз: он даст больше хлеба.
46) У ленивых хозяев хлеб растет так, что колос от колоса – не слышно голоса.
47)Труд людей кормит, а лень портит.
48) Богатство не делает людей счастливыми.
49) Согласие крепче стен каменных.
50) Кто много зевает, тот воду хлебает.
51) Лень – мать многих пороков.
52) Лучше по миру сбирать, чем чужое обирать.
53) Мир да лад – Божья благодать.
54) Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой.
55) Век живи – век учись.
56) В беде не унывай, а на Бога уповай.
57) Без соли, без хлеба половина обеда.
58) Куй железо, пока горячо.
59) Совесть – глас Божий.
60) Дорого – при пожаре ведро воды, а при бедности подаяние.
61) И обед не в обед, как хозяев дома нет.
62) На чужой каравай рот не разевай.
63) Чужая душа – темный лес.
64) Любишь кататься, люби и саночки возить.
65) Чужим добром богат не будешь.
66) Злому человеку не прибавит Бог веку.
67) Глупому сыну не в помощь наследство.
68) Больше говоришь, больше грешишь.
69) Всякая неправда грех.
70) Стоячая вода гниет.
71) Соломенный мир лучше железной драки.
72) У ленивой пряхи и про себя нет рубахи.

73) На одном месте лежа и камень мохом обрастает.
74) Первое счастье – с малого кусочка сыту быть.
75) Грозную тучу Бог пронесет.
76) Железо ржавчина съедает, а завистник от зависти погибает.
77) Скупой богач беднее нищего.
78) Труд человека кормит, а лень портит.
79) Рубаха к телу близка, а смерть ближе.
80) Собираемся жить в локоть, а живем с ноготь.
81) Бог долго ждет, да больно бьет.
82) Сначала думай, а потом делай.
83) Под лежачий камень и вода не течет.
84) Не величка капля, а камень долбит.
85) Не вкусив горького, не едать сладкого.
86) Не живи как хочется, а живи как Бог велит.
87) Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
88) Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным.
89) Не клади плохо: не вводи вора во грех.
90) Не смейся слепому и хромому, чтобы не быть самому такому.
91) Из крошек куча, из капель море.
92) Не то худо, что худым кажется, а то худо, что точно худо.
93) Чего глаза не видят, тем и язык не бредит.
94) Больше верь своим очам, нежели чужим речам.
95) «Авось» и «как-нибудь» до добра не доведут.
96) Добрые слова лучше мягкого пирога.
97) Дружба дружбой, а служба службой.
98) В ком добра нет, в том и правды мало.
99) Цену вещи узнаешь, как потеряешь.
100) Приказывай слуге, да делай сам, так и делу лад.
101) Больше слушай, а меньше говори.
102) Будь гол, да не вор, а беден, да честен.
103) Терпеть не беда: было бы чего ждать.
104) У скупого в Крещенье льда не выпросишь.
105) Учись доброму, так худое на ум не пойдет.
106) Бог даст день, Бог даст и пищу.
107) Дракой прав не будешь.
108) Не стыдно хлеб достать трудом, стыдно хлеб достать стыдом.
109) Стой за правду горой – и Бог с тобой.
110) При сытости помни голод, а при богатстве не забывай убожества.

III. Упражнения в беглом чтении [2]

БАСНИ

1. Волк и Журавль

В горло волку засела кость. За большие деньги он нанял журавля, чтобы тот всунул свою голову в его глотку и вытащил из нее кость. Журавль достал кость и потребовал обещанной платы. Но волк оскалился, заскрежетал зубами и закричал: «Что? Ты, кажется, уж довольно награжден, если безопасно вынул свою голову из пасти и челюстей волка!..

(Эзоп).

2. Мухи и горшок меду

В комнате ключницы был выставлен горшок с медом. Множество мух стали на мед своими ножками и ели его. Но их ножки так прилипли к меду, что мухи не могли освободиться с помощью своих крыльев и все задохлись. В минуту смерти они только воскликнули: «О, безумные мы! из-за лакомства мы сгубили сами себя»!

(Эзоп).

3. Дуб и Дровосеки

Дровосеки повалили могучий горный дуб и раскололи его на части клиньями, сделанными из собственных его ветвей. Дуб со вздохом сказал: «Мне не были чувствительны удары топора, направленные на корни мои, но тяжело мне то, что меня разнесли на части клинья, сделанные из собственных моих ветвей». *(Эзоп)* **.**

4. Предсказатель

Гадальщик, сидя на торговой площади, предсказывал будущее всем приходящим. Вдруг с большой поспешностью прибежал некто и объявил ему, что двери его дома разломаны, что они стоят настежь, и все его добро раскрадено. Тяжело вздохнул гадальщик и опрометью бросился к себе. Сосед, видя, как он бежит, сказал: «Ох ты, продувной молодец! другим предсказываешь их будущее, – как же ты своего-то не предвидишь?» *(Эзоп.).*

5. Сорока и Голуби

Сорока заметила, что голуби имеют вдоволь корму в своей голубятне; она вымазала себя белой краской и пристала к ним, чтобы сделаться участницей их привольной жизни. Пока она молчала, голуби считали ее одной из них и держали ее в своей голубятне, но когда она раз, забывшись, застрекотала по своему, они узнали, кто она такова и прогнали ее от себя своими клювами. Не успев поживиться у голубей, она опять вернулась к

сорокам. Эти тоже, не признав ее под ее белой окраской, не позволили ей жить вместе с ними. Так, пожелав и того и другого, она не получила ничего. *(Эзоп.).*

6. Мальчик и Крапива

Мальчик обжегся крапивой. Он побежал домой и жаловался своей матери, говоря: «Мне очень больно, а я дотронулся до крапивы тихонько!». Мать сказала: «Потому именно она так и обожгла тебя. На будущее время, когда ты захочешь тронуть крапиву, схвати ее смело, и она будет мягка, как шелковая в твоей руке и не причинить (т.е. не сделает) тебе никакой боли». *(Эзоп.).*

7. Пастух и Волк

Пастух нашел однажды маленького волчонка и вырастил его, а спустя некоторое время научил его выкрадывать овец из соседних стад. Волк выказав себя понятливым учеником, сказал пастуху: так как ты выучил меня красть, то теперь смотри зорким глазом; иначе ты будешь терять и из своего стада. *(Эзоп.)*

8. Два товарища

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. – Делать было ему нечего – он упал на земь и притворился мертвым. Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, и отошел.

Когда медведь ушел, тот слезь с дерева и смеется: «ну что», говорит, «медведь тебе на ухо говорил?»

«А он сказал мне, что – плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают». *(Гр . Л. Толстой)* **.**

9. Лев и Лиса

Старый и дряхлый лев не мог ловить зверей и задумал жить хитростью: поселился в пещере и притворился больным. Между зверями разнесся слух, что царь занемог, и они стали его проведывать. Приходить наконец и лисица; осмотрелась, стала у входа в пещеру и спрашивает: «Как тебе можется, царь? – «Плохо, отвечает лев; но что ж ты не войдешь?» – «Да оттого, что следов-то к тебе много, а от тебя ни одного не видать».

10. Догадливый скворец

Томимый жаждой скворец нашел в поле забытый пахарем кувшин, который до половины быль наполнен водой. С какой стороны ни зайдет скворец, как ни нагнется, а все никак не может напиться. Попробовал было повалить кувшин, но не хватило силы. Наконец он напал на счастливую

догадку: стал носить в кувшин камешки. Когда дно кувшина застлалось толстым слоем камней, – вода поднялась, и скворец утолил жажду. *Терпение и труд – все перетрут.*

11. Три золотых рыбки

У одного хозяина в маленьком пруду, который был соединен с большим, было три золотых рыбки, которыми он ежедневно любовался, принося им корму. Хозяин каждый раз напоминал рыбкам, что не следует выходить в большой пруд и выплывать в его отсутствие на поверхность, но рыбки не понимали его. Наконец он решил вразумить своих любимиц страхом: когда какая-нибудь из рыбок подплывала к большому пруду или выходила на поверхность, он бил по воде палкой. Рыбки поняли желание хозяина, но две из них сговорились не повиноваться ему. «Мы», говорили они, «не видим никакой причины этим строгостям». Одна из непослушных зашла в большой пруд и была проглочена щукой, а другая всплыла на поверхность и сделалась добычею чайки. Послушная же осталась цела и жила долго и спокойно.

12. Олень и Виноградник

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники приметили, что листья шевелятся и думают: «не зверь ли тут под листьями» – выстрелили и ранили оленя.

Олень и говорит, умирая: «поделом мне за то, что я хотел съесть листья те самые, какие спасли меня».

(Гр. Л. Толстой).

13. Гусь

Перья одного гуся были белы, как только что выпавший снег. И гусь вообразил, что ему приличнее быть лебедем, чем гусем. Он отделился от других гусей и стал плавать одиноко. Подражая лебедям, он то вытягивал шею, изо всех сил стараясь скрыть, что она коротка, то старался придать своей шее тот прекрасный изгиб, от которого у лебедя является гордая осанка. Но все было напрасно: шея была все также коротка и недостаточно гибка, и все старания гуся привели к тому, что он оказался очень смешным гусем, а лебедем так и не сделался.

(*Лессинг).*

14. Муравей и Голубка

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна за- хлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она *увидела,* что муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к

охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела. *(Толстой).*

15. Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «и от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. – Давайте утопимся».

И поскакали зайцы в озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц и говорит: «стойте, ребята! Подождем топиться; вот лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся».

16. Лисица и журавль

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах. Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «приходи, куманек! приходи, дорогой! уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «покушай, мой голубчик – куманек! сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает! а лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала. Каша съедена; лисица и говорить: «не обессудь, любезный кум! больше потчевать нечем». – «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости». На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорить: «кушай, кумушка! право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет, и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все не поел». «Ну, не обессудь, кума, больше угощать нечем». Взяла лису досада: думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось. С тех пор и дружба лисы с журавлем врозь.

(Из собрания народных сказок.).

17. Мужик и медведица

Как весенней полной порой, из-под утренней белой зорюшки, что из лесу, лесу дремучего, выходила медведица, с малыми детушками – медвежатами, поиграть-погулять, себя показать. Села медведица под березкой; стали медвежата промеж себя играть, обниматься, бороться, да кувыркаться. Отколь ни возьмись мужик идет: он в руках несет рогатину, а нож-то у него за поясом, а мешок-то у него за плечами. Как завидела медведиха мужика с рогатиной, заревела медведиха, стала кликать

детушек, глупых медвежат своих: «Ах вы детушки, медвежатушки! Перестаньте валяться, обниматься, кувыркаться! Становитесь, хоронитесь за меня. Уж я вас мужику не выдам, а сама мужика съем, проглочу!». Медвежатушки испугались, за медведиху побросались; а медведиха осерчалась, на дыбы поднималась. А мужик-то он догадлив был, он пустился на медведиху, он сажал в нее рогатину. *(А. Пушкин.)*

18. Стариково великое горе

Жил-был старик со старухой, у них была курочка рябушечка; снесла рябушечка первое яичко в куте перед печкой, под самым окошком; пестро-востро-костяно-мудрено.

Положила старуха яичко на полочку, мышка бежала, хвостиком вильнула, полочку свернула, яичко скатилось, об пол разбилось. Старик плачет, старуха рыдает, курочка кудахчет, огонь в печи пылает, двери скрипят, сор под порогом вскружился, тын покосился, ворота хлопают, щепы в поле летят. Сбежались соседи: – что, что?

Старик говорит: «вот так и так, наша курочка рябушечка снесла яичко, пестро-востро-костяно-мудрено. Положила старуха яичко на полочку, мышка бежала, хвостиком вильнула, полку свернула, яичко скатилось, об пол разбилось; я, старик, плачу, старуха рыдает, курочка кудахчет, огонь в печи пылает, двери скрипят, сор под порогом вскружился, тын покосился, ворота хлопают, щепы в поле летят!». Как услыхали соседи про стариково горе, так развели руками и ну вопить на все село.

Сбежалось село: что, что?

Старик говорит: «вот так и так, наша курочка рябушечка, снесла яичко пестро-востро-костяно-мудрено. Положили яичко на полочку, мышка бежала, хвостиком вильнула, полку свернула, яичко скатилось, об пол разбилось! Я, старик, плачу, старуха рыдает, курочка кудахчет, огонь в печи пылает, двери скрипят, сор под порогом вскружился, тын покосился, ворота хлопают, щепы в поле летят, соседи на все село плачут, руками машут!». Тут заголосило все село в голос, стало рвать на себе волос, тужить по стариковом великом горе. *(Из Первой Первинки Даля.)*.

19. Бабушкин козлик

Жил-был у бабушки козлик, да такой прыткий, что и удержу на него не было: вырастет ли на деревне молодое деревцо, все с верху до низу обдерет и огложет, и ветви поломает, и листья поест. Побьют козла и приведут к бабушке, а бабушка: «Ах да ох!» пожурит козла, побранить козла, да запрет в хлевушок. А козел и ухом не ведет! вышибет дверь рогами и пойдет гулять да куролесить по огородам, не столько

проест, сколько перетопчет. Изловят козла, приведут к бабушке, а бабушка: «Ах да ох»!» пожурит козла, да запрет в хлевушок. Васька козел и ухом не ведет, вышибет дверь рогами и пойдет гулять да куролесить. Вот разбесился он, разбодался, народ опять поймал его, побил, да и ведет к бабушке на расправу, а бабушка: «Ах да ох!» пожурила козла, побранила козла, отдала его пастуху на руки, а сама козлу приговаривает: «уж ты, козлик мой, уж, серенький, смирненько в стаде пасись, по долам, по горам не носись, в лес не ходи, там тебя волки съедят!». Васька козел и ухом не ведет, все стадо перебодал и пошел скакать по долам, по горам, насилу к ночи домой вернулся. Пришел пастух на козла к бабушке с жалобой, стала бабушка пастуха укланивать, умаливать, стала пастуха задабривать; вынесла ему криночку молока да кусок пирога. На утро погнал пастух стадо, погнал и козла, а бабушка козелку приговаривает: «уж ты, козлик мой, уж ты, серенький, ты смирненько в стаде пасись, по долам, по горам не носись, в лес не ходи, в лесу волки съедят!». А Васька и ухом не ведет! все стадо разогнал и пошел гулять по горам, по долам, по дремучим лесам; увидали козлика серые волки, и съели козлика волки, покинули рожки, да ножки, да голые копытца.

(Из Первой Первинки Даля.).

20. Журавль в небе не добыча

Жил-был мужичок без земли, без пашни, без кола, без двора, без скотинки, словом, как есть бобыль. Голод морит, по свету гонит, говорит пословица; нанялся бобыль к богатому мужичку в работники; дело учит, дело мучит, дело и кормить; сыт наш бобыль и одет и в угреве, а все своя воля на уме. Идет он раз полем, и видит под кустом лежит заяц; вот он поднял булыжник и думает: «это мне клад дается, убью я зайца, продам его, а на деньги куплю поросеночка; выкормлю поросенка, станет он свинкой, свинка та же скотинка, свинка моя выведет двенадцать поросят, поросенок вырастет, большой свиньей будет, каждая свинья выведет по двенадцати поросят, и будет у меня стадо во сто сорок и пять свиней; тут то обзаведусь я своим домком, сосватаю лучшую девку на деревне, и заживет она у меня барыней; старшего сына назову Иваном, подстаршего Тимофеем, среднего Дорофеем, малого Еремеем, подмалого Андреем; станут сынки расти, как грибки, я их на работе не умучу, найму работников, а сыновья станут за батраками надсматривать, а я из окошка на двор поглядывать, да порядки чинить: Андрей, Еремей, Дорофей, Тимофей, Ванюшка, что балуете, дела не делаете, за работниками не приглядываете, аль в бедности не живали? Вот я вас!». Бобыль наш так крикнул, что заяц проснулся, вскочил и дал тягу. «Вот те на! сказал

мужичок, почесываясь, вот те и свинка с избой, и хозяюшка с Ванюшкой и с Андрюшкой, с Тимошей и Дорошей, и с Еремушкой!». И пошел своим путем все тем же бобылем.

(Из «Первой Первинки» Даля.).

21. Лиса

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужичку и просится: «хозяин, пусти меня ночевать». Он говорит: «некуда, лисанька, тесно». – Да много-ли мне нужно места! я сама на лавку, а хвост под лавку. – Пустили ее ночевать, она и говорить: «положите мой лапоток к вашим курочкам». Положили; а лисанька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть; ей хозяева говорят: «лисанька, ведь он пропал!» – Ну отдайте мне за него курочку. – Взяла курочку, приходить в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили б к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее гуська. Приходить в новый дом, просится ночевать и говорит, чтобы ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом. Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам. Ночью лисанька украла и барашка, а по утру требует, чтобы за него отдали ей бычка. Всех: и курочку, и гуська, и барашка, и бычка она передушила, мясо припрятала, а шкурку бычка набила соломой и поставила на дороге. Идет медведь с волком, а лиса говорит: «подите, украдите сани да поедемте кататься». Вот они украли и сани и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит: шню, шню! бычок – соломенный бочок, сани чужие (или не наши), хомут не свой, погоняй не стой! Бычок нейдет. Она выпрыгнула из саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка, рвали–рвали: видят, что одна шкурка да солома, покачали головами и разошлись по домам. (Из *собр. народ. сказ.)*

22. Ворона

Жила-была у нас на Руси ворона, и жила она у нас не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки пичужки, свили гнезда в горах и долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек; подметила это ворона, и ну перелетных птиц обижать, у них яички таскать! Летел сыч и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает. «Постой, говорит он, негодная ворона, найдем на тебя суд и расправу!». И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу, прилетел и просит: «Батюшка, сизой орел, дай нам свой праведный суд на

обидчицу ворону; от нее житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнезда зорит, детенышей крадет, яйца таскает, да ими своих воронят питает!».

Покачал сизый орел головой и послал за вороной легкого, меньшего своего посла воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной: она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну ее щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать, каркнула и полетела, а все птицы взвились, на улику следом за ней понеслись. Вот и прилетели они к орлову жилью и обсели его, а ворона стоит посреди, да обдергивается перед орлом, охорашивается.

И стал орел ворону допрашивать: – «Про тебя, ворона, сказывают, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детенышей да яйца таскаешь?

– Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

– Еще про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засевать, так ты подымаешься со всем своим содомом, с гальем, с вороньем, и ну семена клевать.

– Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина! Я с подружками, с малыми детками, с чадами, домочадцами только червячков из свежей пашни таскаю!

– А еще на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут, да снопы в копны сложат, то ты налетишь со всем содомом своим, со всей чернью, гальем, вороньем, и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

– Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина! мы это все ради доброго дела, по благостыне своей помогаем, копны разбираем, солнышку да ветру доступ даем, чтобы хлебушка не пророс, да зерно просохло!

Рассердился орел на старую врунью ворону, велел ее засадить в острог, в решетчатый теремок, за железное засовье, за булатные замки – там она сидит и по сей день!

(Из «Первой Первинки» Даля) **.**

23. Правда и кривда

Жили два купца: один кривдой, другой правдой: так все и звали их: одного Кривдой, другого Правдой. «Послушай, Правда!» – сказал раз Кривда: ведь кривдой жить на свете лучше!» – «Нет!» – «Давай спорить!» – «Давай!» – «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трех встречах нам скажут, что жить правдой лучше, то все твои корабли; а если кривдой, то мои». – «Хорошо!» Плыли они, много-ль, мало-ль – встретился

им купец. «Послушай, господин купец, чем на свете жить лучше: кривдой или правдой?» – «Кривда лучше!» Плывут они дальше, много-ль, мало-ль, и встречается им мужичок. «Послушай, добрый человек, чем на земле лучше жить: кривдой или правдой!» – «Кривдой!» На третьей встрече им сказали то же самое.

Отдал Правда три корабля Кривде, вышел на берег и пошел тропинкой в темный лес. Пришел он в избушку и лег под печку спать. Ночью поднялся страшный шум, и вот кто-то и говорить: «А ну-тка, похвалитесь! кто из вас нынче гуще кашу заварил?» – Я поссорил Кривду с Правдой! – Я разорил мельницу! – Я смутил человека убить! – А я напустил семьдесят чертенят на одну царскую дочь; а вылечит ее тот, кто сорвет жар-цвет!

Как ушли они, Правда вышел и запрудил мельницу, не дал убить человека, достал жар-цвету и вылечил царевну. Подарил ему царь пять кораблей, и поехал он домой. На дороге встретил Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросил у него все, как что было, да и залег ночью под печку в той же избушке. Слетелись духи и начали совет держать: как бы узнать того, кто испортил им все дела? Подозревали они самого из них негодного. Как стали его бить да щипать, он бросился под печку, да и вытащил оттуда Кривду. «Я –Кривда!» – говорит купец чертям, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкие кусочки.

Так и выходит, что правдой – то жить лучше, чем кривдой. *(Народн. сказка.)*.

24. Морозко

I. У мачехи была падчерица, да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «умница!», а падчерица как ни угождает, ничем не угодит – все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото; в хороших руках она как сыр в масле купалась бы, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть шумит да затихнет, а сварливая баба расходится – не скоро уймешь: все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать. «Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле, на трескун-мороз!» Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку в сани, хотел прикрыть попонкой, и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтобы глаза не видали дочериной смерти.

II. Осталась бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает, поскакивает да пощелкивает. Вот очутился он на той сосне,

под коей девица сидит; пощелкивает, поскакивает, на красную девицу поглядывает: «девица, девица, я Мороз-красный-нос!»

– «Добро пожаловать, Мороз! Знать Бог тебя принес по мою душу грешную!» – «Тепло-ли-те, девица?» – «Тепло, тепло, батюшка-Морозушко!» Стал Морозко ниже спускаться, больше потрескивать и чаще пощелкивать, и спросил опять девицу: «тепло-ли-те, девица? Тепло ли-те, красная?» Девица чуть дух переводит, но еще говорит: «тепло, Морозушко, тепло, батюшка!» Пуще затрещал и сильнее защелкал Морозко, и сказал девице: «тепло-ли-те, девица? тепло-ли-те, красная? тепло-ли-те, лапушка?» Девица окостенела и чуть слышно сказала: «ой, тепло, голубчик-Морозушко!»

III. Полюбились Морозке ее ласковые речи: он над ней сжалился и окутал ее шубами, отогрел одеялами, да принес ей сундук и высокий, и тяжелый, полный всякого приданого, а потом подарил ей платье, шитое серебром и золотом. Надела она его и стала какая красавица! какая нарядница! Сидит и песенки попевает. А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить дочь свою». Старик поехал. А собачка под столом: «тяв! тяв! старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» – «Молчи, дура! на́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «тяв! тяв! старикову дочь в злате, в серебре везут, старухину женихи не берут!». Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!».

IV. Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица в золоте да в серебре – так и сияет! Мачеха глянула – и руки врозь: «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повез старик на то же поле, посадил на то же место. Пришел и Мороз-красный-нос, поглядел на свою гостью и стал ее спрашивать: «тепло-ли-те, девица?» – «Убирайся ты!» – отвечала ему старухина дочь: «или ты ослеп, – не видишь, что у меня руки и ноги окостенели». Попрыгал, поскакал Морозко, а хороших речей не дождался, рассердился, хватил ее и убил. – «Старик, сту-пай мою дочь привези: лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» – А собачка под столом: «тяв, тяв! старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке кости везут!» – «Не ври! на пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!» – Растворились ворота, старуха выбежала встречать дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила да поздно.

25. Сказка о рыбаке и рыбке

I. Жил старик со своей старухой
У самого синего моря.
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года;
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одной тиной;
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской;
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с золотой рыбкой,
С непростой рыбкой, с золотой.
Как взмолится золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь, чем только пожелаешь!»

II. Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхал, чтобы рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобой, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

III. Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогой ценой откупалась:
Откупалась, чем только пожелаю;
Не посмел я взять с нее выкуп,
Так пустил ее в синее море».

IV. Старика старуха забранила:

Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял с нее корыто:
Наше-то совсем раскололось!»
Вот пошел он к синему морю.
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку;
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Будет вам новое корыто».
V. Воротился старик ко старухе:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится;
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Так и быть; изба вам уж будет».
VII. Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа:
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичной беленой трубой,
С дубовыми, тесовыми вороты. [3]
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовой дворянкой!»
VIII. Пошел старик к синему морю:

Неспокойно синее море:
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть крестьянкой,
Хочет быть столбовой дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!»
IX. Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем;
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка [4] ;
Жемчуга окружили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки;
Перед ней усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорить старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня-сударыня-дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?»
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.
X. Вот неделя-другая проходит;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонись рыбке:
Не хочу быть столбовой дворянкой,
А хочу быть вольной царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь –
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.

«Как ты смеешь, мужик, спорить со мной,
Со мной, дворянкой столбовой?
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут по неволе!»
XI. Старик отправился к морю.
Почернело синее море.
Стал он кликать золотую рыбку;
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольной царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Добро! будет старуха царицей!»
XII. Старик к старухе воротился.
Что ж? Перед ним царские палаты:
В палатах видит он свою старуху.
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг стоить ее грозная стража,
На плечах топорики держать.
Как увидел старик, испугался,
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика в зашей затолкали,
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«По делом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:

Не садись не в свои сани!»
XIII. Вот неделя–другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает.
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонись рыбке:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морской,
Чтобы жить мне в океане-море ,
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была бы у меня на посылках».
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слово молвить.
XIV. Вот идет он к синему морю;
Видит: на море черная буря –
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют;
Стал он кликать золотую рыбку:
Приплыла к нему рыбка, спросила:
"Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Что мне делать с проклятой бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морской,
Чтобы жить ей в океане-море,
Чтобы ты сама ей служила,
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула –
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа.
Не дождался, к старухе воротился....
Глядь: опять перед ним землянка,
На пороге сидит его старуха,
А перед ней разбитое корыто.
(Пушкин).

ЛЕГЕНДЫ [5]

26. Малиновка

Было время, когда эта красивенькая, маленькая птичка была одного серого цвета. В тот ужасный день, когда Господь наш Иисус Христос был распят на кресте, солнышко не освещало земли, небо, покрытое тучами, не пропускало света; ветер дул сильно, точно перед бурей, и маленькая птичка в испуге летала с одного дерева на другое, отыскивая место, где бы укрыться от непогоды. В беспокойстве, видя, что становится все темнее и темнее, малиновка поднялась на высокую гору и там увидала три креста. На одном из них был распять Сын Божий. Долго летала птичка около этого ужасного места, не зная, чем облегчить страдания Христа. – «Чем могу я доказать мою любовь и благодарность Избавителю, я – такое ничтожное творенье?» У распятого Спасителя был надет колючий терновый венец, причинявший Ему такую боль, что кровь виднелась на Его светлом челе. – «Боже милосердный»! просила малиновка: «помоги мне хоть чем-нибудь убавить боли Твоему распятому Сыну!» Она робко подлетела к голове Спасителя и мало-помалу своим тоненьким носиком выклевала один терний из венца. – «Все-таки», подумала она радостно, «теперь будет меньше одним уколом, и я могла хоть чем-нибудь доказать Спасителю любовь и благодарность за милости Его к маленькой, слабенькой птичке». И в этот час ее грудка получила тот прекрасный цвет с отливами, который так красит и поныне эту маленькую птичку.

27. Незабудка

Я хочу поговорить с вами о цветочках, особенно об одном маленьком голубом цветочке, с золотистым венчиком, точно сердечком – в середине; цветочек этот называют незабудкой. Когда я была еще маленьким ребенком, то, гуляя с няней в обширном парке, окружавшем наш сельский дом, всегда надолго останавливалась около широкой канавы, отделявшей парк от темного бора; по краям этой канавы росло множество самых крупных, самых прелестных незабудок. Я не могла насмотреться на них, не могла на них нарадоваться; мне казалось, что незабудки смотрят на меня своим лазоревым взором и говорят: «не позабудь меня!»

– Не говорят ли цветы? спрашивала я иногда свою няню. Няня моя была старушка, малороссиянка, необыкновенно добрая, простая сердцем и глубоко набожная. Она любила слушать Священное Писание и знала много занимательных рассказов религиозного содержания. На повторяемые мои вопросы, не говорят ли когда цветы, раз

она ответила мне.

– Да, рассказывают благочестивые люди, что однажды цветы говорили и лучшее слово сказал твой любимый лазоревый цветок.

– Расскажи, няня, что это за слово сказала незабудка?

– Изволь, друг сердечный, отвечала няня, горячо любившая меня, слушай и не балуй, пока буду говорить.

Я смиренно уселась подле няни на мягкой траве, около канавы, и, не спуская глаз с окружавших нас незабудок, слушала следующий рассказ. «Когда Господь Бог», начала, перекрестясь, няня, «сотворив мир, почил от трудов Своих, то позвал к Себе первого человека – Адама, и при нем дал имя каждому животному; потом поставил перед Собой рядами все растения, стал посреди них и каждому дереву, цветку, травке, былинке говорил подряд его название и для чего оно назначено, до тех пор, пока они упомнили все. Только один цветочек стоял безмолвно в большом смущении. Подняв на великого Творца свои голубенькие глазки, и открыв ему свое, золотое сердечко, он в блаженном восторге все позабыл, кроме Создателя, и не мог ничего запомнить.

Опустив к земле цветы и бутончики, голубой цветочек залился румянцем смущения и умоляющим голосом пролепетал: «Господи! Отец всего создания, прости меня: я не мог оторвать от Тебя своих взоров и позабыл самого себя. Если Тебе угодно будет повторить мое название, я никогда его не забуду. Творец неба и земли, видя у ног своих цветочек, с любовью взглянул на него и произнес: – «Вины нет в том, что ты забыл самого себя. Меня ты только не забудь!» и удалился. Цветок так и остался в блаженном состоянии божественного восторга, сделался любимцем всех и каждого, вот как и тебя, сказала обратясь ко мне няня. Господь наградил его за любовь к Себе прекрасным именем *незабудки.* Вложи и ты в свое детское сердце завет Господа, данный незабудке: «Меня ты только не забудь!»

28. Чудесный мальчик

Поздно вечером, накануне Рождества, лесом возвращался крестьянин домой из города. Там он своим деткам купил для праздника каравай хлебца. А то бедняжки питались одной почти корой. Был сильный мороз. На небе светила луна. Вдруг он видит: в сугробе, прислонившись к дереву, стоит полуодетый, почти окоченелый от стужи мальчик и согревает руки своим дыханием. Крестьянин снял с себя шубу, одел мальчика и привел к себе в избу. Домашние обласкали гостя. Потом семья, помолившись, села за стол, где был поставлен хлеб с водой. Хозяйка посадила гостя около себя, начала резать хлеб и первый кусок подала мальчику. «Благословен

убогих дар», со слезами промолвил отрок принимая хлеб. Хозяйка продолжает резать каравай, но хлеб все цел, не убывает... Вдруг необыкновенный свет озарил хату. Изумленная семья глядит на гостя – он весь преобразился: на месте оборванного мальчика сидел в белоснежной одежде светло-крылатый, прекрасный, как рай, ангел.

Он встал, благословил семью и исчез.

С тех пор под кровом этих добрых бедняков воцарилось полное довольство и благоденствие. С тех пор поныне то место за столом в избе крестьянина, где когда-то, в образе нищего мальчика, беседовал Божий ангел, остается во время обеда и ужина не занятым.

– То место свято, говорит, набожно крестясь, хозяин, там ангел был.

Отдел Первый

Человек

1. Сыновняя любовь

Один мальчик бежал через улицу. Вдруг наезжает телега. Мальчик споткнулся и попал под телегу; колесо переломило ему ногу. Бедняжку принесли домой. Мать его была больна и, когда услыхала стон сына, соскочила в испуге с постели и упала без чувств. Мальчик сейчас же перестал стонать, и пока ему вправляли и перевязывали ногу, ни разу не крикнул. «Разве тебе не больно?» – спросил наконец его доктор. «Даже очень больно!» – шепотом ответил мальчик: «но я не хочу, чтобы мама знала об этом, так как её очень огорчает моя болезнь».

2. При солнышке тепло, при матери добро

Забежал Коля к соседу и увидал, что у него в доме нехорошо: дети грязны, в изорванных рубашонках, с не расчесанными головками. Меньшие валяются по грязному полу, двое других дерутся, а старшенький лежит болен, и некому за ним присмотреть. Вспомнил тут Коля, что у соседа недавно жена умерла, вспомнил и свою мать, побежал домой и крепко обнял родимую.

3. Молитва матери

I. «Служил я у одного богатого купца», – рассказывал один крестьянин; «хозяин мой торговал хлебом: свои барки ходили по Волге, я и состоял при барках».

«Раз на перекате у Костромы нас застала ночь, да такая бурная, ненастная. Течение там быстрое, судно наше так и несло на самое высокое место на перекате. Видим, – беда неминучая, а справиться не можем. Только хотели было отвернуться от мели, как ветер налетел да двинул барку; ударилась она со всего размаху, только дно затрещало. Мы бросились в воду. Холодная волна набежала и окатила мне голову; пробовал плыть, да мочи нет... «Ну, думаю, смерть пришла!»

II. «И вспомнил я тут про старуху мать, что в деревне осталась, и так мне стало жаль ее, так страшно было помирать, что я в голос заплакал: «Матушка, помолись, умираю!»

«И чудное дело: точно у меня силы прибавилось, стал я шибче руками работать; вижу – бревно плывет; я ухватился за него, да за ним до берега и добрался».

III. «Приезжаю домой на праздники, а матушка мне и сказывает, что на Фролов день она всю ночь не спала. – «Лежу, говорит: вдруг кто-то в окно стукнул, и слышу твой голос: «матушка! умираю!» потом опять.

Ужас меня взял, зажгла я свечу перед образом и стала на молитву».

– «А беда-то со мной случилась как раз на Фролов день».

IV. «Мать, ведь, что солнышко, – и греет, и радует, *а молитва ее до самого Господа Бога доходит».*

4. Колыбельная песня

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани!
В няньки я к тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой,
Солнце скрылось под горой;
Ветер после трёх ночей
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны все гонял?» –
Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых:
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал.
(Майков).

5. Дорогая могила

I. Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный: окружавшие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу; два, три ощипанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам...

II. Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре. Железная ограда ее окружает; две молодые елки посажены по обоим ее концам... К ней, из из недалекой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка – муж с женой.

III. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшей походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго, и горько плачут, и долго, и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня, да

ветку ели поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... *(И. Тургенев)*.

6. Отцовские труды

Мы-то, детки, день-деньской кирпичи таскали,
И под нашей рукой стены вырастали.
Мы рубили топором – глядь и вышла хата!
Вспоминай-ка нас добром, да живи богато.
Мы изъездили поля с матушкой сохой,
И покрылась земля рожью золотой.
Хлеб-кормилец, теплый дом – к сроку все приспело:
Вспоминайте нас добром: это ваше дело.
Будь же умницей, родной, честью заработай,
Так и черный хлеб свой съешь ты тогда с охотой.
(Водовозова).

7. Малые сиротки – Божьи детки

Ясно солнышко
Закатилось;
Светла месяца
Не видать нигде;
Часты звездочки
В туче спрятались,
И темным-темна
Ночь осенняя!
Трудно в свете жить
Сиротинушке,
Без родимого
Отца-батюшки,
Без родимой
Своей матушки,
Без братьев, сестер...
Как есть круглому!

8. Сиротка

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
«Боже!» говорил малютка,
«Я прозяб и есть хочу;

Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?»
Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,
Приютила и согрела,
И поесть дала ему,
Положила спать в постельку.
«Как тепло!» промолвил он:
Закрыв глазки улыбнулся
И заснул... Спокойный сон!
Бог и птичку в поле кормит
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Не оставить также Бог.
(Плещеев).

9. С миру по нитке – голому рубашка

Поступил сиротка Гриша в школу. Был он мальчик тихий, скромный, прилежный. Не было у Гриши отца и матери, жил он у чужих людей. Некому было купить Грише книжечку, тетрадку, доску и ничего-ничего не было у Гриши, что необходимо всякому школьнику. Гриша плакал, когда не знал урока, или не написал заданной письменной работы; между тем ему не по чем было учить и не на чем писать. Тяжело было Грише, что он начал отставать от товарищей.

Товарищи любили Гришу, а больше всех любил друг его Степа. Раз Степа и говорит товарищам в школе: «Ну-ка, ребятки, сложимся по грошу да купим Грише книжку: он ведь сирота: ему некому купить». Степа с шапкой обошел своих товарищей, и копеечки, трешники, посыпались в шапку. Набрали полтину денег и купили Грише книжку, доску, грифель. Гриша теперь обзавелся всем и стал хорошим учеником и добрым товарищем для всех.

10. Приглашение к труду

Дети! надобно трудиться:
Бог нас создал для труда;
Ах! от праздности родится
Много горя и стыда.
Тот кто хочет доброй славы,
Должен хлеб свой в поте есть;
Не за игры и забавы
Достается людям честь.

Дети! дети! не ленитесь!
Труд всегда приносит плод:
Будешь смолоду трудиться –
Встретишь старость без забот.
(Г *рот).*
11. Рукодельная песня
Ну, подруженьки, скорее!
Солнце красное взошло.
За работу мы дружнее!
Пока время не ушло.
Помолись, потрудись,
Только знай не ленись!
Без нужды проживёшь,
Да добра наживёшь.
Чтоб добра себе прибавить,
Надо в жизни работать,
Все самим уметь исправить
И другим не докучать.
(Кн. Одоевский).
12. Нужда и труд
Дайте грабли, лопату, топор или лом.
Или серп для жнитва отточите,
Или косу давайте вы мне для косьбы.
Или цепь, – или что вы хотите!
И сильна, и крепка будет эта рука,
И ко всякой работе привычна,
Потому что нужда, в тяжкой жизни труда,
Нас работать учила отлично... *(Жуковский).*
13. Приглашение в школу
Дети, в школу собирайтесь! петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь! смотрит солнышко в окно.
Человек и зверь, и пташка – все берется за дела;
С ношей тащится букашка; за медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг; лес проснулся и шумит;
Дятел носом: тук, да тук! звонко иволга кричит...
Рыбаки уж тащат сети; на лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети! Бог лениться не велит.
(Из Р. Сл.).
14. Старый Петр

Старый Петр стучит да тычет,
Да колотит в мастерской;
Под нос песенку мурлычет
И трудится день-деньской.
«Грех и жить-то без работы,
На грехи наводит лень;
Поработай до субботы,
Отдохнешь в воскресный день.
Пару добрых рук в наследство
Получил я от отца,
И живем на эти средства
Мы по милости Творца.
Только знай себе работай,
Душу на Бога возложь;
О грядущем дне заботой
Втуне сердца не тревожь,
И гляди вперед без страха.
Черный хлеб не нищета,
А посконная [6] рубаха –
Далеко не нагота».

15. Самые лучшие приправы к обеду

Знатный [7] и богатый господин охотился в лесу, устал и зашёл отдохнуть в избушку лесника. В это время дети лесника сидели за столом. Перед ними стояла чашка с овсяным киселём, и лежал грубый черный хлеб. Дети с большим удовольствием ели то и другое, и были здоровы и румяны, как маков цвет.

– «Не понимаю, – сказал охотник леснику, – как это ваши дети едят с таким удовольствием [8] такую грубую пищу и все так здоровы и румяны?»

Лесник отвечал охотнику: «Это происходит от того, что обед я ежедневно приправляю тремя пряностями [9] : во-первых, дети мои весь день работают и трудом зарабатывают себе пищу; во-вторых, они всегда садятся за стол голодными, так как вплоть до самого обеда я не даю им ничего есть; в-третьих, дети мои привыкли к умеренности в еде и не знают никаких лакомств».

16. Награда

Однажды ехал по своему селу помещик и увидал старика, который пересаживал в саду маленькие деревца.

– Сколько тебе лет, старик? – спросил его помещик.

– Минуло 80, – ответил старик, – но Бог даль мне крепкое здоровье,

так что я могу еще трудиться.

– А долго ли ты думаешь еще жить, что садишь эти деревья? Дождешься ли ты плодов от них?

– Я и не думаю о том, – ответил старик, – я или кто другой будет пользоваться плодами их. Я делаю так, как делал мой отец, который садил деревья уже в старости, а если бы он не посадил, я не попробовал бы ни яблочка, ни груши. Почему же я должен быть хуже для детей моих, чем был мой отец для меня?

– Ну, так что ж тебе с этого? – спросил помещик.

– Я буду рад, – отвечал старик, – что сделал доброе дело.

Это так понравилось помещику, что он вынул червонец и дал его старику.

– Видите, барин, – сказал старик: – вы говорили, что я не увижу плодов от этих деревьев, – а они уже в первый день принесли мне червонец.

Никогда не следует допытываться, на что и для кого мы делаем добро; будем делать его лишь потому, что оно добро, а награда за доброе дело придет рано или поздно. *(Наука 1883 г.).*

17. Здоровье и долголетие

I. В теплый осенний день на завалинке у своей избы сидел восьмидесятилетий старик. Голова его была бела, как снег, но лицо было здоровое, веселое, глаза живые, а руки, казалось, годились еще ко всякой работе. Тут же на дороге играли внуки и правнуки стариковы: здоровые, как рыжики, и румяные, что ягодки калиновые.

Подошел к старику молодой человек, недавно приехавший из города, и стал допытываться у него: как он дожил до таких лет и сохранил столько сил и крепости?

Старик и говорит ему: «От самых малых лет меня никогда не заставало восходящее солнце в постели. Я ложился спать, как только наступала ночь, которую Господь Бог дает нам для отдыха. Вставши с постели, я никогда не зевал, никогда не ленился, а работал усердно. *Работа крепила мое тело, а молитва крепила мой дух.* Я всегда был весел, так как всегда верил в Божью помощь».

II. А кто же тебя научил этому? – спросил молодой человек.

Старик встал и повел его в свой садик. Там между деревьями, погнувшимися от тяжести созревающих плодов, стояли рядами ульи с пчелами. «Вот на том да на этом учился я уму-разуму», сказал старик, указывая на деревья и на ульи. «Я садил, прививал, доглядывал деревья; они росли на моих глазах и веселили мое сердце. Я был между деревьями,

как между своими детьми; они учили меня, *как добр Господь Бог, как Он награждает человека за честные и полезные труды.* А маленькая мушка-пчелка учила меня *трудолюбию, бережливости и порядку* . Я прожил мой век в приятном труде, весело, и вырастил так моих детей и внуков».

18. Странничек

На работу, в дальни! путь
Плелся странничек убогий.
Притомился он с дороги,
Сел у хаты отдохнуть.
В двери глянула хозяйка,
Говорит: «Уснул, родной?
Вишь ты холод-то какой!
Что тут сел? В избу ступай-ка!
Не красна изба у нас,
А тепленька, слава Богу!
Обогрейся на дорогу –
Щец покушай, в добрый час».

19. Ответ боярина Шереметева

«Куда девалось твое имение?» спросил некогда царь Иоанн Васильевич у Шереметева, своего вельможи. – «Через руки бедных я препроводил его к Отцу небесному», отвечал он. – Вот самое лучшее употребление богатства, достойное истинного христианина и русского вельможи! (Из Дух. Цветн.).

20. Алтарь для жертвы

I. Один богатый юноша сделался очень болен и долгое время пролежал в постели, но наконец стало ему легче, и он выздоровел. Выйдя в первый раз в сад, он был, как бы новорожденный, полон радости и славословил Господа громким голосом, и в избытке благодарных чувств, обращая взоры и сердце свое к небу, произнес: «О Всеблаженный и Вседовольный! если бы человек мог что-либо воздать Тебе... о, как охотно отдал бы я все свое имение!»

II. Слова эти слышал один благочестивый старец и, подойдя к богатому юноше, сказал: «Благие дары нисходят свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, следуй за мной!»

Юноша последовал за благочестивым старцем, и они пришли в одну мрачную, полуразвалившуюся хижину, где встретили их ужасная нищета и горесть. Отец лежал больной, мать плакала, дети были наги и просили хлеба. Ужаснулся юноша. Тогда старец сказал ему: «Вот здесь алтарь для твоей жертвы! Это меньшие братья Господни». Юноша

дал щедрое пособие бедствующей семье, и утешенные несчастные благословили его и назвали ангелом Божьим.

Но старец, улыбаясь, сказал ему: «Так всегда: сначала обращай благодарный взор свой на небо, а потом на землю».

21. Нищий

Знавал я нищего: – как тень,
С утра, бывало, целый день
Старик под окнами бродил
И подаяния просил.
Но все, что в день ни собирал,
Бывало, в ночи раздавал
Больным, калекам и слепцам,
Таким же нищим, как и сам...
(Я. Полонский).

22. Божия копилка

I. Жил богач. Он помогал бедным, и все его очень любили. В комнате его была прибита к стене большая железная копилка, а над ней написано было золотыми буквами: «Божия копилка». Когда Господь посылал богачу какую радость: крестины, день ангела или другое что, тогда жена, бывало, скажет ему: «Бог дал нам всего вдоволь, пригласи полный дом гостей, пусть люди вместе с нами порадуются». – «А сколько же человек пригласить?» спрашивал он жену. – «Ну, хоть сорок человек», отвечала жена. Богач, бывало, подумает и скажет: «Знаешь, голубка моя, теперь очень много бедных людей, у многих деточки от голода плачут, не опять. Так не лучше ли пригласить к нам человек двадцать, а то, что́ пошло бы на вино и угощение других двадцати, я вкину в Божию копилку?» Так он обыкновенно и делал.

Прочитает или услышит, бывало, добрый человек о каком-нибудь несчастии: о пожаре, наводнении, о градобитии, – он тотчас скажет про себя: «Боже, ты сохранил меня от такого несчастия!» и снова бросит в копилку жертву благодарения.

II. Бывало, зайдет к богачу купец с товарами. Богач посмотрит того, другого товару и идет уже за деньгами. Вдруг нечаянно взглянет на копилку и скажет себе: «Стой, на что тебе столько? Можешь обойтись и половиной». И возьмет наполовину меньше всего; а то, что́ нужно было заплатить за другую половину, бросит в Божию копилку.

День за день, год за годом – на старости лет богача в копилке Божией собралась огромная сумма денег.

III. Перед смертью он созвал к себе стариков того села, где

жил, и сказал им: «Не отнимая у детей своих ни гроша, я собрал много добра на дело Божие; я меньше гулял, меньше разбрасывал, чем мог; то, что я намеревался пустить через горло свое или друзей моих, и то, что я хотел истратить на прихоти, вы найдете в этой Божией копилке».

VI. Открыв копилку, старики нашли в ней огромную сумму и прослезились от радости. Когда богач отдал Богу душу, люди величали его своим благодетелем. Память об этом добром человеке никогда не исчезнет на родине его: о нем веки-вечные напоминать будут потомству вышедшие из копилки Божией приют для детей, школа, больница и новая каменная церковь.

(Из «Науки» протоиерея Наумовича).

23. Скворец

I. У старичка-охотника был скворец, который умел говорить несколько заученных слов. К охотнику часто приходил сынишка его соседа послушать чудную птицу. Особенно нравилось ему, как старичок, бывало, спросит: «где ты, скворушка?» А скворец тотчас и крикнет: «здесь, дядюшка!».

II. Раз мальчик приходит, а охотника нет в комнате. И задумал плутишка украсть редкую птицу: схватил ее и проворно сунул в карман. Входит в комнату старик... Не видя скворца, он спросил: «где же скворушка?» – Здесь, дядюшка! – крикнул изо всей мочи скворец в кармане воришки.

24. Спесь

Ходить Спесь, надуваючись,
С боку на-бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено
А и зашел бы Спесь к отцу к матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился б Спесь во церкви Божьей,
Да пол не метен!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

(Гр. А. Толстой).

25. Дурное употребление богатства

I. У одного крестьянина близ Москвы был только небольшой участок

земли с садом, но он жил счастливо и семью свою содержал своими трудами; он был добр к людям, набожен, здоров и доволен. У него не только хватало на прежние и на все необходимые нужды, но он ежегодно мог еще откладывать несколько денег в запас на детей.

II. Однажды, при чистке своего колодца, он нашел в илу большой медный сосуд с золотыми и серебряными деньгами, Находка обрадовала его и он вообразил, что добыл истинное счастье.

III. С этой минуты он передал все полевые работы прислуге, стал одеваться богаче, чем позволяли его занятия, стал роскошно есть и пить, а наконец и играть; забыл Бога, не заботился о будущей жизни, тратил без толку деньги на все прихоти и пустые удовольствия и вовсе не думал, что он может когда-либо обеднеть и что такая жизнь и вредна, и грешна. Скоро случилось то, чего и нужно было ожидать.

IV. Через дурное употребление богатства он стал нищим. Все, что он имел, было продано с молотка. Здоровье его расстроилось от беспорядочной жизни, и в сердце его не осталось искры благочестия. В заключение, он утопился в том же колодце, в котором нашел клад.

Все гоняются за богатством, а оно губит многих.

26. Не завидуй чужому счастью

Тимофей пас чужих овец и получал за это такую грошовую плату, что не на что было купить сапог. Однажды, под вечер, когда он босой стоял у ворот постоялого двора, к дому подъехала господская карета. «Ведь бывают же такие счастливцы, что в карете разъезжают!» сказал Тимофей, с завистью поглядывая на богатый экипаж, – а наш брат не только пешком, изволь ходить босиком. Чем я, сиротинушка, прогневал Господа, что вечно должен маяться и по чужим людям скитаться? И за что такая милость Божья вот хоть бы этому барину?... Кабы с ним хоть на час поменяться, то-то бы счастье!» Едва он это сказал, как дверцы кареты растворились и из нее, с помощью двух слуг, вышел безногий калека. «С нами крестная сила!» воскликнул оторопелый Тимофей, перекрестился и без оглядки побежал в поле. С тех пор он не только никому не завидовал, но и на босоту свою более не жаловался.

27. На кого похож злословящий ближнего своего

Однажды некто из братии одного общежительного монастыря худо говорил пастырю о ближнем своем. Преподобный настоятель тотчас велел изгнать его, говоря: «не позволю, чтобы в обители был видимый и невидимый дьявол».

(Из «Лествицы» св. Иоанна, игум. Син. горы) **.**

28. Пастух и царский казначей

I. Был у одного царя казначей. Царь очень любил его и во всем доверял ему. Другие царские чиновники завидовали ему и задумали его погубить. Они узнали, что у казначея есть в доме комната, куда никто не ходит, кроме него. Узнали они, что комната эта всегда заперта, и ключ от нее казначей никогда никому не дает.

II. «У него там собраны сокровища из царской казны», подумали завистники, «царская казна у него на руках, царь ему доверяет, так утаить, сколько хочет, ему не трудно». И донесли царю, что казначей казну царскую обкрадывает и деньги хранить у себя в доме. Царь сам захотел узнать правду, пошел в дом к казначею и велел открыть ему двери той комнаты, про которую говорили ему завистники.

III. Казначей с радостью исполнил приказание царя, повел его и отпер дверь комнаты; царь увидал четыре голые стены, простой сосновый стол и скамью. На столе лежала старая котомка, какую носят пастухи, и пастуший рожок; а больше в комнате ничего не было. Удивился царь, и казначей сказал ему: «я был прежде пастухом, пас овец. Ты, государь, взял меня и дал мне высокую должность, но не забыл я, чем был прежде. Велика твоя милость, живу я в почете и роскоши, но много у меня забот и горя. Каждый день в этой комнате вспоминаю о прежней своей счастливой жизни, когда я был простым работником: никто мне тогда не завидовал, и не было у меня врагов».

29. Притча о яблоке

I. Однажды люди толковали о счастье: какое кому счастье суждено. Дело было не без зависти: больные завидовали здоровым, младшие – старшим, а особливо бедные – богатым. Бедные утверждали, что только и есть счастье, что в богатстве, и что если человек богат, то все ему нипочем.

II. Мудрец, выслушав все эти неразумные толки, рассказал следующую притчу.

Знавал я одного богача; жил он в раззолоченных палатах, носил тонкое, дорогое платье, сладко ел, сладко пил, каждый день у него на дому было словно пир какой. Однажды приехал к богачу в гости старый друг; давно уж они не видались; на радости богач сделал пиршество и созвал гостей. На столе были поставлены золотые и серебряные блюда, а в блюдах были дорогие яства; кубки также были золотые, а в кубках пенились заморские вина.

III. Долго сидели друзья за столом; ели и пили, и были веселы; лишь хозяин почти ничего не ел и не пил, хотя и вел потешную речь с своими гостями. Под конец обеда приезжий друг сказал богачу: «Нигде я не видал

такого богатства и такой роскоши, как у тебя; должно сказать, что нет человека счастливее тебя в целом свете».

IV. Богач вздохнул, взял с золотого блюда яблоко и подал его другу; яблоко было румяно и свежо на вид, но когда его разломили – в нем сидел червяк и точил его сердцевину.

Все гости с удивлением посмотрели на богача, а богач промолвил: «То, что это яблоко, то и я: с виду я счастлив, а никому незаметно, что червяк меня точит».

С этими словами богач развернул свое богатое платье, и все увидели, что на груди его была страшная, неизлечимая язва, которая называется раком и которая очень скоро сводить человека в преждевременную могилу.

30. Как приобрести смирение

Некоторого старца спросили: каким образом душа может стяжать [10] смирение? Он отвечал: если она будет смотреть только на свои грехи. Этот старец говорил: совершенство человека – смирение. *(Отечн. Епископа Игнат).*

31. Обоз
Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами;
Не возик и не воз: возище то валить.
Но чем сей барин-воз набит?
– Да пузырями. (*Дмитриев).*
32. Ворона и кувшин
Во всех почти делах догадка нам нужна.
Ворона бедная от жажды умирала,
И где-то на поле она
Кувшин с водой сыскала;
Но вот беда:
Низка для ней была в колодце том вода.
Как станешь пить? Нельзя ей влезть туда;
Кувшин велик – нельзя его Вороне сдвинуть,
Не только опрокинуть.
А надобно воды достать!
Вот стала камушки она в него бросать:
С краями наравне вода приподнялась –
И тут уже моя Ворона напилась.
(*Измайлов).*
33. Заяц на ловле
Большой собравшися гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле уложили –
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба! ты косой!»
Кричат ему: «пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
– «Вот, братцы», заяц отвечал:
«Да из лесу-то кто ж? все я его пугал
И вам доставил прямо в поле

Сердечного дружка».
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что зайцу дан клочок медвежьего ушка.
(Крылов).
34. Мирская сходка
В овечьи старосты у льва просился волк...
Но так как о волках худой на свете толк,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает, иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны;
Но против волка нет ни слова,
И волка велено в овчарню посадить.
– Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж верно были?
– Вот то-то нет! Овец то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.
(Крылов).
35. Пчела и мухи
Две мухи собрались лететь в чужие края
И стали подзывать с собой пчелу:
Они обиделись, что их на родине своей
Везде гоняют из гостей.
«Путь добрый вам», пчела на это отвечала,
"А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала –
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите, –
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будут вам
И там.
(Крылов).

36. Собака и лошадь

У одного крестьянина служа,
Собака с лошадью считаться как-то стали:
«Вот», говорит Барбос: – «большая госпожа!
По мне хоть бы тебя совсем с двора согнали. Велика вещь – возить или пахать!
Об удальстве твоем другого не слыхать;
И можно ли тебе равняться в чем со мной?
Ни днем, ни ночью я не ведаю покоя:
Днем стадо под моим надзором на лугу,
А ночью дом я стерегу».
– «Конечно», лошадь отвечала:
– «Твоя правдива речь;
Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».
(*Крылов).*

37. Крестьянин и змея

К крестьянину вползла змея
И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я,
И кожу нынешней весной переменила».
Однако ж мужика змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».
И вышиб из соседки дух.
(Крылов).

38. Лошадь и осел

Добро, которое мы делаем другим,
В добро послужить нам самим;
И в нужде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.
Случилось лошади в дороге быть с ослом.
И лошадь шла порожняком,
А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под ней задавило.
«Нет мочи!» говорит, «я, право, упаду,
До места не дойду».

И просит лошадь он, чтоб сделать одолжение –
Хоть часть поклажи снять с него.
«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье»,
Он лошади сказал. –
«Вот! чтоб я с ношей ослиной таскалась!»
Сказала лошадь и помчалась.
Осел дотуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
С ослиной кожей была принуждена.
(Хемницер).

39. Мартышка и очки

Мартышка в старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло не так большой руки:
Лишь стоит завести очки.
Очков с полдюжины [11] себе она достала:
Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть!» говорит она: «и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Все про очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.
(Крылов).

40. Камень и червяк

«Как расшумелся здесь! Какой невежа!»
Про дождик говорит на ниве камень лежа:

«А рады все ему, пожалуй – посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шел часа два-три.
Пускай же обо мне расспросят:
Так я уж веки здесь! тих, скромен завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросят;
А не слыхал себе спасибо никогда.
Не даром, право, свет поносят:
В нем справедливости не вижу я никак».
– «Молчи!» сказал ему червяк:
«Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил,
А ты на ниве сей пустое только бремя».
Так хвалится иной, что служит сорок лет;
А проку в нем, как в этом камне нет.
(Крылов).

41. Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечерней порой
И дельный разговор вели между собой.
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая... там еще две-три – и вмиг
Со всех дворов собак сбежалося с полсотни.
Один, было, уже прохожий камень взял. –
«И полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю.
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно: прошли шагов десятков пять.
Собаки начали по малу утихать...
И стало наконец совсем их не слыхать.
Завистники на что ни взглянуть,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогой ступай:
Полают, да отстанут.
(Крылов).

42. Стрекоза и муравей

Попрыгунья стрекоза
Лето красное пропала,
Оглянуться не успела
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает:
Стрекоза уж не поет.
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный?
Злой тоской удручена,
К муравью ползет она.
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой:
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей»!
– «Кумушка, мне странно это!
Да работала ль ты лето?»
Говорит ей муравей.
– «До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час:
Так что голову вскружило».
– «А! так ты»... – «я без души
Лето целое все пела».
– «Ты все пела? это дело:
Так пойди же, попляши»! –
(Крылов).

43. Пословицы о лени

Рано встала, да мало напряла. – Работа в руках плеснеет. – *У* него лень за пазухой гнездо свила. –

44. Пословицы о бедности

Тарас есть пряники горазд, а Филат и каше рад. – С корочки на корочку перебивается. – У кого густо, а у нас пусто. – Три кола вбито, да небом покрыто. – Ни коня, ни возу, ни того, что на воз положить. – Стужа да нужа – нет их хуже, голод да холод – не легче того. – С сумой идти стыдно, а сидеть дома тошно. – Кто нужды не знавал, до-сыта Богу не маливался.

45. Пословицы о земледелии

Господь повелел от земли кормиться. – Держись за сошенку, за кривую ноженьку. – Глубже пахать, больше хлеба жевать. – Добудь дедовского навозу – снопы будут валиться с возу. – Заря деньгу родит.

46. Пословицы о бережливости

Кто не бережет копейки, тот сам не стоит рубля. – Денежка рубль бережет. – По капле и море собирается. – Дальше спрячешь, скорее найдешь. – Глупому сыну не в помощь богатство.

47. Пословицы о похвальбе

Сам поет, сам слушает, сам похваливает. – Звонко поешь, да где-то сядешь. – Похвальное слово гнило. – В хвасти нет сласти.

48. Пословицы о семейной жизни

Не оставляй отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит. – У кого есть матка, у того головка гладка. – Как Бог до людей, так и отец до детей. – Родительское слово мимо не молвится. – Родительское благословение на воде не тонет и в огне не горит. – Материна молитва со дна моря вынимает.

Своя хатка – родная матка. – Вся семья вместе, так и душа на месте. – В семье любовь да советь, так и нуждушки нет. – В семье все за одного и один за всех. – Корми деда на печи: сам будешь там. – При солнышке тепло, при родителях добро. – На что и клад, коли в семье лад.

49. Пословицы как надобно жить с людьми

Не рой другому ямы: сам в нее попадешь. – В лихости и зависти нет ни проку, ни радости. – Убогого слеза жидка, да едка. – Бог видит, кто кого обидит. – Обидеть-то легко, да душе каково! – Как аукнется, так и откликнется. – Злой человек не проживет в добре век. – Хлеб-соль

ешь, а правду режь. – Хлеб-соль кушай, а правду слушай. – Кто правды не скажет, тот многих свяжет. – Дракой прав не будешь.

50. Пословицы о человеке

Руки работают, а голова кормит. – Память в теле, мысль во лбу, а хотенье в сердце. – Велик телом, да мал делом. – Речи слышим, а сердца не видим. – Совесть с молоточком: и настукивает и наслушивает. – На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко. – Не верь речам, верь своим очам. – Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа.

Отдел второй

Мир Божий

1. Осень

Хорош лес осенью. Ветра нет, нет и солнца; ни света, ни тени; ни движенья, ни шума; в мягком воздухе разлить осенний запах; тонкий туман стоит вдали над желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьев мирно белеет неподвижное небо; кой-где на липах висят последние, золотые листья. Сырая земля упруга под ногами; высокие, сухие былинки не шевелятся; длинные нити блестят на побледневшей траве.

(И. Тургенев).

2. Сеятель

Вышел сеятель сеять, – и замерло сердце: что-то будет? На хлебе вся надежда, да на нем же бед и напастей столько, что и не пересчитать всех. Бывает на хлеб недород, а затем и голод и на людей голодная смерть. Может быт полон двор, а может быть корень вон. Может хлеб позябнуть на корню от ранних морозов, в малоснежную зиму – от лютого холода: намочат осенние дожди землю, да вдруг сорвется сухой мороз без снега, – зерно обволочется льдом, как стеклом, и сопреет: нет ему никакой защиты, не стало ему тепла и угревы под пушистыми снежными сугробами. Гниет хлеб на корню от обильных дождей; заливаясь ими, он мало подымается, не доходит зерном. Может однако и подняться, и налиться зерном, да выпадет бешеный град, исколотит солому, выбьет ее с корнем и повалить гнить на корм свиньям. Нападает летучая мошка, подбирается ползучий червь и поедает хлеб в зерне и наливах. Как не замирать сердцу на этот раз?

(С. Максимов).

3. Песня пахаря

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.
Весело на пашне...
Ну! тащися, сивка!
Я сам друг с тобой,
Слуга и хозяин.
Весело я лажу
Борону и соху,

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
С сивкой распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.
Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Красавица-зорька
В небе загорелась;
Из большого леса
Солнышко выходит.
Выйдет в поле травка...
Ну! тащися, сивка!
Выйдет в поле травка...
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.
Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водой,
Водой ключевой.
С тихой молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, Боже,
Хлеб – мое богатство!
(Кольцов).

4. Грибы

1. Когда осенью появится много грибов, то каждый день из деревни тянутся к лесу партии [12] детей и подростков.

2. Храбрая детская ватага, с кузовками [13] за плечами и в руках, весело

выходить из деревни. Какая-нибудь косматая барбоска или жучка сопровождает в лес партию своих любимцев, идущих по грибы.

3. Добравшись до места, дети безопасно бродят по лесу и наполняют свои корзинки и кузовки целыми сотнями грибов при громких криках «ау!» и задорном тявкании барбоски или жучки. Наполнив корзинки, с тяжелой ношей мокрых грибов, дети возвращаются домой веселые, довольные, счастливые: они чувствуют, что приносят пользу, что они уже люди и оказывают хозяйству серьезные услуги.

(Разин).

5. Осень

Посмотри, в саду деревья
Листья по ветру летят.
Обнаженные стоят,
Солнце красное не греет,
Все печально доцветает,
Не поют уж соловьи,
Ночи холодны и темны,
И коротки стали дни.
Небо пасмурно и хмуро,
Мелкий дождик моросит...
Осень близко, осень злая
К нам в окошко уж глядит!...
(В. Никитин).

6. Осенний ветер

I. Уныло воет ветер в дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, с каким суетливым беспокойством шарит он вокруг каждого кусточка и стебля, как будто отыскивая там что-то забытое или утраченное? Он заглядывает в каждое дупло, в каждую скважину, поднимает каждый поблекший листок, каждую травку, и как путник, вернувшийся на родину, который, вместо уютного крова, находит всюду одну глухую пустыню, мчится далее к темному лесу, неся на плечах своих гряды сизых туч – нажитое богатство.

II. Но помертвелый лес, окутанный туманным своим саваном, не встречает уже его ласковой речью, не кивает ему приветливо кудрявой головой. Отчаянный рев ветра сменяется тогда тоскливым плачем и ропотом. Серые тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и леса окропились прощальной слезой. И вот снова, как бы негодуя на свою слабость, ветер одним махом подобрал сизые тучи, бросился к опушке и, взметнувшись вихрем, помчался далее, увлекая на пути мокрые, желтые

листья. *(Григорович).*

7. Лес осенью

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! ты черен и гол,
О, лес наш родимый, конец твой пришел!»
Не слышит тревоги их царственный лес:
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучее сны,
И зреет в нем сила для новой весны. *(Майков).*

8. Овсяный кисель

Дети! овсяный кисель на столе: читайте молитву;
Смирно сидеть, не марать рукавов, и к горшку не соваться!
Кушайте: всякий нам дар совершен и даяние благо;
Кушайте, светы мои, на здоровье: Господь вас помилуй!
В поле отец посеял овес, и весной заскородил.
Вот Господь Бог сказал: «поди домой, не заботься:
Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет».
Слушайте ж дети: в каждом зёрнышке тихо и мирно
Спит невидимкой малютка-зародыш. Долго, долго
Спит он, как в люльке, не ест и не пьет, и не пикнет, доколе
В рыхлую землю его не положат, и в ней не согреют;
Вот он лежит в борозде, и малютке тепло под землей;
Вот тихомолком проснулся, взглянул, и сосет, как младенец,
Сок из родного зерна, и растет и невидимо зреет;
Вот уполз из пелен, молодой корешок пробуравил;
Роется в глубь, и корму ищет в земле и находит.
Что же?... Вдруг скучно и тесно в потемках... Как бы проведать,
Что там, на белом свете, творится?... Тайком боязливо
Выглянул он из земли... Ах! Царь мой небесный, как любо!
Смотришь – Господь Бог ангела шлет к нему с неба:
«Дай росинку ему и скажи от Создателя: здравствуй!»
(Жуковский).

9. Приходи, зима!

Приходи, зима!
Покрывай поля
Снежной скатертью!
Реки скуй, мороз,
Ледяной корой;

Белым инеем,
Словно серебром,
Дерева укрой!
Разрумянь скорей
Щеки детские, –
Зацветут зимой
Розы алые.
Полетят – помчат
В легких саночках
Детки к зимушке
На веселый пир.
Приходи, зима!
Приходи скорей!
Приводи с собой
Дни морозные,
Ночи звездные!
(С. Сериков).

10. Привет русской зиме

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица – душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Здравствуй в белом сарафане
Из серебряной парчи,
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи...
Нам не страшен снег суровый:
С снегом – батюшка мороз,
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз...
Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша добрая забава,
Молодецкая зима!
(Кн. Вяземский).

11. Зима

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,

Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы [14]
Покрыл холмы,
Луга и долы.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет;
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седой мглой.
(Баратынский).
12. Зимняя дорога
Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.
По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни чёрной хаты –
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одни.
(Пушкин).
13. Зимнее утро
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась;
На мутном небе мгла носилась;
Луна ¸ как бледное пятно,
Сквозь облака едва смотрела...
А нынче – посмотри в окно!
Под голубыми небесами

Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет;
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
(А. Пушкин).
14. Зимняя ночь
Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.
Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.
Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина немая
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.
Помоляся Богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.
(Никитин).
15. Прощальная песня зиме
Уходи, зима седая,
Уж красавицы весны
Колесница золотая
Мчится с горной высоты!
Старой спорить ли, тщедушной,
С ней, царицей цветов,
С целой армией воздушной
Благовестных ветерков!
А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,

И чиликанья, и пенья!
Уходи себе скорей.
У нее ни лук, ни стрелы,
Улыбнулась лишь – и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты.
Да найдут и по оврагам:
Вон уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд.
(А. Майков).

16. Доброе дитя

Была суровая зима. Снег покрыл всю землю. Дома и гумна стояли занесенные снегом. Голодные воробьи уныло чирикали под стрехами: они думали, как теперь им трудно достать зернышек для пропитания. О том же думала и маленькая Маня, единственная дочь богатых родителей. Она собрала крошек хлеба, прибавила к ним немного зерна, вышла на двор и стала кормить воробьев, которые стаями слетались к ней.

Увидев это, отец ее сказал: «Что ты мерзнешь на дворе, Маша? Иди в комнаты, а то простудишься»!

– Мне так жаль этих воробушков... Они такие голодные, – ответила Маша. – Я буду их кормить, пока не потеплеет на дворе!

– Но ты, дочка, ведь всех их не накормишь, – сказал отец.

– А я думаю, папа – заметила дочь, – что в каждом доме есть дети, которым жаль бедных воробушков, и которые покормят их в тяжелое для них время.

– О, если б это так было! – сказал отец. – Видишь ли, есть такие люди, которые не пожалеют и людей голодных, а не то что воробьев!...

Истинно сказал Иисус: «если не обратитесь, и не будете, как дети, не войдете в царство небесное». (Мф.18:3).

(Из «Науки» Прот. Наумовича).

17. Ель

Деревья весело шумели,
Когда вернулась к ним весна,
И только ель одна меж ними
Была безмолвна и мрачна.
Деревья жалобно шумели,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно

И зеленела как всегда.
(А. Плещеев).
18. Весна
Голубенький, чистый
Подснежник – цветок!
Последние слезы
А подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...
(А. Майков).
19. Вид реки весной

Вид большой тронувшейся реки представляет не только величественное, но страшное и поразительное зрелище. Около полугода река как будто не существовала: она была продолжением снежных сугробов и дорог, проложенных по их поверхности. По реке ходили, ездили и скакали, как по сухому месту, и почти забыли про ее существование, и вдруг – широкая полоса этого твердого, неподвижного, снежного пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всем, что на ней находилось в то время, с обледеневшими прорубями, навозными кучами, вехами и почерневшими дорогами, со скотом, который случайно бродил по ней, а иногда и с людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухим, но грозным и зловещим шумом и скрипом, плывет снежная, ледяная, бесконечная, громадная змея... Скоро начинает она трескаться и ломаться, и выпираемые синие глыбы встают на дыбы, как будто сражаясь одна с другой, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потом льдины становятся мельче, реже, исчезают совсем: река прошла!... Освобожденная из полугодового плена мутная вода, постепенно прибывая, переходить края берегов и разливается по лугам.

(С. *Аксаков).*

20. На поле

I. Погода прекрасная. Кротко синеет майское небо; гладкие, молодые листья ракит блестят, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травкой с Красноватым стебельком, которую так охотно щиплют овцы: направо и налево по длинным скатам пологих холмов, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользят по ней тени небольших тучек. В отдалении темнеют леса, сверкают пруды,

желтеют деревни.

II. Жаворонки сотнями поднимаются, поют, падают стремглав, вытянув шейки, торчать по глыбочкам [15] ; грачи на дороге останавливаются, приникают к земле, дают вам проехать и тяжко отлетают в сторону.

III. За оврагом на горе мужик пашет; пегий жеребенок с куцым [16] хвостиком и взъерошенной гривкой бежит на неверных ножках вслед за матерью.

(*И . Тургенев).*

21. Пред грозой

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы;
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы.
Чу! за белой грозной тучей
Прокатился глухо гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом.

(А. *Толстой).*

22. Гроза

I. Уже давно вдали толпились тучи тяжелые, росли, темнели грозно... Вот сорвалась и сдвинулась громада. Шумя плывет и солнце закрывает передовое облако; внезапный туман разлился в воздухе: кружатся сухие листья... птицы притаились... Из-под ворот выглядывают люди, спускают окна, запирают двери...

II. Большие капли падают... и вдруг помчалась пыль по дорогам, поднялся вихрь и по стенам и крышам ударил злобно; хлынули потоки дождя... запрыгал угловатый град... крутятся, бьются, мечутся деревья, столпились тучи...

III. Молния! ждешь удара... загрохотал и прокатился гром. Сильнее дождь... Широкими струями, волнуясь, льет и хлещет он – и ветер с воды срывает брызги... вновь удар! Через село растрепанный, без шапки, мужик за стадом в поле проскакал. А вслед ему другой кричит и машет... смятенье!

(И. Тургенев).

23. Ландыш

Цветет он, стройный,
В тени густой,
Во мгле [17] спокойной,

Во мгле сырой.
Цветет весной
Вдали от сел,
Боится зноя
И жадных пчел.
Чудесной силой
Цветок объят,
Он весь – кадило,
Весь – аромат.
К Творцу вселенной,
К Его стопам, –
Он шлет смиренно
Свой фимиам.
*(Баронесса Е.*К. *Остен-Сакен).*
24. Лето
Вот уж и красное лето
К нам, улыбаясь, пришло!...
Вот и березка одета
В новое платье. Тепло!...
В роще уж птички запели;
Все оживилось вокруг,
Все торжествует, мой друг!...
Вон, посмотри, деревушка
Влево на горке стоит,
Вон и Федота избушка
Чуть из-за тына глядит.
Дяде Федоту забота,
Дяде большая работа –
Сети да невод чинить,
Скоро ведь рыбу ловить!
Речка-то важно, широко
Так и бежит, и бежит,
Змейкой вьется далеко,
Вьется, на солнце блестит.
Скоро мы целыми днями
Будем ходить за грибами
Шумной, веселой толпой
В лес, что шумит под горой.
Скоро малина поспеет, –

Мы за малиной в лес!
Там уж и груша созреет...
(Никитин).

25. Засуха

Ни тучки, ни ветра, и поле молчит;
Горячее солнце и жжет, и палит.
И пылью покрытая, будто мертва,
Стоит неподвижно под зноем трава,
И слышится только в молчании дня
Веселых кузнечиков звон – трескотня.
(Никитин).

26. Друзья земледельца

I. Страшный вред причиняют насекомые земледельцу, и трудно ему бороться с ними: земледелец часто не видит своих врагов и не знает. Но у человека есть и друзья, которые усердно служат ему, охраняя его поля, сады и леса.

Белоносые грачи во множестве истребляют гусениц и майских хрущей.

Целыми стаями летают по полям и по лугам скворцы и поедают вредных насекомых. Как бы в благодарность за это, крестьяне устраивают около своих домов скворечницы, в которых скворцы и выводят своих птенцов.

Бесчисленное множество летающих и ползающих насекомых поедается всякими мелкими пташками: белогрудые ласточки-щебетуньи, длиннокрылые стрижи, бойкие синички, желто-зеленые чижики, красивые зяблики, певуньи малиновки, соловьи, воробушки и другие птички истребляют за лето несчетное число бабочек, гусениц, жучков, мух, комаров и т.п. вредных для земледельца и садовода насекомых.

II. В лесу насекомых преследуют и пожирают дятлы, дрозды, иволги, кукушки и другие птицы.

Ночных насекомых ловят и поедают летучие мыши и похожая на ласточку птичка козодой, или полуночник.

Все птицы, которые питаются насекомыми, пожирают их в несметном числе, потому что насекомые мало-питательны. Высчитано, примерно, что небольшая птичка королек уничтожает за лето более трех с половиной миллионов насекомых. Лазоревка съест в лето не менее шести с половиной миллионов яичек бабочек. Каждая птичка выводить летом птенцов: трудно и высчитать, сколько насекомых уничтожить в лето вся семья птички!

III. Для своей собственной пользы человек должен заботиться, чтобы эти пернатые друзья его не покидали полей, лугов и лесов. Не нужно пугать и тревожить птичек; не нужно разорять птичьих гнезд, не нужно ловить насекомоядных птичек и убивать их. В иных местах для птичек нарочно устраивают домики, в роде наших скворечниц, чтобы дать птичкам пристанище.

27. Сенокос

Пахнет сеном над лугами...
Песней душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.
Там – сухое убирают;
Мужички его кругом
На воз вилами кидают.
Воз растет, растет, как дом…
В ожидании конь убогий.
Точно вкопанный, стоит...
Уши – врозь, дугой ноги,
И как-будто стоя спит.
Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая в попыхах.
(А. Майков).

28. Как кошки ловят рыбу

I. Хотя я знал, что кошки ловят рыбу, но никогда не слыхал и не видал, как они производят эту работу.

Один раз в мае сидел я очень тихо на берегу небольшого проточного пруда, где водились окуни и лини. Около противоположного берега, уже обросшего травой, била икру плотва и для того выбрасывалась на траву у самого берега. Вдруг я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползет и прячется, растянувшись в самой береговой траве. Так всегда поступают кошки, выжидая своей добычи. Я стал смотреть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву – кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту.

II. Я указал на эту проделку садовнику, который недалеко от меня копался в своих грядах; он нисколько не удивился, а, напротив, рассказал мне, что рано по утрам, когда еще нет народу, всякий день выходит на этот промысел кошек шесть и более, располагаются по удобным местам вдоль

берега и ловят рыбу.

(С. *Аксаков).*

29. Летний вечер

Солнце уже спускалось за лес. Оно бросало несколько чуть-чуть теплых лучей, которые прорезывались огненной полосой через весь лес, ярко обливая золотом верхушки сосен. Потом лучи гасли один за другим. Последний луч оставался долго; он, как тонкая игла, вонзился в чащу ветвей; но и тот потух. Предметы теряли свою форму [18] : все сливалось сначала в серую, потом в темную массу. [19] Пение птичек особенно ослабевало; вскоре они совсем замолкли, кроме одной какой-то упрямой, которая будто наперекор всем, среди общей тишины, одна монотонно чирикала с промежутками, но все реже и реже, и наконец заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнее. Из земли поднялись белые пары и разостлались по лугу и по реке. Река тоже присмирела; немного погодя и в ней вдруг кто-то плеснул еще в последний раз, – и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнее и темнее... На небе ярко сверкнула, как живой глаз, первая звездочка.

(Гончаров).

30. Страда

Было около полудня. Солнце пекло невыносимо. В воздухе становилось жарко и душно, как в раскаленной печке. Кой-где, разве под воротами да навесами, бросавшими синевато-сквозные тени, можно было найти убежище от зноя.

В деревне царствует тишина мертвая. В иное время в тот же полдень, когда все отдыхает от утренних трудов, встретишь хоть толпу ребятишек, играющих у колодца, или старушенку, расстилающую холст на лужайке, или послышатся мерные удары валька [20] с ближайшего плота; теперь все пусто, собака не пробежит по пыльной улице. – Пора стоит рабочая, *страдная пора,* как называют ее в деревнях. Теперь и старушки, и детки их, и даже животные, все живмя живет в поле. Вот почему так тихо в деревне, и кроме неугомонных воробьев, перелетающих иногда целыми стаями от одного конопляника к другому, ничего не встретишь на улице.

(Д. Григорович).

31. Мельница

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук, и гром.
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят.
От пены-то бугор стоит.

Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет;
Под жерновом муку родит,
Идет мука, – в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет:
В пыли, в муке, и лыс и сед.
Кричит весь день.
Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила, слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.
В ночь темную, под крылышко
Головку подогнет
И спит – себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.
(*Никитин).*

32. Уженье

Как только напились мы чаю, я стал просить отца, чтобы он показал мне уженье. Наконец мы пошли, и Евсеич с нами. Он уже вырубил несколько вязовых удилищ; поплавки сделали из толстого, зеленого камыша; привязали лесы и стали удить с плота. Евсеич приготовил мне самое легонькое удилище и навязал тонкую лесу с маленьким крючком. Он насадил на крючок крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилище в правую руку, а за левую – крепко держал меня отец; в ту же минуту поплавок привстал и погрузился в воду. Евсеич закричал: «тащи! тащи!». И я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке и совершенно не помнил себя от радости: я схватил свою добычу обеими руками и побежал показать её матери.

(Аксаков).

33. Летний сон мальчика

I. Среди теплого-теплого летнего дня, под высоким тенистым деревом, в густой траве лежал мальчик. Вот над самой головой его, на ветке дерева села крошка-малиновка. Села и довольная и счастливая запела свои песни. Мальчик внимательно смотрит на птичку. «Хорошо бы тебя, голубушку, поймать, да и в клетку, пусть бы попела у меня в комнате», думает он. А сам все слушает и слушает песни малиновки. Вдруг видит он – немного подальше, на другой ветке, висит клетка, а в ней

сидит щегленок. «Кто бы это повесил сюда клетку»? думает он: «да никак и клетка то моя, с моей птицей? Так и есть!». Мальчик хотел встать, но будто замер на месте . Вдруг щегленок заговорит человеческим голосом. «Неужели тебе не жаль меня? Мне так скучно в этой клетке: я сижу здесь одинокий; а все мои прежние друзья, маленькие птички, летают на свободе, поют, порхают целый день. Не так давно и я был свободен, я тоже пел на воле, веселился; а теперь я заперт в клетке... Пожалей же меня! О, как весело жилось нам в зеленом лесу. Так много, много разных птичек там было! мы все весело пели, и резвились вместе. Да, хорошо то было житье! И ягод там много, а в поле много зернышек было. Все мы были счастливы. Был у нас и любимый ручеек: к нему мы все вместе летали пить и купаться. А теперь вместо прозрачного ручейка – у меня только чашка с водой; вместо ягод – сухое семя, вместо зеленого леса – тесная клетка. О, как бы я желал быть на воле!»

II. Щегленок так грустно сказал это, что мальчик за- плакал и очнулся: лежа на траве, он уснул, и весь разговор щегленка был слышен им во сне. Проснувшись, мальчик с удивлением посмотрел вокруг себя: малиновка уже улетела, а клетки никакой на ветке не было. Он тотчас пошел домой в свою комнату, где пригорюнившись сидел в клетке красивый щегленок. Мальчик, подойдя к клетке, сказал птичке: «хотя все, что я слышал, было только сном, но я не хочу больше отнимать у тебя свободы: я выпускаю тебя!». Сказано – сделано. Маленькая птичка с звонкой песней взвилась на воздух.

34. Из жизни голубей.

(Рассказ старого голубятника)

I. Голубь! Да есть ли птица чище и красивее, и нежнее?

Ведь, смотреть, так прелесть и загляденье! А если теперь, примером сказать, замечать всю их жизнь, как они добры, чистоплотны, да пойдут у них молодые, – и хоть завези их за город (что и бывало с моими голубями) да там выпусти, и они к тебе назад прилетят – так, ведь, это нужно по- нимать и ценить, что малые птицы такую привязанность имеют.

Господи, Боже мой! чего я от них не насмотрелся, каких радостей не испытал... Выпустишь голубей, денек теплый; разбредутся они по крыше: кто гуляет, кто приляжет, кто нежничает! Сидишь себе да глядишь на них: блеск, чистота, невинность!

Голуби созданы Господом не иначе, как на утешение человека.

II. Но как больно бывает для голубятника, если с птицей случается какое-нибудь несчастие. Я разумею здесь ее врагов. Больше всех для нее опасны крысы. Прогрызут они дыру в голубятню и в одну ночь истребят

несколько пар. Ужасное зрелище! Вместо тех, которые вчера тешили вас своим полетом, весело ворковали, видны только пучки пуху, местами с мясом, перемятая, окровавленная головка и отгрызанные лапки.

У голубей есть еще один коренной их враг – ястреб.

Часто, когда стая весело вьется в вышине, вдруг влетит он стрелой в самую ее середину, ударит одного, бросится к другому, разгонит всех и потом, выбравши которого-нибудь, гонится за ним, залетает ему вперед, бьет его с размаху острой грудью своей, схватывает когтями и тащит в гнездо свое. Каждый удар, который наносить ястреб голубю, отзывается в сердце охотника да так, как будто кто кольнет его. Есть что-то ужасное в нападении сильного на беззащитное и незлобное существо!

35. Соловей в неволе

– Что же ты, соловушка, корму не клюешь?
Вешаешь головушку, песен не поешь?
«На зеленой веточке весело я жил,
В золотой же клеточке буду век уныл;
Зеленая веточка сердце веселит,
Золотая ж клеточка умереть велит;
Подружка на веточке тужит обо мне,
Стонут малы деточки – до пенья ли мне?»
– Отперто окошечко к рощице твоей,
Будь счастлив, мой крошечка, улетай скорей!

36. Паук и пчела

В улье паук всему дивился:
«Посмотришь: эка теснота!
А целый рой сюда явился
И сел без ссор вокруг сота.
Жужжат и лепят общим хором;
И каждой пчелке место есть,
И сыты все; нет места спорам:
А сколько их! не перечесть!
Скажи мне, пчелка, что за диво?
И в чем секрет такой у вас,
Что вы живете так счастливо?
Не то, что мы, – хоть меньше нас.
У нас один лишь сеть расставит,
Другой туда же лезет зря...»
– «Царица мудрая здесь правит,
А вы живете без царя!»

(Плещеев).
37. Ласточка
Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.
С ней солнце краше,
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!
Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой.
(Плещеев).
38. Сосна
На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей, будто в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
(Лермонтов).
39. Птичка
Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет –
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет –
И туман, и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;

Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.
(А. *Пушкин).*
40. Птичка и дети
«А, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети;
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете».
«Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети».
«Нет, не пустим, птичка, нет!
Оставайся с нами;
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями». –
«Ах, конфет я не клюю,
Не люблю я чаю:
В поле мошек я ловлю,
Зернышки сбираю...»
«Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке;
А у нас-то в золотой
Будешь жить ты клетке!»
«О! не бойтесь: в теплый край
Улечу зимой,
А в неволе – светлый рай
Будет мне тюрьмой».
«Птичка, птичка! как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить,
Все б тебя ласкали.» –
«Верю, детки, но для нас
Вредны ваши ласки:
С них закрыла бы как раз
Я на веки глазки.» –
«Правда, правда, птичка! ты
Не снесешь неволи...

Ну, так Бог с тобой – лети
И живи на воле!»

41. Смерть дерева

Я никогда не мог равнодушно видеть не только вырубленной рощи, но даже падения одного большого подрубленного дерева. В этом падении есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкие удары топора производят только легкое сотрясение в древесном стволе: оно становится сильнее с каждым ударом и переходит в общее содрогание каждой ветки и каждого листа; по мере того, как топор прохватывает до сердцевины, звуки становятся глубже, больнее... еще удар, последний: дерево осядет, надломится, затрещит, зашумит вершиной, на несколько мгновений как будто задумается, куда упасть, и, наконец, начнет склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потом с возрастающей быстротой и шумом, подобным шуму сильного ветра, рухнет на землю!... Многие десятки лет достигало оно полной силы и красоты, и в несколько минут гибнет, нередко от пустой прихоти человека.

(С. *Аксаков).*

42. Сумерки в деревне

Полно тишиной
Все в лесу, в полях;
Шепчут лишь порой
Струйки в ручейках.
Чашечки закрылись
Миленьких цветов,
Птички воротились
Под домашний кров.
Как им там привольно
В гнездышках своих!
Дерево спокойно;
Ветерок затих.
К сладкому покою
Час для всех настал;
Щедрой рукой
Тот его послал,
Чье благословенье
Множество щедрот,
Жизнь всему, движенье
И покой дает.

(*Козлов).*
43. Вечер
Вечер отрадный
Лег на холмах.
Ветер прохладный
Дует в полях.
Дует, лобзает
Травку, цветы,
Тихо качает
Розы кусты.
Роза младая
Льет аромат;
Птички, порхая,
В роще свистят.
Все веселятся,
Пляшут, поют,
К играм стремятся,
К шуткам зовут.
Вечером в поле
Мило гулять;
Мило по воле,
Други, играть!
Время терпенью,
Время трудам,
Время ученью,
Время гульбам.
Играм час смело
Мы отдадим;
Книгам день целый
Мы посвятим.
(Плещеев).
44. Утро
Уж солнца первый луч
Чудесно озолотил востока край, –
Вставай дитя мое, вставай!
Игриво жаворонок вьется
С веселой песенкой своей;
Чириканье повсюду раздается
Средь зеленеющих ветвей.

Уже при солнечном сиянии
Цветы, покрытые росой,
Как в серебристом одеянии,
Блистают новой красотой.
Прекрасно утра пробуждение!
Минут напрасно не теряй,
Молись в сердечном умилении, –
Вставай, дитя мое, вставай!
(Никитин).

45. Ночь

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес:
В безмолвной тишине почили даль и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.
(Пушкин).

46. Ночь

Глубокая ночь. Все окружающие меня предметы потонули в темноте и скрылись от моего взора.

Не видно более зелени на лугу; исчезли блестящие краски на цветах; исчезли дерева, стада, деревни: все потонуло во мраке.

Исчез и последний огонь, мелькавший из окна далекой хижины...

Но взгляни на небо: чудным, блестящим сводом простерто оно над землей, и тысячи тысяч звезд сверкают в его неизмеримом пространстве.

И все эти неисчислимые миры, все эти блестящие светила двигаются – каждое по своей дороге; и движением каждой звезды управляет всемогущая Рука Божья.

Если бы ты умел летать, и с такой быстротой, с какой летит стрела, пущенная из лука; если бы ты целые миллионы лет все дальше и дальше летел от земли: то и тогда не долетел бы ты до конца творений Божьих, и на пути твоем новые звезды и новые солнца являлись бы непрестанно перед твоими глазами.

Разнообразны жители земли: суша, вода и воздух наполнены бесчисленными существами; и тот, кто знает жизнь и свойства только некоторых из них, считается мудрым между сынами человеческими.

А Бог знает каждое и малейших существ, и в целой вселенной нет

места, которое было бы скрыто от Его всеведения.

47. Сад

Зеленейся, зеленейся
Мой зеленый сад;
Расцветайте, расцветайте
Мои алые цветочки!
Поспевайте, поспевайте
Вкусны ягоды скорей!
Ко мне будут, ко мне будут
Мои гости дорогие.
Сударь батюшка родимый
Будет по саду ходити,
Спелы ягоды щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда сад садити,
Что горазда поливати,
От морозу укрывати.
(Народ. песня).

48. Пословицы о рыбах

Рыба мелка, да уха сладка. – Спела б и рыба песенку, когда б голос был. – Не учи плавать щуку: щука знает свою науку. – Чтоб рыбку съесть, надо в воду лезть. – Кот охотник до рыбы, да воды боится. – Не до шуток рыбке, когда крючком под жабру хватают.

49. Пословицы о птицах

С нас беда, как с гуся вода. – Одна ласточка весны не делает. – И крылья есть, да некуда лететь. – Летает хорошо, а сесть не умеет. – Пушинка к пушинке и выйдет перинка. – Глупа та птица, которой гнездо свое не мило. – Знать зверя по когтям. – Клюет носок, набивает зобок. – Зоб полон, а глаза голодные. – Соколу лес не в диво. – Подстреленного сокола и ворона носом долбит. – Хоть под небеса летай, а все сове соколом не быть. – Знать сову по полету.

50. Пословицы о домашних животных

Животинку водить, не разиня рот ходит. – Бодливой корове Бог рог не дает. – Нужды нет, что плохо имя: было бы хорошо вымя. – Черная корова, да белое молочко. – Лошадь человеку крылья. – На лошадь не плеть покупают, а овес. – Конь о четырех ногах, да спотыкается. – Куда один баран, туда и все стадо. – И велик верблюд, да зря бродит; мал козел, да стадо водит. – В согласном стаде волк не страшен. – Говорит – словно жвачку жует.

51. Пословицы о растениях

Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут. – Криво дерево, да яблоки сладки. – От одного порченного яблока целый воз загнивает. – Без корня и полынь не растет. – По семени и плод. – Не верь козлу в капусте, а волку в овчарне. – Съешь и морковку, коли яблочка нет. – Картошка хлебу присошка. – Красна ягодка, да на вкус горька. – Это еще цветочки, а ягодки впереди. – Весна цветами красна, осень снопами. – По семени и племя. – Хорош бы цветок, да остер шипок. – От худого семени не жди хорошего племени. – Порожний колос выше стоит. – По зернышку ворох, по капельке море. – Посеяно с лукошко, так и выросло немножко. – Грибы растут в деревне, а их в городе знают. – Всякий гриб в руки берут, да не всякий гриб в кузов кладут.

52. Природа учит о Боге

(Из твор. св. Тихона Задонского)

Смотришь на небо, так чудное, высокое и обширное, различными звездами украшенное; на солнце и луну сияющие и всю поднебесную осиявающие; на облака, в воздухе туда и сюда преходящие, и, как мехи, дождь точащие и напояющие нивы наши. Представляет тебе чувство и разум землю с исполнением ее: с деревьями, травами, скотами, зверями, морями, озерами, реками, источниками и прочим украшением. От видимых перейди умом к невидимым, от создания мира к Создателю. Да будет тебе случай сей удивляться: 1) *всемогуществу* Бога нашего, который все это сотворил из ничего единым словом [21] ; 2) *премудрости* Его, который так премудро устроил; 3) *благости* Его, который все это сотворил для нас. Так размышляющему и от создания силу, премудрость и благость Создателя познавающему следует с Псалмопевцем радостно духом возвеселиться и воспевать: *яко возвеличишася дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси!* (Псал.103:24).

53. Природа говорит о воскресении

I. Взглянем весной на то место, где поблекла роза. Куст ее весь покрыть новыми распуколками – новыми цветами, которые благоухают по-прежнему.

II. Солнышко закатилось вчера в глазах наших. Ночь покрыла всю землю, все краски потухли, все звуки умолкли, а сегодня рано утром восток осветился новой зарей. Она позолотила вершины гор и холмов. Жаворонки радостно поднялись к небу, чтобы песнями своими приветствовать восходящее солнце.

III. Я видел, как ослабевший червячок сам готовил себе могилку, как он, завернувшись в куколку, лежал в ней мертвый. Но через несколько

времени он начал прогрызать свою могилку и, полный сил и красоты, раскрыв пестрые, блестящие крылья, взвился на воздух, радуясь новой жизни: червячок пропал, но из него вылетела бабочка. Точно так же обновится и жизнь человека: красота восстанет из тления, и новая жизнь возникнет из праха.

IV. Недолго пролежим мы в земле, как семя, брошенное в нее, чтобы восстать в новом виде.

Но кто же придет и отверзет гробы, кто пробудить мертвых, кто соберет народы с лица всей земли?

Он, наш Искупитель, явится на облаках небесных с силой и славой многой, с сонмами ангелов, которые вострубят Его славу.

V. Христос, Сын Божий, Спаситель человека, Друг всех добрых, придет во славе Отца Своего, потому что Он получил от Отца власть на небе и на земле.

И потому перестанем печалиться, что смерть уничтожает жизнь; будем помнить, что Христос – победитель смерти. Дитя бессмертия, радуйся и торжествуй! (Из соч. «Бог в природе»).

Отдел третий

Родина

1. Православная Русь

I. Одна у человека родная мать, одна у него и родина. «Нет такого дружка, как родима матушка», говорит русский человек; нет на свете места милее родины. Здесь все наше дорогое: родимый дом, братья, сестры, родственники, товарищи детства, соседи... Всякое деревце, речка, лужок, ласкавшие наш детский взор, церковь, куда няня носила нас на руках и где учила впервые молиться, благовест родного храма, могилы близких, – все это исполнено сладких воспоминаний, которых ничто не в силах изгладить или заменить, – все это делает родину драгоценной для нашего сердца на всю жизнь.

II. У каждого человека своя родина – какая-нибудь деревня, город, село, где он родился, рос, учился, играл и провел свое детство. Общая же родина для всех русских – матушка святая православная Русь – наше дорогое отечество.

III. Матушкой мы ее зовем за то, что она, как добрая мать, кормит нас своим хлебом, поит своей водой, учит своим языком, защищает от врагов, а когда умрем – своей землей прикроет и кости наши. Наше она отечество потому, что в ней спокон века жили отцы отцов и дедов наших. Она для нас страна святая, ибо мы дорожим ею и чтим ее, как святыню. Православная она, так как на всем неизмеримом пространстве ее исповедуется в бесчисленных храмах Божьих православная вера.

IV. Все на Руси нам, ее сынам, одинаково дорого и любопытно: степи, леса, реки, нивы, полное гумно; изба, покрытая соломой, с резными ставнями окна; в степи кочующий обоз; песня косарей и жниц; стук цепов; праздничные хороводы; святочные игры, игровые сказки, песни; вдохновенное слово родных писателей; богатырские подвиги обороняющего нас воинства; памятники родной старины; сияющие кресты бесчисленных сел и городов; торжественный гул колоколов и священные могилы предков.

V. Велика и обширна святая Русь: около ста миллионов у нее сынов. Все они повинуются одному Царю православному; все одинаково Его любят и благословляют, и все готовы душу положить за славу и честь своего дорогого отечества.

(Из «Родины» Радонежского)

2. Откуда и как пошла русская земля

I. Более тысячи лет назад Россию уже населял народ, от которого мы

происходим. Народ этот называл себя славянами и разделялся на несколько племен, которые назывались поляне, древляне, северяне, кривичи, ляхи, поляки и другие. Только одно племя не имело особого имени и называлось просто славянами: племя это сидело по берегам озера Ильменя и реки Волхова в нынешней Новгородской губернии.

II. У славян этих был город Новгород, у кривичей – Смоленск, у полян – Киев. Городов тогда было немного, и состояли они из таких же хижин, как и селения, только были побольше селений. Городами назывались эти села потому, что были огорожены валом, обведены рвом, либо обнесены тыном или засекой. Деревнями земля наша в то время тоже была небогата; земли было много, а народу мало; оттого деревни стояли редко и были очень невелики.

III. Жили славяне в худых избах, которые строили из леса; камня в славянской земле было мало и каменного мастерства славяне не знали. Да и не сподручны были им каменные жилья. Времена были неспокойные; многие люди только и жили грабежом; мирному селянину приходилось ждать врага во всякое время, отовсюду. А наедут лихие люди, так ни чему спуску не дадут: что можно взять, возьмут, а остальное пожгут и поломают. Лесу же везде было много; новую избу срубить ничего не стоило. На всякий случай, чтобы можно было уйти при нежданном вражеском нападении, славяне в избах своих делали по два и по три выхода. А что у зажиточных людей было подороже, то они прятали в землю; оттого в прежние времена многим удавалось находить клады.

IV. При такой беспокойной жизни славяне однако не бросали земли впусте, а пахали пашню и сеяли хлеб. Почти все славяне в то время обрабатывали землю; лучшими земледельцами были поляне, только некоторые грубые племена, например древляне, не занимались этим делом совсем или занимались мало.

Кроме пахотной работы славяне жили и другими промыслами: ловили рыбу, били зверя лесного, разводили стада, водили пчел в бортях [22] ,

торговали с соседними народами. Леса в славянских землях стояли огромные, зверя в них было много всякого; водились даже такие, про которых теперь и помину нет, например, бобры. Рыбы в реках и озерах водилось тоже вдоволь. Торг славяне водили хлебом, шкурами звериными, воском, медом. Большого торгового промысла у них не было, да и быть не могло: городов не было, и везде можно было наткнуться на лихих людей, на грабителей. Оттого и ездили только при нужде и торг вели не сухопутьем, а реками.

V. Славяне были нрава доброго и очень гостеприимны. Выходя из

дома, славянин не запирал дверь и на столе оставлял разную еду на случай, если зайдет странник; у иных не считалось даже бесчестием, если хозяин, за бедностью, украдет что-нибудь для гостя. С пленными обходились славяне кротко и через несколько лет отпускали на волю.

Славяне были высоки ростом, статны, крепки телом, легко сносили и стужу, и зной. Они не любили биться с врагами открытым боем, а выбирали места узкие, закрытые. Они хорошо плавали и могли долго держаться под водой. Для этого они брали в рот выдолбленный тростник и плавали под водой так, чтобы конец тростника выходил выше воды; так и дышали. Бились они на войне короткими копьями и стрелами; часто намазывали стрелы сильным ядом.

VI. Почти все славяне платили дань, подать, соседним иноплеменным народам, потому что те были сильнее их и к ратному делу больше привычны. Северные славяне и соседи их, финские племена, давали дань варягам, народу, который жил за Варяжским (Балтийским) морем. Варяги землепашеством заниматься не любили, а разгуливали в легких лодках по морю да грабили, забираясь иногда в дальние страны. Славян варяги знали давно, потому что добывали у них хлеб и меха, и потому, что через славянскую землю лежал им путь в Грецию, куда варяги ходили или на грабеж, или наниматься в службу к греческим императорам. Но, высмотревши все у славян, варяги вдруг явились из-за моря в их земле и на ильменских славян, на кривичей, да на несколько финских племен наложили дань. Племена стали платить дань, только платили не долго: года через два им удалось выгнать варягов за море. Избавившись от врагов, они однако не нашли себе покоя и мира: пошли неурядицы, война, грабеж. Тогда ильменские славяне, кривичи, да два финских племени: весь и чудь, собравшись, стали рассуждать, как бы завести у себя мир и порядок. Решили поставить князя, который бы владел ими и судил по праву. А чтобы князь не радел своему роду больше, чем другим, и не развел бы прежних смут и усобиц, они положили призвать князя чужого, из варягов.

Было между варягами одно небольшое племя, которое называлось «русь»; к этому-то племени и отправились послы. Придя к варягам-руси, послы сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». И собрались три брата с родичами своими, взяли с собой всю русь, и в 862 году пришли. Старший брат, Рюрик, построил Ладогу и сел в ней: второй брат, Синеус, сел на Бело-Озере; третий брат, Трувор, в Изборске. От них-то и прозвалась земля «русской».

(Петрушевский).

3. Удельные усобицы на Руси

I. Самое большое зло было в старинном обычае князей – делить между собой землю. Князья, Рюриковы потомки, владели русской землей сообща, поделивши ее на уделы; сколько было князей, столько и уделов. Между князьями один был старший и назывался *великим князем;* княжил он в стольном городе русской земли. При Рюрике стольным городом, столицей, был Новгород, после стал Киев, а потом Владимир. Когда великий князь умирал, то на его место садился не старший сын его, а старший в роде между всеми князьями. Прежняя волость нового великого князя доставалась опять-таки не сыну его, а старшему в роде княжеском, по великом князе. Никто не владел своей волостью вечно, с детьми и внуками; все двигались и переходили с одного княжества на другое. Такие переходы не могли всегда идти по правде и по обычаю; подымались между князьями ссоры и войны. Великий князь другим князьям государем не был, а только заступал им отцово место, оттого слушались его мало. Если же он поступал не по правде, или князьям казалось, что он не по-отцовски их рассуживает, то они подымались на него самого и бились с ним, как с своей ровней.

II. Чем больше становилось князей, тем больше разводилось усобиц, и русские рати резались между собой, как враги заклятые. Коли не хватало своей силы, звали на подмогу иноземцев; кто звал венгеров, кто поляков, кто диких половцев, что кочевали в полуденных степях, по Волге и Дону. Иноземцы, забравшись в русскую землю, пустошили ее не жалея; доставалось тут и тем, на кого ратью шли, и тем, за кого шли. А коли иноземцев и не звали, то они приходили сами, особенно половцы. Зная, что за смутами да усобицами князьям не до них, они грабили землю, жгли деревни и города, избивали, либо уводили в полон народ беззащитный.

III. Так тянулись не год и не два, а целые сотни лет. Русские люди разумели, что они братья, а между тем усобицы не утихали. Русская земля распалась на несколько областей; в каждой области княжил особый род княжеский: в каждой был свой великий и свои удельные князья. Только в одной из русских земель не было особого рода княжеского, а сидели князья выборные; это было в Новгороде.

(Петрушевский).

4. Владимир-Мономах (1113–1125 г.) миротворец и добрый страдалец за Русскую землю

I. Вздохнула было не много Русь, когда сделался великим князем внук Ярослава от третьего его сына Всеволода, *Владимир,* прозванный по

матери своей, дочери греческого императора Константина Мономаха, *Мономахом*, что значит *единоборец*. Он был человек добрый, умный, просвещенный, богобоязненный и храбрый; он отлично понимал, сколько бед приносят русской земле княжеские междоусобия и всегда старался всеми силами водворить между родичами мир. В этом смысле он много работал еще до своего великого княжения, и его всегда все любили.

II. Все в нем нравилось народу. Как князь и судья, он был справедлив, решал дела по правде, заступался за слабых и ненавидел ссор, между тем как другие князья о правде-то мало заботились и

более надеялись на свою силу. Они крепко держались известной поговорки: «у сильного всегда бессильный виноват». Он любил установившиеся порядки и уважал старшинство, а потому не спорил, не домогался того, что не принадлежит ему по праву. О том же он всегда просил и братьев своих, мирил их, и все его прозвали за это братолюбцем.

III. Как частный человек, Мономах был добрым хозяином, сам за всем приглядывал, держал порядок в доме, не тратил зря имущества и увеличивал казну, хотя и отличался необыкновенной щедростью.

IV. Все имели к нему доступ; для всех он был ласков и приветлив. Но вместе с тем Мономах был страшной грозой для врагов: достаточно половцам увидеть его знамя, и они бегут без оглядки. Они обыкновенно с весной, когда подрастали травы, делали свои военные набеги на Русь. Мономах всегда старался предупредить их. «Сделал я», говорил, «83 больших похода, а малых и не припомню. Двадцать раз без одного заключал я с половецкими князьями мир, при отце и без отца, и давал им много от себя скота и платьев; пустил же из оков более 100 их лучших князей, да избил около 200».

V. Раз, будучи еще удельным князем, он задумал предупредить набег половцев и самому напасть на их кочевья. Послал он сказать об этом своему двоюродному брату в Киев. Тот передал речь Владимира дружине, но дружина отвечала: «теперь не время идти на половцев: отнимем пахаря от сохи». Тогда князья съехались на совещание, сели в одном шатре, двоюродный брат с своей дружиной, а Мономах с своей, и все молчали.

«Брат!» сказал наконец Владимир, «ты старший, скажи первый, как нам промыслить о русской земле».

«Брат! лучше ты начни».

– «Как же мне говорить», продолжал Мономах, «когда твоя и моя дружина против меня, будто я хочу погубить работников и пашню. Но дивно мне, дружина, что жалеете пахаря и его лошадь, а того не

понимаете, что когда начнет поселянин орать землю, придет половчанин, стрелой убьет пахаря, отнимет лошадь, разорить село, захватит жену и детей и сожжет его гумно... Об этом не думаете? Лошади вам жаль, а самого его не жаль?».

«Правда, правда», вскричала дружина.

И князья решили идти на поганых.

VI. Пригласили на подмогу к себе других князей: кто пришел, а кто отговорился больным. Отправились в поход. Пешие плыли в лодках по Днепру, а конные ехали берегом; потом четыре дня шли степью к Дону. Половцы собрались в несметном числе и сначала было решили просить у руси мира, но раздумали и ударили на нее. Сеча была злая с обеих сторон. Русские князья стояли крепко, дрались храбро и наголову разбили половцев. Одних только князей их было убито 20 человек. Множество добычи, скота всякого, овец, коней, верблюдов, кибиток и рабов досталось русским. И разнеслась слава русских по всем дальним странам.

VII. Вот за все это любили Мономаха русские люди и называли его добрым страдальцем за русскую землю. Даже впоследствии, когда приходилось народу и дружине выслушивать приглашение князей идти на его род, то все говорили: «нет, князь, за тебя мы готовы идти и с детьми, а на Владимиров род не пойдем». Когда он умер, то весь народ плакал о нем, как плачут дети по отце или по матери. Летописец говорит, что Владимир Мономах прославил русскую землю, как солнце, и слава его прошла по всем странам.

VIII. Перед смертью своей вот какое «Поучение» он оставил детям.

«Дети мои, или кто другой! прочитав эту грамоту, не смейтесь, а примите ее в сердце. Если кому она не нравится, то пусть лучше скажут: собираясь в дальний путь, говорил он нелепицу. Прежде всего будьте верны своему слову. Раз встретили меня послы братьев на Волге: «Присоединись к нам», говорили братья, «выгоним Ростиславичей (Володаря и Василька) и позаймем их волость; если не пойдешь с нами, то и мы не будем помогать тебе». «Гневайтесь, пожалуй», отвечал я, «не могу идти с вами: я целовал крест, давая клятву жить в мире». Дети, ради Бога, не ленитесь, не тяжка заповедь Божья: слезы и милостыня – вот все, что спасет вас.

Самое главное: не забывайте убогих, но сколько можете, по силе, кормите; и сироту, и вдовицу оправдайте сами, не давая сильным обидеть человека.

Ни правого, ни виноватого не убивайте и не дозволяйте убивать, хотя бы и заслуживал смерти: не погубите ни одной души христианской. Более

всего не имейте гордости в своем сердце и уме: все мы смертны, сегодня живы, а завтра в гробе. Все, что нам дано, не наше, и поручено нам на мало дней, и в земле не хороните сокровищ: то великий грех.

В дому своем не ленитесь; надо всем надзирайте сами, не полагайтесь на других, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом. На войну выйдя, не ленитесь: не надейтесь на воевод; не предавайтесь ни еде, ни питью, ни сну; сторожей сами расставляйте, и ночью, все устроив, лягте также при войске, а встаньте рано; не снимайте оружия, не разглядев хорошенько, есть или нет опасность; от беспечности человек легко погибает.

Когда путешествуете по своим землям, не дозволяйте своим отрокам (дружине) наносить обиды ни в селах, ни в деревнях, чтобы не стали вас проклинать. Где остановитесь, напоите и накормите хозяина, а более всего чтите гостя, (т.е. торгового человека; откуда бы он ни пришел, будет он простой человек, или знатный, или посол; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите: гости мимоходом разнесут по всем землям добрую или злую молву о человеке.

Больного посетите; мертвых провожайте: мы и сами смертны; не пропустите ни одного человека без привета, всякому скажите доброе слово. «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отец мой, сидя дома, знал пять языков; за это нам почет от других земель. Леность – мать всякого порока. С ней человек забудет и то, что умеет, а чего не умеет, тому не научится; но если, служите добру, то не будьте ленивы ни на какое доброе дело».

IX. Но умер Владимир Мономах, и все пошло по-старому: снова ссоры, снова распри, и снова

Как барсы степные,

Размялись половцы злые

По русской земле,

В пучину несчастий ее погружая...

Не стало уже человека, который соединил бы всех в одно сердце. И пришлось стонать русской земле, пришлось ей плакаться. Да и

Как не стонать и не плакаться русской земле, вспоминая

Старое время и старых князей! Нельзя же было вечно

В Киеве стольном Владимиру старому княжить...

Нельзя ж было, по словам древнего поэта, приковать его к горам киевским, чтобы он вечно сторожил родной край. Единодушия в князьях ни в ком не было. Хотя и ходили они опять на врагов, на половцев, но, как

прежде, более в одиночку: каждый шел в свою голову, под своим знаменем, отдельно, чтобы добыть только себе одному славы, а потому успехов было мало. Весьма картинно и живо воспевается один из таких неудачных походов в «Слове о полку Игореве», замечательнейшем и поэтическом произведении нашей древней поэзии. Здесь описан поход Северского князя Игоря, в 1185 г., на половцев, окончившийся страшным поражением русских: истреблением почти всего русского войска и пленением самого князя, его брата и сына.

(Из «Истории России для народа», Малинина).

5. Первое наш ес тви е татар

1. В 1224 году явился народ незнаемый; пришла неслыханная рать [23] , безбожные татары, о которых никто хорошо не знал, кто они и откуда пришли, и что у них за язык, и какого они племени, и какая у них вера. Пленив многие страны, пришли они в землю половецкую. Половцы не могли противиться им и побежали к Днепру. Хан их Котян был тесть Мстиславу Мстиславовичу Галицкому: он пришел с поклоном к князю Мстиславу, зятю своему, и ко всем князьям русским, поднесь им богатые дары, коней, верблюдов, буйволов и невольниц и сказал: «Татары отняли нынче нашу землю, а завтра вашу возьмут; так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы будете завтра иссечены». Котян умолял о пособии зятя своего; а Мстислав стал умолять князей русских, братью свою, говоря: «Если мы, братья, им не поможем, то они передадутся татарам, и у тех будет больше силы».

2. Князья думали, думали и, наконец, решились помогать Котяну. Совет у них был в городе Киеве, где говорили так: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей», и начали строить войско, каждый свои полки. Совокупив всю землю русскую против татар, князья пришли к реке Днепру. Тут татары прислали к ним послов с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших, и на вас не приходили; пришли мы, попущением Божьим, на холопов своих и конюхов, на поганых половцев; возьмите с нами мир; а нам с вами рати нет; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они вам много зла делают; оттого мы их бьем отсюда». Князья русские не послушались послов, но перебили их; пошли против татар и стали на Днепре.

6. Второе нашествие татар

1. В 1237 году пришли от восточной страны на Рязанскую землю, лесом, безбожные татары с царем Батыем и послали послов своих, жену

чародейку, да двух мужей с ней, к князьям рязанским, прося у них десятины со всего: с князей, и с людей, и с коней белых, вороных, бурых, рыжих и пегих. Князья рязанские отвечали им: «Если нас не будет всех, то все ваше будет». И послали рязанские князья к князю Юрию Владимирскому просить помощи; но князь Юрий сам не пошел и не послушал мольбы князей рязанских: он хотел один воевать особо. Тогда иноплеменники обступили город Рязань и огородили острогом [24] , а князь рязанский затворился в городе с людьми. Татары взяли Рязань, князя Юрия убили.

Предание прибавляет, что жена его, княгиня Евпраксия прекрасная, оставалась тогда дома: она все стояла в своем высоком тереме, держа на белых руках сына, и смотрела – не возвращается ли князь. Вдруг узнает о его гибели. Горько заплакала княгиня и вместе с сыном бросилась из своего высокого терема. Так и убилась до смерти Евпраксия прекрасная. С тех пор это место называется «Зараз». [25]

2. Многих мужей, жен и детей рассекали татары мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали, остальных вязали; многие святые церкви огню предали, монастыри и села пожгли; имение немалое собрали и потом пошли на Коломну. В ту же зиму пошли князья с своей ратью из Владимира против татар; тогда же князь Юрий Владимирский послал Еремея Глебовича в сторожах воеводой. Обступили их татары у Коломны и бились крепко. Была сеча великая, татары пошли к Москве, взяли ее, убили воеводу, и князя Владимира, сына Юрьева, руками взяли; людей перебили от старцев до младенцев и, взяв много имения, пошли прочь. Князь Юрий выехал из Владимира, урядив [26] вместо себя сыновей своих, поехал на Волгу и стал станом на реке Сити, поджидая к себе братьев, князей Ярослава и Святослава, с полками.

3. Третьего февраля, татары, как саранча, обсели Владимир. Владимирцы затворились в городе. Татары подъехали к Золотым воротам, ведя с собой княжича Владимира Юрьевича, и начали спрашивать: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы пустили по стреле на татар; те пустили также по стреле на город и на Золотые ворота, потом сказали владимирцам: «Не стреляйте!» Когда владимирцы перестали стрелять, татары подъехали поближе к воротам, показали гражданам Владимира и спросили: «узнаете ли своего княжича?» потому что он был уныл лицом и изнемог от беды и нужды. Всеволод и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. Князья, бояре и все граждане стали плакать, смотря на него. Князья сказали своей дружине и воеводе: «Братья! лучше нам умереть перед Золотыми вратами

за святую Богородицу и за правую веру, нежели быть в их воле». Татары, урядив станы свои около города Владимира, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, двор княжеский огнем пожгли, а людей старых и молодых иссекли. Был тогда трепет великий всюду. Множество полона [27] свели татары в станы свои, а сами пришли ко Владимиру и начали леса и пороки [28] ставить от утра до вечера, а ночью огородили тыном весь город. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли в церковь св. Богородицы и постриглись в монахи от владыки Митрофана. Седьмого февраля, после заутрени, татары приступили к городу. Они зашли от Золотых ворот у св. Спаса и вошли по примету [29] в город через стену и взяли до обеда Новый город и запалили его огнем. Князья бежали в Печерный город. Епископ Митрофан, княгиня Юрьева с дочерью, со снохами и со внучатами, и прочие княгини, множество бояр и людей затворились в церкви св. Богородицы. Татары отбили двери, наволочили лесов около церкви и в церковь и зажгли: все бывшие здесь люди задохлись от великого зноя; другие погибли в огне, иные от оружия; а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери ободрали. Оттуда пошли на великого князя Юрия. Одни шли к Ростову, другие к Ярославлю, иные на Волгу. Оттуда пленили всю страну и много городов.

4. Князь Юрий, узнав о взятии Владимира, послал Дорожа с 3.000 человек проведать про врагов. Дорож прибежал и сказал: «Князь! уже татары нас обошли». Услыхав это, Юрий сел на коня с братом своим Святославом, племянниками, мужами и пошел против поганых. Князь начал ставить полки, и вот внезапно приспели татары на Сить. Юрий, отложив всю печаль, пошел к ним. Обои полки соступились. Была сеча злая, и наши побежали перед иноплеменниками. Тут убит был великий князь Юрий Всеволодович на реке Сити, и воины его многие погибли. А Василька Константиновича руками взяли и повели в станы свои с большой нуждой. Дойдя до Шеренского леса, татары остановились и стали нудить Василька быть в их вере и воевать вместе с ними. Но он не повиновался их обычаю, не брал ни пищи их, ни питья и говорил против них так: «О, глухое царство и скверное! не отлучить вам меня от христианской веры. Если я теперь и в большой беде, то Бог навел ее на меня за грехи мои. Какой ответ дадите Богу, что погубили столько душ без правды? За них Бог будет мучить вас в бесконечные веки». Они скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови, и убили его в том лесу. Был князь Василько красив лицом, очами светел, взором грозен, необыкновенно храбр, на охоте отважен, сердцем легок, и кто служил ему, тот не мог забыть его до смерти.

5. Только ста верст не дошли татары до Новгорода. Воротился Батый и пришел к городу Козельску, где был молодой князь, именем Василий. Поганые сведали, что у людей в городе ум крепкодушевный, что словами льстивыми нельзя взять города. Жители Козельска решили не сдаваться Батыю, говоря: «хотя князь наш и молод, но положим живот [30] свой за него; приняв здесь славу этого света, там примем от Христа Бога венцы небесные». Татары разбили стены и взошли на вал; граждане резались с ними ножами; потом положили выйти на полки татарские и, выйдя из города, побили четыре тысячи врагов, но и сами были все перебиты. Батый взял наконец Козельск и истребил всех, до грудных младенцев; а о князе Василии неизвестно; говорят, будто он утонул в крови, потому что был молод. С тех пор татары не смели называть этого города Козельском, но звали его злым городом, потому что они бились около него семь недель и потеряли троих сыновей Темниковых; они искали их, но не нашли во множестве трупов.

6. Батый, взяв Козельск, пошел в землю Половецкую. Отсюда начал он посылать воевод своих на города русские: взят был город Переяславль копьем [31] ; жители избиты. В то же время послал и на Чернигов: обступили город в силе тяжкой; князь Мстислав Глебович, услыхав о нападении иноплеменных, пришел на них со всем войском своим, но был побежден; множество воинов его побито, город взят и запален огнем. Воевода татарский пришел осмотреть Киев и удивился красоте и величеству его; он прислал послов к князю Михаилу и к гражданам, желая прельстить их, но они его не послушали.

(«Из Русск. лет. М. Соловьева»).

7. Скоро вся ужасная сила Батыева [32] , как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрип бесчисленных телег, рев верблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах. Димитрий [33] бодрствовал и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми воеводами могольскими. [34] Сей пленник сказывал о батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началась приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри [35] : там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачали воздух; копья трещали и ломались»; мертвых издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе, но татары к вечеру овладели стеной. Еще воины российские не

теряли бодрости, отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля, а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии: великодушная смерть казалась и воинам, и гражданам необходимостью, предписанной для них отечеством и верой. Димитрий, исходя кровью от раны, еще твердой рукой держал свое копье и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением моголы отдыхали на развалинах стены, утром возобновили оное и сломили бренную [36] ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб св. Владимира, и что ее ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал воеводе российскому: «дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

(*Карамзин).*

6. Князь Иван Данилович Калита и святитель Петр

I. Пятьсот лет тому назад Москва не была такая большая, как теперь. Тогда это был маленький деревянный городок. На той горе, где теперь Кремль, стоял небольшой княжеский терем, со службами да пристройками и с одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется «Спас на бору». Горы кругом были покрыты еще густым лесом, и кое-где разве расчищены места для пашни, да кой-где стояли слободы или деревушки. В городке и в этом терему проживал один князь, внук св. Александра Невского, Иван Данилович, по прозвании Калита. Митрополитом в то время был св. Петр; митрополиты жили во Владимире на Клязьме, и Владимир был столицей великих князей. Объезжая свою паству, св. Петр часто заезжал в Москву к князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этот князь. В маленьком городке, в бедном терему, над Москвой-рекой, частенько, долго и по душе беседовали князь с святителем о несчастных делах русской земли, как все-то князья ссорятся друг с другом, никого не слушаются; татары вмешиваются в ссоры их, и идет повсеместная война и разорение. Митрополит говорил князю Ивану Даниловичу:

«Всех перевидал я князей и всех их знаю; есть между ними и доброго нрава, да горячи и легкомысленны: вдаль не смотрят, а только думают, как

бы нынче прошло хорошо; думают о себе, а не о народе, не о всей Руси. И от разделения их вся-то Русь пополам распалась; одна часть под Литву подпала, другая под татар. А князьям и горя мало: от татарского насилия страдают и воздыхают, а о том не думают, как бы дело повести так, чтобы хоть со временем, детям и внукам, совсем от татар избавиться. Изо всех князей только ты, Иван Данилович, нрава твердого и ума великого. Принимайся с Богом за собирание земли под одну руку твою. Ты бережлив, казны у тебя много, и так тебя прозвали «калита», полный мешок. Скупай от князей села и города: им деньги нужны, задаром волости продают. И устройся так, чтоб у тебя народу было жить хорошо, и народ отовсюду к тебе потянет. А я в Москве поселюсь и в ней свой престол митрополичий поставлю, и буду помогать тебе советом и делом, и молитвами моими перед Господом и Пресвятой Богородицей. Ты построй во имя Успения Пресвятой Богородицы соборный храм, и пророчу тебе, что если ты меня во всем послушаешь, то и сам прославишься с родом твоим больше других князей, и город твой прославится надо всеми русскими городами; святители после меня будут жить в нем; руки его взойдут на плещи (т.е. на плечи) врагов его, и Бог прославится в нем».

II. Так беседовал святитель с князем, и послушался его князь Иван Данилович. И стал он скупать как можно больше земель от соседних князей; иные, может быть, и знали его тайную думу об освобождении от татар, и сами, умирая, отказывали ему свои владения. От этого при нем и при сыновьях его московское княжество заняло все земли между Окой и Белым озером и Сухоной, все нынешние губернии: Московскую, Ярославскую, Костромскую, и части Новгородской и Нижегородской; Иван Данилович устроил в Мологе большую ярмарку. А как он всю землю свою постарался очистить от разбойников, и по рекам учинил стражу, чтобы не грабили товаров, там проходивших, и везде устроил правильный суд, а дела свои с татарами вел так, что они не показывались в его владениях, и была при нем на Руси «тишина великая», – то в земли его стало переходить много народу из других княжеств, и народ стал богатеть от промыслов и торговли; а сам московский князь сделался через то еще богаче и сильнее других князей. И начали переезжать к нему от других князей самые знатные и умные бояре, и делались ему помощниками, и вместе с ним стали думать тайную думу, как избавиться от татар. И умер Иван Данилович Калита, а дума его не умерла при сыне его Симеоне. Гордом. Умирал Симеон и, перед смертью, передавая престол свой брату Ивану Ивановичу, отцу Димитрия Донского, писал ему

в своем завещании: «Слушайся старых бояр, они отцу нашему и нам добра всегда хотели; слушайся затем, чтобы и *свеча не погасла "*. А что разумел он под этой притчей, чтобы свеча не погасла? А свеча тут значить то дело, что думал Иван Данилович с митрополитом Петром, и дум свою вложил в сердце своим боярам, то есть – освобождение от татар.

«Не погасла свеча» ни при двоих сыновьях Ивана Даниловича, один за другим княживших в Москве, ни даже, при малолетнем внуке его Димитрии.

(А. Майкова).

7. Мамаево побоище

I. После хана Узбека, начались в Орде распри между князьями: вельможи взяли верх и поддерживали раздор, принимая сторону то одного хана, то другого. Пользуясь этим, в разных городах России, народ уже не раз избивал татар. Орда ослабела, тогда как московское княжество, со времен Иоанна Калиты,

очень усилилось. В 1378 году ордынский хан, Мамай, пошел ратью на московского князя, Дмитрия Иоанновича, чтобы принудить его платить прежнюю дань.

II. Войска русские встретились с татарами на берегах реки Вожи (в Рязанской области). Татары первые переехали через реку, вскочили на коней, и с диким воплем быстро ударили на русских. Дмитрий изрядил войско. После крепкой битвы, татары повернули «свои копья и побежали за реку Вожу. Наши стали рубить и колоть их: убили множество, а других утопили в реке. Наступил вечер, и в темноте скрылись из глаз враги, которые бежали всю ночь. На другой день утром был большой туман, и только перед обедом Дмитрий мог пойти следом за татарами. В поле он нашел их шатры и вежи [37] , телеги и весь обоз: все было разбросано в беспорядке, но сами неприятели удалились в Орду.

III. В 1380 году Мамай соединил всю силу татарскую, чтобы отомстить за это поражение. С ним пошло много князьков разных народов; кроме того, ему обещал помощь и Ягелло, князь литовский, которого отец, Ольгерд, постоянно воевал с Дмитрием Донским. Мамай, надеясь на свои полчища, сказал: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как было и при Батые: христиан уничтожим, церкви попалим и законы их изрубим». Когда к Дмитрию Донскому пришла об этом весть, то он молвил: «Еще наша рука высока». Он послал за двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, и за другими князьями русскими. Почти все соединились около московского князя, исключая Олега Рязанского. Область Рязанская перед тем несколько раз

была опустошена татарами, и Олег думал спасти свою вотчину покорившись Мамаю.

IV. Под начальством Дмитрия собралось огромное русское войско, какого прежде не видано (до 150.000 или даже до 200.000) – и стало у Коломны, а Мамай со своими ордами расположился за Доном. Он послал к московскому князю требовать дани, какую русские платили при Узбеке; Дмитрий готов был посылать хану дары, но не согласился давать прежней дани. 20 августа он двинулся на Оку, где соединился с братом своим Владимиром Андреевичем. 6 сентября наши войска уже достигли Дона. При вести о выступлении Дмитрия Иоанновича в поход, по всей Москве начался плач; русские жены тосковали о своих детях, которые пошли с князем на острые копья. «Бедные наши дети! говорили они: лучше бы нам не родить их, чем рождать на верную смерть». Между тем пр. Серий, игумен Троицкого монастыря, тогда только что построенного, послал к Дмитрию ободрительную грамоту и свое благословение. «Ступай, князь, писал он, Бог и святая Богородица тебе помогут». Дмитрий устроил полки и стал держать совет. Одни говорили: «Иди, князь, за Дон», а другие напротив советовали: «не ходи, сильно умножились враги наши; тут не одни татары, а Литва и рязанцы. Но великий князь именно для того и спешил вперед, чтобы не дождаться, пока Ягелло подаст помощь Мамаю. Он велел мостить мосты на Дону и испытывать брод, и в ночь стал переправляться через реку.

V. На другой день, при восходе солнца, был густой туман, но в третьем часу прояснилось; русские уже стояли за Доном в чистом поле, при устье Непрядвы. Это случилось 8 сентября. Скоро начали появляться татары. От множества войск, которые сошлись на этом поле, известном под названием Куликовского, задрожала земля, загудели окрестные холмы. «Бог нам прибежище и сила», – вскрикнул Дмитрий и вступил в битву с врагами. Такой битвы не слыхано от начала Руси. На целых десять верст все залито было кровью, от наваленных трупов не было проезда коням; там русский гнался за татарином, здесь татарин одолевал русского: все перемешалось в свалке. Наше пешее войско лежало избитое, труп на трупе. Татары одолевали. Но в засаде, в лесу, скрывались еще свежие русские полки, под начальством Владимира Андреевича и московского воеводы, Дмитрия Волынского. Владимир с нетерпением рвался на бой, но Волынский его останавливал: «Еще нельзя: ветер дует нам в лицо», говорил он. Скоро ветер переменился. «Теперь пора» – сказал Волынский. Засадное войско ударило на татар. С этими новыми силами, русские окрепли и сломили врагов. Они гнали их до реки Мечи (Красивая Меча в

Тульской губернии): и захватили весь их стан.

VI. Владимир Андреевич решив победу, стал на костях и велел трубить в трубы. Ратники собрались, но между ними не было великого князя. Начали расспрашивать: кто видел Дмитрия? Одни толковали, что он тяжело ранен и надо его отыскивать между трупами; другие видели, как он один отбивался от четырех, но потом потеряли его из глаз; кто-то сказал, что князь, весь израненный, пешком удалился от битвы. Владимир Андреевич просил его со слезами отыскать брата, и обещал тому, кто найдет его большую награду. Все рассеялись по полю; скоро нашли тело любимца Дмитрия, Бренка, которому князь дал свои латы и шлем; некоторым попался труп одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия, и его было приняли за великого князя. Наконец двое воинов, отойдя в сторону, увидели Дмитрия: усталый, он лежал под ветвями срубленного дерева и едва дышал; его панцирь был избить, но на теле не было ни одной смертельной раны. Владимир Андреевич тотчас поскакал к нему и с радостью известил его о победе **.**

VII. Мамай бежал в Орду, где побит был другим ханом Тохтамышем. Этот Тохтамыш, захватив всю власть над татарами, пошел на Москву два года спустя после Куликовской битвы, обманом взял ее и разорил в то время, как Дмитрий в Костроме собирал войско. Куликовская победа стоила дорого: в живых осталось не более 40.000 и московскому князю невозможно было вступить в новую борьбу с татарами; Русь снова на некоторое время обложена была данью. Но слава этой победы осталась в памяти народной: Димитрий получил название Донского; в нескольких сказаньях о Задонщине, в подражание «Слову о полку Игореве», поется слава Дмитрию Иоанновичу и его брату Владимиру Андреевичу; приведем отрывки.

VIII. «Князья и бояре и удалые люди оставили дома свои и богатство, жен, детей и весь почет, чтобы сложить свои головы за землю русскую... Великий князь Дмитрий Иванович и брат его, Владимир, наострили сердца свои мужеством и своей крепостью напомнили прадеда своего, Володимира Киевского. Эй, жаворонок, птица, в красные дни утеха! взойди под синие облака, спустись к сильному городу Москве, пой славу великому князю и его брату. Они, как соколы, поднялись с земли русской на поля половецкие (задонские). Кони ржут в Москве, бубны бьют в Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земле русской. Звонят вечевые колокола в великом Новгороде, стоят новгородские мужи у св. Софии и творят такую жалобу: «Уже нам, братья, не поспеть на пособь великому князю, Дмитрию Ивановичу». Тогда орлы слетелись со всей

полуночной стороны: то не орлы слетелись, выехали посадники из великого Новгорода с 7000 войска к великому князю, Дмитрию Ивановичу, и к брату его, Владимиру Андреевичу. Съехались все русские князья, говоря: «Господин великий князь! уже наступают поганые татары на поля наши; пойдем, господин, за быструю реку, Дон: пусть наша отвага будет землям диво, старым повесть, а молодым в память». И отвечал Дмитрий Иванович своей братье: «Братцы мои милые, русские князья, мы с вами одно гнездо великого князя, Ивана Даниловича. До сих пор, братцы, еще никому не давались мы в обиду: ни соколу, ни ястребу, ни белому кречету, ни тому псу, поганому Мамаю»...

IX. «Не стук стучит; не гром гремит, – стучит сильная рать Дмитрия Ивановича и его брата, гремят удальцы золочеными шлемами, красными щитами... То не серые волки завыли: идет татарская сила на землю русскую... Настала ночь; погасла заря. Дмитрий Волынец сел на коня и поехал с великим князем на поле Куликово и слышат они, позади полков татарских кричат вороны и галки, в великой тревоге перелетают птицы с места на место, а на реке Непрядве гуси, лебеди и утята плещутся крыльями. Волынец спросил великого князя: «Что слышал, господин?» – «Великая гроза, брат», отвечал князь. Волынец снова промолвил: «Оборотись теперь на полки русские». Князь оборотился, но тут была глубокая тишина. «Что, господин, слышал?» – «Ничего, брат, не слышал, сказал великий князь, только видел: огненная зарница вспыхивает, не угасая». – «Огонь – доброе знамение», молвил Волынец: «У меня есть еще примета», – и он слез с коня, припал к 'земле правым ухом, долго так пролежал; наконец встал, но молчал, опустив голову. Великий князь понудил его говорить. «У меня две приметы, сказал Волынец: одна в пользу, а другая печальная. Земля плачется на двое: есть надежда, что мы победим поганых, но много христиан погибнет».

X. «Грянули копья и мечи булатные, топоры легкие, щиты московские, шлемы немецкие... На том поле Куликове сошлись сильные тучи, а из них засверкали молнии, загремели великие громы; то сошлись русские удальцы с татарами за свою великую обиду, а шли на них золоченые доспехи и гремели русские князья булатными мечами о ханские шлемы: бились от утра до полудня в субботу на Рождество Богородицы... Тогда среди трупов человечьих борзые кони не могли скакать, а в крови по колено бродили. Великий князь, Дмитрий Иванович, говорил своим боярам: «Братья и бояре, и воеводы, и дети боярские: вот вам ваши московские сладкие меда и великие места. Тут добудете себе места и своим женам, тут старый помолодеет, а молодой добудет чести»...

Тогда рубили татар без милости; их трупами были поля засеяны, а кровно текли реки... побросали они свое оружие на землю и склонили голову под мечи русские... а русские удальцы разграбили татарские узорочья: и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вино, и сахар... Зачем ты, поганый Мамай, посягал на русскую землю? не бывать тебе в Батыя царя. У Батыя царя было 400.000 кованой рати, а воевал он всю русскую землю от востока до запада. И ты, царь Мамай, пришел с многими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями, а ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье. [38] Не с кем тебе зимы зимовать в поле, видно, тебя князья русские гораздо употчевали. Ни князей с тобой, ни воевод: видно, гораздо упились у быстрого Дона, на поле Куликове, на траве-ковыле»...

XI. Димитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем и с остальными воеводами стали на костях на поле Куликове, у речки Непрядвы. Страшно и жалостно было в то время видеть, как лежали христианские трупы на берегу у великого Дона, и Дон река три дня текла кровью. Великий князь сказал: «Сосчитайте, братья, сколько у нас нет воевод и сколько нет молодых людей». Тогда сказал московский боярин, Михайло Александрыч: «Государь, великий князь, у нас нет сорок бояр московских, двенадцать князей белозерских, тридцать новгородских посадников, двадцать князей белозерских, тридцать новгородских посадников, двадцать бояр коломенских, сорок серпуховских, тридцать панов литовских, двадцать бояр переяславских и т.д. – а всего посечено татарами полтретья ста тысяч и три тысячи».

(Из рассказов Водовозова).

8. Родной край

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле.
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи.

(Гр. А. Толстой).

9. Родина

Ведь на свете белом
Всяких стран довольно,
Где и солнце ярко,

Где и жить привольно.
Но и там, при блеске
Голубого моря,
Наше сердце ноет
От тоски и горя, –
Что не видят взоры
Ни берез плакучих,
Ни избушек этих,
Сереньких как тучи.
Что же в них так сердцу
Дорого и мило?
И какая манит
Тайная к ним сила?
(Плещеев).
10. Родина
Мила мне русская природа
И быт родного мне народа,
Все ежедневные картины,
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляска с топаньем и свистом
Под говор наших мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив
И скрип кочующей телеги,
И вид волнующихся нив.
Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут безчисленны суда...
(А. Толстой).
11. Русский гимн
Боже, Царя храни!
Сильный, державный,

Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный,
Боже, Царя храни!
(Жуковский).
12. Молитва за русского царя
Держи свою десницу,
О Боже, над Царем,
Храни, Господь, Царицу
И весь державный дом!
Пошли благословение
На каждую семью,
Яви благоволение
И милость нам Свою!
13. Слава (гимн)
Славься, славься.
Наш русский Царь!
Господом данный
Нам Царь-Государь!
Да будет бессмертен
Твой Царский род,
Да им благоденствует
Русский народ.
(Глинка).
14. Многолетие
Многи лета, многи лета,
Православный русский Царь!
Дружно, громко песня эта
Пелась прадедами встарь.
Дружно, громко песню эту
И теперь вся Русь твердит;
С ней по целому полсвету
Имя Царское гремит.
Ей повсюду отвечая.
Мчится русское ура
От Кавказа до Алтая,
От Амура до Днепра.
Прогреми ж до граней света,
И по всем сердцам ударь,

Наша песня: многи лета,
Православный русский Царь!
(Жуковский).

15. Патриотическое [39]самопожертвование жизнью

В половине прошлого столетия башкирцы подняли кровопролитный бунт. Они изрубили в Пермской губернии несколько эскадронов [40] драгун [41] и хотели взять хитростью

одного русского барабанщика и велели ему бить обыкновенный поход. Уже приближались они к крепости, и им хотели отворить ворота, как вдруг барабанщик вместо похода ударил тревогу. Тут гарнизон приметил, с кем имел дело, и приготовился к обороне. Башкирцы тогда не отважились напасть на крепость и принуждены были отступить. Из мщения они изрубили в куски смелого барабанщика в виду его одноземцев.

16. Награжденная верность и наказанная измена воина

I. В войсках римского императора Константина Великого носили знамя с изображением креста Христова; его велено было носить впереди полков и приближать к тому отряду, который утомлялся и ослабевал в сражении: боголюбивый царь после видения чудесного знамения креста на небе веровал, что сам Царь небесный и Владыка вселенной, победивший крестом ад и смерть, благословляет силу христолюбивых воинов и дает победу благочестивым царям на сопротивные, что крепкие поборники креста и веры в Распятого – крепки и в борьбе с врагами.

II. Однажды державший это знамя воин устрашился внезапного нападения врагов и, передав знамя другому, сам бежал с поля сражения. Дерзнувший спастись бегством, когда другие отражали нападение, уже находился вне полета стрел, как мгновенно поражен был на смерть, и пал; между тем другой воин, который принял от бежавшего и держал знамя, при всей видимой опасности от стрел неприятельских, остался жив и невредим: враги Константина и защищаемого им креста Христова нарочито направляли свои стрелы против державшего знамя креста; множество стрел вонзалось в самое знамя, но ни одна из них не коснулась верного долгу воина, как бы чудесно охраняемого от смерти. Кто верен своему призванию и долгу, тому и при опасности – крепкая защита в силе Божьей; изменник встречается с опасностью и там, куда бежит от опасности.

(Из «Воскр. Чт.» 1854 г.).

17. Пословицы о родине

В каком народе живешь, того обычая держись. – И кости по родине

плачут. – С родной стороны и ворона мила. – Научить горюна чужая сторона. – Велика святорусская земля, а везде солнышко. – Москва всем городам мать. – Москва сердце, а Питер голова. – Родимая сторона – мать, чужая – мачеха. – В чужом месте, что в лесу. – Чужая сторона – дремуч бор. – Всякому мила своя сторона. – Любит и нищий свое рубище. – Бог на небе, царь на земле. Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле. – Одному Богу царь ответ держит. – Царю правда – лучший слуга. – За Богом молитва, а за царем служба не пропадают.

18. Пословицы о царской власти

Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится. – Богат Бог милостью, государь – жалостью. – Чего Бог не изволит, того и царь не изволит. – Царь повелевает, а Бог на истинный путь направляет. – Грозен царь, да милостив Бог. – При солнце – тепло; а при государе – добро. – Близ царя – близ чести. – Ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить. – Народ – тело, а царь – голова.

Отдел четвертый

Церковь

1. Лучшее утешение в жизни

I. Знатный [42] и очень богатый язычник [43] крестился в христианскую веру. За это у него отняли все имения, отобрали все богатства его, и даже жена и дети оставили его. Покинутый всеми, он скитался [44] по миру, не имея ни крова, ни хлеба.

II. Некто спросил его: «Как у тебя хватает силы терпеть столько лишений и переносить столько горя, обид и неправды людской?» – «Моя радость, мое счастье от того, что я познал Христа Спасителя, так велики», отвечал тот, «что при них я не чувствую ни горя, ни обиды, ни скорби».

2. Большой стол

I. Однажды, при начале жатвы, один учитель сказал своим ученикам: «Сегодня я намерен показать вам очень большой стол, за которым в течение целого года едят и насыщаются не несколько только голодных людей, но целые тысячи народа со всеми животными, которые живут при них.

II. Сказав это, он взошел с детьми на высокую гору и велел им посмотреть на обширные, простиравшиеся на целые версты, прекрасные плодородные поля. «Вот видите, любезные дети», сказал он, «это большой стол, который ежегодно для всех созданий накрывается и обильно уставляется пищей нашим небесным Отцом. Мы все – Его гости, и Он, по благости Своей, насыщает всех нас с бесчисленным множеством животных. Поэтому и за искусно покрытым столом никогда не забывайте с искренней благодарностью обращаться к Нему, вседержительному, невидимому Благодетелю».

III. Проникнутые словами учителя, дети стали спускаться с горы и во время пути один из них сказал: «Теперь только я вполне понял молитву: «Господи! глаза всех смотрят на Тебя с надеждой, и Ты даешь им пищу в свое время. Ты открываешь Свою щедрую руку и наполняешь Своей милостью всякое живое существо».

(Из «Кн. для чтения» Паульсона).

3. Спасительная сила имени Господа нашего И. Христа

1. В книге, именуемой Лимонарь, имеется следующее сказание об авве Иулиане столпнике. В окрестностях того места, где жил Иулиан,

завелся лев и пожирал многих. В один день старец призвал к себе своего ученика и сказал ему: пойди ты за две мили отсюда на юг, там лежит лев, скажи ему: «смиренный Иулиан именем Иисуса Христа, Сына

Божьего Живого, велит тебе удалиться из сей страны». Ученик пошел, нашел льва, сказал ему слова старца, – и лев сейчас же удалился. Все прославили Бога.

2. С одним учеником препод. Пафнутия случилась болезнь глаза и страшно мучила его. Преподобный, дав ему свои четки, велел тысячу раз проговорить эту молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Едва ученик успел совершить половинное число, как болезнь прошла.

4. Громоносный легион [45]

Император Константин великий до вступления своего на престол имел много врагов, с которыми и воевал довольно часто. В одну из таковых войн армия его зашла в некоторую пространную, но дикую и совершенно безлюдную степь; воины начали томиться нестерпимой жаждой, и сам Константин был в затруднительнейшем положении; по счастью он узнал, что между его легионами был один легион, составленный из христиан. Константин, хотя не был еще в это время просвещен святым крещением, но внутренне уважал христианскую веру и обратился к этому легиону с такой просьбой, чтобы христиане-воины искренно помолились Господу Иисусу Христу о даровании его армии спасения от неминуемой погибели. Легион упал на колени – и вдруг все небо покрылось черными тучами, загремел гром, заблистали молнии и полился сильнейший дождь. Войска утолили свою жажду, освежились, и вскоре одержали полную и решительную победу над неприятелем. Константин в память этого чудесного действия христианский легион назвал «громоносным».

5. Случай из жизни преподобн. Иакова Низибийского

I. Св. Иаков, епископ Низибийский, живший в 4 веке, был высокой, святой жизни и еще при жизни прославлен от Бога даром чудотворения: молитвами его град Низибия был твердо огражден и неоднократно спасаем от врагов. Однажды св. епископ шел из города в одно селение. На пути встретили его нищие, которые, желая побольше получить подаяния, употребили лукавство. Они положили одного из своих товарищей близ дороги, научив притвориться мертвым. Когда св. Иаков приблизился, нищие стали просить помощи для погребения. Святой не обличил тотчас их коварства, но дал им милостыню и затем, встав перед мнимоумершим, помолился о упокоении души его и оставлении его согрешений.

II. Как только св. Иаков отошел, нищие, довольные тем, что удалась их хитрость, подошли к своему товарищу и ужаснулись, найдя его действительно умершим. Они бросились догонять святого и, павши перед

ним на колена, просили прощения в своем проступке. Св. Иаков, явивший силу благодати Божьей к обличению и наказанию обманщиков, действием той же благодати утешил их покаявшихся, возвратив жизнь умершему их товарищу.

6. Богатое одеяло

I. Жил богатый вельможа. Услышал он о великих подвигах святого Иоанна Милостивого; захотелось ему повидать его. Побывал вельможа у Иоанна и заметил, какая у него убогая постель, и какое изношенное на ней одеяло. Возвратись домой, вельможа послал ему новое одеяло, красивое и дорогое. Преподобный не хотел обидеть вельможу и в ту же ночь уснул под новым одеялом, но вдруг проснулся и воскликнул: «Горе, тебе, грешному! Ты спишь под дорогой и нежной тканью, тогда как нищие, братья Христовы, зябнут на морозе. Сколько убогих, которым нечем прикрыть наготу свою! Сколько есть странников, которые проводят ночь без крова и буйные ветры одолевают их. Долой это покрывало! Пусть оно покроет бедных!».

Как только наступило утро, Иоанн тотчас послал продавать одеяло на торг.

II. Случайно пришел туда тот самый вельможа. Он увидал свое одеяло, купил его и опять отправил к Иоанну, прося усердно, чтобы он сам покрывался им. Старец принял, поблагодарил и опять велел продать его. Вельможа снова купил его и возвратил старцу. Старец в третий раз сделал тоже и вельможа в третий раз купил одеяло. Наконец праведник, удивляясь его щедрости, послал сказать ему: «увидим, кто из нас прежде соскучится: я ли продавать, ты ли покупать?» И продолжали оба свою благочестивую продажу и покупку. Многих бедных одел и накормил праведный Иоанн на вырученные деньги.

(Ч. М.).

7. Святая сила церковного благовеста

I. Однажды нужно было одному богатому купцу по делам переправиться за Волгу. А Волга только что тронулась и пошла; переехать на ту сторону никак нельзя. Купец решился переночевать на постоялом дворе, который (теперь двора нет, да и хозяин давно умер) за селом один бобылем стоял. Содержал двор один крестьянин. Купец ехал по торговым делам и вез с собой большие деньги. Поместил проезжего хозяин в отдельной комнате, а сам ночевал с семьей через сени в другой избе. Постоялец разговорился с хозяином: куда, как и зачем едет. Лукавый силен, горами шатает... Мужик заметил у купца много денег, соблазнился и – что бы вы думали? решился убить проезжего.

II. Наступила ночь. Купец с дороги крепко уснул. В деревне какие запоры? да купцу и на мысль не приходило что-нибудь дурное... Мужик берет топор и тихонько крадется к спящему; вот он ощупал постель... Вдруг благовест к заутрени... Мужик вздрогнул. Топор у него выпал из рук и грохнулся о пол... Купец проснулся, зажег свечку... Перед ним, ни жив, ни мертв, стоит хозяин, а на полу топор...

III. Остолбенел мужик и бежать не мог. – «Прости, Христа ради», сказал он, встав на колени перед купцом и горько заплакав, «винюсь, согрешил окаянный, задумал тебя убить и завладеть твоими деньгами... Если бы удар святого колокола, словно громом грянувший на мою грешную голову, не остановил меня, не образумил, – я бы сделал худое дело: и твою, и свою душу загубил... Прости, прости!...» рыдал мужик.

– Бог тебя простит, – отвечал ему купец, перекрестившись: – тебя мои деньги соблазнили: я тебе отдам их все, что есть со мной... Вот тебе бумажник; мне жизнь дороже.

И купец подал ему бумажник с деньгами.

Мужик только молил о прощении, плакал и ни за что не хотел брать денег.

Тогда решил купец, – так как благовест спас ему жизнь, – пожертвовать эти деньги на новый колокол.

– Приход ваш большой, – сказал купец, – и раскинулся далеко; в будничные дни, может быть, до иных деревень и не достигает гул Господнего благовеста. А потому новый колокол закажу я в Москве позвонче, пудов в двести, и пусть он будет повседневным. Пришлю его сюда от неизвестного с письмом на имя священника, а в письме я ничего не скажу, а только завещаю, чтобы благовестили в него по будням: пусть раздается благовест его по всем дням... Ведь благовест – голос Божий: заслышав его в далекой деревне, не одна христианская душа перекрестится, вспомнит о Боге и, может быть, удержится от злого дела...

IV. Так и сделал добрый купец. Спустя несколько времени колокол привезли, подняли, повесили: на нем вылита надпись: «Пожертвован в благодарность Богу за спасение погибавшего». Что еще чудно: крестьянин, содержатель постоялого двора, умер в ту самую минуту, как в первый раз заблаговестили к обедне в новый колокол.

(Из «Солнышка» Радонежского).

8. Три друга (Притча)

1. Один человек имел трех друзей; будучи потребован к царю, он испугался и искал себе защитника. Первый, которого он считал своим лучшим другом, отказался с ним идти; другой согласился проводить его до

ворот дворца, но отказался говорить в его защиту; третий, которого он наименее уважал, предстал с ним перед царем и так убедительно его защищал, что испросил ему освобождение.

2. Всякий человек имеет трех друзей, когда смерть призывает его предстать перед божественным Судьей. Первый самый дорогой его друг – деньги, не делает с ним ни шагу; второй – его друзья и родственники – провожают его до могилы, но не далее, и не избавляют его от суда – третий же – наименее им ценимый – закон и добрые дела являются с ним перед царем и избавляют его от осуждения.

9. Не осуждай

Один брат в ските пал в грех. Братия собрались и послали за аввой Моисеем; но он не хотел идти. Пресвитер опять послал звать его таким образом: «иди, тебя ожидает собрание». Авва Моисей встал и пошел. Взяв корзину с дырами и наполнив ее песком, он нес ее позади себя. Братия, вышедшие к нему навстречу, спрашивают его: «Что это такое, отец»?» Старец отвечал им: «Это грехи мои сыплются позади меня, но я не смотрю на них, а пришел теперь судить чужие грехи». Братия, услышав это, ничего не стали говорить согрешившему брату и простили его.

(Из «Достоп. сказ, о подв. свв. и блаж. отцов»).

10. Молитва за умерших

Св. Иоанн Дамаскин повествует, что «у одного из святых мужей был ученик, живший беспечно. Что же? Смерть застигла его в таковой беспечности. Милосердый Отец небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открыл ему того юношу горящим в пламени даже до выи [46] , подобно немилосердому богачу, упоминаемому в притче о Лазаре. Когда же святой подверг себя строгим подвигам поста и молитвы, с крепким воплем умоляя Бога, то увидел своего ученика, объятого пламенем до пояса; наконец, когда св. муж присоединил болезни к болезням (то есть еще более усилил свою молитву), то Бог в видении явил юношу старцу изъятым из пламени и совершенно свободным».

11. О почитании святых икон

1. Св. Афанасий, архиепископ Александрийский, повествует, что в городе Вирите, где много было евреев, в бедной хижине жил один христианин; у него в переднем углу висела икона Спасителя. Спустя некоторое время христианин этот купил себе новый дом и покинул хижину, забыв в ней, по усмотрению Божьему, икону Спасителя. В этой хижине поселился еврей; он иконы не заметил. Однажды пришел к нему в гости один друг его, еврей же. Этот, сидя за столом, заметив икону, спросил хозяина: «как он, будучи еврей, держит в своем доме

христианскую икону?» Хотя хозяин и уверял, что он не замечал доселе иконы, но гость этим не успокоился и пошел к своему архиерею и старцам и объявил им об этом.

2. Поутру все евреи города собрались в хижину, где была икона Спасителя, сняли ее со стены, начали ругаться над ней, а потом, подобно отцам своим, пригвоздили ее к дереву, и один из евреев ударил копьем в ребро образа Господня; но, о чудо! тотчас из иконы потекла кровь и вода и наполнила целый сосуд. Великий страх объял всех бывших тут евреев. Они составили совет и на нем положили, что если от этой крови увидят какое-нибудь чудо, то все уверуют в Распятого. Сначала принесен был хромой от рождения; ему помазали ноги кровью – и он тотчас стал здоров. Слух об этом чуде разнесся по всему городу; приводили слепых, бесноватых, расслабленных и прокаженных – и все получили исцеление;

3. Все евреи того города уверовали во Христа, рассказали об этом тамошнему епископу и приняли от него крещение со всеми своими семействами, и построили в этом городе церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Всякий христианин должен покланяться святым иконам с верой и любовью, почитать их честно и с благоговением.

(Из кн. «Наставление в законе Божьем» П. Афинского).

12. Средство жить в мире с ближними

1. Один инок [47] , живший в небольшом монастыре, был доволен добрыми к нему отношениями пяти братий, но только с одним не мог сойтись и, вступив с ним в разногласие, получал от него разные оскорбления. Не мог снести этого инок, вышел из монастыря и поселился в другом. Вскоре оказалось, что здесь два брата не полюбили его и всячески преследовали. В досаде инок удалился в третий монастырь, но тут у же нашлось пять братий, которые возненавидели его, оскорбляли и обижали. Инок опять ушел с величайшей досадой из этого монастыря, но дорогой он ужаснулся, подумав: что будет, если везде будет также? Что делать? Как ужиться на месте?

2. Вдруг его озарила мысль о терпении и преданности воле Божьей. Он взял листок бумаги, написал на нем слова: «во имя Иисуса Христа, Сына Божия, терплю», положил его за пояс и решился всякий раз, как придет досада, прочитывать эти слова. И действительно, поселившись в первом попавшемся монастыре, инок при всяком неудовольствии вынимал записку и прочитывал написанные на ней слова: «во имя И. Христа, Сына Божия, терплю». Дух его, возмущенный досадой, скоро успокаивался

силой животворящего имени Спасителя, и инок окончательно утвердился в мирном житии среди братий.

13. Прежде сам прости

Аще(бо) отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный: аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших(Мф. 6:14,15), *Отпущайте и отпустит вам, тою бо мерою, еюже мерите, возмерится вам!* (Лк. 6:36,38).

Вот какой рассказ читаем мы в житии святителя Иоанна Милостивого: был в Александрии один вельможа, который, не смотря на все увещания угодника Божия, не хотел и слышать о примирении с своим врагом. Раз святитель пригласил его в свою домовую церковь на Божественную литургию. Вельможа пришел. В церкви никого не было из богомольцев, сам патриарх служил, а на клиросе был только один певец, которому вельможа и стал помогать в пении. Когда они начали петь молитву Господню: *Отче наш* , запел ее и святитель; но на словах: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* – св. Иоанн вдруг замолчал сам и остановил певца, так что вельможа один пропел слова молитвы: *и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* ... Тут святитель обращается к непримиримому вельможе и с кротким упреком говорит: «Смотри, сын мой, в какой страшный час и что говоришь ты Богу; остави мне, как и я оставляю... Правду ли ты говоришь? *Оставляешь ли?..»* Эти слова так поразили вельможу, что он весь в слезах бросился к ногам архипастыря и воскликнул: «Все, что ни повелишь, владыко, все исполнит раб твой!» И исполнил: он в тот же день помирился с своим врагом и от всего сердца простил ему все обиды.

(Ч. М).

14. О страннопримстве

Св. Григорий, папа [48] римский, рассказывает следующее: один богатый человек каждый день имел обыкновение приглашать к себе странников, кормил их и со всем семейством служил им. Однажды между обычными посетителями явился некоторый новый, неизвестный ему странник. Хозяин пригласил его к столу, а сам между тем пошел за водой, чтобы по обычаю умыть руки. С водой он возвратился тотчас же, но к удивленно своему, нового посетителя на месте его уже не увидал. Страннолюбец недоумевал: что бы это значило? Но недоумение его скоро разрешилось. В ту же ночь явился ему Господь и сказал: «В прежнее дни ты принимал братий Моих меньших, а вчера принял самого Меня. И вот. Имеющий придти на суд вместе с другими скажет и тебе: понеже единому

от братий Моих меньших сие сотвори, то Мне сотвори. И знай, что тех, которые прежде суда принимают Меня в лице странных, Я на суде взыщу Своими милостями».

И вас взыщет Он Милосердый, своими милостями, если не по принуждению, но добровольно и с христианской любовью вы дадите хоть временный приют бесприютным.

15. Мужественное исповедание христианской веры

Святой мученик Варлаам [49] за исповедание имени Христова уже в глубокой старости предан был суду и претерпел много мучений... Наконец нечестивые язычники, принуждая его к идолопоклонству, привели в капище Аполлона, и, повелев протянуть руку над пылающим жертвенником, положили на нее горящие угли с ливаном и смирной, в том намерении, что св. страдалец, чтобы избавиться от ужасных мучений, вынужден будет отрясти эту жертву на идольский алтарь; и если бы это случилось, хотели перед ним восплескать руками и с хохотом сказать: «уже принес жертву богам нашим!» Но нечестивые и жестокие язычники не могли восторжествовать над твердостью св. мученика: старец, держа в руке своей горящий огнь, явился тверже железа и, не тронувшись с места, не испустив ни одного вздоха, стоял до тех пор, пока отгорели пальцы его и с углями упали на жертвенник. Он произносил только тихим голосом: «Благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение и персты мои на брань». [50] Так мужествен и непобедим показался крепкий страдалец и воин Христов Варлаам! Имея десницу [51] свою вместо алтаря Господня, как говорит святой Василий Великий, он принес себя в жертву всесожжения Господу и в руце Его предал святую душу свою.

(Уч. благоч.).

16. Мужество христианина

I. В 257 году по Р. Х. воздвигнуто было императором Валерианом гонение на христиан; тяжесть его особенно пала на служителей алтаря. В числе прочих христиан представлен был в судилище и св. Лаврентий, диакон римской церкви. – Где сокровища вашего храма, спрашивал его Валериан? – «Приходи, государь, – я укажу их тебе», отвечал св. Лаврентий, и показывая потом на нищих, вдов, сирот, слепых и хромых, сказал: «вот они, вот эти сокровища, которых драгоценнее ничего нет в мире и которых не могут и не захотят лишить нас и самые тираны.»

II. Осужденный потом на сожжение, св. Лаврентий, изумив своей твердостью современников, изумляет и потомство. Перед его глазами приготовляли костер и железную решетку, на которую потом повергли его

в оковах.

Медленный огонь умножал мучения страдальца; но лицо его сияло необычайным величием; страдания не вынудили у него ни одной жалобы, ни одного стона. Когда огонь пожрал одну сторону его тела, он с неизменяемой твердостью и мужеством сказал стражу: «испеклось, оборачивай». В этих словах св. мученика видна сила любви ко Христу, крепкой, аки смерть.

17. Урок обманщику

I. Один купец, для оборота в торговле, часто занимал деньги у святого Спиридона; когда же, возвращаясь, при- носил ему долг свой, старец обыкновенно приказывал ему самому положить деньги в ящик, из которого взял. Старец верил купцу и не считал денег.

II. Многократно купец, с позволения святого, брал и отдавал золото, и Господь благословлял его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положил купец принесенных денег в ящик и, обманув св. Спиридона, удержал у себя... Что же вышло? Не только утаенное золото не принесло ему никакого прибытка, но он вскоре обнищал совершенно.

III. В этой крайности приходит купец опять к св. Спиридону и просит у него взаймы золота. Святой, по обыкновению, послал его в свою спальню за деньгами, но так как купец не положил в ящик ничего, то и взять было нечего. Возвратившись с пустыми руками, объявил он святому, что в ковчеге золота нет. «Кроме твоей руки, доселе ничьей в ковчеге не было», спокойно отвечал ему старец: «если бы ты положил тогда деньги, то теперь опять взял бы их; роптать не на кого, – сам виноват». Пораженный стыдом, купец пал к ногам Спиридона. Старец немедленно простил его, но отпустил в дом уже не с деньгами, ибо не имел их, а только с убедительным наставлением вперед не осквернять совести корыстью и обманом.

18. Пост по принуждению не составляет заслуги перед Богом

Возвратясь однажды в Тавеннисиотский монастырь после месячного отсутствия, преп. Пахомий Великий узнал, что повар во все время его отлучки не приготовлял варива, потому что братия питалась сухоядением. «Чтобы времени не проводить в праздности, пояснял повар, я плел рогожи для монастыря». – «А много ты сплел рогож»? спросил Пахомий. – «Пять сот», был ответ. Преподобный приказал их сжечь при себе. – «Это тебе в наказание, сказал Пахомий, за нарушение устава. Раз положено готовить вариво – ты и обязан был исполнять повеленное. Не твое дело рассуждать – едят ли или не едят. Другой бы, может, и поел, а ты заставил всех поневоле поститься. А пост по принуждению не составляет заслуги перед

Богом».

(Ч. М. Май).

19. Ангел-хранитель

Однажды во время путешествия св. Поликарп, епископ Смирнский, остановился в одной гостинице, вместе с дьяконом, на ночлег. В полночь явился ангел и приказал Поликарпу тотчас же выбраться из гостиницы, ибо, по словам его, в гостинице этой совершалось много дурных темных дел, и Господь осудил ее на разрушение. Долго не мог святой добудиться своего дьякона. Ангел три раза возвещал волю Божию, и только после сего дьякон очнулся. Едва Поликарп с ним вышел из гостиницы, как она рухнула и задавила ее обитателей.

(Четьи-Минеи. Февраль).

20. Чудесное спасение от пожара

«Между 1768 и 1769 годами зимой, не упомню месяца и числа, в Санкт-Петербурге, в Сухопутном кадетском корпусе сделался в поварне пожар, от которого неминуемо все мы, малолетние, сгорели бы, потому что пожар случился в самую полночь, если бы особенным чудным образом не были спасены. В самую полночь, когда все находились в глубоком сне, вдруг привратник слышит голос: «мы горим!» Он пробуждается, поднимает голову с постели и осматривает, нет ли кого, и, не видя никого, опять лег. Слышит вторично голос: «встань, мы горим!» Он встал, перетревожившись, и везде осматривает, где можно, даже и за печкой – нет ли кого, но и вторично никого не находит, и опять ложится. И в третий раз слышит голос: «да что же не встаешь? встань, мы горим!» Тогда он поспешно встал, вышел на двор и в ужасе увидел сильный огонь, который быстро усиливался: если бы еще промедлить несколько времени, пламя охватило бы все здания, и много людей сгорело бы. Тогда он побежал и всех перебудил нас; мы не успели почти одеться и обуться – кто босиком, кто в одном чулке, иной без платья, бросились из комнат, и в таком положении должны были по снегу бежать на значительное пространство, и, благодарение Всевышнему! все были спасены, даже все остались здоровы. А без этого чудесного ангельского голоса, посланного от Бога, неминуемо все бы сгорели».

(«Простая речь о мудреных вещах». М. Погодина).

21. Спокойстви е ближнего

Преподобный Иоанн Колов однажды пошел с некоторыми братьями из скита. Дорогой застигла их ночь, и провожатый к несчастию сбился с пути... «Что нам делать?» сказали Иоанну спутники: «скитаясь здесь, можно погибнуть». – «Не говорите провожатому ничего», отвечал старец:

«бедный устыдится и будет печалиться, досадовать и, может быть, роптать... Лучше сделаем вот что: я скажу, будто болен, что не могу идти далее, и останусь здесь, пока не рассветет». Так и поступил. Прочие объявили, что останутся с ним: все пробыли тут до утра и не причинили сокрушения брату.

22. Как святые наказывали себя за невольную жестокость к животным

Однажды св. Макарий на рассвете сидел в своей келье; на ногу ему сел комар и впился в нее. Дав ему напиться крови, Макарий, когда почувствовал боль, раздавил его. Но после стал раскаиваться, что отмстил за самого себя и за такой грех осудил себя – сидеть нагим шесть месяцев при скитском (в Египте) болоте, которое находилось в глухой пустыне. Комары здесь величиной равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов. Ими он так был весь искусан и изъеден, что некоторые думали, не в проказе ли он. Когда через шесть месяцев он возвратился в свою келью, то по голосу только узнали, что это сам Макарий.

(Лавсаик, стр. 73).

23. Пример христианской кротости императора Константина.

Ариане, негодуя на Константина Великого за то, что о покровительствовал православным, с ругательством ниспровергли его статуи в Александрии. Когда потом побуждали императора к отмщению за эту дерзкую наглость, то он, положив руку на лице свое, сказал: «я не чувствую никакого уязвления», давая знать, что поступок ариан не причинил ему существенного вреда, и что он не намерен мстить им за личное оскорбление.

(В. Ч. XV.).

24. Братская любовь

Некоторый брат из числа сирийских пустынников принес однажды авве [52] Макарию гроздь винограду. Авва, который жил по духу христианской любви, которая не ищет своего, отнес виноград другому брату, бывшему тогда больным. Больной чрезвычайно обрадовался этому знаку любви святого мужа и возблагодарил за то Господа. Но, помышляя более всего о благе ближнего, чем о своем собственном, не вкусил винограда, а отослал его к другому брату. Этот сделал то же и переслал четвертому. Таким образом грозд обошел все кельи братий и, переходя из рук в руки, возвратился наконец опять к тому, кто первый получил его в дар, к авве Макарию. Священная радость объяла душу праведника, когда он увидел между братией любовь и воздержание, живо выражавшие слова божественного апостола: «не оставайтесь должными никому ничем, кроме

взаимной любви, ибо любящий другого исполнил закон»

(Рим.13:8).

25. Радость и печаль духовная равно приятна Богу

I. Два инока, однажды выйдя из своего монастыря, впали в тяжкий грех, но они скоро одумались, тотчас возвратились в свою обитель и открыли грех настоятелю. Настоятель по обыкновенно положил им приличное наказание, именно такое: они несколько времени должны были прожить в разных кельях, никуда не выходя, и питаясь хлебом и водой. Когда они прожили положенное время, настоятелю монастыря было свыше открыто во сне, что согрешившим инокам все прощено.

II. Настоятель на следующий день велел освободить их из заключения. И вот, они явились к нему; но какая чудная разность была между ними! Один из них был свеж и полон лицом, как будто он питался самой вкусной пищей; другой, напротив, был сух и слаб, как будто он целый год ничего не ел. Удивляясь этому, настоятель спросил первого: «что ты делал в своем заключении? – Я, отвечал он, день и ночь радовался и благодарил Бога, что Он не дал мне погибнуть в грехе, а сподобил раскаяться». А ты что делал? спросил он другого. – «А я, отвечал тот, непрестанно все плакал о своем грехе и просил у Бога прощения». Значит, и радость Богу приятна, когда человек радуется тому, чему должно, и печаль Ему приятна, когда челевек печалится ради Бога, и о том, о чем следует печалиться.

(Из Пролога 15-е апреля).

26. Радость по поводу скорбей

Некоторый брат тем был веселее духом, чем более бесчестили его и насмехались над ним. Он говорил: бесчестящие нас и насмехающиеся над нами доставляют нам средства к преуспеянии, а похваляющие нас вредят душам нашим.

(Отечн. Еп. Игнатия).

27. О терпении

1. Хотите ли на опыте видеть, как спасительно для души терпение? Выслушайте, что рассказывает один праведный муж, который сподобился видеть те места, где по смерти покоятся святые. [53] В одном славном месте он увидел некоего человека, и спросил его: «что ты делал в мире, и чем заслужил такое место?» – Я был работником у одного злого человека, отвечал тот, и много терпел от него до конца жизни. После он увидел другого человека в столь же славном месте, и спросил его: «ты чем занимался в мире?» – Я долго был болен и терпеливо переносил свою

болезнь.

2. Итак, вот что значит терпение! Терпеть так же спасительно для нашей души, как и заниматься спасением; переносить что-нибудь горестное так же полезно, как и делать добрые дела; удерживаться от слов оскорбительных для ближнего так же приятно Богу, как и славословить Его непрестанно.

Итак слушатель благочестивый, все переноси терпеливо, все – малое и великое. Нетерпением ты не умалишь горя, а только прибавишь; огорчением не утушишь оскорбления, а только усилишь: так лучше терпи. В терпении вашем стяжите души ваши (Лк.21:19).

Тот слабый имеет дух, кто всем огорчается, на все досадует; так покажи своим терпением, что ты не слабого духа. Претерпевый до конца той спасен будет (Мф.10:22); так терпи же – и ты спасешься.

(Из проп. Прот. Р. Путятина).

28. Молитва убогих

I. Лет семьдесят назад жил в Петербурге один добрый благочестивый вельможа. К сожалению, он имел несчастье подвергнуться немилости государя: на него взвели перед государем какую-то клевету, отдали под суд, и дело грозило тюрьмой. Несчастный вельможа заболел и слег с горя в постель.

В это время приехал в Петербург строгий подвижник Валаамского монастыря, отец Назарий. Он был знаком с несчастным вельможей и зашел утешить его в скорби. Супруга вельможи встретила Назария словами: «Помолись, отец, чтобы дело моего мужа получило добрый исход». – «Хорошо», отвечал ей старец, «конечно, надо молиться Господу; но необходимо попросить ходатайства и приближенных государя; дайте мне немного денег, я сам попрошу их за вас». Старцу подали золота. «Нет», сказал он, «это мне не годится; нет ли медных или мелкого серебра?» Подали тех и других. Отец Назарий взял деньги и ушел.

II. Поздно вечером приходит он опять к вельможе и спокойно говорит: «Все царские приближенные обещались похлопотать за вас; успокойтесь и ждите радостных вестей». И что же? Еще старец сидел у постели больного, как получается известие о благополучном окончании дела. Радостная весть благотворно подействовала на больного. Он начал благодарить старца и просил его открыть ему, кто из приближенных государя больше других принимал участие в нем.

III. Тут только открылось, что о. Назарий ни у кого из ближних к государю не был и никого не просил. Вместо того он ходил целый день по улицам города и раздавал бедным деньги, взятые им у вельможи. «Итак,

благодарите Господа», сказал в заключение старец: «Он, милосердый, внял молитвам убогих и положил на сердце доброму государю еще раз пересмотреть ваше дело. Да не забывайте и вельмож его, ваших благодетелей, нищих и убогих: они много могут у Господа Бога!»

(Из «Троицких Листков»).

29. Преподобный Макарий Египетский.

1. Отечеством преподобного Макария была Египетская страна, лежащая на северо-западном берегу Африки. Родители преподобного жили сначала в самом Египте, где Авраам, отец Макария, был пресвитером; они были люди добрые, любили помогать странникам и неимущим. Уже в ранней юности запала ему мысль об иноческой жизни, но родители настаивали, чтобы Макарий женился и, убеждаемый постоянно, он, наконец, уступил просьбам своих родителей. Скоро он однако овдовел. С тех пор

храму Божьему и божественным книгам посвятил Макарий все свое время. Умер затем отец Макария, умерла потом и мать. Все роздал Макарий, что осталось после отца и матери, и удалился в пустыню. Один старец с любовью принял Макария, научил его безмолвному житию, показывал ему рукоделия иноков – корзины, и объяснял, как они делаются; потом устроил старец для Макария особую келью, недалеко от своей, и отвел его в новую келью, преподав ему наставления о молитве, пище и рукоделии. Так начал Макарий свое иноческое житие.

2. Было сорок лет преподобному Макарию, когда получил он от Бога дар исцеления и пророчества и удостоился священнического сана. И много приходило народу к преподобному Макарию: одни для молитвы, другие для исцеления. Преподобный же, любя уединение, выкопал себе пещеру, чтобы скрываться в ней от приходящих к нему не во́время и мешающих его молитвам. Однажды Макарий, ходя по пустыне, нашел череп человеческий. Когда его жезл дотронулся до кости, то кость издала звук человеческий. «Кто ты?» спросил старец, и отвечала кость: «Я был начальником идольских жрецов, живших на этом месте; а ты – Макарий, исполненный Духа Божьего; когда ты молишься за нас, находящихся в мучении, то мы ощущаем некоторую отраду». Много народу стекалось к преподобному. Ради стекающегося народа нужно было построить гостиницу, которую Макарий и устроил. В ней покоились больные и странники.

3. Кротость и смирение были всегда отличительными чертами преподобного. Раз пришел к нему один из братии и сказал: «Отец, научи меня, как мне спастись.» – «Ступай к тому месту», сказал Макарий, «где

лежат мертвые и злословь их». Послушался брат, пошел и злословил мертвых, а потом возвратился к преподобному. «Что же отвечали тебе мертвые на твое злословие?» спросил старец. – «Ничего», отвечал инок. – «Поди теперь опять туда же и хвали мертвых», учил инока старец. Тот так и сделал. «Ну, что же теперь сказали тебе мертвые?» спросил Макарий у инока, когда тот возвратился к нему. – «Ничего», был ответ его. – «Вот видишь, сказал Макарий, злословил ты их, – они ничего не отвечали тебе; ты начал хвалить, – и не отозвались они на твою хвалу. Так и ты, если хочешь спастись, будь, как мертвый: гонять тебя – не гневайся; почитают тебя – не возносись!».

4. Настала наконец блаженная кончина преподобного Макария, на семьдесят девятом году его полезной для других жизни. «В руки Твои, Господи предаю дух мой», сказал умирающий старец, испуская дух. Беседы Макария Египетского о душе, о человеке, о внутренних его совершенствах и пр. для всех христиан бессмертны. Они весьма полезны: читайте их!

30. Из жизни препод. Феодосия

I. Однажды великий князь Изяслав посетил преподобного Феодосия Печерского и остался у него обедать. На простом столе приготовлена была простая монашеская пища: черный хлеб и обыкновенные овощи. Но эта пища показалась так вкусна великому князю, что он с изумлением спросил преподобного Феодосия: «у меня всего много, припасы дорогие, приправа заморская, повара ученые, но я никогда дома не ел с таким вкусом, как у тебя: отчего это происходит?» Государь! отвечал Феодосий, у нас братия, когда хотят варить пищу или печь хлебы, имеют вот какой устав: сначала берут у настоятеля благословение, потом кладут три поклона перед алтарем, зажигают свечку из лампадки перед образом Спасителя и этою свечей разводят огонь в кухне и хлебне. Когда же нужно вливать в котел воду, служитель говорит старцу: благослови, отче! а тот скажет: Бог да благословит тебя, чадо! Таким образом у нас все делается с благословением. Вот причина, почему у нас все вкусно. А ваши слуги каждое дело начинают с ропотом и досадой друг на друга. А где есть грех, там не может быть удовольствия. Кроме того, ваши дворецкие часто бьют служителей за малейшую неисправность; а их слезы также прибавляют много горечи в кушанья, как бы они дороги ни были.

II. Великий князь согласился, что святой старец говорит правду, принял от него благословение и возвратился домой.

Урок Феодосиев полезен и каждому из нас: мы иногда без благословения принимаемся за свои дела. Садясь за стол, часто не читаем

никакой молитвы, а иногда забываем и перекреститься.

Дети! принимаясь за какое бы то ни было дело, всегда молитесь Богу, или по крайней мере перекреститесь и скажите в себе: «Господи, благослови!».

31. Смиренный чудотворец

I. Когда преподобный Сергий избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду по близости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее издалека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее.

Не раз братия жаловались ему, что приходится далеко ходить за водой, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: «для чего на таком месте построил ты обитель?» На это преподобный отвечал: «я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его пресвятого имени; дерзайте в молитве и не унывайте; если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу еврейскому, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?» Раз, после такого наставления братии, он взял с собой одного инока и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над ней колена и помолился так: «Боже Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое и невидимое, создавший человека и не хотящий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои: услышь нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою! – даруй нам воду на месте семь и да уразумеют все, что Ты послушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу возсылаю- щих – Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и всегда и во веки веков, аминь!».

II. Так молился угодник Божий, и едва произнес он молитву сию и осенил крестным знамением место, где стояла дождевая вода, как вдруг из-под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды, и она потекла быстрым ручьем по долине. С той поры многолюдная обитель Сергиева не имела уже недостатка в воде. Преподобный Епифаний, ученик Сергиев, свидетельствует, что бывали исцеления от воды сей и даже издалека присылали за ней для болящих, так что ручей тот получил прозвание *Сергиевой реки;* но смиренный чудотворец, узнав о том, строго запретил братии называть так изведенный молитвой его источник: «не я», говорил он, «а Господь дал воду сию нам недостойным». И братия, из послушания к заповеди своего святого старца, мало-помалу

отвыкли от сего наименования.

32. Из жизни святителя Алексия, митрополита Московского.

I. Св. Алексий, живший в трудное время монгольского ига, под которым стонала вся Россия, неусыпно заботился о благе церкви и государства. Он несколько раз путешествовал в Орду – к ханам, завоевателям России, и всегда его путешествие приносило много пользы церкви и отечеству. Так, к великому князю Иоанну Иоанновичу явилось из Орды послание, в котором хан писал, что жена его Тайдула, потеряв зрение, прибегала напрасно к разным пособиям, и заключал словами: «Нам говорили, что главный ваш священник, о чем он ни помолится, будет услышан вашим Богом. Отпусти его к нам: он исцелит Тайдулу». Раздражить хана отказом было опасно для России, но Алексий не смел рассчитывать на действительность своих молитв, и ханский гнев мог обрушиться на него; однако святитель не колебался и собрался в путь.

II. В народной памяти осталось по поводу его отъезда чудное предание. Ночь стояла над Москвой. Он ждал рассвета, чтоб покинуть, может быть навсегда, родимый город, чтобы принять смерть мученика, чтобы оставить свой прах на чужбине, и тоска лежала камнем на его сердце. Он зажег фонарь, пошел в Успенский собор и, обняв с рыданьем гробницу митрополита Петра, молил основателя храма, первого святителя юной Москвы, быть ходатаем перед Богом за него и за Русь, и во время его молитвы зажглась внезапно лампада, висевшая над гробницей. [54]

III. Радостное известие привез по возвращении своем митрополит: Тайдула прозрела. Но вскоре совершились в Орде события, которые потребовали нового путешествия Алексия. Хан был умерщвлен сыном своим, который накладывал на нас новую тяжелую дань. Слабая Русь должна была умилостивить своего владыку, и митрополит явился снова ее предстателем в Орде. Грозный хан уступил его увещаниям, отказался от своих требований и между прочим подтвердил ярлыком [55] освобождение от налогов нашего духовенства.

Москва, провожавшая в унынии святителя, встретила его в радости. Великий князь с малолетним сыном Димитрием, облеченное в праздничные ризы духовенство с крестами и иконами, бояре и народ вышли к нему навстречу. Святитель Алексий скончался на 79 году жизни в 1378 г. и погребен в Москве в Чудовом монастыре, где и почивают его святые мощи.

(Толычевой).

33. Святитель Тихон

I. Святитель Тихон (в мире Тимофей) родился в 1724 году от

беднейшего причетника (села Короцка в пределах нын. Валдайского уезда) и вскоре по рождении лишился своего отца. Детство и отрочество его прошли среди ужасающей нищеты: иногда целый день приходилось ему работать у поселян ради одного куска хлеба. Едва избегнув разбора (для отдачи в военное звание), среди великой нужды учился он в Новгородской семинарии, в которой после был наставником. Некоторые особенные обстоятельства (чудесное спасение от смертной опасности, чудные видения) расположили его к принятию иночества, к которому он давно стремился, и наконец, по явному указанию свыше, он был избран в епископы. Около двух лет (1761–1763) он был викарием в Новгороде и около четырех (1763–1767) на самостоятельной кафедре в Воронеже. Во все это время он ревностно проповедовал и побуждал к этому подчиненных ему священников. В Воронеже от времени язычества соблюдался праздник в честь Ярилы, соединенный со множеством разных бесчинств. Один раз святитель неожиданно является на народную площадь среди самого разгара веселья и начинает обличительное слово, которое так подействовало, что при нем балаганы и лавки были сломаны, и праздник более не возобновлялся. Усиленные труды расстроили его здоровье, и последние 16 лет (1767–1783) жизни он провел на покое в Задонском монастыре.

II. Все время здесь, за исключением 4–5 часов тревожного отдыха, у него посвящалось молитве, чтению Слова Божьего, делам благотворительности и составлению душеполезных сочинений. Ежедневно он был в храме. Дома, кроме обычных часов молитвы, часто падал на колена и ниц, и, обливаясь слезами, как бы самый тяжкий грешник, взывал: Господи, пощади, Господи, помилуй! Непременно каждый день он читал по нескольку глав из Священного Писания и в дорогу никогда не ездил без маленькой Псалтыри. Вся его 400-рублевая пенсия шла на благотворения, и сюда же обращалось все, что получал он в дар от знакомых. Часто в простой монашеской одежде он отправлялся в ближайший город (Елец) и посещал заключенных в тамошней тюрьме: утешал их, располагал к покаянию и затем оделял милостыней. Сам он был в высшей степени нестяжателен и жил среди самой простой и бедной обстановки. Садясь за скудный стол, он часто вспоминал о бедняках, не имеющих такого, как он, пропитания, и начинал себя упрекать за то, что, по его рассуждению, мало потрудился для церкви, и горькие слезы лились из его глаз.

III. По природе горячий и вспыльчивый, он был удивительно кроток и незлобив: до земли кланялся келейнику, прося, прощения за

какое-либо слово, показавшееся тому обидным, и старался всегда платить добром, когда кто сделает ему какое-либо оскорбление. Раз в доме знакомого он вступил в беседу с одним не веровавшим дворянином и кротко, но так сильно во всем опровергал безбожника, что гордый человек не вытерпел и, забывшись с кем говорил, ударил святителя в щеку. Св. Тихон бросился ему в ноги, прося прощения за то, что привел его раздражение. Этот подвиг незлобивого смирения так подействовал на дерзкого оскорбителя, что тот обратился к вере и после был хорошим христианином. Особенно он любил беседовать с простым народом, утешал его в тяжкой доле, помогал разоренным. Из монастырской слободы ходили к нему дети: он учил их молитвам и оделял деньгами. Когда пойдет, бывало, он из церкви, они идут за ним; войдет в келью и они за ним, – положат три поклона и громко скажут, по его наставлению: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Он спрашивает: «Дети! где Бог наш?» Они в один голос отвечают: «Бог наш на небеси и на земли». – «Вот хорошо, дети!» – погладит их по головке, даст им по копейке и по куску белого хлеба, а в летнее время по яблоку. Когда же по слабости здоровья не бывал он в храме, дети посмотрят, что его нет, и уходят из церкви. Узнавая о том, преосвященный улыбался и говорить: «Беда, они бедные ходят для хлеба».

IV. Блаженная кончина св. Тихона последовала 13 августа 1783 года; через 63 года открыты нетленные мощи его, а в 1861 году (через 76 лет) он торжественно причислен к лику святых угодников.

Всякий православный христианин с великою душевной пользою и удовольствием прочитает сочинения св. Тихона. Особенно замечательны его творения: *Об истинном христианстве, Сокровище веры, от мира собираемое, Наставление христианское* и др.

34. Корабль

Видишь корабль, волнующийся на море и бедствующий. От сего разумей, что так и жизнь наша на море мира сего бедствует, и многоразличными напастями, как волнами, обуревается. А сим научаешься часто и усердно молиться и воздыхать к премудрому Управителю Христу, чтобы не дал твоему кораблецу в волнах бедствий утонуть, но наставил бы достигнуть в тихое и безопасное жизни вечной пристанище.

(Из «Твор. св. Тихона Задонского») **.**

35. Свеча горящая

Видишь, что свеча горит, и далее сгорает. Этот пример подает тебе знать, что и жизнь наша, пока живем, как свеча горит, а потом и угаснет, –

и помнить кончину жизни, которая неизвестна, в какой день и час будет, а потому всегда ожидать ее должно.

(Из «Твор. св. Тихона Задонского»).

36. Кротость

Один благочестивый старец (близ Александрии, окруженный толпой неверных, стал подвергаться со стороны их не только злословию, но и ударам, и когда с насмешкой говорили ему: «что удивительного сделал вам Христос, которого вы почитаете?» он отвечал: «то, что я не возмущаюсь и не оскорбляюсь этими и бóльшими обидами, если бы вы их нанесли мне».

(Из «Духовн. Цветн.».)

37. Когда бывает услышана молитва?

1. Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Богом (Св. Исаак Сирин).

2. Молитва без любви не бывает услышана (Филар. митрополит Московский).

3. Тщетны молитвы человека, желающего мщения (Авва Исаия).

38. Болезни

1. Если поразить тебя болезнь, не унывай и не падай духом, но возблагодари Бога, что Он промышляет доставить тебе этой болезнью благо (Авва Исаия).

2. Некоторый старец часто подвергался болезни. Случилось ему в течение одного года не болеть; старец очень скорбел об этом и плакал, говоря: «оставил меня Господь мой и не посетил меня» (Древн. Патер.).

3. Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига и даже более (Схимон. Сераф. Саровск.).

4. Кто терпит болезни и благодарит, тот мученический венец получает (Златоуст).

39. Помяни Христа

1. Помяни Христа в вертепе и в темнице – и тебя не будет прельщать великолепно украшенный дом (Филар. м. Московский).

2. Помяни Христа обнаженного и облекаемого в одежду поругания – и для тебя не желательна будет изящная [56] одежда

(Он же).

3. Помяни оцет и желчь, вкушаемые Христом: и ты не взалчешь роскошного пиршества

(Он же).

4. Помяни Христа, пролившего Свою кровь и за тех, которые проливали ее; помяни Его, возносившего с креста молитву и за тех,

которые вознесли Его на крест: и ты не станешь думать о мщении врагам своим, но великодушно простишь им.

40. Бог на тебя смотрит

1. Если ты стыдишься подобных тебе грешников, чтобы не увидели тебя грешащим: сколько более ты должен страшиться Бога, который совершенно зрит тайны сердца твоего

(Авва Исаия).

2. Если хочешь все дела свои хорошо делать, то представляй себе, что Бог на тебя смотрит.

3. Если в присутствии царя мы не позволим себе никакой небрежности, а тем более неприличия, но стараемся, чтобы всякое наше слово, всякое движение было ему благоугодно: то тем более представляющий себя в присутствии Божьем не позволит себе никакого греха, поревнует о святом деле, благоугодном Богу

(Филар. митроп. Московский).

41. Благотворительность

Сын мой! при благодеянии не делай упреков и при всяком даре удерживайся от оскорбительных слов. Слово не дороже ли подаяния? Но то и другое дает добрый человек. Глупец безжалостно делает упреки, и дар скупца выжимает слезы из глаз

(Из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова).

42. Богатство

1. За первым богачом, как и за последним нищим, идут в вечность одни дела его – благие или злые

(Иннокентий, архиеп. Херсонский).

2. Кто раб богатства, и хранить его как раб; а кто сверг с себя иго рабства, тот раздает богатство, как господин

(Блаж. Августин).

3. Богатые только тогда внидут в царство небесное, когда введут их бедные (Лк.16:9).

43. Скудость

У скупого одно натвержено слово: «нет у меня; не дам, потому что сам беден». Действительно, ты беден и скуден всяким добром; беден ты любовью, беден человеколюбием, беден верой в Бога, беден вечным упованием

(Св. Василий Великий).

44. Истина и ложь

1. Истина никогда не тонет. Сколько бы ни погружали ее в глубину, она всегда всплывает на поверхность воды.

2. Только на истине и правде основать можно спокойствие себе и другим (Филар. м. Московский).

3. Не только верить должно истине, но и говорить истину.

4. Говори всегда правду с точностью и без уклончивости: и твоему простому слову будут верить как клятве

(Филарет митроп. Московский).

45. Как нужно поступать при виде согрешающего твоего ближнего

1. Когда что худое в ближнем твоем увидишь или услышишь, то запечатлей уста твои молчанием, а о нем воздохни ко Господу, да исправит его; и о себе молись, чтобы в такой же порок не впасть, потому что всякому падению подлежим, как немощные

(Св. Тихон Задонский).

2. Когда увидишь ближнего твоего погрешающим, обратись к Богу и скажи Ему с признательностью, как блаженный Августин: «Ах, Господи! Ежели бы Ты попустил, я бы еще хуже его поступил».

46. Совет св. Иоанна Лествичника

«Если ты усладился или умилился каким словом молитвы, то остановись на нем», говорит св. Иоанн Лествичник: ибо тогда хранитель наш молится вместе с нами». Отсюда – духовная радость, отсюда – чистые мысли, благоговейные чувства, святые желания.

47. Что надобно наблюдать при исповеди?

Когда мы желаем очистить свою совесть от грехов таинством покаяния, то нам надобно

1) иметь твердую веру и надежду на Иисуса Христа;

2) иметь сокрушение и соболезнование о том, что мы прогневали Бога;

3) простить всем своим врагам и оскорбителям все обиды, какие они нам сделали:

4) без всякой утайки, чисто и откровенно объявить грехи свои перед духовником;

5) положить твердое намерение вперед жить как можно осторожнее.

Вот, что должен исполнять тот, кто хочет, чтобы Бог простиль ему грехи его.

48. Преимущество церковной молитвы перед домашней

«Дома, конечно, молиться можно, говорить св. Златоуст, но не можно так молиться, как в церкви, где такое множество отцов, где возносится к Богу единодушный глас. Ты не можешь так возноситься, когда один станешь призывать Господа, как возноситься можешь, когда стоишь вместе с братиями; ибо здесь есть нечто более – единение многих, союз

любви, молитвы священников. Для того и предстоят священники, чтобы молитвы народа, будучи слабее, совокуплялись с их сильнейшими и вместе с ними восходили на небо».

(3 Бес. о непостиж.).

49. Дела, угодные Богу

(Из твор. св. Димитрия мит. Рост.)

Чистота, – Святым Духом всякая душа живится и чистотой возвышается и светлеется; всякий чистый во Христе пребывает и Христос в нем. От нечистых Господь отвращает лицо Свое.

Правда, – боговдохновенный пророк говорит: любящий неправду ненавидит свою душу, так как неправда всякая есть смертный грех.

Пост, – необходимо приступать к пище поздно и есть мало; воздерживающийся поселится в раю: как птице без крыльев невозможно летать, так человеку без поста и молитвы нельзя спастись. Воздерживайся от пищи обильной, от пустого многословия, от всякой неправды и от хмельного питья.

Молитва, –к Богу искренняя, сердечная, чистая от помышлений мирских.

*Сострадани е*и *милостыня* , – если ты и не богат, подавай мало, но не скупись.

Любовь, – люби не только собратьев своих, но и врагов, и ненавидящих, и зло причиняющих тебе, люби и не отмщай им злом.

Терпение. С благодарностью переноси обиды, насмешки и поругания.

Люби *смирение* и ни в каком случае не гордись.

Будь молчалив, не болтай без пользы, особенно же когда стоишь в церкви святой.

*Не будь ленивым*к делу Божьему, а, напротив, с бодростью и охотой подвизайся всегда.

*Не завидуй*ни в чем никому, не клевещи ни на кого, не лги, не осуждай никого, если даже и видишь собственными глазами какой-либо грех.

*Живи, постоянно с молитвой*в душе, думай о смерти, о том, чтобы хранить заповеди Господни; быть готовым всегда предстать на суд, и отдать ответ Богу о всех грехах своих. В чем застанет нас Господь, так и осудит: среди добрых дел и в покаянии – благо нам; застанет нас во зле, не раскаявшихся, – горе нам, ибо ожидает за это нас мука, конца не имеющая. Приноси всегда истинное покаяние о грехах Богу и своему отцу духовному, в скорби и умилении; обещайся не грешить и согрешения свои

омывай слезами.

50. Поклонение Господу нашему Иисусу Христу

(Из твор. св. Дмитрия мит. Рост.)

Поклоняюсь рождению Твоему от Отца без матери бывшему прежде творения мира, и Твоему несказанному попечению о нас, Сыне Божий.

Поклоняюсь Твоему таинственному снисшествию, через наитие Св. Духа, в утробе Девы воплощенно, Твоему рождению и первому в яслях успокоению. Поклонюсь и прославлю Твое обрезание, смиренное от раба крещение, на Фаворе преображение, славное и победное шествие в Иерусалим на добровольное страдание. Ты с юных лет принял на Себя все труды, за нас постился и подвижничал, ходил и трудился, учил и проповедовал, исцелял, воскрешал; воспоминая все это, прославляю, чту и с любовью припадаю к Тебе, милосердый Творец мира!

Поклоняюсь Твоей Тайной Вечери, когда Ты Самого Себя, отдал в снедь верным, прославляю Твое глубокое смирение, сказавшееся в умовении ног ученикам Своим и молю Тебя: смири гордость души моей и научи меня кротости.

Поклоняюсь Твоему коленопреклонению в иерусалимском саду, где с кровавым потом молился Ты о том, чтобы прошла мимо Тебя чаша страданий. Теперь же молюсь к Тебе, Господи: научи меня усердной молитве и чашей спасения напои меня.

Поклоняюсь Тебе, Господи, вспоминая Твои страдания – предательское целование Иуды, взятие, бесчисленные поругания, нанесение ударов, заушения и другие унижения. Представляя все это в уме и в сердце своем, исполняюсь любовью и состраданием к Тебе, Господи, и приношу благодарение за то, что Ты душу Свою положил за меня в бесконечной любви Своей.

Поклоняюсь Твоему, Судья мой, на смерть осуждению, мучительному несению креста и Твоему среди двух разбойников распятию, поклоняюсь и молю: не осуди меня по делам моим, дай мне силу нести крест свой и распни меня со страстями и вожделениями моими.

Поклоняюсь пречистой главе Твоей, уязвленной ради меня острыми терновыми иглами, и прошу Тебя: искорени все злое, скверное, нечестивое из мыслей моих.

Поклоняюсь пречистым очам Твоим, залитым слезами и кровью ради меня, и молю Тебя: пусть очи мои не видят суеты мирской.

Поклоняюсь пресвятому лицу Твоему, как солнце сиявшему на горе Фаворе и так потемневшему во дни страданий, и молю: пролей свет лица Своего на раба Твоего.

Поклоняюсь Твоим пресвятым устам, томившимся жаждой и вкусившим уксус с желчью, и молю: наложи молчание на уста мои.

Поклоняюсь пресвятой язве, что на правой руке Твоей и молю: удостой меня стать по правую сторону Тебя, когда приидешь Ты во славе Своей.

Поклоняюсь пречистой язве Твоей на левой руке и молю: избавь меня от участи стоящих по левую сторону славы Твоей.

Поклоняюсь пресвятой язве Твоей на правой ноге и молю: наставь меня на правый путь покаяния.

Поклоняюсь пресвятой язве Твоей на левой ноге и молю: не допусти меня до пути нечестивого.

Поклоняюсь пресвятой, пречистой и животворящей язве Твоей на ребрах Твоих и сердце Твоем и молю: порази жестокое сердце мое и уязви его любовью Своей так, чтобы я возлюбил Тебя всем сердцем своим и всей душей своей и чтобы из сокрушенного сердца моего потекли источники слез, омывающие грехи мои.

Поклоняюсь святому телу Твоему, ради меня израненному, и молю: исцели меня, всего покрытого грехами.

Поклоняюсь пречистой наготе Твоей и молю: прикрой постыдную наготу души моей.

Поклоняюсь снятию со креста тела Твоего и погребению и молю: пошли, чтобы я для мира сего был мертв.

Поклоняюсь и прославляю Твое во ад сошествие, Твою победу над смертью и Твое из гроба воскресение и молю: душу мою, плененную грехами, победи любовью Своей, ее умершую воскреси и от мук адских избавь.

Поклоняюсь Твоему на небеса вознесению, где сидишь Ты одесную Бога Отца, видишь мою немощь, слышишь мою грешную молитву и знаешь все помышления мои; молю Тебя, Господи: вознеси ум мой от всего земного, укрепи немощь мою, исправь молитву мою, чтобы не был я осужден Тобой, когда приидешь судить живых и мертвых.

Павши на землю ниц, восклицаю: воистину достоин поклонения Ты, Господи, перед именем Которого преклоняются все существа неба, земли и преисподней. Преклоняю и я недостойный колена свои перед Тобой, Господи, и молю: спаси меня по благости Твоей, а не по делам моим, спаси, как хочешь, как можешь, как знаешь. Я на Тебя только надеюсь и вверяю себя воле Твой святой; делай со мной, что хочешь – хочешь видеть меня среди света, благословляю Тебя, хочешь обречь во

тьму, благословляю также; откроешь мне двери милосердия – благо мне, закроешь – благословен Ты, Господи; не погубил меня со беззакониями моими – слава Твоему безмерному милосердию, погубишь меня – слава Твоему праведному суду! –

51. Что такое храм Божий

I. Храм есть место присутствия Божьего – Божий дом. А потому мы должны стоять в нем чинно, с благоговением и страхом Божьим, молиться усердно и думать только о Боге и душе своей.

II. Что такое еще храм Божий? Это дом общественной молитвы. Его Сам Бог нарек молитвенным домом: храм Мой храм молитвы наречется (Мф.21:13). Действительно, в храме, вдали от суеты мирской, нам и молиться лучше. Здесь присутствует Сам Господь и близок к нашим молениям; здесь Ему приносится бескровная жертва. А у подножия креста Господня как хорошо молиться! Во храме мы имеем целый сонм [57] за себя святых молитвенников. Взгляни на священный иконостас храма. Вот по правую сторону царских врат – Господь наш И. Христос, а по левую – Заступница

грешных. Взгляни на иконостас выше, где теплится лампада перед образом Всевышнего; там увидишь целый ряд угодников Божьих, наших молитвенников и скорых помощников душам нашим. В храме все нас располагает к молитве святой, богоугодной: и торжественность Богослужения, и благоговейное чтение, и благозвучное пение.

III. Что такое еще для нас церковь – храм Божий? Это духовная врачебница (лечебница) душ и телес наших. В беззакониях мы зачинаемся, во грехах рождаемся. Но лишь появимся мы на свет Божий, святая церковь к самой колыбели нашей приступает с своими врачебными пособиями. Так, во святом крещении омывает нас от греха первородного, во св. миропомазании укрепляет дарами Духа Святого; через служителя

Христова врачует наши греховные язвы в таинстве покаяния, потом во всю жизнь питает нас телом и кровью Христовой во исцеление души и тела. Когда мы сделаемся больны и не в силах сами приходить в церковь за спасительным врачевством, она к одру (постели) болезни нашей посылает своих служителей с таинством елеосвящения для восстановления нашего здоровья или с таинствами тела и крови Христовой для напутствия в жизнь загробную. Когда мы помрем, когда, быть может, отступятся от нас и друзья, и родные, церковь и тут нас не покидает, а своими молитвами и песнопениями облегчает страшный час смерти. Когда наши кости истают в могиле, когда наше имя совсем забудут на земле, св. церковь все-таки будет молиться о прощении грехов наших.

IV. О мать наша, православная церковь, как ты благодетельна для нас грешных! Все может покинуть и забыть нас: богатство и слава, честь и достоинства, отец и мать, друзья и сродники, – ты одна не забываешь и не покидаешь нас даже после смерти. Как же мне не благоговеть перед тобой и не любить тебя? Признательный сын ее и не пройдет мимо церкви, чтобы своим поклоном не выразить своего уважения к ней. Признательный сын ее печется о благоукрашении церкви и щедрой рукой подает в нее от своих трудов; он радуется, когда видит новую одежду на престоле, или икону на иконостасе.

52. Что такое православная Христова церковь?

I. Православная Христова церковь есть общество истинно верующих в Иисуса Христа. Основатель и Глава этой церкви есть Иисус Христос. *Она есть единая, святая, соборная и апостольская церковь. Единой* называется Христова церковь потому, что один Иисус Христос ее основатель и глава, и один Дух Святой ее освящающий и в ней действующий. Церковь Христова называется *святой* , потому что Иисус Христос освятил ее Своими страданиями и крестной смертью, и Дух Святой всегда освящает ее Своим присутствием и благодатными действиями, и потому что свято ее учение, святы таинства, и главная цель ее есть освящение верующих в Иисуса Христа. Называется *соборной* или кафолической, то есть *вселенской* или *повсеместной,* потому что она простирается на все времена и на все места по вселенной. Называется *апостольской,* потому что апостолы первоначально насаждали и распространяли ее по всем странам мира, и через апостолов получила она от Самого Иисуса Христа Евангельское учение и спасительные таинства.

II. Кто члены православной церкви Христовой? Все истинно верующие в Иисуса Христа, т.е. все те, которые искренно и с несомненным убеждением принимают Его Божественное учение, содержат спасительные таинства, повинуются Богом установленному священноначалию, и таким образом пребывают в православной церкви, оказывая послушание церковным заповедям и уставам, как покорные дети.

III. Кто не принадлежит к православной церкви Христовой? Все неверующие в Иисуса Христа и не принимающие учения Его не принадлежат к православной церкви Христовой. *Иже не имет веры* , говорит Господь, *осужден будет* (Мк.16:16). *Слушаяй вас,* говорит Господь апостолам и их преемникам – (епископам т.е. архиереям и священникам), *Мене слушает, и отметаяйся* (отвергающийся) *вас, Мене отметается, отметаяйся же Мене,*

отметается пославшаго Мене (Лк.10:16).

(Из поучений Евсевия Архиепископа Могилевского).

53. Светлое Воскресение.

Светлый день Христов явился,
С ним сопутствует весна;
Зимней ночи мрак сокрылся,
Жизнь природе отдана:
Воды плещут, льдины тают,
Хвалит Бога всяка тварь;
В радостях сердца играют,
Зиждется [58] любви алтарь.
(*Князь И. Долгорукий).*

54. Величание

Господь велик! – Велик и славен, –
И кто с Ним во вселенной равен?!....
Перед Ним и солнце и луна
В благоговении немеют:
Его рука миров полна,
И мириадами [59] Он сеет,
Как сельский сеятель зерна...
Господь велик! – Велик и славен, –
И кто с Ним во вселенной равен?!...
(Ф. *Глинка).*

55. Упование

Как опирается пловец
Ретивой грудью о волны,
Так на Твою любовь, Отец!
Я оперся, надежды полный....
Играй, волна! кипи, волна!
Пылай, гроза! шуми, ненастье!
Запала в душу мысль одна:
«Я где-нибудь да встречу счастье!»
(Ф. *Глинка).*

56. Не говори, что нет спасенья...

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...
(*Майков).*

57. Подражание псалму 1.
Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книжку ту святую,
Где явен Божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.
Ему не нужен путь разврата:
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входит стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.
(Языков).
58. Зачем...
Зачем ты липнешь все к себе?
Предайся безусловно Богу,
И Сам святой Своей рукой
Он поведет тебя в дорогу,
И Сам введет тебя в покой!...
(Ф.Н. Глинка).
59. Надежда на Бога
Надейся на Бога, дитя дорогое!
На милость Его уповай!
И детского сердца моленье простое
С надеждой к Нему воссылай.
Лишь в утреннем небе заря загорится,
Смиренно колена склони,
С тобой, мой ангел, мы станем молиться
Источнику вечной любви.
Молиться мы станем душой умиленной,
Чтобы мир Он крылом осенил,
И чтобы Всемогущий Создатель вселенной
Нас грешных, ничтожных простил.
(*Никитин).*

Отдел пятый

Церковно-славянское чтение

1. Цервовно-славянская азбука

Аа	аз	А а	ѹ	оник	–
Бб	буки	Б б	ѵ ꙋ (оу)	ук	У у
Вв	веди	В в	Ф ф	ферт	Ф ф
Гг	глаголь	Г г	Х χ	хер	Х х
Дд	добро	Д д	ѿ ѽ	от	–
Ее	есть	Е е	Ц ц	цы	Ц ц
Жж	живете	Ж ж	Ч ч	червь	Ч ч
Ѕѕ	зело	З з	Ш ш	ша	Ш ш
Зз	земля	З з	Щ щ	ща	Щ щ
Ии	иже	И и	Ъ ъ	ер	Ъ ъ
Іі	–	І і	Ы ы	еры	Ы ы
Кк	како	К к	Ь ь	ерь	Ь ь
Лл	люди	Л л	Ѣ ѣ	ять	Ѣ ѣ
Мм	мыслете	М м	Ю ю	ю	Ю ю
Нн	наш	Н н	Ѩ ѩ Ѫ ѫ	я	Я я
Оо	О ѡ	он	О о	ѯ ѯ	кси	–
Пп	покой	П п	Ѱ ѱ	пси	–
Рр	рцы	Р р	Ѳ ѳ	фита	Ѳ ѳ
Сс	слово	С с	Ѵ ѵ	ижица	–
Тт	твердо	Т т			

2. Церновно-славянские слова, употребляемые под титлами.

Аа. **Агг҃лъ**(ангел), а гг҃льскїй, Аѵ̀ха́гг҃елъ, (архангел), а̀рха́гг҃ельскїй, Аѵ̀плъ (апостол), аѵ̀пльскїй.

Бб. **Бг҃ъ**(Бог), бжтво (божество), бжтвенный, Бца (Богородица), Бл҃женъ

(блажен), блг҃ослове́нъ (благословен), блг҃ть (благодать), **бг҃облг҃тный** (богоблагодатный).

В. **Вл҃ка**(Владыка), влчца (владычица), влчество, воскрнїе (воскресение).

Г. **Гдь**(Господь), гд ство, гд рь (государь), гд инъ (господин), гп жа (госпожа).

Д. **Дх҃ъ**(Дух), дхо́вный, Двдъ (Давид), двцл (девица), **дв҃тво**, **дш҃а** (душа), дн҃ь (день).

Е.Е́тво (естество), **Евл҃іе** (Евангелие), **Евл҃істъ**, **Епкпъ** (Епископ), є́пкпство.

І. **Їи҃ль**(Израиль), Іи҃льскїй, Їи҃съ (Иисус), **Іср҃ли́мъ** (Иерусалим).

К. **Кр҃тъ**(крест), кр҃ще́нїе (крещение), Кр ти́тель (Креститель).

Л. Лвь҃вь (любовь).

М. **Мр҃ъ**(мудр), мр҃ость (мудрость), **мл҃ть** (милость), **мл҃рдїе** (милосердие), **мл҃тынѧ**, **мл҃тва** (молитва), мт҃и (мати), Мр҃ія (Мария), **мт҃рь** (матерь), мч҃нкъ (мученик), мч҃ичество (мученичество), мц҃ъ (месяц), **мл҃нцъ** (младенец).

Н. **Нб҃о**(небо), нб҃ный (небесный), **нб҃омр҃енный** (небомудренный), нн҃ѣ (ныне), нш҃ъ (наш).

О. О҆ц҃ъ (отец), **о҆ч҃ь** (отечь), **о҆ч҃ество**, **о҆ч҃ескъ**.

П. **Премр҃ость**(премудрость), пртъ (пресвят), пртолъ (престол), **прв҃нъ** (праведен), прп҃бенъ (преподобен), **Прро́къ** (пророк), Пр҃те́ча (предтеча), прнw (присно).

Р. Ржтво (рождество), **рж҃твенъ** (рождествен).

С. Ст҃ъ (свят), сл҃нце (солнце), ср҃це (сердце), ср҃чный, стрть (страсть), сщ҃е́нникъ (священник), **Ст҃ль** (Святитель).

Т. Тр҃ца (Троица), тр҃ескъ, тр҃ченъ, тр тъ (трисвят), тр то́е (трисвятое).

Оу҆. Оу҆чт҃ль (учитель), оу҆чн҃къ (ученик), оу҆чн҃цы, оу҆чни́цы (ученицы), **оу҆ч҃ническъ**.

Х. **Хр҃тосъ**(Христос), хр тїа́нинъ (христианин).

Ц. **Цр҃ь**(царь), цр҃и́ца, цр҃ковь (церковь), **цр҃тво** (царство), цркїй (царский).

Ч. **Чл҃къ**(человек), чл҃чь (человечь), чл кїй, чт ь (честь), ч тенъ, ч т

3. Числа

Церковные	Гражданские	Римские	Наименование
а҃	1	I	один
в҃	2	II	два
г҃	3	III	три
д҃	4	IV	четыре
е҃	5	V	пять
ѕ҃	6	VI	шесть
з҃	7	VII	семь
и҃	8	VIII	восемь
ѳ҃	9	IX	девять
і҃	10	X	десять
ал҃	11	XI	одиннадцать
вл҃	12	XII	двенадцать
гл҃	13	XIII	тринадцать
дл҃	14	XIV	четырнадцать
ел҃	15	XV	пятнадцать
ѕл҃	16	XVI	шестнадцать
зл҃	17	XVII	семнадцать
ил҃	18	XVIII	восемнадцать
ѳл҃	19	XIX	девятнадцать
к҃	20	XX	двадцать
л҃	30	XXX	тридцать
	40	XL	

м҃	40	XL	сорок
н҃	50	L	пятьдесят
ѯ҃	60	LX	шестьдесят
о҃	70	LXX	семьдесят
п҃	80	LXXX	восемьдесят
ч҃	90	XC	девяносто
р҃	100	C	сто
с҃	200	CC	двести
т҃	300	CCC	триста
у҃	400	CD	четыреста
ф҃	500	D	пятьсот
х҃	600	DC	шестьсот
ѱ҃	700	DCC	семьсот
ѿ҃	800	DCCC	восемьсот
ц҃	900	CM	девятьсот
а҃	1000	M	тысяча
҂аѿпи҃	1888	MDCCCLXXXVIII	Тысяча восемьсот восемьдесят восемь

4. Мл҃твы

Во и мѧ О҆ц҃а̀, и҆ Сн҃а̀, и҆ Ст҃а́го Дх҃а. А҆ми́нь.

Гд и, Іи́се Хр те, Сн҃е Бж҃ій, моли́твъ ра́ди Преч тыѧ Твое́ѧ̀ Мт҃ре и҆ в ст҃ы́хъ твои́хъ, поми́л й на́съ . А҆ми́нь.

Бж҃е́, ми́лостивъ б ́ди мнѣ̀ грѣшном .

Сла́ва тебѣ̀, Бж҃е́ на́шъ, сла́ва тебѣ̀.

Цр҃ю̀ нб ный, Оу҆тѣшителю, Дш҃е́ [60]и стины, и же вездѣ̀ сы́й [61]и всѧ̀ и҆сполнѧ́ѧй, сокро́вище бл҃ги́хъ, и҆ жи́зни пода́телю, пр҃їидѝ, и҆ всели́сѧ въ ны̀, и҆ w҆чи́сти ны̀ [62]w̄ всѧ́кїѧ скве́рны, и҆ спасѝ, бл҃же, д ́шы на́шѧ.

Ст҃ы́й Бж҃е́, Ст҃ы́й крѣпкїй, Ст҃ы́й безсме́ртный, поми́л й на́съ. (Три́жды).

Сла́ва О҆ц҃ , н҆ Сн҃ , и҆ Ст҃о́м Дх҃ , и҆ ны́нѣ [63], и҆ при́снw [64], и҆ во вѣ́ки вѣ́кẃвъ. А҆ми́нь.

Прест҃а́ѧ Тр ҃це, помѝл й на́съ: Гд и, w᾽чи́сти грѣхѝ на́шѧ: Вл ҃ко, пр
веззакwнїѧ на́ша: Ст҃ы́й, посети́ и᾽ и᾽сцели не́мwщи на́шѧ, и ене Твоегw ра
Гд и помѝл й, вї. Сла́ва, и᾽ ны́нѣ:

О ч҃е на́шъ, и же [65]є᾽сѝ на нб҃сѣхъ! да ст҃и́тсѧ и мѧ Твоѐ: да прїи́детъ
цр твїе Твоѐ: да б ́детъ во́лѧ Твоѧ́, kw на небесѝ и᾽ на земли́. Хлѣбъ на́
нас ́щный да́ждь на́мъ дне́сь, и᾽ w᾽ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, коже и᾽ мы
w᾽ставлѧ́емъ должникwмъ на́шымъ: и᾽ не введи́ на́съ во и᾽ск ше́нїе, но
и᾽збáви на́съ w҃ л ка́вагw. kw Твоѐ е сть цр тво, и᾽ си́ла, и᾽ сла́ва во в
А᾽ми́нь.

Мл҃твы оу᷾тренніѧ

Восста́вше w҃ сна́, припа́даемъ Ти́, бл҃же, и᾽ а гг҃ельск ю пѣснь вопїе́мъ
Си́льне: Ст҃ъ, Ст҃ъ, Ст҃ъ є᾽сѝ, Бж҃е, Бг҃оро́дицею поми́л й на́съ.

Сла́ва О᾽ц҃ ̀, и᾽ Сн҃ , и᾽ Ст҃о́м Дх҃ .

Г҃Д о᾽дра́ и᾽ сна́ воздви́глъ мѧ̀ є᾽сѝ, Гд и, оу᾽мъ мо́й просвѣтѝ и᾽ се́рдце, и᾽
оу᾽стнѣ мои́ w҃ве́рзи, во е же пѣти Тѧ̀, Ст҃а́ѧ Тр ҃це: Ст҃ъ, Ст҃ъ, Ст҃ъ є᾽сѝ, Бж҃е,
Бг҃оро́дицею поми́л й на́съ.

И᾽ ны́нѣ и᾽ при́снw, и᾽ во вѣки вѣкẃвъ. А᾽ми́нь.

Напра́сно [66]С дїѧ̀ прїи́детъ, и᾽ коегẃждо дѣѧ̂нїѧ w᾽бнажа́тсѧ [67], но
стра́хомъ зове́мъ въ пол ́нощи: Ст҃ъ, Ст҃ъ, Ст҃ъ є᾽сѝ Бж҃е, Бц ею поми́л й
на́съ.

Гд и поми́л й, вї.

Сла́ва О᾽ц҃ ̀, и᾽ Сн҃ , и᾽ Ст҃о́м Дх҃ , и᾽ ны́нѣ, и᾽ при́снw, и᾽ во вѣки вѣкẃв
А᾽ми́нь.

Г҃Д сна́ воста́въ, бл҃годарю́ Тѧ̀, Ст҃а́ѧ Тр ҃це, kw мно́гїѧ ра́ди Твоеѧ̀
бл҃гости и᾽ долготерпѣнїѧ, не прогнѣвалсѧ є᾽сѝ на мѧ̀ лѣнны́ваго и᾽ грѣшнаго,
ниже́ пог би́лъ мѧ̀ є᾽сѝ со беззако́нми мои́ми, но чл҃колю́бствовалъ є᾽сѝ
о᾽бычнw, и᾽ въ нечаѧ́нїи [68]лежа́щаго воздви́глъ мѧ̀ є᾽сѝ, во є же оу треневат
[69]и᾽ славосло́вити держа́в [70]Твою́. И ны́нѣ просвѣтѝ мои́ о чи мы́слєн
w҃ве́рзи моѧ̀ оу᾽ста́, по ча́тисѧ словесе́мъ Твои́мъ, и᾽ рлз мѣти за́пwвѣди
Твоѧ̀, и᾽ твори́ти во́лю Твою́, и᾽ пѣти Тѧ̀ во и᾽сповѣданїи серде́чнѣмъ, и᾽
воспѣва́ти всест҃о́е и мѧ Твоѐ, О᾽ц҃а́ и᾽ Сн҃а́ и᾽ Ст҃а́гw Дх҃а, ны́нѣ и᾽ при́снw, и᾽ во
вѣки вѣкẃвь. А᾽ми́нь.

Мл҃тва вече́рнѧѧ

Бж҃е вѣчный и᾽ Цр҃ю́ всѧ́каго созда́нїѧ, сподо́бивый мѧ̀ да́же въ ча́съ се́й
доспѣти [71], прости́ ми грѣхѝ, же сотвори́хъ въ се́й де́нь, дѣломь, сло́вом
помышле́нїемъ: и᾽ w᾽чи́сти, Гд и, смире́нн ю мою́ д ́ш w҃ всѧ́кїѧ скве́рны
пло́ти и᾽ д ́ха. И᾽ да́ждь мѝ, Гд и, въ нощѝ се́й со́нъ прейтѝ въ ми́рѣ [72], да
воста́въ w҃ смире́ннагw мѝ ло́жа, бл҃го гожд ̀ прест҃о́м и мени Твоем ̀, в

всѧ̂ дни̂ живота̀ [73]моегѡ̀, и̓ попер ` [74]борю́щыѧ мѧ̀ врагѝ плѡтски́ѧ и̓ безплѡ́тныѧ: и̓ изба́ви мѧ̀, Гд и, ѿ помышле́нїй с ́етныхъ ѡ̓сквернѧ̀ющихъ мѧ̀, и̓ по́хотей л ка́выхъ. кѡ Твоѐ е сть цр тво, си́ла и̓ сла́ва, О̓ц̑а̀ и̓ Сн̑а Ст̑а́гѡ Дх̑а, ны́нѣ и̓ при́снѡ, и̓ во вѣ́ки вѣкѡ́вь. А̓ми́нь.

Мл̑твы ко Прест̑ѣй Бц̑ѣ

Милосе́рдїѧ две́ри ѿве́рзи на́мъ, благослове́ннаѧ Бг̑ородице, надѣ́ющїисѧ на Тѧ̀ да не поги́бнемъ, но да и зба́вимсѧ Тобо́ю ѿ бѣ́дъ: Ты бо є сѝ спасе́нїе ро́да Хр тїа́нскагѡ.

Прест̑а́ѧ Вл чце моѧ̀ Бг̑ородице, ст̑ы́ми Твои́ми и̓ всесѝльными мольба́ми ѿженѝ ѿ менѐ смире́ннаго и̓ о каѧ́ннагѡ раба̀ Твоегѡ̀ оу̓ны́нїе, забве́нїе, нераз ́мїе, нерадѣ́нїе, и̓ всѧ̂ сквёрнаѧ, л каѧ́ваѧ и̓ х ́льнаѧ помышлє́нїѧ ѿ о̓каа́ннагѡ моегѡ̀ се́рдца и̓ ѿ помраче́ннаго оу̓ма̀ моегѡ̀: и̓ погасѝ пла́мень страсте́й мои́хъ кѡ ни́щь є смь и̓ о̓каа́ненъ, и̓ и̓зба́вимѧ мно́гихъ и̓ лю́тыхъ воспомина́нїй и̓ предпрїѧ́тїй и̓ ѿ всѣ́хъ дѣ́йствъ злы́хъ свободи́ мѧ̀: кѡ бл̑гослове́нна є̓сѝ ѿ всѣ́хъ родѡ́въ, и̓ сла́витсѧ преч тно и мѧ Твоѐ во вѣ́ки вѣкѡ́въ. А̓ми́нь.

Ангельское привѣ́тствїе

Бг̑оро́дице Дв̑о́, ра́д йсѧ, Бл̑года́тнаѧ Мр̑и́е, Гд ь съ Тобо́ю: благослове́на [75]Ты въ жена́хъ, и благослове́нъ пло́дъ чре́ва [76]Твоегѡ̀, кѡ [77]Сп̑са [78]родила̀ є̓сѝ д ́шъ на́шихъ.

Пѣ́снь Прест̑ѣ́й Бц̑ѣ

Досто́йно є сть, кѡ вои́стинн , блажи́ти [79]Тѧ̀ Бц ‿ , приснобл̑же́ пренепоро́чн ю, и̓ Мт̑рь Бг̑а на́шегѡ; Честнѣ́йш ю хер вімъ, и̓ славнѣ́йш бє̀з сравне́нїѧ серафі̑мъ, бє̀з и̓стлѣ́нїѧ Бг̑а Сло́ва ро́ждш ю, с ́щ ю Бц ‿ велича́емъ.

Мл̑тва ко ст̑о́мѹ а̏нг̑лѹ храни́телю

А гг̑ле Бжі̑й, храни́телю мо́й ст̑ы́й, на соблюде́нїе мнѣ ѿ Бг̑а съ небе да́нный, прилѣ́жно молю́ тѧ: ты́ мѧ днесь просвѣ́ти, и̓ ѿ всѧ́кагѡ зла сохранѝ, ко благо́м дѣ́лѧнїю наста́ви, и̓ на п ́ть спасе́нїѧ напра́ви. А ми́нь.

Мл̑тва ѡ̓ Цар̑ѣ

Спасѝ Гд и лю́диТвоѧ̀, и̓ благослови достоя́нїе Твоѐ: побѣ́ды Благовѣ́рном ` ГМПЕРА́ТОР ` на́шему А̓ЛӖЗА́НДР А̓ЛӖЗА́НДРОВИЧ на сопроти́вныѧ [80]да́р ѧ, и̓ Твоѐ сохраня́ѧ кр то́мъ Твои́м жи́тельство.

Мл̑тва пре́дъ о̓бр̑а́зомъ

О чи всѣ́хъ на Тѧ̀, Гд и, оу̓пова́ютъ, и̓ Ты дае́ши и мъ пи́щ во бл̑говре́менїи [81]: ѿверза́еши Ты̀ ще́др ю р ́к Твою̀ и̓ и̓сполня́еши всѧ́ко

живо́тно благоволе́нїѧ.

Мл҃тва по́слѣ ѻ҃бѣ́да

Благодарю́ Тѧ̀, Хр тѐ Бж҃е мо́й, кѡ насы́тилъ мѧ̀ є҆си́ земны̀хъ твои́х бла҃гъ, не лиши́ мѧ̀ и҆̀ нб нагѡ твоегѡ̀ цр твїѧ.

Мл҃тва предъ оу҆че́нїемъ

Пребл҃гі́й Гд и! низпослѝ на́мъ благода́ть Дх҃а Твоегѡ̀ Ст҃а́гѡ, да́рств ющаго и҆̀ оу҆крѣпля́ющаго д ше́вныѧ на́шѧ си́лы, давы̀, внима́ѧ преподава́емом на́мъ оу҆че́нїю, возраслѝ мы̀ Тебѣ́, на́шем Созда́телю, во сла́в , роди́телемъ же на́шымъ на оу҆тѣ́шенїе, цр҃кви и҆̀ оте́честв на по́льз .

Мл҃тва по́слѣ оу҆че́нїѧ

Благодари́мъ Тевѐ, Созда́телю, кѡсподо́билъ є҆сѝ на́съ благода́ти Твоеѧ̀, во є же внима́ти оу҆че́нїю: благословѝ на́шихъ нача́льникѡвъ, роди́телей и҆̀ оу҆чи́телей, вед щихъ на́съ къ позна́нїю бла́га, и҆̀ пода́ждь на́мъ си́л и҆̀ кр҃пость къ продолже́нїю оу҆че́нїѧ сегѡ̀.

Мл҃тва св. Е҆фре́ма Сі҃рина

1. Гд и и҆̀ Вл ко̀ живота̀ моегѡ̀, д хъ пра́здности, оу҆ны́нїѧ, любонача́ и҆̀ праздносло́вїѧ не да́ждь мѝ. (Покло́нъ).

2. Д хъ же цѣ́лом дрїѧ, смиренном дрїѧ, терп҃нїѧ и҆̀ любвѐ да́р й мѝ, раб твоем̀. (Покло́нъ).

3. Е й Гд и Царю́, да́р й ми зр҃ти моѧ̀ прегрѣше́нїѧ, и҆̀ не ѡ҆с жда́ бра́та моегѡ̀: кѡ благослове́нъ є҆сѝ во в҃ки вѣкѡ́въ. А҆ми́нь. (Покло́нъ)

5. Дв҃ гла́вныѧ за́пѡвѣди

1. Возлю́виши Гд а Бг҃а́ твоего̀ вс҃мъ се́рдцемъ твои́мъ, и҆̀ все́ю д ше́ю твое́ю, и҆̀ вс҃мъ оу҆мо́мъ твои́мъ, и҆̀ все́ю крѣ́постїю твое́ю.

2.И҆̀ возлю́биши бли́жнѧго своего̀, кѡ са́мъ себѐ.

6. Де́сѧть за́повѣдей

а҃. А зъ є смь Гд ь Бг҃ъ тво́й, да не б д тъ тебѣ́ бо́зи ѝно́ѝи, ра́звѣ [81]

в҃. Не сотворѝ себѣ́ куми́ра, и҆̀ всѧ́каго подо́бїѧ, є҆ли́ка [82]на нв҃сѝ горѣ́, и҆̀ є҆ли́ка на землѝ ни́з , и҆̀ є҆ли́ка въ вода́хъ под҆ земле́ю, да не покло́нишисѧ и мъ, ни посл жиши и мъ.

г҃. Не прїе́мли и мене Гд а Бг҃а́ твоегѡ́ вс е. [84]

д҃. По́мни де́нь с ббѡ́тный, є же свѧти́ти его: ше́сть дне́й дѣ́лай, и҆̀ сотвори́ши (въ ни́хъ) всѧ̀ дѣ́ла̀ твоѧ̀, де́нь же седьмы́й с ббѡ́та Гд Бг҃ твоем̀.

є҃. Чтѝ о҆́тца̀ твоегѡ̀ и҆̀ ма́терь твою́, да вла́го тѝ б детъ, и҆̀ да долголѣ́тенъ б деши на землѝ.

ѕ҃. Не оу҆би́й.

з҃. Не прелюбы̀ сотворѝ.

и҃. Не оу҆кра́ди.

ѳ҃. Не посл ́шеств й [85]на др ́га твоего̀ свидѣтельства ло́жна.

і҃. Не пожела́й жены̀ и скреннѧго твоего̀, не пожела́й до́м бли́жнѧго твоего̀, ни села̀ є҆гѡ̀, ни раба̀ є҆гѡ̀, ни рабы́ни є҆гѡ̀, ни вола̀ є҆гѡ̀, ни о҆сла̀ є҆гѡ̀, ни всѧ́каго скота̀ є҆гѡ̀ ни всего̀, є҆ли́ка с ́ть бли́жнѧго твоего̀.

7. За́пwвѣди бл҃же́нства

а҃. Бл҃же́ни [86]ни́щїи дх҃омъ: ѓ҆ kw тѣ́хъ є сть цр твїе небе́сное.

в҃. Бл҃же́ни пла́ч щїи: ѓ҆ kw ті́и оу҆тѣ́шатсѧ.

г҃. Бл҃же́ни кро́тцїи: ѓ҆ kw ті́и наслѣ́дѧтъ зе́млю.

д҃. Бл҃же́ни а лч щїи и҆ жа́жд щїи пра́вды: ѓ҆ kw ті́и насы́тятсѧ.

є҃. Бл҃же́ни ми́лостивїи: ѓ҆ kw ті́и поми́ловани б ́д тъ.

ѕ҃. Бл҃же́ни чи́стїи се́рдцемъ: ѓ҆ kw ті́и Бг҃а оу зрѧтъ.

з҃. Бл҃же́ни миротво́рцы: ѓ҆ kw ті́и сы́нове Бж҃їи нарек ́тсѧ.

и҃. Бл҃же́ни и҆згна́ни пра́вды ра́ди: ѓ҆ kw тѣ́хъ є сть цр твїе небе́сное.

ѳ҃. Бл҃же́ни є҆стѐ, є҆гда̀ поно́сѧтъ ва́мъ, и҆ и҆жден ́тъ, и҆ рек ́тъ всѧ́къ со́лъ глаго́лъ, на вы̀ лж ́ще Менѐ ра́ди. Ра́д йтесѧ и҆ весели́тесѧ, ѓ҆ kw мзда̀ [87]ва́ша мно́га на небесѣхъ.

8. Сѵ́мволъ вѣры

1. Вѣр ю во є҆ди́наго Бг҃а О҆ц҃а̀, Вседержи́телѧ, Творца̀ нб҃ и҆ землѝ, ви́димымъ же всѣ́мъ и҆ неви́димымъ. 2. И҆ во є҆ди́наго Гд а І҃и҃са Хр та, Сн҃а Бж҃ї́ѧ, Є҆диноро́днаго, и же ѿ О҆ц҃а̀ рожде́ннаго пре́жде всѣхъ ве́къ: свѣта ѿ свѣта, Бг҃а и стинна ѿ Бг҃а и стинна, рожде́нна, не сотворе́нна, є҆динос ́щ О҆ц҃ ̀, и мже всѧ́ бы́ша. 3. На́съ ра́ди [88]чл҃вѣкъ, и҆ на́шего ра́ди спасе́нїѧ, сше́дшаго съ нб҃съ, и҆ воплоти́вшагосѧ ѿ Дх҃а Ст҃а, и҆ Мари́и Дв҃ы, и҆ вочелов҃чшасѧ. 4. Распя́таго же за ны̀ [89]при Понті́йстѣмъ Пїла́тѣ, и҆ страда́вша, и҆ погребе́нна. 5. И҆ воскр шаго въ тре́тїй де́нь по писа́нїемъ. 6. І возше́дшаго на небеса̀, и҆ сѣдя́ща w҆десн ́ю О҆ц҃а̀. 7. И҆ па́ки гряд ́щаго со сла́вою с ди́ти живы́мъ и҆ мє́ртвымъ, є҆гѡ́же Цр твїю не б ́детъ конца̀. 8. И҆ въ Дх҃а Ст҃а́го, Гд а, животворя́щаго, и же ѿ О҆ц҃а и҆сходя́щаго, и же со О҆ц҃ и҆ Сн҃омъ спокланя́ема и҆ сла́вима, гл҃авшаго Пр ҃роки. 9. Во є҆ди́н Ст҃ ́ю, Собо́рн ю и҆ А҆п҃льск ю Цр҃ковь. 10. И҆сповѣд ю є҆ди́но креще́нїе во w҆ставле́нїе грѣхẃвъ. 11. Ча́ю [90]воскр нїѧ мє́ртвыхъ. 12. И҆ жи́зни б ́д щаѧ вѣка. А҆ми́нь.

9. Пра́вила вѣры и благоче́стїѧ

Три́ гла́вныѧ добродѣтєли:

Вѣра, Наде́жда, Любо́вь

Се́дмь та́инствъ Но́ваго Завѣта:

Креще́нїе. Мѵ̀ропома́занїе. Причаще́нїе. Пока́нїе. Сщ҃е́нство. Бра́къ. Елеwсщ҃е́нїе.

Се́дмь дарѡ́въ Дх҃а Ст҃а́гw:

Прем ́дрость. Ра́з мъ. Совѣтъ. Крѣпость. Вѣдѣнїе. Благоче́стїе. Стра́хъ Бж҃і́й.

Де́вѧть плодѡ́въ Дх҃а Ст҃а́го:

Любо́вь. Радость. Ми́ръ. Долготерпѣнїе. Бл҃гость. Мл рдїе. Вѣра. Кро́тость. Воздержа́нїе.

Се́дмь дѣ́лъ мл ти внѣшнихъ:

А лч щаго напита́ти. Жа́жд щаго напои́ти. Нага́го wдѣ́ѧти. Стра́нн въ до́мъ вводи́ти. Больна́го посѣща́ти. Ходи́ти къ с ́щимъ въ темни́цѣ. Оу҃ме́ршаго погреба́ти.

Се́дмь дѣ́лъ мл ти дх҃о́вныхъ:

Согрѣша́ющаго и҃справля́ти. Невѣ́д щаго наста́вити. Сомня́щем сѧ до́брѣ совѣ́товати. Сѻ҃ спасе́нїи бли́жнѧгw Гд а моли́ти. Печа́льнаго оу҃тѣша́ти. Нести҆ непра́вды съ терпѣ́нїемъ. Ѻ҃види повин҃нымъ проща́ти.

Се́дмь грѣхѡ́въ сме́ртныхъ, и҃мже противостоя́тъ чт҃ны́ѧ добродѣ́тели:

Го́рдость.	Смире́нїе.
Сребролю́бїе.	Нелюбостяжа́нїе.
Блѹ́дъ.	Цѣломѹ́дрїе.
Гнѣ́въ.	Кротость.
Чревоѹго́дїе.	Воздержа́нїе.
За́висть.	Доброжела́тельство.

Оу҃ны́нїе (отчаяние).Оу҃повanїе (надежда).

Четы́ре послѣ́дняѧ и҆ достойнопа́мятнаѧ:

Сме́рть. Сѹ́дъ Бж҃і́й. Гее́нна (ада). Ц҃р҃ство нб҃ное.

10. И҃зрече́нїѧ изъ свщ҃е́ннагw писа́нїѧ.

1. Сы́не, чтѝ Гд҃а, и҆ оу҃крепи́шисѧ (При́тч. з҃: а҃).

2. Бг҃а бо́йтесѧ, царѧ́ чти́те (а҃ Петр. в҃: з҃і).

3. Всéю дУшéю твоéю благоговéйй ГДеви, и їерéи éгѡ чтѝ (Сїр. З: лa).

4. Всáка дУшà властéмъ предержáщымъ да повинУется. Нéсть бо влáсть, áще не ѿ Бгá: сУщыя же влáсти ѿ Бгá оУчинены сУть. Тéмже противлáйсѧ влáсти, Бжїю повелéнїю противлáется (Рим. гі: а, в).

5. Дéломъ и слóвомъ чтѝ ѻтцà твоегѡ̀ и мáтерь, да нáйдетъ тѝ блгословѐнїе ѿ нихъ. Блгословéнїе бо ѻтчее оУтверждáетъ дóмы чáдъ, клáтва же (проклятие) мáтерна йскоренáетъ до ѡснованїя (Сїр. г: й, кд).

6. Всéмъ сéрдцемъ твоúмъ прослáвлай ѻтцà твоегѡ̀, и мáтернихъ болéзней не забУди: помнѝ, áкѡ тéма рождéнъ éсѝ, и чтѡ̀ йма воздáси, áкоже ѻнѝ тебѣ̀ (Сїр. З: кд, л).

7. Да весели́тсѧ ѻтецъ и мáти ѡ тебѣ̀, и да рáдУется рóждшаѧ тà (Прúтч. кг: кѕ).

8. Чáда, послУшайте родúтелей своúхъ во всéмъ: сїѐ бо оУгóдно éсть ГДеви (Колос. г: к).

9. ПовинУйтесѧ настáвникѡмъ вáшымъ и покорáйтесѧ: тíи бо бдáтъ (заботятся) ѡ дУшáхъ вáшихъ (Евр. гі: зі).

10. Не везчéсти человѣ́ка въ стáростиєгѡ̀: и бо и ты сáмъ состарѧешисА (Сїр. иі: з).

11. Ю нїи, повинúтесѧ стáрцемъ (а Петр. ѕ: є).

12. Всáко слóво гнúло (худое, неаристойное) да не исхóдитъ изъ оу ста вáшихъ (Еф. д: кѳ).

13. А щектѡ̀ речéтъ, кѡ люблю̀ Бгá, а брáта своегѡ̀ ненавúдитъ, л éсть (а Iн. д: к).

14. А ще др гъ др га любúмъ, Бгъ въ нáсъ пребывáетъ (а Iн. д: ві).

15. Любáй брáта своегѡ̀, во свѧте пребывáетъ, и соблáзна въ нéмъ нѧсть: а ненавúдай брáта своегѡ̀, во тмѣ єсть, и во тмѣ хóдитъ (а Iн. в: ї, аі).

16. Всѧ̂, єлнка а ще хóщете, да творáтъ вáмъ человѧцы, такѡ и вы твори́те и мъ (Мѳ. з: ві).

17. А ще (бо) ѿп щáете человѧкѡмъ согрѣшéнїѧ и хъ, ѿп ститъ и вáмъ Оц̃ъ вáшъ небéсный: а ще ли не ѿп щáете человѧкѡмъ согрѣшéнїѧ

ихъ, ни Оц҃ъ ва́шъ ѿп ́ститъ ва́мъ согрѣше́нїй ва́шихъ (Мѳ. ѕ҃: дї, є҃ї).

18. Б ́дите мило́серди, коже и҆ Оц҃ъ ва́шъ мило́сердъ є сть (Лк. ѕ҃: л

19. Ми́л ѧй ни́ща, взаи́мъ дае́тъ Бг҃ови (При́тч. ѳ҃ї: з҃ї).

20. Всѣмъ ѩ ҆ви́тисѧ на́мъ подоба́етъ пред҆ с ди́щемъ Хр то́вымъ (в҃ Кор. є҃: ї҃).

21. О ко не ви́дѣ, и҆ оу хо не слы́ша, и҆ на се́рдце челов҃к не взыдо́ш и же оу҆гото́ва Бг҃ъ люб҃ящымъ є҆го̀ (а҃ Кор. в҃: ѳ҃).

11. Разска́зы изъ житїѧ̀ св. прв҃ нагѡ Фїларе́та Ми́лостивагѡ

1. И҆зы́де повел҃нїе цр кое всѣмъ во́инѡмъ собра́тисѧ въ полкѝ и҆ и҆тѝ проти́в безбо́жныхъ пога́нъ, на цр тво Гре́ческое востаю́щихъ, всѧ́къ же во́инъ давы̀ бы́лъ до́брѣ вовр же́нный и҆ два̀ конѧ̀ и҆м ́щїй. Причте́нъ же бы́сть къ тѣмъ полка́мъ нѣкїй оу҆бо́гїй во́инъ и менемъ М си́лїй, и҆м ́щїй є҆ди́наго то́чїю [91]конѧ̀, и҆ внеза́п и҆ то́й ко́нь и здше. [92]Во́инъ же оу҆бо́гїй, и҆ и҆мы́й чи́мъ и҆но́го к пи́ти конѧ̀, течѐ [93] къ бл҃же́нном Фїларе́т , и҆ речѐ [94]: господи́не мо́й Фїларе́те, поми́л й мѧ̀, вѣмъ, кѡ и҆ ты ѡ҆бнища́лъ є҆сѝ sѣла̀, и҆ не и маши бо́льши, то́кмѡ є҆ди́наго конѧ̀: о҆ба́че Бг҃а ра́ди мл рдова ѡ҆ мнѣ, да́ждь мѝ и҆ того̀ конѧ̀ своего, да не впад ̀ въ р ́цѣ тысѧщника, и҆ ѿ негѡ̀ лю́тѣ бїе́нъ б ́д . Бл҃же́нный же Фїларе́тъ речѐ є҆м ̀: поимѝ, бра́те, конѧ̀ моего̀, и҆ и҆дѝ съ ми́ромъ: о҆ба́че сїѐ вѣжды, кѡ не тысѧщникова ра́д на тѧ̀ прещенїѧ, но мл ти ра́ди Бж҃їѧ даю̀ тебѣ є҆го̀. Во́инъ же, прїи́мъ конѧ̀ ѿ ст҃а́гѡ, ѿи́де сла́вѧ Бг҃а .

2. И҆ ѡ҆стасѧ оу҆жѐ оу҆ ст҃а́гѡ Фїларе́та є҆ди́нато́кмѡ кра́ва съ теля́темъ, и҆ ѡ҆се́лъ є҆динъ, и҆ пче́лъ нѣколикѡ оу҆лье́въ. Оу҆бо́гїй же нѣкто и҆здале́ча, слы́шавъ ѡ҆ мл тивомъ Фїларе́тѣ, прїи́де къ нем ̀ моля́сѧ и҆ глаго́лѧ: гд и́не, хощ ̀ да мѝ да́си є҆ди́но ѿ ста́дъ твои́хъ, да и҆ а зъ стѧж ̀ нача́токъ бл҃гослове́нїѧ твоего: вѣмъ бо, кѡ даѧ́нїе твоѐ блг ве́но є сть, и҆ а ще вни́детъ въ до́мъ, развогати́тъ є҆го̀, и҆ блг ве́нїѧ и҆спо́лнитъ. Бл҃же́нный же Фїларе́тъ, съ ра́достїю пои́мъ телѧ̀, дадѐ просѧ́щем , ре́къ: Бг҃ъ, бра́те, да сотвори́тъ тѝ мноѕа́йшее блг венїе, и҆ оу҆мно́житъ, є҆ли́ка а ще тре́б еши. Чл҃къ же то́йпоклони́всѧ ѿи́де, веды́й телѧ̀ съ собо́ю. Кра́ва же, ѡ҆зира́ющисѧ сѣмѡ и҆ о҆ва́мѡ, смотрѧ́ше телѧ́те своегѡ̀, и҆ кѡ не оу҆зрѣ є҆г нача̀ sѣлѡ̀ т жи́ти, ве́лїимъ гла́сомъ рыча́щи, кѡ сожалѣти ѡ҆ не́й всѣмъ домаѧ̑шнимъ, а҆ наипа́че женѣ бл҃же́ннаго, же со мно́гою ско́рбїю и҆ стена́нїемъ возопѝ къ нем ̀: кто̀ не посмѣ́тсѧ младо ́мїю твоем ̀; ви́ждь оу҆жѐ дне́сь, кѡ нима́лѡ ѡ҆ мнѣ с пр ́гѣ твое́й не бреже́ши, и҆ ча́ заморѝлъ є҆сѝ, є҆ще́ же и҆ безслове́сныѧ доилнцы не поми́ловалъ, но без милосе́рдїѧ телѧ̀ ѿ сосе́цъ є҆ѧ̀ ѿл чи́лъ є҆сѝ, и҆ ком ̀ бл҃годѣѧнїе сотвори́л є҆сѝ; до́мъ твои́ ѡ҆злоби́лъ, и҆ о нагѡ просѧ́щагѡ не ѡ҆богати́лъ є҆сѝ: оу҆ о наг

бо телѧ̀ без҃ ма́тере погиб́нетъ, оу҆ на́съ же кра́ва без҃ телѧ́ти т҃ жи́ти и҆ рыча́ти б҃ детъ, и҆ ка́ѧ по́льза во о҆бои́хъ; Сїѐ слы́шавъ честны́й м҃ жъ Фїларе́тъ ѿ жены̀ своеѧ̀, рече́ къ не́й кро́ткимъ гла́сомъ, гл҃ѧ: нн҃е вои́стинн҃ до́брѣ и҆ пра́веднw рекла̀ є҆сѝ, с҃ же́но, kw не мл҃ тивъ и҆ не м҃ є҆ смь, поне́же разл҃ чи́хъ мла́до телѧ̀ ѿ ма́тере є҆ѧ̀: но б҃ детъ л҃ чшее дѣ́л сїѐ, є҆́ же сотворю̀. И҆ ше́дъ спс҃шнw въ слс҃дъ чл҃вс҃ка, пове́дшагw телѧ̀, нача̀ зва́ти: возврати́сѧ, чл҃вс҃че, возврати́сѧ съ телѧ́темъ, kw ма́терь є҆гѡ̀ не да҃ на́мъ поко́ѧ, вельмѝ 95рев҃ щи при две́рехъ до́м҃ . Ни́щїй же сїѐ ѿ бл҃же́ннагw оу҆слы́шавъ, мнѧ́ше kw ѿѧ́ти оу҆ негѡ̀ да́нное телѧ̀ хо́щетъ, и҆ глаго́лаше въ себѣ̀ скорбѧ̀: оу҆вы́ мнѣ̀, kw нс҃смь досто́инъ и҆ мс҃ти ѿ бл҃же́ннагw сегѡ̀ м҃ жа на блг҃ ве́нїе и҆ є҆ди́нагw сегѡ̀ ма́лагw скота̀, се́ бо жалс҃ѧ ѡ҆ не́мъ зове́тъ мѧ̀, да ѿи́метъ є҆го̀ ѿ менѐ. Возвраща́ющ҃ сѧ же съ телѧ́темъ чл҃вс҃к҃ том҃ , се́ телѧ̀ оу҆зрс҃вши свою̀ ма́терь течѐ къ не́й, та́кожд҃ и҆ ма́терь течѐ къ телѧ́ти своем҃ рев҃ щи, є҆ же ви́дѧщи Ѳео́зва, жена Фїларе́това, ра́довашесѧ, kw телѧ̀ въ до́мъ возвра́щено бы́сть. Бл҃же́нный Фїларе́тъ, ви́дѣвъ чл҃вс҃ка о҃ наго ско́рбна и҆ ничто́же гл҃ати смс҃ющ҃а, речѐ к҃ нем҃ : бра́те, гл҃е́тъ подр҃ жїе моѐ, kw грс҃хъ сотвори́хъ, разл҃ чнвъ телѧ̀ своеѧ̀ ма́тере, и҆ до́брѣ гл҃е́тъ: поймѝ оу҆ бо съ телѧ́темъ и҆ ма́терь є҆гѡ̀ вк҃ пѣ҃ и҆ и҆́дѝ, и҆ Гд҃ ь да блг҃ ви́тъ тѧ̀, и҆ оу҆мно́житъ сїѧ̀ въ дом҃ твое́мъ, коже дре́вле и҆ моѐ ста́до. Чл҃вс҃къ же, пое́мь кра́в҃ съ телѧ́темъ, ѿи́де ра́д҃ ѧсѧ: и҆ блг҃ ви Бг҃ъ до́мъ є҆гѡ̀ Фїларе́та ра́ди оу҆го́дника своегѡ̀, толи́кѡ бо скота̀ оу҆мно́жисѧ оу҆бо́гом҃ чл҃вс҃к҃ том҃ , kw бы́ти оу҆ негѡ̀ мно́жае дв҃ хъ ст҃ волѡ́въ и҆ кра́въ доилицъ.

3. По ма́лѣмъ же вре́мени бы́сть гла́дъ въ стран҃ то́й, честны́й же м҃ жъ Фїларе́тъ въ послѣ́днюю нищет҃ прише́дъ, не и҆мѧ́ше чи́мъ пита́ти жен҃ свою̀ и҆ ча́да. Оу҆слы́шавъ же бл҃же́ннаго Фїларе́та въ таково́мъ оу҆бо́жествѣ бѣ́дств҃ ющаго, нѣ́кто ѿ дре́внихъ др҃ гоѡ́въ є҆гѡ̀, бога́тъ сы́й, посла̀ є҆м҃ четы́ри о҆сла̀ ѡ҆бременены, носѧ́щыѧ по десѧ́тѝ сп҃ дѡвъ 96пшени́цы. Сїѧ̀ прїи́мъ бл҃же́нный, поклони́сѧ до землѝ. Та́же просте́ръ р҃ цѣ и҆ о҃ чи возве́дъ на нб҃о, хвал҃ воздадѐ Бг҃ , гл҃ѧ: бл҃годарю́ тѧ̀ Гд҃ и Б҃ мо́й, kw не ѡ҆ста́вилъ є҆сѝ раба̀ твоегѡ̀, и҆ не презрѣ́лъ є҆сѝ оу҆пова́ющагw н҃ тѧ̀. Таково́е поми́лованїе Бж҃ї҃е kw оу҆зрс҃ жена̀ є҆гѡ̀, ѿложѝ серде́чн҃ ю ско́рбь, и҆ съ кро́тостїю речѐ къ своем҃ м҃ ж҃ : господи́не, да́ждь мѝ досто́йн҃ ю ча́сть пшени́цы, та́кожде и҆ ча́дѡмъ на́шымъ, є҆ще́ же и҆ заи́мное оу҆ сосс҃дѡвъ ѿда́ждь: ты́ же взе́мши свою́ ча́сть, сотворѝ съ не́ю, є҆́ же хо́щеши. О҃ нъ же по гл҃ жены̀ своеѧ̀ сотворѝ, и҆ раздѣ́лѝ пшени́ц҃ , взѧ̀ се пѧ́ть сп҃ дъ, и҆ тыѧ̀ въ два̀ днѝ раздѣ́лѝ оу҆бѡ́гимъ. Ѯ҆ се́мъ па́ки 97разгнѣ́васѧ на него̀ жена̀ є҆гѡ̀, и҆ не хотѧ́ше съ ни́мъ ниже сти, но о҆со́бн҃

чады́ о тай[98]м ́жа своегѡ̀ трапе́з иѵ̀ма́ше. Во є̓ди́нъ же ѿ дне́й вни́де к
ни́мъ по ма́л бл҃же́нный Фїларе́тъ, и̓ речѐ: прїими́те, дв҃ти, и̓ менѐ къ
трапе́зѣ, а ще не кѡ о̓ц҃а̀, то понѐ[99] кѡ го́ста и̓ стра́нна, о̓ни́ же
возсмѣ́шеса прїи́ша є̓го̀.

4. И бы́сть ст҃ы́й Фїларе́тъ весьма̀ ни́щъ и̓ оу̓бо́гъ, ничто́же и̓мы́й,
то́кмѡ є̓ди́ны пче́лы, и а ще когда̀ прихожда́ше ка нем ` оу̓бо́гій проса̀,
о нъ, не и̓мы́й хл҃ба, нижѐ что̀ и̓но̀, ходя̀ къ оу льємъ, и̓ взима́а ѿ ни́хъ
ме́дъ, да́ше ни́щем : ѿ тогѡ́же ме́да и̓ са́мъ да́ше и̓ ча́да є̓гѡ̀. Та́же
дома́шнїи є̓гѡ̀ ви́да́ще, кѡ̀ и̓ ме́да лиша́ютса, и̓до́ша та́й къ пче́ламъ, и̓
ѡ̓бр҃тше є̓ди́нъ то̀чїю посл҃днїй оу лей съ ме́домъ, и̓ то́й до конца̀
и̓стреби́ша. Во оу трїе же па́ки прїи́де къ прв ѕ̑ном ни́щїй, проса̀ мл ты
же ше́дъ ко оу лью и̓ ѿве́рзъ и , ѡ̓бр҃те то́щъ, не и̓мы́й же что̀ и но да́ти
ни́щем , совлечѐ съ себѐ ве́рхнюю о̓де́жд , и̓ дадѐ є̓м . Е гда̀ же са́мъ
прїи́де въ до́мъ въ є̓ди́ной о̓де́ждѣ, речѐ къ нем жена̀: гд҃и є сть о̓де́жда
твоя̀; є̓дл̀ и̓ т да́лъ есй ни́щем ; о нъ же речѐ: сквозѣ̀ пче́лы ходя̀, та́мѡ и
ѡ̓ста́вихъ. Сы́нъ же є̓гѡ̀ ше́дъ на о но м҃сто, поиска̀ о̓де́жды о̓ч҃ія, и̓ не
ѡ̓бр҃тъ, сказа̀ мт҃ри свое́й, о̓на́ же не терпя́щи м ́жа своего̀ нел҃потнѡ въ
є̓ди́ной о̓де́ждѣ ходя́щаго зр҃ти, свою̀ о̓де́жд претворѝ на м ́жеск , и̓
ѡ̓блечѐ его̀. Си́це и̓ въ нищет҃сы́й милости́вый Фїларе́тъ, є̓ли́кѡ можа́ше,
доброхо́тною ще́дростїю подава́ше.

12. Тропа́рь и конда́къ на Рождество̀ Христо́во

*Тропа́рь.*Рж тво твоѐ, Хр тѐ Бж҃е на́шъ, возсїя̀ ми́рови св҃тъ ра́з ма,
(т.е. озарил мир светом богопознания) въ не́мъ бо sвѣзда́мъ сл жа́щїи,
sвѣзло́ю оу̓ча́х ся, Теб҃ кла́ня́тися сл҃нц пра́вды, и̓ Тебѐ вѣ́дѣти (т.е.
познавать) съ высоты̀ восто́ка: Гд и, сла́ва тебѣ̀.

*Конда́къ.*Дв҃а дне́сь прес ́щественнаго (который выше всякого
существа) рожда́етъ, и̓ земля̀ верте́пъ (пещеру) неприст ́пном
прино́ситъ: А гг҃ли съ па́стырьми (пастухами) славослова́тъ, волсвѝ же со
звѣзло́ю п теше́ств ютъ: на́съ бо ра́ди роди́ся О̓троча̀ мла́до, предвѣ́чный
Бг҃ъ (потому что для нас родился младенец, который есть вечный Бог).

13. Тропа́рь и стихи́ра на Па́сх

*Тропа́рь.*Хр то́съ воскре́се и зъ ме́ртвыхъ, см҃ртїю см҃рть попра́въ (т.е.
разрушив), и̓ с ́щимъ во гроб҃хъ (т.е. находящихся во гробах) живо́тъ (т.е.
жизнь) дарова́въ.

*Стихи́ра.*Воскресе́нїе твоѐ Хр тѐ Сп҃се, а гг҃ли пою́тъ на нб҃сѣ́хъ, и̓ на
на землѝ сподо́би, чи́стымъ се́рдцемъ Тебѐ сла́вити.

Приложение

Подготовительные письменные упражнения [100]

Приучение к верному списыванию и диктовке

*Задача 1.*Списать правильно следующие слова: Ученик. Дом. Школа. Отец. Мать. Церковь. Учитель. Священник. Поле. Сад. Сестра. Брат. Бумага. Книга. Перо. Стол. Класс. Кладбище Лес. Хлеб. Огород. Крестьянин. Земледелец.

Правило. При начале письма и после точки ставь всегда большую (прописную) букву.

*Задача 2.*Следующие слова списать правильно, начиная каждое слово с большой буквы и ставя в конце его точку: весна зима осень лето понедельник вторник среда четверг пятница суббота воскресенье урок статья картинка карандаш игла нитка пуговица рубашка шапка сапоги рукавицы палка прут кол бревно дерево.

*Задача 3.*Списать следующие примеры и подчеркнуть в словах букву **ь.**

Больше, меньше, тоньше, раньше, сильнее, Васька, Ванька, льдина, мельница, маленькое кольцо, стальные коньки, большая польза, скромненький мальчик, красненькие кошельки, комья грязи. Портной шьет платье. Дядя пьет квас. Бушует сильная вьюга. Ульи пусты. Чье это ружье? Настасья и Татьяна – родные сестры. Коля заболел сильной корью. Шуба овечья тепла. В лесах раздаются птичьи голоса. Крестьянин пашет. Деньги любят счет. Мальчик поймал воробья. Скоро начнется ученье. Прочитай письмо. Дом занят жильцами. Почитай мать. Учись прилежно. Трудись усердно. Не тронь чужой вещи. Русский царь – отец большой семьи – государства. Молись Богу.

*Задача 4.*Следующие слова списать и вставить, где нужно, букву **ь** .

Вол-ный, Ол-га, Тат-яна, капел-ка, папен-ка, зор-ка, плат-е, сем-я, молот-ба, п-ют, ш-ют. Тетен-ка. Дяден-ка. Мамен-ка.

*Задача 5.*Списать следующие примеры и подчеркнуть в середине слов букву **ъ.**

Объявить, отъехать, съесть, подъехать, подъем, предъявить, разъяснить. Скоро мы разъедемся. Объедки бросили собакам. Учитель разъяснил урок.

*Задача 6.*Следующие слова списать и вставить, где нужно, букву **ъ** .

С-ел, с-ехал, об-едать, с-емка. Раз-яренный лев опасен. Пустыня сном об-ята. Гости под-ехали к воротам и в-ехали на двор. До того дожили, что ножки с-ежили.

*Задача 7.*Списав следующие слова, поставить над буквой **и** в каждом слове знак «˘».

Мои, свои, твои, чаи, рои, твердыи, синии, христианскии, добрыи, худои, милыи, волчии, летучии.

*Задача 8.*Из следующих примеров выписывать в один ряд слова с буквой **ы** , а в другой – с буквой **и** .

Бил–был, пил–пыл, висок–высок, клик–клык, губи–губы, мил–мыл, мило–мыло, Миша–мышь, нить–ныть. Собрались плыть. Привезли много плит. Метла пылит. Он пилит дрова. Отец простил сына. Чай простыл.

Образец работы

Слова с буквою **ы** : Слова с буквою **и** :

Был, пыл, высок и т.д.Бил, пил, висок и т.д.

*Задача 9.*Выписать слова, в которых **е** звучит как *ё* .

Зерно–зёрна. Слеза–слёзы. Ведро–вёдра. Село–сёла. Шесть–шост. Пчела–пчёлка. Лён–лень. Мёд–медь. Ель–ёлка. Чернила высохли. Черная смородина. Старушка поплелась. Старик поплелся. Туча пронеслась. Ураган пронесся. Воры увели лошадь. Отец увел сына. Ручеек течет. Клен растет. Теплый денек настает.

Правило. Где **е** *звучит как* **ё** *, пиши е, а не* **ѣ** .

*Задача 10.*Списать слова, вставив **е** или **ѣ.**

М-л пол. П-к хлебы. Н-с дрова. В-з сено. Пч-лка улетала. Ч-рная шапка. С-рая птичка. Маленький пос-лок.

*Задача 11.*Выписать слова с буквой **я** .

Пальцы–пяльцы, мать–мять, мал–мял, мясо, масло, правда, прямо, пряжа, кража, тряпочка, трава, прясло, править.

*Задача 12.*Придумать и написать несколько слов, в которых была бы буква **я** (напр. червячок, стряпуха, пятачок и т.под.).

*Задача 13.*Из следующих слов выписать слова с буквой **у.**

Пилу. Пилю. Люди. Луди. Сюда. Суда. Тюк. Тук. Труд. Хрюкать. Рука. Рюмка. Крюк. Утюг. Дюжина. Дубина. Приют. Утка. Июнь. Дуб. Отец пошел удить рыбу.

*Задача 14.*Выписать слова с буквой **п** .

Хлоп. Лоб. Шубка. Тряпка. Сноп. Озноб. Тулупчик. Голубчик. Зуб. Суп. Шапка. Столб. Пробка. Покупка. Ошибка. Гибкий. Липкий. Ступка. Трубка.

Задача 15. Выписать слова с буквой **ф** .

Ров. Шарф. Клюв. Кровь. Кофта. Лавка. Скуфья. Кувшин. Отлив. Давка. Сафьян. Кафтан. Готов. Поливка. Туфли. Вызов. Обувь. Штраф. Сметлив. Овца.

*Задача 16.*Списать слова и подчеркнуть букву **х.**

Луг. Дух. Слух. Мог. Мох. Шаг. Сапог. Пух. Рог. Петух. Испуг. Плуг. Друг. Посох. Шорох. Набег. Порог. Порох. Страх. Враг. Мох. Ох.

*Задача 17.*Выписать слова с буквой **д.**

Доска, Тоска. Пруд. Прут. Рад. Рот. Плот. Утка. Раз- лад. Метка. Нитка. Затхлый. Подрядчик. Кадка. Ухватка. Брод. Знать по лицу, сколько лет молодцу. В зимний холод всякий молод. Хоть редко, да метко. Это еще цветки, а ягодки впереди. Остатки бывают сладки.

*Задача 18.*Списать слова и подчеркнуть букву **с** . Глаз. Глас. Воз. Раз. Тряско. Просьба. Резьба. Алмаз. Сбруя. Ось. Букет роз. Святой образ. Он говорит просто, без всяких прикрас. Сбылось одно, сбудется и другое. Здоровье дороже денег.

*Задача 19.*Выписать слова с буквой **ж** .

Нож. Ковш. Крышка. Кружка. Пташка. Бедняжка. Рубашка. Пряжка. Ландыш. Дрожь. Пушка. Денежка. Ложка. Чашка. Дрожки. Ватрушка. Кочерыжка. Стружки. Исподтишка. Лицом пригож, а на дело не гож. Бумага, книжка, нож, карандаш – весь ученический запас.

*Задача 20.*Следующие примеры списать и подчеркнуть в каждом слове гласные буквы и полугласную.

Под лежачий камень и вода не течет. От своего слова не отрекайся. Новая метла чисто метет. Конец делу венец. Конь ушами прядет, удила грызет, шею словно лебедь гнет, копытом землю дерет. Много звезд сияет на небе. Это мой лучший друг.

Образец работы.

Под лежачий камень и т.д.

*Задача 21.*Следующие слова списать, разделив при этом чертой каждое слово на столько частей (слогов), сколько в нем гласных букв.

Разметал паук свои тенета в простенке: теперь берегись, мухи! Благовещенье – великий праздник. У кого много занятий, тому не до шалостей. Время и терпение смягчают страдания и горести. Сознание – половина исправления. Русский солдат отличается сметливостью и смелостью при опасности, мужеством и храбростью в сражениях, терпением и выносливостью в походе и при лишениях походной жизни, послушанием и точным исполнением приказаний начальства.

Образец работы.

Раз-ме-тал па-ук сво-и те-не-та в про-стен-ке: те-перь бе-ре-гись, мухи!

Правило. Из одной строки в другую слова нужно переносить по

слогам. [101]

*Задача 22.*Из следующих примеров выписать сначала слова односложные, потом двухсложные, дальше трехсложные и наконец многосложные, разделив слова чертой на слоги.

Яма. Птица. Он. Мы. Я. Рыба. Сказка. Сарай. Горький. Роса. Пауки. Прохладно. Работник. Ремесленник. Трудолюбивый. Рай. Сад. Уж. Ухо. Ты. Они. Край. Трактирщик. Береза. Соль. Чернильница. Комната. Окно. Дно. Река. Берег. Лес. Переулок. Улица. Село. Церковь. Хлеб. Нива. Ну. Дай. Нищий. Книга. Водовоз. Садовник. Черезседельник. Человек. Работа приятнее безделья. Сегодняшней работы не откладывай на завтрашний день.

Образец работы.

Слова односложные: Он, мы, я и т.д.

Слова двухсложные: Я-ма. Пти-ца. Ры-ба. Сказ-ка и т.д.

*Задача 23.*Следующие примеры списать и поставить над каждым словом, где следует, ударение, означая его знаком «´».

Честное имя дороже богатства. Добрый человек надежнее каменного моста. Смерть не щадит ни богатого, ни бедного, ни доброго, ни злого. Просящему дай, голодающего накорми, голого прикрой, болящего посети. Всегда надейся на Бога.

Образец работы.

Че́стное и́мя доро́же бо́гатства. Д́обрый челове́к наде́жнее ка́менного мо́ста и т.д.

*Задача 24.*Списать примеры и поставить ударение над каждым словом, которое напечатано письменными буквами. [102]

В яйце есть *белок.* В лесу много *белок.* Я *плачу* горькими слезами. Я *плачу* подать. Из пшеницы делается белая *мука* . Голод великая *мука* . Волны били о *берег* реки. Я *берег* заработанные деньги. В России есть большие *реки* . Судно пристало к берегу *реки* . Сенокос торопятся кончить в *ведро* . *Ведро* – это посуда. Вот умные *головы.* В нашей волости хороший *голова* . Что *стоит* фунт орехов? Наш дом *стоит* на берегу реки. Вешние *воды* сильно разлились. Дай мне стакан *воды* . У нас хорошие *хлеба* . У него нет *хлеба* . У него болят *ноги* . Он уже без *ноги* . Вы *пили* воду? *Пили* дрова. Купи *соли* . *Соли* суп. *Моли* Бога. В нашем доме много *моли* . Приехали *гости* . *Гости* у нас. Я *мою* руки. Возьми *мою* палку. Я *знаком* с ним. Каким *знаком* нужно обозначать ударения в словах? [103]

*Задача 25.*Следующие слова списать, изменив их при списывании так, чтобы после неясного согласного звука (**в** или **ф** ? **з** или **с** ? **ж** или **ш** ? **г** или **к** или **х** ? **б** или **п** ? **д** или **т** ?) стоял гласный звук:

1) Морковь. Нарыв. Кровь. Рукав. Церковь. Лавка. Сливки. Травка. Головка. Веревка. Ров. Овца. Дров. Голов. Разлив.

2) Картуз. Обоз. Подвязки. Замазка. Сказка.

3) Ложь. Сторож. Кружка. Ложка. Книжка. Стружка. Еж. Нож. Дрожь.

4) Враг. Друг. Круг. Луг. Стог. Порог. Легкий. Ногти.

5) Зуб. Луб. Сугроб. Лоб. Столб. Зубчик. Ошибка. Пробка. Трубка.

6) Сладкий. Гвоздь. Город. Желудь. Клад. Лед. Мед. Лодка. Загадка. Тетрадка. Грядка. Водопад.

Ход работы: Моркови, морковок...

Картуза...

Лжи, лжец...

Враги, врага, врагов...

Зуба, зубов, зубастый...

Сладок, сладость и т.п.

Правило. Чтобы не сделать ошибки при письме в сомнительном (неясном) согласном звуке, следует слово (с сомнительным звуком) изменить так, чтобы после сомнительного согласного звука стоял гласный.

Задача 26. [104]Списать, вставив, где следует, букву – верхнюю или нижнюю.

Старый де д /т везет во з /с дро в /ф .

Тру д /т человека кормит.

Краси в /ф са д /т весной.

Мой бра д /т – мой лучший дру г /к .

Работники копали ро в /ф и нашли кла д /т .

Лоша д /т ку кормят овсом.

Ска з /с ка скла д /т ка, а песня быль.

Ло ж /ш ка де г /к тя испортила всю ка д /т ку меду.

В зимний холо д /т всякий моло д /т .

т т

*Задача 27.*Списать слова, вставив пропущенную букву **ж** или **ш** .

Но-. Ло-ка. Ло-ь. Лачу-ка. Кни-ка. Дене-ка. Сторо-. Стри-. Мы-ь. Дро-ь. Чи-. Ча-ка. Мы-ка. Пря-ка. Со-ка. Бума-ка. Сторо-ка. Стару-ка. Задви-ка.

*Задача 28.*Списать слова, вставив пропущенную букву **б** или **п** .

Ба-ка. Су-. Зу-. Гри-. Ря-чик. Ша-ка Це-ь. Хле-. Гро-. Сру-. Погре-. Прору-ь. Шу-ка. Тру-ка. Ду-. Сту-ка. Ло-. То-ь. Стол-. Сно-. Оши-ка. Купил у ку-ца две шу-ки. Глу-. Попал на реке в глу-ь. Старый ду- крепок, а молоденький сла-. Ро-кий. Про-ка. Гу-ка. Ги-кий. То-кий.

Задача 29. Списать слова, вставив пропущенную букву **в** или **ф** .

Петро-. Ивано-. Нары-. Рука-. Клю-. Ло- рыбы. Бро-ь. Морко-ь. Жерно-. Хле-. Ле-. Кро-ь. Ла-ка. Да-ка. Тра-ка. Глубокий ро-.

*Задача 30.*Списать слова, вставив пропущенную букву **г,** *к* или **х.**

Дол-. Лу-. Ша-. Сто-. Кру-. Сне-. Моз-. Бере-. Творо-. Доро- он мне, как лучший мой дру-. Вра- ты мне или друг? Наш лу- затопило. Я купил плу-. Ро-. Жемчу-. Сегодня большой тор-. Слу-. Ду-. Он ловит му-. Сту-. Я сажал лу-. Су-.

*Задача 31.*Списать слова, вставив пропущенную букву **з** или **с.**

Моро-. Гу-ь. Во-. Ле-. Гла-. Гря-ь. О-ь. Но-. Обо-. Ква-. Ра-. Ма-ь. Воло-.

*Задача 32.*Списать слова, вставив пропущенную букву **д** или **т.**

Ме-. Ле-. Го-. Са-. Гра-. Лебе-ь. Пру-. Кла-. Ма-ь. Дего-ь. Плу-. Пру-. Тру-. Огоро-. Наро-. Лоша-ь, Гвоз-ь. Кос-ь. Тетра-ь. Ка-ка. Коло-ка. Реше-ка. У-ка. Нахо-ка. Ло-ка. Лоша-ка. Пала-ка. Моне-ка. Сла-кий.

*Задача 33.*Списать слова, подчеркнув в них букву **о** , которая произносится как **а.**

Холодная вода. Рогатая скотина. Сосна – хвойное дерево. Вода окружает остров. Пахарь заботливо смотрел за своей лошадью: поил ее ключевой водой, кормил хорошим овсом. Поля и холмы покрыты белым ковром холодной зимы.

*Решение:*Холодная вода...

*Задача 34.*Из примеров 33-ей задачи выбрать и написать слова, в которых буква **о** звучит как **а** . изменив при этом их так, чтобы ударение пало на **о** .

*Решение:*Холод. Воды...

Правило. Чтобы при, письме не сделать ошибки в сомнительном гласном звуке, нужно слово изменить так, чтобы ударение пришлось над этим звуком.

*Задача 35.*Как написать правильно: домком или дамком?

Ст $^{о}_{а}$ лица? К $^{о}_{а}$ са? Г $^{о}_{а}$ в $^{о}_{а}$ рить? См $^{о}_{а}$ ла? Д $^{о}_{а}$ р $^{о}_{а}$ гой?

*Задача 36.*Написать правильно под диктовку учителя следующие примеры $\frac{105}{}$ и потом поправить написанное, смотря в книгу.

Русь стара. Голь хитра. Была игра. Косы тупы. Ноги босы. Яйца круты. Сабли остры. Храм высок. Работа трудна. Мысль быстра. Мы рады. Я спал. Ты добр. Я иду туда. Ты ступай: сюда. Между садами рос лен.

*Задача 37.*Сделать то же со следующими примерами:

Мой брат купил лисью шубу. Добрая слава тут и стала. Валит сила сильная. Царю нужна голая правда. Бывают споры и между друзьями. Зайца ноги носят. Волка зуб кормит. Нужда ум дает. Пастухи дали быкам

травы. Хоть пруды пруди.

*Задача 38.*Сделать то же со следующими словами:

Мой дядя страдал глазной болью. Глаза смотрят. Руки работают. Музыкант играет. Дитя спит. Работник несет воду. Сани новы. У нас будут гости.

Задача 39. Сделать то же со следующими словами: Стальная иголка. Мышка мала. Наш дом красив. Моего брата зовут Иваном. У нас много всякого добра. Окунь вкусная рыба. Гуси плыли. Он дряхл. Мать стара. Мой дядя добр.

*Задача 40.*Выучить наизусть следующее стихотворение и потом, не смотря в книгу, написать его правильно в свою тетрадь.

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бессильный, бледный и худой,
От хлада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил:
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
(Лермонтов)

*Задача 41.*То же сделать с след. стихотворением:

Живи и жить давай другим,
Но только не на счет другого
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого.
(Державин).

*Задача 42.*Сделать то же с басней: «Обоз» (стр. 39).

*Задача 43.*Сделать то же с басней: «Ворона и кувшин» (стр. 39).

Задача 44. Сделать то же с басней: «Крестьянин и змея» (стр. 41).

*Задача 45.*Сделать то же с стихотв. «Лес осенью"(стр. 49).

*Задача 46.*Сделать то же с стихотв. «Зимняя дорога» (стр. 51).

*Задача 47.*Сделать то же с стихотв. «Зимняя ночь» (стр. 52).

*Задача 48.*Сделать то же с стихотв. «Перед грозою» (стр. 54).

*Задача 49.*Сделать то же с стихотв. «Птичка» (стр. 63).

Задача 50. Сделать то же с тихотв. «Зачем» (стр. 129).

Задача 51. Сделать то же с стихотв. «Надежда на Бога» (стр. 129).

Конец

Второй год обучения

Предисловие

Содержание, характер и план «Доброго Слова», как книги для классного чтения, примененной к потребностям народной школы, мы уже выяснили в предисловии к первой нашей книжке («Доброе Слово» – первый год обучения). В дополнение к сказанному мы считаем необходимым присовокупить следующее:

1. В состав второй части «Доброго Слова», равно как первой и третьей, помимо разного рода прозаических и поэтических произведений, вошла большая часть тех образцов, кои указаны «Учебными Планами» Министерства Народного Просвещения. Только те из образцовых произведений нашей литературы, указанных в означенных «Планах», не могли найти себе места в нашей книге для классного чтения, которые недоступны ни по своей форме, ни по своему содержанию для учеников народных школ.

2. Внося в содержание «Доброго Слова» образцовые поэтические и прозаические произведения, мы не позволили себе делать какое-либо сокращение в них или пересказ их своими словами. Выбрав или целое произведение, или отрывок его, представляющий нечто законченное – целое и вполне отвечающее намеченной нами цели при составлении книги для классного чтения в народных школах, мы позволили себе только сделать к нему необходимые подстрочные примечания и поместить его в соответствующем месте данного отдела. Только к произведениям (число коих весьма ограниченно), которые не принадлежат перу образцовых писателей, хотя но своему содержанию и форме вполне пригодны для помещения в книге, предназначенной для чтения в народных училищах и церковно-приходских школах, мы дозволили себе вполне свободно относиться и делали необходимый в них сокращения, изменения формы и т.под., что вызывалось педагогическими соображениями и что, однако же, не противоречило содержанию и направлению обрабатываемой статьи.

3. Выбирая образцовые произведения или отрывки из них, принадлежащие поэтам и писателям как до-Пушкинского, так и после-Пушкинского периода, мы старались главным образом о том, чтобы они, помимо своего образовательного и воспитательного характера, вполне пригодны были для ознакомления учеников народной школы со всем богатством, разнообразием и красотами отечественной речи со стороны ее художественного (разумеем все виды словесных произведений),

логического, стилистического и грамматического построения. Само собой разумеется, что доступность и применимость избираемых образцов для того школьного возраста, для которого предназначены наши книги для чтения, имелись в виду прежде всего.

4. Если мы в наших книгах для классного чтения даем некоторые сведения по географии, естественной истории, русской и церковной истории и т.д., то вовсе не с целью придать нашей книге характер какой-то школьной энциклопедии, что и недостижимо и не педагогично. Наша цель в этом случае та, чтобы сообщением ученику народной школы этих немногих сведений при помощи статей, отличающихся образцовым изложением, с одной стороны обогатить его *речь* и поставить его в возможность к дальнейшему *самообразованию* и чтению книг исторических, духовных, по земледелию, естествознанию и т.п. областям знаний, а с другой – затронуть и развить в нем *любовь* к знанию и просвещению вообще.

5. Наконец, во устранение могущих возникнуть недоразумений, мы считаем необходимым сказать несколько слов относительно названий отделов, принятых в «Добром Слове». Мы не желали расположить собранный и обработанный нами материал из сокровищницы нашей светской и духовной литературы так, как это сделано в большинстве книг для детского чтения, где обыкновенно встречаются отделы: рассказы, стихотворения, сказки, басни, описания и т.п. Мы убеждены, что такое расположение учебного материала в книге для детского чтения более чем неуместно; оно является чисто случайным и не оправдывается никакими вескими соображениями. Статьи и стихотворения при такой системе их расположения (т.е. случайного совпадения *по форме*, при чем по содержанию они часто не имеют ничего общего) являются разбросанными без всякого порядка по всей книге. Мы старались устранить это неудобство. Все прозаические и поэтические статьи не являются у нас разбросанными по целой книге без определенного порядка, но строго распределены в надлежащие отделы и поставлены каждые по возможности на своем месте. Мы руководились при этом той мыслью, что статьи и стихотворения, расположенные без определенного плана и системы, не могут произвести того *впечатления* на ум и воображение детей, какое они без сомнения произведут, будучи сгруппированы в одном отделе. К тому же такая группировка однородных по содержанию статей значительно облегчает деятельность еще мало развитой в детях школьного возраста той духовной способности, благодаря которой представления, получаемые в разное время об одном и том же

предмете, объединяются и обобщаются в одно общее представление – понятие. Например: статьи, вошедшие в отделы: человек, мир Божий, родина и т.д. встречаются только в этих отделах и больше нигде. И мы надеемся, что ряд этих однородных по содержанию статей в конце концов произведет в душе то настроение и сообщит ей тот круг понятий, которые мы имели в виду, обрабатывая план книг и распределяя весь назначенный для чтения материал в известные группы – отделы. К этому считаем необходимым добавить, что распределение статей но содержанию отнюдь не препятствовало нам соблюсти педагогический закон: «от легкого к трудному, от простого к сложному». Мы сначала (Д. Сл. г.I) помещаем самые простые и краткие рассказы и стихотворения, а потом (Д. Сл. г.II) постепенно переходим к более сложным и длинным; далее встречаются описания, сравнения и т.п. образцы почти всех словесных произведений.

Конечно, мы могли назвать свои отделы иначе. Например вместо названий: человек (1-й отдел), мир Божий (2-й отдел), родина (3-й отдел), церковь (4-й отдел), мы могли бы принять такое наименование отделов: обще-литературный (человек), естественно-научный (мир Божий), историко-географический (родина), духовно нравственный и церковно-исторический (церковь). Но мы этого потому не сделали, что наши названия, совершенно *тождественных по смыслу* означенным, точнее и определеннее указывают на существенное содержание статей каждого отдела; впрочем, дело не в названии, а в деле. [106]

Составитель.

Москва. 1890 г. 30 января.

Отдел первый

1. Поле и школа

(Из"Р. *Сл.").*

2. Счастливая находка

I. В одном городе купец потерял кошелек с сотней золотых монет. О своей потере он сделал в газетах объявление и обещал нашедшему кошелек с деньгами выдать половину находки в награду. Через несколько дней явился к купцу солдат, который принес найденный им кошелек с деньгами и стал требовать обещанной награды. Купец же, желая отделаться от уплаты вознаграждения, стал уверять солдата, что в кошельке, кроме сотни монет, находился еще драгоценный камень и что солдат для получения обещанной награды обязан ему возвратить и камень. Солдат уверял, что, напротив, камня в кошельке не было. Дело дошло до судьи.

II. Выслушав обе стороны, судья постановил следующий приговор: «Так как купец утверждает, что в потерянном им кошельке кроме сотни золотых монет находился еще драгоценный камень, солдат же говорит, что камня в найденном кошельке не было, то ясно, что солдат нашел не тот кошелек, который был потерян купцом. А потому купец должен сделать новое объявление о потере кошелька с деньгами и с драгоценным камнем; солдат же обязан в течение 40 дней хранить найденный им кошелек с деньгами. Если же в течение этого срока не явится к солдату хозяин кошелька, то находка должна вполне принадлежать солдату».

Так был наказан жадный и неблагодарный купец.

3. Капустные листья

I. Одна мать насадила в своем огороде разных овощей.

Однажды она сказала своей дочери: «Посмотри, Лиза: видишь эти желтоватые крупинки на капустном листе? Это – яйца гусениц, которыми ты часто любуешься и из которых выходят такие бабочки, как вон та, что летает там, – видишь? Гусеницы эти очень вредны для капусты, и сегодня после обеда ты осмотришь все листья и раздавишь на них яйца. Тогда капуста будет цела и зелена».

Лиза подумала, что еще успеет этим заняться, и скоро об этом деле позабыла вовсе.

II. Мать заболела и несколько недель не выходила из дому. Когда же она выздоровела, то взяла Лизу за руку и повела к капусте. Что же увидела Лиза? Капуста была дочиста съедена гусеницами! Одни кочерыжки

торчали из земли. Смущенная и огорченная Лиза принялась плакать. Тогда мать сказала: «это тебе урок: *никогда не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня.* Еще иному может тебя научить этот случай: *всякое зло и вред легко уничтожить вначале если же оно возьмет верх, то с ним не сладишь».*

4. Самоиспытание

I. У одного благочестивого отца был дурной сын, который, несмотря на все отеческие увещания, проводил время в обществе безнравственных товарищей и предавался всей необузданности страстей своих. Таким образом сердце его постоянно становилось испорченнее, и все доброе в нем, казалось, исчезло. Несчастный отец скорбел втайне о развращенной жизни сына и – молился.

По прошествии некоторого времени отец сильно занемог и, чувствуя приближение смерти, призвал к себе своего сына. Когда сын явился к постели умирающего отца, он сказал ему: «не бойся, сын мой, не думай, что я буду делать тебе теперь упреки за твое поведение. Вот я умираю и оставляю тебя наследником всего моего имущества; за это исполни ты последнюю мою просьбу; ее легко исполнить, и потому ты непременно должен обещать мне это и сдержать свое обещание».

II. Сын изъявил полную готовность исполнить волю своего отца, если только это для него возможно. Тогда умирающий отец сказал: «обещай мне, сын мой, что ты, в продолжение двух месяцев, по смерти моей, каждый вечер будешь приходить в эту комнату и полчаса оставаться в ней в уединении».

Сын обещал; – тогда отец благословил его и вскоре потом умер. Сын, похоронив отца, возвратился к своим товарищам и жил по-прежнему, предаваясь всякого рода удовольствиям. Но как скоро наступал вечер, ему приходило на память его обещание, и образ умирающего отца убеждал его сдержать обещание. Сначала было ему трудно быть одному в комнате; ему казалось это скучным, и какой-то страх обнимал его. Но он преодолел себя ради данного обещания и думал, что два месяца пройдут скоро.

Но тут-то открылись у него глаза на его поведение: совесть его заговорила, и страх Божий объял душу его; о пришел в самого себя, увидел пропасть, к которой вела его порочная жизнь, начал плакать и сделался совсем другим человеком.

(Из Круммахера).

5. Пастух

I. Мальчик–пастух пас в поле корову подле одного сада. Взглянув вверх на вишневое дерево, заметил он висевшие на нем спелые, темно-

красные вишни, и ему захотелось сорвать их; он оставил корову и взлез на дерево.

II. Животное, оставленное без надзора, бродив по полю, пробралось и в сад, и отчасти поело, а отчасти потоптало в нем цветы и огородную зелень. Мальчик, увидав это, пришел вне себя от гнева, соскочил с дерева, побежал в сад, нагнал корову и стал бить ее самым жестоким образом.

III. Между тем, отец, видевший все происходившее, подошел к мальчику, взглянул на него сердито и спросил: кому следует это наказание – тебе ли, или животному, которое не знает, что худо и что хорошо? Меньше ли ты увлекся своим пожеланием, нежели животное, которым ты должен был управлять? а ты так жестокосердно поступаешь, забывая свой рассудок и свой собственный проступок? – Мальчику очень стыдно стало перед отцом; он смутился и покраснел от стыда.

(Из Круммахера).

6. Раскаяние

I. Отец своими руками насадил целый ряд плодовых деревьев лучшей породы. Он очень обрадовался, когда через три или четыре года показались на них первые плоды; хотя, как обыкновенно на молодых деревьях, этих плодов было немного, но отцу очень хотелось попробовать, каковы они будут на вкус.

Плоды еще не созрели, когда в сад забрался сын соседа, мальчик шаловливый и злой. Он подговорил хозяйского сына, который был моложе его, и они вдвоем так усердно похлопотали около маленьких деревьев, что на них остались одни листья. Пришел хозяин сада и, взглянув на опустевшие деревья, очень огорчился. «Бессовестные дети», сказал он, «вы лишили меня удовольствия, которого я так долго ожидал!» Эти слова, сказанные без гнева, но с горестью, глубоко запали в сердце хозяйского сына. Он побежал к своему злому соседу и сказал ему:

– Ах, если б ты знал, как огорчился батюшка, когда увидал, что мы наделали! Теперь у меня не будет ни минуты покоя. Батюшка не будет любить меня больше, как прежде; но наверное накажет презрением, которое я вполне заслужил.

– Глуп, брат, ты, как я вижу! отвечал ему сын соседа: почем же узнает твой отец, кто это сделал? Ты только смотри, сам не проговорись.

Но когда Володя (так звали хозяйского сына) возвратился домой и увидел, что отец его встречает по-прежнему дружески, то в сердца у него что-то кольнуло, и он почувствовал, что сам не может подбежать к отцу с прежней радостью.

Как же мне, подумал он, смотреть весело на того, кого я так огорчил. О, нет! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давит мне сердце.

II. Через несколько времени отец пошел с детьми в сад и дал каждому из них по нескольку прекрасных плодов, в том числе и Володе. Дети прыгали весело и ели; но Володя закрыл лицо руками и горько заплавал.

– «Что с тобой, дитя мое? о чем ты плачешь?» спросил его заботливо отец. Володя не мог выдержать более душевной муки и, рыдая, сказал отцу: «Ах! я не стою того, чтобы ты называл меня своим сыном, и не могу переносить более, что ты считаешь меня добрым мальчиком, когда я сделал такое злое дело. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше; не дари мне ничего; накажи меня, чтобы я мог к тебе опять приходить спокойно; избавь меня от мучений, которые чувствую. Накажи меня за мой бессовестный поступок, потому что я... я обобрал молодые деревья!» Услышав это, отец взял сына за руку, ласково привлек его к себе, обнял и сказал: «я прощаю тебя, дитя мое, и дай Бог, чтобы тебе не пришлось в другой раз что-нибудь скрывать от меня: тогда мне не будет жаль моих яблок».

(Из «Детского мира» Ушинского).

7. Степан Ворошилин

I. В одном из удельных имений [107] Симбирской губернии жило семейство Ворошилиных. Они были крестьяне зажиточные и работящие; у отца пятеро сыновей на возрасте, все погодки [108] , да еще две, либо три дочери. Жили они мирно, спокойно. Бог благословил труды работящих сыновей и заботы старика отца: не знали они ни горя, ни печали, как вдруг сказан был рекрутский набор: Ворошилиным, как пятерикам, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а девки да бабы принялись плакать.

II. Глядя на это, старик созвал в воскресенье после обедни всех сыновей и стал им говорить следующее:

– Вот, дети, государь требует с нас солдата; делать нечего: не идти же одинокому, не идти и двойникам, либо тройникам, не обижать из-за нас других, а идти, видно, кому-нибудь из вас. Не тужите: свет не клином сошелся; не только свету, что в окне; доброму человеку везде житье будет: что тут, что там; тут работали на себя, да на царское подушное [109] , не на боку же лежали; а там послужите на государя: за то кормить станет. Коли солдат мой жив будет, так, даст Бог, милость царскую заслужит: вы все ребята добрые; а коли кости его закопают, – и на это власть Господня; Он же и смилуется над ним. А кто пойдет, уж тому меня, старика, не видать больше: надо проститься; я и то чужой век заживаю; пора и честь знать.

Живите вы дружно, мирно, чтобы ни попреку, ни поклепу у вас не было; чтобы помощь был от брата брату; чтобы друг за друга Богу молились, хоть, врознь, хоть вместе жить будете; уважайте начальство, какое у кого будет, и повинуйтесь ему; уважайте старшего по мне, чтите брат брата. Ну, кто же из вас идет?

Младший сын Степан за словом повалился в ноги отцу и просил благословения.

– Два старшие брата у меня женатые, сказал он: третий уже засватал невесту, а четвертый, Григорий, слаб, на службу не годится: я иду.

III. Прошло времени годов 20 слишком; старик Ворошилин давно в земле, сыновья его поседели, вырастили каждый полон дом детей; благословил Бог и их достатком, нужды не знают; хозяек набрали хороших и живут без горя; но о Степане и слуху нет с тех пор, как проходивший отставной солдат одного с ним полка сказывал, что жив он и здоров и начальство его любит. Весть эта пришла еще при жизни отца, и ей он порадовался; а с тех пор ничего о Степане не слышно.

IV. Около Покрова, когда старший брат Ворошилин уже собирался отдавать замуж дочь и зазвал на вечер в избу свою сватов и сватий [110] жениха, постучался кто-то в ворота; а как не скоро пошли отпирать (не до того было), то он стукнул посохом своим и в окошко. Побежала девочка хозяйская, отперла калитку и, прибежав опять, сказала отцу, что де служивый пришел, просится на ночлег. «Зови его сюда на радость», сказал Ворошилин, «коли Бог посылает гостя на праздник мой, так не отказывать же ему. У меня же и брат Степан был когда-то служивым, помяни его Господь в царствии своем; чай, помер давно»; и перекрестился.

V. Входит служивый, из себя еще молодец, более сорока годов не будет, и видный такой, что хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарил, что пустили, свалил с плеч котомку, да и стал среди избы и глядит на людей: который де из них кто? кого узнаю? Смотрел долго, и они на него глядят; да и спросил: а что, братья мои любезные, помните ли вы совет отцовский? молились ли вы за меня Богу? а я за вас молился.

Тут крик такой пошел на всю избу, что никто слова чужого не разберет, да и сам своего не услышит. Все узнали Степана; кто обнимает его, кто кланяется в ноги ему, кто спереди, кто с тылу, кто сбоку; ну, словом, приняли Степана, как выходца с того света, расспрашивали обо всем до самой полуночи.

(В. Даль).

8. Нечистоплотный крестьянин

I. В одной деревне жил крестьянин Иван. Славный был малый, такой здоровый, краснощекий, и был он человек работящий. Одна за ним была беда: бывало придет в воскресенье в церковь Божью – волосы на нем всклокочены, зипун в грязи, рубашка черная, как будто сейчас из болота. Вот как выйдут крестьяне из церкви да соберутся на погост – о том, о сем поговорить, соседи и спрашивают Ивана: «Или ты, Иван, по субботам в баню не ходишь?» А он в ответ: нет, недосужно было... А они опять: «да что ж на тебе рубашка-то черная?» – А он в ответ: говорят вам, недосужно было, родимые.

II. И все ему было недосужно. За обед бывало сядет – рук не вымоет, встанет по утру – глаз не вытрет; а в доме-то у него грязи на полу на целую четверть, а в избе-то свиньи и телята, а на нем-то самом вши так вереницею и ползают. Станут Ивану говорить, что он живет не хорошо, а Иван в ответ: «и так живет! наше дело крестьянское». Но не все то в живот, что живет; и с Иваном эта пословица сбылась.

III. От нечистоты сделалась у Ивана на руках короста, а по всему телу чирья. Зуд страшный! С тела спал, сделался такой бледный, как смерть; что в руки возьмет, так из рук кровь и течет. – Что с тобой? спрашивали его соседи. «Божий гнев», отвечал он сквозь слезы. – Правда, сказал ему в ответ один крестьянин: Божий гнев бывает на тех, которые не любят себя в чистоте держать. Если бы ты почаще в баню ходил, да чистую рубашку надевал, то у тебя бы коросты не было. – Но Иван все не верил, что чистотой здоровье и у человека, и у скота держится. Взяли Ивана в больницу и лечили, вылечили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, белую рубаху надели и выпустили, приговаривая: в другой раз будь, Иван, умнее.

IV. Но что же случилось? Собирали работников на соседний красильный завод, – плата была хорошая; пошел и Иван на завод. Ну, известное дело, на заводах бывает всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мешать; он мешал, мешал, а потом, по обычаю, не умывши рук, схватился за хлеб и ну убирать его со всем, что на хлеб от рук прилипло. Как вдруг поднялись у Ивана судороги в животе, – туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдал. Так его и жизнь скончалась.

На чистоту времени не много идет, а чистота здоровье дает. Вставши, умойся да Богу помолись; грех не мытому, нечесаному Богу молиться. Надо чаще в баню ходить или купаться и чистое белье надевать. От того будешь чист, а от чистоты будешь здоров, людям приятен и Богу угоден.

(В. Даль).

9. У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица

I. У одного богатого купца из крестьян было несколько домов; все эти дома он отдавал в наймы под квартиры. В подвальном этаже одного из этих домов жила бедная вдова, солдатка, с пятью малолетками, из которых самому старшему было не более семи лет, а самый маленький был еще грудной. Комната, которую занимала солдатка, была темная да сырая, дверь к ней скрипела, в полу были большие дыры и щели; сквозь них свободно бегали мыши и крысы: хлеба положить никуда нельзя было – сейчас съедят. Богатый и дня не прожил бы в такой квартире, а нужда чего не делает? Вдова по неволе жила в этом подвале – деваться некуда было. Она где полы вымоет, где белье постирает, а где и сошьет что-нибудь: этим только и кормилась с своими малютками и кое-как выплачивала хозяину полтора рубля за квартиру. Все бы это еще ничего – как-нибудь можно бы перебиваться, да вот какой грех вышел: у солдатки захворала одна дочка корью, а у грудного ребенка зубы стали прорезываться: плачут они день и ночь, совсем сокрушили мать; отойти нельзя, не то что работать.

II. Прошел месяц. Приходит от хозяина приказчик за деньгами, а где их взять? – «Батюшка, Аркадий Семеныч!» просит вдова, «обожди ты, Христа ради, деньги; вот детишки поправятся, примусь опять за работу, – уплачу сполна, что следует за квартиру».

Приказчик был такой жалостливый: «я-то обождал бы», говорит, «да ты знаешь – воля не моя – хозяйская; доложу хозяину – отсрочит, и слава Богу! Да только навряд ли он это сделает: он у нас такой, Бог с ним, крутой, да скупой». Приказчик ушел, давая на прощанье детям пряников.

III. На другой день чуть свет приходит в квартиру солдатки дворник и гонит ее из дому: хозяин де нищих держать не хочет; много, говорит, их на свете – всех не накормишь; чтобы завтра же, говорит, и духу твоего в доме не было». Что будешь делать! Солдатка одела всех ребятишек, кроме больной девочки, в разное старье и пошла с ними к купцу – просить отсрочки. А купец жил за городом на даче. Входит солдатка на двор; а на дворе собака, да такая злющая! увидала лохмотья на ребятишках, да как бросится на них! совсем было искусала, – спасибо, дворник вышел и отогнал. Вот кое-как допустили наконец солдатку до купца. Выходит к ней мужчина из себя толстый, высокий и краснолицый. Она сейчас бух – в ноги! и дети за ней. «Батюшка, отец ты наш родной, Пантелей Сидорыч!» завопила вдова, «не губи ты нас... куда я денусь сама-шеста, с детьми-то? Пообожди, родимый, деньги за квартиру! Бог тебя наградит за призрение сирот»! А дети со слов матери тоненькими, жалобными голосками пищат: «ба-тю-шка... о-тец... на-гра-дит Го-сподь...

си-рот»... А сами глазенки исподтишка на стены пялят: им, вишь, в диковинку украшение-то и убранство на стенах. Так слезно умоляла солдатка купца подождать деньги, что самого бесчувственного человека и того тронуло бы за душу; а наш купец и усом не ведет, да еще как закричит: «много вас, нищих, по белому свету шатается! всех пускать, даром на квартиру, сам без рубашки останешься. Сказано, чтобы завтра же тебя здесь не было, так нечего и толковать!» И захлопнул дверь.

IV. На другой день ни свет, ни заря солдатка отнесла все свои пожитки, какие были у нее, к постоялке, соседке; у ней же оставила и больную дочку на время, а сама с грудным ребенком на руках и с другими детьми поплелась в деревню, на родину, где и родных-то у ней вовсе не было. Сынишка держится за платье матери с одной стороны, старшая дочурка – с другой, а меньшая держит за руку брата, – так они цепью и идут по городу, заглядывая в окна и поджидая, не кинет ли кто им копеечки на хлеб.

V. Купец, между тем, сладко пообедав, отправился в сад (дело было летом) – отдохнуть в беседке. Лег, а заснуть не может; чудится ему будто кто-то стонет: «куда нам деваться, куда нам деваться?» Встал с постели, обошел кругом сада – нет ни души! только ручеек, что протекал по саду, журчит тихо, пробираясь с камешка на камешек. «Что за чудо!» думает купец. Лег опять, закрыл глаза и только что забылся, – чей-то голос шепчет ему: «грех! грех! грех! Сироты! сироты! сироты!» Купец как вскочит! – никого нет! только ласточки на осине от прохладного ветерка потихоньку пошевеливаются. «И чего только не почудится!» сказал про себя купец и опять лег. Заснул. А день был такой знойный. Тучки давно уж ходили по небу; наконец они сгустились и почернели; вдали засверкала молния, загремел гром, поднялась буря. А купцу чудится, будто кто-то кричит ему на ухо сердитым голосом: «погублю, погублю, за ребят погублю!» И опять: «погублю, погублю!» Ворочается купец и силится во сне как-нибудь себе уши заткнуть. Вдруг хлынул дождь как из ведра. Купцу снится, будто на него мелкие камешки с потолка посыпались и кричат: «засыплем, засыплем, живого засыплем!» Купец не вынес, – вскочил с испугу и пустился домой без оглядки. Прибегает домой и сейчас же посылает приказчика за солдаткой и наказывает ему, «поди: отыщи ты мне ее, где хочешь, и приведи!» А сам весь дрожит, как в лихорадке.

VI. Приказчик пошел прямо к той постоялке, у которой вдова оставила свою больную дочку. Приходит туда и видит – под иконами стоит стол, на нем лежит та девочка. «А где же мать-то?» спрашивает

посланный. – «Пошла, вишь, в деревню, на родину», отвечает постоялка, «а меня попросила поводиться дня четыре с девочкой. А девочка возьми, да и помри – теперь не знаю, что мне и делать». Приказчик сунул женщине в руку четвертак и побежал скорее к хозяину. Приходит и видит – хозяин словно не в своем уме: сидит и что-то все шепчет и крестится. Возле него стоит и плачет жена и уговаривает его: «это тебе во сне попритчилось батюшка Пантелей Сидорыч: кто днем залезет в сад и станет камнями бросаться!» А купец все сидит и что-то шепчет. Лицо у него все побледнело и осунулось, глаза мутные, дикие, волосы растрепанные. Как только он увидал приказчика, кинулся на него, схватил за ворот и кричит: «говори – привел, аль нет?» Когда тот рассказал, где теперь, солдатка и что сталось с ее дочкой, купец как захохочет, да как закричит не своим голосом: «ай-ай-ай, убьют, убьют!» Тут домашние догадались, что он совсем рехнулся, и послали за лекарем. Лекарь пользовал больного недели две, потом видит, что ему легче нет, велел свезти его в сумасшедший дом. Купец пробыл там месяца два и помер. Перед смертью, немного опамятовавшись, он все приставал к жене и к прислуге и жалобно просил: «приведите вы, ради Бога, их ко мне, когда они придут».

(Из «Кн. для Чт.» Сердобольского).

10. Чужое добро

(Рассказ старого столяра)

I. У нас на дворе есть столярное заведение. Зазвал я к себе раз хозяина этого заведения по пустячному делу – (шкаф поправки потребовал) – и разговорились мы со стариком до самых вечерен. Слово за слово, и рассказал мне старик о себе, как он начал свое дело.

– «Я, сударь, тридцатый год на этом дворе хозяйничаю. А попал-то я сюда нежданно, негаданно. Царство небесное покойному домовладельцу: он меня на ноги поставил. Жил я у подрядчиков в мастерах, если же случалось без места быть, ходил по знакомым господам починки делать. «Нет ли работы какой?» – Покойный барин мне и дал бюро [111] чинить. Устроился я в сарае, стал работать... Тяжко мне было в ту пору: из деревни то и дело слышишь: «высылай, да высылай оброк», а у меня и вовсе ничего. Рад я был той работе. Принялся за нее. Вижу: бюро старинное; что ящичков, что дверец! – хитро устроено. Разобрал я его. Барин сам показывал мне секреты эти, как что отпереть надо, да, знать, не все и он разумел в них...

II. Ушел барин... Стал я заднюю стенку внутри отчищать, – вдруг – щелк!... гляжу: выскочил ящичек... бумаги в нем как-то напиханы,

письма... Перебирать начал... Господи!... толстая пачка ассигнаций [112] ! за ней другая... третья... Я этак руками их прикрыл и глаза зажмурил, а волос у меня дыбом... Чего-чего тут не передумалось!... И вот же спас меня Господь: веришь ли, сударь? – минуты не сомневался. Вошел к барину: – «Андрей Митрофанович», говорю, «бумаги в бюре нашлись». О деньгах не помянул: совестно было признаться, что покопался уж в них. – «Что, говорит, за бумаги?» – Да как рассмотрел, – «ах, говорит, Пимен! ну как же мне тебя отблагодарить? Ведь здесь за сто тысяч! – Даже заплакал. И я прослезился. – «Батюшка мой», говорит, «умер скоропостижно, и делов его я вовсе не знал; однако догадывался, что деньги не все мне достались, и – каюсь – поклепал даже чиновников, что опись имущества совершали».

III. Ну, сударь, наградил он меня по-царски. А тут еще флигелек у него старый пустовал (его снесли уж). – «Хозяйничай», говорит, «Пимен, в нем, и платы с тебя никакой не положу. С этого случая, сударь, и окреп я».

Тут старик вздохнул и прибавил: «Так-то, сударь. Вот благодетеля-то моего уж и в живых нет; а я, благодарение Господу, через него счастлив стал, и бóльшего не желаю».

(А. Сливицкий).

11. Добра не забывай, обиду прощай

I. Знавал я в Ростове двух купцов: одного звали Гаврилой, другого – Федором; хоть и не родня, но такие были друзья, что со свечкой поискать; с измолоду хлеб-соль водили; где один, там и другой: в подряды ли, в поставщики ли – все вместе, и барыши пополам; люди были зажиточные; у одного дочь, а у другого сын, и смекали Гаврила с Федором, что когда их детки подрастут, то их бы между собой поженить, чтобы породниться. Но вот что случилось:

Однажды, на именинах, Гаврила с Федором подгуляли; а тут уж, известное дело, лукавый того и ждет, чтобы на грех натолкнуть. Вот ни с того, ни с сего пришло Гавриле в голову, что Федор через него много пользы получил по поставкам, и стал Гаврила подтрунивать над Федором, а Федор над Гаврилой; от шутки пошло дело на упреки. «Ты мой хлеб ел», говорил Гаврила; «нет, ты мой хлеб ел», отвечал Федор, и заспорили пуще прежнего. Хмельным было не размыслить, что польза была им обоим, одному от другого, и польза от того, что были между ними совет да любовь, от того, что вели свои дела дружно и помогали один другому. Не о том шла теперь у них речь, а только старались они как бы друг дружку погорше оскорбить. На беду, Гаврила сказал какое-то задорное слово, а Федор, не стерпев обиды, хвать Гаврилу за бороду – у пьяных уж такой обычай. Вот друзья чуть было не в потасовку; насилу их гости растащили

и по домам развели.

II. Вот на другой день у Гаврилы хмель прошел, а обида на сердце, и стал он думать, как бы Федору отомстить; думать долго было нечего, дела у них были общие, разные счеты и расчеты. Сыскал Гаврила какого-то сутягу подъячего, выгнанного из службы за пьянство и взятки, и подъячий разом, за целковик, настрочил Гавриле жалобу в суд на Федора. Что было в той жалобе – сам Гаврила не выразумел, а подписал он ее потому, что для Федора она была обидчива; и рад Гаврила, что друга доконал; ан не тут-то было. Федор нашел также советника, такого же подъячего, и тот, насупротив Гавриловой жалобы, настрочил жалобу на Гаврилу от Федора. Вот и пошло дело; а сутяги знай их с толку сбивают: вот то напиши, вот тем упрекни, вот такое-то словцо вверни; сбивают Гаврилу с Федором, да с них же за то деньги берут; подъячие наживаются, а друзья разоряются. То смотришь: подряд лопнул, поставка не пошла, а там завод продали, а вот и дома каменные с молотка порешили. Чем больше друзья разорялись, тем больше серчали, и каждый обвинял другого в своем несчастии: Гаврила Федора, а Федор Гаврилу. Дошло до того, что хоть с сумой идти по миру. У Федора еще остался в городе деревянный домишко, а Гаврила давно уже жил на квартире, да и за квартиру-то не чем было платить. С горя принялся он попивать сильно. Однажды сидит он ночью хмельной и думает: «Вишь ты, еще Федор в своем доме важничает, да он же меня обидел, а вот меня, горемычного, хозяин с квартиры гонит – хоть на улице спи. Не дам же я врагу надо мной тешиться»... И лукавый шепнул на ухо Гавриле страшный грех: поджечь дом у Федора. «Авось, говорит, не узнают, а врага-то я славно доконаю».

III. И с такою грешной мыслью вышел Гаврила из дома; дело шло уж к утру, к заутрени звонили. Идет Гаврила мимо церкви, – видимо, ангел Божий сжалился над грешной душой Гаврилы и вложил ему желание в церковь войти; церковь только что отворили, никого еще из мирян не было, – Гаврила вошел, перекрестился, смотрит на иконы – и обомлел, как будто он их в первый раз видит.

На первом образе Спаситель, в разодранной ризе перед Пилатом и Иродом, и внизу надпись: «Он не поносил, когда Его поносили»; на другом образе истязание Спасителя и внизу надпись: «Он не грозил, хотя и страдал» ; на третьем образе распятие Спасителя и внизу надпись: «Отче! прости им: не ведят бо, что творят». Гаврила долго смотрел на образа; вдруг слезы брызнули из глаз: он упал на колени, стал молиться...

В эту минуту вошел в церковь Федоров артельщик и прямо к Гавриле. «Я вас ищу», сказал он, «Федор Яковлевич сильно занемог и просит вас с ним видеться». Гаврила пошел за артельщиком. При входе его в комнату, где лежал больной, Федор сказал: «Гаврила! виноват я перед тобой! прости меня!» – «Мне не в чем прощать тебя, брат Федор!» отвечал Гаврила; они подали друг другу руки, обнялись, и оба долго плакали.

IV. И как будто примирение с другом было для больного лекарством; оно успокоило его душу, успокоило и тело. Мало- помалу Федор начал оправляться, а потом и совсем оправился. Гаврила с Федором, прогнавши сутяг, снова дружно принялись за дело. Мудрено было поправить, что они сами по глупой ссоре расстроили, и часто они жалели и обвиняли себя в таком неразумии, но все-таки, с горем пополам, они принялись за прежнюю работу и, к утешению, заметили, что работа вдвоем делалась сподручнее год от года. Трудно им было, но по крайней мере, при добром мире, по миру не пошли.

(Кн. Одоевский).

12. Терпенье и труд все перетрут

I. В одном селе жил крестьянин. Звали его Иван Терпигорев. Недаром досталось ему это прозвище: он и точно много горя вытерпел на своем веку. Был он и смышленый и работящий, да крепко не везло ему много лет сряду. То его полосу градом побьет, то на скот падеж придет, то бурным ливнем все его сено с лугу подмоет и в реку унесет.

II. Бился, бился мужик, работал за троих и чуть только из беды, казалось, выбился – вдруг новая напасть! В самые Петровки, когда он был на сенокосе с семьей своей, разразилась гроза на деревней, ударила в Терпигореву избу, запалила ее, как свечку, и, пока соседи сбежались да свои избы от пожара отстаивать стали, Терпигорева изба сгорела до тла. Осталась от нее только печка с трубой.

III. Прибежал Иван с поля с женой и с ребятишками, посмотрел на свое горе и голову повесил...

«Теперь я совсем гол и с женой, и с малыми ребятишками, и головы приклонить ни мне, ни им некуда»!...

Потужили соседи с Иваном, повыли, поплакали бабы с его женой и разошлись по своим домам, под свои крыши, а бедному Ивану пришлось в пустой овин с семьей перебраться. И такое-то взяло его, бедного, горе, что уж работа ему и в ум нейдет, и сон ему очей не смыкает...

«Нет, видно, мне ни в чем ни доли, ни удачи не видать, и работать не стоит. Все равно – работай не работай, придется мне с малыми

ребятишками по миру ходить»!

IV. В таких думах пролежал он до самого света. Чуть только утро забрезжилось, видит Иван над самой своей головой большого паука. У него вчерашней грозой все его мережки порвало и попутало. И возится паук, и работает из всей мочи, и тянет во все стороны свои тонкие, прозрачные нити, и прядет и сучит своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь подымаясь вдоль стенки овина. Вот кажется, и совсем бы сеть его готова, только бы сесть ему царьком в середине да выжидать залетных гостей, – так нет же!.. Дунул ветерок в щель овина и опять все сорвал и запутал! И опять терпеливый паук пошел вверх и вниз спускаться, и опять он пошел сновать, сучить и прясть свои нити... И опять та же беда! Залюбовался Иван пауковой работой, загляделся на нее: словно в первый раз ее видел. И видел Иван, как паук двенадцать раз обрывался со своей паутиной, и двенадцать раз принимался вновь вязать ее и крепить к потолку и стенам, пока, наконец, устояла паутина против напора ветра – и сам паук забился в свое гнездо на отдых.

V. «Господи, Боже мой!» подумал Иван: «ведь, вот, уж какая малая тварь, а ведь, какой в ней разум Господь вселил! каким ее терпением наделил! Ведь, вот, бился, бился, двенадцать раз обрывался, а своего добился! Неужто же меня паук разуму учить должен? Разве даром, что ли, люди говорят: «терпенье да труд все перетрут!» И вышел он на другой день со всеми людьми на работу, и трудился, что есть мочи, все лето, и дал Господь Бог ему урожай на хлеб, какого никогда еще у него не бывало. Под осень люди помогли ему кое-какую избенку сколотить. А Иван не унывал и работать не уставал: на зиму на печь не завалился, а вдаль от семьи на заработки ушел. К весне пришел и денег принес. Скоро Иван опять хозяйством поправился и не хуже других поживать стал.

13. Флор Силин

I. По сие время не могу я без сердечного содрогания вспомнить того страшного года, который живет в памяти у низовых [113] жителей под именем «голодного», – того лета, в которое от долговременной засухи пожелтевшие поля орошаемы были одними слезами горестных поселян, – той осени, в которую, вместо обыкновенных веселых песен, раздавались в селах стенания и вопль отчаянных, видящих пустоту в гумнах и житницах своих, – и той зимы, в которую целые семейства, оставив дома свои, просили милостыню на дорогах и, несмотря на вьюги и морозы, целые дни и ночи, под открытым небом, проводили на снегу.

II. Я жил тогда в деревне близ Симбирска, был еще ребенком, но умел уже чувствовать, как большой человек, и страдал, видя страдание моих

ближних. В одной из наших соседних деревень жил в то время Флор Силин, трудолюбивый поселянин, который всегда лучше других обрабатывал землю, всегда более других собирал хлеба и никогда не продавал всего, что собирал, почему на гумне его стояло всегда несколько запасных скирдов. Пришел худой год – и все жители той деревни обнищали все, кроме осторожного Флора Силина. Но осторожность была не единственной его добродетелью. Вместо того, чтобы продавать хлеб свой по дорогой цене и, пользуясь несчастием ближних, разбогатеть, он вдруг созвал беднейших из жителей своей деревни и сказал: «Послушайте, братцы! вам теперь нужда в хлебе, а у меня его много; пойдем на гумно, пособите мне обмолотить скирда четыре и возьмите себе, сколько вам надобно на весь год». Крестьяне остолбенели от удивления. Слух об этом благодеянии Флора Силина разнесся в окрестности.

III. Бедные из других жительств приходили к нему и просили хлеба. Добрый Флор называл их братьями своими и ни одному не отказывал.

– Скоро мы раздадим весь хлеб свой, – говорила ему жена.

– Бог велит давать просящим, – отвечал он.

IV. Небо услышало молитву бедных и благословило следующий год плодородием. Поселяне, одолженные Флором Силиным, явились к своему благотворителю и отдавали ему то количество хлеба, которое у него взяли, и еще с лихвой.

– Ты спас нас и детей наших от голодной смерти, – говорили они: один Бог может заплатить за твое доброе дело, а мы возвращаем с благодарностью то, что у тебя заняли.

– Мне ничего не надобно, отвечал Флор: у меня много нового хлеба. Благодарите Бога: не я, Он помог вам в нужде.

Напрасно приступали к нему должники его.

– Нет, братцы, – говорил: – нет, я не возьму вашего хлеба; а когда у вас есть лишний, так раздайте его тем, которые в прошлую осень не могли обсеять полей своих и теперь нуждаются; в нашем околотке не мало таких найдется... Поможем им – Бог благословит нас.

– Хорошо, – сказали тронутые поселяне, – хорошо. Будь по-твоему. Мы раздадим этот хлеб нищим и скажем, чтобы они вместе с нами молились за тебя Богу. Дети наши будут также за тебя молиться.

В одной соседней деревне сгорело 14 дворов. Флор Силин послал на каждый двор по два рубля денег и по косе. Через несколько времени после того сгорела другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибегнули к известному великодушно Флора Силина. На тот раз не было у него денег.

– У меня есть лишняя лошадь, сказал он: возьмите и продайте ее.

(Карамзин).

14. Подвиг крестьянина Марина

I. Всякое бескорыстное движение на спасение или в пользу ближнего должно быть внесено неизгладимыми чертами в летопись человечества вообще. Благодаря Всевышнему, в русском человеке любовь к ближнему развита во всей христианской простоте и прямоте ее, и часто мы видим на деле умилительное и трогательное проявление этого высокого, святого чувства. Впихнем в историю человеколюбия еще одного русского человека.

Крестьянин государственных имуществ, Ярославской губернии, Ростовского уезда, деревни Евсеевой, Василий Гаврилов Марин, занимался кровельным мастерством и хозяйствовал как он сам говорит, с своим отцом; впоследствии он занялся котельным мастерством и поступил на Колпинский завод.

В 1852 году Марин отправился на родину повидаться с родными, и в начале марта 1853 года собрался в обратный путь в Петербург. Доехав до Москвы на лошадях, он с товарищами – их всего было десять человек – опоздал на машину, и должен был переночевать в Москве. Утром на другой день отправлялся товарный поезд, а потому Марин должен был отложить свой отъезд до трех часов того же дня, 11 марта.

«Люди деревенские ведь любопытны, – так рассказывает Марин, а я в Москве и с роду не бывал! Вот и пошли мы полюбопытствовать на чудеса Белокаменной. Зашли в Успенский собор, приложились к святым мощам; пошли к Ивану Великому на колокольню, а оттуда в Охотный ряд. Там сказали нам, что случился пожар: Большой театр горит... Время было около полудня. Вот мы пошли и на пожар посмотреть»...

II. Марин прибыл на пожар уже в самый разгар его. Театр горел внутри, и пламя, быстро распространившееся по всем направлениям, вылетало в крыши и окна.

Во время пожара, трое из мастеровых театра выскочили в окошко верхнего этажа на крышу и долго бегали по ней, не находя спасения, будучи окружены со всех сторон пламенем. Двое из этих несчастных, в минуту отчаяния, соскочили с крыши вниз и убились до смерти. Третий остался на крыше и, задыхаясь от дыму, преследуемый пламенем, жалобно молил о спасении.

Но, казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лестницы, которая могла бы достать до крыши высокого

здания, и несчастный находился в неизбежной крайности: или погибнуть от пламени, которое постепенно приближалось к нему, или последовать за своими товарищами, броситься вниз. Не переставая до последней минуты уповать на благость Всевышнего, бедняк укрылся от дыма и жара в таком месте на крыше, откуда ветер отдувал пламя...

Между тем Марин, брат его и товарищи, молча смотрели снизу на страшное зрелище.

«Молчу, – рассказывает Марин, – а сердце у меня так и просится, как бы способ дать христианской душе...»

– Товарищи! вскрикнул он вдруг – подождите, я пойду, спасу человека.

Товарищи посмотрели на него сперва в недоумении.

– С Богом! сказали они наконец: доброе дело сделаешь.

Не медля ни минуты, Марин обратился к начальству с просьбой дозволить ему спасти погибавшего. Позволение было немедленно дано. Марин снял шубу, шапку, передал их городовому и остался в рубахе. Запасшись веревкой и взяв с собой брата, он скоро пошел к лестнице, приставленной к стене, но далеко не достававшей до крыши.

Дойдя до лестницы, Марин набожно перекрестился и смело пошел вверх. Лестница была трехколенная, но все таки она далеко не доставала до крыши. Обвив веревку вокруг пояса, Марин, благословясь, ухватился за водосточную трубу, и но ней стал взбираться наверх.

Внизу толпы народа следили за действиями бесстрашного крестьянина; вверху пламя распространялось с яростью; слышался стук и треск валившихся стропил, и посреди этого грозного шума – плачевный вопль несчастного.

Марин взбирался по водосточной трубе.

«Было холодно, ветрено, – рассказывает он – а я и не чувствую: с тех пор как возымел намерение спасти христианскую душу, у меня такое сердечное воспаление сделалось, что так в жар и бросило...».

Горячие руки прилипают к холодному железу водосточной трубы, а Марин лезет все выше и выше.

"Трещит труба, небольно крепка была, голубушка, а стало быть, так уж Богу угодно было, и я взобрался на карнизе; там благо полегче стало: я стал на твердую ногу...».

Брат, оставшийся на лестнице, подал Марину на веревке ухват, а он помощью этого же ухвата передал веревку бедняку, находившемуся на крыше посреди пламени.

– Зачаливай (прикрепи) за что ни попало! крикнул Марин, да только

смотри, покрепче.

Погибавший зацепил веревку за крюк, находившийся на подъездной крыше театра. Марин сложил веревку вдвое, чтобы вернее было и, приказав находившемуся на крыше спускаться осторожно, придерживаясь руками за веревки, а коленями за водосточную трубу, сам спустился первый.

Из всех этих действий Марина видно, что при благородном движении сердца, он сохранил спокойствие ума.

III. Пока Марин спускался по лестнице, а спасенный им по водосточной трубе, в толпе проявилось чудное, высокое, истинно русское движение. Головы обнажились, и крестное знамение, символ [114] безмолвной молитвы, сопровождало и подвиг одного и спасение другого...

Тут действительность красноречивее всяких рассуждений.

В то же время, когда сошел вниз Марин, спасенный им находился уже на лестнице и вне всякой опасности.

«Только что я сошел вниз, – рассказывает Марин – как ко мне подошел барин в шинели и каске – не могу знать кто – и дал мне двадцать пять рублей серебром...».

Многие из присутствующих, наперерыв друг перед другом, теснились к отважному и великодушному русскому человеку, и предлагали ему, каждый по мере своих средств, кто гривенник, кто целковый, кто несколько копеек...

– Спасибо! молодец! дай тебе Бог здоровья! слышалось со всех сторон.

«А куда девался бедный, что был на крыше, – говорит Марин – мне неизвестно, да и не мое дело; благо жив остался... А ко мне подошел господин адъютант [115] , дал мне записку и отправил меня на извозчике в канцелярию [116] , где и списали все, как было...».

Во все это время Марин до того сохранил присутствие духа, что заботился только о том, как бы не ушла без него машина.

В три часа он сидел уже в вагоне, а в пятницу, 13 марта, прибыл в Колпино, где служил прежде. Не теряя времени, отправился он к прежнему своему начальнику, г. Флотову и, как хороший работник, был принят; тут же выпросился он на денек в Петербург к своей родной тетке, имеющей на Васильевском острове лавку.

Повидавшись с теткой, Марин собрался уже обратно в Колпино на работу, как был призван к обер-полицеймейстеру.

IV. Подвиг самоотвержения был уже доведен до сведения Государя Императора. Его Величеству благоугодно было увидеть Марина.

С трепетным сердцем и полный благоговения, вступил русский мужичек в чертоги русского царя. Ни на яву, ни даже во сне не представлялось никогда ему, простому человеку, что Господь удостоит его зреть вблизи лицо царево, слышать из уст царских милостивое слово, к нему обращенное...

Его Императорское Величество соизволил принять Марина в своем кабинете и обратиться к нему с следующими словами: «Спасибо за доброе дело. Поцелуй Меня и расскажи, как Бог помог». В простых словах рассказал Марин, как было дело. Государь Император, благосклонно выслушав рассказ, сказал: «Ступай с Богом, и будет нужда, так приходи ко Мне, когда хочешь». Его Величество соизволил приказать наградить Марина медалью, установленной за спасение погибавших, и выдать ему сто пятьдесят рублей серебром.

(М. Погодин).

15. Пахарь Иван Анисимыч

I. Иван Анисимыч, или просто Анисимыч (так звали старика), принадлежал к числу тех трудолюбивых, деловых пахарей старого века, которые, к величайшему сожалению, переводятся год от году.

II. Меня особенно поражали в нем всегда необычайная кротость нрава, чистота помыслов и благочестие. Единственная вещь, быть может, которой не любил он, было миткалевое производство, но никогда, однако же, не относился он с насмешкой, злобой или пренебрежением, когда речь заходила об этом предмете. Он, помнится, покручивал седой головой и говорил: «Худое ремесло то, когда ничего не делаешь! Коли человек кормится фабриками, стало и в них прок есть. Не хороша только жизнь фабричная – вот что похвалить нельзя: не хороши эти гулянки, да кабаки, да пищалки эти (так называли он гармоники). Что денег-то дают хозяева», присовокуплял он обыкновенно, «за этим гнаться нечего: деньги только в соблазн вводят. Нашему брату денег не надобно: был бы хлеб святой. Есть хлеб – ни в чем, значит, недостатка не будет, потому, что хлеб всем надобен, всякому то есть человеку; на что хочешь, можно променять его!... По моему, пахота самое, выходит, первое дело!» заключал всегда старик, редко пропускавший случай поговорить о ремесле своем, когда был в духе, стараясь при этом выставлять все его выгоды. «Да! пахота всякому ремеслу голова! Какое ни есть рукомесло, уж это все, значит, живешь при нем, как словно не в удовольствии: фабриканту ли какому, или хозяину работаешь, им, примерно, и отвечать должен. Люди-то не равны – вот что! И хорошо сделаешь, всеми силами стараешься, да не угодишь: ну, сердце – то и кипит в тебе, все не в удовольствии... Ну, а с

пахотой этого не бывает: сам себе работаешь, сам себе и отвечаешь: старался – значит, тебе же хорошо; поленился, не родилось ничего – сам, выходить, на себя пеняй!... И живешь покойнее, потому, выходит, серчать не на кого: весь ты, как есть, во власти Господней!».

III. В жизни пахаря, которая протекла так же покойно и тихо, как песок стеклянных часов, было однако же одно сильное потрясение. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили об этом, слова не сказали: думали сделать лучше. Но раз ночью пришли к нему в избу и захватили одного из сыновей его, первого, который попался. Но случай этот его поразил сильно только по своей неожиданности. Придя в себя, старик побежал в контору и просил, чтобы ему самому предоставили выбор детей. На другой день он отвез всех трех сыновей в город.

До сих пор еще многим лицам, присутствовавшим на ставке, памятна сцена, когда, после произнесения очередного имени, в дверях присутствия явился вдруг седой, шестидесятилетий старик. – «Ваше благородие!» сказал он, обращаясь ко всем членам присутствия: – «очередь за моей семьей. У меня три сына... пытался – не могу выбрать: все равно дороги!... Соблаговолите позвать всех трех... выбирайте уж лучше сами!»... В комнату вошли три парня, один краше другого. Двое стали по правую руку отца, один по левую. Старик обнял поочередно всех трех и произнес, положив им сперва руку наголову: «Все милы!... все дороги! все хороши»!.. Тут дыхание как бы стеснилось в груди его; он остановился, покачал головой, тяжко вздохнул и вдруг залился слезами. Присутствующее, тронутые его положением, стали его успокаивать. Он попросил позволения кинуть жребий. Вынув из кошелька три медные гроша, он подал их детям, внимательно потом осмотрел каждый грош, положил на каждом знак зубами и велел бросить их в шапку.

– «Вам, ваше благородие», сказал он, обращаясь опять ко всем: – «вам, я вижу... вы о них также жалеете... прикажите уж, лучше позвать какого ни на есть человека, который не видал меня с ними... Пускай уж лучше он жеребий вынет»... Позвали солдата. Старик сказал ему: «Как вынешь жеребий, никому не показывай... мне отдай»...

Жеребий вынут. Старик взял грош у солдата, отошел к окну, взглянул на него, дрогнул, но тотчас же оправился, перекрестился и возвратился к детям. – «Вася», вымолвил он, обращаясь к младшему: – «Вася... голубчик мой! подойди ко мне»... – Он снова положил ему руку на голову, с минуту глядел на него молча и наконец произнес: «Ты был... да, был ты мне хорошим сыном... всегда хорош был... будь же хорошим солдатом царю нашему»... – Он обнял его, благословил и, закрыв ладонью лицо, пошел к

двери.

(Д.В. Григорович).

16. Красный фонарь

I. Кто ездил по железным дорогам, тот, вероятно, заметил, что по обеим сторонам дороги выстроены маленькие красивые домики-будки сторожей. Сторожа, живущие в этих домиках, постоянно смотрят за тем, чтобы рельсы и все полотно дороги были в порядка. Поэтому каждый из сторожей ежедневно осматривает весь путь от своего домика и до соседней будки. Если он находит полотно дороги в порядке, то при проезде поезда становится у своего домика днем с зеленым флагом в руках, а ночью с зеленым фонарем. Если же сторож заметит, что где-нибудь сломался рельс, сгнила старая шпала, или размыло дорогу дождем, то он тотчас же становится возле этого места днем с красным флагом, а ночью с красным фонарем и тем дает знать машинисту, что путь испорчен. Увидит машиниста эти красные сигналы, догадается об опасности и останавливает поезд, чтобы не попасть в беду, чтобы не перебить людей, которых он везет и которые доверили ему свою жизнь. Не дай Бог, если сторож или машинист забудут свое дело: погибнуть тогда и поезд, и люди!

II. В одном таком сторожевом домике жил железнодорожный сторож Колечкин. Он уже много лет жил на этом месте и усердно исполнял свою тяжелую службу: перед каждым поездом осматривал он свой участок на дороге, каждый поезд и днем, и ночью встречал с флагом или с фонарем в руках; в зимнее время, не смотря ни на холод, ни на вьюгу, он старательно сметал снег с дороги и очищал рельсы ото льда. Но не мало хлопот и работы Колечкину было и летом.

III. Однажды – это было в июле месяце – день случился очень жаркий, а к ночи стала собираться гроза. Зашумели высокие сосны, заскрипели, застонали и другие деревья; землю окутала непроглядная ночь. Дождь ливнем хлынул на землю. Буря вырывала с корнями многие деревья, опрокидывала телеграфные столбы, рвала в куски проволоку.

IV. В это самое время Колечкин с фонарем в руках осматривал свой участок. Он уже приближался к своей будке, как вдруг страшная молния ослепила его, а удар грома оглушил и повалил его на землю. Молния ударила в чугунные рельсы, разметала их во все стороны и зажгла будку Колечкина.

«Боже, Боже мой! что-то будет с поездом? погибнут все, погибнут!» вскрикнул Колечкин, когда немного очнулся и осмотрелся кругом. Собрав последние силы, он встал на ноги; вдали послышался свисток локомотива.

Колечкин, не имея в руках красного фонаря, быстро зажег свой простой фонарь, потушенный бурей, оторвал лоскут от своей красной рубахи, покрыл этим лоскутом стекла фонаря, прибавил как можно больше огня и, сидя на полотне дороги, поднял этот фонарь кверху...

V. А будка горит, горит все имущество Колечкина; только длинные огненные языки высовываются из-под крыши, да искры разносятся по ветру...

Смотрит Колечкин вдаль, глаз не спускает; а сердце у него бьется, в глазах темнеет. Далеко, далеко по дороге показались два огонька: это мчится на всех парах поезд... «Вот налетит сейчас, соскочит с рельс, разобьется, погибнут все!» думает Колечкин. Однако не случилось так, как думалось Колечкину. Машинист заметил красный фонарь и замедлил ход машины; за несколько же шагов до Колечкина поезд совсем остановился, а обессиленный Колечкин без чувств повалился на землю.

(Вутечич).

17. Рассказы дедушки Пахома

I. Дедушка Пахом умный и добрый старичок, за что его все любят и уважают. Бог благословил его всяким добром. У дедушки хороший дом. Около дома сад. В саду у него растут яблоки, груши, сливы, вишни, малина, крыжовник и смородина. У дедушки много лошадей, коров, овец, свиней, гусей и кур. Много у него ржи, овса и всякого хлеба.

У дедушки большая семья: три сына женатых, да шесть внучат. Дедушка любить внучат, ласкает их, делает им игрушки, сказывает сказки; дети любят дедушку и всегда слушаются его.

II. Дедушка уже старый старичок: у него нет более силы: работать. Он грамотен, читает книги сам и детей учит грамоте. Учит их молитвам, учит их всему хорошему. Дедушка учит внуков, как надо жить по Божьему.

«Расскажу я вам, дети, про себя», говорит дедушка Пахом внукам. «Был я молод. Жили мы двое с женой. Наши дети были еще маленькие. Был в нашем селе крестьянин Тихон. Работал он изо всех сил, потому что у него была большая семья. Пришла весна. Настала пора пахать. Все наладили сохи и собирались на утро ехать в поле. Вдруг, в эту ночь украли у Тихона лошадей. Взвыл мой мужик голосом: «что мне теперь делать! Останется моя земля не паханной! Умру я с детьми с голоду!» Хотел было он нанять на пахоту, да некого: все свою землю пашут. Положил он в мешочек хлеба и пошел разыскивать своих лошадей.

Жаль мне стало бедного мужика, и подумал я: вот, если бы у меня земля осталась не паханной, я желал бы, чтобы ее вспахали. А Спаситель говорит в Евангелии: чего себе желаешь,, то делай и другим. Лошади были

у меня хорошие. Я поспешил вспахать и обсеять свою землю, да вспахал и обсеял и Тихоновы пашни. Две недели Тихон искал своих лошадей. Не нашел и воротился домой. Идет он своим полем, видит, на его пашнях овес уже всходит, и не верит Тихон. своим глазам. Спрашивает у встретившаяся ему соседа: кто вспахал и обсеял мои пашни? Сосед говорит ему: я видел, их пахал Пахом. Тихон прямо с поля прибежал ко мне, заплакал и говорит: «Пахом Иванович! во век не забуду того, что ты для меня сделал».

«И в самом деле не забыл. Этим летом в нашем селе была горячка. Заболел и я, а вскоре захворала и моя хозяйка, и слегли мы оба. Тихон, как узнал об этом, стал ходить к нам каждый день; натаскает воды, нарубит дров, накормит скотину. Жена его топила нашу печь, кормила и обмывала ребят. Дочери его попеременно ухаживали за нами. Долго я лежал и долежал до рабочей поры. И стала меня мучить забота: кто теперь будет убирать с поля мою рожь, пропадет она в поле, и останусь я без хлеба. Прошла неделя. Тихон приходит ко мне такой веселый и говорит: «слава Богу, Пахом Иванович! Рожь твою мы сжали, скажи теперь, на какое место ее возить». Я и хозяйка моя так этому обрадовались, что стали выздоравливать и скоро совсем оправились.

III. «Еще расскажу вам, что было со мной в другой раз», говорил дедушка Пахом. «Покойный мой батюшка, когда я был еще небольшим парнем, брал меня с собой в дорогу. В дороге он помогал всякому, у кого случится какая-нибудь беда. Бывало, увидит у какого проезжего – завяз воз, и говорит мне. «Пойдем, Пахома, пособим: Бог велит помогать всякому человеку в нужде, и тебе люди помогут, когда случится с тобой беда». Бывало, по пояс войдем в грязь или в воду, а все помогаем. Сломается ли у кого колесо или телега, тоже пособим справить; лошадь ли у кого станет, привяжем его воз к своему возу и кой-как дотащим до ближайшей деревни.

«В одно время, осенью, я поехал в город муку продавать. Продал, ссыпал и поехал домой. Пошел сильный дождь; подул холодный-прехолодный ветер. Дорога сделалась грязная-прегрязная. Нагнал я какого-то мужика и поехал за ним. А дождь все сильнее и сильнее; я весь промок и прозяб; наступал вечер, а до двора оставалось верст десять. Съехали мы под гору к мостику. Вижу на дороге, возле моста, лежит человек. И говорю я товарищу: остановись, брат, человек лежит, поднимем его. – «Бог с ним», отвечал он; «я сам чуть жив, окоченел от холода». – «Или у тебя души христианской нет», говорю я ему, «Бог велит помогать всякому человеку, ведь он под дождем на холоде умрет». – «Бог с ним», опять отвечал мужик; «пожалуй с ним беды наживешь: наедет кто на нас,

скажут, что мы его убили». И поехал мужик дальше.

«Слез я с телеги. Стал окликать и толкать лежащего. Ни слова. Вижу, он без памяти, а дышит. Что делать? Один я не подыму его на телегу, высоко. Вот я подвез телегу к нему поближе, разостлал в ней солому, снял с нее колесо, одна сторона у ней снизилась, и я кой-как втащил в телегу лежащего. Подложил ему под голову веретье, одел его войлоком и поехал. Стало темно, хоть глаз выколи. Проехал я с версту, слышу, кто-то стонет. Иду на стон, вижу – лежит другой человек. «Брат, спаси!» – чуть-чуть проговорил он, – лошади убили, замерзаю». Я сам почти замерз. Но жалость взяла меня. Подвез я и к этому телегу, опять, снял колесо, положил и этого в телегу и опять надел колесо.

«Лошадь моя кой-как потащилась. А я пошел пешком возле телеги. Уж помаялся я в это время! Темь непроглядная; грязь по колено; дождь льет как из ведра; ветер пронизывает насквозь, лошадь устала, останавливается. Ухватился я рукой за тяж и стал тащить телегу вместе с лошадью. Тащил, тащил и остановился. Умаялся, не тронусь с места. Присел отдохнуть. Слышу, залаяли собаки. Значит, наше село близко Встал, опять потащил телегу. Шагов пять пройду и отдохну. Так я кое-как и дотащился до дому.

«Позвал соседей. Внесли убитых в избу. Сняли с них мокрую одежду. Надели на них сухие рубашки, положили их на теплую постель и одели. После поднятый мной перестал стонать. А другой опамятовался. Тогда мы узнали, что поднятый мной прежде – купец из Москвы. Ехал он с ямщиком закупать хлеб. На горе, перед мостом, выскочил из канавы заяц. Лошади испугались и понесли. На мосту телега хватилась колесом о перила. Купец упал с телеги и ударился об камень. Через версту упал и ямщик, а лошади ускакали. Купец говорил, что ему больно ногу зашибло. Мы посмотрели – видим, нога переломлена. Утром я поехал за костоправом. Костоправ справил, перевязал ему ногу и приказал ему шесть недель не трогаться с места. Ямщик дня через три оправился и уехал домой. А купец пролежал у нас шесть недель.

«Через шесть недель нога его срослась, и он стал ходить. Надо было ему домой отправляться. Уехал купец. Мне стало жаль его, и стало на душе хорошо, что привелось сделать доброе дело. Через неделю я получаю с почты повестку, что мне прислали из Москвы двести рублей. Еду на почту. Получаю письмо с деньгами. В письме купец пишет ко мне: «прими, любезный Пахом Иванович, эту малую от меня благодарность. Прими, пожалуйста, а то я не буду покоен». Ну, взял деньги. Пятьдесят рублей из них отдал в церковь за его здоровье, и пятьдесят рублей дал

соседу купить лошадь. У него была одна, и та издохла.

С той поры все из нашего села стали продавать свой хлеб одному этому купцу. Приедем, бывало, к нему, обрадуется нам, как родным; дает за хлеб хорошую цену; лошадей наших велит поставить у себя на дворе; нас угощает как у праздника; мне, хозяйке моей и детям всякий раз падает подарков и гостинцев.

IV. «В одно время собрались мы в дорогу. С вечера насыпали в сани муки, увязали воза и согласились выезжать рано- утром. Ночью, в самый сон, слышу, стучат в окно и кричат: «вставайте! горите! пожар!» Вскочили мы с хозяйкой. Видим, кругом все занялось. Схватили ребят и выскочили в том, в чем спали. Оглянулся я назад, вижу: весь дом и двор в огне и не помню, что тогда со мной было. Сосед Иван с пожара нас всех взял к себе. А на другой день наши поехали в Москву. Приезжают к купцу. Он спрашивает: «что же не приехал Пахом Иванович?» Наши говорят ему: «да с ним несчастие случилось, сгорел бедный: все у него погорело; – и дом, и хлеб, и скотина, остался в одной рубашке».

«Через неделю после пожара сидел я под окном. Так мне было грустно и тяжело, что мочи нет. Вижу, подъезжают две тройки, на передней сидит мой купец. Входит он в избу, а за ним тащат узлы и мешки. Взглянул он на меня, заплакал, и я заплакал. Обнял меня и говорит: «не плачь, Пахом Иванович, заживешь лучше прежнего; ты меня спас от смерти, и я спасу тебя. Родительское благословение твое сгорело, вот тебе от меня Божье благословение», – и подает мне образ в серебряной ризе и в позолоченном киоте; «а вот тебе хлеб-соль», – и стал класть на стол белые хлебы, а на лавку ставить запечатанные бутылки; «а вот тебе одеться и обуться», – и наложил на другую лавку рубашек, сапог, платков, ситцу, кафтанов, полушубков, шапок и рукавиц; «а вот тебе тысяча рублей на дом, на хлеб, на скотину и на все домашние потребности».

«Я стоял, как вкопанный, и не мог выговорить ни слова: так он меня озадачил. Потом стал благодарить его. А он мне говорит: «не благодари, пожалуйста, Пахом Иванович, я у тебя всегда останусь в долгу».

«На его деньги я построил этот дом, купил лошадей, коров, овец и все нужное для хозяйства и еще осталось у меня денег. Если бы я не помог человеку в беде, то навек остался бы нищим».

(Прот. Николъский).

18. «Христос воскрес!»

I. Скажите мне, отчего в эту ночь воздух всегда так тепел и тих, отчего в небе горят миллионы звезд, отчего природа одевается радостью,

отчего сердце у меня словно саднит от полноты нахлынувшего вдруг веселия; отчего кровь приливает к горлу, и я чувствую, что меня как будто поднимает, как будто уносит какой-то невидимой волной? «Христос воскрес!» звучат колокола, вдруг загудевшие во всех углах города; «Христос воскрес!» журчат ручьи, бегущие с горы в овраг; «Христос воскрес!» говорят шпили церквей, внезапно одевшиеся огнями; «Христос воскрес!» приветливо шепчут вечные огни, горящие в глубоком, темном небе; «Христос воскрес!» откликается мне давно минувшее мое прошлое.

II. Я еще вчера явственно слышал, как жаворонок, только что прилетевший с юга, бойко и сладко пропел мне эту радостную весть, от которой сердце мое всегда билось какой-то чуткой надеждой. Я еще вчера видел, как добрая купчиха Пелагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасх, окрашивая сотни яиц и запекая в тесте десятки окороков.

– Куда вам такое множество куличей, Пелагея Ивановна? – спросил я ее.

– И, батюшка, все изойдете для «несчастненьких! – отвечала она, набожно осеняя себя крестным знамением.

Ужасно люблю я Пелагею Ивановну. Это именно почтеннейшая женщина! «Несчастненькими» она называет арестантов, и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтобы как-нибудь усладить тесноту и суровость их заключения. Она не спрашивает, кто этот арестант, которому рука ее подает милостыню Христовым именем: разбойник ли он, вор, или просто «прикосновенный». В глазах ее все они просто – «несчастненькие», и вот каждый воскресный день отправляются из ее дома целые вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и «несчастненькие» благословляют имя Пелагеи Ивановны, зовут ее «матушкой» и «кормилицей»... И я того мнения, что если кто- нибудь на сем свете заслужил царствие небесное, то конечно Пелагея Ивановна больше всех.

(М. Салтыков).

19. Счастливый учитель

В одном городе жил столетний старец учитель. Весь век свой он не знал никакой роскоши и, забывая о себе, думал только о ближних своих. Все любили и глубоко уважали почтенного старца. Как то раз встретился с ним один богатый человек. Вот богач этот и говорит старику учителю: «Я много слышал о вашей доброте, о вашей мудрости и давно собирался попросить вас, чтобы вы научили меня, как достигнуть истинного счастья на земле. Скажите, Бога ради, как вы приобрели тот душевный покой, без которого невозможно прожить столько лет?»

Старец, подумав минутку, отвечал богачу: «Когда-то и я был молод, и мне улыбалось то, что многие называют счастьем: богатство, почести, слава. Я только и думал, как бы достигнуть такого счастья. Один раз я задумался об этом и уснул. Вдруг вижу во сне – стоит передо мной, в белой, как снег, блистающей одежде, прекрасный юноша: «Ты хочешь найти счастье, так иди за мной!» сказал он мне. Я встал и последовал за ним. Он привел меня на какую-то высокую гору и говорит: «смотри вот туда!» Я стал вглядываться. Перед глазами моими лежал прекрасный сад, точно рай, а посреди сада возвышался роскошный дворец. Среди редких и дорогих цветов и дерев сада, извивались во все стороны дорожки, усыпанные золотистым песком. Запах цветов, чудные песни бесчисленных птиц и звуки музыки разносились по всему саду. А за садом расстилались, убегая в бесконечную даль, прекрасные нивы и богатейшие луга. По дорожкам сада, взад и вперед, ходил хозяин дворца, сада и всего окружающего их. Лицо его было пасмурно, глаза опущены в землю. Сзади его шла толпа слуг. Один подносил ему дорогие плоды, другой подавал самое лучшее вино. Но видно, богачу все было не по вкусу. Он едва дотронется губами до вина, взглянет на плоды, и тотчас отвернется, а лицо его искривится, точно от боли.

«Теперь пойдем в другое место,» сказал мне чудный проводник мой. Мы перешли на другую сторону горы. Там я увидел лес, среди которого, точно в муравейнике, копошилось множество людей. Они занимались вырубкой и корчеванием леса. Я стал следить за работником, который был ближе других ко мне. Пот градом катился с него. Руки его, не переставая ни на минуту, сыпали тяжелые удары топором. Когда наступил полдень, он положил на время топор, вынул кусок черного, как земля, хлеба, с глубоким чувством возвел очи к небу и помолился Богу, сел на пень, и стал есть с таким удовольствием, как будто он ел не весть что. Поел, поблагодарил в усердной молитве Бога, передохнул и снова принялся за свою тяжелую работу. Во сне часы летели точно минуты. Вот спустился на землю вечер. Работник сдал свою работу надсмотрщику и, получив от него немного денег, купил каравай хлеба и пошел домой. Его маленькая, покосившаяся на бок, избушка стояла далеко, далеко, на горе. Навстречу ему вышла жена и выбежали трое небольших деток. Весело подпрыгивая, детки поздоровались с отцом и стали просить у него хлеба. Он достал ножик и отрезал им по ломтю хлеба. Дети хватились за хлеб, точно за какое лакомство. Казалось, не было никого счастливее их, так как не каждый день им приходилось есть хлеб. Поев хлеба, они пришли и уселись все возле своей избушки. Дети обступили отца со всех сторон и руками

своими обтирали пот с лица его. А отец, улыбаясь деткам, брал их на колени и, целуя и лаская их, учил любить Бога, дающего хлеб насущный. Вся семья была весела, довольна и вполне счастлива.

«Теперь ты видишь», сказал мне спутник мой: «покой душевный, довольство жизнью – дети любви. *Кто не трудится, чтобы сделать других возможно счастливее, тот сам никогда не будет счастлив.* Зарой его по самую шею в золото дай ему самые лучшие кушанья и напитки, он все-таки не будет счастлив. Если душа человека мертва, если человек, избегая полезного труда, предается праздности и удовольствиям, телу его очень скоро надоест всякая роскошь и нега. Среда богатства, среди роскоши, совесть его нет-нет да и скажет ему: «я дармоед, я ем и пью чужой труд». Каждый бедняк, будь он земледелец, ремесленник, поденщик, учитель, священник, солдат, который в поте лица своего трудится для семьи и для ближних своих, счастливее богача, забывающего свои обязанности к другим людям. Честный труд дает здоровье, крепит тело и ведет за собой довольство и покой душевный. Кто кормит свою родину трудами своими, тот спокойно и сладко спит на голой скамейке, подложив кулак под голову; а праздный богач всю ночь ворочается на своей дорогой постели, тревожась за целость своих богатств».

Сказав это, спутник мой исчез. Я проснулся и с тех пор перестал думать только о себе, о своем счастье. Я решил всю жизнь мою всеми силами своими служить ближним моим. Я добровольно избрал себе учительство и этой святой обязанности отдался всем сердцем. Моим богатством, моей роскошью были – мои ученики. Без учеников я не мог жить, как без насущного хлеба. С того времени прошло уже много лет. И вот я вижу вокруг себя богатые плоды моих трудов и вполне счастлив. «Хотите ли и вы найти счастье», заключил старец, обратившись к внимательно слушавшему его богачу: «полюбите всем сердцем ваших ближних: всех бесприютных, заброшенных сирот, всех бедных вдов, будьте им отцом и братом; полюбите, по заповеди Христовой, всех несчастных, не жалейте им помощи; сделайтесь благодетелем ваших ближних, потрудитесь для них и не только для их временного благополучия, но и для вечного спасения их души, словом, наполните свою жизнь честным трудом на пользу ближних и во славу Божью – и вы найдете истинное счастье – начинательное здесь и полное и совершенное в будущей загробной жизни».

20. Монах из офицеров и денщик

Странствуя, встретил я однажды в губернском городе К. бывшего моего денщика Афанасия, а с тех пор, как я расстался с ним, было уже

восемь лет. Нечаянно увидел меня он на базаре, узнал, подбежал ко мне, и, Боже, как обрадовался, так и кинулся ко мне: «Батюшка, барин, вы ли это? Да неужто вас вижу!» Повел меня к себе.

Был уже он в отставке, женился, двух детей младенцев уже прижил. Проживал с супругой своей мелким торгом на рынке с лотка. Комнатка у него бедная, но чистенькая, радостная. Усадил меня, самовар поставил, за женой послал, точно я праздник какой ему сделал, у него появившись. Подвел ко мне деток: «благословите, батюшка!»

– Мне ли благословлять, отвечаю ему, инок я простой и смиренный, Бога о них я помолю, а о тебе, Афанасий Павлович, и всегда, на всякий день, Бога молю.

Он смотрит на меня и все не может представить, что я, прежний барин его, офицер, перед ним теперь в таком виде и в такой одежде: заплакал даже.

– Чего же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человек, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостен и светел путь мой.

Многого не говорил, а все охал и качал на меня головой умиленно. «Где же ваше, спрашивает, богатство?» Отвечаю ему: «в монастырь отдал, а живем мы в общежитии».

После чаю стал я прощаться с ним, и вдруг он вынес мне полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, сует мне в руку, торопится: «это уж вам, – говорит, – странному, путешествующему, пригодится вам, может, батюшка». Принял его полтину, поклонился ему и супруге его и ушел обрадованный. И больше я уж с тех пор никогда не видал его. Был ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умилении, меж нами великое человеческое единение произошло.

(Достоевский).

21. Красные яблочки

I. Жил в Москве один купец, сколько богатый, столько же и благочестивый: каждому бедняку он старался помочь, никому не отказывал и в деньгах, и в добром совете. Он приютил одного беспомощного калеку, кормил и одевал его. Умер добрый купец – и наследники выгнали бедняка из теплого угла на улицу. С горючими слезами пошел калека на могилу своего благодетеля и, вдоволь наплакавшись, тут же и уснул с горя.

II. И вот является ему во сне покойный купец и спрашивает: «О чем ты так плачешь, Степан Ильич?» – «Как же мне не плакать, отвечает тот, когда двери вашего дома для меня уже заперты? Как я теперь буду без вас

доживать свой век?» Глубоко вздохнул явившийся и говорит ему:"если уж двери моего дома для тебя заперты, то иди в четвертый дом направо от моего магазина; там есть купец (он назвал его по имени); ступай к нему и скажи: «ради тех красных яблочек, о которых ты знаешь, дай мне три тысячи рублей», и он тебе даст, и их достанет на твой век, только молись о моей душе».

III. Проснулся Степан Ильич, перекрестился и побрел туда, куда ему было сказано. Приходит в указанный магазин и застает там большую суету: кто меряет материю, кто считает деньги, кто записывает. Не без страха подошел он к самому хозяину, который сидел за большим прилавком и смотрел, как росло его богатство каждый час. Увидев калеку, купец поднялся и приветливо подал ему монету. Ободренный его добротой, калека сказал ему, что видел он такой сон, который не смеет даже рассказать, что приснился ему покойный его благодетель и сказал ему вот что. – Купец слушал калеку со вниманием, потом положил на себе крестное знамение и сказал: «не только три тысячи, но если бы покой-ник велел дать тебе десять тысяч ради красных яблочек, и тогда я с удовольствием бы тебе дал!» И он приказал приказчику тут же отсчитать три тысячи рублей. Никогда не видавший у себя столько денег калека упал в ноги купцу и сказал: «ни за что не возьму этих денег, пока вы не скажете мне, что это за красные яблочки, ради которых вам не жаль такой суммы!»

IV. И купец рассказал ему вот что. «В молодости своей я был очень беден и торговал яблоками на копейки. Покойный часто покупал у меня яблоки, чтобы только доставить мне пользу.

Раз шел проливной дождь. Я промок до костей и очень прозяб; продать во весь день не удалось ничего, так что вечером не на что было купить и хлеба. Иду по улице и кричу: яблоки красные – хорошие! Покойный увидал меня в окно и позвал к себе. Вхожу на двор – полон двор гостей: это был день его свадьбы. Идти в палаты не смею, смотрю – он выходит сам. «Бедный Николка, говорит он: что это ты в такой дождь не сидишь дома?» Я сказал, что я еще не ел сегодня, – ничего не удалось продать. Он взял у меня корзину с яблоками и говорит: «подожди тут!» А сам пошел в палаты. Там все гости окружили его с вопросами: что это значит? А он говорит: «мы тут пируем, братцы – гости любезные, а торговец этими яблоками еще не ел сегодня и просит купить у него этот товар». – А что вы заплатили за него? спрашивает один богач.– «Сто рублей». – Это дешево, я даю 300! говорит гость. – «А я – 500!» говорит другой: «надо помочь бедняку». – Тогда покойник говорит им: «я уже раньше вас купил, – не угодно ли у меня купить по 50 р. за яблочко?» –

Хорошо! сказали гости – и золото посыпалось на стол. Было 60 яблок, и покойный вынес мне за них 3.000 рублей.

V. Со слезами радости и с целым кошельком червонцев пошел я прямо в церковь поблагодарить Бога за такое неслыханное счастье, «Не попусти мне, Господи, загордиться, – так молился я там, – подай мне, Господи, смысл и уменье, как распорядиться этим добром честно, во славу Твою, на счастье себе и ближним моим!» Вот с чего разжился я, по милости Божьей; вот почему с радостью даю и тебе три тысячи, чтобы они с моей руки так же умножились, как у меня с руки покойного благодетеля! Вот тебе и объяснение, что такое красные яблочки!».

VI. Так заключил купец свой поучительный рассказ.

(Извл. с перед. слога из «Тр. Л.»).

22. Житель Афонской горы

I. На Афонской горе жил ученый, благочестивый муж; смолоду он научился разным наукам; знал целебную силу трав и кореньев; часто о ходил по хижинам бедных людей, лечил больных, утешал умирающих. И были ему от всех любовь и почет.

II. Однажды ту страну посетила страшная зараза – чума моровая. Люди заболевали, и многие умирали; во всех хижинах были больные и отовсюду посылали за добрым и ученым лекарем, чтобы пришел он утешить и помочь страждущим.

III. Без устали ходил по больным добрый лекарь и раздавал лекарство; иногда, когда мог захватить болезнь вовремя, он вылечивал; но чаще беспечные люди присылали за лекарем тогда, когда уже больной был при последнем издыхании, когда уже никакие лекарства помочь не могут, а неразумные люди упрекали и бранили доброго лекаря, как будто он был виноват в их беспечности.

IV. Эти упреки оскорбили доброго лекаря; изнемог он и от усталости, и пришло ему на мысль: «зачем тружусь я для людей, да еще для неблагодарных? зачем я жертвую собой для неразумных, которые не считают, кому я помог моим лекарством, а только жалуются, что не вылечиваю полумертвых? зачем я подвергаю себя опасности заразиться от больных, мне вовсе чужих? Останусь я спокойно на горе: чума сюда не заходит; а там, внизу, пусть заболевают неразумные – мне дела нет; их вина».

V. В этих мыслях он пошел на гору; вдруг видит он, невдалеке, растет прекрасный цветок, и такой он красивый! и такой от него запах!

«Вот, подумал лекарь, и цветок меня тому же научает, растет он здесь, на горе, красуется, и ни до кого ему нет дела; ему здесь хорошо:

ветерок повевает, солнышко греет, роса обливает; и растет он здесь не кому другому, а только себе на радость. Так буду и я жить, думать только о себе, а о других не заботиться».

VI. Между тем он наклонился над цветком, чтобы лучше его разглядеть. Смотрит: внутри цветка – мертвая пчела: собирая мед и цветочную пыль, она ослабела, прилипла к цветку и замерла.

Лекарь посмотрел, подумал, и краска стыда выступила у него на лице; «Боже!» сказал он, «прости меня за мое уныние и неразумие! По Твоей воле набрел я на этот цветок, чтобы простое насекомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала мед? не для себя, а для других. Также как и мне, ей никто не скажет спасибо; также как и меня, ее всякий гнал, а между тем она все трудилась и на труде свою жизнь положила. Прости, Господи! мое уныние и неразумие. Умудри и меня, как Ты умудрил пчелу – медоносицу»!

И снова начал лекарь собирать целебные травы, и снова до пота лица стал ходить по хижинам и помогать больным, утешать умирающих.

(Кн. В.Ф. Одоевский).

23. Братская помощь

I. Воскресенье в деревне (18 июля 1876 г.). Сельская церковь полна молящихся. Старичок священник, в полном облачении и с крестом в руке, говорит с амвона обступившим его прихожанам о бесчеловечных мучениях, которые терпят славяне от турок...

В церкви безмолвная тишина. Изредка слышатся глубокие вздохи; на глазах у многих слушателей блестят слезы... «Спаси, Господи, и помилуй!» шепчут женщины и крестятся.

– «Помогите, православные, страждущим братьям!» так кончил священник свое слово.

II. Храм огласился рыданиями. Толпа заволновалась... По медной тарелке, вынесенной дьячком из алтаря и положенной на столик, зазвучали копейки, пятаки и серебряные монеты.

Вон женщина положила на тарелку полотенце с красной каймой, другая платок, третья указывая на тарелку, сует в руку что-то пятилетней дочурке; девочка побежала к столику и положила на тарелку серебряный перстенек.

Старый солдат снимает с груди Георгиевский крест и несет туда же, на общий жертвенник братской любви к родным страдальцам...

В короткое время стол завален был полотенцами, платками, холстами. Святая жертва!...

III. Золотое сердце у тебя, наш родной русский народ!... Скудна

природа, тебя окружающая; трудно достается тебе твой черствый хлеб; дымна и холодна твоя курная избушка. Но ты всегда был печальником, защитником слабого, обездоленного. Все сказки, что тобой сказаны, сложены в защиту – утеху сироты бездомного, люда горемычного, бесталанного. Противно тебе всякое лукавство и двоедушие. Ненавистны тебе люди гордые, ехидные: змеи-горынычи, бабы-яги, лютые свекрови, злые мачехи... Сирого, убогого ты к сердцу жмешь и греешь: гонимым сироткам – Марьюшкам, обижаемым дурачкам – Иванушкам даришь ты венцы царские, строишь дворцы – терема хрустальные, посреди садов с золотыми решетками, на деревьях там растут золотые яблоки, распевают – поют птицы райские...

IV. Золотое сердце у тебя, наш родной русский народ!

В рабстве спасенное,
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!
Спит, словно мертвая,
Русь недвижимая...
А загорится в ней
Искра незримая –
Встали не бужены,
Вышли не прошены;
Жита по зернышку
Горы наношены.
Рать подымается
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!..

(Из «Родины» Радонежского).

24. Царская награда за геройский подвиг девочки

I. Осенью 1887 года в Петербурге, на Выборгской стороне, по Воскресенской улице, на огородном месте, шестилетий мальчик Димитрий, играя, забросил палку в колодезь, имеющий пять аршин глубины, как это потом было вымерено. Желая достать палку, мальчик и сам упал в колодезь и пошел ко дну. Собралось несколько человек народа и, в числе прочих, девочка 14 лет. Она быстро сбросила с себя платье и в одной рубашке нырнула в колодезь; но эта попытка оказалась безуспешной: девочка вынырнула, едва не задохнувшись; однако еще три раза нырнула в этот колодезь, несмотря на то, что он был наполнен

грязной, вонючей жидкостью, служившей для поливки огорода, для чего туда сбрасывалась всякая дрянь. Наконец, самоотверженной девочке удалось вытащить мальчика, который общими усилиями собравшегося народа был приведен в чувство и только сделался болен. Девочка также захворала.

II. О таком подвиге самоотвержения было представлено Его Императорскому Величеству, и Государь Император в 20-й день сентября 1887 года Всемилостивейше повелеть соизволил: шлиссельбургской мещанке, 14-ти-летней девочке Анисье Никифоровой, за оказанный ей подвиг самоотвержения, кроме награждения ее серебряной медалью, с надписью: «За спасение погибавших», и выдачи ей 25 руб. единовременного пособия, – производить, впредь до выхода ее в замужество, ежемесячное, из сумм Его Величества, денежное пособие по 5 р. и затем при выходе в замужество отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

III. По собранным сведениям оказалось, что эта девочка не имеет отца и живет при матери, которая существует продажей молочных скопов, перебиваясь кое-как. Петербургская городская дума постановила позаботиться о воспитании этой девочки в каком-либо городском учебном заведении.

*(Из «Сельск. Вест.» за 1887*г.).

25. Подвиг бесстрашия и человеколюбия казака Василия Граб

14-го апреля 1824 года, Ямбурского уезда, в деревне Кобыляках, загоралась ночью изба крестьянина Семена Николаева, которого на беду не было дома, а хозяйка так перепугалась, что едва только сама успела выскочить из огня, а своих двоих детей выхватить не успела. Крестьяне сбежались и принялись тушить пожар. В это время случился в деревне и прибежал на пожар казак 7-го Черноморского эскадрона, Василий Граб. Весь дом был в огне, а малютки, которых уже душил дым и припекал жар, испускали отчаянный крик. Граб кинулся в огонь, вскочил в окно, схватил обоих детей и с ними выскочил из горевшего дома жив и здоров. Страшно было видеть, как Граб полез в огонь: все полагали, что он найдет себе там верную смерть, но казак полез в огонь с молитвой и вынес младенцев невредимыми: Господь помиловал его и их. Государь Император за славное дело это пожаловал казаку Граб медаль с надписью: «За спасение погибавших» и пятьсот рублей денег.

(Из журн. «Досуг и дело»).

26. Чудный домик

Чудный я знаю домик и с полным хозяйством. Есть в нем мельничка,

есть в нем и кухня, где день и ночь готовится теплая пища. В этом домике множество ходов и пе-реходов, и проворные маленькие слуги разносят по ним теплую пищу во все уголки дома. Есть в этом доме неугомонный распорядитель. Ни днем, ни ночью не засыпает он ни на минуту: все тук, да тук, и гонит проворных слуг во все углы дома, где только спрашивается пища, питье и тепло. Есть в этом доме обширная горница, куда свободно входить чистый воздух; есть два светлые окошечка с подвижными ставеньками: ночью эти ставеньки запираются, днем отпираются. В домике живет невидимая хозяйка. Хоть этой хозяйки и не видно, но она все знает, всем распоряжается и все оживляет; для нее то и хлопочет распорядитель, для нее-то и работают маленькие слуги, она-то и смотрится в светлые окошечки, подымает и опускает ставеньки; ее невидимые глаза – мысли далеко видят. Уйдет хозяйка из дому – и все заснет, замолкнет, обессилит. Распорядитель перестанет стучать, слуги остановятся в переходах и во всем домике станет тихо, пусто и холодно, а ставеньки на веки закроют окошечки.

*Изъяснение.*Домик – человек. Мельничка – зубы. Кухня – желудок. Неугомонный распорядитель – сердце. Обширная горница – рот, дыхательное горло и легкие. Два светлые окошечка – глаза. Невидимая хозяйка – душа человека. Уход хозяйки из дому – смерть человека.

27. Цена души человеческой

Когда император Феодосий узнал, что жители Антиохии влачили по грязи статую его супруги, то он приказал разрушить город. Что сделает Бог нам, если мы грехом оскверняем душу – Его образ и храм?

Хотите ли знать цену вашей души? Посмотрите на цену искупления: не золото целого мира, не мир весь, со всем, что в нем есть, но сам Бог был ценой нашего выкупа

(Златоуст).

Один святой муж, при виде прекрасной и роскошно одетой женщины, горько заплакал и сказал: «Она сделала для украшения своего смертного тела более, чем я для моей бессмертной души».

(Дух. Цветн.).

28. Велика вещь человек!

(Пр. Сол. XX, 6).

Так велика, что сам великий Ценитель и Судья всяческих ставил ее выше всех вещей в мире. *Кая польза человеку,* говорил Он, *аще приобрящет мир весь, душу же свою отщетит? (т.е. душу свою погубит).*

Велика вещь человек, потому что вещь эта произошла от Величайшего, вследствие великого совета, и стоила не мало. И *рече Бог: сотворим*

человека (Быт.1:26). И *созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни* (Быт.11:7).

Велика вещь человек,потому что вещь эта имеет величайшее значение и чрезвычайно много заключает в себе. И *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт.1:27).

Велика вещь человек,потому что предназначена для великих целей. *Сотвори Бог человека да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли* (Быт.1:26).

Велика вещь человек, потому и падение этой вещи превратило и опрокинуло за собой все. *Вемы, яко вся тварь совоздыхает и соболезнует с нами даже до ныне. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю* (человека) (Рим.8:20–22).

А как ценится эта великая вещь у самих человеков? Чему не подчиняется? На что не меняется?

Человек подобен сыну и наследнику великого царя, который, находясь с малолетства в изгнании, забыл о своем великом происхождении и столь же великом предназначении.

Посему первый и последний урок человеку должен быть: *познай самого себя»*... (B.B.IV:267).

29. Человек и верблюд

(Аллегория) ***117***

I. Через степь однажды вел верблюда путник; вдруг верблюд озлился, начал страшно фыркать, храпеть, бросаться; путник испугался и побежал; верблюд за ним. Куда укрыться? Степь пуста. Но вот увидел у самой он дороги водоем ужасной глубины, но без воды. Из недра темного его торчали ветвями длинными кусты малины, разросшейся меж трещинами стен, покрытых мохом старины. В него,

гонимый бешеным верблюдом, путник в испуге прянул: он за гибкий сук малины ухватился и повис над темной бездной. Голову подняв, увидел он разинутую пасть верблюда над собой: его схватить рвался ужасный зверь. Он опустил глаза ко дну пустого водоема: там змей ворочался и на него зиял голодным зевом, ожидая, что он, с куста сорвавшись, упадет. Так он и висел на гибкой тонкой ветке между двух погибелей. И что же еще ему представилось? В том самом месте, где куст малины (за который он держался корнем в землю сквозь пролом стены состарившейся водоема входил, – две мыши, белая одна, другая черная, сидели рядом на корне, и его поочередно с большой жадностью грызли, землю со всех сторон скребли и обнажали все ветви корня, а когда земля шумела, падая

на дно, оттуда выглядывал проворно змей, как будто спеша проведать, скоро-ль мыши корень перегрызут, и скоро-ль с ношей куст к нему на дно обрушится. Но что же? Вися над этим страшным дном, без всякой надежды на спасенье, вдруг увидел на ближней ветки путник много ягод малины, зрелых, крупных; сильное желание полакомиться ими зажглось в нем; он все тут позабыл: и грозного верблюда над собой, и под собой на дне далеком змея, и двух мышей коварную работу: оставил он вверху храпеть верблюда, внизу зиять голодной пастью змея, и в стороне грызть корень и копаться в земле мышей, а сам, рукой добравшись до ягод, начал их спокойно рвать и есть, – и страх его пропал...

II. Ты спросишь, кто этот жалкий путник? – человек. Пустыня же с водоемом – свет; а путь через пустыню – наша жизнь земная; гонящийся за путником верблюд есть враг души, тревог создатель – грех. Нам гибелью грозить он; мы же беспечно на ветке трепетной висим над бездной, где в темноте могильной скрыта смерть – тот змей, который, пасть разинув, ждет, чтобы ветка тонкая переломилась. А мыши? Их названье день и ночь: без отдыха, сменяясь, они работают, чтобы сук твой, ветку жизни, которая меж смертью и светом тебя неверно держит, перегрызть: прилежно черная грызет всю ночь, прилежно белая грызет весь день; а ты, прельщенный ягодой душистой, усладой чувств, желаний утолением, забыл и грех – верблюда в вышине, и смерть – внизу зияющего змея, и быструю работу дня и ночи – мышей, грызущих тонкий корень жизни; ты все забыл – тебя манить одно неверное минуты наслажденье. Вот свет и жизнь, и смертный человек!

(Жуковский).

30. Притча о дубовой бочке

I. Вырос в лесу, в зеленой дубраве, дуб, без малого в обхват толщины, и стал он стариться, дряхлеть. Пришел хозяин, срубил его и отдал в руки мастеру; мастер распилил дуб на доски, из досок поделал клепки, собрал их, связал обручами, вставил по дну в уторы – и вышла бочка. За бочку эту люди дают три целковых; в бочке этой люди воду возят; на бочку кто ни посмотрит, говорит, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрым людям на нужду, и что без бочки нельзя жить хозяйством; нельзя жить без воды, а возить ее не близко: ведрами не наносишься.

II. Все бы это хорошо, да бочка наша как-то рассохлась и рассыпалась. Хозяин ли не доглядел, сами-ль клепки между собой повздорили да вместе жить раздумали – не знаю; да только рассыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать их по улицам и погонять хворостиной;

клепки, под ногами навалявшись, пошли то в печь, то под лавку, а о бочке и помину не стало, словно ее и на свете не бывало.

III. В притче этой речь идет вот к чему: дуб – эта православный прадед твой; клепки – все его семя: и мал и велик; обручи – честь и смирение и доброе согласие, которое держит и живит, и питает односемьян: покуда клепки держались обручами, а целая семья добрым согласием, в одном кружке, потуда все было хорошо, а как рассыпались клепки врознь, как не стало доброго согласия в семье, так все пропали порознь, и слуху об них не стало.

(В. Даль).

31. Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит

Я и так брата люблю, а больше за то, что он за меня в солдаты пошел. Вот как было дело: стали бросать жеребий. Жеребий пал на меня, мне надо было идти в солдаты, а я тогда неделю как женился. Не хотелось мне от молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорит: «как Петрушке идти, он молод». Делать было нечего, стали меня собирать. Сшила мне жена рубахи, собрала мне денег, и на завтра надо было идти на ставку в город. Матушка убивалась – плакала, а я как подумаю, что идти надо, так сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру все ужинать. Никому и есть не хотелось. Старший брат, Николай, лежал на печи и все молчал. Молодайка моя выла. Отец сидел сердитый. Как матушка поставила на стол кашу, так никто ее и не тронул. Матушка стала звать Николая с печи ужинать. Он сошел, перекрестился, сел у стола, да и говорит: «не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку в солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петр, без меня покой батюшку с матушкой и жену мою не обижай». Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться, стали собирать Николая. По утру, когда я проснулся, как пораздумал, что за меня брат идет, стало мне тошно. Я и говорю: «не ходи, Николай, мой черед, я и пойду». А он молчит и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба в город на ставку. Он становится, и я становлюсь. Оба мы ребята хорошие, стоим – ждем, не бракуют нас. Старший брат посмотрел на меня – усмехнулся и говорит: «будет, Петр, ступай домой. Да не скучайте по мне, я своей охотой иду». Заплакал я и пошел домой. А теперь как вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдал.

(Гр. Л. Толстой).

32. Пример сыновней любви

I. В царствование Петра Великого стольник [118] Желябужский сделал

важное преступление, за которое законы осуждали его на смертную казнь. Суд приговорил его к положенному законами наказанию, и смертный приговор был уже подписан государем. Несчастный должен был готовиться к неминуемой смерти. Никаких средств не было к его спасению. Но он имел у себя сына, который с самых юных лет отличался нежной любовью к родителям.

II. Молодой человек, пораженный несчастьем отца и бесчестьем, которое падало на все семейство его, решился пожертвовать своей жизнью за спасение родителя. Встретив государя, при выходе его из дворца, он падает к ногам его и с рыданием говорит: «Государь! Отец мой нарушил долг свой против Бога и отечества и приговорен к смертной казни. Не смею роптать на приговор твой, но дерзаю прибегнуть к твоему милосердию. Повели, великий государь, вместо отца моего предать казни меня. Я с радостью жертвую жизнью за виновника моей жизни. Государь! Не откажи мне в моем сердечном желании заплатить отцу за воспитание, избавить мать от потери мужа, братьев и сестер от сиротства, и все потомство от поношения».

III. Государь, тронутый до слез горячей любовью нежного сына, поднял его и, поцеловав, сказал: «За воспитание такого сына, как ты, прощаю отца твоего и возвращаю его тебе и всему вашему семейству. Сверх того, жалую тебя чином и местом, которое занимал отец твой, в полной уверенности, что ты лучше его будешь исполнять должность, на тебя возлагаемую».

(Ист. Вестн.).

33. Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою,
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
Бранное [119] житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье!
Я седельце боевое
Шелком разошью!..

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду–
И казак душой,
Провожать тебя я выйду–
Ты махнешь рукой.
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать,
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.
Да, готовясь в бой [120] опасный,
Спи, младенец мой прекрасный,
Помни мать свою...
Баюшки-баю.
(Лермонтов).

34. Мать и дитя

Комнату лампада слабо озаряла,
Мать, над колыбелью наклонясь, стояла.
А в саду сердито выла буря злая,
Под окном деревья темные качая.
На малютку сына нежно мать глядела,
Колыбель качая, тихо песню пела:
«Ах, уймись ты, буря! Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет сладко в колыбели.
Ты, гроза Господня, не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи черные, сторонкой!
Спи, дитя, спокойно!.. Вот гроза стихает:

Матери молитва сон твой охраняет.
Завтра, как проснешься и откроешь глазки,
Снова встретишь солнце, и любовь, и ласки».
(А. Плещеев).

35. Сердце матери

«Ты, родима моя матушка!
В день денна моя печальница,
В ночь – ночная богомолица!»
(Народ. Песня).

I. Так поет русская вылившаяся из глубины сердца песня.

«Нет такого дружка, как родима матушка», говорит умная наша пословица. Кто так искренно, как мать, порадуется нашему счастью и разделить наше горе? Чье сердце одинаково горит любовью и к чаду разумному, и к детищу бесталанному? К последнему душа матери лежит еще больше, нежели к первому; прижимает мать к своей груди уродливое, неудавшееся чадо и молится о нем еще больше, еще жарче.

II. В песне говорится: «Посреди поля чистого, под ракитовым кустом лежит избит, изранен, исколот добрый молодец. Что не ласточки, не касаточки вкруг тепла гнезда увиваются – увивается тут родна матушка; она плачет, как река льется; а родна сестра плачет, как ручей течет; молодая жена плачет, как роса падет; солнышко взойдет – росу высушить»... Ручей летом пересыхает – горе сестры скоротечно; слезы жены, подобно росе, непродолжительны; но река не перестанет течь, – мать до гробовой доски будет оплакивать смерть своих детей...

Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но в мире есть душа одна –
Она до гроба помнить будет;
Ей не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

III. Пройдут года, десятки лет после смерти сына или дочери, а старушка-мать все теплит лампадку перед образом, все шепчут ее уста дорогое имя и слезы влажат тусклые, старческие очи.

Родимая матушка, дети, денная печальница о вас, ночная богомолица! Отвечайте же ей взаимной любовью, благодарностью; окружите старость ее попечениями, и благословение Божье почиет на вас.

(Из «Родины» Радонежского).

36. Материнская любовь

I. Моя мать, уезжая в последний раз из города К., [121] заставила моего дядьку, Евсеича, побожиться перед образом, что он уведомит ее, если я сделаюсь болен. Он исполнил свое обещание: один из грамотных дядек написал ему письмо, в котором, без всякой осторожности и даже несправедливо, он извещал, что молодой барин болен падучей болезнью, и что его отдали в больницу. Можно себе представить, каким громовым ударом разразилось это письмо над моим отцом и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло в деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могут иметь и понятия: дорога прорывалась на каждом шагу, и во всяком долочке была зажара, т.е. снег, насыщенный водой: ехать почти было невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выехала в тот же день в К. с своей Парашей и молодым мужем ее, Феодором.

II. Ехала мать день и ночь на переменных крестьянских некованых лошадях, в простых крестьянских санях, в одну лошадь. Всех саней было четверо: в трех сидело по одному человеку без всякой поклажи, которая вся помещалась на четвертых санях. Только таким образом была какая-нибудь возможность подвигаться шаг за шагом вперед, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этот раз продолжались, по счастью, до половины апреля. В десять дней дотащилась моя мать до большого села, Мурзихи, на берегу Камы; здесь пошла уже большая почтовая дорога, крепче уезженная, и потому ехать по ней представлялось более возможности; но за то из Мурзихи надобно было переехать через Каму. Кама еще не прошла, но надулась и посинела; накануне перенесли через нее на руках почту; но в ночь пошел дождь, и никто не согласился переправить мою мать и ее спутников на другую сторону. Мать моя должна была ночевать в Мурзихе. Боясь каждой минуты промедления, она сама ходила из дому в дом по деревне и умоляла добрых людей помочь ей, рассказывала свое горе и предлагала в вознаграждение все, что имела. Нашлись добрые и смелые люди, понимавшие материнское сердце; они обещали ей, что, если дождь в ночь уймется и к утру хоть крошечку подморозит, они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмут то, что она пожалует им за труды.

III. До самой зари молилась мать моя, стоя в углу на коленях перед образом той избы, где провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: ветер разогнал облака, и к утру мороз высушил дорогу и тонким льдом затянул лужи. На заре шестеро молодцов, рыбаков по промыслу, каждый с шестом или багром, перекрестясь на церковный

крест, взяли под руки обеих женщин, обутых в мужские сапоги, дали шест Федору и отправились, пустив вперед самого расторопного из своих товарищей для ощупывания дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трех верст.

IV. Переход через огромную реку в такое время так страшен, что только привычный человек может совершить его, не теряя бодрости и присутствия духа, Федор и Параша просто ревели, прощались с белым светом и со всеми родными, и в иных местах надобно было силой заставлять их идти вперед; но мать моя с каждым шагом становилась бодрее и веселее. Провожатые поглядывали на нее и приветливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложенным вместе шестам через трещины; мать моя нигде не хотела сесть на чуман (нечто вроде легких санок), и только тогда, когда дорога, подойдя к противоположной стороне, пошла возле ямского берега по мелкому месту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчас постлали на чуман меховое одеяло, положили подушки, мать легла на него, как на постель, и почти лишилась чувств: в таком положении дотащили ее до самого двора в Шуране. Мать моя дала сто рублей своим провожатым, т.е. половину своих денег, но честные люди не захотели воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнациями). С изумлением слушая изъявление горячей благодарности и благословения моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вам Бог благополучно доехать», и немедленно отправились домой, потому что мешкать было некогда: река прошла на другой день. Все это подробно рассказала мне Параша. Из Шурана, в двое суток, мать моя доехала до К., остановилась где-то на постоялом дворе и через полчаса была в гимназии, где я жил.

(С. Аксаков).

37. Родительское благословение

Дорожите, дети, благословением родительским, если хотите, да благо вам будет и да долголетны будете на земле! Дорожите этим сокровищем, которого никто и никогда не может похитить у вас! С благословением родительским никакие беды и напасти не страшны будут вам; с ним и в счастье-довольстве вы не забудетесь. Не даром говорит мудрая пословица: «родительское благословение со дна моря достанет, – оно в огне не горит и в воде не тонет». *В родительском благословении действует благословение Самого Бога.* Сам Бог – Отец Небесный, сотворив наших праотцев, благословил их Своим Отеческим благословением (Быт.1:28) и определил, чтобы *благословение отчее утверждало домы чад*

(Сир.3:9).

К несчастию, не все дети знают цену этого великого сокровища. Есть дети, которые ни во что ставят родительское благословение и за то лишаются Божьего благословения. Вот поучительный рассказ из недавних времен, – рассказ, свидетельствующий, как дети должны дорожить самым *знамением родительского благословения – св. иконой,* какова бы она ни была по внешнему виду. Молодой человек, сын одной благочестивой помещицы, отправлялся на службу в Петербург. Мать при отъезде благословила его Ахтырской иконой Божьей Матери. Икона была простая, без ризы, на вид невзрачная, темная, как обыкновенно эта икона рисуется. Было уже лето около того времени, как празднуется в честь Ахтырской иконы Божьей Матери, т.е. в июле месяце. Путникам нужно было выбраться на большую дорогу, глухой степью, заросшей высокой травой и бурьяном. И вот юноша, оставшись в карете наедине, с иконой в руках, которую его мать подала ему в карету с напутственными словами и слезами, и которую ему некуда было деть, предался мечтам о своем будущем: о роскошной жизни в Петербурге, о знакомстве с знатными особами, о блестящем обществе. Взглянув на образ, бывший у него в руках, темный, невзрачный, он подумал, что при такой обстановке, какая его ожидает, ему будет стыдно поставить у себя такую икону, и вот, недолго думая, он – страшно сказать – вышвырнул святой образ из кареты в густую, высокую траву и продолжал мечтать. Путешествие кончилось благополучно. Юноша приехал в Петербург и поступил на службу. Когда устроилась квартира, то дядька, размещая вещи, вспомнил про св. образ и спросил у барина – где он? Барин сказал, что он вышвырнул его еще в степи... Дядька пришел в ужас и тут же сказал, что не будет ему счастья без материнского благословения: «материнская молитва со дна моря достанет», сказал старик, «а кто ее не почитает, тот счастья век не знает». Барин успокоил дядьку, а сам развлекся и позабыл о своем поступке; но – не надолго. Вскоре что-то приключилось ему весьма неприятное, и дядька не преминул напомнить ему о материнском благословении. Юноша промолчал; но с тех пор его поступок стал приходить ему на ум всякий раз, как только постигала его какая-нибудь неприятность. Он служил в Петербурге года два или три, служба шла для него весьма неудачно. Неприятности повторялись чаще и чаще; а дядька всякий раз твердил о материнском благословении. Наконец получилось известие о смерти матери, и юноша совершенно упал духом, потеряв возможность испросить у нее прощение и вторичное благословение. Тут-то дядька приступил к барину с настоятельными советами и увещаниями

бросить службу, ехать на родину и употребить все возможные средства к разысканию иконы. У самого юноши явилось сильное раскаяние; он вышел в отставку и поехал опять домой. Проехали уже степью несколько верст; вдруг лошади сбесились и понесли... карету опрокинули и повредили; барин вывалился, дядька и кучер тоже... наконец лошади умаялись и остановились. Кучер и дядька по следу измятой травы нашли их стоящими и спокойно щиплющими траву. Барина в карете не оказалось. Кучер и дядька отправились искать барина... наконец нашли: но как?!

Так вразумил Бог этого юношу, доброго сердцем, но легкомысленная, и научил его дорожить родительским благословением. Дорожите, дети, и вы этим сокровищем, если желаете, чтобы на вас почивало Божье благословение!

(Извлеч. с сокращ. из № 230 «Троицк. листк.»).

38. Слава труду

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!
Дружно же, дети!
Громкую славу споем
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом.
Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

(Из стих. Беранже).

39. Наследство

Не осталось
Мне от батюшки
Палат каменных,
Слуг и золота;
Он оставил мне
Клад наследственный:
Волю твердую,
Удаль смелую.
С ними молодцу

Всюду весело!
Без казны богат,
Без почета горд.
В горе, в черный день,
Соловьем поешь;
При нужде, в беде
Смотришь соколом;
На распашку грудь
Против недруга,
Под грозой, в бою
Улыбаешься.
И мила душе
Доля всякая,
И весь белый свет
Раем кажется!
(Никитин).
40. Косарь
Я куплю себе
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее,–
И прости – прощай,
Село родное...
В края дальше,
Пойдет мóлодец...
Что вниз пó Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слобóдушки...
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широкó лежит,
Ковылем травой
Расстилается...
***
Ах, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,

К морю Черному
Понадвинулась.
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и пóперек,
С ней хотелося...
***
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошенная!
Поклонись, цветы,
Головой земле!
На ряду с травой
Вы засохнете!
Нагребу копен,
Намету стогов: –
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
(Кольцов).
41. Счастливая старость
«Ты, дедушка, стар», ученик говорит:
«Весь сед, и волос лишь немного сберег;
«Летами ты стар, но здоров и не хил –
«Скажи: отчего, старичок?»
– В дни юности, друг мой, старик возразил:
Я помнил, что юность летит как страда:
Не тратил я даром здоровья и сил,
Чтоб после внезапно нужда не пришла. –

«Ты, дедушка, стар», ученик говорил,
«Ведь с юностью кончится радости срок,
«А ты о прошедшем еще не тужил –
«Скажи: отчего, старичок?»
– В дни юности, друг мой, старик возразил:
Я помнил, как юности дни коротки:
О будущем думал я, что ни творил,
Чтоб прошлое мог вспоминать без тоски.
«Ты, дедушка, стар», ученик говорил,
«А жизнь коротка: твой конец недалек:
«Ты весел; про смерть разговор тебе мил.
«Скажи: отчего, старичок?»
– Да, друг мой; я весел, и вот отчего –
Причину заметь ты – старик возразил:
Я в юности помнил Творца моего,
А Он за то старость мою не забыл.
(Я. Грот).
42. Нищий
И вечерней, и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходить с сумою,
Христа ради на помощь зовет.
Надевает ли суму неволя,
Не охота ли взяться за труд, –
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!
Не откажут тебе в подаянии,
Не умрешь ты без крова зимой, –
Жаль разумное, Божье созданье,
Человека в грязи и с сумой.
(Никитин).
43. Смерть нищего
Пришел он, старец величавый;
Кто он – Бог весть; с своей сумой,
В одежде бедной и дырявой,
Пришел на берег он морской.
И лег он на прибрежный камень,
Тяжелый посох уронил,
И взор, где гаснул жизни пламень,

В лазурь безгранную вперил.
Над ним, как ангел, проносилась
По небу тучка. День сиял.
Морская даль не серебрилась.
И знойный воздух не дышал.
В одежде бедной и дырявой,
С сумою, с посохом, в пыли,
Он умер гордый, величавый,
Как царь непризнанный земли.
(М. Белинский).

44. Счастье

Хочешь ли счастьем земным всегда в тишине наслаждаться?
Зависти в сердце не знай к тем, кто счастливей тебя,
Сравнивай долю свою не с их завидною долей, –
Сравнивай с долею тех, кто злополучней тебя.
(Ф. Миллер).

45. Ищи того, что прочно, бесконечно

Ты приобрел сокровище земное, –
К чему восторг? – ничтожно это все!
Ты потерял сокровище земное, –
К чему печаль? – ничтожно это все.
Здесь, на земле, как ты, ничто не вечно:
Ищи того, что прочно, бесконечно.
(Ф. Миллер).

46. Завтра

*"Завтра,*завтра, не сегодня!»
Так ленивцы говорят;
Завтра свой урок начну,
Завтра не хочу лениться,
Завтра надо потрудиться;
Нынче, лучше, поиграть, –
Вот суждение какое!
Для чего же не теперь?
Завтра сделаем другое.
Нынче это сделай; верь,
Что на каждый день есть дело;
Что поспело, то созрело.
Что ты сделал, то с концом. –
Вижу я, и – поздравляю,

А что сделаешь потом,
Я, дружок, еще не знаю.
День за днем, вся жизнь пройдет –
Невозвратно и мгновенно.
Быстро каждый час летит.
Дале, дале время мчит!
Каждым часом настоящим
В жизни пользоваться знай;
Мигом дорожи летящим;
Завтрому не доверяй.
Коль до завтра ты отложишь,
Что сегодня сделать можешь,
Будешь часто горевать...
(Б. Феодоров).
47. Хоровая песня детей
Дружно, братцы, песню грянем!
Отдохнем – и смело
Мы опять работать станем,
Примемся за дело.
Хором, хором пойте дружно,
Нам во всем согласье нужно.
Где согласье заведется,
Славно, славно там живется:
Все кипит, все удается...
Дружно, дружно, веселей!
Где разлад – прощай веселье,
Радость улетала,
Там не клеится ни пенье,
Ни игра, ни дело.
Хором, хором пойте дружно,
Нам во всем согласье нужно.
Где согласье заведется,
Славно, славно там живется,
Все кипит, все удается...
Дружно, дружно, веселей!
Где разлад – там грустно, скучно.
Там житье плохое...
Будь же с нами неразлучно,
Дружество святое!

Хором, хором пойте дружно,
Нам во всем согласье нужно.
Где согласье заведется,
Славно, славно там живется:
Все кипит, все удается...
Дружно, дружно, веселей!
(Кн. Одоевский).

48. Утренняя песня

Встань поутру, не ленись!
Мылом вымойся, утрись.
Кто растрепан, не умыт,
Тот собой людей смешит.
Зубы, десны крепче три
И снаружи, и внутри;
Чистым гребнем причешись,
Да и Богу помолись.
Долго спать тебе невпрок,
Лишь забудешь про урок,
Ты за книжку – повторить,
А уж начали звонить.
Знай заранее, что взять,
Времени чтобы не терять.
В класс когда идти велят,
Тут уж некогда искать.
То забыл налить чернил,
То пера не очинил;
Книжку бросил без пути,
А потом и не найти.
Но в порядке что лежит,
Под руку само бежит.
В классе быть, так не зевать,
А стараться понимать!
Кто зевает – негодяй;
Ты ему не подражай.
Слышишь новое – смекни,
Да в тетрадке очеркни;
Поленился, пропустил –
Смотришь: завтра позабыл,
А написано – прочтешь,

Лучше в толк себе возьмешь.
(*Одоевский).*
49. Трудись
Если любить кто трудиться,
Волен тот и отдыхать,
Погулять и порезвиться,
Да и книжку почитать.
Что за стыд!
Как не знать
Ни читать, ни писать?
Я и книжку прочту,
Да и счеты сведу.
Станем дружно мы трудиться
И друг другу помогать!
Надо многому учиться,
Чтобы малое узнать.
На других погляжу,
Да свой ум приложу.
До чего не дойду,
То я в книжке найду.
Не страшна работе бедность!
Кто работает, тот сыт.
Кто к труду имеет ревность,
Бог того благословит.
Помолись И трудись!
Только знай не ленись:
Без нужды проживешь
И отраду найдешь
(Одоевский).

50. Волк и журавль
Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может волк ни охнуть, ни вздохнуть –
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут журавль случился.
Вот кой-как знаками стал волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой длинный нос по шею
Засунул к волку в пасть и с трудностью большою
Кость вытащил, и стал за труд просить.
«Ты шутишь!» зверь вскричал коварный;
«Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся. –
(Крылов).
51. Пастух
У Саввы, пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.
«И не диковина», твердит народ:
«Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поваренков, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи;

Так кухня у него немножко схожа с нашей).
За волком поиски; клянет его весь свет;
Обшарили весь лес, а волка следу нет.
Друзья! пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то Савва.
(Крылов).
52. Лисица и осел
«Отколе умная бредешь ты, голова?»
Лисица, встретяся с ослом, его спросила.
– Сейчас лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало зарычит, так стонет лес кругом,
И я без памяти бегом,
Куда глаза глядят, от этого урода;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх.
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо льва ни шел, всяк вымещал ему
По своему:
Кто зубом, кто рогами...
– «Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнул?»
Лиса осла перерывает. –
«Вот на!» осел ей отвечаете:
– «А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»
Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты –
От первых жди от них обиды и досады.
(Крылов).
53. Кукушка и орел
Орел пожаловал кукушку в соловьи.
Кукушка в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;

Глядит – все прочь летят;
Одни смеются ей, а те ее бранят.
Моя кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к
орлу спешит она.
«Помилуй!» говорит: «по-твоему веленью
Я соловьем здесь названа;
А моему смеяться смеют пенью!»
– «Мой друг!» орел в ответ: «я царь, но я не
Бог:
Нельзя мне от беды твоей тебя избавить,
Кукушку соловьем честить я мог заставить;
Но сделать соловьем кукушки я не мог.
(Крылов).
54. Скворец
У всякого талант есть свой;
Но часто, на успех прельщался чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.
Какой-то смолоду скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился!
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен честью;
Но скворушка услышь, что хвалят соловья –
А скворушка завистлив был, к несчастью –
И думает: «постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел;
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То не путем
Мяукал он котенком;

И, словом, разогнал всех птиц своим пеньем.
Мой милый скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.
(К *рылов).*
55. Два мужика
«Здорово, кум Фаддей!» – «Здорово, кум Егор!»
– «Ну, каково, приятель, поживаешь!»
– «Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег до тла свой двор,
И по миру пошел с тех пор».
– «Как так? Плохая, кум, игрушка!»
– «Да так! О Рождестве была у нас пирушка;
Я со свечей пошел дать корму лошадям:
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заропил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» – «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, Бог:
Ты видишь – я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я, тож, о Рождестве, пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару,
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры калека». –
– «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказал им сват Степап. «Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечею худо,
Да вряд не хуже ль и впотьмах.
(Крылов).
56. Белка
У льва служила белка:
Не знаю, как и чем; но дело только в том,

Что служба белкина угодна перед львом;
Лев.
А угодить на льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз;
Обещан – между тем все время улетает;
А белочка моя нередко голодает
И скалит перед львом зубки свои
сквозь слез.
Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а они,
Орешки, знай себе, щелкают да щелкают.
Но наша белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит – нельзя никак:
На службу льву ее то кличут, то толкают.
Вот белка наконец уж стала и стара,
И льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку белке дали
И, точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор орех к ореху – чудо!
Одно лишь только худо –
Давно зубов у белки нет.
(К *рылов).*
57. Скупой и курица
Скупой теряет все, желая все достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен,
Да рыться лень, так я намерен
Вам басню старую сказать.
Вот что в ребячестве читал я про скупого:
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он курицу имел (как это ни завидно!),
Котора яица несла;
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,

Что понемногу он становится богат;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав курицу, он в ней достанет клад.
Итак, забыв ее к себе благодеянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Ее разрезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из нее простые потроха.
(Крылов).
58. Раздел
Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар,
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «ступайте,
А счеты после мы сведем!»
– «Мне только тысячу мою сперва додайте!»
Шумит другой:
«Я с места не сойду долой».
– «Мне две не додано, а вот тут счеты ясны!»
Еще один кричит. –
«Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что и почему?»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.
В делах, которые гораздо поважней,
Не редко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.
(Крылов).
59. Демьянова уха

– «Соседушка, мой свет!
Пожалуйста покушай!»
– «Соседушка, я сыт по горло».
– «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
– «Я три тарелки съел».
– «И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравие ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да, кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет,
Сбирается с последней силой
И очищает всю.
«Вот друга я люблю!»
Вскричал Демьян:
«Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой,
И с той поры к Демьяну ни ногой.
(Крылов).

60. Тришкин кафтан

*У*Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов
И локти заплатѝл. – Кафтан [122] опять готов,
Лишь на четверть голее руки стали,
Да что до этого печали?

Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка – малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой!
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы. [123] –
Таким же образом видал я иногда, –
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют:
Посмотришь, – в Тришкином кафтане щеголяют. –
(*Крылов).*

61. Осел и соловей

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище;
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье:
Велико ль, подлинно, твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал,
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался:
Внимало все тогда Любимцу и певцу авроры [124] :
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно», говорит: «сказать не ложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что не знаком
Ты с нашим петухом.
Еще бы ты боле навострился,

Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.
Избави Бог и нас от этаких судей!
(Крылов).
62. Ларчик
Случается не редко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.
К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
Так, он и без замка,
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет, и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там». Механик пуще рвется.
Потел, потел, но наконец устал,
От Ларчика отстал,
И как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.
(Крылов).
63. Муравей и зерно
Готовя муравей запас, нашел зерно,
Меж мелкими одно
Весьма большое.
Не муравью бы с ним, казалось, совладать,

Да нет, затеял он и эту ношу взять.
Зерно, он думает, такое
Одно на целую неделю может стать;
И потащил зерно большое.
Дорога вверх горы утесистой была:
Ну, около зерна мой муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лепиться;
Но тяжесть труд перемогла –
И муравья стремглав с утеса сорвала:
Груз в сторону летит, а муравей – в другую.
Не трогая струну людскую,
Мне только муравью хотелось бы сказать,
Чтоб свыше сил не подымать.
(Хемницер).

64. Воробьи и овсянка

Накрывши сетью воробьев,
Мужик им говорил: «Вот я вас всех, воров!
Вы на поле мое летали,
Горох клевали!
Не долго дам теперь сидеть вам в полону –
Всем головы сверну,
И в кашицу... Да ты, овсянка, как попала?»
Овсянка так ему под сетью отвечала:
– Послушай, мужичок, всю истину скажу:
Я с ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня; ничем тебе я не врежу.
Уж ли поступишь так со мной, как с воробьями?
– «Да не помилую, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачем была с плутами?
(Измайлов).

65. Пословицы

а) о труде и праздности

Скучен день до вечера, коли делать нечего. – Без дела, жить, только небо коптить. – Труд кормит, а лень портит. – Бог труды любит. – Хочешь есть калачи, так не сиди на печи. – Стол поставят, так и работать заставят. – Не потрудиться – так и хлеба не родится. – Кто рано встает, тому Бог подает. – Работа да руки – надежные в людях поруки. – Праздность – мать

пороков.

б) об языке и слове

Мал язык, да всем телом владеет. – Язык до Киева доведет. – Много знай, да мало бай. – Не спеши языком, торопись делом. – Ешь калачи, да меньше лепечи. – За правое дело говори смело. – Ласковое слово и кость ломит. – Хлеб-соль ешь, а правду режь. – Умные речи приятно и слушать.

в) о здоровье

Живи просто: проживешь лет со сто. – Здоровье всему голова. – Чистота здоровье сохраняет, а воздержность разум укрепляет. – Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным. – Баня мать вторая. – Привычка вторая натура. – Не все то ешь, что видишь.

Работай до поту, покушаешь в охоту. – Коли хлеба край, так и под елью рай. – Без соли, без хлеба половина обеда. – Сытое брюхо к ученью глухо.

Здоровому врач не надобен. – Боль врача ищет. – У кого что болит, тот о том и говорит. – Больному в еде не верь. – Больному и золотая кровать не поможет. – Кровь отворить – гвоздь в гроб вколотить. – От смерти нет лекарства. – Прежде смерти не должно умирать. – Не по старости мрут, не по молодости живут. – Деньги – мед, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже. – Где пиры да чаи, там и немочи. – Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле.

г) об отношении к чужой собственности

Украсть – в беду попасть. – Хоть с умом воровать, а беде не миновать. – Украдешь песчинку – заплатишь полтинку. – Сколько вору ни воровать, а виселицы не миновать. – По делом вору и мука. – Не тот вор, кто крадет, а тот вор, кто концы хоронит. – Кто украл, у того один грех, а у кого украли, у того десять. [125] – Лучше с убытком торговать, нежели с барышом воровать. – Лучше по миру сбирать, чем чужое взять, – чужое взять – свое потерять. – Краденое порося и в ушах визжит. – Краденое богатство исчезает, как лед тает. – Нашел, да не объявил – все равно, что утаил. – Вор ворует не для прибыли, а для гибели.

д) о терпении

Бог терпел, и нам велел. – Подумаешь – горе; а раздумаешь – воля Господня. – Свет стоит до тьмы, а тьма до свету; не все ненастье, – будет и ведро; не узнав горя, – не узнаешь и радости. – Лихо терпеть, а оттерпится – слюбится. – Не гневи Бога ропотом, а молись Ему шепотом; на Бога положишься – не обложишься (не обманешься); – Бог тучу пронесет и ведро принесет; Бог намочит, Бог и высушит. – Колотись, бейся, а все надейся. – Коли тут житья нет, жди перехода на тот свет. – За

терпенье Бог дает спасение. – Терпенье дает уменье. – Терпя в люди выходят.

Исподволь и сырые дрова загораются. – Капля долбит камень. – Терпение и труд все перетрут. – Терпи, казак, атаман будешь. – Поживи в рабах, будешь и в господах.

е) о грехе, преступлении и наказании

Один Бог без греха. – Кто Богу не грешен, Царю не виноват? – Грех да беда на кого не живет? – От греха не уйдешь, и от беды не упасешься. – Не может человек безгрешным быть в свой век. – Нету дерева, где бы птица не сидела, нету и мужика, кой бы был без греха. – От запада до востока нет человека без порока. – Кто в грехе, тот и в ответе. – Дураку закон не писан. – Старым и больным закон не лежит. – Только тот не ошибается, кто ничего не делает. – Невольный грех живет на всех. – Кто станет доносить, тому головы не сносить. – Невольный грех отпускается. – Кто переносит вести, тому бы на день плетей по двести. – Для разума не много чести, чтобы знать и сказывать лишь вести. – За худые дела слетит и голова. – Кого честь не берет, того палка проймет. – Кнут не мучить, а добру учит. – Кто плут, для того сделан кнут. – Бьют не ради мученья, а ради ученья. – Побьют, так скажи спасибо, что ума дают. – За битого двух небитых дают, да и то не берут. – Повинную голову и меч не сечет. – Карать да миловать – Богу и царю.

ж) о дружбе

Друг и брат великое дело: не скоро его добудешь. – Он не по хорошу мил, а по милу хорош. – Для друга нет круга: и семь верст не околица. – Для милого дружка и сережка из ушка. – Старый друг лучше новых двух. – Свой своему поневоле друг.

з) о том, что не должно завидовать чужому счастью и надо быть довольным своим жребием.

Всяк сверчок знай свой шесток. – Посади свинью за стол: она и ноги на стол. – В чужие сани не садись. – Всякий кулик в своем болоте велик. – Большому кораблю большое и плаванье. – В большом месте сидеть, много ума иметь. – Всякая лисица свой хвост хвалит. – Не все то золото, что блестит. – На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома дворянин. – Выше лба уши не растут.

и) о пользе учения и знания

Науки верней золотой поруки. – Аз да буки, а потом и науки.

Кто больше знает, тому и книги в руки. – Не пером пишут – умом. – Пиши, да не спеши. – Добр конь, да не езжен; дорог парень, да не учен. – Без муки нет и науки. – Одной пчеле Бог с роду дал науку. – Не школа

учит – охота. – Наука не пиво: в рот не вольешь. – Не учась и лаптя не сплетешь.

к) о правде

Всех врунов не переврешь. – Изверишься в игле, не поверять в рубле. – Будь в малом правдив, и в большом станут верить. – Враньем или неправдой весь свет пройдешь, да назад не вернешься.

66. Как сохранить здоровье

Великое благо для всякого человека – здоровье. Как оно дорого, человек только тогда узнает, когда потеряет его. Нет ничего легче потерять здоровье, но вернуть потерянное здоровье часто бывает очень и очень трудно. Кто хочет сберечь здоровье, кто желает прожить долгий век, пусть твердо запомнит следующие правила. Для здоровья и долгой жизни служат –

1. *Чистый воздух.* Избу, в которой живешь, каждый день, и зиму и лето, надо проветривать. Для этого в каждой комнате в окне должна быть форточка. Ходи и работай побольше на свежем воздухе, хотя бы и в дурную погоду.

2. *Чистая свежая вода.* Приучи себя каждый день натощак пить хоть немного воды. Вода очистит тебе желудок и поможет переваривать то, что ты съешь. Днем также чаще пей воду. Водопийцы долго живут, реже хворают и легче переносят болезни. Каждый день, вставая с постели, мой лицо, руки, шею студеной чистой водой, а если можно, то ежедневно обтирай водой и все тело. Это первое лучшее лекарство против множества болезней.

3. *Заботься о чистоте белья и постели.* Непременно, хотя раз в неделю, перемени белье, ходи в баню, и проветривай одеяло, подушки и тюфяк.

4. *Делай побольше движения.* Теперь движеньем тела лечат различные болезни. Кто проводит жизнь в движении, тот всегда здоровее и живет дольше. При работе в движении крепнет и здоровеет тело.

5. *Остерегайся бессонных ночей.* Раньше ложись спать, раньше вставай: будешь гораздо здоровее.

6. *Кушай всегда умеренно и не пей никаких крепких напитков:* помни всегда, что водка есть страшный яд, который более чем наполовину сокращает жизнь человека: помни крепко, что водка дает людям обманчивое удовольствие на час, а заставляет потом страдать недели, месяцы и годы; никогда не забывай, что пьющие водку приучаются к ней постепенно, мало-помалу; берегись, как огня, и одной рюмки; берегись, как злейших твоих врагов, тех людей, которые потчуют тебя

вином и могут навеки погубить твою душу и тело.

7. Лекарствами пользуйся только в крайней нужде, и никогда не обращайся к знахарям, а ищи совета у знающего и разумного доктора.

8. Крови не открывай никогда. Кровь – сила человека. Кровопускание полезно только в крайне редких случаях.

Отдел второй. Мир Божий

1. Божий мир
Стоит величественный дом
На скрытом основании;
Но навсегда остаться в нем
Нельзя, при всем желании.
По непостижным чертежам
Исполнено строение;
В нем светоч вспыхивает сам –
И ярко освещенье.
Покрыт весь дом тот бирюзой [126] ,
Опалами [127] и прочим,
Но незнаком никто земной
С его Великим Зодчим. [128]
(Жуковский).

2. Жаворонок
На солнца темный лес зардел [129] ;
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури [130] жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
«Весна пришла к нам молодая!
Я здесь пою приход весны.
Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я,
И славит Бога песнь моя».
(Жуковский).

3. Весенний гимн
Сладко на солнце дремлю я,
Слышу падение вод,
И надо мною, ликуя,
Пташек поет хоровод.
Легкое ветра дыханье
Всюду несет аромат,
Воздух исполнен сиянья,

Пестрые мушки жужжать,
Кудри дерев расцветают
Роскошью белых цветков,
Пчелы над ними летают
В желтой пыли лепестков.
Чашей сребристой – лилея,
Жук – изумрудом блестит;
Сеть паутины, белея,
В зелени темной висит.
Быстро по сучьям взбегают
Ящериц резвых семьи,
И, шелестя, пропадают, –
Будят меня в забытьи...
Я под крылом у природы
Чист и бесскорбен живу,
Полн первобытной свободы;
Все мне, как сон на яву.
О, Миродержец! Отрадно
Стройность в душе ощутить...
Дай же мне долго и жадно
Жизни до дна не допить!...
(Щербина).

4. Наступление весны

Гонимы вешними [131] лучами
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года [132] ;
Синея, блещут небеса.
Еще прозрачные, леса,
Как будто пухом, зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой [133]
Долины сохнут и пестреют,
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.
(Пушкин).

5. Весна в деревне

По пригоркам, на солнечном припеке, показалась молодая зелень. Погода хорошая; со всхода до заката солнце светит и греет; в небе ни облачка... Речки и ручьи шумно бурлят; луга затоплены; легкий ветерок рябит широкие воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горят они на вешнем солнце.

По деревне стоном стоят голоса... Весенние хлопоты подоспели: кто борону вяжет, кто соху чинить, кто в кузнице сошник перековывает – пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимых полях!

«Поднимайся, рожь зеленая! охрани тебя, матушку, небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещеным людям вдоволь хлебушка!»... молят мужики.

Бабы да девки тоже хлопочут: гряды в огородах копают, семена на солнце размачивают, вокруг коровенок возятся и ждут – не дождутся Егорьева дня [134] , когда на утренней заре святой вербушкой погонять в поле скотинушку, отощалую, истощенную от долгого зимнего холода – голода.

Молодежь работает неустанно, а веселья не забывает. Звонкие песни разливаются по деревне. Парни, девки весну окликают:

Весна, весна красная,
Приходи к нам с радостью!

Ребятишки босиком, в одних рубашонках, по летнему, кишат на улице. Стоном стоят тоненькие детские голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо глядеть на солнышко и, резво прыгая, поют они весеннюю песню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь в окошечко,
Твои детки плачут...
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись!
Радуница пришла!...
Красная горка [135] !...
Веселье-то какое!...

(А. Нечерский).

6. Что ты спишь, мужичок?...

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.
Встань, проснись, подымись,

На себя погляди:
Что ты был, и что стал,
И что есть у тебя?
На гумне – ни снопа;
В закромах – ни зерна;
На дворе – по траве
Хоть шаром покати.
Из клетей – домовой
Сор метлой посмел [136]
И лошадок за долг
По соседям развел,
И под лавкой сундук
Опрокинут лежит,
И, погнувшись, изба
Как старушка стоит.
Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям, и лугам
Золотой рекой;
Со двора и гумна
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!
И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном углу
Было место твое!
А теперь под окном
Ты с бедой сидишь,
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.
А в полях сиротой
Хлеб некошен стоит:
Ветер точит зерно,
Птица клюет его!
Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит;

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.
Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну –
Бражку ковшиком пьют.
(Кольцов).

7. Весной

В старый сад вхожу я. Росинки,
Как алмазы, на листьях горят;
И цветы мне головкой кивают,
Разливая кругом аромат.
Все влечет, веселит мои взоры:
Золотая пчела на цветке,
Разноцветной бабочки крылья
И следы воробья на песке.
За оградой садовой чернеет
Полоса взбороненной земли,
И покрытые соснами горы
Подымаются к небу вдали.
Как любовью и радостью дышит
Вся природа под вешним лучом,
И душа благодарная чует
Здесь присутствие
Бога во всем.
(Плещеев).

8. Вскрытие реки

I. С крыльца нашего подъезда была видна река Белая, и я с нетерпением ожидал, когда она вскроется.

И наконец пришел этот желанный день и час. Торопливо заглянул Евсеич [137] в мою детскую и тревожно-радостным голосом сказал: «Белая тронулась!» Мать позволила, и в одну минуту, тепло-одетый, я уже стоял на крыльце и жадно следил глазами, как шла между неподвижных берегов огромная полоса синего, темного, а иногда и желтого льда.

Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая то несчастная черная корова бегала по ней, как безумная, от одного берега до другого. Стоявшие около меня люди сопровождали жалобными восклицаниями каждое

неудачное движение бегающего животного, которого рев долетал до ушей моих, и мне стало очень его жалко. Река на повороте загибалась за крутой утес, и скрылась за ним дорога и бегающая по ней черная корова.

Вдруг две собаки показались на льду; но их суетливые прыжки возбудили не жалость, а смех в окружающих меня людях, потому что все были уверены, что собаки не утонут, а перепрыгнут или переплывут на берег. Я охотно этому верил и, позабыв бедную корову, сам смеялся вместе с другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожидание, и скоро перебрались на берег.

II. Лед все еще шел крепкой, сплошной, неразрывной бесконечной глыбой. Евсеич, опасаясь сильного и холодного ветра, сказал мне: «пойдем, соколик, в горницу: река еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебе скажу, когда лед начнет трогаться». Я очень неохотно послушался; но за то мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня.

В самом деле, не ближе, как через час, Евсеич пришел сказать мне, что лед на реке ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одевшись еще теплее, я вышел и увидел новую, тоже невиданную мной, картину: лед трескался и ломался на отдельные глыбы; вода всплескивалась между ними; они набегали одна на другую, большая и крепкая затопляла слабейшую, а если встречала сильный упор, то поднималась одним краем вверх, иногда долго плыла в таком положении, иногда обе глыбы разрушались на мелкие куски и с треском погружались в воду. Глухой шум явственно долетал до моих ушей.

(С. Аксаков).

9. Весенний дождь

Еще светло, – под окном
В разрывы облак солнце блещет
воробей своим крылом,
В песке купался, трепещет,
А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.
Две капли брызнули в стекло,
По свежим листьям барабанит.
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло.–

(*А. Фет).*

10. Весна

(Из твор. св. Тихона Задонского)

Видишь, что во время весны все как будто оживляется и вновь отрождается: земля издает из недр своих плоды, деревья одеваются листьями, травы зеленеют и украшаются цветами, которое все во время зимы, как мертвое было; во́ды, замерзшая и покрытая льдом, растаевают и протекают, и вся поднебесная тварь облекается в новый вид и как будто вновь созидается. От сей чувственной весны да возведет вера ум твой к прекрасной и желаемой весне, которую обещал Бог в Писании Своем святом, в которой тела от начала мира усопших верных из земли, как семена, силой Божьей прозябнув, востанут и облекутся в новый, прекрасный вид, оденутся в ризу бессмертия, примут венец доброты от руки Господа, процветут яко финикс, и яко кедр, иже в Ливане, умножатся, насаждени в дому Господни и во дворех Бога нашего [138] , яко невеста украсятся красотой, и яко земля, произрастающая цвет свой, и яко вертоград семена свои, прозябнут; и веселие вечное над главой их, и радостно возрадуются о Господе. [139] Тогда тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие. Тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою. Где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа? [140] Так восхищался духом к желаемой оной весне, сей всякий ныне с верой и надеждой, Божьей помощью, благих трудов семена, да тогда пожнешь с радостью.

11. Наступление лета

До чтения ли, до письма ли было тут, когда душистые черемухи зацветают, когда почки на березах лопаются, когда черные кусты смородины опушаются беловатым пухом распускающихся сморщенных листочков, когда все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми *сон*, лилового, голубого, желтоватого и белого цвета, когда полезут везде из земли свернутые в трубочку травы и завернутые в них головки цветов, когда жаворонки с утра до вечера висят в воздухе над самым двором, рассыпаясь в своих журчащих, однообразных, замирающих в небе песнях, которые хватали меня за сердце, которых я заслушивался до слез; когда Божьи коровки и все букашки выползают на Божий свет, крапивные и желтые бабочки замелькают, шмели и пчелы зажужжат; когда в воде движенье, на земле шум, в воздухе трепет, когда и луч солнца дрожит, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненных начал... А сколько мне было дела, сколько забот! Каждый день надо было раза два побывать в роще и осведомиться, как сидят на яйцах грачи, надо было послушать их докучных криков; надо было посмотреть, как раз-

вертываются листья на сиренях и как выпускают они сизые кисти будущих цветов; как поселяются зорки и малиновки в смородинных и барбарисовых кустах; как муравьиные кучи ожили, зашевелились, как муравьи показались сначала понемногу, а потом высыпали наружу в бесчисленном множестве и принялись за свои работы; как ласточки начали мелькать и нырять под крыши строений в старые свои гнезда; как клохтала наседка, оберегая крошечных цыпляток, и как коршуны кружились, плавали над ними... О, много было дела и заботы мне!...

(Аксаков).

12. Привет лету

Что за раздолье широкое летом!
Все, что таилось, неведомо где,
Вызвано теплым, живительным светом;
Радость, движенье и звуки – везде.
Что за могучая сила родится
В Божьем созданьи! не чудо-ль творится?...
Все обновляется, дышит, поет,
Все пробуждается, счастьем живет.
Вот на воде расширяется круг...
Слышишь, как весело плещется рыбка?
В рощу пойдешь ли, в просторный ли луг –
Звуки везде, и привет, и улыбка...
Песнями полон развесистый сад,
С песнями мошки над озером вьются,
Ржанье коня и блеяние стад
Вечером в звучной дали раздаются...
Все голоса точно слились в один;
Радостный мир так глубоко – спокоен
И, от земли до небесных вершин,
Мирно и счастливо весь он настроен.

(Никитин).

13. Восход солнца

Румяной зарею
Покрылся восток.
В селе за рекою
Потух огонек.
Росой окропились
Цветы на полях.
Стада пробудились

На мягких лугах
Седые туманы
Плывут к облакам.
Гусей караваны [141]
Несутся к лугам
Проснулися люди,
Спешат на поля.
Явилося солнце,
Ликует [142] земля.
(Пушкин).
14. Туча
Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром,
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! пора миновалась:
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская цветочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.
(Пушкин).
15. Летом
Всю щедрую [143] руку Создатель открыл:
И рощи, и нивы богатством залил.
Одеты деревья, одеты кусты,
Кругом по траве запестрели цветы.
Привольно стадам на зеленых лугах;
Привольно и рыбке в прохладных струях.
В садах между листьев желтеют плоды,
И пахаря зреют на нивах труды.
В лугу уж звенит и сверкает коса,
А в рощице птичьи твердят голоса:
«Как славно здесь, мальчик, в прохладной тени!
Иди к нам скорей, на траве отдохни;
Послушай, какую мы песню поем,
Как щедрому лету хвалу воздаем».

«Не лето хвалите», им мальчик сказал:
«Хвалите Того вы, Кто лето нам дал!»
(Из Род. Сл.).

16. На сенокосе

Какой легкий воздух, какой чудесный запах разносился от близкого леса и скошенной травы, изобиловавшей множеством душистых цветов, которые от знойного солнца уже начали вянуть и издавать особенный, приятный ароматический запах. Нетронутая трава стояла стеной, в пояс вышиной, и крестьяне говорили: «что за трава! медведь медведем!»

По зеленым, высоким рядам скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетевшие из леса, где находились их гнезда. Мне сказали, что они подбирают разных букашек, козявок и червячков, которые прежде скрывались в густой траве, а теперь бегали на виду по опрокинутым стеблям растений и по обнаженной земле. Подойдя поближе, я своими глазами удостоверился, что это совершенная правда. Сверх того я заметил, что птица клевала и ягоды. В траве клубника была еще зелена, зато необыкновенно крупна; на открытых же местах она уже поспевала. Из скошенных же рядов мы с отцом набрали по большой кисти таких ягод, из которых иные попадались крупнее обыкновенного ореха; многие из них хотя еще не покраснели, но были уже мягки и вкусны.

Из лесного оврага, на дне которого, лихо журча, бежал маленький родничок, неслось воркованье диких голубей, или горлинок, слышался даже кошачий крик и заунывный стон иволги; звуки эти были так различны, противоположны, что я долго не хотел верить, что это кричит одна и та же миловидная, желтенькая птичка. Изредка раздавался пронзительный трубный голос желны...

Вдруг кобчик вылетел на поляну, высоко взвился и, кружась над косцами, которые выпугивали иногда из травы маленьких птичек, сторожил их появление и падал на них, как молния из облаков. Его быстрота и ловкость были так увлекательны, а участие к бедной птичке так живо, что крестьяне приветствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички, всякий раз, когда она успевала упасть в траву и скрыться в лесу.

(С. Аксаков).

17. Грибы

Слух о груздях, которых уродилось в Потаенном Колке мост – мостом [144] – как выражался старый пчеляк, живший в лесу с своими пчелами, – взволновал тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно ломать грузди. [145] В тот же день, сейчас после обеда,

они решились отправиться в лес, в сопровождены целой девичьей и многих женщин.

Сейчас после обеда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинных дрог и телега. Все запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками из ивовых прутьев. На длинные роспуски и телегу насело столько народу, сколько могло поместиться, а некоторые пошли пешком вперед. Когда отъехали от дому с версту, девушки и женщины запели песни, и сама тетушка им подтягивала. Все были необыкновенно шутливы и веселы, и мне самому стало очень весело. Я мало слыхал песен, и они привели меня в восхищение. Румяная Матреша имела чудесный голос и была запевалой. Когда мы подъехали к лесу, я подбежал к Матреше и похвалил ее прекрасный голос.

Скоро все разбрелись по лесу в разные стороны и скрылись из виду. Лес точно ожил: везде начали раздаваться разные веселые восклицания, ауканье, звонкий смех и одиночные голоса многих песен. Евсеич, тетушка и мой отец, от которого я не отставал ни на пядь, ходили по молодому лесу, неподалеку друг от друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «здесь непременно должны быть грузди: так и пахнет груздями» – и вдруг закричала: «ах, я наступила на них!» Я видел, как она стала на колени и, щупая руками землю под листьями папоротника, вынимала грузди оттуда и клала в свою корзинку. Скоро и мы с отцом нашли гнездо груздей; мы также принялись ощупывать их руками и бережно вынимать из-под пелены прошлогодних полусгнивших листьев, проросших всякими лесными травами и цветами. Отец мой особенно любовался молодыми груздями, говоря мне: «посмотри, Сережа, какие маленькие груздочки! Осторожно снимай их, они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухом снизу-то обросли, и как пахнут!» В самом деле, молоденькие груздочки были как-то очень миловидны и издавали острый запах.

Наконец, побродив по лесу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назад к тому месту, где оставили лошадей, а Евсеич принялся громко кричать: «пора домой! Собирайтесь все к лошадям!» Некоторые голоса ему откликались. Мы не вдруг нашли свои дроги, или роспуски, и еще долее бы их проискали, если б не заслышали издали фырканья и храпенья лошадей.

(С. Аксаков).

18. Сад

I. Расположенный по длинному скату пологого холма, сад состоял из четырех ясно обозначенных отделений. Перед домом, шагов на двести,

расстилался цветник, с песчаными прямыми дорожками, группами акаций и сиреней и круглыми клумбами; налево, до самого гумна, тянулся фруктовый сад, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной, малиной; прямо против дома возвышались большим сплошным четырехугольником липовые скрещенные аллеи. Направо вид преграждался дорогой, заслоненной двойным рядом серебристых тополей; из-за купы плакучих берез виднелась крутая крыша оранжереи.

II. Весь сад нежно зеленел первой красой весеннего расцветания: не было еще слышно летнего, сильного гуденья насекомых; молодые листья лепетали, да зяблики кое-где пели, да две горлинки ворковали все на одном и том же дереве, да куковала одна кукушка, перемещаясь всякий раз, да издалека, из-за мельничного пруда приносился дружный грачиный гам, подобный скрипу множества тележных колес.

(И. *Тургенев).*

19. Урожай

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется.
Разгорался день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор,
Нагустил его
В тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась.
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого...
Ополчается
Громом, бурею,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилася–
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливным дождем,
На земную грудь,
На широкую.
И с горы небес
Глядит солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.
Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою.
За одно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.
Дума первая:
Хлеб из закрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза.
А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.
Третью думушку
Как задумали, –
Богу-Господу
Помолилися.
Чем свет по полю
Все разъехались,
И пошли гулять

Друг за дружкою,
Горстью полною
Хлеб раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать...
Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал Господь
За труды людям.
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли;
Словно Божий гость
На все стороны
Дню веселому
Улыбается;
Ветерок по ней
Плывет-лоснится,
Золотой волной
Разбегается...
Люди семьями
Принялися жать
Косить под корень
Рожь высокую.
В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрипит музыка.
На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.
Видит солнышко –
Жатва кончена:

Холодней оно
Пошло к осени;
Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери.
(Кольцов).

20. На нивах

Легкий ветер в поле чистом
Гнет колосики волной
И по ниве золотистой
Точно стелет пеленой.
Вот гречиха уж поспела,
Кашей темною дрожит,
Вся от солнца загорела,
Не белеет, не блестит.
Зарябелся, зажелтелся,
Словно перышки разнес.
Золотой парчей оделся
Раскудрявленный овес.
Будто солнцу улыбаясь,
На соломке молодой
Дремлет, медленно качаясь,
Ржи колосик золотой.
(Жуковский).

21. Хлебная уборка

Хлебная уборка была во всем разгаре. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синеющим лесом. Все поле было покрыто копнами и народом. В высокой густой ржи виднелись кое-где, на выжатой полосе, согнутая спина жницы, взмах колосьев, когда она перекладывала их между пальцев, женщина в тени, нагнувшаяся над люлькой, и разбросанные снопы по усеянному васильками жнивью; с другой стороны мужики в одних рубашках, стоя на телегах, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю. Староста в сапогах и армяке в накидку, с бирками [146] в руке, сняв свою поярковую [147] шляпу, утирал рыжую голову и бороду платком и покрикивал на баб. Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжанье насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного поту, тысячи различных цветов и теней,

которые разливало палящее солнце по светло-желтому жнивью, синей дали леса и бело-лиловым облакам, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью, – все это я видел, слышал и чувствовал.

(Гр. Л. Толстой).

22. Жители леса

I. На ветвях деревьев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева; пищат рябчики; хрипят вальдшнепы; воркуют каждая по-своему все породы диких голубей; взвизгивают и чокают дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги; стонут рябые кукушки; постукивают, долбя деревья, разноперые дятлы; трубят желны; трещат сойки, свиристели, лесные жаворонки, дубоноски, – и все многочисленное, крылатое, мелкое, певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину утесов. На сучьях и в дуплах деревьев птицы вьют свои гнезда, кладут яйца и выводят детей; для той же цели поселяются в дуплах куницы и белки, враждебные птицам, и шумные рои диких пчел.

II. В чернолесье живут, более или менее постоянно, медведи, волки, зайцы, куницы и белки. Хищные птицы также в лесах выводят детей, устраивая гнезда на главных сучьях у самого древесного ствола, – большие и малые ястреба, луни, белохвостики, копчики и другие. В густой тени лесных трущоб таятся и плодятся совы, сычи и длинноухие филины, плачевный, странный, дикий крик которых в ночное время испугает и непугливого человека, запоздавшего в лесу. Что же мудреного, что народ считает эти крики ауканьем и хохотом лешего?

(С. Аксаков).

23. Осень идет

Уж небо осенью дышало;
Уж реже солнышко блистало;
Короче становился день.
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась.
Ложился на поля туман;
Гусей крикливых караван [148]
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.
Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя конь дорожный
Храпит, и путник осторожный
Несется в гору во весь дух.
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И, в час полуденный, в кружок
Их не зовет его рожок.
(А. Пушкин).
24. Листья
Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели,
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет
Но век не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим,
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Луга побледнели,
Зефиры [149] ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь?
О, буйные ветры,
Скорее! скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим, –
Летите, летите,
Мы с вами летим!
(Ф. Тютчев).

25. Октябрь

Октябрь уж наступил, уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний холод; путь уж промерзает;
Журча еще, бежит за мельницу ручей;
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешил
В отъезшие поля с охотою своей
И страждут озими от бешеной забавы.
И будит лай собак уснувшие дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса!
Люблю я полное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В тени их ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою одеты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.
(А. Пушкин).

26. Осень в деревне

Осень. На дворе холодно; частый дождь превратил улицу в грязную лужу; густой туман затянул село, и едва виднеются ветхие лачуги и обнаженные нивы. Резкий ветер раскачивает ворота и мечет по полям с каким-то заунывным воем груды пожелтевших листьев. Улица пуста – ни живой души. Сизый дымок, вьющийся из низеньких труб избушек, свидетельствует, что никого нет в разброде, что все хозяева дома и расправляют на горячей печке свои продрогшие члены. Все живущее прячется, куда может, лишь бы укрыться от холода и ненастья. Куры и голуби приютились на своих жердочках под навесом, завернув голову под теплое крылышко; воробей забился в мягкое гнездо свое; даже неугомонные Шавки и Жучки комком свернулись под телегами. Каждому готов приют, каждому хорошо и тепло.

(Г. Григорович).

27. Осень

Кроет уж лист золотой

Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.
С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!
Нет мне прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;
Мох не приподнять, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;
Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес.
(Майков).

28. Зима стоит

Зима стоит. Трещат морозы.
Пошли с товарами обозы
По Руси-матушке гулять,
Следы в сугробах прокладать.
Ползет, скрипит дубовый полоз.
Река, болото – всюду мост,
За тысячу и за две верст...
На мужичке белеет волос,
Но весел он!.. Идет, кряхтит,
Казну на подати копит.
Посвистывай теперь на воле,
Холодный ветер, в чистом поле!
Кружись, сердитая метель, –
Стелись, пуховая постель!
(А. Пушкин).

29. Зима

Белый снег пушистый
В воздухе кружится

И на землю тихо
Падает, ложится.
И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Все его одело.
Темный лес, что шапкой
Принакрылся чудной –
И заснул под нею
Крепко, непробудно...
Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы –
И зима настала.
Труженик – крестьянин
Вытащил санишки;
Снеговые горы
Строят ребятишки.
Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи
И избу соломой
Он укрыл снаружи,
Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.
Он теперь покоен –
Все кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.
(Суриков).
30. Первопутье
Зима ... Крестьянин
торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик;
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно.
(А. Пушкин).

31. На воздушном океане

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья
Им не радость, не печаль,
Им в грядущем нет желанья,
Им прошедшего не жаль.
(Лермонтов).

32. Растительный и животный мир

Каждая страна отличается от других своей растительностью и животными, и природа одной местности не похожа на природу других мест.

В холодных странах растительность самая бедная; так, в местностях России, прилегающих к берегам Ледовитого океана, трав почти нет, растут мох да ягоды – клюква и брусника; из деревьев встречаются только

низкорослые стелющиеся по земле березки и можжевельник. Животные холодного пояса также немногочисленны. В холодных морях водится величайший из морских зверей – *кит.*

В умеренном климате [150] растительность гораздо разнообразнее; так, например, в лесах России растут хвойные и

лиственные деревья, на полях сеются различные хлебные растения: рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха; в садах вызревают: яблоки, груши, вишни, сливы и разнообразны ягоды; луга покрываются в летнее время травами и цветами.

Животные здесь также многочисленнее и разнообразнее, чем в холодных странах. Так в лесах России водятся медведи, лоси, волки, лисицы, рыси, зайцы и пр.

Самой богатой растительностью отличаются страны *тропические* с теплым климатом. Здесь растения поражают своим разнообразием, величественным ростом, необыкновенно большими листьями и красивыми цветами. Некоторые деревья достигают там в вышину до шестнадцати сажен, а в толщину

до 10 сажен; в дуплах таких деревьев может поместиться до сотни людей; болотные тростники тропических стран не уступают по величине нашим деревьям. Из деревьев – великанов жаркого пояса особенно замечательны: *финиковые и кокосовые пальмы.* Плоды этих пальм употребляются в пищу,

листья идут на приготовление корзин, тканей, покрышку домов, а стволы на топливо или постройку жилищ. В жарком климате возделывают совсем другие полезные растения, нежели у нас: вместо *ржи и пшеницы – рис* и *маис* (кукуруза), вместо *льна* и *конопли – хлопчатник,* доставляющей *хлопчатую бумагу* или *вату,* вместо *свекловицы – сахарный тростник.* Кроме

того в жарких и теплых странах растет *масличное дерево,* из ягод которого добывают *деревянное масло, ливанские кедры,* доставляющее благовонную смолу – *ладан* и *чайное дерево,* из листьев которого приготовляется чай. Рис, подобно нашим хлебным растениям, сеется на полях или плантациях; он особенно любит сырую почву и в болотистых местностях дает иногда урожай в сам – триста. Хлопчатник также разводится па плантациях. Хлопчатник бывает в вышину около сажени; плод его – коробочка, внутри которой находятся зерна, обросшие тонкими нитями хлопка. Когда плоды созревают, работники вынимают из них хлопок и очищают его от семян. Из хлопка на фабриках выделываются разнообразные хлопчатобумажные ткани. Чайные деревья растут преимущественно в Китае. Это дерево разводят также на плантациях. Три раза в год с чайных деревьев собирают листья. Листья эти подогревают сначала на железных сковородах, а потом рассыпают на рогожи и скатывают в трубочки. В этом виде чайный лист, или чай, и отправляется на продажу.

Не менее разнообразны и замечательны и животные жаркого пояса. В жарких странах водятся *обезьяны,* громадные ящерицы –

*крокодилы*и огромные змеи – *удавы ;*в непроходимых тропических

лесах живут самые разнообразный птицы – *попугаи, райские птицы* , крошечные птички – *колибри;* насекомые

жарких стран также разнообразны; так, например, тамошние *бабочки* поражают своей величиной и красотой крыльев; из жарких стран залетает к нам и та *саранча* , которая опустошает поля южной России. Но самые замечательные звери жаркого пояса: слон, лев и верблюд.

Совокупность всех растений какой-нибудь страны называется *флорой* этой страны, а совокупность всех животных какой-нибудь страны называется *фауной.*

(По кн. «Наше родное»).

33. Осина

Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево – осину, с ее бледно-лиловым пнем и серо-зеленой металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает в воздухе; не люблю я вечное качание ее круглых, неприятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам; она бывает хороша только в ясные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, она приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца, и блестит, и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем, или когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, подхваченный стремлением, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль.

(Тургенев).

34. Береза

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана, она.
Как гроздья винограда
Ветвей концы висят,
И радостен для взгляда
Весь траурный [151] наряд.
Люблю игру денницы [152]
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу с ветвей.

(А. Фет).

35. Могильная сосна

На кладбище, тихо качаясь ,

Росла молодая сосна;
С ней ветер шептался игривый;
Ему отвечала она...
Ее освежал по долине
Чуть слышно текущий поток;
Корням ее – сочную пищу
Дарил золотистый песок.
Гордяся своей красотою
Росла молодая сосна;
Вдруг ветви ее опустились,
Зачахла, завяла она...
«Скажи мне, сосна молодая,
Спросил ее ветер любя,
Зачем ты склонилась уныло?
Скажи, что сгубило тебя?
Иль солнце тебя не ласкает,
Не кормит песок золотой,
Иль буря, не зная пощады,
Шумя пронеслась над тобой?»
Полна безнадежного горя
Сосна отвечала: О нет!
Земля не скупится на пищу:
Повсюду прохлада и свет.
Не буря, шумя на просторе
До срока сгубила мой век:
Корнями вросла я в могилу,
В могилу, где злой человек,
И в сердце холодного трупа
Пустила я корни свои...
То сердце не знало участья,
То сердце не знало любви...
С тех пор я зачахла и вяну,
Померк мой блестящий наряд;
Я гибну, по жилам струится
Тлетворный [153] , губительный яд...
Засохли широкие ветви
Спасенья от гибели нет;
Я к осени кончу страданья,
И вьюга завеет мой след.

(Козлов).

36. На севере дуб одинокий

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и льдяным ковром.
Во сне ему видится пальма,
В далекой, восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале...

(Фет).

37. Яблони

I. Я посадил двести молодых яблонь и три года весной и осенью окапывал их и на зиму завертывал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошел снег, пошел я смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму, кора на них была глянцевитая и налитая: сучки все были целы, и на всех кончиках и на развилинках сидели круглые, как горошинки, цветовые почки. Кое-где уже лопнули распуколки и виднелись алые края цветовых листьев. Я знал, что все распуколки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но, когда я развернул первую яблоню, я увидал, что внизу, над самой землей, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину – как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню, – и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолой и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики, и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двух сот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где сходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки и то все дикие.

II. Кора у деревьев – те же жилы у человека: через жилы кровь ходит по человеку, – и через кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листы и цвет. Можно из дерева выдолбить все нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива – и дерево будет жить: но если кора пропадет, дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, то он умрет, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и береза засыхает, когда ребята продолбят лунку, чтобы пить

сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали от того, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из кореньев в сучья, листья и цвет.

(Гр. Л. Толстой).

38. Подсолнечник

1. Корень у подсолнечника однолетний, крепкий, ветвистый,, усаженный многочисленными мочками; цветом он бел.

2. Стебель от полсажени до сажени и выше, прямо стоящий, наверху иногда ветвистый, толщиной обыкновенно пальца в два; наверху он согнут вниз и вздувается, при переходе в соцветие. Весь стебель подсолнечника покрыт жесткими волосами, а внутри содержит большую сердцевину.

3. Крупные листья, снабженные черенками, расположены на стебле поочередно; по очертании своему и форме они сердцевидны, пильчаты, шероховаты, с лица темно-зеленые, с изнанки бледно-зеленые.

4. Многочисленные цветы подсолнечника сидят на одном общем ложе и окружены общей поволокой, состоящей из листовых чешуй, вследствие чего все они кажутся одним огромным цветком!

5. Плодом подсолнечника бывают семечки пепельно-серого цвета.

6. Подсолнечник родом из Мексики; там из его плодов добывают хорошее масло и муку для хлеба.

7. У нас, в России, разведение подсолнечника идет очень, успешно, особенно в Саратовской губернии, где им засеваются огромные пространства.

8. Наше подсолнечное масло идет даже за границу, а сухими стеблями подсолнечника успешно заменяют в безлесных местностях топливо.

(Из Хрест. Полевого).

39. Что говорит человеку лилия? ***154***

«Я бела, как первый снег: будь и ты чист и светел душой. Росту я открыто: будь и ты откровенен [155] , прост и невинен сердцем. Я всегда обращена к небу и клоню мою головку к солнцу: приклоняй и ты голову на святую молитву, а душой взирай туда, где живет Бог святой и возлюбленный. С неба течет ко мне роса: с неба притечет и к тебе благодать [156] Господня, если ты будешь ждать ее, как я жду росы небесной утро и вечер. Я делю мой душистый запах и мою нужную влагу со всеми, кто хочет: разделяй и ты свои дарования [157] , свои труды и все, что имеешь, с братьями – людьми. Я служила образцом для украшения в храме Соломона: служи и ты по своей чистоте и благочестию примером душевной красоты в церкви Христовой; пусть твои слова, поступки, обращение с людьми будут примером для твоих братий. Смотря на меня,

человек, воспоминай о том, как Господь любить Свою Церковь; всей душой, всем сердцем люби и ты своего Господа».

40. Почка с вишневого дерева

I. Недавно мне было очень грустно и тяжело на душе. Меня мучили заботы. Я не смел надеяться на помощь людей, а до Бога мне казалось далеко. В печальном раздумье вышел я погулять в саду. Не давая себе отчета в том, что я делаю, я сорвал почку с вишневого дерева. Была ранняя весна, все деревья казались голыми, как зимой. Почка эта не могла еще быть весенней почкой. Нет, она родилась еще прошлым летом. И в самом деле, лето ведь не только дает листья, цветы и плоды на один год: оно создает кроме того миллионы почек для будущей весны. Но почка вещь нужная. Мало ли что может случиться с ней в течение целого года! Каково ей осенью, когда холодный ветер качает деревья, и зимой в мороз и непогоду? Почка, которая была у меня в руках, пережила все эти испытания.

«Что делала ты зимой, капелька?» говорил я мысленно, возвращаясь к себе домой.

II. Потом я начал раздавать ее, и мало-помалу я вник в ее тайну.

Как вы думаете, во что была одета почка?

Сперва я снял с нее тринадцать крошечных, чешуйчатых оболочек, похожих на чешуи еловых шишек. Под ними оказалось еще три мягких, плотных оболочки, немного больше первых, а под этими еще три, мягче и плотнее первых. Итого: шесть одеял и тринадцать покрышек! Понятно, что почке тепло под ними!

Что же, думаете, нашел я между двумя из этих одеял?

Крошечное насекомое, шириной в волос, вдруг побежало по моей руке в ту минуту, когда я, развернув оболочки, невольно разбудил его от зимнего сна. Заботливая мать уложила его летом в теплую постельку, и оно спокойно проспало много месяцев, между тем как другие, побольше и посильнее его, погибали от холода.

А под всеми этими одеяльцами спали настоящие почки, три маленькие зародыша, из которых летом образовались бы цветы, а позднее, в июле, сладкие вишни... Они были похожи на спящих малюток. Им не пришла еще пора встать. Не мне, ведь, следовало бы разбудить их, а теплому, светлому солнцу, которое уже начало согревать природу и готовило радостный прием своим любимым детям. Мне стало жалко, что я не дал им выспаться вдоволь. Но так как я уж раз растревожил их, мне захотелось еще ближе рассмотреть моих красоток: я развернул последнюю оболочку, и что же я увидел? Тут хранились белые,

прозрачные лепестки, украшенные нежной сетью розовых жилок, а в самой середке пучок золотых стебельков – будущие пестики и тычинки цветка. Этих стебельков было тридцать пять. Все они были готовы развернуться, и в свое время образовать красный, сочный плод.

III. Кто бы мог подумать, что в скромной, невзрачной почке скрывается целый мир, полный жизни и красоты! Кто бы мог себе представить это множество разнообразных частей, и всю эту прелесть и это совершенство! И не одна, а тысячи таких дивных почек виднеются на обнаженных ветвях наших деревьев! Я долго смотрел из окна, думая об этих бесчисленных, на вид безжизненных созданиях. Небесный Отец не забывает ни одного из них. Неужели же Он забудет меня? Нет, нет и ко мне скоро придет светлое солнышко, и я тоже согреюсь и развернусь под влиянием его отрадных лучей!

41. Каменный уголь

I. В темном лесу, на глубоком, черном болоте, стояло большое дерево: на нем росли только сучья да листья, а цветов и плодов на нем вовсе не было. Ни одна птичка не жила на этом дереве и не вила гнездышка; в целом лесу не было ни одной белки. Только комары да мухи жужжали там в сыром воздухе. Глухо и пусто было в этом болотистом лесу. Дерево мало-помалу состарилось; корни его погнили. Вот подул ветер и пошатнул ствол; дерево упало и погрязло в черном болоте. Через него переползали большие ящерицы. Его покрыла грязная, илистая вода. – Волны наносили на него песку и глины и зарывали все глубже и глубже. Зеленые листья его почернели и сгнили, а ствол был до того сдавлен тяжелым слоем песку и тины, что дерево стало твердо, как камень.

То же самое случилось и с соседними деревьями. Прошло несколько сот лет. Болото понемногу занесло землей, и оно высохло. На нем поселились люди, развели сады и поля, построили город и деревни. Никто и не знал, что под ними глубоко в земле были зарыты мертвые деревья.

II. Раз как-то рудокопы вырыли в земле большую глубокую яму – шахту. Они искали в земле благородных металлов, а нашли черный зарытый лес. «А! каменный уголь! Ну, в добрый час!» радостно, воскликнули они и сообщили о находке другим людям. Скоро мертвые деревья опять очутились над землей, под лучами красного солнышка, и снова начали жить, но конечно, уже совсем иначе, нежели жили прежде.

Один кусок древесного ствола попал на кухню: его разожгли и, таким образом, при его помощи сварили суп, зажарили мясо и испекли

пирожное. Другой кусок попал в комнату, в угольную корзину, которая стояла у камина. Бабушка развела в комнате огонь и положила туда этот кусок; дети смотрели, как он загорелся и ярко запылал, освещая всю комнату. Понемногу он нагрел комнату, хотя на дворе в это время свистел резкий, холодный ветер, и деревья трещали от мороза. Третий кусок попал на газовую фабрику. Там его раскалили в плотно закрытом котле и превратили в горючий воздух. Этот горючий воздух, или светильный газ, провели под землей, по длинным чугунным трубам, в уличные фонари и в некоторые дома. Там его зажгли, и в самые темные ночи на улицах и в комнатах стало светло. Газ горит светлее всякой свечки и лампы. Четвертый кусок каменного угля попал на железную дорогу, в паровоз. Затопили печку паровоза; он зашумел, запыхтел, и весь поезд быстро понесся из города в город и повез с собой множество людей и поклажи.

Остался еще один кусок от черного древесного ствола: он был особенно тверд и блестящ. Из него токарь сделал красивые, черные, блестящие пуговицы для нового платья мальчика; они блестят на солнце, как настоящие драгоценные камни.

(*Из «Пер. раз. из ест. ист.». Вагнера).*

42. Сажа

I. В темном лесу стоит маленькая хижина; каждое утро с восходом солнца отворяется ее низкая дверь, и из нее выходит человек. На нем темное платье, на голове черная шляпа, а за спиной большой мешок. Для чего ему этот мешок? Что он положит в него? и что вообще он тут делает?

Человек этот собирает щепки и опилки, оставшиеся после рубки деревь. Он собирает отпавшие куски коры и иглы хвойных деревь; он не прихотлив и довольствуется разным сором и древесными остатками, которыми пренебрегают другие дровосеки.

Все это он прячет в свой мешок и уносит с собой в хижину. Возле хижины он сложил из камней печку с высокой, дымовой трубой. На верхнее отверстие трубы человек этот надевает длинный, широкий мешок. Все то, что он набрал в лесу: корни, иглы и проч., он кладет в печь и зажигает их. Тяга в печке слаба. Воздуха мало проходит в нее; поэтому весь этот сор горит не ярким, светлым пламенем, а медленно тлеет и дает много густого и темного дыма. Дым проходить по трубе в мешок; здесь он садится на стенки мешка мохнатыми хлопьями в виде черной сажи.

II. Пока печка топится человек сколачивает из тонких дощечек маленькие бочки и связывает их небольшими деревянными обручами.

Сняв с трубы мешок, он вытряхает из него сажу в эти бочонки и заколачивает их сверху маленькими деревянными крышками. При такой работе он, конечно, становится черен, как трубочист.

Когда ему удастся наполнить сажей несколько больших и малых бочек, он сваливает их на тележку и отвозить их в город. Здесь ее покупает всякий, кому нужна черная краска.

Обойщик печатает ей на обоях рисунки. Красильщик смешивает ее с гумми-арабиком в густое тесто, режет, и кладет в формы – и получает черную краску, которую и кладет в ящик с красками. Ей раскрашивают дети бороды и усы солдатам на картинках. Каменщики употребляют ее для раскрашивания стен. Типографщики делают из нее черную краску и печатают ей картины и книги. Даже сапожнику нужна эта сажа для приготовления ваксы.

(*Из Детск. чт.).*

43. Наши хлебные растения

Если мы в половине лета выйдем на поле где-нибудь возле Москвы, то наверное залюбуемся, как волнуются и точно бегут по отлогим холмам разноцветные полосы хлебов. Здесь желтеет густая рожь, там синеет еще недозревший овес, возле кланяется до земли усатый ячмень; а за ним, подальше от дороги, зеленеет курчавый горох.

Пойдем осторожнее по межам и рассмотрим поближе, что растет на каждой ниве. С первого же взгляда заметим мы, что все эти растения, кроме гороха, похожи одно на другое и своими коленчатыми соломинками, пустыми в середине, и своими длинными узкими листьями, с продольными жилками, и своими корнями в виде пучка ниток, и, наконец, своими колосьями, хотя у ячменя колос с такими длинными усами, каких нет у ржи, а у овса рассыпался метелкой. Только курчавый горох принадлежит к другой семье растений: и листья у него не такие, круглее, и жилки на листьях расползаются во все стороны, и зернышки спрятаны в стручья, как у бобов; а хорошенький синеватый или розоватый цветочек похож на мотылька с поднятыми крылышками.

Если бы мы вышли на поле где-нибудь по южнее, в Малороссии, то увидали бы еще более разнообразия. Здесь, возле ржи и овса, огромные поля покрывает пшеница, с толстыми, будто гранеными колосьями и тучным зерном; просо, со своими метелками, наклоняющимися почти до земли, и гречиха с красными стебельками и бело-розовыми цветочками. Рассмотрим эти хлебные растения и найдем, что пшеница и просо, по форме своих листьев и соломинок, принадлежать к одному семейству с рожью. Одна

только гречиха со своими бело-розовыми цветами, своими трехугольными зернами и вьющимся корнем, принадлежит к другому отделу растений.

Для жителя средних губерний России нет растения милее ржи; он не даром зовет ее своей кормилицей и говорит, *что рожь кормит всех сплошь, а пшеничка – по выбору, и что аржаной хлебушка пшеничному калачу дедушка* . Но в южной черноземной полосе России сеют больше пшеницу и развозят ее оттуда по всем губерниям, вывозят и в чужие государства.

(Из «Детского мира» Ушинского).

44. Три пальмы

В песчаных степях Аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.
И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый, из чуждой земли,
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей [158] зеленой;
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать.
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взор?
Не нрав твой, о небо, святой приговор»...
И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки [159] ;
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.
Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке [160] наклоня,

Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фарѝса [161] вились в беспорядке;
И с криком, и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.
Вот к пальмам подходит, шумя, караван;
В тени их веселый раскинулся стан;
Кувшины, звуча, налилися водою,
И гордо кивая махровой [162] главою
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.
Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий! [163]
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.
Когда же на запад умчался туман,
Урочный [164] свой путь совершал караван –
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло...
(Лермонтов).

45. Когда волнуется желтеющая нива

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу [165]
Про мирный край, откуда мчится он:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.
(М. Лермонтов).

46. Сад в деревне Плюшкина

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный [166] ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей, или грозой, подымался из этой зеленой гущи, и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивался к верху вместо капители [167] , темнел на снежной белизне его, как шапка, или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбежал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев, или же висел на воздухе, завязав кольцами свои тонкие, цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее как темная пасть; оно было все окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его бежавшая, узкая дорожка, обрушенные перилла, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиной вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, наконец молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы – листы, под один из которых забравшись Бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада несколько высокорослых не вровень другим осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную

правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и дает чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

(Н. Гоголь)

47. Лес

Что дремучий лес
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова – силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою, –
Ты стоишь – поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей – бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал –
И развеял в прах.
Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь – поник –
И не ратуешь...
Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль – было –
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...
У тебя ль – было –
Дни –роскошество,
Друг и не друг твой
Прохлаждаются...
У тебя ль – было,
Поздно вечером,

Грозно с бурею
Разговор пойдет:
Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром, холодом.
И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»
Закружить она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя;
Зашатаешься;
Встрепенувшися,
Разбушуешься,
Только свист кругом
Голоса и гул.
Буря всплачется
Лешим – ведьмою
И несет свои
Тучи за море.
Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь
Затуманился...
Одичал, замолк,
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...
Так-то темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.
Знать во время сна

К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.
С богатырских плеч
Сняли голову –
Не большой горой,
А соломинкой. –
(Кольцов). Текст лучше проверить по оригиналу…

48. Дерево

Все деревья имеют две главные части: нижнюю, под землей, и верхнюю, над землей. Нижняя, подземная часть дерева называется *корнем*, а верхняя, растущая над землей, *стволом*. Ствол приносит большую пользу человеку, нежели корень, и имеет наибольшую ценность: он идет на топливо, на постройку жилых и служебных строений и на разные поделки. Ствол не во всю длину дерева одинаково толст; часто мы видим деревья с слабой, тонко-ветвистой вершиной. Если мы разрежем ствол дерева поперек, то увидим, что площадь разреза имеет большее или меньшее число правильных кругов, и они не везде одинакового цвета. Круги эти называют годичными слоями; по числу их определяют лета дерева. Ближайшие к коре слои бывают несколько светлее и белее, чем слои внутренние, и уступают им в твердости и прочности. Эти более светлые и ближайшие к коре слои называются *оболоней* или *болоньей,* а те, внутренние – *древесиной.* В постройках, требующих крепкого и прочного леса, оболонь *всегда* стесывают. Последний слой болони, лежащий подле самой коры дерева, называют *заболоней;* она, образуясь от исходящего сока, весной бывает в виде слизи и твердеет только к осени. Вот почему так легко бывает отделять кору от дерева весной. Самые внешние слои разреза, облегающие дерево, называют *корой*, – ближайшие к древесине – *лубом*, а у молодых дерев – *лыком;* следовательно, луб и кора не одно и то же. Итак, рассматривая дерево, мы видим, что лубом и лыком называют внутренние молодые слои коры, а заболоней и болоньей – молодые слои древесины.

49. Пожар

В одну минуту пламя охватило весь дом. Полы затрещали, посыпались; пылающие бревна стали падать; красный дым вился над кровлей.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь. Искры полетели огненной метелей, избы загорелись.

Новое явление привлекло всеобщее внимание: кошка бегала по кровле

пылающего сарая, не доразумевая, куда прыгнуть. Со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное с жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние. «Чему смеетесь, бесенята?» сказал кузнец: «Бога вы не боитесь: Божья тварь погибает, а вы сдуру радуетесь!» И поставив лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкой. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей слез вниз.

(А. Пушкин).

50. Птичка

«Ах, зачем, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края!
Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камыш сухой и желтый
Клонит ветер до земли.
Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра;
Скучно! Холодно!
Как будто
Не весенняя пора».
– Не для солнца, не для неба
Прилетела я сюда:
В камышах сухих и звонких
Не совью себе гнезда.
Я совью его под кровлей
Горемыки бедняка;
Богом я ему в отраду
Послана издалека.
В час как он, вернувшись с поля
В хату ветхую свою,
Ляжет грустный на солому,
Песню я ему спою.
Для него я эту песню
Принесла из-за морей.
Никогда ее не пела
Для счастливых я людей.

В ней поведаю я много
Про иной, чудесный свет:
Где ни бедных, ни богатых,
Ни тревог, ни горя нет.
Эта песня примиренье
В грудь усталую прольет,
И с надеждою на Бога
Бедный труженик заснет.
(Плещеев).

51. Капустная бабочка

Мальчик поймал на огороде беленькую бабочку и принес к отцу.

– Это превредная бабочка, сказал отец: если их разведется много, то пропадет наша капуста.

– Неужели эта бабочка такая жадная? – спрашивает мальчик.

– Не самая бабочка, а ее гусеница, – отвечал отец: бабочка эта нанесет крохотных яичек, а из яичек выползут

(Р. Сл.)

52. Птичий двор

Подойдя к окну, Чичиков начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере, находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью. Индюшкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами, потряхивая гребнем и поворачивая голову на бок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же; разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком. Этот небольшой дворик, или курятник, преграждал дощатый забор, за которым тянулись пространные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочим хозяйственным овощем. По огороду были разбросаны кое-где яблони и другие фруктовые деревья, покрытые сетями для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое; для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах, с распростертыми руками; на одном из них надет был чепец самой хозяйки. За огородами следовали крестьянская избы, которые хотя были выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы, но показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы как следует: изветшавший тес на крышах везде был заменен новым; ворота нигде не покосились; а в крестьянских крытых сараях видно было – где стоявшую

запасную, почти новую телегу, а где и две.

(Н. Гоголь).

53. Голубь

Голубь с незапамятных времен служит эмблемой [168] чистоты, кротости и любви, – и не напрасно: все эти три качества принадлежат ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми ветхо и новозаветными словами. Любовь голубя к голубке и общая их нежность к детям признаны всем народом русским и засвидетельствованы его песнями и поговорками: слова ласки и сожаления: «голубчик» и «голубушка», постоянно слышны в речах простого народа. Хотят ли сказать, как ладно живет муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, – непременно скажут: «Они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушие или доброту, говорят: «У него голубиная душа». Сострадая чужой беде, всякая крестьянка скажет: «Ох, моя голубушка, натерпелась она горя». Самая наружность голубя выражает его качества: как он всегда чист и опрятен, как соразмерны все части его тела, какая круглота, мягкость в очертаниях его фигуры! Во всех движениях нет ничего порывистого, резкого: все так кротко, спокойно, грациозно. [169] Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей и питает к ним особенную любовь. Русских голубей, без сомнения, переродившихся из диких, многие домохозяева кормят хлебными зернами, ставят им полки для гнезд, и всякий хозяин считает благоприятным знаком, если голуби хорошо ведутся у него на дворе. Крестьяне никогда не едят голубей, и во многих деревнях не позволяют их стрелять.

(С. Аксаков).

54. Пени е соловья

Соловьи у нас здесь [170] дрянные: поют дурно, понять ничего нельзя, все колена мешают, трещать, спешат; а то вот еще у них самая гадкая есть штука: сделает эдак **тру** и вдруг: **ви** ! – эдак визгнет, словно в воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станет. Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, – а колена вот какие бывают:

Первое: пульканье – эдак: **пуль, пуль, пуль, пуль** ... Второе: мыканье – **клы, клы, клы,** как желна... Третье: дробь – выходит, примерно, как по земле разом дробь просыпят. Четвертое: раскат – **трррррр** ... Пятое: пленкание – почти понять можно: **плень, плень, плень** . Шестое: лешева дудка – этак протяжно: **го-го–го-го–го** , а там коротко: **ту!** Седьмое: кукушкин перелет. Самое редкое колено; я только два раза в жизни его

слыхивал – и оба раза в Тимском уезде. Кукушка, когда полетит, таким манером кричит. Сильный такой, звонкий свист. Восьмое: гусачек: **га-га-га-га** ... У Малоархангельских соловьев хорошо это колено выходит. Девятое: юлиная стукотня. Как юла, – есть птица, на жаворонка похожая, – или как вот органчики бывают, – эдакий круглый свист: **фюиюиюиюю** ... Десятое: почин – эдак: **ти-и-вить** , – нежно малиновкой. Это, по-настоящему, не колено, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего, нотного соловья, оно еще вот как бывает: начнет **тии – вить** – а там: **тук!** Это оттолочкой называется. Потом опять – **тии – вить... тук** ! **тук** ! Два раза оттолочка – и в пол-удара, эдак лучше; в третий раз **тии – вить –** да как рассыплет вдруг, дробью или раскатом – едва на ногах устоишь – обожжет! Эдакой соловей называется с ударом или с оттолочкой.

У хорошего соловья каждое колено длинно выходит, отчетливо, сильно; чем отчетливей, тем длинней. Дурной спешит: сделал колено, отрубил скорее и другое, и – смешался. Дурак-дураком и остался. А хороший – нет! Рассудительно поет, правильно. Примется какое-нибудь колено чесать – не сойдет с него до истомы, проберет хоть кого. Иной даже с оборотом – так длинен; пустит, например, колено – дробь что ли, – сперва книзу, а потом опять в гору, словно кругом себя окружит, как каретное колесо перекатит – надо так сказать. Одного я такого слышал у Мценского купца Ш-ва; вот был соловей! В Петербурге за 1200 рублей ассигнацией был продан.

(И. Тургенев).

55. Соль

Соль есть минерал [171] ; она и добывается из морской воды, и выкапывается из земли.

Возьмите стакан воды и насыпьте туда соли: она сейчас же распустится, и, посмотрев на воду, нельзя будет догадаться, что в стакане, кроме воды, есть и соль; но стоит только попробовать, и вы по соленому вкусу воды сейчас же узнаете, что она содержит в себе соль. Поставьте эту воду куда-нибудь и оставьте ее: через некоторое время вся вода испарится, и на дне стакана останутся очень маленькие прозрачные камушки, называемые кристалликами, образовавшиеся из брошенной вами в сосуд соли; она-то по испарению воды и преобразовалась в эти кристаллики.

II. Морская вода содержит в себе довольно соли в распущенном виде; вот как добывают соль из морской воды:

Около моря выкапывают мелкие пруды, куда и впускают морскую воду, после чего закапывают канаву, которая проводила воду из моря.

Пруды эти мало-помалу высыхают, и на их дне остаются такие же кристаллики, как и в нашем стакане; но в него вы насыпали совсем чистую, уже приготовленную для употребления соль; кристаллики же, образующееся на дне прудов, еще не чистая соль: ее нужно прежде очистить, выварить, что делается в соляных варницах; после того она уже может быть употреблена в дело.

Не одна морская вода содержит в себе соль; есть и озера и ключи с соленой водой; но для добывания соли и из этой воды поступают таким же образом.

III. Сказано было, что соль кроме морской воды добывается еще и из земли: но здесь она в твердом виде, и находится на довольно значительном расстоянии от поверхности земли; чтобы ее достать, нужно раскапывать землю и откалывать ее кусками, потому что она обыкновенно составляет одну сплошную массу. [172]

Такая твердая, каменная соль добывается у нас, в России, главным образом в Илецкой Защите, в Оренбургской губернии; есть у нас и озера с соленой водой; из них самое замечательное – Эльтон в Саратовской губернии.

IV. Соль полезна не только как приправа кушанья, где она, улучшая вкус, необходима для здоровья; но солью же сохраняют в прок мясо различных животных и птиц, различные плоды и растения; если бы их не посолить, то они бы испортились и пропали даром.

(Из «Перв. кн. д. чт.» Паульс.)

56. Аспидная доска

I. Гора состояла из многих твердых каменных пород: кремня, глины, железа и друг. На ней росли деревья и трава. Зимой мороз, а летом солнце, дождь и ветер подмачивали горные скалы. Они крошились и растирались в мелкий пыльный порошок. Листья и стебли разлагались и превращались также в черный порошок. Ветер уносил порошок в долину, а дождь смывал его, и уносил сначала в горный поток, а потом в ручей. И тот и другой делались от этого и мутны, и грязны.

II. Эти мутные воды сбегали в долину и далее по ней в озеро. Весело развились в них рыбы. Но в озере вода стояла спокойно. Здесь она отдыхает от своей работы и быстрого бега: и все мутные частички оседают на дно. Там на дне образуется слой темного ила. В нем копошится целый мир разных червей и слизняков. Гора, между тем, становилась с каждым годом все меньше и меньше. На дно озера ложился каждый год новый слой ила. Озеро становилось все мельче и мельче. Новый ил еще очень рыхл и мягок, а старый становился все тверже и тверже. Мелкие частички

его крепче и крепче соединялись между собой и образовали плотные, твердые слои, лежавшие друг на друге, как листья в большой книге. Таким образом из мягкого, озерного ила образовался крепкий, плотный аспид, и, смотря на него, никто не подумает, что он образовался из обратившейся в порошок глины, кремня, железа и травы.

III. Со временем от большой горы остался только маленький холмик, озеро высохло, а его воды утекли в море. На аспиде старой озерной почвы выросли новые деревья и травы, и люди выстроили на ней свои хижины.

Но вот пришли землекопы и стали рыть глубокие шахты. [173] Они выламывали аспидные пласты большими кусками и выносили их наверх, на свет и воздух. Одни отделяли их широкими молотами на тонкие слои, резали по линейке острым ножом и придавали им четырехугольную форму; другие сглаживали их сначала резцами, затем полировали песчинками и водой; третьи отполировывали их угольным порошком и маслом, а четвертые вкладывали их в аккуратные, деревянные рамы. Так были изготовлены твоя и многие другие аспидные доски.

(Из «Пер. раз. из ест. ист.» Г. Вагнера).

57. Тепло

1. Отчего на чугунке кладут рельсы так, чтобы концы не сходились с концами?

Оттого, что зимой железо от холода сжимается, а летом от жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы с концами, они бы летом растянулись, уперлись бы друг в друга и поднялись.

2. Отчего стакан лопается, если нальешь в него кипяток?

Оттого, что то место, где кипяток, разогревается, растягивается, а то место, где нет кипятка, остается по-прежнему: внизу тянет стакан врозь, а вверху не пускает, и он лопается.

От тепла все раздается, расширяется, а от холода все сжимается.

(Л. Толстой).

58. Куда девается вода из моря?

I. Из родников, ключей и болот вода течет в ручьи, из ручьев в речки, из речек в большие реки, а из больших рек течет в моря. С других сторон в моря текут другие реки, и все реки текут в моря с тех пор, как мир сотворен.

II. Куда девается вода из моря? Отчего она не течет через край?

Вода из моря поднимается туманом; туман поднимается выше, потом из тумана делаются тучи. Тучи гонит ветром и разносит по земле. Из туч вода падает на землю. С земли стекает в болота и ручьи. Из ручьев течет в

реки; из рек в море. Из моря опять вода поднимается в тучи; тучи разносятся по земле.

(Гр. Л. Толстой).

59. Когда сохнет вода, что делается с этой водой?

От тепла все вещи раздаются. Вода от тепла раздается и вся расходится на такие маленькие частички, что их глазом не видать, и уходит в воздух. Частички эти – *пары,* носятся в воздухе, и их не видно, покуда воздух тепел. Но остуди воздух – и сейчас пар остынет и станет виден.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдет паром и будет сухо. Поддай еще – вода опять разойдется. Если баня горяча, летучей воды разойдется в воздухе ушат. Ушат воды будет стоять в горячем воздухе бани, и его не будет видно. Воздух бани впитает в себя весь ушат. Но если станешь еще поддавать, то воздух напитается и не станет больше принимать воды, а лишняя вода потечет каплями. Один ушат будет держаться, а лишняя вода вытечет.

(Гр. Л. Толстой).

60. Сырость

Отчего зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимой дерево насытится водой, как губка, и его разопрет, а летом вода выйдет паром, и оно съежится.

Отчего слабое дерево – осина больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве – дубе, пустого места меньше и воде некуда набираться, а в слабом дереве – осине пустого места больше и воде есть куда набраться. В гнилом дереве еще больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчел делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие ульи бывают из гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух, и для пчел в такой колоде воздух легче.

(Гр. Л. Толстой).

61. Можно ли словить воздух?

Видал ли ты воздух? Он везде около тебя, а ты его не видишь. А можно ли слышать, как шумит воздух? Вот, ветер загудел в трубе и свистит во всякой щели дома. Что же такое ветер? Это воздух, который двигается, бежит с места на место. Чуть воздух побежит, ударится обо что-нибудь, и слышен шум, свист, трубишь ли ты в рожок, или играешь на дудочке, или машешь хлыстом. Склей себе из бумаги закрытый мешочек, да в маленькую дырочку надуй его и потом ударь по

нем кулаком, твой мешочек громко щелкнет и разорвется. Это вырвался из него воздух, который ты нагнал изо рта. Когда ты бежишь, то чувствуешь, как воздух ударяется тебе в лицо. Значит, и ловить воздух нечего, потому что он везде с тобой, и ты им дышишь. Окунись с головой в воду, везде вокруг тебя будет вода. Так и воздух со всех сторон тебя окружает, да еще входит тебе и в грудь, и в желудок.

(Водовозов).

62. Горизонт

Если мы выйдем в открытое место, то увидим вокруг себя большое пространство земли, ограниченное кругом, в средине которого мы будем стоять сами, и нам будет казаться, что на краях его небо сходится с землею. На самом деле, небо нигде не сходится с землей; люди отправлялись все в одну сторону, и приезжали на то же место с другой стороны. Видимое нами кругом себя пространство называется нашим к *ругозором* или *горизонтом.*

63. Страны света

Утром, когда начинает рассветать, одна сторона неба делается красной: это утренняя заря. Затем, из-за края неба, т.е. *из-за горизонта* , появляются яркие золотые лучи и немного погодя выплывает, восходит красное солнышко. То место, *та точка горизонта*, где *солнце восходит,* называется востоком.

Вечером солнце приходит на противоположную сторону неба, спускается все ниже и ниже, и наконец заходит *за горизонт. То место горизонта, та точка горизонта, где, солнце заходит (западает), называется западом.*

Если стать лицом к востоку, то *направо от востока будет та точка горизонта, которая называется югом.*

*Налево*от востока будет четвертая главная точка горизонта – *север.*

Точки горизонта: восток, запад, юг и север называются главными *странами света.*

64. Вселенная

I. Земля, на которой мы живем, и все, что есть на земле, и все небо с солнцем, луной (месяцем) и звездами – все это вместе называется миром, вселенной или природой.

II. Земля, как и луна, которая меньше земли в пятьдесят раз и отстоит от нее на 350 тысяч верст, имеет форму огромного шара. Кругосветные путешественники, выехавши из какого-нибудь места и держась в своем пути постоянно одного и того же направления, возвращались в то же место, откуда выехали, но только с противоположной стороны. Это

возможно только при шаровидности земли.

Горы, долины и другие неровности, встречающаяся на земле, не мешают ей иметь вид шара, подобно тому, как песчинки и маленькие бугорки, находящееся на поверхности большого мяча, не мешают ему быть шаром.

III. Велика земля, на которой мы живем: поперечник земли 12.000 верст, а окружность ее равняется 36.000 верст. Но посмотри в звездную ночь на небо и пересчитай, если можешь, «сколько на нем звезд. А каждая звезда во много раз больше земли, только так далека от нас, что нужны целые годы, десятки и даже сотни лет, чтобы полетом птицы долететь до ближайших к нам звезд.

IV. Но если сравнить землю с солнцем, то окажется, что земля – песчинка в сравнении с ним. Ученые узнали, что солнце есть шар, величина которого равняется 1.400.000 таких шаров, как земля, которая отстоит от него на 140 миллионов верст.

V. Подумай же, как неизмеримо могущество Бога, который одним словом сотворил все бесчисленное множество светил небесных и все сотворенное содержит в своей власти, подумай с умилением и восклицай с святым царем и пророком Давидом: «Велий Господь наш, и велия крепость Его и разума Его несть числа!».

65. Какие мысли и чувства должны пробуждаться у христианина при взгляде на небо!

Когда взглянешь на небо, бесчисленными звездами усыпанное, вознесись мыслью твоей к Творцу твоему! Возвеличи имя Его, Отца вселенной! Он дал законы всем этим бесчисленным звездам, поставил каждую на своем месте и назначил им определенные пути для их движения. Он дал и тебе свой закон через Сына Своего, Господа Спасителя нашего Иисуса Христа. Исполняй же этот закон, не уклоняясь от него, как исполняют свой закон солнце и луна, и звезды небесные. Когда утром, восстав от сна, узришь на востоке великое светило, которое по воле премудрого и всеблагого Бога, освещает и согревает землю, дает ей жизнь и изобилие земных плодов, ты вместе с св. церковью воспой Богу, показавшему нам свет: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение! Хвалим Тя, благословим Тя, кланяемтися, славословим Тя!»... Поюще Богу, очисти твое сердце от зверских похотей, от гнева, зависти, лукавства, люби ближних твоих, как и Отец небесный, посылающий солнце Свое и дождь Свой на праведных и неправедных, Который: всегда милует и щедрит, Который веселит сердца наши и, посылая скорби, не перестает любить нас, вразумляя нас, чтобы мы не

возгордились, не возносились, не забыли о Нем, Творце нашем!

Горний мир, звездное небо пусть напомнят тебе, христианин, твою будущую загробную жизнь и сладкие слова Спасителя: *«В дому Отца Моего обители многи суть»* (Ин.14:2). Есть где успокоиться бессмертным душам нашим для вечного созерцания чудес Божьих и вечного наслаждения теми благами, которых, по слову апостола, не видел глаз, не слышало ухо, которые не взошли на сердце человека (1Кор.9), и которые Бог уготовал любящим Его.

(По статьи, Протоиерея И. Наумовича: «Божий мир»).

Отдел третий. Родина

1. Русское государство

Наше русское царство, обширнейшее из всех государств на свете, называется Российской империей и управляется Самодержавным Государем Императором.

Россия разделена на губернии; в каждой губернии есть губернский город и несколько уездных.

Губернией управляет губернатор, которого назначает Государь. В уездах наблюдают за порядками уездные исправники.

Уезды разделены на станы, а станы на волости.

За порядком в волости наблюдает волостной старшина, которого выбирают жители сел на сходках.

Для того, чтобы судить, т.е. разбирать тяжбы и обвинения, установлены разные суды: волостные, мировые и окружные.

Для заведования общественным хозяйством в городах и уездах установлены думы, земские собрания, земские и городские управы.

Думы и земства должны заботиться, чтобы дороги и мосты были в исправности, чтобы были больницы, лекаря, школы, учителя, чтобы, на случай голода, был в запасе хлеб в магазинах и пр. и пр.

Все без исключения старшины, судьи, чиновники, какие только есть в России, обязаны исполнять то, что поручено им и что они должны делать по закону.

Законы издает у нас только сам Царь, и никто кроме Его не имеет права издавать их.

Законы объявляются всенародно и печатаются в книгах; значит, всякий грамотный может их сам прочитать.

(Из. «Зерн.» Т. Луб.)

2. Родина

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия [174] ,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златыя игры первых лет,
И первых лет уроки, –
Что вашу прелесть заменит!
О, родина святая,

Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!
(Жуковский).

3. Сословия

*Сословия:*крестьяне, мещане, купцы, военные, духовные, дворяне.

Дворяне служат царю и отечеству. Духовные наставляют нас истинам нашей православной веры. Военные защищают отечество от врагов. Купцы торгуют, т.е. доставляют нам все необходимое для жизни, чего нет у нас под руками. Мещане занимаются различными мастерствами и ремеслами. Крестьяне обрабатывают землю и добывают из нее предметы, необходимые для жизни.

Одна пчела, немного меду натаскает. Одной рукой и узла не завяжешь.

4. Народы России

Состав народонаселения Российской Империи представляет Состав народонаселения Российской Империи представляет большое разнообразие, как по происхождению, языку и вероисповеданию, так и по образу жизни, занятий и степени образования.

В России считается около 100 различных народов, принадлежащих к 12 различным племенам: *племя славянское* есть главное и преобладающее. Оно заключаете более 76 миллионов душ и составляет три четверти всего населения империи. Неславянские племена составляют одну четверть общей массы жителей и состоять из разных малочисленных народов.

К *славянскому племени* принадлежать: русские и поляки. *Русские* по различию партий своих разделяются на: 1) великоруссов, 2) белоруссов, и В) малороссов.

*1) Великоруссы*составляют более половины всех жителей империи: число их простирается до 55 миллионов. Они составляют главную массу населения внутри России. Все великорусы исповедуют православную веру и говорят русским

языком, наиболее распространенным и обработанным; они отличаются телесной силой, предприимчивостью, трудолюбием; кроме земледелия, занимаются другими разного рода промыслами и в промышленности издельной, в торговле и образовании превосходят всех других коренных обитателей империи.

2. *Белоруссов* считается до 3 миллионов. Народ этот одного происхождения с великорусами, исповедует также

православную веру, но говорит особенным наречием, более мягким, к которому примешано много польских слов. Белоруссы занимаются

преимущественно земледелием, но населяют страну весьма мало плодородную.

3. *Малороссов* насчитывают до 11 миллионов. Малороссияне говорят также особенным наречием, весьма мягким и благозвучным. Главную особенность этого наречия составляет замена русских букв **ы** и **ѣ** буквой **и** . Кроме того в нем много слов, заимствованных из языка польского. Малороссы исповедуют православную веру. Главное занятие их составляет земледелие и скотоводство, но и другие промыслы между ними распространяются весьма успешно.

Поляки – славянский народ, исповедующий католическую веру, имеющий свой язык. Число их простирается до 5 миллионов. К народам неславянским принадлежать литовцы, латыши, финны, черемисы, зыряне, вотяки, самоеды, татары, остяки, башкиры, киргизы, якуты, армяне, грузины, евреи, цыгане и многие др. И все это многочисленное население, простирающееся до ста десяти миллионов, повинуется одной верховной власти, которая сосредоточена в руках Государя Императора, Самодержца Всероссийского.

5. Русь

Под большим шатром
Голубых небес –
Вижу даль степей
Зеленеется;
И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.
***
По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.
Посмотрю на юг –
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;
Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

***
Гляну к северу –
Там в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится,
Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю...
***
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной
Развернулася!
У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?
Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?
На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок Ляху гордому.
***
И давно ль было,

Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?
Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася;
И зловеший дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!
Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань, –
Вдруг со всех сторон
Поднялася Русь, –
Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.
И в глухих степях
Под сугробами
Улеглися спать
Гости навеки.
Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!...
***
И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.
По седым морям
Из далеких стран
На поклон тебе
Корабли идут.
И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле

Груды золота;

***

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.
Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову.
(Никитин).

6. Эскимосы

1. На свете есть земля, где только три месяца бывает лето, а остальное время бывает зима. Зимой дни бывают такие короткие, что только взойдет солнце, тотчас и сядет. А три месяца в самую середину зимы, солнце совсем не восходит, и все три месяца темно. В этой земле живут люди; их называюсь эскимосами. Люди эти говорят своим языком, других языков не понимают и никуда из своей земли не ездят. Ростом эскимосы бывают невелики, но головы у них очень большие. Тело у них не белое, а бурое, волосы черны и жестки. Носы у них тонкие, скулы широкие, глаза маленькие.

2. Эскимосы живут в снеговых домах. Они строят их так: нарубят из снегу кирпичей и сложат из них дом, как печку. Вместо стекол они вставляют в стены льдины, а вместо дверей они делают длинную трубу под снегом и через эту трубу влезают в свои дома. Когда приходит зима, их дома совсем заносит снегом, и у них делается тепло. Едят эскимосы оленей, волков, белых медведей. Они ловят рыбу в море крючками на палках и сетями. Зверей они убивают из луков стрелами и копьями. Эскимосы едят сырое мясо.

3. У них нет льна и пеньки, чтобы делать рубахи и веревки, нет и шерсти, чтобы делать сукно; веревки они делают из жил зверей, а платье – из звериных кож. Они складывают две кожи шерстью наружу, протыкают рыбьими костями и сшивают жилами. Так же они делают рубахи, штаны и сапоги. Железа у них тоже нет. Они делают копья и стрелы из костей. Больше всего они любят есть звериный и рыбий жир.

Женщины и мужчины одеваются одинаково; у женщин только бывают очень широкие сапоги. В эти широкие голенища сапог они кладут маленьких детей, так и носят их.

В середине зимы у эскимосов бывает три месяца темно, а летом солнце совсем не садится, и ночей совсем не бывает.

(Гр. Л. Толстой).

7. Цыганы

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Между колесами телег,
Полузавешенных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недальний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно все, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит,
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром.

(А. Пушкин).

8. Ма л оросс ия

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,

Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу,
И до земли висит их плод тяжелый,
Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И в облаках, клубяся над водою,
Бежит дымок синеющей струею?
(Гр. Л. Толстой).

9. Степь

По всей степи – ковыль, по краям все туман.
Далеко, далеко от кургана курган,
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день,
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то цветы! Как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка да без слез, от забот далека.
Вот и речка... не верь! то под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.
Высоко, высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик веселый над степью звенит,
В ковыле гудовень – и поют и жужжат;
Раздаются свистки, молоточки стучат;
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный простор!
(Никитин).

10. Украинская ночь

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц, Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан [175] благоуханий. Божественная ночь! очаровательная

ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Весь ландшафт [176] спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на, душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посреди неба. Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще более, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезываются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спять. Где – где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин.

(Н. Гоголь).

11. Днепр

Как чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит он сквозь леса и горы полные воды свои! Ни зашелохнет, ни прогремит: глядишь – и не знаешь, идет или нейдет его величавая ширина; и чудится, будто весь вылит он из стекла и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибрежным лесам ярко отразиться в водах.

Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещать, и молния, изламываясь между туч, разом освещает целый мир – страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали.

(Гоголь).

12. Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой,
А там уже рощи, зеленые сени,

Где птицы щебечут, где скачут олени,
А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье,
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевши пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
(А. Пушкин).

13. Кавказские леса

Кругом меня цвел Божий сад:
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И вот дорогою прямой пустился я...
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.
Напрасно, в бешенстве, порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом;
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;...
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
(Лермонтов).

14. Кисловодск

Вот уже три дня, как я в Кисловодске. Здесь все дышит уединением, здесь все таинственно: и густые сени липо-вых аллей, склоняющихся над

потоком, который с шумом и пеной прорезывает себе путь между зеленеющими горами, – и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, – и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями зеленых трав и белой акации, – и постоянный сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок. С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога.

(*Лермонтов).*

15. Черкесская песня

В реке бежит гремучий вал,
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное. –
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.
Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.
На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы, –
Веселый пляшет хоровод...
Бегите, русские девицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.
(А. Пушкин).

16. В Крыму

Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук;
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук,
А из камня вытекая,
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поет нагорный ключ...
(Гр. А. Толстой).

17. На Волге

О, Волга!... колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит,
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кучи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камушки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

(П. Некрасов).

18. Деревня (в средней России)

Широко стлался зеленый луг; медленно и плавно расхаживали по нем белые, как снег, гуси; селезни и пестрые утки, подвернув голову под сизое крылышко, лежат там и сям неподвижными группами. Далее сверкала река с своими обрывистыми берегами, обросшими лопухом и кустарником, из которых местами выбивались длинные, сухие стебли дикого щавеля, и торчали фиолетовые верхушки колючего репейника. За рекой виднелось черное взбороненное поле; далее, вправо, местность подымалась горой. По главным ее отлогостям, изрезанным промоинами и проточинами, разрастался постепенно все выше и выше сосновый лесок; местами рыжее высохшее дерево, вырванное с корнем весенней водой, перекидывалось через овраг висячим мостом. Влево тянулось пространное болото; камыш, кочки и черные кустарники покрывали его на всем протяжении; по временам, целые вереницы диких уток с криком подымались из густой травы и носились над водой. Там и сям синевшая холмистая даль перемежалась снова серебристыми блестками реки.

Бесконечная сереющая даль, в которой двигались почти незаметными точками телега или спутанная лошадь, постепенно синела, синела, и наконец все более и более суживавшиеся планы ее сливались мутной линией с сквознотой голубого неба.

(Григорович).

19. Село

Село с своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими ракитами издали казалось островом среди необозримого моря распаханных черноземных полей. Посреди села находился небольшой пруд, вечно покрытый гусиным пухом, с грязными, изрытыми берегами; в ста шагах от пруда, на другой стороне дороги, высился господский деревянный дом, давно пустой и печально подавшийся на бок; за домом тянулся заброшенный сад; в саду росли старые, бесплодные яблони, высокие березы, усеянные вороньими гнездами; на конце главной аллеи, в маленьком домике (бывшей господской бане) жил дряхлый дворецкий и, покашливая, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои.

(Тургенев).

20. Ермак, завоеватель Сибири

I. При Царе Иване Васильевиче Грозном были богатые купцы Строгоновы и жили они в Перми, на реке Каме. Прослышали они, что по реке Каме на 140 верст в кругу есть хорошая земля: пашня не пахана от века, леса черные от века не рублены. В лесах зверя много, а по реке озера рыбные, и никто на той земле не живет, только захаживают татары.

Строгоновы написали царю письмо: «Отдай нам эту землю, а мы сами по ней городки построим и народ соберем, заселим и не будем давать через эту землю ходу татарам».

Царь согласился и отдал им землю. Строгоновы послали приказчиков собирать народ. И сошлось к ним много гуляющего народа. Кто приходил, тем Строгоновы отводили землю, лес, давали скотину, и никаких оброков не брали, только живи, и когда нужда, выходи с народом биться с татарами. Так и заселилась эта земля русским народом.

II. Прошло лет 20. Строгоновы купцы еще сильнее разбогатели, и мало им стало этой земли на 140 верст. Захотели они еще более земли. Верст за 100 от них были высокие горы Уральские, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснейшая земля, и земле той конца нет. Владел этой землей сибирский князек Кучум. Кучум в прежнее время покорился царю русскому, а потом стал бунтовать и грозил разорить Строгоновские городки.

Вот Строгоновы и написали царю: «Отдал ты нам землю, *мы ее под твою руку покорили:* [177] теперь воровской царек Кучум против тебя бунтует и хочет и эту землю отнять и нас разорить. Вели ты нам занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюем и всю его землю под

твою руку подведем».

Царь согласился и отписал: «Если сила у вас есть, отберите у Кучума землю. Только из России много народу не сманивайте».

III. Вот Строгоновы, как получили от царя письмо, послали приказчиков еще собирать народ к себе. И больше велели подговаривать казаков с Волги и с Дону. А в то время по Волге, по Дону казаков много ходило. Соберутся шайками в 200, 300, 600 человек, выберут атамана [178] и плавают на стругах [179] , перехватывают суда, грабят, а на зиму становятся городком на берегу.

Приехали приказчики на Волгу и стали спрашивать: «какие тут казаки слывут? [180] Им и говорят: «казаков много. Житья от них не стало. Есть Мишка Черкашенин; есть Сары-Азман... Но нет злее Ермака Тимофеича, атамана. У того человек 1000 народа, и его не только народ и купцы боятся, но и царское войско к нему приступить не смеет».

И поехали приказчики к Ермаку атаману и стали его уговаривать идти к Строгонову. Ермак принял приказчиков, отслушал их речи и обещал придти с народом своим к Успению. [181]

IV. К Успению пришли к Строгонову казаки – человек 600 с атаманом Ермаком Тимофеичем. Напустил их сначала Строгонов на ближних татар. Казаки их побили. Потом, когда нечего было делать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призывает Строгонов Ермака и говорит: «я вас теперь больше держать не стану, если вы так шалить будете». А Ермак и говорит: «я и сам не рад, да с народом моим не совладаешь, набаловались. Дай нам работу». Строгонов и говорит: «идите за Урал воевать с Кучумом, завладейте его землей. Вас и царь наградит». И показал Ермаку царское письмо. Ермак обрадовался, собрал казаков и говорит:

«Вы меня срамите перед хозяином – все без толку грабите. Если не бросите, он вас прогонит, а куда пойдете? На Волге царского войска много, вас переловят и за прежние дела худо будет. А если скучно вам, то вот вам работа».

И показал им царское письмо, что позволено Строгонову за Уралом землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошел Ермак к Строгонову, стал с ним думать, как им идти.

Обсудили, сколько стругов надо, сколько хлеба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиков-татар пленных, сколько немцев, мастеров ружейных.

Строгонов и думает: «хоть и дорого мне станет, а надо дать ему всего, а то здесь останутся – разорят меня». Согласился Строгонов, собрал

всего и снарядил Ермака с казаками.

V. 1-го сентября поплыли казаки с Ермаком вверх по реке Чусовой на 32-х стругах, на каждом струге было 20 человек. Плыли они четыре дня на веслах вверх по реке и выплыли в Серебряную реку. Оттуда уж плыть нельзя. Расспросили проводников и узнали, что надо им тут перевалиться через горы и верст 200 сухопутьем пройти, а потом пойдут опять реки. Остановились тут казаки, построили город и выгрузили всю снасть: и струга побросали, а наладили телеги, уложили все и пошли сухопутьем – через горы. Места все были лесные и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьем, попали на Жаровню, на реку. Тут опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по реке вниз. Проплыли пять дней и пошли места еще веселее: луга, леса, озера. И рыбы, и зверя много; и зверь не пуганый. Проплыли еще день, выплыли в Туру-реку. Тут по Туре-реке стал попадаться народ и городки татарские.

Послал Ермак казаков посмотреть один городок, что за городок и много ли в нем силы. Пошли 20 казаков, распугали всех татар и забрали весь городок и скотину всю забрали. Каких татар перебили, а каких привели живьем.

Стал Ермак через переводчиков спрашивать татар: «какие они люди и под *чьей рукой живут?* " [182] Татары говорят, что они сибирского царства и царь их Кучум.

Ермак отпустил татар, а троих поумнее взял с собой, чтобы они ему дорогу показали.

VI. Поплыли дальше. Что дальше плывут, то река все больше становится; а места что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. только народ несильный. И все городки, какие были по реке, казаки повоевали.

Забрали они в одном городке много татар и одного почетного старого татарина. Стали спрашивать татарина, что он за человек? Он говорит: «я Таузик, я своего царя Кучума слуга, и от него начальником в этом городке».

Ермак стал спрашивать Таузика про его царя: «Далеко ли его город Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства?» Таузик все рассказал. Говорит: «Кучум первейший царь в свете. Город его – Сибирь – самый большой город в свете. В городе этом, говорит, людей и скотины столько, сколько звезд на небе. А силы у Кучума-царя счету нет, его все цари вместе не завоюют».

А Ермак говорит: «Мы, русские, пришли сюда твоего царя завоевать и его город взять, русскому царю под руку подвести. Силы у нас

много. Что со мной пришли – это только передние, а сзади плывут в стругах – счету им нет, у всех ружья. А ружья наши насквозь дерево пробивают, не то что ваши луки, стрелы. Вот смотри».

И Ермак выпалил в дерево, и дерево расколол, и со всех сторон стали палить казаки. Таузик от страха на колени упал. Ермак и говорит ему: «ступай же ты к своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видел. Пускай он покоряется, а не покорится, так и его погубим». И отпустил Таузика.

VII. Поплыли казаки дальше. Выплыли в большую реку Тобол, и все к Сибири-городу приближаются. Подплыли они к речке Бабасан, смотрят – на берегу городок стоит, и кругом городка татар много.

Послали они переводчика к татарам узнать, что за люди. Приходит назад переводчик, говорит: «это войско Кучумово собралось. А начальником над войском сам зять Кучумов – Маметкул. Он меня призывал и велел вам сказать, чтобы вы назад шли, а то он вас перебьет».

Ермак собрал казаков, вышел на берег и начал стрелять в татар. Как услыхали татары пальбу, так и побежали. Стали их казаки догонять и каких перебили, а каких забрали. Насилу сам Маметкул ушел.

VIII. Поплыли казаки дальше. Выплыли в широкую, бы-струю реку Иртыш. По Иртышу-реке проплыли день, подплыли к городку хорошему и остановились. Пошли казаки в городок. Только стали подходить, начали в них татары стрелы пускать и поранили трех казаков. Послал Ермак переводчика сказать татарам, чтобы сдали город, а то всех перебьют. Переводчик пошел, вернулся и говорит: «Тут живет Кучумов слуга Атик Мурза Качара. У него силы много, и он говорит, что не сдаст городка».

Ермак собрал казаков и говорит:

«Ну, ребята, если не возьмем этого городка, татары запируют и нам ходу не дадут. Чем скорее страха зададим, тем нам легче будет. Выходи все. Кидайся все разом». Так и сделали. Татар много тут было, и татары лихие.

Как бросились казаки, стали татары стрелять из луков. Засыпали казаков стрелами. Которых до смерти перебили, которых переранили.

Озлились и казаки, добрались до татар, и какие попались, всех перебили.

В городке этом нашли казаки много добра, скотины, ковров, мехов и меду много, похоронили мертвых, отдохнули, забрали добро с собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрят – на берегу как город стоит, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лесом завалена. Остановились казаки. Стали думать; собрал Ермак круг. [183] "Ну что, ребята, как быть?»

Казаки заробели. Одни говорят: «надо мимо плыть»; другие говорят: «назад идти».

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорят: «зачем ты нас завел сюда? Вот перебили уже из нас сколько, да переранили; и всё мы тут пропадем». Стали плакать.

Ермак и говорит своему подъатаманью, Ивану Кольцо: «ну, а ты, Ваня, как думаешь?»

А Кольцо и говорит: «а я что думаю? Не нынче убьют, так завтра: а не завтра, так даром на печи помрем. По мне – выйти на берег, да и валить прямо лавой на Татар, – что Бог даст».

Ермак и говорит: «ай молодец, Ваня! так и надо. Эх вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно белужину ловить, да баб татарских пугать, только на то вас и взять. Разве не видите сами? Назад идти – перебьют; мимо плыть – перебьют; здесь стоять – перебьют. Куда же нам попятиться? Раз потрудишься, после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Как под горку – везет и по ровному везет, а как придется в гору, заноровится, назад воротит, думает легче будет. Так взял батюшка кол, возил-возил ее колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг ее батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой бы муки не видала. Так-то и нам, ребята. Одно только место осталось: прямо на татар ломить».

Засмеялись казаки, говорят: «видно ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать».

Ермак и говорит: «Ну, слушай, ребята! Вот как делать. Они еще нас всех не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни в середину прямо на них пойдут, а другие две кучки в обход зайдут справа и слева. Вот как станут средние подходить, они подумают, что мы все тут – выскочат. А тогда с боков и ударим. Так-то, ребята. А этих перебьем, уж бояться некого. Царями сами будем».

Так и сделали. Как пошли средние с Ермаком, татары завизжали, выскочили; тут ударили – справа Иван Кольцо, слева – Мещеряк атаман. Испугались татары, побежали. Перебили их казаки. Тут уж Ермаку никто противиться не смел. И так он вошел в самый город Сибирь. И насел туда Ермак все равно как царем.

IX. Стали приезжать к Ермаку царьки с поклонами. Стали татары приезжать селиться в Сибири; а Кучум с зятемъ Маметкулом боялись на Ермака прямо идти, а только кругом ходили, придумывали, как бы его погубить.

Весной по водополью прибежали к Ермаку татары, говорят: «Маметкул опять на тебя идет, собрал войска много, стоит на Вагае-реке.

Ермак собрался через реки, болота, ручьи, леса, подкрался с казаками, бросился на Маметкула и побил много татар и самого Маметкула забрал живьем и привез в Сибирь. Тут уж мало немирных татар осталось, а какие не покорялись, на тех Ермак ходил в это лето; и по Иртышу, и по Оби рекам, завоевал Ермак столько земли, что в два месяца не обойдешь.

X. Как забрал Ермак всю эту землю, послал Ермак посла к Строгоновым и письмо. «Я, говорит, Кучума город взял и Маметкула в плен забрал, и весь здешний народ под свою руку привел. Только казаков много истратилось. Присылайте народа, чтобы нам веселее было. А добра в здешней земле и конца, нет». И послал он дорогих мехов: лисиц, куниц и соболей.

XI. Прошло тому делу два года. Ермак все держал Сибирь, а помощь из России все не приходила, и стало у Ермака мало русского народа.

Прислал раз к Ермаку татарин Карача-посла, говорит: «мы тебе покорились, а нас Ногайцы обижают, пришли к нам своих молодцов на помощь. Мы вместе Ногайцев покорим. А что мы твоих молодцов не обидим, так мы тебе клятву дадим».

Ермак поверил их клятве и отпустил с Иваномъ Кольцом 40 человек. Как пришли эти сорок человек, татары бросились на них и побили. Казаков еще меньше стало.

Прислали другой раз бухарские купцы весть Ермаку, что они собрались к нему в Сибирь город товар везти, да что им на дороге Кучум с войском стоит и не пускает их пройти. Ермак взял с собой 50 человек и пошел очистить дорогу Бухарцам. Пришел он к Иртышу реке, и не нашел Бухарцев. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки: откуда ни взялись татары, бросились на сонных, начали их бить. Вскочил Ермак, стал биться. Ранили его ножом в руку. Бросился он бежать к реке. Татары за ним. Он в реку. Только его и видели. И тело его не нашли, и никто не узнал, как он умер.

На другой год пришло царское войско, и татары замирились.

(Из «Второй рус. кн. для чт.» Гр. Л. Толстого).

21. Осада Троицко-Сергиевского монастыря
в 1608–1610 годах

I. Почти триста лет тому назад трудно и тяжко было жить на Руси. Древнего царского Рюрикова рода не стало; ныне благополучно царствующий благословенный дом Романовых еще не правил Россией; была пора какого-то безначалия и безвластия, а оттого развелись разбои,

грабежи, измена, и сильны стали над нами наши враги. Народ бросил честный труд, разбежался по лесам и, привыкнув к бродяжничеству, да своеволию, свирепее лютого недруга стал грабить и жечь свою же родную страну. Честных людей некому было и защищать– царя не было, всюду измена и враги. Бушевала, словно кровавое море, несчастная, безначальная русская земля. Пировали там, где стыла теплая кровь, веселились среди мертвых тел; добрых людей замучивали лютыми пытками до смерти, бросали с высоких крутых берегов в глубокие быстрые реки, или расстреливали.

Опустели города; заглохли селения. В старом жилье человека селился зверь, и там, где при царях счастливо жили и весело, в мире, трудились люди, – бродили медведи и волки, завелись лисицы и зайцы. Всюду летала смерть. Вороны черными стаями сидели на трупах, а мелкие пташки вили себе гнезда в выеденных черепах непогребенных людей.

В это «смутное» время гнусный самозванец, известный под названием «тушинского вора», пользуясь общею неурядицей, собрал вокруг себя целые ватаги отступников, изменников и злодеев, призвал на помощь Литву и Поляков, которые тогда еще не были покорены и всегда только искали предлогов, чтобы вести с нами кровавые войны. Вся эта непрошеная, нестройная рать, или, лучше сказать – скопище воров и разбойников, двинулась от Владимира и Переяславля к Москве. Враги шли быстро, все по пути разрушали и жгли, пока не добрались до Троицкого-Сергиева монастыря: в монастыре этом приготовили мужественный отпор недругу иноки, небольшое число верных присяге и родине воинов и окружное население.

II. Тушинский вор со своими полчищами не случайно набрел на монастырь: обитель святого Сергия весьма вредила изменникам и мятежникам и ревностно оберегала веру и отечество.

Находившиеся в монастыре иноки и войско были весьма деятельны, и далеко во все стороны не давали ни проезда, ни прохода вражеским шайкам: ловили вражьих гонцов и отнимали у них грамоты, разбивали разбойничьи скопища, снабжали Москву деньгами, хлебом, одним словом, постоянно тревожили и держали на страже злодеев. Отсюда же между прочим рассылались грамоты во все концы земли русской с *мольбой* помочь погибающей родине и защитить св. веру. Имена архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына, составлявших и рассылавших через гонцов эти грамоты, останутся навсегда в памяти русских.

Как только в обители и ее окрестностях узнали о приближении врагов

в столь значительном числе, навстречу им вышли из монастыря воеводы наши, князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов, и завязали отчаянный бой. Цель этого боя была двоякая: во-первых, нужно было сразу показать злодеям, как русские умеют отстаивать веру, отечество и обитель святого Серия; а во-вторых, необходимо было дать возможность и время всем жителям монастырских слобод сжечь свои дома и перебраться с семействами и скарбом в монастырь.

Бой был упорен и продолжителен. Наши сдержали все натиски вдесятеро сильнейшего численностью врага, не отступили ни на шаг, и, когда возвратились в стены монастыря, цели их были достигнуты: враги убедились, что без правильной осады с Троицкой твердыней им ничего не поделать; а окрестное население все перешло в монастырь и успело выжечь строения, отняв тем самым у неприятеля возможность приютиться в них.

На следующий день Сергиева обитель была обложена со всех сторон. Все дороги к ней были так заняты злодеями, что ни с одной стороны свободного прохода к монастырю не остakось. Но монастырь уже приготовился к продолжительной осаде и упорной защите. Настоятель монастыря, архимандрит Иоасаф, своим личным примером и пламенным усердием к православию и России стал душой трудного дела обороны святой обители. Смотря на доблестного старца этого, с твердостью готовившегося на всякие труды и лишения, никто не отказывался содействовать ему с самоотвержением, внушаемым его назидательными увещаниями.

Несмотря однако на значительное скопление народа, воинов в обители было немного: несколько монахов, прежде служивших в войсках, небольшое число служилых людей, находившихся при Долгоруком и Голохвастове, да некоторое число вооруженных, хотя и вовсе необученных ратному делу, поселян. Всего в обители набралось до 3.000 плохо вооруженных защитников, которые должны были бороться с 30.000 довольно хорошо вооруженного войска!

III. Польские и литовские люди, обложив монастырь и выдвинув напоказ все свои осадные орудия и приспособления, стали пробовать, нельзя ли как-нибудь, хитростью или обманом, взять монастырь. И прислали они к осажденным льстивые гра- моты. «Мы, – говорят, – желаем вам добра; покоритесь нам, и царь наш Дмитрий Иоаннович (так звали они своего тушинского вора) вас наградит. А не сдадитесь – возьмем вас силой и тогда перебьем всех до единого».

Но обманули коварных, кичливых врагов их надежды: вместо

покорности они встретили твердый и решительный отказ.

Тогда Сапега и Лисовский приказали немедленно идти приступом со всех сторон; и в десяти местах, в близком от стен монастыря расстоянии, поставили пушки. 3-го октября началась пальба из всех пушек. Осажденные, приготовившись к смерти через таинства покаяния и причащения и надеясь на помощь Божью и ходатайство преподобного Сергия, мужественно отражали все нападения врагов.

В это время особенно отличался один крестьянин села Молокова, по прозванию Суета. Человек этот был огромного роста и необычайной силы. Товарищи обыкновенно подсмеивались над ним, что он воевать не умеет, – а тут, откуда у него взялась храбрость. Ухватив обеими руками свой огромный бердыш, он воскликнул: «сегодня или умру, или прославлюсь»! и ринулся на врагов. Он так славно рубил их, что сдержал натиск всего полка пана Лисовского и своим примером до того воодушевил свою дружину, уже начавшую отступать, что люди его окончательно одолели ватаги Лисовского.

Сколько затем ни было приступов, все они были отражены, несмотря на то, что стены обители были ветхи и осажденных с каждым днем все убывало от развившейся цинги и других болезней.

Сила Божья по молитвам пр. Сергия чудесно разрушала все действия врагов, и Сапега, к стыду своему, не мог выгнать из обители «седачих грачей», как он называл престарелых старцев-монахов.

4-го января 1610 года, ночью, пришла к Троице подмога от князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, в 500 человек отборных воинов; облегавшая монастырь скопища злодеев окончательно упали духом и, после кровавой битвы 12-го января, пропали все до последнего, убежав к Дмитрову.

Так кончилась шестнадцати-месячная осада Троицкого Сергиева монастыря. Бессмертной славой покрыли себя его мужественные защитники, и великую службу сослужили они своему дорогому отечеству.

(Переделано с сокращениями из брош. «Осада Троицко-Сергиева монастыря», изд. ред. ж. «Мирской вестник»).

22. Минин и Пожарский

В октябре месяце 1611 года одна из грамот Троицкой обители была получена в Нижнем Новгороде. Решили прочесть ее в соборе. Ударили в большой соборный колокол, и народ скоро наполнил всю церковь, так как день был праздничный.

После обедни соборный протоиерей обратился к народу и сказал: «Православные христиане, горе нам! Пришли дни конечной гибели нашей.

Гибнет Московское государство; гибнет и православная вера. Что нам творить? Не постоять ли за православную веру и за святую соборную церковь Богородицы и за многоцелебные мощи московских чудотворцев? А вот грамота властей Живоначальной Троицы монастыря Сергиева». После того была прочитана грамота, присланная из Троице-Сергиевой обители. Народ быль сильно тронут; многие плакали. «Горе нам, говорили в толпе, гибнет Московское государство».

Когда народ вышел из церкви и столпился у паперти, к нему обратился Козьма Минин, гражданин нижегородский, со следующей речью:

«Православные христиане! – коль хотим помочь Московскому государству, не пожалеем достояния нашего... дворы свои продадим, жен и детей заложим и станем челом бить [184] , искать, кто бы вступился за православную веру и стал бы у нас начальником!... Дело великое совершим, если Бог поможет... Мы поднимемся, – другие города приступят к нам, и мы избавимся от врагов».

Горячая речь Минина пришлась по сердцу всем. Тут же начались пожертвования на святое дело – освобождение родины от врагов. Несли со всех сторон и деньги, и драгоценности.

Стали думать, кого бы выбрать вождем ополчения. Выбор пал на князя Пожарского. Он уже прежде сражался с поляками в Москве и лечился в это время от ран в своем имении. К нему отправили бить челом. Он сказал посланным: «Рад я за веру православную страдать до смерти, а вы изберите из горожан такого человека, который был бы со мной у великого дела, ведал бы казну на жалованье ратным людям». Нижегородские послы задумались было, но князь Пожарский помог им. – «Есть у вас в городе», сказал он, «Козьма Минин. Он человек бывалый: ему такое дело за обычай».

Весть о снаряжении нижегородцев быстро разнеслась по другим городам. Пожарский с нижегородцами разослал грамоты. «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, говорилось в грамоте, идем на помощь Московскому государству. К нам из многих городов прибыли ратные люди. И вам поскорее идти Непременно надо быть вам с нами в одном совете и на поляков вместе идти»... Грамоты эти повсюду читали на сходках, составляли приговоры, собирали деньги. Город сносился с городом. Поднималась вся русская земля.

(Из «Родн. стар.»)

23. Освобождение Москвы от поляков

Наступил 1612-й год. Поляки, узнав о русском ополчении, пришли к

патриарху Гермогену и сказали: «Напиши нижегородцам, чтобы они оставались верны польскому королевичу». – «Да будет над ними милость Божья, отвечал патриарх, и от нашего смирения благословение, а на врагов наших и на изменников да изольется от Бога гнев, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем». Не понравилась такая речь полякам; они стали морить Гермогена голодом, и вскоре страдалец-патриарх скончался.

В августе месяце русское ополчение подошло к Москве. На помощь полякам, засевшим в Москве, поспешил было новый отряд поляков, но Пожарский разбил его под самой Мос-квой, а потом обложил Москву. Целый месяц держались осажденные поляки в Кремле, а затем принуждены были сдаться.

25-го октября 1612 года отворились кремлевские ворота, и русские торжественно вступили в Кремль. Впереди с крестом и иконами шло духовенство, во главе которого был архимандрит Дионисий. В Успенском соборе был отслужен благодарственный молебен, и русский народ благодарил Бога за освобождение от врагов.

(Из «Родн. стар.»).

24. Смерть патри арха Гермогена

Обездолена крамолой [185] ,
В бездне смуты утопая,
Как корабль гонимый бурей,
Погибает Русь святая.
На Москве пануют ляхи,
И изменой беспримерной
Нагло выбран уж на царство
Королевич иноверный;
И, засев в Кремле, поляки
И изменники – бояре
Шумно, весело гуляют,
Словно в бешеном угаре.
Вдруг нежданное известие!
Все в испуге, все в смущении:
Нижний Новгород поднялся,
Собралося ополчение!
Князь Пожарский воеводой
Выбран целою землей –
И с могучей земской ратью
Скоро будет под Москвой!...

Истомленного страданьем,
В узах тягостного плена,
Непощадно мучат ляхи
Патриарха Гермогена,
Вымогая, чтоб святитель
Грозным пастырским прещеньем
На Москву низовой рати
Задержал бы наступленье.
Но бессильны над владыкой
Все – и лесть, и истязанье:
Шлет святитель верной рати
Не запретное посланье,
А в глазах врагов смущенных
Он ее благословляет
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляет...
Изможден святитель пыткой,
Истощились старца силы, –
И пред ним уж ангел смерти
Отворяет дверь могилы.
Но душа его святая,
На пороге самом рая,
Все болеет и томится
О судьбе родного края;
И, в предсмертной агонии,
Помертвелыми устами
Все о нем он молит Бога,
Молит жарко со слезами.
Вдруг подвал сырой и смрадный,
Где в оковах он томился,
Преисполнясь фимиамом,
Чудным светом озарился, –
И предстал пред страстотерпцем
Убеленный сединами,
В черной инока одежде,
Некий старец, ветхий днями.
И прозреньем духа свыше,
Умирающий святитель
Угадал, что сей нежданный –

Не от мира посетитель.
Был то Сергий преподобный,
Радонежский чудотворец,
Вестник милости Господней,
Божьей правды ратоборец.
«Мир тебе, мой брат о Боге!»
Кротко молвил гость чудесный:
«Услыхал твою молитву
Сердцеведец Царь Небесный.
«На твое за Русь родную
Призирая сокрушенье,
Он тебе, мой брат, со мною
Посылает утешенье.
Шлет тебе Он благовестье:
Отжени тоску сомненья, –
Не погибнет Русь святая,
Близок час ее спасенья!
Не погибнет Русь святая,
Враг над ней не вознесется;
Сила земская восстала, –
Брат мой, веруй:
Русь спасется!
Сокровенны для живущих
Тайны Божьего Провиденья;
Но тебе Господь, в час смертный,
Посылает откровенье!».
Смолкнул Божий благовестник,
Скрылось чудное виденье...
Старец взор возвел на небо
И воскликнул в умилении:
«Русь не сгибнет! Русь спасется! ...
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты с миром Ныне,
Господи Владыко,
Своего раба – прими же
Ты его в Свою обитель!»
И почил с последним словом
Успокоенный святитель.
Опочил он, русским людям

Крепко верить завещая,
Что от всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.
(Розенгейм).

25. Избрание на царство Михаила Ф его доровича Романова

20 октября 1612 года Кремль и вся Москва были очищены от поляков. Разосланы были грамоты по областям, чтобы присылали отовсюду в Москву знатных духовных лиц и выборных из других

сословий, лучших, разумных людей. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. 21 февраля 1613 года был последний собор: каждое сословие подало письменное мнение, и все эти мнения были сходны: все указывали на одного человека, шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, сына митрополита (впоследствии патриарха) Филарета Никитича. Он приходился прежним царям родней ближе всех. Из этого рода была первая супруга Иоанна Грозного – Анастасия. Михаил Феодорович жил в это время в Костроме, в Ипатьевском монастыре, с матерью, монахиней Марфой Ивановной. Собор, провозгласив его царем, назначил несколько знатных духовных и светских лиц ехать к нему и от имени всех чинов людей просить, чтоб был государем и ехал в Москву.

13 марта соборные послы приехали в Кострому, а на другой день пошли в Ипатьевский монастырь с крестным ходом и со всеми костромичами. Услыхав от послов просьбу ехать в Москву и царствовать, Михаил отказался, Марфа Ивановна говорила: «Сын мой еще очень молод, а русские люди стали малодушны, троим государям 186 присягнули и потом изменили; кроме того, государство расстроено в конец, прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели; откуда будущему царю давать жалованье служилым людям, двор свой содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в заточении у польского короля: узнав, что выбрали в цари его сына, король отомстить за это на отце».

Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежние государя садились на престол но своей воле, не право, отчего во всех русских людях и было несогласие и междоусобие; теперь же русские люди наказались и все пришли в соединение во всех городах.

Послы долго упрашивали Михаила и мать его; наконец стали грозить, что в случае отказа государство совершенно разорится, и Бог взыщет на Михаиле это разорение.

Тогда Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

2 мая 1613 года Михаил приехал в Москву и 11 июля венчался на царство. Россия получила настоящего царя.

(Соловьева).

26. Подвиг Ивана Сусанина

Когда поляки, шатавшиеся целыми толпами около Москвы, узнали об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова, тогда они решились извести новопоставленного русского царя, который жил еще в костромской своей деревне. Отправившись для совершения злодейского умысла, они разделились на несколько шаек, и одна из них сбилась с дороги; это было зимой, в сильную метель. Им встретился крестьянин дворцового села Домнина, Иван Сусанин, которого поляки остановили и расспрашивали о местопребывании Михаила Феодоровича. Он вызвался, к ним в проводники, и поляки обещали наградить его пригоршнями золота. Сусанин заводит их по дороге к себе в деревню, угощает их, поит, а между тем тайно посылает своего сына предуведомить царя о близкой опасности. Злодеи, поужинав, отогревшись и немного соснув, с полуночи собрались в дорогу, предводимые Сусаниным, который, своротя по проселочной дороге, по сугробам и оврагам завел их в непроходимый лес. Выбившись из сил, поляки стали подозревать проводника и, махая над старческой его головой саблями, вскричали: «ты обманул нас!» – «Не я», спокойно отвечал им Сусанин: «не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдам вам жизнь и здоровье царя-государя. Бог подкрепил меня: царь Михаил спасен!» Поляки в бешенстве изрубили его на мелкие части и сами погибли от стужи и голода.

«Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!»
Сусанину с сердцем вскричали враги:
«Мы вязнем и тонем в сугробицах снега,
Знать, нам не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно нарочно с пути!
Но тем Михаила тебе не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!
Веди ж нас, так будет тебе за труды;
Иль бойся – не долго у нас до беды!»
Сусанин ведет их.
Стоят, не шелохнясь, и дуб, и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза;
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит...

Друг за другом идут в молчаньи сарматы [187] ,
Все дале и дале седой их вожатый...
Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес, –
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели, ветвями густыми
Склонившись до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще [188] настороже тревожное ухо:
Все в том захолустье и мертво, и глухо...
«Куда ты завел нас?» Лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно!» Сусанин сказал.
«Убейте, замучьте! моя здесь могила!
Но знайте, и рвитесь – я спас Михаила!
Предателя мнили во мне вы найти:
Их нет и не будет на русской земле.
В ней каждый отчизну с младенчества любить
И душу изменой свою не погубить».
«Злодей!» закричали враги, закипев:
«Умрешь под мечами!» – «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело»!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»
И сабли над старцем свистя засверкали:
«Погибни, предатель! конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал.
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!
(Рылеев).

27. Царь Алексей Михайловича

После смерти Михаила Феодоровича, спасшего Россию от окончательного распадения и разорения, давшего ей мир, спокойствие и процветание, вступил на престол сын его царь Алексей Михайлович и тридцать лет правил государством. Вскоре после него Русь входит в другой склад государственной жизни и начинает свою *новую историю.*

I. Молодой царь отличался весьма привлекательною наружностью: он был белый, румяный, с темно-русыми волосами, красивой окладистой

бородой и приятными с кротким выражением глазами. Лицо есть зеркало души: Алексей Михайлович от природы был наделен прекрасными качествами и оставил по себе память своим умом, мягкостью, добротой и врожденным изяществом. [189] Чтением книг и беседами с знающими, развитыми и опытными людьми он еще более развил свой ум и был образованнейшим человеком своего времени. Вскоре по вступлении на престол государь задумал жениться. По обыкновению собрали до *двухсот* девиц. Царь выбрал себе в супруги дочь небогатого касимовского помещика, боярышню Всеволожскую. Но когда ее в первый раз одели в царское платье, то ей, по проискам боярина Морозова, оставшегося дядькой молодого Алексея Михайловича и боявшегося потерять свою власть с приближением ко двору родни будущей царицы, нарочно сильно затянули волосы, отчего она упала в обморок. Царю объяснили этот случай падучей болезнью. Царь поверил и сослал в Сибирь и ее и ее родню за то, что скрыли было болезнь. После того Морозов сосватал государю дочь своего сподручника, боярина Милославского, *Марью Ильиничну.* Свадьба вышла блестящая; только не играли в трубы и органы и не били в литавры, как делалось прежде на царских свадьбах, а певчие распевали духовные стихи и песнопения.

II. Примерным семьянином, христианином и русским человеком стал жить Алексей Михайлович. Он очень любил свою жену и детей и постоянно заботился о них. Вставал он в четыре часа утра. *Постельничий* со *спальниками* и *стряпчими* подавали ему платье и одевали его. Потом царь выходил в *крестовую* , где его встречал духовник – *крестовый поп и дьяки;* здесь начиналось моление, чтение полунощницы, поклонение иконе того святого, чья память праздновалась в этот день, и окропление святой водой, которая доставлялась из монастырей от святых угодников. После сего читалось назидательное *слово* из сборников, называемых *Златоустами, Златоструями, Измарагдами* и т.п. именами. Затем царь, если почивал особо, посылал спросить о *здоровье* царицы и входил к ней здороваться. Потом вместе с царицей он шел в *верховую церковь* во дворце к заутрене и ранней обедне. После заутрени съезжались во дворец к государю бояре *бить челом,* т.е. здороваться земными поклонами. Поговорив немного с боярами о делах, государь с ними отправлялся к поздней обедне, в течение которой иногда не переставали все-таки докладывать ему про нужные дела.

III. После обедни до двенадцати часов царь занимался с боярами государственными работами; потом бояре, ударив челом государю, разъезжались, а он шел к обеду. К царскому столу иногда приглашались

некоторые из уважаемых и близких бояр. К обыкновенному столу Алексея Михайловича подавали ржаной хлеб, не много вина, овсяную брагу, легкое пиво с коричневым маслом и самые простые блюда: сначала холодные и печенья, потом жареное и затем похлебки и ухи. В постные дни Алексей Михайлович почти ничего не ел. Но в некоторые торжественные обеды подавалось до *семидесяти* блюд, которые раздавались в виде царской подачи, как знак чести и милости, боярам. После обеда царь, как и всякий русский, ложился спать часа на три до вечерен. К этому времени съезжались опять бояре и вместе с царем слушали вечерню. После вечерни государь проводил время в семейном кругу и между друзей. Это время посвящалось также на развлечения и удовольствия, из которых любимейшими были игры в шахматы, чтение духовно-назидательных и церковно-исторических книг, а также летописей и сказаний и затем на беседу и рассказы бывалых людей о далеких землях, о старине и т.п. Алексей Михайлович при дворе держал для таких бесед многолетних старцев, живших на полном царском содержании. Иногда развлекались в *потешной палате* песнями, плясками, скоморохами и др.

В последние годы своего царствования Алексей Михайлович любил смотреть сценические представления, для чего при дворце был устроен *первый* в России театр. Зимой государь, особенно по праздникам, смотрел на бой медведя с охотником, а в прочее время езживал на любимую соколиную охоту. День оканчивался ужином и молитвой.

IV. Занимаясь делами государства, Алексей Михайлович находил время и для хозяйственных занятий, особенно летом. Он с семьей обыкновенно на лето уезжал в ближние к Москве села и преимущественно в село *Коломенское*. Здесь государь и государыня занимались хозяйством и собственноручно работали в огороде и в саду. Здесь у царя был красивый двухэтажный деревянный, на каменном фундаменте, дворец, который один современник называет *восьмым чудом света.* От построек царя Алексея Михайловича в этом селе доныне уцелели только: *подъездные ворота* и *каменный челобитный столб* , на который просители могли класть свои челобитные (то есть прошения). Осталась еще церковь *Вознесения,* сооруженная Василием III; вокруг этой церкви идет крытая паперть с каменным *царским местом*, откуда Алексей Михайлович любил глядеть на окрестный места и Москву-реку.

Обычный порядок жизни государя нарушался разными торжественными случаями: приемом посольств, богомольными выходами в каждый большой праздник и др. Здесь царь являлся в несказанном великолепии.

К обедне Алексей Михайлович либо шел пешком, либо ехал, одетый, летом, – в легкий шелковый *опашень* и *золотую шапку* с меховым околом, зимой, – в *шубу* и *горлатную лисью шапку;* в руках у него всегда был посох. В великие праздники: Рождество Христово, Богоявление, Пасху и др. надевался иногда *царский наряд* , состоявший из *порфиры, короны, барм, наперсного креста и царского жезла.* Все одежды царские были, конечно, очень дорогие и блестели золотом, серебром и драгоценными каменьями. Соответственно царю, и бояре должны были одеваться в пышные наряды. Особенно торжественно совершался выход царя на *Иордань* и в *Вербное воскресенье* , когда царь всенародно вел под патриархом коня, который изображал собой осла, а патриарх – Спасителя. Народ, встречая царя и видя «его пресветлые очи», бил ему челом. Перед большими праздниками Алексей Михайлович посещал тюрьмы, больницы и богадельни. Он утешал несчастных и раздавал им милостыню. Милостыню он раздавал также собственноручно нищим и убогим и даже в мясопустную неделю угощал последних в столовой палате и сам с ними обедал.

(По разн. источн.)

28. Столица древняя

Столица древняя, родная,
Ее ль не ведает страна?
Ее назвать – и Русь святая
С ней вместе разом названа.
У ней с землей одна невзгода,
Одно веселье, общий труд.
Ее дела – любовь народа –
Ей право первенства дают.
За Русь не раз она горела,
Встречая полчища племен;
За Русь не раз она терпела
И поношение и плен.
В напастях вместе с нею крепла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь из пепла –
И с нею русская земля.
Ее удел – всегда тревожить
Врагов России заклятых.
Ее унизить, уничтожить
Не раз пыталась злоба их.

Но в страх врагам, но в радость краю
Она, великая, сильна, –
И старый клич я подымаю:
Да вечно здравствует Москва
(К. Аксаков).
29. В Кремле
Вхожу ли в старый Кремль, откуда взгляд привольно
Покоится на всей Москве первопрестольной,
Первосвятителей, когда кругом читаю
На досках их имена, и возле них внимаю
Молитвы шепоту притекших к ним людей,
А там, в сиянии икон святые лики,
И место царское, и патриарший трон,
А между тем гудит, гудит Иван Великий,
Как бы из глубины веков идущий звон, –
Благоговением душа моя объята,
И все мне говорит: «сие есть место свято!»...
Смотри: когда кругом лишь бор густой шумел,
А на горе сиял лишь храм святого Спаса
Да княжий теремок, где бедный князь сидел, –
Беседа вещая таинственно велася
Здесь меж святителем и князем. Здесь его,
Как древний Самуил, благословил владыка
На собирание народа своего.
Святителев завет исполнился великий:
Помалу собралась вкруг белого Кремля,
Как под надежный щит, вся русская земля,
И каждый град свою здесь церковь строил,
И высилась Москва!...
(А. Майков).
30. Песнь русскому царю
Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Все ниспошли!
Перводержавную

Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Все ж недостойное
Прочь отжени!
***
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храпи!
Воинам мстителям,
Чести спасителям,
Миротворителям –
Долгие дни!
Мирных воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь их примерную,
Нелицемерную,
Доблестям верную
Ты помяни!
***
О Провидение,
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение,
Дай на земли!
Будь нам заступником,
Верным сопутником
Нас провожай!
Светло-прелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу известная,
Сердцу сияй!
(Жуковский).

31. Русский солдат

I. Чего-чего русский солдат на своем веку не справит? Чем только не

послужит царю, России, да своим отцам-командирам?... Во всех странах он побывает, всякого дела насмотрится, со всяким народом сживется, ко всяким трудам привыкнет. Охранит, защитит, грудью отстоит наше православное воинство свою мать – Россию, от всяких ее ворогов!... Велит царь батюшка – и в чужие земли пойдет: и там недругов его усмирит!... Заселить пустыни бесплодные, из-за сотен верст под солнцем палящим, по сыпучим пескам проведет в них воды благодатные; дороги проложит, города выстроит, через пучины мосты перекинет, нивы, поля засеет, засадит, а придется отстаивать заселенные места, так он безропотно своими же костями удобрит, своей честной кровью польет!...

II. А на покой, глядишь: он по книжке буквы выводит – грамоте сам учится и других обучает. Прикажет начальство – солдат и хлеб испечет, и кашу сварить и, на поход, всякие тебе кушанья приготовить. Нет у командира повара – солдат за повара! Нет кучера – он и за кучера. Да это что еще? Нету нянюшки у деток – солдат-денщик их и вынянчит, и выхолит, и вырастит. Да еще и матери-командирше, в случай нужды, найдет время белье постирать, воротнички, оборочки разгладить. Всяко бывает!... На все у солдата и уменья и охоты хватить, только будь ты с ним ласков, позволь ты ему к себе привязаться, смотри на него, как на живую душу, как на человека способного любить за добро твое так же, как и готового умирать, когда надо, за отечество.

III. Одного только не умеет сделать солдат наш: не умеет сдаваться врагу! Не умеет тем более изменить отечеству, забыть присягу, долг, честь солдатскую и веру православную...

Нет! Этого он не сумеет сделать.

В первом случае, коли уж подойдет такое горе, что одолеет вражья сила, не хватит силушки оборониться, – он, не задумываясь, взорвет себя и товарищей своих на воздух, как сделал это бессмертный Архип Осипов: честную душу Богу отдаст, а телом многострадальным придавит, вместе с землей и каменьями, врагов царя своего и родины. А что до измены, то мученические кончины Данилова, унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона, и Никитина фейерверкера 21-й артиллерийской бригады, еще недавно подтвердили, что воину православному куда легче дать с себя живого кожу ремнями содрать, чем изменить Вере Христовой или научить врагов, как стрелять из русской пушки в русских людей.

IV. Расскажем здесь, для памяти русскому народу, об этих подвигах солдатских.

Бессмертным зовут Архипа Осипова потому, что и поныне, и навсегда отдан приказ вызывать его при вечерних перекличках Тенгинского полка,

где служил он и геройски погиб. И как только раздается клич: «Архип Осипов!» так ефрейтор отвечает: «погиб во славу русского оружия!» И точно во славу. Было это в 1840 году, на восточном берегу Черного моря, в Михайловском укреплении. В том году Шамиль поднялся с большими скопищами, напали они на маленькие форты [190] по берегу моря, в которых чуть не все люди были измучены лихорадками и находились больше в лазаретах, чем в караулах. Перед тем адмирал Серебряков объезжал их на пароходе и приказывал гарнизонам, в случае нападения, бороться до последней крайности, а в случай совершенного бессилия продолжать борьбу советовал не сдаваться в плен, а лучше взорвать крепость порохом.

7-го февраля неожиданно взят форт Лазарев, где из 200 человек всего 60 солдат было здоровых. Погибли все, кроме раненых и больных 30 человек, взятых горцами в плен. 22-го февраля взято укрепление Вельяминовское, где 400 человек 6 суток бились против 8.000 черкесов. Когда оставалось в живых менее 70, капитан Панахрасто схватил зажженный фитиль и побежал к пороховому погребу, но неприятель, ворвавшийся в крепость, бросился на него и изрубил в куски. – 22-го марта взято Михайловское укрепление, но в плен никто не взят, потому что рядовой Тенгинского полка, Осипов, успел зажечь пороховой склад, когда черкесы ворвались в него. Взрывом этим было убито и переранено такое множество горцев, что неприятель не мог далее продолжать набега и разбрелся, развозя по аулам своих раненых. Архипу Осипову поставлен памятник в городе Владикавказе, где он изображен с фитилем в руках, в ту минуту, как он приблизил его к бочке с порохом.

V. Данилов с Никитиным еще ждут своих памятников, которых столь же достойны.

Фома Данилов, унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона, из крестьян Самарской губернии, Бугурусланского уезда, взят был в плен кипчаками 21 ноября 1875 года, в Маргелане. Сам хан кипчакский обещал ему не только помилование, но награду и почести, если он только отречется от Христа и перейдет в его службу – учить стрельбе его войско. Данилов отвечал, что лучше желает умереть в христианстве, чем изменить вере и царю... Тогда хан приказал не просто убить его, а мучить и среди пыток останавливаться и спрашивать: «Не изменил ли мыслей? Не перейдешь ли в наш закон?» И каждый раз воин-мученик твердо ответствовал: «Не отрекусь от Христа! не изменю отечеству!» С тем он и умер в жестоких страданиях. Мучители его, в изумлении, сами почтили его погребением с почестями на свой лад и назвали Фому Данилова – батырем, по-нашему богатырем. И

воистину он был православный богатырь!.. Государь положил вдове его и дочери пенсию; дворяне Самарской губернии собрали им 1.320 руб. и приняли дочь его на воспитание в учебное заведение.

VI. Фейерверкер 21-ой артиллерийской бригады Никитин во время Текинской экспедиции, в 1879 году, при Геок-Тепе, взят был в плен, вместе с пушкой. Текинцы обещались отпустить его, с тем, чтобы он направил на русских пушку и научил их стрелять. Он отказался наотрез. Тогда дикари велели сдирать с него полосами кожу и таким образом зверски замучили его, но поколебать не могли.

Так скончались славной смертью эти трое русских героев. Их подвиги известны, но какое множество наших воинов погибло не менее мужественно и славно, – да только о смерти их никто не узнал!

Кланяемся вам низко, доблестные русские солдаты! Вечная память погибшим в боях за отечество братьям нашим! Многие лета, громкая слава нашему православному воинству!

(Из брош. «Наши воины православные» Желиховского).

Отдел четвертый. Церковь

1. Верность

(Притча)

I. Один языческий царь призвал к себе христианского епископа и потребовал, чтобы он отказался от своей веры. Но епископ кротко и спокойно ответил: «Этого я не могу сделать». Царь разгневался и воскликнул [191] : «Разве ты не знаешь, что жизнь твоя в моей власти? одно мое мановение [192] – и тебя не будет на свете!» – «Знаю, знаю это», отвечал епископ; «но позволь мне, царь, предложить один вопрос на твое решение. Представь себе, государь, что вернейший слуга твой попал в руки врагов твоих. Враги твои всячески старались заставить раба того изменить [193] тебе. Но он непоколебим [194] в своей преданности [195] и верности тебе. Тогда враги твои, сняв одежды с раба того, прогнали его с посмеянием. Теперь скажи, государь: когда раб тот, поруганный и обнаженный за верность тебе, вернется к тебе, не вознаградишь ли ты его честью и славой за поругание и не дашь ли лучшие одежды для прикрытия наготы его?»

II. «Конечно так!» отвечал царь, «но к чему ты это говоришь?» Тогда благочестивый епископ сказал: «Царь, ты можешь снять с меня эту земную одежду, т.е. лишить меня этой жизни; но Господь мой облечет меня в новую, лучшую одежду».

Выслушав это, царь отпустил епископа и больше не стал требовать отречения его от христианской веры.

2. Единственное сокровище для человека – Бог

I. В Царьграде жил некоторый гражданин, весьма богатый и человеколюбивый. Имея одного у себя сына, он не старался оставить ему богатое наследство, как делали многие, и свое имение раздавал щедрой рукой неимущим. Но этого еще недостаточно было для человека богоугодного: он хотел иметь и то утешение, чтобы, представ у страшного Судии небесного, он мог Ему сказать: «се аз и чадо мое»! хотел и сына своего сделать столько же милостивым к бедным и несчастным, сколько был милостив к ним и сам.

В один день, призвав его к себе и показав все свои богатства, он спросил у него: «Любезный сын! что более желаешь получить от меня в наследство: эти ли сокровища, или Христа Спасителя?» Юноша, воспитанный в страхе Божьем, решительно отвечал ему: «Христа, более ничего»! Восхищенный таким ответом сына, отец еще более начал

расточать свое имение нищим и несчастным, так что по смерти своей оставил ему только насущный хлеб и честное имя. Добродетельный юноша, из богача сделавшись почти убогим, нисколько не сожалел о том, ибо надеялся на Христа – на это великое сокровище, которое у него осталось.

II. В том же городе жил некоторый вельможа, славный богатством и благочестием. Он имел у себя супругу, также благочестивую, и единственную дочь, воспитанную в страхе Божьем. Когда девица достигла совершенного возраста, родители ее сказали друг другу: «какого жениха изберем нашей дочери? богатого и, может быть, гордого?... но он будет оскорблять ее, принудит гоняться за суетой света, научит тщеславиться... Нет, изберем лучше человека среднего состояния, но доброго и богобоязненного, который примет дочь нашу как особенный дар неба. Пойдем в церковь Божью», сказали они, «будем молиться о счастии нашего дитяти, – и кто первый войдет в храм Божий, тот пусть будет супруг ее».

Вознеся пламенную молитву к Богу, отец и мать девицы сели и ждали, чем небесный Промысл решит судьбу любезнейшей их дочери... Вдруг входит тот юноша, о котором мы ранее сказали. Подозвав его к себе, они спросили: кто он и откуда? и услышав, что он сын такого-то в Бозе усопшего щедролюбца, возблагодарили Бога и сказали ему: «Христос Спаситель усыновил нам тебя; прими от нас руку нашей дочери, а с ней и богатство наше! – Все это дает тебе сам Бог».

Благочестивый юноша служит примером, что Бог никогда не оставляет в нищете того, кто единственно из любви к Нему расточает свои сокровища.

(Сокращ. из «Учил. Благоч.»)

3. Коль славен Господь

Коль славен наш Господь в Сионе [196] ,
Не может изъяснить язык:
Велик Он в небесах на троне,
В былинках [197] на земле велик.
Везде, Господь, везде Ты славен!
В ночи, во дни сияньем равен!
О, Боже, в Твое селенье
Да внидут наши голоса,
Да взыдет наше умиленье
К Тебе, как утрення роса.
Тебе в сердцах алтарь поставим.

Тебя, Господь, поем и славим!
(Жуковский).
4. Единое благо
Печальный кипарис, холодный мох забвенья,
В земле сокрытый гроб, и в гробе этом тленье:
Вот каждого удел за жизненной тропой!
Прах внидет снова в прах; пловец к стране родной
Причалит, и душа в отчизну возвратится,
И в двери райские к ночлегу постучится...
Блажен, кого тогда небесный серафим
Приосенит крылом приветливо своим,
И двери отопрет, и тот пришлец усталый
Блеснет в ряду лучей зари от века алой!
(А. Майков).
5. Могу ли я увидеть Бога?
«Ах, маменька, могу ли я
Когда-нибудь увидеть Бога вод,
Среди небесного чертога?»
– Но, разве ты, душа моя, дивной?
Его не видишь беспрерывно
Во всем, что вкруг тебя живет:
В полете птички, в блеске
В цветке, во всей природе
Когда вставая, иль ложась,
Сложивши руки, ты читаешь
Свою молитву, всякий раз
Тогда у Бога ты бываешь,
Ты видишь Господа... – «Но я
Желал бы, маменька, глазами
Его увидать там, над нами,
Где рай, где бабушка моя.
Там, няня говорит, в сиянии,
В великолепном одеянии,
В венце, на троне золотом,
Непостижимый восседает:
Простерт хор ангелов кругом
И в гимнах Бога восхваляет.
Вот там бы я когда-нибудь
Желал на Господа взглянуть!»

– Мой сын, будь добр и чист душою,
Тогда увидишь ты Его,
Не под одеждою земною,
О! нет, прекраснее того,
Каким ты мне Его представил.
Он дух; Его престол – весь мир,
Которым Он любовь прославил;
Где вызвал жизнь на чудный пир!
*Любить*Его чистосердечно,
Его стараться *познавать,*
И *сходства* в духе с Ним искать, –
Есть видеть Господа, и вечно!
Желаешь ли того? Учись,
Добра не оставляй дорогу,
Все совершенней становись;
Тогда ты ближе будешь к Богу,
Достойней Вышнего Отца,
Тогда ты, сын мой, – о блаженство!
Увидишь светлый лик Творца
Затем, что лик сей – Совершенство!
(Я. Грот).

6. Воскресение Христово

В день Пасхи, радостно играя,
Высоко жаворонок взлетел
И, в небе синем исчезая,
Песнь Воскресения запел.
И песнь ту громко повторяли
И степь, и холм, и темный лес.
Проснись земля, – они вещали, –
Проснись: твой Царь, твой Бог воскрес!
Проснитесь горы, долы, реки!
Хвалите Господа небес!
Побеждена Им смерть вовеки!
Проснись и ты, зеленый лес!
Подснежник, ландыш серебристый,
Фиалка – зацветите вновь,
И воссылайте гимн душистый
Тому, Чья заповедь – любовь!
(Кн. Горчакова).

7. Спаситель
Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью Он учил;
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.
Не терпит гнева
Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром.
Есть неземная сила в Нем:
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость, и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.
Ему признания не надо:
Сердец мышленье отперто;
Его пытующего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благую руку,
И никого не осудил.
То, видно, Богом муж избранный.
Он там, по онпол Иордана
Ходил как посланный небес;
Он много там свершил чудес;
Теперь пришел Он, благодушный,
На эту сторону реки;
Толпой прилежной и послушной
За Ним идут ученики.
(Гр. А. Толстой).
8. Тропарь на день Преображения Господня
Преобразился днесь Ты на горе, Христе,
И славу там Твою ученики узрели,
Дабы, когда Тебя увидят на Кресте,
Страданье вольное Твое уразумели,
И проповедали вселенной до конца,
Что Ты – Сияние Отца.
(*Филарет , М. Моск.).*
9. Чертог Твой вижу, Спасе мой!

Чертог Твой вижу, Спасе мой!
Он блещет славою Твоею;
Но я войти в него не смею,
Но я одежды не имею,
Дабы предстать мне пред Тобой.
О, Светодавче, просвети
Ты рубище души убогой;
Я нищим шел земной дорогой;
Любовью и щедротой многой
Меня к слугам Своим причти!
(Кн. Вяземский)
10. Убежище
Пока пройдет нечестия мечта,
И вредные рассеются внушенья,
Зароемся в учение Христа
И отсидимся в крепости терпенья!
(Ф. *Глинка).*
11. Жизни дорога
Чудное дело жизни дорога!
Пропасть да бездна: трудно без Бога!
Радостей светских ложны объятья!...
Ложны, неверны все предприятья...
Кинемся к людям – люди в тревоге.
Где же покоя добудем мы?.. В Боге!
Есть у нас книга с Божьим Словом.
Если сгрустнется в мире суровом,
К ней обратися: книга святая –
К радостям рая дверь золотая!...
(Ф. Глинка).
12.Цель жизни
Дар мгновенный, дар прекрасный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Ум молчит, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мне дана!
Познавать Бога в твореньи,
Видеть духом, сердцем чтить –
Вот в чем жизни назначенье,
Вот что значит в Боге жить!
(Митр. Филарет).

13. Отчего?

Отчего мы часто стонем
От земных работ,
И порою словно тонем
В омуте забот?
Оттого, что голос тайный
Часто шепчет нам:
«Быть земной – есть быт случайный,
Дом родимый – там!..
Там и слуха нет о горе,
Нет земных забот:
Есть и море – только море
Тихих счастья вод!..
Выше звезд необозримый
Небосклон лежит;
Там для нас непостижимый
Наш Отец царит...
В те надзвездные святыни,
В тот кипучий свет,
Нет полета для гордыни,
Для порока нет!...»

(Ф.Н. Глинка).

14. С пасени е России ходатайством Богоматери

В 1395 году грозная туча собралась над Россией. Тамерлан, победитель востока, победитель Тохтамыша, шел на Россию. Все храмы московские были отверсты с утра до глубокой ночи; народ постился и со слезами молился об отвращении гнева Божьего. Великий князь Василий просил митрополита, чтобы принесена была икона Богоматери, с которой боголюбивый князь победил болгар. Необозримые толпы народа со слезами и на коленах встречали Богоматерь; слышен был один голос всех: Матерь Божья! спаси землю русскую! И Матерь христиан спасла Россию. В тот самый день и час, когда жители Москвы встретили икону чудотворную на Кучковом поле, – Тамерлан, испуганный видением жены светоносной, поспешно вышел из России. Так Тамерлан, не причинив вреда России, успел только в том, что, к счастью России, сокрушил орду Кипчакскую. «Нам, князь, – писал современник пр. Кирилл, – нам, которые видели преславные и великие чудеса Пречистой Госпожи Богородицы, остается душой и сердцем радоваться, со страхом помышлять о том, как в последний сей род сподобил нас Бог Пречистой Своей

Матерью так чудесно избавить христианский род от нашествия иноплеменных врагов».

(Ист. рус. церкви, Филарета Гумилевского, пер. 2, стр. 26).

15. Небесная Гостья

I. Однажды, в глубокую ночь, преподобный Серий совершал свое келейное правило и перед иконой Богоматери пел акафист, что́ он делал, по своему обычаю, ежедневно. Часто взирал он на святую икону и усердно молил Матерь Божью о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего», взывал святой старец, «ходатаица, заступница и крепкая помощница рода человеческого! Буди и нам недостойным ходатаицей, – присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени на веки! Тебя, Матерь сладчайшего моего Христа Иисуса, призываем на помощь рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!»

Так молился преподобный; его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души беседовал с Пречистой Матерью всех, возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.

II. Окончив молитву, он сел для отдохновения; но вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления, и он сказал своему келейному ученику, преподобному Михею: «бодрствуй, чадо: мы будем в сей час иметь чудесное посещение». Едва сказал он это, как послышался голос: «се, Пречистая грядет!»...

Тогда старец встал и поспешно вышел в сени: здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами Петром первоверховным и Иоанном девственником – Богословом... Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, преподобный Сергий пал ниц; но благая Матерь прикоснулась к нему рукой и ободрила его словами благодати: «не бойся, избранниче Мой», изрекла Она, «Я пришла посетить тебя; услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу Я не отступна буду от места сего, и всегда буду покрывать его»... Сказала так и – стала невидима...

III. Вострепетал старец от страха и радости; несколько минут был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел, что ученик его Михей лежит на полу, как бы умерший: великий наставник мог видеть Царицу Небесную и слышал голос Ее; а ученик, пораженный

ужасом, не в состоянии был видеть все и видел только свет небесный...

– «Встань, чадо мое», кротко сказал старец. Михей пришел в чувство, поднялся, но тут же упал к ногам пр. Сергия. «Скажи, отче, Господа ради», говорил он: «что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела»...

Но Сергий и сам еще не мог говорить от душевного волнения, только лицо его цвело небесной радостью. «Подожди, чадо», сказал о ученику: «и моя душа трепещет от этого видения».

Когда наконец старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двоих благоговейных мужей из братии – Исаакия молчальника и Симона экклесиарха. Те поспешили на зов своего старца-игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келье. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а пр. Сергий всю ночь провел без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а на яву видел он Матерь Божью, как видел Ее некогда преподобный Афанасий Афонский», замечает при сем летописец.

IV. По древнему преданию, записанному в Никоновой летописи, это небесное посещение было в пост Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу и, как думают, в 1384 году...

В благодарное воспоминание сего чудного посещения, в обители пр. Серия установлено каждую пятницу, с вечера, совершать всенощное бдение, с акафистом Богоматери, в юго- западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла келья пр. Сергия, и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие небесной Гостьи. А каждую субботу после ранней литургии в церкви пр. Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, при чем поется нарочито составленный, по образу пасхального, канон в воспоминание сего посещения (попеременно с двумя другими канонами).

(Из кн. «Житие и подвиги препод. Сергия Радон.» Иер. Никона).

16. Ангел

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел.
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песни святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала

Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе
молодой Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.
(М. Лермонтов).

17. Чудесная книга

За дальней Сибирью, по соседству с Китаем, на берегу Тихого океана, лежит страна Япония, языческой веры; но теперь в ней довольно сильно распространяется и Евангельское учение, и есть уже не мало православных христиан, имеющих даже несколько своих священников из японцев. Рассказывают следующую любопытную историю, как началось там христианство.

Один знатный японец из города Иеддо (столица Японии) *раз* вышел погулять на берег морского залива. Незадолго перед тем из гавани отплыли английские и американские корабли. На месте стоянки их вельможа увидел плавающим какой-то предмет и приказал своему провожатому достать его из воды. Это была книга. Взявши ее в руки, японец увидел, что книга эта напечатана на иностранном языке и читать ее он не может. От голландских купцов узнал он, что это Новый Завет на английском языке и что множество людей верят в него, как в слово Божье. Из дальнейших расспросов японец узнал, что книга эта переведена на китайский язык, который он понимал, и может быть куплена в китайском городе Шанхай. Он написал туда, и книгу выслали. Тогда в обществе пяти-шести друзей стал он время от времени ее почитывать и знакомиться, что в этой святой книге заключается. В душу читавших пал духовный свет. Слово Христово так тронуло вельможу, как не трогало до того времени никакое другое писание. Сам он говорил о своем чтении так: «Никогда прежде не видал я такой личности (как Христос) и не слыхал ничего подобного; не читывал ничего в этом роде и не мечтал о подобных вещах; никогда не представлял себе возможности подобных речей и дел». Чтение Евангелия продолжалось несколько месяцев. Наконец услыхав, что в ближний город Нангасаки приехал один христианский миссионер (проповедник Христовой веры), японец пригласил его к себе, беседовал с ним и на все свои вопросы получил удовлетворительные ответы. Таким

образом знаменитый японский сановник и двое из его друзей без всякого постороннего влияния уверовали в Того, о Ком говорит Писание. Когда они обратились к миссионеру с просьбой о крещении, он нашел их к принятию крещения совершенно подготовленными. Это были первые японцы, уверовавшие во Христа.

18. Сельский священник

У церкви сельской, за оградой,
В уютном домике своем,
В кругу семьи, пред тихим сном,
Дыша вечернею прохладой,
Священник у окна сидел;
Он в думе набожной смотрел,
Как на закате, догорая,
Багряный блеск сменялся тьмой:
Так ясно жизнь его святая
Клонилась к сени гробовой.
(Козлов) **.**

19. Сельская церковь

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне;
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу [198] ,
И апостола Павла с крестом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож – старик
На свою колокольню – руину [199] ;
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись – *и* медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой

И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит – бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведреном дне...
(Некрасова).

20. Свеча перед иконой

Дорог мне пред иконой,
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возженный
Чьей, неведомо, рукой.
Знаю я – свеча пылает,
Клир торжественно поет, –
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет.
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это медный грош вдовицы,
Это – лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это – светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и утешенья
В вечность глянувшей души.
(Майков).

21. Всенощная в деревне

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонят ко всенощной,
К молитве благостной –
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий
В полях разносится.

В Холмах, селе большом,
Есть церковь новая.
Воздвигла Божий храм
Сума торговая –
И службы Божия
Богато справлены:
Икон подножия
Свечьми уставлены.
И стар, и млад войдет –
Сперва помолится,
Поклон земной кладет,
Кругом поклонится.
И стройно клирное
Несется пение
И дьякон мирное
Твердит глашение:
О благодарственном
Труде молящихся,
О граде царственном.
О всех трудящихся,
О тех, кому в удел
Страданье задано...
А в церкви дым висел
Густой от ладана.
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
От солнца Божий храм
Горит и светится.
(И. Аксаков).

22. Св. Апостол Андрей Первозванный

I. Апостол Андрей называется «Первозванным» потому, что он первый последовал за Спасителем, слушая Его проповедь к народу. Он и брат его Петр родились в Вифсаиде и занимались рыболовством. Спаситель, увидя их за этим занятием, сказал: «подите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков».

II. После вознесения Господня и сошествия Святого Духа, апостолы разошлись учить народы слову Божьему. Апостол Андрей проповедовал в

Греции, в Малой Азии, на берегах Черного моря и дошел до страны Скифов. Эта страна, в то время дикая и неизвестная, находилась на юге теперешней России; о ней тогда мало знали. Наставляя этих дикарей, св. Андрей с терпением переносил гонения от язычников и варваров за свое учение и своей кротостью все-таки находил последователей Христу. Он доходил до того места, где построен был впоследствии Киев, и водрузил крест на одном из холмов его, сказав при этом: «здесь воссияет благодать Божья».

III. Был он и в Византии и уже в преклонных летах дошел до города Патр, где его ожидала мученическая смерть. Слушая его святое учение, многие жители, в том числе и жена самого правителя Егеата и брат его философ [200] Стратоклей, оставили идолов и обратились к истинному Богу. Сам прави- тель города в это время был в Риме, где царствовал тогда жестокий император Нерон.

IV. Возвратившись домой, Егеат узнал, что христианство сильно распространяется по городу и проникло даже в его семейство. Полный гнева, он стал принуждать св. Андрея принести жертвы языческим богам. Но тот открыто и смело стал проповедовать ему учение Христа и уговаривал самого Егеата тоже уверовать в Спасителя.

Егеат начал хулить Господа и учение.

« – За это ложное ученье, говорил он, Иудеи распяли Учителя Твоего Иисуса».

– О если бы ты захотел понять тайну креста! воскликнул Андрей. – Не неволей, а добровольно пострадал на нем Спаситель наш, чтобы искупить людей своих.

– Удивляюсь, сказал Егеат, – как ты можешь веровать в человека, который каким бы то ни было образом, волей или неволей, был пригвожден ко кресту?

Смерть крестная у Римлян считалась самой позорной казнью, на нее осуждали самых злейших преступников.

V. Андрей стал славить Господа и объявил Егеату, что с радостью примет крестную смерть за имя Господне, и начал объяснять тайну искупления рода человеческого через крестную смерть Иисуса Христа. Егеат велел Андрея посадить в темницу. В молитве и в беседах с верующими провел Андрей всю ночь.

VI. На другое утро Егеат стал снова убеждать св. Андрея отречься от Господа. Но, когда тот отказался, он велел его жестоко бить и начал опять грозить ему крестной смертью.

Я более скорблю о твоей гибели, сказать на это св. Андрей, нежели о

своих страданиях, потому что мои страдания продолжатся день, два, а твои – будут без конца.

VII. Егеат, чтобы продлить страдания святого, велел не пригвоздить, а привязать его ко кресту. Когда вели святого на казнь, народ толпился вокруг него и спрашивал: чем согрешил этот праведник? Но Андрей своими внушениями усмирил народ, начинавший сильно волноваться. Андрея привязали к кресту и высоко подняли. Мучительно было висеть святому, не имея ни малейшей опоры. Но и в этих страшных мучениях он с креста продолжал поучать народ.

VIII. Дни и ночи проходили таким образом. Св. старец не переставал беседовать с народом; но продолжительное его мучение усиливало ропот и неудовольствие в окружающих. Наконец, народ с криком окружил дом Егеата, требуя снять св. страдальца со креста. Егеат, устрашась волнения, сам пошел на место казни, чтобы при нем сняли св. Андрея со креста.

IX. Когда слуги Егеата начали отвязывать святого страдальца от креста, апостол Андрей поднял глаза к небу и воскликнул: – не допусти, Господи, снять меня с креста и не лиши меня подобия Твоей смерти. Не дай поколебаться тем, кто возлюбил Тебя через мое учение... Прими меня с миром». Сказав это, апостол умер, а лице его просияло небесным светом.

(Из Ч. М.).

23. Святой Поликарп, Епископ Смирнский

I. Как яркое светило, сиял своей мудростью и святостью жизни св. Поликарп в малоазиатском городе Смирне. Число верующих все больше и больше возрастало, увеличиваясь новыми христианами из иудеев и язычников. Это-то и было причиной, что закоренелые в своих предрассудках иудейские и языческие старшины, из боязни, чтобы их вера не исчезла окончательно, обратили свои взоры на св. Поликарпа и задумали погубить его. Чтобы легче достигнуть своей цели, они стали распускать разные ложные и нелепые толки о христианах, которым верили темные язычники и разносили их по всей стране.

II. Так, язычникам удалось подслушать разговоры христиан о том, что они в своих богослужебных собраниях едят Тело и пьют Кровь Господню. Не понимая значения и сущности величайшего таинства христианского, установленного Самим Спасителем, преподавшим Свои ученикам под видом хлеба и вина Свое Пречистое Тело и Кровь, язычники распространили по всей стране молву, будто христиане на своих собраниях едят тело и пьют кровь убиваемых ими язычников. Это несколько похоже на то, как некоторые суеверные христиане и в наше

время распускали слух, яко бы евреи употребляют в пищу кровь христианских детей. Очевидно, это – грешная и безумная клевета, какой была и клевета на первых христиан, будто те едят тело и пьют кровь человеческую. Но в те времена правду трудно было найти. Пущенная в ход против христиан клевета быстро распространялась по городам и селам, и всюду ей верили. Народ яростно озлобился на христиан; каждый язычник считал своей священной обязанностью доносить на христиан и убивать этих кровопийц, питающихся те-лом человеческим! Тяжкие времена настали для невинных христиан. Станет, бывало, какой-нибудь озлобленный язычник выдумывать и рассказывать разные небылицы о христианах, и вокруг него собирается толпа разъяренного народа. Попадается вблизи дом христианский, язычники нападут на него, грабят и, ломают все; всякого христианина, попавшегося в их руки, подвергают страшным мукам и истязаниям и затем безжалостно убивают. Хуже всего приходилось, когда язычники схватывали христиан на их молитвенных собраниях. К ним туда врывались с оружием в руках, рубили мечами, убивали дубинами. Суда и защиты негде было искать христианам. Все начальство – и гражданское, и военное – составляли язычники, жестокие гонители Христовой веры, которую они считали вред-ной и гибельной с ее высокими правилами о любви к ближнему и свободе человеческой!

III. В 167 году в городе Смирне иудеи сговорились с язычниками перебить всех христиан. Собрались толпы народа, и несчастных христиан ловили и немилосердно мучили. «Где Поликарп»? кричала толпа; «где оскорбитель наших богов»? разнесся по улицам крик. Скоро узнали, что св. муж находится недалеко, в загородном доме, с своими друзьями на молитве. Разъяренные язычники тотчас окружили дом. Хозяин дома вместе с Поликарпом вышли к толпе и велели угостить ее разными кушаньями и напитками. Пока жадные язычники ели и пили, св. Поликарп молитвой готовился к предстоящей смерти. Потом схватили его и с бесчестьем, поруганием и побоями повели к правителю города. Начальник, взглянул на святое лицо мученика, почувствовал к нему уважение, старался избавить от лютой смерти и ласково говорил ему: «ты видишь, старик, против тебя озлоблен народ; смерть твоя неизбежна, если ты не отречешься от Христа и не поклонишься нашим богам». Спокойно и без страха св. Поликарп ответил на это: «Восемьдесят шесть лет служу я Христу, и Он ничем не оскорбил меня. Как я могу хулить и оскорблять Царя моего, Который спас меня»? – «Да, я вижу, сказал правитель, что тебе хочется умереть. Но ты подумай только, какая страшная смерть

предстоит тебе; ты погибнешь от когтей и зубов лютых зверей». – «Прикажи выпустить их на меня: не боюсь я их», бесстрашно молвил св. старец. – «Я прикажу тебя сжечь огнем», грозил начальник.

– И огонь твой мне не страшен: он погорит немного и потухнет.

Такой разговор продолжался в суде больше часу, и народ, наполнявший двор суда, соскучился и стал волноваться. Вдруг раздался неистовый крик: «сжечь на костре противника наших богов! Несите дрова и солому! Смерть ему!»... И правитель утвердил этот смертный приговор. Бешеная толпа опять схватила мученика, опять стала издаваться над ним и, наконец, взвела на костер и зажгла его. С радостной улыбкой и светлым взором смотрел святой старец на приготовленный для него костер. Потом возвел очи к небу, помолился, возблагодарил Господа, сподобившего его мученической смерти, и мужественно вступил в огонь среди неистовых криков восторга язычников и тихих слез христиан, с болью в сердце наблюдавших смерть своего великого пастыря и учителя.

Любящие и благодарные ученики собрали и сохранили пепел своего сожженного учителя.

Так окончил жизнь свою один из величайших подвижников Христовой церкви, ученик св. Иоанна Богослова. Сожгли его тело, но не могли сжечь бессмертного духа, веселящегося ныне в райских обителях Отца Небесного.

(Прот. Наумович).

24. Святые семь отроков Ефесских

I. В царствование римского императора Декия, жестокого гонителя христиан, из числа многих исповедников веры Христовой, не хотевших поклоняться идолам, открыто объявили себя христианами семь отроков, из лучших фамилий Ефесских граждан. Им дан был срок обдумать, что им лучше избрать: свободу ли и все возможные почести, если они признают языческих богов, или мучительную смерть за имя и звание христиан. Благочестивые отроки, от младенчества воспитанные в христианском благочестии, единодушно решились пострадать за веру Христову. Они данное им время употребили на дела благотворения бедным и затем, чтобы в безмолвии лучше укрепиться на подвиг мученичества, они удалились за город в одну пещеру и там пребывали в прилежной уединенной молитве.

II. Когда узнали об удалении их в пещеру и их твердой решимости остаться христианами, царь велел заживо схоронить их в пещере, завалив вход в нее камнями. Но Господь, восхотев явить славу имени Своего, определил, чтобы эти св. отроки на много лет уснули и потом силой Божьей пробудились от своего чудного сна, засвидетельствовав тем истину

и нашего воскресения из мертвых. Это случилось следующим образом. Через двести слишком лет, когда владетелю места, где была пещера, понадобились камни и он отобравши их, открыл вход в пещеру, тогда св. мученики, в нетлении телес своих почивавшие в этой пещере, силой Господа И. Христа воскресли и, как бы пробудившись от сна, воздали обычную утреннюю хвалу Богу. Потом один из них, по имени Ямвлих, выйдя из пещеры, отправился в город, чтобы купить себе пищи.

III. В это время вера христианская уже распространилась в Римской империи, и потому воскресший отрок, представлявший город Ефес исполненным идольских капищ, каким он был в царствование Декия, изумился, увидав на всех вратах города знамение креста Христова и услышав повсюду произносимое без страха имя И. Христа. Сначала изумленный отрок подумал, что он заблудился и вошел в другой город, но ему сказали, что этот город действительно Ефес, где он родился и где он уже не находил ни известных ему зданий, ни встречал знакомых ему лиц. Потом когда Ямвлих за купленный хлеб стал давать серебряную монету, имевшую надпись и изображение одного из древнейших царей, то торговец, подумав, что отрок нашел древнее сокровище, задержал его и представил начальнику города, которому он и рассказал все случившееся с ним и его шестью товарищами. Начальник города и епископ отправились к пещере и действительно нашли в ней отроков, через которых явлено было людям столь дивное успение и восстание. Все прославляли Бога, дивного во святых своих, и утвердились таким образом в истине воскресения мертвых. Когда святые семь отроков вскоре после того снова уснули сном смерти до будущего всеобщего воскресения, то в честь и память их устроили торжество, и св. церковь, сопричислив их к лику св. мучеников, воспоминанием их дивного успения и восстания возбуждает и в нас спасительную мысль о нашем воскресении из мертвых в день всеобщего суда. –

(Из Ч. М).

25. Св. великомученик Георгий

Св. великомученик Георгий происходил из Каппадокии от христиан и получил хорошее воспитание. Поступив в воинскую службу, он обратил на себя внимание императора своей мужественной красотой и скоро сделался военачальником. По своему званию, он участвовал в государственных совещаниях. Увидев, что действия правительства направляются против христиан, он решился исповедать и защищать свою веру. Распорядившись своим имуществом, он явился в совет императора, где в тот день должна

была решиться участь христиан, и мужественно защищал их. Георгия сперва заковали в колоды и на грудь его навалили камень; потом привязали к колесу, обращавшемуся над железными гвоздями, и ими терзали его тело; полагали его в негашеную известь; далее его обули в сапоги с острыми гвоздями и били воловьими жилами до тех пор, пока тело его с кровью как бы прикипало к земле. Но после всякой казни тело св. великомученика, вследствие молитвы к Господу, мгновенно исцелялось. Император Диоклитиан, приписывая эти чудеса волшебству, приказал знаменитому тогда волшебнику Афанасию приготовить отраву для св. Георгия, но и отрава не произвела на него своего действия. Изумленный волшебник торжественно исповедал Иисуса Христа и был обезглавлен, по приказанию императора. Тогда Диоклитиан льстивыми обещаниями стал склонять Георгия к отречению от христианства. Георгий изъявил желание идти в храм Аполлона. Император и Георгий, сопровождаемые двором и народом, входят в храм; все ожидают, что св. мученик принесет жертву богам. Но св. Георгий сотворил крестное знамение – и идолы с шумом упали на землю. Тогда император, по требованию жрецов, приказал отсечь исповеднику голову. Чудесные страдания св. Георгия обратили ко Христу супругу Диоклитианову Александру и множество других язычников. Царица Александра также сделалась мученицей за Христа.

(Ч. М).

26. Правдивость христианина

Блаженный Августин повествует о св. Фирме, епископе Тагасты в Африке, следующее. Один из языческих князей в Африке преследовал и искалъ убить невинного друга св. Фирма. Гонимый, не находя нигде убежища, доверился дружбе и состраданию епископа и был им скрыт; но сыщики княжеские открыли его убежище и с угрозами требовали у св. Фирма указать место, где скрылся друг его. «Я не могу вам ничего сказать, отвечал он, потому что не могу ни солгать, ни открыть убежища того, кого вы ищете». Его подвергли мучительной пытке и грозили даже смертно. «Я сумею перенести и мучения, сумею и умереть, отвечал доблестный пастырь, но ничего не выскажу вам теперь, когда мне предстоит изменить или истине, или любви христианской». Изумленный величием души епископа, князь языческий дал ему обещание не только не убивать, но и не преследовать его друга.

«Каких похвал не заслуживает, восклицает блаженный Августин, этот славный пастырь, возлюбивший истину до того, что и при самой смерти не захотел осквернить уст своих ложью!»

(В. Ч. XII. 326).

27. Необыкновенная милостыня

I. Святой Павлин, епископ Ноланский, был прежде сенатором [201] римским и имел большое состояние, но все расточил на дела милосердия, потому что необыкновенно был милостив и сострадателен к бедным. Когда же впоследствии времени он был епископом в Нолане, и вандалы, напав на Италию, захватили в плен и отвели в Африку многих из принадлежащих к его епархии [202] , тогда он все, что имел, и что было в епископии, роздал для выкупа пленных и на пропитание обнищавшим от варварского нашествия, так что у него уже решительно ничего не осталось.

II. В это время приходит к нему одна бедная вдова и, рыдая, говорит ему: «Мой сын, единственная опора в старости моей, взят в плен вандалами, и, как слышно, находится у вандальского князя, зятя царского; умоляю твою святыню, дай мне что-нибудь на выкуп его».

III. Растроганный рыданием бедной матери до глубины сердца, св. Павлин не знал, что ему делать. Доселе он никому не отказывал в милостыне и никого не отпускал от себя без утешения. И вдруг родилась у него необыкновенная мысль, а с мыслью соединилась и твердая решимость, и он сказал ей: «Нечего мне дать тебе, кроме себя самого; итак, я отдаю себя в твою власть; возьми и отдай меня, как бы своего раба, за сына своего». Услышавши от него такие слова, вдова приняла их как бы за насмешку; но святитель уверил ее, что он говорит ей правду, и уговорил ее отдать его за сына.

IV. И вот, они отправились к вандалам. Там вдова пала к ногам князя, у которого находился сын ее, и со слезами умоляла отдать ей сына, который только один у ней; но князь и слышать не хотел о том. Когда же она, указав ему на угодника Божьего, Павлина, сказала, что она отдаст его вместо сына; тогда князь, спросив его, какое знает он ремесло, и узнав от него, что он искусный садовник, согласился принять его вместо юноши.

V. Вдова с сыном возвратились домой; а св. Павлин остался работать в саду князя. Князь часто начал ходить в сад и, разговаривая с новым своим садовником, увидал в нем большой разум, и любил беседовать с ним.

VI. В один день св. Павлин открыл ему, что в скором времени совершатся важные для него события, и советовал ему не отлучаться из столицы. Князь сообщил об этом дарю. Царь, подумав, сказал: «Я хотел бы видеть этого человека». Когда же св. Павлин, по приказанию князя, принес к царскому столу зелень и плоды, царь, увидев его, смутился, и, подозвав к себе зятя своего, сказал: «Я видел этого человека во сне; узнай от него, кто он такой. Мне кажется, он не из простых, потому что я видел его в каком-

то великом сане». – Князь, отведя его в сторону, спросил его, кто он? – Человек Божий отвечал: «Я раб твой, принятый тобой вместо, сына вдовы». – «Я не о том спрашиваю тебя, кто ты ныне, но кто ты был в своей стороне», сказал ему князь, и заклинал его сказать ему всю правду. Тогда человек Божий, хотя и с прискорбием, открыл ему, что он был епископом.

VII. Услышав это, господин его испугался и со смирением сказал ему: «Проси у меня, что ты хочешь; я желал бы отпустить тебя на твою сторону с великими дарами». На это угодник Божий отвечал ему: «Одной милости прошу у тебя: отпусти всех пленников из страны моей».

VIII. Просьба св. Павлина была исполнена; собраны были все пленники из паствы его, и переданы ему. И добрый пастырь, напутствованный многими дарами, отправился в отечество с словесным стадом своим, и был встречен с необыкновенным торжеством, радостно и с бесчисленными благословениями.

(Ч. М.).

28. Образ благотворения

С *мотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного (Мф.6:1).*

В те дни, когда св. Василий Великий со славой правил Кесарийской паствой, жил близ Кесарии один пресвитер именем Анастасий. Был он муж добродетельный, воздержный, кроткий, особенно же милосердный к убогим и благотворительный. Его жена, Феогния, была достойной подругой своего добродетельного супруга; четырнадцать лет прожили они в любви и согласии, не как муж с женой, а как брат с сестрой. Не имея детей, они все свои заботы, всю свою любовь отдали бедным, нищим, убогим и странным; оттого благодать Божья преизобильно почила на святых супругах.

Однажды св. Василий Великий сказал своему клиру: «дети мои, идите со мной, и мы узрим славу Божью». Сказав это, великий святитель, окруженный клиром, вышел из города, не сообщив никому, куда он хочет идти.

Но благочестивый Анастасий силой Святого Духа уведал, что св. архипастырь, хочет посетить его дом, и сказал своей жене-сестре: «я иду работать на поле; ты же, сестра моя, убери жилище наше, а в девятый час, взяв кадильницу и возженную свечу, выйди навстречу святого Василия архиепископа, который идет посетить нас, грешных». Удивилась благочестивая Феогния чудным словам своего мужа, но беспрекословно исполнила все, приказанное им.

В девятом часу она вышла из дому и с великой честью встретила св. архипастыря. Св. Василий, благословив ее, спросил: «здрава ли ты, Феогния»? Услышав свое имя, добродетельная жена удивилась и отвечала: «здрава, святитель Божий, раба твоя». – «Где Анастасий, брат твой»? спросил ее снова святитель. «Владыко» , – отвечала она, – «он муж мой, и теперь работает в поле; но я сейчас пойду и призову его». «Не трудись», сказал св. Василий, «дома брат твой».

Когда все подошли к дому пресвитера, их встретил сам Анастасий. Поклонившись св. архипастырю, он облобызал его и, введя в дом свой, омыл ноги его. Потом все пошли в церковь, и св. Василий приказал Анастасию совершить божественную литургию. Напрасно смиренный пресвитер отказывался, предоставляя эту честь высокому гостю, – святитель напомнил ему о святости послушания, и Анастасий приступил к совершенно бескровной Жертвы. И вот, когда он предстоял св. престолу, Дух Святой сошел в виде огненного облака, осенившего священнослужителя и весь алтарь, так что все присутствующее ужаснулись.

Приобщившись св. таин, все снова пошли в дом пресвитера, где гостеприимный хозяин предложил своим гостям скромный обед. Во время обеда Василий Великий обратился к Анастасию и спросил: «Скажи мне, брат мой, какое у тебя есть имение, и как ты живешь? Поведай все откровенно». – «Святитель Божий», отвечал тогда пресвитер, «я человек грешный; имею я две пары волов, и на одной пашу сам свое поле, а на другой – мой работник. Доходы с одной пары идут на наше содержание, а с другой – на милостыню бедным; в работах помогает мне жена моя»... «Зови ее сестрой, – прервал тогда его речь прозорливый святитель, – и поведай мне о прочих твоих добрых деяниях». «Владыко святой, – был смиренный ответ Анастасия, – я человек грешный и не знаю за собой никакой добродетели».

Тогда св. Василий сказал ему: «встань, пойдем вместе со мной». Они встали из-за стола, и святитель, подведя хозяина к запертой двери в одну комнату, приказал: «отвори ее». – «Святитель Христов, – отвечал Анастасий, – не изволь входить сюда, ибо здесь лежит мое имение». – «Я для того и пришел, чтобы видеть твое имение», произнес св. архипастырь и приказал дверям открыться. Тотчас двери сами собой отверзлись, и святитель, войдя в комнату, увидел здесь лежащего на одре неизлечимого больного, за которым тайно от всех ухаживали хозяин и его благочестивая супруга. «Зачем», – обратился тогда к Анастасию Великий Василий, – хотел ты скрыть от меня свое богатство? – «Отец

мой и владыко», оправдывался смущенный пресвитер, «прости меня, но этот страдалец очень раздражителен и сварлив, и я боялся, что он оскорбит тебя».

Тогда св. архипастырь похвалил милосердие Анастасия и сказал: «оставь меня в этой комнате на сегодняшнюю ночь, ибо хочу и я разделить с тобой награду твою». Все вышли и затворили двери, оставив святителя одного с больным.

Страдалец от лютых мук лежал, как мертвый. Но великий чудотворец обратился за помощью к небесному Врачу душ и телес и всю ночь молился Господу. На утро же он подошел к одру болящего и произнес над ним молитву. И тотчас встал расслабленный здравым и воскликнул: «слава Тебе, Боже, творящий волю боящихся Тебя»! Этот возглас услышал Анастасий и его прочие гости, и когда они подошли к комнате больного, из нее вышел великий чудотворец Василий, ведя за руку исцеленного, который славил Бога и святого Василия, и своего милосердого хозяина, пресвитера Анастасия.

(Русск. Паломн.№ 25-й 1887 г.).

29. Повиновение власти

Греческий царь Валент, держась Ариевой [203] ереси, осудил на изгнание за реку Истр Евсевия, епископа Самосатского. Чиновник, для исполнения этого приговора прибывший в Самосаты, не знал, как приступить к делу своему; ибо народ любил святителя и готов был лучше решиться на общий бунт, нежели отдать его в руки неправосудия. Узнав это, св. Евсевий, поздно вечером, призывает с себе царского посланника и, приняв ласково, говорит ему: «молчи и никому не объявляй причины твоего сюда прибытия; в противном случае, народ взбунтуется и убьет тебя; я не хочу быть виновником твоей смерти».

После того, Евсевий совершил вечернее славословие Богу и, когда настала ночь, открыл тайну и намерение одному из слуг. В начале ночи он восстал с ложа своего и вышел из дома архиерейского, сопровождаемый верным спутником, который нес за ним возглавие и книгу – все богатство, которое святитель взял с собой. Достигнув реки Ефрата, текущей близ стен города, он отдал себя в руки царского чиновника и, сев в лодку, поплыл к городу Зевгме.

Жители Самосатские, узнав о судьбе своего любимого святителя, пришли в сильное волнение, все рыдали, все спрашивали, в которую сторону св. Евсевий направил путь свой, и когда узнали, что целью его путешествия, на первый раз, есть город Зевгма, сели в разные лодки и с поспешностью устре-мились за архиереем Божьим. Они достигли его там,

где надеялись; их плач и рыдание слышны были издалека.

Каких ни истощали тут они просьб и молений, чтобы возвратить к себе пастыря своего и учителя! каких ни употребляли убеждений они припадали к ногам его, омочали их своими слезами, уверяя, что паства его достанется какому-нибудь хищному волку-арианину; но св. Евсевий на каждое новое убеждение отвечал только этими словами: *всякая душа властем предержащим да повинуется; несть бо власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляйся власти, Божию повелению противляющиеся: противляющиеся же себе грех приемлют* . [204] Так, дети мои, каждый раз присовокуплял он: невозможно мне, подданному, противиться царскому повелению; также и вы, как подданные, будете несчастны здесь и в будущей жизни, если не будете послушны воле царской. Я первый, в сем случае, готов обвинить вас».

Народ, видя непреклонность своего пастыря, представлял ему на путь разные дары: иной злато и сребро, иной одежды, иной рабов; но святому человеку, кроме книги и самой простой одежды, ничего было не нужно. Единственно в угождение духовных чад своих, он взял с собой несколько маловажных вещей – напомнил всем, чтобы твердо держались догматов православной веры, помолился о них, благословил и отправился в предлежащий путь.

(Уч. бл. т. II).

30. Нестяжательность святителя Спиридона

I. Однажды император Констанций, сын Константина Великого, будучи болен, увидел во сне, что Спиридон может исцелить его; он призвал его, и, действительно, Господь исцелил царя молитвами святого епископа. Констанций захотел богато наградить его и предлагал ему много денег; но святитель отказался от даров и говорил царю: «что я сделал для тебя, то сделал я по любви; по любви к тебе я переплыл море и предпринял трудный и дальний путь; а ты за любовь мою хочешь платить деньгами, которые суть источник всякого зла и вражды». Но царь настаивал, и тогда Спиридон, приняв от него деньги, тотчас же роздал их бедным.

II . В другой раз Спиридон, усмотрев в ученике своем желание земного богатства, сказал ему: «что ты все думаешь о суетном, желая земного богатства, сел и виноградников. Все это не имеет истинно цены и обманывает человека, привлекая его мысли и желания. Можем ли мы думать об этом, когда знаем, что у нас на небесах богатство неотъемлемое, дом нерукотворенный? Того богатства ищи, которого у тебя никто не отнимет, которое не перейдет от тебя к другому, но будет вечно принадлежать тебе, если ты его однажды прибретешь».

(Ч. М. Дек.).

31. Корень лилии

В сжатой руке одной египетской мумии [205] нашли однажды старый засохший корень какого-то растения. Сколько лет прошло, как он был погребен вместе с мумией, никто не знал; одни говорили, что две, а другие – три тысячи лет назад. Известно только, что сухой найденный корень положили в сырую землю, и вот, через несколько времени, показалось из земли свежее растение, и скоро расцвела из него прекрасная, душистая лилия.

Образ лилии представляет сердцу нашему радостное утешение.

Мертвое тело, которое мы, может быть, сегодня положим в могилу, опять воскреснет.

Посеянное тленным, безобразным, распадающимся, вырастет в нетлении, славе и великолепии.

Это может показаться неверующему очень удивительным; но и перерождение усохшего корня лилии в цветущее состояние и красоту не менее чудесно. Один и тот же всемогущий Бог совершает оба чуда. Чудеса природы, если их верно рассматривать, подтверждают веру нашу в другие еще большие чудеса милости Божьей.

Мертвые опять воскреснут. Мы все должны будем идти ко Христу, потому что Он есть «воскресение и живот»; и так как Он Своей собственной кровью омыл наши грехи, то и будем умолять Его, чтобы Он приготовил нас к воскресению, жизни и славе Божьей.

32. Время жатвы есть изображение того времени, в которое наступить конец света

Когда в поле хлеб созрел и пришла пора сжать, вы говорите: «скоро пройдет лето, наступит осень и кончится год». Как в поле, так и в целом мире есть свой год, – год великий, безмерный, заключающий в себе не сто лет, не тысячу, не пять тысяч, а много столетий и тысячелетий, – столько, сколько угодно будет Господу, – и этот год когда-нибудь кончится, т.е. пройдет весна мира, пройдет лето, мир своей жизнью и делами склонится к осени, и тогда ему конец. В поле у вас все цветет, красуется, спеет до жатвы: в мире живут люди, стоят деревни, цветут города, красуются царства и народы до той страшной годины, когда волей Господней положится всему предел и межа. В поле, видя между пшеницей негодную траву, вы говорите: «не тронь ее, не топчи пшеницы, пускай растет, пока поспеет пшеница». В мире между людьми добрыми, видя людей злых, Господь говорит: «пускай они живут до поры, до времени; не стану их наказывать, чтобы вместе с ними не наказать людей добрых».

Наконец, в поле, когда хлеб поспел, пшеница зажелтелась, а вместе с ней выросла и трава, вы говорите: «все созрело, пора за серпы, пора за жниво», так и в мире: когда добрые поспеют в добре, праведные и святые, как пшеница, вызреют в правде и святости, а злые во зле, порочные и грешные почернеют, как куколь, во грехах и пороках: тогда Господь скажет: «пора Мне взять меч правосудия Моего и пожать нечестивых от земли, а праведных собрать, как пшеницу, в житницу Мою, т.е. в царство небесное.

Вот каким образом кончина мира похожа на жатву.

(Арх. Григорий).

33. Алый гробик

Перед царскими вратами
Алый гробик: чье дитя,
Под увядшими цветами,
Ручки белые скрестя,
Мирно ждет благословенья
На далекий путь?... Лети!
Ты, лети, лети в селенья
Детских душ! ты по пути
И моих там встретишь: милый,
Верный вестник, разверни
Светло-ангельские крылья,
Взвейся, мчись, несись, вспорхни
В небеса, над звездным сводом,
В тонкий, выспренний эфир [206] ,
Где, носясь из мира в мир,
Цепью, порознь, хороводом,
Мириады [207] мириад
Детских душ поют, ликуют,
Вьются, плавают, парят,
Славят, хвалят, торжествуют
Славу в вышних!.. О! скорей,
Рати ангелов небесной
Новобранец неизвестный,
Улетай!... – моих детей
Отыщи там; их там двое:
Загляденье – первенец!
Красоты такой Творец
Не создаст уж! а второе,

Миловидное, живое,
Прелесть, чудо, не дитя!
Как любил их страстно я!
Полетай же, ангел новый!
Сбрось же тления покровы
И в нетленье облекись!...
Ты узнаешь их, мой милый!
Познакомься, подружись
С ними, вестник легко-крылый!
Дай им весточку о нас:
Ты скажи им, что, смирясь
Перед Промыслом, молитвой
Услаждаем мы печаль!
Мы не ропщем; но нам жаль,
Так их жаль, так сердцу трудно,
Знает это только Бог!...
Отнеси гостинец скудный
Им на память: скорби вздох
И слезу любви!... родные
Улыбнутся нам, в залог,
Что, по их молитвам, Бог
Съединит нас...
... Литургия
Совершилась: унесут
Алый гробик – и спадут
С духа цепи плотяные
Духи детские возьмут
В сонм свой душу, им родную...
Мчись, душа! пари! несись!... –
Нашим детям поклонись
И отдай по поцелую.
(Николай Сушков).
34. Милых, что умерли...
Милых, что умерли,
Образы светлые
В сердце своем схорони!
Там они – ангелы
Будут хранители
В жизненных бурях тебе!

(А. Майков).

35. Рай

Апостол Павел еще при жизни в нашем мире был восхищен до третьего неба – *аще в теле, или кроме тела, не вем*, говорит он, *был восхищен в рай и слышал там неизреченные слова* , которых нельзя пересказать человеку. Природа рая, благолепие небес, изобилие там благодатного блаженства так превышают все изящное [208] и приятное земное, что св. апостол для изображения виденного им в священном исступлении употребил следующие выражения: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом своим* (1Кор.2:9–10).

Из известных нам видений святых угодников Божьих припомним видение св. Андрея, юродивого ради Христа, пребывшего вышеестественно в течение целых двух недель в созерцании невидимого мира и поведавшего другу своему иерею Никифору в доступных человеческому пониманию образах и выражениях следующее о рае: «Я увидал себя в раю прекрасном и удивительном и, восхищаясь духом, размышлял: что это?... Знаю, что живу в Константинополе; как же очутился здесь – понять не могу. Я видел себя облеченным в самое светлое одеяние, как бы истканное из молний; венец был на главе моей, сплетенный из чудно-прекрасных цветов; и я был опоясан поясом царским. Радуясь этой красоте, дивясь умом и сердцем несказанному благолепию Божьего рая, я ходил по нем и веселился. Там были многие сады с высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрение; от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из деревьев непрестанно цвели, другие украшались златовидными листьями, иные имели на себе различные плоды несказанной красоты и приятности. Невозможно тех дерев уподобить ни одному дереву земному: Божья рука, а не человеческая насадила их. Птиц в этих садах было бесчисленное множество: иные из них были с златовидными крыльями, другие – белые как снег, а иные – разнообразно испещренные; они сидели на ветвях райских дерев и пели прекрасно; от сладкого пения их я не помнил себя; так услаждалось мое сердце; и казалось мне, что глас пения их досягал даже до высоты небесной. Стояли те прекрасные сады рядами, как бы полк против полка. В то время, как я ходил между ними в веселии сердца, увидел реку великую, текущую посреди их и их напояющую. На другом берегу реки был виноградник, которого лозы, украшенные златыми листьями и златовидными гроздьями, широко раскидывались. Дышали там от четырех стран ветры тихие и благоухающие; от их дыхания колебались

сады и производили дивный шум листьями своими.

(Из брош. «Рай и ад». Изд. Русск. Афон. Пантел. монастыря).

36. Повесть препод. Анастасия Синаита о том, как Бог милует и прощает человека за неосуждение ближнего

Некоторый инок проводил дни свои во всяком нерадении и, в лености прожив всю жизнь свою, приближался к смерти. И когда разболелся последней смертной болезнью и уже был при последнем издыхании, нисколько не убоялся своей смерти, но разлучался от тела тихо, радостно и с улыбкой на лице. Бывшие при этом братия с изумлением сказали ему: «мы видели тебя, брат, проводившим жизнь в нерадении и теперь не знаем, откуда у тебя в этот страшный час такое спокойствие и улыбка сладкая». Брат, немного приподнявшись на одре, сказал им: «подлинно, честные отцы, я проводил жизнь свою во всяком нерадении и вот теперь принесены были перед меня и прочтены все записанный злые дела мои. Ангелы Божии сказали: «знаешь ли это?» я отвечал: «знаю хорошо, однако с тех пор, как оставил мир и постригся, я не осудил человека, не имел ни на кого злобы и молю, дабы на мне исполнилось слово Христа; ибо Он сказал: не осуждайте, дабы не быть осужденными, оставьте и оставится вам». Когда я сказал это, св. ангелы разорвали запись грехов моих. Посему-то я с радостью и беспечально и отхожу к Богу». После этих слов брат предал с миром Господу душу свою.

(*Из «Воскр. бесед», изд. «Общ. люб. дух. просв.» 1888 г.).*

37. Польза душам усопших от поминовения на литургии

«Был, говорит св. Григорий Двоеслов, монах, который, разболевшись к смерти, поведал своему родному брату, что им в кельи скрыто золото. А нужно заметить, что монастырь, в котором он жил, был общежительный, и устав его был таков, чтобы у братии все было общее, и никто не имел права что-либо считать своим и, тем более, утаивать. После о поступке инока узнали и другие монахи, а затем, как начальнику, сказано было и мне. Чтобы инок почувствовал тяжесть своего греха и раскаялся в нем, я запретил братиям навещать его. А после его смерти, чтобы на будущее время отвлечь других от подобного греха, повелел похоронить его вне монастырского кладбища и на его могилу бросить утаенное им золото. Все было исполнено. Но вот прошло тридцать дней после его смерти, и мне стало чрезвычайно жаль его. Думая, что в загробном мире он страдает, я стал изыскивать средства, чтобы облегчить его участь, и остановился на следующем. Призвав эконома [209] , я повелел ему

отслужить по умершем тридцать заупокойных литургий и заповедал также всем творить общую молитву о нем. Такое распоряжение мое было для усопшего чрезвычайно благотворно. В самый день, когда была совершена по нем последняя – тридцатая – литургия, он явился своему родному брату и сказал: «доселе, брат, я жестоко и страшно страдал; теперь же мне хорошо, и я нахожусь в свете». Брат умершего передал о своем видении инокам, и все они убедились, что покойный был избавлен от муки ради спасительной принесенной за него жертвы».

(*Из Пролога).*

38. Исправление воров

У св. Григория печерского был маленький огородец, где росли посеянные им овощи и плодовитые деревья. Раз забрались к нему воры, набрали овощей и плодов, взяли на плечи ношу и хотели идти, но вдруг почувствовали, что они не могут сойти с места. И стояли они неподвижно два дня под гнетом своего бремени. Наконец начали они кричать: «господин наш Григорий, пусти нас! Мы не будем больше делать так и покаемся во грехах своих». Услышали это монахи, пришли и перехватали их, но не могли свести с места. И спросили они воров: «когда пришли вы сюда»? Воры же отвечали: «мы стоим здесь два дня и две ночи». Монахи же сказали: «как же мы постоянно выходили и не видали вас»? Воры же сказали: «если бы и мы вас видели, то со слезами молили бы отпустить нас. Но вот уже изнемогая, начали мы кричать. Молите теперь старца, чтобы он отпустил нас». Тогда пришел Григорий и сказал им: «так как вы всю жизнь праздны, крадете чужие труды, а трудиться не хотите, то теперь стойте здесь праздно и прочие лета до конца вашей жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что не сделают в другой раз такого греха. Умилился старец и сказал: «если хотите работать и от труда своего других питать, – я отпущу вас». Воры клялись, что не ослушаются его. Тогда Григорий сказал: «благословен Господь Бог! С этих пор будете вы работать на святую братию: приносите от труда своего на нужды их». И так отпустил их. Боры эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, ходя за огородом.

(Киевопечерский патерик).

39. Изречение св. Тихона Воронежского о воровстве

Похищенное чужое добро, говорит св. Тихон Воронежский, как огонь, в дом войдя, все прочее имение поедает. Ибо где неправда, там и клятва Божия; где же клятва Божия, там никакого добра не будет, но всякое злополучие последует». «Хищники и грабители подобны человеку, черпающему воду решетом. Из рук их вытекает все, что они

похищают и собирают, как решетом черпаемая вода». «Похищай и хватай, человече, говорит тот же святитель, похищай, как хочешь и что хочешь, однако же знай, что все из рук твоих вытечет и твое собственное неправда, как огонь, потребить»...

(Т. 4. 70).

40. Наказанное корыстолюбие

В 1834 г. случился в Вятской губернии голод; от этого хлеб так вздорожал, что иные, скупые, могли тогда обогатиться, не имея сострадания к бедствующим от голода. И вот один крестьянин, живший неподалеку от Вятки, накопил множество хлеба и не вывозил его до тех пор на продажу, пока цена не возвысилась до рубля сер. за пуд, что чрезвычайная редкость в тех местах. Большая выручка денег обрадовала скупого селянина; он приходит в кафедральный собор и служит благодарственный молебен св. Николаю за то, что так подорожал хлеб, а между тем молится, чтобы еще повысились цены.

И что же? Впоследствии было дознано, что в то самое время, когда скупой безумно молился о несчастии бедного народа, откуда ни появись в доме его огонь, который скоро перешел в жестокий пожар, охвативший и истребивший не только дом, но и амбары с хлебом и решительно все. На возвратном пути из Вятки к дому несчастный скупец получил известие о постигшей его беде, и вместо того, чтобы познать в этом действие гнева и правды Божьей и исправиться, в отчаянии удавился! Таким образом и исполнилось слово псалмопевца: и молитва его да будет в грех (Пс. 108:7).

(Из «Собр. сочин. и писем» Святогорца).

41. Послушание есть великая добродетель

Пришли однажды к великому Авве Памво из скита четыре брата, одетые в кожу, и каждый из них рассказывал о добродетели другого. Один постился много, другой был нестяжателен, третий приобрел великую любовь, о четвертом они говорили, что он уже двадцать два года прожил в повиновении старцу. Авва Памво отвечал им: «скажу вам, что выше всех добродетель последнего: каждый из вас по своей воле приобрел ту добродетель, которую имеет, а сей, отвергшись сво- ей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если они до самого конца пребудут в послушании.

(Достоп. сказ, о подвиж. св. отец стр. 227. 3).

42. Как святые смотрели на болезни

Был один муж, который часто страдал от разных недугов. Случилось, что в один год его не постигла никакая болезнь. Благочестивый человек

начал плакать и скорбеть, говоря: «оставил меня Господь и не восхотел в нынешний год посетить меня». [210] Другой, равный ему в терпении, во время тяжкой болезни, отказался от предложенного ему братом в утешение яства, сказав: «поверь, брат, тридцать лет желал бы я провести в этой болезни». [211] Думаю, что эти люди не переносили бы так благодушно страданий, если бы не надеялись за терпение их получить от Господа более воздаяний, чем за другие добрые дела.

43. Два состояния

Душа томна,
Душа полна
Невыразимой мукой:
Всегда одна,
Мрачна, больна
Неотразимой скукой.
Почто ж она
И так хладна,
И так темна,
Как в дебрях дикая пещера?
Ее своим
Лучом святым
Не озаряет вера!
Душа играет, веселится,
Как юный агнец средь полей:
Везде родство, к ней все теснится,
И тайный мир открылся ей.
Вот крылья ангелов златые –
С них жизни сеется роса,
И часто с ласкою святые
Ей говорят про небеса
Все жизнь и цвет: скалы, пещеры
Блестят, как царственный чертог!
Что ж сталось с ней? Блаженство веры
Открыл ей благодатный Бог!
(Ф. Глинка.)

44. Жажда небесного

Исцели меня, Благость превечная!
Исцели мои раны сердечные!
Пред Тобою я в прахе лежу
И небесной отрады прошу.

О, возьми Ты всё блага ненужные,
Услади мою душу недужную,
И божественной силой любви
Благотворно меня оживи!
Уничтожь во мне силой чудесною
Все земное; пошли мне небесное!
О небесном молю я в тиши –
Не отвергни молений души!
(Ю. Жадовская).
45. Христианину
Христианин! не скучай!
Тайны неба изучай!
Душу Богу поручай,
И, с сердечной верой, чай
От Него великих благ;
Но гляди, чтоб, невзначай,
Не подкрался хитрый враг!
Сердце в правде укрепи!
Сушь душевные степи
Чаще слез дождем кропи.
Верь: один сердечный вздох
Высоко оценит Бог.
Время кратко не губи:
Будь смирен, трудись, люби!
В дом молитвы учащай,
Дом убогих навещай!
Всем добро твори – и знай,
Бросив в сторону унылость,
Что Всезрящий, страшный Бог
На суде хоть прав и строг,
Но у Бога – есть и милость.
(Ф. Глинка).
46. Ободрение
Христианин! что стоишь
Так уныло?
Что так хладен и молчишь,
Как могила?
Кинь грехи свои в купель
Покаянья,

И заблещет ярко цель
Воздаянья.
Уж проходит и бежит
Мир греховный,
И вдали иное зрит
Глаз духовный.
Уж растреснулась стена
Прегражденья,
И глядит на нас весна
Возрожденья.
(Ф. Глинка).

47. Я задремал, главу понуря

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!
Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети!
Да вспряну я Тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!
(Гр. Л. Толстой.)

48. А. Обязанности к Богу

1. Бог непостижим

1) Нет имени, которое бы вполне могло выразить Бога; так нельзя постигнуть Его всего (Златоуст).

2) Мы должны радоваться тому, что Бог непостижим, потому что Он будет предметом познания через всю вечность. Если бы ум понял Его, то остался бы без действия, а это для него – мука (Иннокен. архиеп. Херсон.).

2. Без Бога ничего не делается

1) В приключениях жизни слышится голос Провидения, зовущий человека на путь Господень (Филар., м. Москов.).

2) Веруй, что все случающееся с нами, до самого малейшего, бывает по промыслу Божьему, и тогда ты без смущения будешь переносить все, находящее на тебя (Авва Дорофей).

3. Бог всегда с нами

Св. Антоний Великий, быв искушаем и мучим злыми духами, не зреть Иисуса Христа в своем мучении. Потом, уведев Его, воззвал с горячностью: «Где Ты был, Господи мой, где Ты был?» – Я был здесь и смотрел на твое мужество и терпение, был ответ Спасителя (Феофан Прокопович).

4. Милосердие Божье

1) Неизмеримый океан поглощает одинаково и воды и реки широкой, протекшей величаво многие страны, и скромные струи ручейка, едва приметного: так в бездне благодати Божьей исчезают тяжкие грехопадения наравне с малейшими, ничтожнейшими погрешностями (Игнатий, еп. Кавказ.).

2) Представь себе искру, впавшую в море: может ли она остаться цела или оттуда снова появиться? Что искра в отношении к морю, тоже и порок в отношении к человеколюбию Божьему, да еще и не то же, а гораздо менее. Море, хотя и велико, но имеет пределы, а человеколюбие Божье беспредельно. (Златоуст).

5. Священное Писание

Вода по свойству своему мягка, а камень тверд. Но если над камнем висит желобок, то вода, стекая каплями, мало-помалу пробивает камень: так и Слово Божье мягко, а сердце наше грубо; но если человек часто слушает (или читает) Слово Божье, то страх Божий приходить в сердце его (Авва Пимен).

6. Бог не отвергает кающегося

Один воин спросил авву Миоса: «ужели Бог принимает покаяние»? После продолжительного наставления старец спрашивает его: «Скажи мне, возлюбленный, бросаешь ли ты свою одежду, когда она раздерется?» Воин говорит: «Нет, я зашиваю и потом опять ношу ее». Старец сказал ему: «Итак, если ты бережешь свою одежду, ужели Бог не пощадить своего создания?»

7. Воистину велик Бог

В образовании червя и мошки видно несравненно более искусства, нежели в лучших произведениях ума человеческого. Многие сооружают великолепные здания, изобретают удивительные машины, строят огромные корабли; но сильнейшие и остроумнейшие из них могут ли образовать ползучее насекомое, летающую птичку, зеленеющую травку, или даже составить песчинку?

Воистину *велик Бог!* И един Он велик и в великом и в малом земли (Филар., митр, москов.).

8. Бог близок к человеку

1) До Бога ни низко, ни близко, ни далеко, потому что Он вездесущ, и потому ближе к тебе, нежели твоя душа к твоему телу; только умей найти эту близость верой и молитвой. Близок Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине (Пс.144:18). (Филар., м. московский).

2) Бог всегда близок к человеку по Своему вездесущию, а человек не всегда близок к Богу по своей ограниченности, невниманию, рассеянности (Он же).

3) О, душе моя! Бог всегда с тобой, а ты живешь, как бы Он был весьма далек от тебя.

4) От нас зависит быть далеко от Бога, а Он всегда находится близко.

5) Быть близко или далеко от Бога зависит от самого человека, потому что Бог везде (Златоуст).

9. Чудо любви Божьей

Особенно великое чудо любви Божьей, которого мы не увидим и в вечности (потому что это предел возможной любви) – есть послание в мир Сына Божьего. Много значит не оскорбляться преступлением, более – простить, еще более – после прощения благодарить; но несравненно много принять Богу образ человеческий, страдать и умереть. Это подлинно есть чудо в нравственном мире (Ин.15:13; Рим. 5:8)! В этом одном обнаружилось сердце Божье так, что если бы забыто было учение о совершенствах Божьих, то в этом одном заключалось бы все богословие (Иннокент., архиеп. Херс.).

10. Причащение

1) Если ты удивляешься, как Христос часто снедаем бывает и не умаляется, но цел во веки пребывает, тогда удивляйся и тому, когда от одной свечи зажжешь другие свечи, а светлости в ней не умалишь. (Св. Димитр. Ростов.).

2) Если удивляешься, как в такой малой части Таин – весь полный Христос, дивись и тому, как в таком малом зерне (зрачке) глаза твоего целые города вмещаются и им объемлются. (Он же).

3) Когда ты приступаешь к страшной чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра Христова. (Златоуст).

11. Как в церкви стоять

В церкви стоя, прилежно внимай чтению и пению: оттуда породится умиление, истинная молитва, сердечное пение и благодарение. Берегись убо телом стоять в церкви, а умом бродить вне церкви. Стоя убо в церкви телом, стой сердцем и духом, яко перед Богом стоишь. (Из твор. св. Тихона Задонского).

49. Б. Обязанности к ближним

1. О любви к ближним

1) Если любишь Бога, то надобно любить и того, кого Бог любит, потому что когда мы любим кого, то любим и того, кого любимый нами любит (Св. Тихон Задон.).

2) Господь любит всех нас, и мы должны любить всех (Филар. архиеп., Чернигов.).

3) Тяжело тебе, когда никто не хочет разделять с тобой горя твоего: *спеши, же делить горе ближнего твоего* (Филар., архиеп. Чернигов.).

4) Хочешь, чтобы тебя любили человеки? Люби человйков. Хочешь, чтобы тебе делали добро все без изъятия? Делай и ты добро всем без изъятия. Приятно было бы тебе, если бы с тобой все обращались кротко и смиренно? Будь сам кроток и смирен перед всеми (Филар., м. Москов.).

2. Богатый

Богатый не хозяин есть богатства, ему от Бога данного, но приказчик и расходчик, который даровавшему Господу ответ должен воздать в свое время. Ибо никто ничего с собой не принес в мир, кроме тела нагого, и потому ничего своего не имеет, но все, что ни имеет, Божье есть добро (Св. Тих. Задон.).

3. Без милостыни и молитва бесплодна

1) Милостив Бог и преклоняется естественным милосердием на молитву, но на молитву милостивых же (Св. Тихон Задон.).

2) С какой надеждой будешь молиться Богу, когда сам не слушаешь молитвы подобных тебе людей? (Он же).

3) Как будешь просить с прочими в церкви: «подай, Господи», когда сам не подаешь нищим, а можешь подать? (Он же).

4) Какими устами скажешь: «услыши мя, Господи!» когда сам не слышишь бедного, или вернее – в бедном Самого Христа, вопиющего к тебе? (Он же).

5) С каким упованием прострешь руки свои к Создателю Своему, когда сам подобного себе, простирающего руки, отвращаешься? (Он же).

4. Благотворения или милостыня

1) Невозможно, решительно невозможно без милостыни достигнуть даже только врат царствия небесного (Златоуст).

2) Идите и наследуйте царствие Божье, скажет Господь милостивым, не потому, что вы не согрешили, а потому, что милостынями очистили грехи свои (Блаж. Августин).

3) Дешевой ценой благотворения человекам мы можем приобретать

бесценное царствие Божье (Филар., м. Москов.).

4) Милостыню ты подаешь нищему, а приемлет ее Христос (Златоустъ).

5) Ничто столько не уподобляет человека Богу, как благотворение (Авва Евагрий).

6) Нет почти ни одного бедного, который мог бы по праву уклоняться от исполнения долга милостыни (св. Григор. Богосл.).

7) Не тот искренно милосерд, кто дает от своих избытков, но тот, кто лишает себя и нужного в пользу бедных (Блаж. Августин).

8) Неужели удержишь руку твою от благотворения потому, что испытал, или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, который, хотя видел перед собой девять неблагодарных против одного благодарного, не удержался от благотворения всем (Лк.17:12–19). (Филарет, м. Московский).

5. Осуждение

1) Добрый человек всех людей видит добрыми, а злой и лукавый не только криво, но и прямо ходящих, подозревает, укоряет, осуждает и злословит (Духовн. Маргар.).

2) Человек, осуждающий других, походит на зеркало, которое в себе всех отображает, а себя не видит (Св. Димитр. Ростов.).

3) При виде согрешающего брата отнюдь не осуждай его, а говори себе: «я сам не безгрешен; какое же имею право судить другого»? (Св. Димитрий Ростовский).

4) Авва Агафон, когда видел какое-нибудь дело и помысл побуждал его к осуждению, – говорил самому себе: «Агафон! Не делай сам того же!» И помысл его успокаивался.

5) Бойтесь кого-либо осуждать даже в сердце своем, а не только открыто (Авва Исаия).

6. Из слова св. Иоанна Златоуста о том, как подобает чтить иерея

«Если иерей, говорит Златоуст, – право учит, не на жизнь его смотри, но слушай учение его. И не говори: почему же он меня учит, а сам того не исполняет? – На нем лежит обязанность учить всех, а если он не исполняет того, чему учит других, за это он Господом осудится. А если ты не будешь слушать его, также осудишься, ибо так говорит Господь: «слушаяй вас, Мене слушает; а отметаяйся вас, Мене отметается; и иже вас хулит, Мене хулит». – Не дело, братие, овцам хулить пастыря; он за вас и за братий ваших каждый день службу приносит; утром и вечером в церкви и вне церкви Бога молит о вас. О всем этом размыслите и почтите его, как отца. Скажешь: «он грешен и зол» . Да тебе что за дело?

Если и добрый за тебя будет молиться, какая тебе польза, если ты не верен? А если ты верен, то тебе нисколько не повредит его недостоинство. Благодать от Бога подается: иерей только уста отверзает, а творит все Бог».

50. Обязанности к самому себе

1. Познани е самого себя

1. Всего легче обманывать самого себя и, надмеваясь пустой славой, почитать себя чем-то, будучи ничем (Св. Григор. Богосл.).

2. Многие хотят знать, что делается в чужих странах; а что в своей душе находится, не ищут (Св. Тихон Задон.).

3. Не прежде засыпай, пока не размыслишь о грехах, совершенных тобой в продолжение дня (Златоуст).

2. Привычки

1. Как дерево, чем более растет, тем более в землю корень свой впускает: так чем более растет греховный обычай, тем глубже в сердце человеческом утверждает свой корень (Св. Тихон Задон.).

2. И хорошую привычку и худую питает время, как дрова питают огонь (Св. Петр Дамаскин).

3. Как дерево, чем больше будет, тем с большей трудностью исторгается из земли: так чем более усилится и утвердится греховный обычай, тем с большей трудностью от него освобождается человек (Св. Тихон Задон.).

3. Слава

1. Не тот славен, кого мир славит, но тот, кого Бог прославит (Св. Тихон Задон.).

2. Кто желает вечной и истинной славы, о временной славе не заботится (Фома Кемп.).

3. Если хочешь достигнуть славы, презирай славу; а если будешь гоняться за славой, лишишься славы (Златоуст).

4. Все человеки Божии не любят быть в славе между человеками (Филар., м. Москов.).

4. Зависть

1. Зависть не дозволяет наслаждаться тем, что имеет, потому что терзается желанием того, чего не достает (Филар., архиеп. Чернигов.).

2. Зависть подобна моли, снедающей ту одежду, в которой родится. И она снедает то сердце, в котором рождается (Св. Димитрий Ростов.).

3. Как ржавчина изъедает железо, так зависть душу, в которой живет она (Св. Васил. Велик.).

4. Не так моль и червь снедают дерево и волну (шерсть), как горячка зависти снедает самые кости завистников и отравляет здравие души их

(Златоуст).

5. Зависть есть корень убийства (Златоуст).

6. Зависть есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ее погибнет (Блаж. Августин).

5. Тщеславие и самохвальство

1. Лучше не делать ничего славного в мире, нежели сделав, безмерно хвалиться (Св. Дим. Ростов.).

2. Убегай тщеславия – и сподобишься славы в будущем веке (Авва Исаия).

6. Совесть

1. «Пусть меня все хулят», говоритъ св. Тихон Задонский, – «только бы меня совесть хвалила».

2. Совесть – истинное домашнее судилище. Преступник может избежать иногда суда человеческого, но он никогда не избежит суда своей совести (Св. Григорий Богосл.).

3. Только тех не судит совесть, которые достигли верха добродетели или порока (Авва Фалассий).

7. О довольстве своим состоянием при нищете и низком звании

1. Не прельщайся чужим добром, ибо и свое скоро оставишь (Св. Димитр. Ростов.).

2. Земное счастие состоит не в обилии земных благ, а в довольстве и спокойствии духа, большей частью недоступных людям, наделенным избытком земных благ (Прот. В. Нечаев, ныне еп. Виссарион).

3. От верности в малом зависит успех в великом. «Хочешь ли быть великим, начинай с самого малого», говорит блажен. Августин.

8. Назначение христианина подражать Христу

Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями (Св. Иоанн Леств.).

Св. Григорий Нисский сравнивает христиан с живописцами. «Каждый из нас», говоритъ он, «есть живописец собственной своей жизни. Наша душа есть как бы полотно, добродетели – краски; Иисус Христос есть образец, с которого мы должны списывать». – Прекрасное сравнение! Как живописец имеет в уме, в воображении и перед глазами предмет, который хочет представить на полотне: так христианин при всех своих действиях должен устремлять взоры на Иисуса Христа. И как кисть, водимая рукой живописца, кладет на полотно цветы, подобные тем, какие он находит в образце: так воля наша, вспомоществуемая благодатно, через исполнение добродетелей, усматриваемых в Иисусе Христе, силится напечатлеть Его образ в душе нашей, и мы становимся более или менее христианами,

смотря потому, более или менее сходства имеем со Иисусом Христом. (Из «Цветн. дух.»).

9. Смирение

1. Смирение есть непременная добродетель тварей; одному Богу прилично величие (Иннок., архиеп. Херсон.).

2. Велик тот, кто чувствует свое ничтожество перед Богом (Карамзин).

3. Люби смирение: оно покроет все грехи твои (Св. Антон. Велик.).

4. Тщетны труды того, кто вне смирения постится много ж несет тяжкие подвиги! (Авва Исаия).

5. Хочешь ли быть великим? – Будь меньше всех. (Мк.9:35). (Св. Ефрем Сирин).

6. Самая лучшая мера смирения – считать себя худшим из всех тварей (Св. Димитр. Ростов.).

7. Не тот показывает смиренномудрее, кто охуждает сам себя; но тот, кто будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви (Св. Иоанн Леств.).

8. Смиренный не помнить зла, причиненного ему другими, и не осуждает человека согрешающего. Таким образом он тремя способами получает отпущение грехов себе: как не судящий – не судится, как смиренномудрый – оправдывается, как прощающий – получает прощение (Св. Афан. Александр.).

10. Время и вечность

1. Каждый час, каждая минута дорога: потому что даны со счетом, и в них потребуют отчета (Филар., архиеп. Чернигов.).

2. Временем надобно пользоваться: оно подобно железу, которое, если остынет, неудобно будет к кованию (Петр Великий).

3. Посредством времени можно приобрести все, – самое небо и блаженную вечность, а времени невозможно приобрести ни за что (Иннок., архиеп. Херсон.).

4. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь их, того они и будут. «По началу утра», сказал некто, «я предузнаю все течение дня моего». (Св. Иоанн Леств.).

Когда отходишь ко сну, вспомни о смерти, которой сон есть образ и преддверие (Филар., м. Москов.).

11. Употребление дара слова

1. Щади язык; он часто произносить то, что лучше было бы утаить (Св. Нил Синайский).

2. Мудрый передумывает много, прежде чем он говорит, именно: *что, кому, где и когда* он должен говорить (Св. Амвр. Медиолан.).

3. Некто сказал о себе: *девять помышлений ублажих в сердцы моем, а десятое изреку языком* (Сир.25:9). Так берегут слово знающие цену его! (Филар., митр. Москов.).

4. Предпочитай молчание, потому что оно удерживает от многого вреда (Св. Исаак Сирин).

5. Если будешь соблюдать молчание, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил (Авва Пимен).

12. Не отчаивайся

1. Согрешить – дело человеческое; отчаиваться – сатанинское (Св. Нил Синайский).

2. Отчаиваться значит самому у себя отнимать милость Божию, которую Господь каждую минуту готов подать (Филар., митр. Москов.).

3. Сколько бы грехов ни было у кого, и как бы велики они ни были, у Бога милосердия еще более; потому что как Он Сам бесконечен, так и милость Его бесконечна (Св. Тихон Задонский).

4. Не отчаивайся, потому что Господь милостив; но не будь и беспечен, потому что Он праведен (Златоуст).

13. Гордость

1. Все грехи мерзки перед Богом, но мерзостнее всех. гордость (Св. Антоний Велик.).

2. Гордость есть доказательство скудости ума (Златоуст).

3. Считай всякого человека превосходнее себя (Св. Варсоноф. Велик.).

4. Блажен, кто имеет перед очами день исшествия, и возненавидел гордость, прежде чем обличена естественная наша, ничтожность согнитием во гробе (Св. Ефрем Сирин).

14. Не смущайся поношением

Поношение служит омовением душевных страстей, – в этом пусть убедит тебя сама простонародная поговорка. Ибо мирские люди, когда лично осыпают кого бесчестиями, хвалясь тем перед другими, говорят: «помыл я такого-то». И это совершенная правда (Из «Лествицы» св. Иоанна, игум. Син. горы).

15. Скорби

1. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и прожить без скорбей. (Златоуст).

2. Когда отец оставляет сына без наказания и попускает ему по своей воле жить, то видно, что он отринул его от себя: так, когда и Бог оставляет человека без наказания, то это есть знак отвержения его от Божьей милости; и не иное, что такому последует, как терпеть на себе вечный гнев Божий. (Св. Тихон Задон.).

3. Правда Божья требует, чтобы грешник был наказан за грехи свои. Если же нужно грешнику непременно быть наказанным, то лучше ему быть наказанному здесь и терпеть с благодарением временное наказание, нежели в будущем веке бесконечно мучиться. (Св. Тихон Задон.).

4. Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори: «это случилось со мной за грехи мои». (Авва Ор).

5. Не говори: «ах! как я несчастлив!» Но говори: «еще мало мне этого за грехи мои». (Иннокентий, митропол. Москов.).

6. Какая в том добродетель, чтобы охотно принимать приятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговению к воле Божьей, – вот подвиг, вот добродетель, вот залог награды! (Филарет, митропол. Москов.).

7. Терпи скорби; потому что в них, как розы в тернах, растут и воспитываются добродетели. (Св. Нил Синайский).

8. Врач душ и телес употребляет орудие скорбей, чтобы исторгнуть корни и загладить следы греха, и огнем страдания выжигает заразу наклонности к греховным услаждениям (Филар., м. Москов.).

9. Чтобы стяжать терпение в скорбях и искушениях, – веруй, что все делается с нами но воле Божьей (Схимон. Парфений).

10. Не страшите тебя ни отец, ни учитель, ни начальник, ни законодатель, ни судья? Не пристыжает тебя друг? Не исправляет тебя и совесть? – Так приходит телесная болезнь, и нередко исправляет все (Златоуст).

16. Утешение в несчастии

1. Все святые жизнь свою проводили в скорбях и печалях, в страдании, терпении и гонении: ты ли один хочешь оставаться без всякого страдания и печали? Или ты один только хочешь быть из числа избранных Божьих, не желая ничего потерпеть? Да не будет сего! (Св. Димит. Ростов.).

2. Если опасность, бедствие, скорбь колеблют твое мужество, истощают твое терпение: помяни Матерь Господа, стоявшую при кресте Его (Филар., м. Москов.).

3. Если и Христос, не сотворив греха, пострадал: можно ли нам грешным роптать на страдание? (Он же).

4. Если Христос, безвинный, за наши вины соизволил перенести скорбь и тугу смертную: ты ли не покоришься перенести без сравнения меньшую скорбь, без сомнения за некие вины твои перед Богом, хотя может быть и безвинно перед человеками? (Филар., м. Москов.).

5. Терпи до конца со Христом и Христа ради, если хочешь со Христом

царствовать (Фома Кемп).

17. С пасени е души

1. Как зло делать, так и добра не делать – грех есть. (Св. Тихон Задон.).

2. Не делать добра потому только, что от того может произойти нечто неблагоприятное, значит отказываться всегда делать добро (Иннокен. Архиеп. Херсон.).

3. Хочешь ли без труда творить добродетель? Рассуждай о труде, что он временный, а о награде, что она вечная (Св. Нил Синайский).

4. Чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным (Авва Дорофей).

5. Пока человек не предстанет на суд Божий, не услышит решительного о себе определения и не увидит присужденного ему места, до тех пор он не может знать, угоден ли он Богу, или нет (Авва Исаия).

6. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище (Златоуст).

7. Добрые дела ценятся по намерению(Св. Амвр. Медиолан.).

8. Глава и сущность (можно сказать, душа) всех доброде-телей есть любовь, без которой ни пост, ни бдение, ни труды ничего не значат. Дьявол всему может подражать в человеке: назовем ли пост? и он ничего не ест; бдение, но и он никогда не спит и всегда, *рыкая, ходит* (1Петр.5:8). Только одна любовь и смирение не подражаемы для него (Блажен. Августин).

18. Изречения о грехе

1. О! грех самое ужасное зло в мире. Бегите греха по крайней мере для того, чтобы как можно менее тяготели над вами бедствия земные (Филар., архиеп. Черниг.).

2. Лучше избирай умереть, когда того нужда требует, нежели со грешить (Св. Тихон Задон.).

3. Ничто не сокрыто от Судьи; поэтому напрасно стараемся грешить скрыто (Св. Нил Синайский).

4. Один старец сказал: «чудное дело! Мы приносим молитвы так, что представляем Бога присущим и слушающим слова наши; а когда грешим, то делаем так, как бы Он не видел нас» (Древн. Патер.).

5. «Запрещены праздные слова и праздные мысли. Это уж слишком тяжело» , говорят легкомысленные; «без нужды строго», думают не разумеющие: «праздные слова», говорят, «невредны, а праздные мысли, – еще менее». Да, мелкие насекомые большей частью, не ядовиты и не смертоносны; однако хотел ли бы ты жить в воздухе, ими наполненном,

где непрестанно они толпятся, летят в глаза, жужжат в уши, тревожат осязание, и сотнями наносят подлинно не смертельные раны? (Филар., м. Москов.).

6. Считая то и другое малым, не доходят ли до того, что никакого греха не считают великим? (Филар., архиеп. Черниг.).

7. Не делай зла, даже и в шутку, ибо случается, что иной сначала шутя делает зло, а после и нехотя им увлекается (Авва Дорофей).

8. Пока проступок мал еще и не созрел, истреби его прежде нежели пустить ветви в широту и станет созревать (Св. Исаак Сирин).

9. Грех есть горящий огонь. По мере уменьшения вещества: он угасает, а по мере прибавления – разгорается (Св. Марк Подвижн.).

10. Угашай искру, пока в пламень не возросла, и убивай врага, пока он мал (Св. Тихон Задон.).

Отдел пятый. Церковно-славянское чтение

1. Крещенїе Ольги

Въ лето ⁄syz̄г. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгород. Бѣ тогда царь именемъ Костѧнтинъ; приде къ нем Ольга, и видѣвъ ю добр сщю sѣло лицемъ и смыслен, дививсѧ царь разм еѧ, бесѣдовл къ ней и рекъ ей: «подобна еси царствовати въ градѣ съ нами».

Она же размѣвши рече къ царю: „азъ погана есмь [212], да аще мѧ хощеши крестити, то крести мѧ самъ: аще ли ни, то не крещюсѧ»; и крести ю царь ел патреархомъ. Просвѧщена же бывши, радовашесѧ дшею и тѣломъ; и почи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: „Благословенна ты въ женахъ Рскихъ, ко возлюби светъ, а тьм wстави; благословити тѧ хотѧтъ сынове Рстїи въ послѣднїй родъ внкъ твоихъ».

И заповѣда ей о церковномъ ставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши гллв, стоѧша аки гба напаѧема, внимающи ченьѧ; и поклонившисѧ плтреарх, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да охраненл бд отъ сѣти непрїѧзньны». Бѣ же речено ей во крещеньи Олена, коже и древнѧѧ царица, мати великаго Константина. И благослови ю патреархъ и отпусти ю. (Изъ Нестор, летописи).

2. Праздники Господские и Богородичные

Рж тво́ Прест҃ы́ѧ Бг҃ороди́цы (8 Сентября)

Въ невели́цѣмъ гра́дѣ [213]Ґ де́йстѣмъ, Назаре́тѣ, живѧ́ше [214]нз҃кїй благочести́вый и҆ бг҃любѝвый м жъ, и менемъ Ґwаки́мъ. Жена̀ є҆м ` бы́сть [215]ста́ѧ и҆ пра́веднаѧ А҃нна. Пра́ведницы сїѝ, дости́гше ста́рости, не и҆мз҃ста ча́дъ [216]занѐ [217]А҃нна бз҃ неплоды́. Ґаки́мъ и҆ А҃нна непреста́ннw моли́ста [218]Гд а, да да́р етъ и ма ча́до. Моли́тва пра́ведныхъ оу҆слы́шана бы́сть Бг҃омъ. О҆нъ посла̀ и ма въ ста́рости гл бо́цѣй ве́лїю [219]и҆ неизрече́нн ю ра́дость, даровавъ и ма дще́рь [220], Мари́ю, же [221]послѣд [222]бы́сть пренепороч҃нѧ Ма́терь Гд а на́шегw Ґи҃са Хр ста, и҆ заст ́пница р хрїстїа́нска.

Введе́нїе во хра́мъ Прест҃ы́ѧ Бц҃ы*(21 Ноября)*

Ґаки́мъ и҆ А҃нна, родн́телѧ преблг҃ослове́нной Дв҃ы Мари́и, є҆щѐ до рожде́нїѧ Е҆ѧ̀, да́ста о҆бѣ́тъ Бг҃ посвѧти́ти ча́до, є҆́же [223]б ́детъ

дано̀ и ма w҃ Гд л: та́ко и҆ сотворѝста пра́ведницы. Е҆́гда̀ прест҃з҃й Дв҃ѣ Мари́и, же бы́сть [224]и спроше́на и ми w҃ Гд а, и҆спо́лнишасл трѝ лз҃та Ґаки́мъ и҆ А҃нна созва́ста вс҃зхъ срẃдникъ и҆ зна́емыхъ свои́хъ, пригласи́ста

о҃троковѝцъ [226], свѐрстницъ дщѐре [227]своеѧ̀, и҆ ѡ҃блѐкше ю [228] кw дщѐре царе́в , съ возжже́нными свѣщѝ, при мно́жествѣ, наро́да, велелѣ́пнw [229]введо́ста ю во хра́мъ Ґер салѝмскїй. Во хра́мѣ семъ пренепоро́чнаѧ Маріѧ пребы́сть до и҆сполне́нїѧ вре́мени воспита́нїѧ своегѡ̀, подвиза́ющисѧ на моли́твѣ, вогомы́слїи, чтѐнїи сло́ва Бжїѧ и҆ и҆ны́хъ добродѣ́телехъ.

Благовѣ́щенїе Престы́ѧ Бг҃оро́дицы (25 Марта)

(Е҆ѵа́нгелїе ѿ Л ки, гл. а҃, ст. к҃s-к҃н)

По́сланъ бы́сть А гг҃лъ Гаврїи́лъ ѿ Бг҃а во гра́дъ Галїле́йскїй, є҆м҃ же [230]

и ма Назаре́тъ, къ Дв҃ѣ ѡ҃бр ченнѣй м҃ жеви, є҆м҃ же и ма Ґѡсифъ, ѿ Дв҃до́ва: и҆ и ма Дв҃ѣ Маріа́мь. И҆ вше́дъ къ Не́й А гг҃лъ, речѐ: ра́д йсѧ, благода́тнаѧ, Гд҃ ь съ Тобо́ю, бл҃гослове́нна Ты҆ въ жена́хъ: О҆на же ви́дѣвши см҃ ти́сѧ ѡ҃ словесѝ є҆гѡ̀ и҆ помышлѧ́ше, каково̀ б҃ детъ цѣлова́нїе [231]сїѐ, И҆ речѐ [232]А гг҃лъ Е й: не бо́йсѧ, Маріа́мь, ѡ҃брѣла́ бо є҆сѝ благода́ть оу҆ Бг҃а. зачне́ши во чре́вѣ, и҆ роди́ши Сн҃а, и҆ наре́чеши и ма Е҆м҃ Ґи҃съ. Се́й б҃ детъ ве́лїй [233]и҆ Сн҃ъ Вы́шнѧгw наречѐтсѧ: и҆ да́стъ Е҆м҃ Гд҃ь Бг҃ъ прест҃о́лъ Дв҃да о҃тца̀ Е҆гѡ̀: и҆ воцари́тсѧ въ дом҃ Ґа́кwвли во вѣ́ки, и҆ ца́рствїю Е҆гѡ̀ не б҃ детъ конца̀. Речѐ же Маріа́мь ко А гг҃л : ка́кw б҃ детъ сїѐ, и҆дѣ́же [234]м не зна́ю; И҆ ѿтвѣща́въ А гг҃лъ, речѐ Е й: Дх҃ъ Ст҃ы́й на́йдетъ на Тѧ̀, и҆ си́ла Вы́шнѧгw ѡ҃сѣни́тъ Тѧ̀: тѣ́мже [235]и҆ рожда́емое сѧ́то, наречѐтсѧ Сн҃ъ Бжї̈й. И҆ речѐ Маріамь: сѐ раба̀ Гд҃ нѧ, б҃ ди Мнѣ по глаго́л твоем҃. И҆ ѿи́де [236] Неѧ̀ А гг҃лъ.

Ржтво̀ Гда на́шего Ґи҃са Хрта̀ (25 Декабря)

(Е҆ѵа́нгелїе ѿ Л кѝ, гл. в҃, ст. а҃–дї)

И҆зы́де повелѣ́нїе ѿ Ке́сарѧ Авгста , написа́ти всю̀ вселе́нню . [237] Сїѐ написа́нїе пе́рвое бы́сть влады́чествующу Сѵ̀рїею Кѵ̀ринї́ю . [238] И҆ и҆дѧх всѝ написа́тисѧ , ко́ждо [239] во свой гра́дъ . Взы́де же и҆ Ґѡ́сифъ ѿ Галїле́и , и҆зъ гра́да Назаре́та , во Ґде́ю , во гра́дъ , Дв҃довъ , иже нарица́етсѧ [240] Виѳле́емъ : зане́ [241] бы́ти є҆м҃ѡ̀ ѿ до́м и҆ о҃те́чества [242] Дв҃до́ва , написа́тисѧ съ Мариі́ею ѡ҃бруче́нною є҆м҃ѡ̀ жено́ю , с҃ щею непра́здною . Бы́сть же , є҆гда̀ бы́ша та́мѡ [243] , и҆спо́лнишасѧ дні́ е роди́ти Ей : и҆ родѝ Сн҃а своего̀ пе́рвенца , и҆ пови́тъ Его̀ [244] , и҆ положѝ Его̀ въ слехъ : занѐ не бѣ̀ имъ мѣ̀ста во о҃би́тели . И҆ па́стырїе

бѫх въ то́ йже странѣ , бдѧ́ ще [245] и̓ стреѓ ще стра́ ж нощн́ ю w̓ ста́ дѣ свое́ мъ . И̓ сѐ [246] Агг̑лъ Гднь ста̀ въ ни́ хъ [247] , и̓ сла́ ва Гднѧ wсїѧ̀ ихъ : и̓ оу̓боѧ́ шасѧ стра́ хомъ ве́ лїимъ . И̓ речѐ имъ Агг̑лъ : не бо́ йтесѧ : сѐ бо [248] благовѣств́ ю ва́ мъ ра́ дость ве́ лїю , же [249] б́ детъ всѣмъ лю демъ : kw роди́ сѧ ва́ мъ дне́ сь Сп̑съ , иже єсть Хрто́ съ Гдь , во гра́ дѣ Дв̑довѣ . И̓ сѐ ва́мъ зна́менїе [250]: w̓бр́ащете [251]

младе́нца пови́та, лежа́ща въ слехъ. И̓ внеза́п [252]бы́сть со А гг̑л мно́жество вẃй [253]небе́сныхъ, хва́лѧщихъ Бг̑а, и̓ глаго́лющихъ: сла́ва въ вы́шнихъ Бг̑ , и̓ на земл҃и ми́ръ, въ челов҃цѣхъ благоволе́нїе.

Ср҃тенїе Гдне (2 Февраля)

(Е̓v҃а́нгелїе w̑ Л кѝ, гл. в̑, ст. к̑є-л̑в)

Бѫ [254]челов҃къ во Ґер сали́мѣ, є м же и мѧ Сv̑ме́нъ: и̓ чл̑в҃къ се́ пра́веденъ и̓ благочести́въ, ча́ѧ [255]оу̓т҃хи Ґи̑левы, и̓ Дх̑ъ бѫ Ст̑ъ въ не́мъ. И̓ бѫ є́м ѵ̀ w̓бѣща́нно Дх̑омъ Ст̑ымъ, не ви́дѣти сме́рти, пре́жде да́же [256]не ви́дитъ Хр та Гд нѧ. И̓ прїи́де Дх̑омъ въ це́рковь: є̓гда̀ введо́ста [257]роди́тел о̓троча̀ Ґи̑са, сотвори́ти и ма по о̓бы́чаю зако́нном w̓ Не́мъ: и̓ то́й прїе́мъ [258]Е̓го̀ на р к ̀ свою̀, и̓ благословѝ Бг̑а, и̓ речѐ: Ны́нѣ w̑п ̀щаеши раба̀ твоего̀, Вл ̑ко, по глаго́л [259]твоем ̀, съ ми́ромъ: kw ви́дѣстѣ о чи мо спасе́нїе твоѐ, є же є́сѝ оу̓гото́валъ пре́дъ лице́мъ всѣхъ люде́й: св҃тъ во w̑крове́нїе [260] ̓зы́kwвъ, и̓ сла́в люде́й твои́хъ Ґи̑лѧ.

Бг̑оѧвле́ нїе Гдне (6 Января)

(Е̓v҃л̑іе w̑ Ма́ рка , гл . а̑ , ст . ѳ – а̑і)

Прїи́ де Ґи̑съ w̑ Назаре́ та Галїле́ йскагw , и̓ крти́ сѧ w̑ Ґwа́ нна во Ґорда́ не .

И̓ абїе [261], восходѧ̀ w̑ воды̀, ви́дѣ разводя́щасѧ [262]нб̑са̀, и̓ Дх̑а kw го́лубѧ сходя́ща на́нь. [263]И̓ гла́съ бы́сть съ нб̑се: Ты̀ є́сѝ Сн̑ъ мо́й возлю́бленный, w̓ Не́мже [264]Благоволи́хъ.

Прewбраже́нїе Гд не (6 Августа)

(Е̓v ̑лїе w̑ Матѳе́а, гл. з̑і, ст. а̑-и̑)

Поѧ́тъ [265]Ґи̑съ Петра̀, и̓ Ґа́kwва, и̓ Ґwа́нна бра́та є̓гѡ̀, и̓ возведѐ и хъ на гор ̀высок ̀ є̓ди́ны. И̓ прewбрази́сѧ пре́дъ ни́ми, и̓ просвѣти́сѧ лицѐ Е̓гѡ̀ kw со́лнце, ри̑зы [266]же Е̓гw бы́ша бѣлы ко свѣ́тъ. И̓ се

ви́стасѧ [267]и мъ Mwv̑се́й и̓ И̑лїѧ̀, съ Ни́мъ глаго́люща. G̑Отвѣща́въ же Пе́тръ речѐ ко Ґи̑сови: Гд и, добро̀ є сть на́мъ здѣ [268]бы́ти: а ще

[269]хо́щеши, сотвори́мъ здѣ̀ трѝ сѣ́ни [270], Тебѣ̀ є́ди́н , и́ Mwѵ̀се́еви є́ди́н , и́ є́ди́н Илїѝ. Е́щѐ же є́м ` глаго́лющ [271], сѐ гла́съ и зъ ѻ блака глаго́лѧ се́й є сть Сн̑ъ мо́й возлю́бленный, ẃ Не́мже благоволи́хъ: тогẃ посл ́шайт И́ слы́шавше оу́чени́цы, падо́ша ни́цы [272], и́ оу́бо́ѧшасѧ sѣлѵ̀. [273]И́ прист ́пль Їи̑съ, прикосн ́сѧ и хъ, и́ речѐ: воста́ните, и́ не бо́йтесѧ. Возве́дше же ѻ чи свои́, никого́же ви́дѣша, то́кмw [274]Їи̑са є́ди́наго.

Вхо́ дъ Гдн̑ь въ Їерсали́ мъ

(Е́ѵ̑ліе w̑ Матѳе́ а , гл. к̑а , ст . а̑ – аі̑)

Є́гда̀ прибли́ жишасѧ во Їерлимъ , и́ прїидо́ ша въ Виѳсфагі́ ю къ гор҃ Е́лео́нской, тогда̀ Їи̑съ посла̀ два̀ оу́ченика̀, глаго́лѧ и ма: и́ди́та в ве́сь [275], же пр҃мw ва́ма, и́ а бїе wбр҃ща́ета ѻ́сла̀ прив҃за́но, и́ жреба̀ с ни́мъ: w̑рѣши́вша [276]приведи́та Мѝ. И́ а ще ва́ма кто̀ рече́тъ что́, рече́та: Гд ь є́ю̀ [277]тре́б етъ: а бїе же по́слетъ ѧ . [278]Ше́дша же оу́ченика̀, и́ сотво́рша, коже повел҃ и ма Їи̑съ, прнведо́ста ѻ́сла̀ и́ жреба̀, и́ возложи́ верх ` ею̀ ри́зы сво́ѧ̀ и́ вс҃де верх ` и хъ. Мно́жайшїи же наро́ди постила́х ри́зы сво́ѧ̀ по п тѝ: др зі́и же р҃зах в҃твти w̑ дре́въ, и́ постила́х по п тѝ. Наро́ди же предходя́щїи Е́м ` и́ всл҃дств ющїи [279]зва́х , глаго́лющ [280]: О́са́нна [281]Сн̑ Дв̑дов : благослове́нъ гр҃ды́й во и мѧ Гд не: ẃса́нна вы́шнихъ. И́ вше́дш Е́м ` [282]во Їер ли́мъ, потр҃се́сѧ ве́сь гра́дъ, глаго́лѧ: кто̀ є сть се́й; Наро́ди же глаго́лах : се́й є сть Їи̑съ проро́къ, и же w̑ Неза Галїле́йска.

(Це́рковь пра́здн етъ сїѐ собы́тїе въ шест ́ю нед҃лю Вели́каго поста̀).

Воскресе́нїе Хр то́во

(Е́ѵ̑ ліе w̑ Матѳе́а гл. к̑н, ст. а̑-ї̑)

Въ ве́черъ же с ббẃтный [283], свѣта́ющи во є́ди́н w̑ с ббẃтъ [284]прїи́де Мари́а Магдали́на, и́ др га́ѧ Мари́а, ви́дѣти гро́бъ. И́ се тр ́съ [285]бы́сть ве́лїй: А гг̑лъ бо Гд нь сше́дъ съ нб̑сѐ, прист ́пль w̑валѝ ка́мен две́рїй гро́ба, и́ сѣда́ше на не́мъ. Бѣ́ же зра́къ [286]є́гѡ̀ ꙗ̑ѧ̑ кѡ мо́лнїѧ, и́ ѡ дѣ́жнїе є́гѡ̀ ꙗ̑ѧ̑ кѡ снѣ́гъ. Г̑Д стра́ха же є́гѡ̀ сотр҃со́шасѧ стреg ́щїи, и́ бы́ша ꙗ̑ѧ̑ кѡ ме́ртви. Г̑Двѣща́въ же А гг̑лъ, речѐ жена́мъ: не бо́йтесѧ вы̀, вѣ́мъ бо [3], ꙗ̑ѧ̑ кѡ Їи̑сл распѧ́таго и щете. Нѣ́сть здѣ̀: воста̀ во, ꙗ̑ѧ̑ коже речѐ: прїиди́те, ви́дите мѣ́сто, и́дѣ҃же лежа̀ Гд ь. И́ ско́рw ше́дше рцы́те [288]оу́ченикѡ́мъ Є́гѡ ꙗ̑ѧ̑ кѡ воста̀ w̑ ме́ртвыхъ: и́ сѐ варѧ́етъ вы̀ [289]въ Галїле́и, та́мw Є́гѡ̀ оу᷾ зрите. Сѐ р҃зхъ ва́мъ. И́ и́зше́дше ско́рw w̑ гро́ба со стра́хомъ и́ ра́достїю ве́лїею,

тек̀о́стѣ [290]возвѣсти́ти оу҃чн҃кẃмъ Є҆гѡ̀. Е҆гда́ [291]же и҆да́стѣ возвѣсти́ти оу҃чн҃кẃмъ Є҆гѡ̀, и҆ сѐ Ї҃и҃съ срѣ̀те ѧ , глаго́ла: ра́д йтеса. О҆н҃ же прист ́пльше стѣса [292]зл но́зѣ Є҆гѡ̀,

и҆ поклони́стѣса Е҆м ̀. Тогда̀ глаго́ла и ма Ї҃и҃съ: не бо́йтеса: и҆ди́те, возвѣсти́те бра́тїи мое́й, да и д тъ въ Галїле́ю, и҆ т ́ [293]Мѧ̀ ви́дѧтъ.

Вознесе́нїе Гд не

(Л кѝ гл. к҃д, ст. и҃в, до полови́ны н҃в. Дѣ́ѧн. гл. а҃. ст. ѳ҃-а҃і. Л кѝ гл. к҃д. ст. и҃в)

И҆зве́дъ и хъ (А҆п лwвъ Ї҃и҃съ) во́нъ [294]до Виѳа́нїи: н҆ воздви́гъ р ́цѣ [295]свои́, н҆ благословѝ и хъ. И҆ бы́сть, є҆гда̀ благословля́ше и хъ, ѿст пѝ ѿ ни́хъ, и҆ возноша́шеса на не́бо. И҆ ті́и поклони́шаса Е҆м ̀. Зрѧ̀щымъ и мъ (А҆по́столамъ), взѧ́тса, и҆ о блакъ подѧ́тъ Е҆го̀ ѿ о чїю и хъ. И є҆гда̀ взи бѧ́х на не́бо, и҆д ́щ Е҆м ̀, и҆ сѐ м ́жа два̀ ста́ста пре́дъ ни́ми во о҆де́жди бѣлѣ, и же и҆ реко́ста: М ́жїе Галїле́йстїи, что

Вознесение Господне.

стоитѐ, зря́ще на не́бо; се́й Ї҃и҃съ, вознесы́йса ѿ ва́съ на не́бо та́кожде [296]прїи́детъ, и мже о бразомъ [297]ви́дѣсте Е҆го̀ и҆д ́ща на не́бо. И҆ возврати́шаса во Ї҃ер сали́мъ съ ра́достїю вели́кою: и҆ бѧ́х вы́н [298]въ це́ркви, хва́лѧще и҆ благослове́ще Бг҃а.

Соше́ствїе Ст҃а́гw Дх҃а

(Дѣ́ѧнїй гл. в҃, ст. а҃-г҃і)

Е҆гда̀ скончава́шаса дни́е пѧтдеся́тницы, бѣ҃ша всѝ А҆п ли є҆диннод ́шнw вк ́пѣ. [299]И҆ бы́сть внезап съ небесѐ ш ́мъ, kw иоси́м дыха́нїю б ́рн [300], и҆ и҆спо́лни ве́сь до́мъ, н҆дѣ҃же бѧ́х сѣдя́ще. [301]И ви́шаса и мъ расдѣле́ни ѧ҆зы́цы и kw о гненни: сѣ҃де же на є҆дно́мъ ко̀емждо [302]и хъ. И҆ и҆спо́лнишаса всѝ Дх҃а Ст҃а, и҆ нача́ша гллго́лати ины́ми ѧ҆зы́ки, коже Дх҃ъ дая́ше и мъ провѣщава̀ти. Бѧ́х же во Ї҃ер сали́мѣ жив ́щїи Ї дє́и м ́жїе благоговѣ҃йнїи [303]ѿ всегѡ̀ ѧ҆зы́ка [304], иже подъ небесе́мъ. Бывш же гла́с сем ̀, сни́деса наро́дъ, и҆ смяте́са [305], kw слы́шах еди́нъ кїйждо и хъ свои́мъ ѧ҆зы́комъ глаго́лющихъ и хъ. Дивля́х са же всѝ и҆ ч дя́х са, глаго́люще др ́гъ ко др ́г : не сѐ ли всѝ сі́и с ́ть глаго́лющїи Галїле́аие; И҆ ка́kw мы̀ слы́шимъ кі́йждо сво́й ѧ҆зы́къ на́шъ, въ не́мже роди́хомса; О҆у҆жаса́х са же всѝ и҆ недо мѣва́х са, др ́гъ ко др ́г глаго́люще: что̀ о҆у҆ бо хо́щетъ сїѐ бы́ти;

О҆у҆спе́нїе Прест҃ы́ѧ Бг҃оро́дицы (15 Августа)

О҆ днѝ всечестна́гw о҆у҆спе́нїа своегѡ̀ прест҃а́ѧ Дв҃а Мари́а изв҃ѣщена бы́сть ѿ А҆рха́гг҃ла Гаврїи́ла пре́жде тре́хъ дне́й, и҆ досто́йнw пригото́виса къ нем ̀. Ко дню̀ сем ̀, по и҆зволе́нїю Бж҃ї҃ю, всѝ А҆п ли совра́шаса чуде́снw вс

Ѣер салимъ. Гд ́ Бг҃ оу҆годно бы́сть, да б ́д тъ всѝ А҆п ли свидѣтели ми́рной конч́ины Бг҃омáтере: да ви́дѧтъ, кáкw Сынъ Е҆а҃ Ї҃и҃съ Хр҃ то́съ въ со́нмѣ [306]ст҃ы́хъ А гг҃лъ прїа҃ [307]въ р ́цѣ свои́ преч́ист ю д ́ш Мт҃ре своеа҃, и҆ да посл ́жатъ Е й во блаже́ннѣй конч́инѣ Е҆а҃, преда́вше ст҃о́е тѣ҃ Е҆а҃ земл҃, чтоҀ и҆ сотвори́ша ст҃ѣи А҆п ли. Всѝ о҆нѝ съ возжже́нными свѣщы, с Ψалмопѣ҃нїемъ и҆ моли́твами бл҃голѣ́пнw несá҃х о дръ [308]съ тѣ҃ломъ Бг҃оро́дицы, є же че́стнѣ и҆ преда́ша земл҃ въ Геѳсимани́йстѣй ве́си [309], недале́че ѿ Ѣер сали́ма. А҆п лъ Ѳwмà не бы́сть во Ѣер сали́мѣ, є҆гда́ престáвисѧ преблг҃осло́вéннаѧ Дв҃а Мари́а҃. Тре́мъ дне́мъ мин ́вшымъ [310], прїи́де и҆ се́й во Ѣер сали́мъ, и҆ оу҆вѣ҃дѣвъ ѡ҆ конч́инѣ и҆ погребе́нїи Приснодѣ҃вы, восхотѣ҃ оу҆ви́дѣти гро́бъ и҆ честно́е тѣ҃ло Є҆а҃: є҆гда́ же ѿкры́та бы́сть гро́бъ, въ не́мъ не ѡ҆бр҃тесѧ [311]тѣлесѐ Є҆а҃. Гд ь, тридне́вnw воскресы́ и зъ ме́ртвыхъ, воскресѝ въ тре́тїй де́нь ѿ гро́ба

преч́ист ю Мт҃рь свою́. Въ ве́черъ тогѡ́же днѐ, всѝ А҆п ли оу҆ви́дѣша прест҃ ю Вл ҃чц на́ш Бг҃оро́диц на возд ́сѣ, же речѐ и мъ: Ра́д й А зъ є смь при́снw [312] съ вами.

Воздви́женїе честна́гw Креста́ Гд нѧ (14 Сентября)

Кре́стъ, на не́мже [313]пло́тїю [314]постра́да и҆ оу мре Гд ь на́шъ Ї҃и҃съ Хр҃ то́съ, о колw тре́хъ вѣкwвъ бѣ́ сокры́тъ ѿ Хрїстїа́нъ О҆бр҃тенъ бы́сть [315]се́й пречестны́й Кре́стъ Госпо́день, по и҆зволе́нїю Бо́жїю, св. благовѣ҃рною и҆ равноапо́стольною цари́цею Е҆ле́ною, ма́терью Ри́мскагw Їмпера́тора, св. равноапо́стольнагw Kwнстанти́на, и же пе́рвый и҆зъ Їмпера́торwвъ Ри́мскихъ воспрїа҃ [316]Хрїстїа́нск ю и҆ содѣ҃ла госпо́дств ющею во вселе́нной.

О҆бр҃те же свѧта́ѧ равноапо́стольнаѧ Е҆ле́на Кре́стъ Госпо́день на гор҃ Голго́ѳѣ, въ пещерѣ, к ́пнw со кресты́ дв ̀хъ разбẃйникъ, распѧ́тыхъ со Ї҃и҃сомъ Хр҃ то́мъ и҆ оу҆вѣ́дѣвъ по ч десѝ воскресе́нїѧ мертвеца́ чре́зъ прикоснове́нїе

Воздвижение честнаго Креста Господня.

сегѡ̀ къ нем ̀, kw о нъ є ́сть вои́стин Кре́стъ Хр҃ то́въ, воздви́ж си́рѣчь [317]подъа҃ є҆го́ и҆зъ земли́ дла́ поклоне́нїѧ и҆ чествова́нїѧ хрїстїа́нwмъ. Сегѡ̀ ра́ди [318]са́мый пра́здникъ, оу҆стано́вленный въ па́мѧть всера́достнагw собы́тїѧ сегѡ̀ наречéсѧ [319]Воздви́женїемъ честна́гw Креста́ Госпо́дня҃.

3. Псалмы

ѱало́мъ 50 (покаянный)

Поми́л й мѧ҃ [320], Бже́, по вели́цѣй ми́лости твое́й, и҆ по мно́жеств щедро́тъ [321]твои́хъ, ѡ҆чи́сти беззако́нїе моѐ. Наипа́че [322]ѡ҆мы́й мѧ҃ ѿ беззако́нїѧ моегѡ̀ и҆ ѿ грѣха́ моегѡ̀ ѡ҆чи́сти мѧ҃. kw беззако́нїе моѐ а зъ [323]зна́ю и҆ грѣ́хъ мо́й пре́до мно́ю є сть вын . [324]Тебѣ҃ є҆ди́ном согрѣши́х

и҃ л ка́вое пред҃ тобо́ю сотвори́хъ. kw да w҃правди́шисѧ во словесѣ́хъ твои́хъ, и҃ побѣди́ши, внегда҆ с дити тѝ. [325]Се́ бо въ беззако́нїихъ зача́тъ є смь, и҃ во грѣсѣ́хъ роди́ мѧ̀ ма́ти моѧ̀. Се́ бо и стин возлюби́лъ є си, безвѣ́стнаѧ и҃ та҃йнаѧ прем дрости твоеѧ̀ ꙗ҆ви́лъ мѝ є си. Ѻ҃кропи́ши мѧ̀ ѵ҆ссѡ́помъ [326], и҃ w҃чи́щ сѧ: w҃мы́еши мѧ̀, и҃ па́че [327]снѣ́га оу҆бѣлю́сѧ. Сл х моем҃ да́си ра́дость и҃ весе́лїе: возра́д ютсѧ кѡ́сти смире́нныѧ. Ѻ҃вратѝ лицѐ твоѐ ѿ грѣ́хъ мои́хъ, и҃ всѧ̀ беззакѡ́нїѧ моѧ̀ w҃чи́сти. Се́рдце чи́сто созижди́ во мнѣ̀, Бж҃е, и҃ д хъ пра́въ w҃бнови́ во оу҆тро́бѣ мое́й. [328]Не ѿве́ржи менѐ ѿ лица҆ твоегѡ̀, и҃ Дх҃а твоегѡ̀ Ст҃а́го не ѿими́ ѿ менѐ. Воздаждь мѝ ра́дость спасе́нїѧ твоегѡ̀, и҃ Дхо́мъ Вл ч҃нимъ оу҆тверди́ мѧ̀. На ч беззакѡ́нныѧ п те́мъ твои́мъ, и҃ нечести́вїи къ тебѣ́ w҃брата́тсѧ. Изба́ви мѧ̀ ѿ кровей, Бж҃е, Бж҃е спасе́нїѧ моегѡ̀ возра́д етсѧ ѧ҆зы́къ мо́й пра́вдѣ твое́й. Гд и, оу҆стнѣ́ мои́ ѿве́рзеши, и҃ оу҆ста҆ моѧ̀ возвѣ́стѧтъ хвал твою҆. kw а ще бы восхотѣ́лъ є҆сѝ же́ртвы да́лъ бы́хъ оу бѡ: всесожже́нїѧ блг҃оволи́ши. Же́ртва Бг҃ д хъ сокр шенъ, се́рдце сокруше́нно и҃ смире́нно Бг҃ъ не оу҆ничижи́тъ. Оу҆блажѝ [329]Гд и, блг҃оволе́нїемъ твои́мъ Сїѡ́на, и҃ да созижд тсѧ стѣ́ны Ї҃ер салимскїѧ. Тогда҆ блг҃оволи́ши же́ртв пра́вды, возноше́нїе и҃ всесожега́емаѧ: тогда҆ возложа́тъ на Ѻ҃лта́рь твой тельцы.

ѱало́м 90

Живы́й въ по́мощи Вы́шнѧгѡ, въ кро́вѣ Бг҃а нб҃нагѡ водвори́тсѧ. Рече́тъ Гд ви: заст пникъ мо́й є҆сѝ, и҃ прибѣ́жище моѐ, Бг҃ъ мо́й и҃ оу҆пова́ю ил него҆ Ї҃ kw то́й изба́витъ тѧ̀ ѿ сѣти ло́вчи, и҃ ѿ словесѐ мѧте́жна. Плещма҆ [330]свои́ма w҃сѣни́тъ тѧ̀, и҃ под҃ крилѣ́ є҆гѡ̀ надѣ́шисѧ. Ѻ҃р жїемъ w҃бы́детъ тѧ̀ и стина є҆гѡ̀, не оу҆бои́шисѧ ѿ страха нощна́гѡ, ѿ стрѣлы̀ лета́щїѧ во дни ѧ ве́щи во тмѣ̀ преходя́щїѧ, ѿ сря́ща [331]и҃ бѣ́са пол деннагѡ. [332]Паде́тъ ѿ страны̀ твоеѧ̀ ты́сѧща, и҃ тма҆ w҃десн ю тебѐ, къ тебѣ́ же не прибли́житсѧ. Ѻ҃ба́че [333]очи́мл твои́ма смо́триши, и҃ воздая́нїе грѣ́шникѡвъ оу зриши.

ты̀ Гд и, оу҆пова́нїе моѐ: Вы́шнѧго положи́лъ є҆сѝ прибѣ́жище твоѐ. Не прїи́детъ къ тебѣ́ sло̀, и҃ ра́на не прибли́житсѧ тѣ́лесѝ твоем . kw а гг҃л свои́мъ запове́сть w҃ тебѣ́, сохрани́ти тѧ̀ во всѣ́хъ п те́хъ твои́хъ. На р ка́хъ во́зм тъ тѧ̀, да не когда҆ прекне́ши w҃ ка́мень но́г твою҆. На а спїда и҃ васили́ска [334]наст пиши, и҃ попере́ши льва́ и҃ sми́ѧ. Ї҃ kw на мѧ̀ оу҆пова̀, и҃ изба́влю и , покры́ю и , kw позна҆ и мѧ моѐ. Воззове́тъ ко м оу҆слы́ш є҆го̀: съ ни́мъ є смь въ ско́рби, изм є҆го̀, и҃ просла́влю є҆го̀. Долгото́ю дне́й и҃спо́лню є҆го̀, и҃ ꙗ҆влю̀ є҆м спасе́нїе моѐ.

Приложение. Письменные упражнения

Упражнения в усвоении самых необходимых грамматических сведений [335]

Задача 1. Переписать следующие слова, подчеркнув **і** (десятеричное).

Линія. Молнія. Сіяніе. Пріятель. Іоанн. Іосиф. Илія. Тихій. Синій. Мелкій. Летній. Осенній. Зимніи. Весенній. Ранній. Поздній.

*Правило. **І** (десятеричное) пишется только тогда, когда за этой буквой следует гласная или полугласная (**й**).*

*Задача 2.*Перепишите следующие слова и поставьте, где черточка, пропущенную букву (т.е. **и** или **і** ?)

К нам пр-ехали гости. Син-й цвет пр-ятен. Васил-й и Ев- ген-й – родные братья. Долг-й путь утомителен. Нищ-й просит милостыню. Ксен-я, Мар-я, Соф-я – женск-е имена.

*Задача 3.*Следующие слова списать, вставив выпущенную букву.

Прилежная Мар-я. Летн-й жар. Зимн-й путь. Дик-й зверь. Радушный пр-ем. Заглав-е книги. Добрый христиан-н. Пророк Ил-я. Дан-ил был пророк Иудейский.

*Задача 4.*Следующие слова перепишите и подчеркните слова *м і р* и м **и** р .

Мір Божій прекрасен. Плохой мир лучше доброй ссоры. Вор ворует, а мір горюет. Хорошо жить в мире и любви. Господь часто говорил апостолам: мир вам! Он покинул мір.

*Правило. Если слово м і р означает вселенную, землю или людей, то оно пишется через букву і (десятеричную), а если означает тишину, согласие, дружбу, то пишется через **и** (восьмеричное).*

*Задача 5.*Следующие слова списать, вставив выпущенные буквы (**и** или **і**).

М-рская сходка. М-ровой судья. Они поссорились и пом-рились. На м-рской сходке их пом-рили. Бог сотворил м-р из ничего. В м-ре все делается по воле Божьей. По окончании войны было заключено перем-ріе, а потом и полный м-р. С м-ру по нитке – голому рубашка.

*Задача 6.*Из следующих слов выписать слова с буквою **ѣ** .

Хлѣб. Дерево. Бѣдняк. Рѣка. Серебро. Дѣд. Отец. Сѣни. Ученик. Лѣто. Линейка. Потѣха. Скамейка. Смѣх.

*Замечание. В некоторых словах пишется буква **ѣ** , а в других –* **е** .

*Задача 7.*Следующие слова списать, подчеркнув части слов: *же, че, ше, ще, ге, ке* и *хе.*

Жесть. Железо. Жена. Честь. Ученик. Черта. Чемодан. Чесать. Шелуха. Шелудивый. Шерсть. Шевелить. Щенок. Щепка. Щелок. Защемить. Щель. Человѣк. Червяк. Чепец. Герасим. Геронтий. Геннадий. Керчь (город). Кефир (напиток). Кедр (дерево). Херувим.

Правило. После шипящих звуков (ж, ч, ш, щ) и гортанных (г, к, х) в начале и средине слова **ѣ** *никогда не пишется.*

*Задача 8.*Следующие слова переписать два раза, придумав и приписав к ним подходящие слова:

1. Бѣг, бѣглый, бѣжать, убѣжище...

2. Бѣда, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить...

3. Бѣл, бѣлить, выбѣлить, бѣлошвейка...

4. Вѣять, вѣтер, вѣтряный день...

5. Вѣдатъ, отвѣдать, вѣсть, невѣжда...

6. Вѣк, вѣчный, вѣковать, увѣчный...

7. Вѣнок, вѣник, вѣнчать, подвѣнечный...

8. Вѣра, вѣрный, уверовать, невѣрный...

9. Вѣс, вѣсить, вѣшать, вѣшалка...

10. Свѣт, свѣтить, свѣча, подсвѣчник, свѣтляк...

11. Цвѣт, цвѣтник, выцвѣсти, цвѣточный...

12. Свѣжий, освѣжить...

13. Звѣрь, звѣринец, звѣролов...

14. Дѣло, делать, понедѣльник, священнодѣйствовать...

15. Дѣлит, раздѣлить, дѣлежка...

*Образец работы:*1. бѣг, бѣглый, бѣжать, убѣжище, побѣжать, убѣжать, побѣг, разбѣг, бѣглец, бѣглянка, сбѣжавший, прибѣжище и т.п. 2. бѣда, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить, побѣда, побѣжденный и т.п.

*Задача 9.*Сделать то же с следующими словами:

1. Дѣва, дѣвочка, дѣвичник...

2. Дѣд, дѣдушка, прадѣдушка...

3. Дѣти, дѣтство, бездѣтный...

4. Зѣвал, зѣвок...

5. Лѣзт, вылѣзть, лѣстница...

6. Лѣкарь, лѣчить, лѣчебница...

7. Лѣн, лѣнивый, лѣнтяй...

8. Лѣс, лѣсной, лѣсоводство...

9. Лѣто, лѣтний, столѣтний...

10 Желѣзо, желѣзный, желѣзистый...

11. Колѣно, колѣнопреклонение...

12. Телѣга, телѣжка...

13. Слѣд, следовать, послѣдний наследство...
14. Слѣпой, ослѣпнуть, подслѣповатый...
15. Хлѣб, хлѣбец, хлѣбосол...
*Задача 10.*Сделать то же с следующими словами:
1. Мѣд, мѣдник, мѣдянка...
2. Мѣл, мѣлок...
3. Мѣна, мѣнять, перемѣнить, обмѣн...
4. Мѣра, примѣр, землемѣр, мѣряный (напр. холст)...
5. Мѣсто, мѣстный, помѣщик, помѣстить...
6. Мѣсяц, мѣсячный, помѣсячно...
7. Мѣсить, помѣха, мѣшать, замѣсить...
8. Мѣтитъ, замѣтка, примѣта, смѣтливый, замѣчательный...
9. Смѣть, смѣх, смѣлый, насмѣшка...
10. Нѣга, нѣжный, изнѣженный (напр. вкус)...
11. Нѣм, нѣмой, нѣмота...
12. Гнѣв, гнѣвный, прогнѣвать...
13. Снѣг, снѣжинка, подснѣжник...
14. Пѣть, пѣсня, пѣтух, спѣвка...
15. Рѣдкий, рѣдкость...
*Задача 11.*Сделать то же с следующими словами:
1. Рѣзать, разрез, резкий (напр. рѣзкое слово)...
2. Рѣка, рѣчка, рѣчной...
3. Рѣшать, рѣшительно, рѣшимость...
4. Грѣх, грѣшно, грѣшить...
5. Крѣпкий, укрѣпить, скрѣпить...
6. Сѣдло, сѣсть, сосѣд, сѣдок...
7. Сѣдой, сѣдеть, сѣдоватый...
8. Сѣку, сѣкира, просѣка...
9. Сѣрый, сѣра, сѣрный (напр. запах)...
10. Сѣть, сѣтка, сѣтчатый ..
11. Сѣмя, сѣмечко, сѣять, сѣятель...
12. Сѣно, сѣнокосъ, сѣновал...
13. Тѣнь, стѣна, тѣнистый...
14. Тѣсный, тѣснить, тѣснота, тѣсно...
15. Цѣл, цѣловать, цѣликомь...
16. Цѣна, цѣнить, бесцѣнный...
17. Цѣпь, цѣпной, отцѣпить...
18. Ѣхать, ѣзда, выѣхать, въѣзд...
19 Ѣсть, ѣда, обѣд, объѣдать, съѣсть...

20. Стрѣла, стрѣлок, стрѣлять, выстрѣл. [336]

*Задача 12.*Следующие слова списать, подчеркнув те, которые означают названия людей, городов, рек и государств:

У меня четверо сыновей; старшего зовут Владимиром, среднего Николаем, меньшего Александром и самого младшего Петром. Я бывал в С.-Петербурге, Москве, Варшаве, Динабурге, Харькове, Одессе и Казани. В России очень много больших рек, таковы: Волга, Дон, Днепр, Западная Двина, Нева, Кама и мн.др. В России две столицы: Москва и С.-Петербург. Во Франции столичный город Париж, а в Германии Берлин.

Правило. Названия рек, городов, имен людей и государств всегда пишутся с большой буквы.

*Задача 13.*Переписать следующие слова, подчеркнув букву **ѣ** :

Кошкѣ (кому?) игрушки, а мышкѣ (кому?) слезки. Сестрѣ (кому?) купили большой мячик. Лошадкѣ (кому?) нужен отдых. К нянѣ (к кому?) пришел сын. Мы пойдем в гости к тетѣ (к кому?). Травѣ (чему?) нужен дождик. Землѣ (чему?) нужно удобрение. Он прѣехал к рѣкѣ (к чему?).

Правило. В конце слов, отвечающих на вопросы: кому или к кому, чему или к чему? нужно писать **ѣ**, *если слышится здесь звук* **е** .

*Задача 14.*Списать, вписав пропущенную букву, след. слова:

Сашу стали учить азбук-. Старух- дали хлеба. Брат купил сестр-платок. Сестр- Наташ- идет восьмой год. Мн- и брату сшили по новой паре верхнего платья. Дядя привез подарки мамаш-, мн- сестр- и нян-. Мы поѣдем в гости к дяд-, а от него заѣдемъ к тет-.

*Задача 15.*Следующие слова списать, подчеркнув букву **ѣ** :

Я много читал о Киевѣ (о чем?) и Москвѣ (о чем?). Я много слышал об Императорѣ Петрѣ Великом (о ком?). Из дому не пишут о брате и сестрѣ (о ком?).

Правило. В словах, отвечающих на вопросы о ком, о чем? пишется в конце **ѣ** *, если слышится здесь звук* **е.**

*Задача 16.*Следующие слова перепишите, дописав пропущенную букву:

Он много плакал об отц-. Узнай о сестр-. Я забыл об урок-. Я много думал об игр-. Я читаю о рек- Волг-. Учитель нам рассказывал о вод-, туман-, дожд-, снѣг- и град-.

*Задача 17.*Продолжите следующую письменную работу: Медведь сильнее волка. Лисица хитрее волка. Лев сильнейший зверь. Мой дядя достойнейший человек. Овца глупее козла. Кошка злей собаки. Ель слабей клена. Река Днепр быстр- Волги. Отец добр- дяди. Володя ласков- Коли. Серп туп- косы. Вася умн- Коли. Коля прилежн- Васи. Один город ближе,

а другой дальше. Этот стол белее, а тот чищ-. Эти сливки гущ-, а те свежее. То дерево ниже, а это выш-. Сильн-йший мороз трещал на дворе.

*Задача 18.*Переписать, дописав пропущенные буквы:

Сестра прилежн- брата. Брат добр- сестры. Митя бежит быстр-, нежели Володя. Зайчик труслив- лисицы. Мой нож туп- твоего. Твоя палка красив- моей. Утро вечера мудрен..., лисица сыт- волка.

Задача 19. Продолжить следующую письменную работу: Он добрейший, умн..., красив..., богат..., мил.... прилежн..., старательн... и трудолюбив-йший человек.

Задача 20. Списать, подчеркнув окончание ѣл , или ѣли .

Я посмотрел и увидел, как в школе ученики сидели, читали, пели, ходили и глядели.

Я захотел купаться. Соловей удивительно пел. Мы смирно сидели во время урока. Снег хрустел под санями.

Правило. В словах, означающих действие и оканчивающихся на **ѣл, ѣла, ѣло** *или* **ѣли,** *пишется всегда* **ѣ.**

*Задача 21.*Переписать, вставив пропущенную букву.

Мы смотр-ли на приближающийся поезд. Мы долго сид-ли на скамейке. Двери неириятно скрип-ли в доме. Мать вел-ла собирать обед. Суп вскип-л. Жаркое немного подгор-ло. Все съ-ли свой обед и хот-ли уходить. В школе п-ли стройно. Он много вытерп-л.

*Задача 22.*Продолжить следующую письменную работу.

Ты в продолжение дня читаешь (что ты делаешь?), ходишь, спишь, кушаешь, умываешься, гуляешь, сидиш-, прощаеш- с отцом и матерью, молиш- Богу, становиш- на колени, кладеш- земные поклоны, просиш- у Бога Его милостей, сожалееш- о своих грехах, даеш- обещание исправиться, раздеваеш- и ложиш- спать. На другой день рано утром встаеш-, умываеш-, одеваеш-, обуваеш-, причесы- ваеш- , молиш- Богу, завтракаеш- и собираеш- в школу. Там внимательно слушаеш- учителя, сидиш- смирно, повторяеш- уроки, делаеш- задачи; записываеш- в тетрадь, запоминаеш- слышанное, играеш с товарищами, прощаеш- съ учителем и уходиш- домой.

Правило. В словах, которые означают действие и к которым можно приложить слово ***ты*** *или вопрос: что ты делаешь? после* ***ш*** *в конце всегда пишется* **ь.**

*Задача 23.*Вставить пропущенную букву.

Ты гуляеш- мало. Ты рассеянно сидиш- в классе, мало слушаеш-, мало понимаеш-, еще меньше запоминаеш-. Бывало, встанеш- рано утром, умоеш-ся, помолиш-ся Богу, возьмеш- удочки, пойдеш- на реку, выбереш-

местечко, сядеш-, наденеш- на крючок червяка, закинеш- удочку и станеш- ловить рыбу; через час наловиш- полное ведерко и принесеш- домой.

Задача 24. Продолжить следующую письменную работу.

Брат встает, ходит, одевается, умывается, обувается, молит- Богу, здоровает- с родителями, садит- за уроки, прилежно занимает-, по окончании уроков молит-, переодевает-, собирает- на прогулку, отправляет- и через час возвращает- домой.

Правило. В словах, означающих действие и отвечающих на вопрос: что он делает? в конце пишется *ет, ит, ется, ится.*

Задача 25. Вставить пропущенный буквы.

Коля учит- в школе. В реках водит- много рыбы. Дело не клеит- у него. Коля раздевает- и ложит- спать. Петя садит- на стул и разувает-. Брат старается, а сестра ленится.

*Задача 26.*Продолжить следующую письменную работу.

Учитель приказал (что делать?) смирно сидеть и внимательно слушать. Он будет (что делать?) читать интересную статью. Митя начал хорошо (что делать?) учиться и совсем перестал лениться. Муравьи и пчелы любят (что делать?) много трудиться. Отец приказал детям рано встават-, тотчас встав одеваться, умыват-, молит- Богу и идти в школу. Коля захотел искупат- в реке **.** Он начал просит- у матери. Мать не велела ему купат-. Коля и Петя задумали катат- верхом. Отец не позволил им катат-, потому что они могли свалит- с лошади и убит-.

Правило. В словах, означающих действие и отвечающих на вопрос: что делать? в конце пишется ***ь*** *(иногда и) или* ***ься*** .

Задача 27. Вставить пропущенный буквы.

Он начинает сильно ленит- и плохо занимат- уроками. Мы захотела катат- на лодке, но нам не позволили насладит- этим удовольствием. Ученики стали ленит-, но учитель сказал, что он не пустит их купат- и прогуливат-, если они не постараются приготовит- свои уроки. Мы стали собират-, укладыват-, чтобы ехать в гости к бабушке. Бабушка позволила нам в своем саду побегат- и порезвит-, потом в пруду покупат- и покатат- на лодке.

*Задача 28.*Переписать правильно пять раз следующие слова, подчеркнув букву **ѣ** :

тѣ, всѣ, тѣх, всѣх, тѣм, всѣм, тѣми, всѣми, о тѣх, о всѣх, кѣм, чѣм, тѣм, гдѣ, двѣ, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать,, четырнадцать, пятнадцать, пятьдесят, шестнадцать, шестьдесят,. семнадцать, семьдесят, восемнадцать, восемьдесят, девяносто, двѣсти. Мнѣ, тебѣ, себѣ.

*Задача 29.*Списать следующие строки:

1. Кто встретился с тобой?
Добрый человек, добрая женщина, умное дитя.
*Что*нравится тебѣ?
Лѣтний день. Лѣтняя ночь. Лѣтнее утро.
2. От *кого* ты услышишь умное слово?
От доброго человека, от доброй женщины, от умного дитяти.
*Чего*нет зимой?
Лѣтнего дня. Лѣтней ночи. Лѣтнего утра.
3. К *кому* тебе нужно идти?
К добр *ому* человеку. К доброй женщине. К умн *ому* дитяти.
*Чему*не нужен холод?
Лѣтн *ему* дню. Лѣтней ночи. Лѣтн *ему* утру.
4. Кого ты увидал?
Добро *го* человека. Добр *ую* женщину. Умное дитя.
*Что*любишь ты?
Лѣтний день. Лѣтнюю ночь. Лѣтнее утро.
5. Кѣм обрадован ты?
Добрым человеком. Доброй женщиной. Умным дитятей.
*Ч*ѣм доволен ты?
Лѣтним днем, летней ночью, лѣтним утром.
6. О ком плачешь ты?
О добром человеке, о доброй женщине, об умном дитяти...
*О чем*ты говоришь?
О лѣтнем днѣ. О лѣтней ночи. О лѣтнем утре.
*Задача 30.*Дописать пропущенный окончания.
1. Кто учится?
Бѣдн- мальчик, маленьк- дѣвочка, прилежно- дитя.
2. У кого ты был?
У мил- батюшки, у ласков- матушки, у бѣдн- дитяти.
3. Кому ты несешь гостинец?
Бѣдн- человеку, убог- старушкѣ, бесприютн- дитяти.
4. Кого ты встретил?
Быстр- зайца, хитр- лисицу, хитр- животн-.
5. Кем ты был напуган?
Больш- медведем, свиреп- волчицей, страшн- животным.
6. О чем вы спорили?
О прочитанн- рассказе, о слышанн- сказке, о голуб- небе.
Письменные работы в связи с книгой для чтения
*Задача 1.*По прочтении басни: «Волк и журавль» (стр. 57), выписать в

тетрадь слова волка.

*Задача 2.*По прочтении той же басни дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. Кому засела в горло кость? 2. Кого волк нанял вынуть из горла кость? 3. Что сделал журавль? 4. Достал ли он кость из горла волка? 5. Что потребовал журавль у волка за свои труды? 6. Что отвечал ему волк?

*Задача 3.*По прочтении басни: «Пастух» (стр. 58), списать в тетрадь слова народа.

*Задача 4.*По прочтении той же басни дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. Кто был Савва? 2. Где он прежде служил? 3. Что случилось в стаде пастуха Саввы? Что стал делать Савва? 5. Верил ли народ словам Саввы пастуха? 6. Кто между тем крал овец? 7. Из чего видно, что Савва крал овец?

*Задача 5.*По прочтении басни: «Лисица и осел» (стр. 58), списать слова лисицы.

*Задача 6.*По прочтении той же басни дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. С кем лисица встретилась? 2. Как она назвала осла? 3. Откуда шел осел? 4. Что сделал льву осел? 5. Как решился ударить льва осел? 6. Боялись ли звери льва? 7. Почему не боялись? 8. Какие люди похожи на осла и какие на льва?

*Задача 7.*По прочтении басни: «Кукушка и орел» (стр. 59), спишите слова орла.

*Задача 8.*По прочтении той же басни дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. Чем наградил орел кукушку? 2. Что стала делать кукушка в новом чине? 3. Как стали относиться к ней птицы? 4. С какой жалобой обратилась кукушка к орлу? 5. Что отвечал ей орел?

*Задача 9.*По прочтении басни: «Скворец» (стр. 60), выписать слова, в которых выражена дума скворушки.

*Задача 10.*По прочтении той же басни дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. Как научился смолоду петь скворец? 2. Нравилось ли его пение? 3. Из чего видно, что его пение нравилось прочим птицам? 4. Доволен ли был скворушка своим пением? 5. Отчего он не был доволен? 6. Как он задумал петь? 7. Удалось ли ему петь соловьиным ладом? 8. С чем сравнивается в басне его пение? 9. Понравились ли оно теперь птицам? 10. Хорошо ли делал скворушка, желая петь соловьем? 11. Какой совет дает ему баснописец?

*Задача 11.*По прочтении басни: «Два мужика» (стр. 61) выписать слова свата Степана.

*Задача 12.*По прочтении той же басни дайте письменно полные

ответы на следующие вопросы: 1. Что случилось с кумом Егором и с кумом Фаддеем? 2. Отчего случилось с ними такое несчастье?

*Задача 13.*По прочтении басни: «Белка» (стр. 61) дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. У кого служила белка? 2. Угодна ли была служба белки льву? 3. Что обещано было в награду белке? 4. Скоро ли было исполнено обещание? 5. Какова была жизнь белки у льва? 6. Что случилось с белкой, когда она состарилась и наскучила льву? 7. Прислали ей воз орехов? 8. Какие были орехи? 9. Могла ли белка их есть? 10. Почему она не могла их грызть?

Задача 14. По прочтении басни: «Скупой и курица» (стр. 62) дайте письменно полные ответы на следующие вопросы: 1. Какую имел скупой курицу? 2. Что сделал скупой с курицей? 3. Для чего это он сделал? 4. Что нашел он в курице, когда ее зарезал?

*Задача 15.*По прочтении басни: «Раздел» (стр. 62) ответьте письменно на вопросы: 1. О чем спорили торгаши? 2. Как они названы в басне? 3. Много ли они наторговали денег? 4. Чем кончился их спор?

*Задача 16.*По прочтении басни: «Демьянова уха» (стр. 63) ответьте на вопросы: 1. Чем потчевал сосед Демьян соседа Фоку? 2. Какова была уха? 3. Как угощал Демьян своей ухой? 4. С охотой ли Фока съел последнюю тарелку ухи? 5. Что сделал Фока после последнего приглашения Демьяна съесть еще тарелочку ухи? 6. Ходил ли в гости к Демьяну Фока после этого угощения? 7, В каких словах говорится, что Фока больше не ходил к Демьяну в гости?

*Задача 17.*По прочтении басни: «Осел и соловей» (стр. 65) списать в тетрадь то место басни, где описывается пение соловья.

*Задача 18.*По прочтении той же басни списать слова осла.

Задача 19. По прочтении той же басни ответьте письменно на вопрос: какого человека нужно разуметь под ослом и какого под соловьем?

*Задача 20.*По прочтении басни: «Ларчик» (стр. 66) списать в тетрадь слова механика, взявшегося открыть ларчик?

*Задача 21.*По прочтении той же басни ответьте письменно на вопрос: какого человека нужно разуметь под механиком?

*Задача 22.*По прочтении басни: «Воробей и зерно» (стр. 66) поставить письменно к ней подробные вопросы. Напр. 1. Кто нашел зерно? 2. Когда муравей нашел зерно? 3. Какое он нашел зерно? 5. Можно ли с зерном совладать муравью? и т.д.

*Задача 23.*По прочтении басни: «Воробьи и овсянка» (стр.67) поставить письменно к ней подробные вопросы. [337]

Конец

Третий Год Обучения

Предисловие

В настоящей – последней – части «Доброго Слова», как и в двух предшествующих, составитель желал остаться верным намеченным им плану, характеру и цели этой книги для классного чтения в сельских народных училищах и церковно-приходских школах. Составить и выработать преимущественно из образцовых прозаических и поэтических произведений русских писателей книгу для классного чтения, вполне примененную к духу и потребностям народной школы, – книгу, благодаря которой ученик этой школы научился бы плодотворнейшим образом пользоваться *книгой вообще* , как орудием самообразования и саморазвития – вот та главная цель, которой составитель желал достигнуть при обработке как в целом, так и в частях своей книги для чтения. Насколько он достиг своей цели – судить, конечно, не ему, а детям, которые будут читать его книгу, добросовестным критикам, сведущим педагогам и тем, достойным всякой чести и поощрения наставникам народных школ, которые в свои занятия с детьми влагают всю свою жизнь, всю свою душу. Всякое разумное замечание от них мы примем с сердечной благодарностью и воспользуемся им при дальнейшем – третьем – издании своих книг.

Теперь мы позволим себе сделать несколько замечаний, которыми мы желали бы предотвратить могущие возникнуть недоразумения при ближайшем ознакомлении с «Добрым Словом» (год третий) в его настоящем издании.

1. Некоторые читатели-критики быть может найдут, что как третья часть «Доброго Слова», так и две предшествующие книги того же названия во втором издании не отличаются таким богатством и разнообразием своего содержания, какими отличались они при первом их издании в прошлом (1889) году. В ответ на это мы должны сказать, что второе издание «Доброго Слова», сокращенное, исправленное и значительно переработанное, со внесением в него многих новых статей и стихотворений, прямо отвечающих его назначению в настоящей его переработке, исключительно назначено для *классного чтения,* а не для внеклассного чтения [338] , – что назначаемая теперь цена книг более чем вдвое *ниже против цены первого* издания и что за ту цену, по которой продается каждая часть «Добр. Сл.» 2 издания, не мыслимо дать книги большего объема ни на один печатный лист.

2. Если в целом ряде статей нашей книги тот же читатель-критик

встретит несколько слов и оборотов речи до известной степени превышающих круг понимания того школьного возраста, для которого пред- назначена наша книга, и на этом основании упрекнет нас в том, что мы будто бы не всегда и не везде предлагаем статьи вполне доступные для детского понимания, – мы на это ответим ему, что почти везде таким словам и оборотам речи мы давали подстрочные объяснения, – что если где этого не сделано по отношению к некоторым словам и оборотам речи, то они, встречаясь в целой статье, совершенно доступной по содержанию пониманию детей, вполне могут быть поняты и усвоены в ряду других понятных слов и оборотов речи, – что чтение статей, в которых все до одного слова и грамматического и стилистического оборота речи понятны детям и отнюдь не превышают их развитие, в особенности со стороны их грамматической подготовке, совершенно похоже на переливание из пустого в порожнее, на толчение воды в ступе: ученики от таких статей не подвинутся в умственном развитии ни на один шаг, не обогатятся ни одним новым словом, не усвоят ни одного нового литературного выражения. Мы глубоко убеждены, что задача составителя книги для классного детского чтения в отношении изучения слов и форм отечественной речи должна заключаться не в том, чтобы он составлял такие статьи, в которых все до одной частности были бы понятны ученикам, но в том, чтобы в статьях, предлагаемых в его книге для чтения, *постепенно* давались новые слова и обороты речи, так, чтобы почти незаметно для учащегося, они ввели бы его мало-помалу в сокровищницу отечественного языка со всем богатством и разнообразием его слов и форм.

3. В третьей части «Доброго Слова», как и в первой и во второй, почти все статьи, сколько-нибудь значительного объема, разделены нами арабскими или римскими цифрами на части. От некоторых лиц мы слышали, что подобное деление статей едва ли вызывается педагогическими требованиями. Так как могут и другие высказать подобное суждение, то мы считаем долгом сказать здесь несколько слов в защиту принятого вами деления статей на части. Это мы сделали для того, чтобы дать детям возможность *наглядно наблюдать план и построение статей.* Если не все, то очень многие дети, безо всяких даже толкований учителя, всматриваясь в сделанные в читаемых ими статьях деления их на части, могут подметить то явление, что все вообще словесные произведения составлены по известному плану, благодаря которому все самые по-видимому разнообразные мысли не разбросаны как попало, а поставлены одна около другой в известном порядке. А это открыто –

весьма не маловажно: оно постепенно приучит ученика сначала к устному, а потом и к письменному изложению своих мыслей в известной системе.

Составитель

*Москва. 1890*г. 17-го февраля

Отдел первый. Человек

1. Максим Иванов

I. В деревне Яминове был пожар... ужасный, громадный пожар. Двенадцать изб с постройками были охвачены пламенем... Узкие промежутки между домами и соломенные крыши – вот одна из первых и главных причин, отчего наши деревенские пожары так ужасны, и почему наши деревни выгорают так часто; неимение пожарных инструментов, без сомнения, тоже является большой помехой.

Итак, в Яминове был пожар...

Пламя волновалось, как море, дым валил клубом, ветер разносил далеко пылающие головни. Крики, стон... Чей-то плач и резкая, грубая брань, мягкая мольба о помощи, спасении и холодное спокойное приказание «ломать», – все это сливалось в один страшный, ужасный гул...

Молодая женщина бегала по деревне, рвала на себе волосы, и плача, рыдая, обращалась к толпе с отчаянной мольбой.

– Дети мои! дети! спасите! спасите! ради Бога, моих детей! кричала она, окидывая толпу полубезумными глазами... Платка не было на ее голове, волосы растрепались – и она походила на помешанную.

– Спасите детей моих! кричала она, – и ничего не слушая, бежала далее, оглашая воздух плачем и стоном, и мольбой о помощи и спасении.

Каждому было жаль бедной женщины... и мысленно, сердцем – все были готовы помочь ей. Но броситься в огонь... рискнуть жизнью... – на этот подвиг не у каждого хватило смелости.

Народу сбежалось много: кто с ведром, кто с топором, кто с лопатой, – словно и она могла принести пользу, – но главного-то, пожарной трубы, и не было в Яминове... Все кричали, суетились... и даже более только кричали, чем суетились, – но много ли проку от шума и крика?

II. А пламя так и забирало, так и переходило с одной избы на другую... А ветер так и метал красные головни... С писком и карканьем кружились около пламени вороны, вылетевшие из своих разоренных гнезд.

– Дети мои... дети! отчаянно вскрикнула женщина, подбегая к своему дому и, ломая руки, обливаясь слезами... она в изнеможении упала на землю...

– А-ах, бедная! произнес какой-то старик с соболезнованием. – Погибнут ее детки... погибнут... где теперь спасти... вона, вона как его!... А-ах, как сильно! страсть! вскрикнул вдруг старик с испугом и попятился даже немного назад... Огромная головешка с треском грохнулась на землю

в нескольких шагах от него.

Но вдруг вся толпа заколыхалась... и задние ряды наперли на первые... Послышались крики... крики какого-то удивления и в то же время как будто восторга.

Крестьянин, небольшого роста, в одной рубахе, без шапки... вот кто мгновенно привлек всеобщее внимание...

Он протеснился через всю плотную массу людей, ничего не делавших и только с испугом смотревших на игру огня, – и торопливо подошел к горевшей избе:

– Помолитесь, православные! громко крикнул он, обращаясь к народу – и быстро начал взбираться на кровлю по веревочной лестнице, которая была прикреплена к углу, еще неохваченному пламенем.

Взобрался и спустился в избу...

Толпа вдруг смолкла... словно по команде, – словно поданному знаку... Все с напряжением дожидались появления отважного крестьянина...

И вот он появился на крыше... В руках трехлетняя девочка... без чувств, задыхающаяся... если уж не задохнувшаяся от дыму...

– Возьмите, возьмите ее скорее! громко, что было сил, закричал смельчак народу.

Молодой парень уже был на лестнице – и принял к себе ребенка.

Там еще! и с этими словами незнакомец снова скрылся в дыму и пламени...

III. Раздавшиеся было крики и приветствия – снова смолкли... и опять в толпе воцарилась глубокая тишина, опасность с каждой секундой увеличивалась, – а вместе с ней увеличивалось и росло народное чувство... чувство страха за жизнь отважного незнакомца...

Все ждали с нетерпением, с затаенным дыханием и усердно крестились.

Но вот прошло более четверти часа, а незнакомец не появлялся. Молодой парень, приведя ребенка в чувство, бросился скорее к горевшей избе... Но в тот самый миг, когда он вступил одной ногой на лестницу – на крыше показался незнакомец... Что-то маленькое, завернутое в тряпках, держал он в своих руках...

– Возьмите... а я спущусь... уже не прежним громким, но глухо-сиплым голосом, промолвил незнакомец, передавая свою ношу на руки молодого крестьянина.

Оба они начали спускаться... И первый успел благополучно слезть с крыши, но второй – отважный смельчак, – опоздал на одну... только на

одну секунду...

Он был на середине лестницы, – как вдруг огонь с треском вырвался из кровли и пламя охватило всю крышу... Незнакомец покачнулся... зашатался и невольно схватился за обруб крыши... Но в этот самый миг что-то страшно треснуло, – и обруб рухнулся на землю... вместе с ним полетел и незнакомец...

На одно мгновение вся толпа точно замерла... Но только на мгновение... Прошло оно – и вдруг – мертвая тишина сменилась каким-то странным шумом... Все заволновалось... бросилось вперед... заговорило и кинулось к груде пылающих бревен...

Разобрали... незнакомец лежит без чувств... ноги его были изломаны, лицо изуродовано, левая рука вся раздроблена...

Его подняли и понесли в сельский больничный лазарет...

Через три дня, по сделанным справкам, узнали, что отважный незнакомец – горский крестьянин, Максим Иванов, живший в городе в малярах и каждую субботу приходивший на праздник домой, где у него были жена и двое детей... Дорога же в Горки идет как раз через самое Яминово, отстоящее от Горок на пятнадцать верст.

(Из" Вечерн. досугов " А. Круглова).

2. Смерть и похороны Черного

(Этот рассказ взят из повести г-жи Кохановской: «После обеда в гостях». Рассказчица, по имени Любовь Архиповна, вспоминает свою молодость, как она любила молодого чиновника, по прозванью Черного; а замуж вышла за другого, по приказанию матери).

– В воскресенье на всеядной я замуж шла, а он той весной, недель через десять, утонул, т.е. не то, чтобы утонул», поправилась Любовь Архиповна: – «тонул-то не он, да отсюда ему болезнь его приключилась, и Черный, на самый третий день Светлого праздника, умер, и в четверг на Святой неделе его и хоронили.

«Жаль мне вашего Черного, сказала я; а между тем мне вспомнился полустих Пушкина: «зачем жалеть?»

– Это еще ничего, матушка, что ты о нем жалеешь, сказала мне Любовь Архиповна. – Нет, ты бы спросила, как вся Купянка о нем жалела, – вот на что было с удивлением посмотреть! При жизни его будто не очень любили, затем что он насмешник естественный был; а как умер он, точно каждый Бог знает что милое себе да дорогое потерял в нем. Оно и то нужно сказать, говорила Любовь Архиповна, что Черный последнее время почитай половину города просто на привязи за собой водил.

– На какой привязи, Любовь Архиповна?

– А на такой, родная моя, что за последнее время объявись у него, у Черного, новая песня, да ведь какая песня! Ни старые, ни бывалые люди от роду не слыхивали той песни; и как заноет он своим заливным голосом ту протяжную песню, просто душу *у* тебя силой берет, да и все тут! Отец протопоп, старый же человек и степенный, что ему песня? и он сидел под окном и слушал, как недалечко Черный пел; а далее опомнился, а у него, у отца протопопа, борода в слезах (сама матушка протопопша говорила); так он даже перекрестился. «Господи, Иисусе Христе!» сказал, «вот песня!»

– Но какая же песня? говорила я Любови Архиповне.

– Да она будто и не невесть какая и не мудреная, и всей-то ей, матушка, видеть нечего.

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли Дунай реку.
Что не к морю вода подымалася,
По желтым пескам расплескалася,
В зеленых лугахъ разливалася;
По девушке душа встосковалася...

– Песня-то и вся тут, говорила Любовь Архиповна, – да что сидело в той песне, как Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пел по вечерней заре. И еще как надойдет над гору и станет на ней, – а внизу река в половодье разлилася, шумит, – и он стоит, матушка, и поет: расплескалася, разливалася; просто, говорили люди, отца и мать бы забыл и все слушал его!...

Как же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы, как завидят его, из лавок выбегают навстречу. «Ваша милость, отец родной! «Воздохну»... Что хочешь из лавки бери, спой только «Воздохну». – Что ж, братцы! говорит Черный, – непродажная. Самому дорого стоит. Удастся вам послушать случаем – ваше счастье, а не удастся – не прогневайтесь. Так вот чтобы удалось это счастье, за Черным по сотне глаз смотрели, говорила Любовь Архиповна. Чуть он заложит руки назад и пошел по городу, тотчас со всех сторон, присадясь и пригинаясь под плетнями, за ним следом и потянуло человек пятнадцать или двадцать. У хозяев над рекой все плетни по огородам осадили, лазя через них, затем что, значит, эти места облюбил Черный и уже заливался тут своим «Воздохну». И тут же ему, матушка, и напасть его приключилась».

– Какая? Говорите, Любовь Архиповна! спросила я.

– Мужик потопал. Черный увидел с горы и бросился на помощь. Вытащил, матушка, мужика, спас его от смерти, а там еще лошадь его осталась – бьется, потопает совсем. Народ сбежался; стоит на берегу,

смотрит... Жалко бедной скотины, да что ей сделаешь? Своя душа дороже. Черный не стерпел. «Эх, сердечная! вымолвил, как она бьется!» и бросился опять к реке. Его было хотели силой удержать, так удержишь его? Он как двинул плечами, все от него, как листья, посыпались... И уже он бился с той лошадью, говорят, с час времени промаялся с ней, пока наконец вытащил из воды. Да если бы он после того в баню сходил, или бы напился горячего чего, говорила Любовь Архиповна, – авось бы Господь помиловал и прошло бы даром все. А то дело было с утра; Черный только на службу шел, как увидел, что потопает мужик; и он оделся после в сухое и опять пошел на службу. А оно и не прошло даром. Неделю целую разламывала болезнь, да он все не поддавался; а потом уже она как осилила его, так он на десятый день только в память свою пришел. И только, матушка, пришел в себя, глянул глазами, и говорит шепотом хозяйке, чтобы она священника позвала. И голоса-то его заливного не стало у него! А хозяйке не зачем далеко идти, потому что отец протопоп от обедни мимо окон шел. Она его в окно и подозвала. Отец протопоп, спасибо ему, даже в дом к себе не зашел, а воротился прямо в церковь, взял ковчежец со святыми дарами, выисповедал и запричастил больного...

И вот, родная моя, что я тебе скажу, говорила Любовь Архиповна: сама хозяйка божилась после, сказывала мне... Пока, знаешь, священник у больного святыню творил, а она, женщина догадливая, поспешила самовар поставить. Одно то, что, может статься, больной, принявши св. Тайны, захочет чаю выкушать; а другое, что хозяйка сама же знала и видела, что отец протопоп еще не кушал чаю. Как только там окончили со святыней, она сейчас внесла самовар и начала готовить чай. Отец протопоп недалечко на стуле сидел, а больной лежал с открытыми глазами; только он, видно, не замечал хозяйки; мало-помалу стал подниматься и сел. «Батюшка! говорит, таким тихим да твердым голосом говорит: я вам не все на исповеди сказал. Я Любовь Архиповну крепко, как свою душу любил». Батюшка отец протопоп тоже встал к нему. «Ничего, говорит: и Бог нас всех любит». С этим словом Черный лег, поворотился к стене, и будто он заснул, да уже и не просыпался более.

И как хоронили его! Вот, моя родная, прекрасно его хоронили! И теперь поезжай на Купянку, спроси – помнят люди, как Черного хоронили. Оно и забыть нельзя. Так светло да радостно никого будто в жизни не хоронили, ни большого, ни малого! Купцы как услышали, что помер Черный, они ему понесли всего: от свечей и ладану до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гроб сделать и парчой золотой Черного накрыли. Барышни ему под голову кисейную подушку сшили, розовой

тафтой подложили, изукрасили его лентами, что ни есть лучше. Он себе безродный был, ни отца, ни матери, где-то далеко сиротой взрос. Кажись, и гробу-то его пустеть да сиротеть должно бы было, а вышло нет, родная моя! Народ к нему валом валит, большие и малые, словно их посылал кто: «иди, мол, иди, поклонись Черному !» И весь народ шел, как река тек. В среду на вечерню его вынесли в церковь,, а на утро-то, значит, в четверг, как хоронить его, отец протопоп собором обедню служил (одно то, что Черный его прихода был, а другое, что и купцы просили). И знаешь: дни праздничные, в храме Божьем светлость такая, царские двери отворены, пение радостное на обедни льется, и Черный просто неузнаваем в гробу лежал, сказывали, сестрица. Большой такой да хороший; болезнь с него черноту сняла, и он, матушка, побелелый, обложился своими черными волосами, вот жив заснул, высоко на разубранной подушке в красоте лежит. Отпели погребенье, и как пришло то время, что дадим «последнее целование», отец протопоп первый приступил проститься с усопшим: поклонился он и, видно, Господь внушил ему такую мысль: «Христос воскресе!» сказал он и трижды, как христосуясь, поцеловал Черного. А тут недалечко у самого гроба женщина с дитятей на руках стояла, и дитя забавлялось, держало в ручке красное яйцо. «Дай мне, дитя, твое яичко,» сказал отец протопоп. И малютка так ему с ручкой протянула яйцо. Отец протопоп взял красное яйцо и положил его в гроб к Черному, и при этом он слово такое хорошее сказал: пусть, дескать, и в самое недро земли он снесет с собой благовестие Христово. Итак, матушка, за протопопом весь народ не прощаться, а христосоваться с Черным стал. Всякий подойдет к усопшему и, прежде чем целование мертвецу даст, «Христос воскресе!» скажет ему, как живому. Приступили к выносу, так народ толпами толпился, чтобы понести гроб, и как понесли его, такой день прекрасный в полудне сияет, хоругви развеваются, парча золотая на гробе, как жар, горит и, откуда ни возьмись, две ласточки вьются да щебечут над самым гробом: в удивление привели народ. Просто сладость такая святая умилила людей, как стали заколачивать гроб; заколачивают его, опускают в могилу, а тут, матушка, поют: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» Не один, не два человека, а целые десятки говорили, что они с радостью бы легли, и заняли место Черного... Вот такую судьбу Бог Черному дал, сказала Любовь Архиповна, что он и песней своей и смертью, как силой какой, подвигал за собой людей».

Я встала благодарить Любовь Архиповну; но впечатление ее прекрасного рассказа было так сильно, что я, кажется, не сумела

связать и двух слов.

(Кохановская).

3. Федор коробейник

I. В одном уезде проживал старик – коробейник, по имени Федор, или дядя Федор, как обыкновенно звали его. Многие не долюбливали его как за то, что он по своему промыслу смахивал на цыгана или еврея, так и еще более по подозрению, что он не совсем чист на руку. Насколько было справедливо это последнее обвинение – никто не знал, да и не старался кто-либо разузнать. Довольно было того, что так «некоторые» думали. И можно вообще смело сказать, что никто не знал, что за человек был дядя Федор, что было скрыто в глубине его души, какие помыслы и чувства таились в ней. Только время и удобный случай могли дать всем понять и оценить его великую и чистую душу и великое и чистое сердце, согреваемое пламенем Христовой любви к ближнему.

И случай этот скоро представился.

Однажды ночью подожгли дом одного помещика деревни Ивановки. На следствии выяснилось, что виновной в поджоге была вдова Акулина, служившая в доме подожженного помещика. Рассчитанная и прогнанная помещицей, она, придя в деревню, перед многими крестьянами говорила, что пустит красного петуха на своих лиходеев. Дело поступило в суд и тянулось более трех месяцев. Наконец назначен день окончательного суда. Явилось много свидетелей, соседних помещиков. Подсудимая с тремя маленькими детьми с нетерпением ждала кого-то и постоянно поглядывала на входную дверь и на часы. Казалось, что кто-то должен сейчас войти в залу суда и оправдать ее. Но никто не являлся, и лицо ее выражало печаль и разочарование.

Обвинения и улики против Акулины были подавляющие.

Допрошено было много свидетелей.

Акулина не обращала ни малейшего внимания ни на допрос свидетелей, ни на речь своего защитника. Она по-прежнему устремляла взгляд то на часы, то на дверь.

По мере того, как стрелки на часах подвигались вперед, как бы торопя самое время, это ожидание сказывалось в глазах Акулины все более и более лихорадочным блеском. Председатель суда в последний раз допросил подсудимую. На все его вопросы она твердила одно и то же, повторяя бесконечно свои немногие слова: «я не виновата. Про пожар знать ничего не знаю, ведать не ведаю. Отчего случилась беда – я не знаю. Я не виновата».

В словах ее слышалась такая искренность, что убеждение в ее

виновности видимо поколебалось во многих, не взирая на все собранные улики.

Затем невыразимо грустно было смотреть на этих детей, зная, что через какой-нибудь час они станут сиротами. Мать не вернется вовсе из Сибири или вернется, когда будет уж слишком поздно. Кто приютит этих бедных, беспомощных, оставленных деток, кто станет об них заботиться? И вот они спокойно играют со своей нянькой, ничего не зная о своем великом несчастии, тихого, робеющего народа и непривычного зрелища! Сами судьи то и дело невольно посматривали в их сторону.

В нескольких словах председатель изложил ход и сущность всего дела.

Судьи вышли для совещания и сейчас же вернулись в залу суда. Председатель встал, чтобы прочесть приговор. Многие уже догадались, что бедная женщина присуждена к ссылке в Сибирь на каторжные работы в рудниках.

II. Тогда, догадавшись, что все кончено, Акулина разом вся скорчилась и затряслась от ужаса, потом протянула руки назад, судорожно ощупала головки детей и как сноп свалилась на пол и покатилась под скамью. Оттуда, простертая на полу и захлебываясь от рыданий, она протянула руки к иконе, вперила в нее глаза и раздирающим душу голосом завопила: «Христос Спаситель, спаси меня! «Господи, помилуй меня, помилуй деток моих! Помилуй, помилуй!».

Увлеченные примером и потрясенные священными словами, все крестьяне поднялись с места как один человек, упали на колени и стали креститься и бить поклоны.

Я не в силах описать, какое потрясающее впечатление произвела эта картина. Судьи и господа оставались неподвижны, как оцепенелые; никто не шевельнулся, не сказал слова; тишина водворилась такая, что со своего места у печки, – очень хорошо помню это, – я слышал явственно движение маятника больших часов, которые своим «тик-так» под иконой Христа Спасителя точно отмечали меру вечного правосудия. Молчание прервали эти самые часы, своими двенадцатью ударами возвестившие полдень.

Этот шум разбудил Акулину и в ней – ее неотступную мысль. Она встала и бросила на дверь последний взгляд, исполненный невыразимой тоски. Многие, даже из состава суда, невольно последовали за этим взглядом, и 5 в эту минуту дверь отворилась, и в залу «суда вошел знакомый нам коробейник, дядя Федор.

– Что вам нужно? – спросил его председатель, прерывая чтение.

Дядя Федор отвечал своим робким, чуть слышным голосом.

– Не обессудьте, господа судьи, но эта женщина не виновата. Это я, грешник, подложил огонь.

Судьи посмотрели на него с удивлением и недоверчивостью. Они подумали было сначала, что это вероятно сумасшедший. Его заставили повторить заявление, спросили, кто он и как прозывается. Его имя произвело ропот в публике и заставило судей что-то вспомнить. Они поговорили между собой шепотом, сели на свои прежние места и начали предлагать коробейнику вопросы. Он отвечал с покорностью, неловко, но так, что всякие сомнения должны были исчезнуть.

Когда заговорил коробейник, в зале суда сразу как будто легче стало дышать, – на место угнетавшей всех нас какой-то тоски в душу вступило смутное, но приятное чувство, что теперь все опять приведено в порядок, поставлено на свое место, и дело кончится, как следует.

Дядя Федор осужден был на ссылку в Сибирь в рудники; в уважение же добровольного сознания срок оной был уменьшен и определен в десять лет. Из суда его повели жандармы.

III. Проходили месяцы, годы. Шесть лет прошло с тех пор до моего приезда домой на летние каникулы. Пьем мы раз чай в саду и видим: спешить к нам приходский наш священник, очевидно до крайности пораженный.

– Суд Божий... Если бы вы только знали, что случилось! – закричал он, как только завидел нас издали.

– Знаю, – сказал отец: – мельник упал с лестницы и убился.

– Да, – подтвердил священник, – но вы не знаете, в чем самый-то ужас: умирая, он велел послать за мной и открыл мне свою тайну.

– Батюшка, – сказал он мне, – я великий грешник: это я поджог Ивановку, в отместку тамошнему барину за сдачу в рекруты моего сына.

– Что ты?... Да ведь это Федор коробейник сделал и пошел за это в Сибирь.

– Нет, я, батюшка! Дядя Федор ночевал тогда в моей риге, у него же я купил и дегтярную баклажку для поджога. Мне кажется, он догадывался и подозревал меня. В тот день, как быть суду, он приехал поутру на мельницу и сказал, смотря на меня в упор: «Ноне случится большой грех, – осудят Акулину, а она не виновата»... Я погрозил коробейнику, и он уехал, трясясь как осиновый лист, потому что боялся меня очень... *Божий человек был!* Должно быть *жалко стало Акулины с ребятами, – вот он и принял вину на себя.* А я, злодей, промолчал... Но тут он и скончался.

Мы сейчас поехали со священником в город к губернатору. Написали

в Сибирь, во все стороны. Прошли месяцы в бесполезной переписке. За недостатком точных сведений относительно дяди Федора, там не могли догадаться, кого из ссыльных требуют обратно власти. Наконец, генерал-губернатор Сибири прекратил переписку резким ответом, что подобное требование он считает за насмешку над здравым смыслом, потому что невозможно разыскать арестанта, зная о нем только то, что зовут его Федором. «В прошедшем году из ссыльных два Федора умерли в томском госпитале, да три в тобольском, не считая других».

IV. Когда в деревне стала известна неудача наших хлопот, Акулина явилась к священнику с корзинкой яиц и со слезами просила отслужить панихиду об упокоении души бедного дяди Федора. Все мы пошли в церковь. Акулина, припав головой к церковному помосту, рыдала и молилась Богу; слезы ее душили; только по временам можно было слышать, как она шептала: «упокой, Господи, душу его. моего благодетеля и спасителя! О, Господи, Иисусе Христе, пощади его в царствии небесном за его христианскую любовь ко мне, грешной, и моим малым деткам»! Никогда не молился я так усердно: тут впервые мне стал ясен смысл слов Христа, прочтенных священнослужителем в дневном евангелии: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше сей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам (Ин.15)». Я понял эти слова, когда в памяти моей воскресла смиренная фигура дяди Федора в лисьей шубе, стоящего одиноко за решеткой и трепещущего под презрительными взглядами толпы. Из тех, что поносили его тогда в мысли своей, многие были здесь и плакали, вспоминая этого великого по Христовой любви злосчастного своего брата, невинно, но добровольно, во имя той же Христовой любви погибшего в каторжной больнице в Томске или Тобольске, неведомо где...

(Перед, и сокращ. из рассказа: «Федор Короб.». Москва 1884 г.).

4. Капитан Бопп

I. На корабле купеческом Мудезе, который плыл из Лондона в Бостон, был капитаном [339] Бопп, морян искусный, но человек недобрый; он своих людей так притеснял, был так бесстыдно развратен, так ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипаж [340] смертельно ненавидел; наконец готов был вспыхнуть бунт, и капитану бы несдобровать... но Бог решил иначе. Вдруг занемог опасно капитан; над кораблем команду принял штурман [341] ; больной же, всеми брошенный, лежал в каюте; экипаж решил, чтобы он без помощи издох, как зараженный чумой, и это с злобным смехом было ему объявлено. Уже дня четыре, снедаемый

болезнью, лежал один он и никто не смел к нему войти, чтобы хоть каплей воды его язык иссохший освежить, иль голову повисшую его подушкой подпереть, иль добрым словом его больную душу ободрить; он был один: страшно смерть глядела ему в глаза. Вдруг слышит он однажды, что в дверь его взошли, и что ему сказал умильный голос:

– Каковы вы, капитан?

То мальчик Роберт был, ребенок лет двенадцати; ему стал жалок капитан; но на вопрос больной сурово отвечал:

– Тебе какое дело? Убирайся прочь!

Однако на другой день мальчик снова вошел в каюту [342] и спросил:

– Не нужно ль чего вам, капитан?

– Ты это, Роберт? чуть слышным голосом спросил больной.

– Я, капитан.

– Ах! Роберт, я страдал всю ночь.

– Позвольте мне, чтоб я умыл вам руки и лицо; вас это может немного освежить.

Больной кивнул в знак своего согласия головой, а Роберт, оказав ему услугу любви, спросил:

– Могу ли, капитан, теперь обрить вас?

Это также было ему позволено. Потом больного Роберт тихонько приподнял, его подушки поправил; наконец, смелее ставши, сказал:

– Теперь я напою вас чаем.

II. И капитан спокойно соглашался на все; он глубоко вздыхал и с грустной улыбкой на мальчика смотрел. Уверен будучи, что от своих людей никакого милосердия надеяться не должен, в злобе сердца решился он ни с кем не говорить ни слова. Лучше умереть сто раз, он думал, чем от них принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала; непримиримая его душа смягчилась, и в глазах его, дотоле свирепо мрачных, выступили слезы. Но дни его уж были сочтены; он видимо слабел и, наконец, уверился, что жизнь его была на тонком волоске: и ужас душу его охватил, когда предстали разом ей смерть и вечность; с страшным криком совесть проснулась в нем; но ей не поддалась бы его железная душа: он молча бы покинул свет, озлобленный, ни с кем не примиренный, если бы милый голос ребенка, посланного Богом, вдруг его не пробудил. И вот однажды, когда, опять к нему войдя, Роберт спросил;

– Не лучше ли вам капитан?

Он простонал отчаянно:

– Ах! Роберт, мне тяжело; с моим погибшим телом становиться

ежеминутно хуже. А с бедно1 моей душей!... Что мне делать? Я великий нечестивец! меня ждет ад; я ничего не заслужил; я грешник, я навеки погибший человек.

– Нет, капитан, вас Бог помилует: молитесь.

– Поздно молиться; для меня уж более нет надежды на спасенье. –Что мне делать? Ах! Роберт, что со мной будет?

Так свое дотоль бесчувственное сердце он исповедовал перед ребенком; и Роберт делал все, чтобы возбудить в нем бодрость, но напрасно. Раз, когда по-прежнему вошел в каюту мальчик, больной едва дыша ему сказал:

– Послушай, Роберт, мне пришло на ум, что, может быть, на корабле найдется «Евангелие»; попробуй, поищи.

И подлинно, «Евангелие» нашлось. Когда его больному подал Роберт, в его глазах сверкнула радость.

– Роберт, сказал он, это мне поможет; верно поможет. Друг, читай; теперь узнаю, чего мне ждать и в чем мое спасенье. Сядь, Роберт, здесь; читай; я буду слушать.

– Да что же мне читать вам, капитан?

– Не знаю, Роберт; я ни разу в руки не брал «Евангелия»: читай что хочешь, без выбора, что попадется.

– Роберт раскрыл «Евангелие» и стал читать, и два часа читал он. Капитан, к нему с постели голову склонив, его с великой жадностью слушал; как утопающий за доску, он за каждое хватался слово; при каждом слове молнией страшной душа в нем озарялась; он вполне все недостоинство свое постигнул, и правосудие Творца предстало ему с погибелью неизбежимой, хотя и слышал он святое имя Спасителя, но верить он не смел спасению. Оставшись один, во всю ту ночь он размышлял о том, что было читано; но в этих мыслях его душа отрады не нашла. На следующей день, когда опять вошел в каюту Роберт, он ему сказал:

– Мой друг, я чувствую, что мне земли уж не видать; со мною дело идет к концу поспешно; скоро буду я брошен через борт; но не того теперь боюсь я... что с моей душей, с моей бедной душей, будет! Ах! Роберт, я погиб, погиб на веки! Не можешь ли помочь мне? Помолимся, друг, за меня. Ведь ты молитвы знаешь.

– Нет, капитан; я никакой другой молитвы, кроме «Отче наш», не знаю; я с матерью вседневно по утру и вечеру ее читал.

– Ах, Роберт! молись за меня; стань на колени; проси, чтобы Бог явил мне милосердие: за это Он тебя благословит. Молись, друг, молись, о

твоем отверженном, безбожном капитане.

Но Роберт медлил; а больной его просил и убеждал, ежеминутно со стоном восклицая: «Царь небесный, помилуй грешника». И оба рыдали.

– Ради Бога, на колена стань, Роберт, и молись за меня.

И увлеченный жалостью мальчик стал на колени и, сложив руки, в слезах воскликнул. «Господи, помилуй Ты моего больного капитана! Он хочет, чтоб Тебе я за него молился: я молиться не умею. Умилосердись Ты над ним; он бедный боится, что ему погибнуть должно. Ты, Господи, не дай ему погибнуть! Он говорит, что быть ему в аду. Ты, Господи возьми его на небо; он думает, что дьявол овладеет его душей. – Ты, Господи, вели, чтоб ангел твой вступился за него! Мне жалок он; его больного все покинули; но я, пока он жив, ему служить не перестану; только спасти его я не умею; сжалься над ним Ты, Господи, и научи меня молиться за него». – Больной молчал; невинность чистая, с какой ребенок за него молился, всю его проникла душу; он лежал недвижим, стиснув руки, погрузив в подушки голову и слез потоки из глаз его бежали. Роберт, кончив свою молитву, вышел; он был также встревожен; долго он, едва дыханье переводя, на палубе стоял и, перегнувшись через борт, смотрел на волны.

III. Ввечеру, он возвратившись к больному, до ночи ему читал «Евангелие» и капитан его с невыразимым слушал умилением. Когда же Роберт на другое утро опять явился, он был поражен, взглянув на капитана, переменой, в нем происшедшей: страх, который так усиливал естественную дикость его лица, носившего глубокий страстей и бурь душевных отпечаток, исчез; на нем сквозь покрывало скорби, сквозь бледность смертную сияло что-то смиренное, веселое, святое, как будто луч той светлой благодати, которая от Бога к нам на вопль молящего раскаянья нисходит.

– Ах! Роберт, тихим голосом больной сказал, – какую ночь провел я! Что со мной было! я того, мой друг, словами выразить не в силах. Слушай: когда вчера меня оставил ты, я впал в какой-то полусон; душа была полна Евангельской святыней, которая проникла в нее, когда твое я слушал чтение; вдруг перед собой, здесь, в ногах постели, увидел я – кого же? Самого Спасителя Христа; он пригвожден был ко кресту; и показалось мне, что будто встал я и приполз к Его ногам и закричал, как тот слепой, о коем ты читал мне: «сын Давидов, Иисус Христос, помилуй!» И тогда мне показалось, будто на меня, да! на меня, мой друг, на твоего злодея капитана, Он взглянул... О, как взглянул! какими описать словами этот взгляд! Я задрожал; вся к сердцу кровь прихлынула, душа наполнилась тоской смерти; в страхе, но и с надеждой я к Нему поднять осмелился

глаза... и что же? Он.... Да, Роберт!... Он отверженному мне с небесной милостью улыбнулся! О! что со мной сделалось тогда! На это слов язык мой не имеет. Я на Него глядел... и ждал... Чего я ждал? Не знаю; но о том мое трепещущее сердце знало. А Он с креста, который весь был кровью, бежавшей из ран Его, облит, смотрел так благостно, с такой прискорбной и нужной жалостью на меня... И вдруг Его уста пошевелились, и я Его услышал голос... чистый, пронзающий всю душу, сладкий голос; и Он сказал мне: ободрись и веруй! От радости разорвалось сердце в моей груди, и я перед крестом упал с рыданием и криком... но видение исчезло; и тогда очнулся я; мои глаза открылись.

Не сон ли это был? Нет, не сон. Теперь я знаю: Тот меня спасет, Кто ко кресту за всех и за меня был пригвожден; я верую тому, что Он сказал на Вечери Святой, переломивши хлеб и вливши в чашу вино во оставление грехов. Теперь уж мне не страшно умереть: мой Искупитель жив, мои грехи мне будут прощены. Выздоровленья не жду я более и не желаю; я чувствую, что с жизнью расстаться мне должно скоро; и ее покинуть теперь я рад...

При этом слове Роберт, дотоле плакав в молчании, вдруг с рыданием воскликнул:

– Капитан, не умирайте; нет, вы не умрете.

На то больной с усмешкой отвечал:

– Не плачь, мой добрый Роберт; Бог явил Свое мне милосердие, и теперь я счастлив; но тебя мне жаль, как сына родного жаль: ты должен здесь остаться на корабле, меж этих нечестивых людей, один, неопытный ребенок.... с тобой будет тоже, что со мной! Ах! Роберт, берегись: не попади на страшную мою дорогу; видишь, куда ведет она. Твоя любовь ко мне была, – друг милый, велика, тебе я всем обязан; ты мне Богом был послан в страшный час... ты указал мне, и сам того не зная, путь спасенья; благослови тебя за то Всевышний! Другим же всем на корабле скажи ты от меня, что я прошу у них прощенья, что я сам их прощаю, что я за них молюсь.

IV. Весь этот день больной провел спокойно; он с глубоким вниманием «Евангелие» слушал. Когда же настала ночь, и Роберт с ним простился, он его с благословеньем, любовью и грустью проводил глазами до дверей каюты. Рано на следующий день приходит Роберт в каюту; двери отворив, он видит, что капитана нет на прежнем месте: поднявшись с подушки, он приполз к тому углу, где крест ему во сне явился; сам, к стене оборотись лицом, в дугу согнувшись, головой припав к постели, крепко стиснув руки, лежал он на коленях. То увидя, встревоженный, в

дверях каюты, Роберт остановился.

Он глядит и ждет, не смея тронуться; минуты две прошло... и вот он наконец шепнул тихонько; «капитан!» – ответа нет. Он, два шага ступив, шепнул опять погромче: «капитан!» но тихо все, и все ответа нет. Он подошел к постели. «Капитан!» сказал он вслух. По-прежнему все тихо. Он рукой его ноги коснулся! холодна нога, как лед. В испуге закричал он громко: «капитан!» и за плечо его схватил. Тут положенье тела переменилось: медленно оно навзничь упало; и тихо голова легла сама собой на подушку; были глаза закрыты, щеки бледны, вид спокоен, руки сжаты на молитву.

(В.А. Жуковский).

5. Плюшкин

Чичикову случалось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидать; но такого он еще не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков; один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки его не потухли и бегали, из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, повязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но перед ним стоял не нищий – перед ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча слишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушила нагромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин, выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено

было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся – ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор, куда ежедневно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы и где горами белеет всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны, жбаны с рыльцами и без рылец, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладут свои мочки, и прочий дрязг, коробья из тонкой гнутой осины, бураки из плетеной берестки, и много всего, что идет на потребу богатой и бедной Руси. На что бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобных изделий? Во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, – но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, все тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. – Вон уже рыболов пошел на охоту! говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу. И в самом деле, – после него не зачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправлялась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабыла ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда все кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола все, что ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, перышко и все это клал в бюро [343] или на окошко.

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни; работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во все входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли или не рад был этому гость. В доме

открыты были все окна; антресоли [344] были заняты квартирой учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерок или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел. На антресолях жила также его компатриотка [345] , наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном; локти были в порядке, нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь, Александру Степановну, он не мог во всем положиться да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штаб-ротмистром, Бог весть, какого кавалерийского полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров, по старинному предубеждению, будто все военные картежники и мотишки. Отец послал ей на дорогу проклятие, а преследовать не заботился. В доме стало еще пустее. Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость; сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться; учитель француз был отпущен, потому что сыну пришла пора на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешной в похищении Александры Степановны; сын, будучи отправлен в губернский город с тем, чтобы узнать в палате, по мнению отца, службу существенную, определился вместо того в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш. Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине. Случилось же под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, что сын его проигрался в карты; он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался знать, существует ли он на свете или нет. С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались, только два, из которых одно было заклеено бумагой; с каждым годом уходили из вида, более и более, главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате; неуступчивее становился он к

покупщикам, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения; покупщики торговались, торговались, и наконец бросили его вовсе, сказав, что это бес, а не человек; сено и хлеб гнили, клади и стога обращались в чистый навоз, хоть разводи на них капусту; мука в подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить; к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабыл сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкапу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом ее не выпил, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве доход собирался по прежнему; столько же оброку должен был принести мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха – все это сваливалось в кладовые и все это становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге – не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

(Н. Гоголь).

6. Комната Плюшкина

Чичиков вступил в темные, широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворив эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы, с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял, прислоненный боком к стене, шкаф, с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутровой мозаикой [346] , которая местами уже вы- пала и оставила

после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, покрытых мраморным позеленевшим прессом [347] с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами, покрытая письмом, кусочек сургуча, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшая, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которой хозяин, может быть, ковырял в зубах еще до нашествия французов.

По стенам навешено было весьма тесно и бестолково несколько картин; длинный, пожелтевший гравюр [348] какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева, с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую, головой вниз, утку. С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывались оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, полотняный колпак, лежавший на столе.

(Гоголь).

7. Злой человек

I. То, что я вам расскажу, не выдумка, а быль из воспоминания моего детства...

Оставалось дня два до Рождества. Отец мой был в отъезде. Он управлял тогда туркменами – народом, кочующим в степях Ставропольской губернии – и большую часть года проводил среди этого народа.

Кочевье зимой не представляет ничего заманчивого, и жизнь в кибитках, имеющих подобие войлочного шалаша, полна всевозможных лишений, неудобств и неприятностей. Очень понятно, что вести такую

жизнь с семьей (с маленькими детьми), в холодную зимнюю пору могут только кочевники, веками приученные к ней и легко выносящие, почти под открытым небом, самые резкие перемены погоды. Вот почему наша семья всегда проводила зиму в городе, а бедный отец обязан был терпеливо переносить одинаковую долю с народом, вверенным его попечениям и заботам... Только изредка наезжал он в город отдохнуть в семье от невзгод тяжелой жизни. Так должно было случиться и в этот раз. Мы ждали его к празднику.

II. Канун сочельника был последним днем ожиданий: отец писал, что проведет сочельник с нами. К этому же дню готовилась нам елка. Все столы в зале завалены были украшениями... Радостям, казалось, не было конца. Но это только казалось: мы вовсе не подозревали, что за порогом наших дверей стояло горе и что через минуту оно застигнет нас совсем врасплох.

Как теперь помню, мы мирно сидели за завтраком – две бабушки, матушка, я и братья. Шел оживленный разговор...

Вдруг отворяется дверь, и на пороге появляется Архип Иванович Архангельский – письмоводитель отца, бывший с ним в кочевье. «Приехали!» – вскрикнули мы и в один миг бросились к дверям.

Но Архип Иванович имел такой вид, что все невольно смутились. Он был печален, точно чем-то встревожен, пошатывался, раза два схватился за голову, как человек, пораженный горем.

– Что случилось? испуганно вскрикнула мать.

– Сударыня, начал было Архип Иванович и запнулся... потер лоб рукой... глянул куда-то в сторону... Взгляд его еще больше перепугал нас. Сударыня!., я привез вам не добрую весть...

– А муж? могла только спросить мать, бледнея и задыхаясь от волнения.

– Ваш муж... убит!...

Вопль – и мать, как сноп, повалилась на землю. Что после этого произошло – нет сил рассказать. С матушкой сделалась истерика, бабушка горько плакала, мы голосили на весь дом, прислуга ходила с красными от слез глазами. Сразу все исчезло, все было забыто – елка, праздник, весь мир... В голове стоял только милый образ отца, стоял и не отходил... Горе сжимало сердце, слезы лились неудержимо...

III. Удар был так ужасен и неожидан, что в первый минуты все забыли про Архипа Ивановича. Он все стоял в дверях и какими-то странными глазами посматривал, как мы убивались.

Прежде всего собралась с духом мать отца, бабушка-черногорка (отец

мой кровный черногорец, мать-русская). Обладая железным характером, она стала расспрашивать письмоводителя о подробностях несчастия.

Страшны были эти подробности.

Архангельский рассказал, что, в позапрошлую ночь на кочевье напали черкесы и, перерезав множество туркмен, убили отца, разграбили кибитки, угнали скот. Сам он спасся в овраге, а когда горцы ускакали, прибежал в кочевье. Там он узнал все и, увидев труп отца, валявшийся на снегу у кибиток, тотчас поскакал сюда... «С часу на час нужно ждать, что привезут его тело», добавил письмоводитель, спеша уйти, чтобы доложить обо всем начальству.

IV. При последних словах с матушкой опять сделалось дурно. Нам предстояло ждать, вместо дорогого гостя – отца, его труп. Убитый горем, я не отходил от матери, осыпая ее горячими поцелуями и обливая их слезами.

Весть о нашем несчастии быстро разнеслась по городу. Начали съезжаться родные и знакомые. Все они старались, как могли, утешить и успокоить мать; но с каждым появлением нового лица плач в доме возобновлялся и горе все сильнее и сильнее потрясало нас.

С красным лицом, с опухшими от слез глазами забился я в угол детской и, неподвижно сидя на скамейке у самой печки, все думал о том, что случилось. Мне было тогда семь лет. Мое пылкое детское воображение рисовало картины, от которых кровь стыла у меня в жилах. Я никогда не забуду этих картин... Ночь – глухая, зимняя, морозная. На мирно спящий аул [349] налетают черкесы... Я видел их, я знаю, что это за люди!.. Косматые шапки, косматые бурки, бритые головы, злорадный лица с зверскими глазами, с носами, изогнутыми как у хищных птиц... В рассыпную несутся они по кочевью... Дикое гиканье, быстрый гортанный говор, пронзительные крики... В ужасе и смятении просыпается сонный аул. Над головами туркменов – кинжалы, шашки, винтовки, блеск огня, выстрелы... Растерянной толпой бежит народ, лошади мнут, давят его, черкесы рубят и убивают. Жертвы валятся, стонут. Кочевье опрокинуто. Всюду грабеж, истязания: запасы сена пылают в огне... По снежной степи несется вопль женщин, плач детей, ржанье коней, рев верблюдов, блеянье перепуганных овец, угоняемых при свете пожара... И надо всем этим бесчеловечным погромом – темное, ясное небо, на котором невозмутимо блещут и мерцают звезды.

V. Сколько в этом небе величия, спокойствия, и сколько жалкой, неугомонной суеты, тревоги, зверства, несчастий, нужды и горя на бедной земле! Зачем люди так злы и алчны, зачем они причиняют другим столько

бедствий?... Бедный отец! Убит, его нет с нами и не будет... Лежит он у своей кибитки, на снегу, мертвый... При угасающем зареве пожара видно его страдальческое лицо... В правой руке закостенел кинжал. Он защищался, хотел отстоять свою жизнь, – и не отстоял: их много, он один... Милый! брошен, забыт... Некому о нем подумать: народ не пришел еще в себя, у каждого свое горе. Сколько перебито, изранено! Все разорены...

VI. Степь по немногу темнеет, зарево гаснет, легкий ветерок подувает по равнине и слегка метет снежную пыль, шелестит ею... Я, кажется, слышу этот шелест, чувствую это холодное дыхание зимы и вижу, ясно вижу, как ветер кружит возле трупа отца, развевает полы его черкески, колышет его длинные усы и по немногу начинает окутывать его сугробом... Как страшно!.. Я вздрагиваю, прихожу в себя и вижу, что сижу все у печки: ужасная картина нарисована моим воображением. Да, воображением, а слезы все-таки опять выступают из глаз и душат меня... Ведь у меня отца убили, отца! Я никогда уж больше не услышу его ласкового голоса, никогда не буду целовать его большой, широкой руки, которая как-то особенно мягко, любовно, нежно брала меня за подбородок и трепала по щеке... Я принимался тогда к отцу, а он так приветливо склонял ко мне свою голову, так тепло смотрел мне в глаза, так близко придвигал свое лицо и так горячо и больно целовал меня, что я готов был вскрикнуть... Большие усы его попадали мне в глаза, щекотали щеки и нос, а мне все-таки было невыразимо приятно и от поцелуев, и от этих больших рук, сжимавших мою детскую рожицу в комок.

При воспоминании обо всем этом мне становится так тяжело, что я быстро встаю с скамейки, иду к матери, молча падаю к ней на грудь и рыдаю...

VII. Все наши находились в ужасной тревоге и с замиранием сердца ожидали, что вот-вот привезут бездыханное тело дорогого нам человека. Знакомые и родственники разъехались. Осталась с нами только наша крестная – мачеха моей русской бабушки, которую мы, в отличие от двух других бабушек, называли всегда бабушкой Марфой Яковлевной, хотя она была, собственно, прабабушкой нам.

Подали обедать. Никто не хотел и не мог ничего есть. Суп остыл, стоя на столе; его убрали не тронутым. Остального не велели и подавать.

Изнемогши от слез и горя, мать лежала на кушетке. 350 Я сидел в ногах матери и начинал уж дремать, как вдруг на улице раздался колокольчик... Мать так и вскочила с кушетки, бабушки бросились к окну. Дыша на него и закрываясь от комнатного света обеими руками, они

старались рассмотреть что-нибудь через образовавшиеся на стекле проталинки. Но за метелью ничего не было видно.

VIII. Колокольчик звякнул опять, совсем близко, через минуту – уж в самых воротах... Матушка побледнела, как полотно, схватила свечу, шатаясь, бросилась в переднюю. Бабушки хотели ее удержать, но только что все мы двинулись за ней, как в дверях раздался сильный звонок и, вслед за ним, через порог переступил отец, с головы до ног занесенный снегом!... Матушка вскрикнула, уронила свечу и повисла у него на шее, заливаясь слезами. Русская бабушка тоже всхлипывала от волнения и радости, черногорка – неподвижно стояла на пороге и, в ожидании очереди обнять сына, не спускала с него своих черных выразительных глаз, осеняя себя и его большими крестами. В первую минуту я совершенно растерялся и остолбенел от изумления: мне все казалось, что произошло какое-то недоразумение. Но как только услышал я его голос, не верилось, что это отец; – я как безумный охватил руками его ноги и тоже заплакал... Сквозь слезы и рыдания я слышал, как отец приподнял меня, стал горячо целовать... Да, это был он: я чувствовал на своих щеках его усы, бритый, несколько колючий подбородок; я задыхался, когда его большие руки прижимали меня к груди. Потом, когда отец опустил меня на пол, со мной происходило что-то странное: точно все это я видел во сне или сквозь какой-то туман, наполнявший мою голову. Я не понимал как случилось, что отец ожил, если он был убит, если я сам видел его уже мертвым в снежных сугробах, там, далеко, в степи, в разграбленном кочевье...

IX. Скоро, однако, все объяснилось. Никакого нападения на кочевье не было, а случилось вот что: Архангельский давно уже стал кутить, ничего не делал, обманывал и обижал народ, вечно был пьян и доставлял отцу множество серьезных неприятностей. Поневоле пришлось уволить его от должности. Это возбудило в нем злобу против отца, и он придумал ужасную месть: своей бесчеловечной ложью он заставил нас перевести столько тяжких страданий. У него хватило духу смотреть, как целая семья убивалась, оплакивая смерть дорогого ей человека; его не тронул обморок матери, наши детские слезы; его не удержал и великий праздник, день общей радости, день добрых дел в память о Христе. Бессердечный и злой человек спокойно рассчитал свое мщение – и отнял у нас наши радости. Но Тот, Кто завещал делать людям добро и Чей день Рождества собирались они праздновать, судил иначе.

X. Возмущенный жестоким и дерзким поступком Архангельского, отец на другой же день послал за ним. Когда посланный вернулся, отец,

бледный и встревоженный, вышел из своего кабинета и объявил нам, что Архангельский... умер... Идя от нас домой, он поскользнулся на льду и насмерть расшибся о каменную тумбу...

XI. Мы были поражены. Ужасная смерть, накануне праздника, сразу смирила гнев и негодование всей семьи. Ни у кого не хватило духу вспоминать о случившемся.

Бабушка-черногорка первая перекрестилась; за ней перекрестились и остальные... В этой краткой, молчаливой молитве грех был отпущен, зло позабыто и прощено.

Русская бабушка записала покойного в свое поминание, чтобы молиться за упокой его души...

(Извлеч. с сокращ. из рассказа Вучетича).

8. Прохожий

I. Много грозных ночей застигало прохожего, много вьюг и непогод вынесла седая голова его, но такой ночи он никогда еще не видывал. Затерянный посреди сугробов, по колена в снегу, он тщетно озирался на стороны или ощупывал костылем дорогу; метель и сумрак сливали небо с землей; снежные горы, взрываемые могучим ветром, двигались, как волны морские, и то рассыпались в обледенелом воздухе, то застилали дорогу... Напрасно силился прохожий подать голос: крик застывал на губах его и не достигал ни до чьего слуха; грозный рев бури один подавал о себе весть в мрачной пустыне... Отчаянье уже начинало проникать в душу путника, силы начали покидать его. Он окинул мутными глазами окрестность и крикнул еще раз. Но крик снова замер на помертвелых устах его.

II. Путник медленно опустился в сугроб и трепетной рукой сотворил крестное знаменье. Буря, между тем, пронеслась мимо; все как будто на минуту стихло... И вдруг нежданно, в стороне, послышался лай собаки... Лай повторился в другой и третий раз... Застывавшее сердце путника встрепенулось; он рванулся вперед, простер руки и пошел на слух... Немного погодя, он ощупал сараи, и вскоре из-за угла мелькнули перед ним приветливые огоньки избушек. Подойдя к одной из них, старик постучался. «Кто там?» крикнул голос из избы. – «Прохожий... пусти переночевать... озяб», отвечал старик. – «Ступай! ступай! по добру, по здорову», сердито отозвался голос из избы; «много вас шляется; проваливай, здесь не место, ступай!»... С грустью отошел он от окна немилостивого человека и направился к крошечной, покосившейся на бок избенке крестьянина Алексея, жившего со своей матерью старушкой. Подойдя к избе, старик постучался. «Кто там?» крикнул Алексей,

прикладывая лицо свое к окну и стараясь разглядеть сквозь снеговое узорочье стекла. – «Прохожий... пустите во имя Христово», отвечал трепещущий, вздрагивающий голос старика. – «Слышь?» сказал Алексей, поворачиваясь к матери: «верно, с пути сбился, за метелью; пущай его обогреется; я выйду на двор, провожу его, а то и не найдет, пожалуй»... Алексей набросил на плечи овчину и вышел на крылечко. – «Дядя, где ты? сюда ступай!» крикнул он. «Сюда, дедушка!... Ступай на голос!» Глухой стон отозвался где-то в стороне и, минуту спустя, неровные шаги зазвучали на шатких ступенях крылечка. – «Сюда, дедушка, сюда!» сказал Алексей, входя в сени и отворяя дверь избы, чтобы виднее было, куда идти: «войди, отогрейся»...

III. Прохожий вошел в избу. Это был седой старик, лет семидесяти. Он медленно поднял окоченевшие свои руки, сделал шаг вперед, ощупал неверными руками стену и опустился в изнеможении на лавочку. – «Что? небось, озяб, дедушка?» спросил его Алексей, – «Поди поближе к печке, погрейся!» прибавила старушка. Старик приложил изрытую ладонь к тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было. – «Спасибо»... проговорил он, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, «спасибо вам, что пустили»... – «И-и-и... касатик, Господь с тобой! сиди, сиди, обогрейся... да ты бы, право, поснедал чего; кашки, а не то и киселек есть у нас»... – «Нет... спасибо... ох!... вот кабы парень-то твой... пособил... сил моих нет»... Алексей подсобил старику растянуться на лавке и подложил ему под голову суму. Немного погодя, старушка затушила лучину, и в избушке стало темно. Василиса, утомленная дневными хлопотами и заботами, не успела перекрестить изголовье, как уже голова ее склонилась, и сладкий сон оковал истомленные ее члены. Что же касается до Алексея, то он долго лежал, не смыкая глаз.

IV. Глухой стон, раздавшийся на лавке, напомнил ему о присутствии прохожего. Стон повторился еще протяжнее. – «Дедушка, что ты?» спросил парень, приподымаясь на локте. – «Подь сюда»... Алексей соскочил с печки, нащупал впотьмах спичку, зажег лучину и подошел к лавке. Старик лежал по-прежнему в растяжку. – «Что с тобой, дедушка?» вымолвил Алексей, нагибаясь к бледному лицу старика. – «Где старуха-то?... Позови ее сюда»... отвечал старик едва внятно. Алексей заложил в светец лучину, разбудил мать, и, минуту спустя, оба очутились подле лавки. – «Тетушка», сказал старик, обращая тусклый взор на старушку, – «пришел, видно, мой час помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили, как родного... Бог вас не оставит»... Он замолчал на минуту и потом прибавил: – «Пошли... сына в село... Аблезино... там... за

рощей... подле громового колодца дупло... зарыта кубышка, – двадцать лет копил!... никому только... не сказывай»... продолжал он ослабевающим голосом, – «вы меня призрели... возьмите за добро ваше... Господи! прости прегрешения мои... ох!»... – «Касатик, дедушка! что ты, очнись! Христос с тобой, кормилец! Слышь, не сбегать ли парню за священником?» крикнули в одно время и мать, и сын. Старик скрестил руки на груди и закрыл глаза. Мать и сын бросились к лучине. Когда они вернулись к лавке и взглянули, при трепетном свете угасающей лучины, в лицо прохожему, он был мертв.

Весной Алексей пошел в Аблезино и отыскал там кубышку старика; на эти деньги он выстроил новую избу и завел большое хозяйство. С тех пор он не знал больше нужды.

(Григорович).

9. Каннитферштан

Мы на свою негодуем судьбу; а если рассудишь,
Как все на свете не верно, то сердцем смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднее
Опыт такой достается, иному легче. И вот как
Раз до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаем странным, одною забавной ошибкой добрался
Бедный немец ремесленник... Был по какому-то делу
Он в Амстердаме, голландском городе; город богатый,
Пышный, зданья огромные, тьма кораблей; загляделся
Бедный мой немец, глаза разбежались. Вдруг он увидел
Дом, какого не снилось ему и во сне; до десятка
Труб, три жилья, зеркальные окна, ворота
С добрый сарай – удивленье! С смиренным поклоном спросил он
Первого встречного: «Чей этот дом, в котором так много
В окнах тюльпанов, нарциссов и роз?» Но видно прохожий
Или был занят, иль столько же знал по-немецки,
Сколько тот по-голландски, то есть, не знал ни полслова:
Как бы то ни было: «Каннитферштан!» отвечал он. А это
Каннитферштан – есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значить оно: *не могу вас понять* .Простодушный
Немец, напротив, подумал, что так назывался владелец
Дома, о коем он спрашивал. «Видно богат не на шутку
Этот Каннитферштан», сказал про себя он, любуясь
Домом. Потом отправился дале. Приходит на пристань –
Новое диво: там кораблей числа нет; их мачты,

Словно как лес. Закружилась его голова, и сначала
Он не видал ничего: так много он разом увидел;
Но наконец на огромный корабль обратил он вниманье.
Этот корабль недавно пришел из Ост-Индии; много
Вкруг суетилось людей: его выгружали. Как горы
Были навалены тюки товаров: множество бочек
С сахаром, кофе, перцем, пшеном сарацинским. Разинув
Рот, с удивленьем глядел на товары наш немец и сведать
Крепко ему захотелось, чьи они были? У матроса,
Несшего тюк огромный, спросил он: «как назывался
Тот господин, которому море столько сокровищ
Разом прислало?» Нахмурясь, матрос проворчал мимоходом;
«Каннитферштан!» – «Опять! смотри пожалуй! какой же
Этот Каннитферштан молодец! мудрено ли построить
Дом с богатством таким и расставить в горшках золоченых.
Столько тюльпанов, нарциссов и роз по окошкам?» Пошел он.
Медленным шагом назад и задумался: горе
Взяло его, когда он размыслил, сколько богатых
В свете, и как он беден. Но только что начал с собою
Он рассуждать, какое было бы счастье, когда б он
Сам был Каннитферштан, как вдруг перед ним погребенье.
Видит: четыре лошади в черных длинных попонах
Гроб на дрогах везут и тихо ступают, как будто
Зная, что мертвого с гробом в могилу на веки отвозят.
Вслед за гробом родные, друзья и знакомые, молча,
В трауре идут, вдали одиноко звонит погребальный
Колокол. Грустно стало ему, как всякой смиренной,
Доброй душе при виде мертвого тела; и, снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводил он глазами
Ход погребальный; потом подошел к одному из последних
Шедших за гробом, (который в эту минуту был занят
Важным делом: рассчитывал, сколько прибыли чистой
Будет ему от продажи корицы и перцу); тихонько
Дернув за кафтан, он спросил: «Конечно, покойник
Был вам добрый приятель, что так вы задумались? кто он?
«Каннитферштан!» был короткий ответ. Покатилися слезы
Градом из глаз у честного немца; сделалось тяжко
Сердцу его, а потом и легко; и вздохнув сказал он:
«Бедный, бедный Каннитферштан! от такого богатства

Что осталось тебе? Не то же ль, что рано иль поздно –
Мне от моей останется бедности? Саван и тесный
Гроб». И в мыслях таких побрел он за телом, как будто
Сам был родней покойнику; в церковь вошел за другими;
Там голландскую проповедь, в коей не понял ни слова,
Выслушал с чувством глубоким; потом, когда опустили
Каннитферштана в землю, заплакал; потом с облегченным
Сердцем пошел своей дорогой. И с тех пор, как скоро
Грусть посещала его и ему становилось досадно
Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался,
Вспомнив о Каннитферштане, его несметном богатстве,
Пышном доме, большом корабле и тесной могиле.
(В. Жуковский).

10. Как умирают хороши е люди

I. По морю бежит пароход. Много на нем пассажиров [351] , есть между ними и женщины и дети. Всего только пять часов ос- тается им быть в дороге. Кого ждут на берегу сестры, матери, жены, кто оставил семью дома, чтобы съездить по делам. Все рады, что уж близок конец путешествия, и нетерпеливо ждут, когда вдали покажется гавань. [352] У руля [353] стоит опытный кормчий. Его знают все пассажиры, кому часто приходится ездить на этом пароходе. Плечистый, загоревший от палящих лучей солнца, закаленный морскими бурями, твердой и опытной рукой управляет он пароходом. Прошел еще час, теперь еще ближе подвинулись к пристани.

II. В это время из каюты вышел на палубу капитан. Кивнув головой, он подозвал к себе матроса, «Из трюма [354] идет дым. Узнай, что там делается?»

Быстро исполнил матрос приказание капитана. «В трюме пожар!» доложил он ему. Тотчас же поспешил капитан посмотреть, велика ли опасность. Никто не заметил пожара во время, а теперь не только большая часть поклажи, но и внутренние стены трюма уже были в огне.

Страшная весть в одну минуту стала известна пассажирам. Трудно передать, как все перепугались, тем более, что на пароходе не было насоса, чтобы накачивать воду. Но капитан тотчас же собрал всех: и матросов, и пассажиров, и поставил их в два ряда. Ряды начинались у борта [355] корабля, кончались у трюма.

Ведро с водой, почерпнутое крайним человеком, передавалось от одного к другому, до последнего, который выливал его в трюм. Ведро точно также возвращалось к борту по другому ряду. Все работали усердно.

Ведро за ведром выливалось на горящее место. Казалось, пожар стал стихать.

– В каком направлении мы идем? спросил капитан у рулевого.

– Мы идем на ЮЗ. прямо в пристань.

– Возьмите несколько восточнее: берег будет ближе; я боюсь, что мы сгорим прежде, чем доберемся до пристани. Нам надо куда-нибудь высадиться.

III. Между тем поднялся ветер, пожар усилился. Уж горел пол каюты. Пламя готово было пробиться и через него. Оставаться в каюте было уже опасно. Дети и женщины должны были перейти в другое место. Машинист делал все, что мог, чтоб пароход несся быстрее. Но опасность была еще велика. А на верху, у рулевого колеса, по-прежнему рисовалась фигура гиганта [356] кормчего. Самый сильный пожар приходился под ним. Густой, едкий дым валил на него снизу, жаром дышал на него пожар, каждую минуту ждали, что пожар охватит палубу, и то возвышение, где стоит рулевой. Но он не покидает своего поста [357] потому что *считает своим долгом работать у руля до последней возможности.*

IV. Все сильнее и нестерпимее становится жар. Пассажиры собираются на нос. Матросы готовят доски, к которым можно будет привязывать женщин в случае, если придется бросаться в воду и вплавь искать спасения.

Мужчины сбрасывают платье, готовясь к трудной борьбе за свою жизнь. Берег становится ближе и ближе, колеса еще в исправности, осталось всего полчаса пути, а с берега на помощь несчастным посланы лодки.

– Рулевой! – зовет капитан.

– Что угодно? опрашиваешь он, по-прежнему стоя у руля.

– Можете ли вы оставаться на месте еще 5 минут?

– Я постараюсь, капитан.

V. А пламя все ближе и сильнее, а жар все нестерпимее. Волосы его спалены, кровь кипит, кожа трескается. Рулевой, сторонясь от огня, отступает назад насколько можно, чтобы не выпустить из рук колесо, и левой рукой твердо управляет им до тех пор, пока боль не становится невыносимой. Тогда он меняет руку и, не испуская ни крика, ни стона, еще раз выносить такую же муку. За дымом он уже ничего не видит впереди себя; но он слышит слова капитана: «дети и женщины, вперед! садитесь на лодки! остальные бросайтесь вплавь!» Спасены, думает он, и радуется, что честным исполнением своего долга избавил пассажиров от верной смерти.

Все благополучно выбрались на берег. Недоставало одного рулевого. Сгорел ли он, упал ли в воду и потонул – никому было неизвестно.

(Из «Объяснит. чт.» Савенко).

11. Жизнь по разуму и по совести

(Из завещания отеческого к сыну крестьянина Посошкова)

Живи ты, чадо мое, в совершенном страхе Божьем: никого не обижай, и ничего чужого не желай: но будь доволен своим имением, если и весьма беден будешь; и богатства временного не очень ищи: а более ищи вечного богатства, чем тебе в бесконечные веки жить. Временное богатство – ничто: если кто его и получить, не всякому оно на пользу, но больше на погибель бывает, ибо от богатства приходит гордость, тщеславие, чревообъядение, сластолюбие, вещелюбие, всякая роскошь непотребная. Богатство бывает добром тому, кто может владеть им Авраамски; а если кто так держать его не может, то лучше жить в среднем состоянии иди даже в убожестве.

Я скажу тебе вот что, сын мой: если ты погонишься за богатством, то оно побежит от тебя; ты же, настигая его, споткнешься и разобьешься: богатства не достигнешь, а себе повредишь. А если ты желать его не будешь, и за ним не побежишь, то оно и само не побежит от тебя; только умей содержать его: не давайся ему под власть, но ты им господствуй. Так, сын мой, живи: если будет у тебя и полное богатство, то не радуйся ему, а если его не будет у тебя, то не печалься. Если очень желать богатства не будешь, то всегда беспечален будешь, и сребролюбие не овладеет тобой; но ты одолеешь его и царствовать над ним будешь, а не оно над тобой. *Безжеланный человек всегда весел бывает,* много ли у него, мало ли; о всем радуется и Бога благодарить, и живет – словно царствует. Пекись же, сын мой, о померном богатстве, а не об излишнем, только чем бы тебе с домашними своими быть сыту, но и ту свою сытость всю возложи на Господа Бога своего, ибо Он всякую тварь питает. Итак, больше всего от Бога ожидай, а не от своего происку: Он знает. сколько подать тебе.

Если не только богатством в жизни своей от Бога одарен будешь, но если и честью возвышен, – будь все-таки кроток и смирен, и ни перед кем не возносись; будь как простой мирянин; обиды не только богатым, но и убогим, никакой не чини.

И если Господь Бог дает тебе остроту разума, то ты тем более смиряйся, и ни перед кем не возвышайся. Если будет тебе поручено какое-нибудь дело государево, то ни о доме своем и ни о чем другом не пекись так, как о порученном тебе деле: смотри за тем, чтобы чего-нибудь не

истерять.

Если у какого-нибудь дела и большим командиром будешь, то ничего не делай своим самоумничеством, но с общего совета. Будь и в важной должности как последний всем, и как бы служа им. Ибо сам Господь повелел большому смирять себя и быть как бы меньшим из всех и слугой. *Тем не обесчестишь себя, и чести своей не уронишь.*

И лжи в уста свои ни малейшей не влагай, потому что начальник лжи – диавол. А также и льстивого слова никакого никому не говори. Царь-пророк вещает, что погубит Господь все уста льстивые.

Особенно с опасением сохраняй себя тогда, когда кто-нибудь на тебя пошлется в каком-нибудь свидетельстве: если на тебя самый большой враг твой пошлется в правде, или в неправде самый тайный твой друг или ближний свойственник, – не моги сол- гать и вместо правды неправду сказать: лучше тебе беду или смерть принять, нежели, солгав, целу быть. Если правду скажешь и зато от высших лиц пострадаешь, а тем более если смерть примешь, то тебе подобает радоваться: потому что к святым мученикам причтешься. О, сын мой! счастлив бы ты был, если бы ты за праведное свидетельство смерть приял.

12. Мелочи

I. Пренебрежение мелочами составляет скалу, о которую разбивается большинство людей. Вся человеческая жизнь составляет не что иное, как ряд незначительных происшествий, каждое из которых, взятое в отдельности, неважно, но тем не менее счастье каждого человека в значительной степени зависит от этих мелочей. Характер человека также складывается на мелочах, когда на них обращается должное внимание. Успех человека в делах вполне зависит от его внимания к мелочам.

II. Увеличение знаний и опытности тоже не что иное, как результат [358] самых малых частиц знания и опыта, тщательно собранных в одно целое. Люди, которые ничему не научаются, ничего не скопляют в течение своей жизни, терпите во всем неудачу именно потому, что пренебрегают *мелочами.* Сколько бы они ни говорили, что «целый свет идет против них», но единственными врагами являются они же сами. Долго существовало поверье в «удачу», в «авось» но, как и всякое народное поверье, оно, наконец, исчезло. Теперь более распространено то мнение, что трудолюбие есть мать возможного на земле счастья или, другими словами, счастье человека пропорционально [359] его усилиям, его прилежанию, его вниманию к мелочам. Ленивый, небрежный, распущенный малый ни в чем не найдет удачи. Он будет лишен результатов труда, потому что сам не приложил усилий, чтобы добыть их

себе. Не счастье, но труд создает человека.

III. Удача, как выразился один американский писатель, всегда ожидает, чтобы обстоятельства сложились в ее пользу, а труд, обладая проницательным взором, сильной волей, всегда сам подготовляет для своего дела такие обстоятельства, какие нужно. Удача любит лежать в постели и рассчитывать, как бы это было хорошо, если бы сейчас явился почтальон с известием о каком-нибудь неожиданном наследстве; труд поднимается с рассветом и, старательно действуя пером или молотком, сам закладывает прочное основание достатку. Удача полагается на случайность, труд на характер [360] ; удача незаметно понижает человека до самоугождения, труд возвышает человека и ведет его к независимости.

IV. В домашнем хозяйстве существует много мелочей, внимание к которым необходимо для здоровья и спокойствия. Чистота предполагает собой внимание ко множеству кажущихся пустяков, – например, чтобы был вытерт пол, сметена пыль с кресел, вытерта дочиста чайная чашка, общим же результатом всего этого является целая атмосфера [361] нравсгвенного и физического [362] благосостояния, условие, благоприятное для высшего развития характера человека. Иному покажется безделицей знать, каков именно воздух в доме: ведь воздуха нам не видно, да и немногие что-нибудь о нем знают. Однако же, если мы не позаботимся, чтобы был правильный приток чистого воздуха в наши жилища, то неизбежно пострадаем за свое небрежение. Казалось бы, невелика важность, если кое-где видно несколько пятен грязи, если дверь или окно постоянно затворены; но из-за этого, могут произойти болезни, которыми расстроена будет целая жизнь, и потому даже небольшое количество грязи и дурного воздуха на практике [363] составляет дело крайне серьезное. Все домашние распорядки , взятые сами по себе, пустяки, но такие пустяки, из которых могут произойти важные результаты.

Булавка – очень ничтожная вещь в одежде, но характер человека нередко выказывается и в том, каким образом булавка воткнута в его платье. Некто, человек тонкий и наблюдательный, искал себе, жены и для этого посещал знакомое семейство. Однажды в комнату, в которой он сидел, вошла одна из дочерей главы семейства, красивая девушка, с не застегнутым платьем, с неопрятными волосами. Посетитель после этого раза не бывал больше никогда; между тем, это был человек умный и впоследствии сделался хорошим мужем. Он судил о женщинах, как о мужчинах, по мелочам, и был прав.

Аптекарь искал себе помощника; заявления поступили к нему со

стороны многих молодых людей, числом до двадцати. Он пригласил к себе всех в одно время и заставил всех соединять соли в один пакет; выбран был тот, который при этом деле выказал больше всех ловкости и опытности. По этому ничтожному образцу аптекарь заключил и вообще о практических способностях соискателей.

V. Пренебрежение к мелочам пошатнуло не одно хорошее состояние, испортило самые лучшие предприятия. Корабль, нагруженный богатствами купца, погиб по тому, что при отплытии не замечено было маленького отверстая на дне. По неимении гвоздя, потеряна была подкова лошади адъютанта [364] действующей армии; не было подковы, пала и сама лошадь; из-за павшей лошади погиб адъютант, так как неприятель захватил и убил его; со смертью хорошего офицера погибла армия его генерала: все эти несчастия, в конце концов, произошли потому только, что ничтожный гвоздь не был, как следует, прикреплен к лошадиной подкове. «Живет!» вот обычное выражение людей, которые пренебрегают мелочами. Эта фраза [365] испортила не одно состояние, была причиной гибели многих кораблей, пожара многих домов и безвозвратно разрушила тысячи радужных проектов [366] добра человечеству. Слова: «живет!» и «как-нибудь» всегда означают, что человек правильно поступать перестал, означают нечистоту дела, неудачу и гибель. Стремиться должно не к тому, чтобы дело *как-нибуд* было сделано, но чтобы сделано было *самым лучшим образом.* Если раз человек усвоил себе правило делать «как-нибудь» и «авось», то это значит, что он передался врагу добра, что перешел на сторону людей неспособных, дурных, и мы от него отступаемся, как от человека безнадежного!

VI. Один французский писатель рассказывает следующей пример пренебрежения к мелочам. На сельской ферме [367] постоянно раскрывались по неимению задвижки ворота от загородки, в которой содержались скот и куры. Расход в 10 копеек, несколько минут времени – и все было бы поправлено. Дверь размахивалась каждый раз, когда кто-нибудь выходил; тотчас запереть дверь было нельзя, и потому не мало кур время от времени терялось. Раз ускользнула таким образом из изгороди отличная молодая свинья; беглянку стали разыскивать садовник, стряпуха, молочница, одним словом, целый дом. Садовник первый открыл свинью; перепрыгивая через канаву, чтобы загородить дорогу беглянке, он вывихнул ногу и должен был пролежать в постели недели две. Стряпуха, возвратившись на ферму, увидала, что сгорело белье, которое она развесила перед огнем для просушки, а молочница впопыхах забыла привязать коров, и одна из них перешибла ногу жеребенку, который

случайно содержался в том же самом сарае. Сожженное белье и потерянный труд садовника стоили не меньше 35 рублей, а жеребенок стоил почти вдвое больше этого: таким образом, здесь, в течение нескольких минут, утратилась большая сумма денег просто из-за неимения маленькой задвижки, которую можно было достать за несколько копеек.

VII. Жизнь полна подобных примеров. Если пренебрежение к мелким обстоятельствам вошло в привычку, то не долго дойти до разорения. Богатство создается рукой человека старательного, человек старательный, как мужчина, так и женщина, бывает внимателен как к малым предметам, так и к большим. Вещи сами по себе могут казаться очень ничтожными, незначительными, но внимание к ним столь же необходимо, как и к предметам большой важности.

Возьмем, например, самую малую монетку – копейку. Какой, казалось бы, пользы можно ожидать от этого маленького кусочка меди, от одной копейки? Что можно на нее купить? Вдвое большую сумму нужно даже на стакан пива. Копейку стоит разве коробочка серных спичек. Эта монета для иных людей годится только, чтобы подавать нищему. А между тем как много людского счастья зависит от разумной траты одной копейки!

Положим, человек работает сильно, зарабатывает себе пропитание; но если он допустит, чтобы маленькие монеты, копейки, составляющие результата этого тяжелого труда, ускользали у него сквозь пальцы – то на питье пива, то туда, то сюда, – то выйдет, что его трудовая жизнь немногим выше жизни водовозной клячи. С другой стороны, если тот же работник позаботится сберечь эти ничтожные монетки, будет каждую неделю вносить несколько таких монеток в общество взаимного вспоможения или в страховой капитал, несколько других – в сберегательную кассу, а остальное вверить своей жене, чтобы заботливо приберечь, чтобы устроить у себя дома кое-какие удобства, а также на образование детей, – то такой заботливый человек вскоре увидит себя вознагражденным за свою внимательность к мелочам: средства у него увеличатся, дома будет спокойно и удобно, а сам он будет спокоен за будущее.

VIII. Все сбережения составляются по мелочам. Из копеек составляется рубль. Сбережена копейка – значит, сберегутся и рубли, а сбережение больших сумм доставит средства к удобствам жизни, довольству, богатству, независимости. Но копейка должна быть нажита честно. Не даром говорится, что трудовой грош лучше выпрошенного

рубля. Шотландская пословица говорит: «подаренное платье никогда не бывает так красиво, как платье нажитое». Не беда, если нажитой грош черен. «Кузнец и его деньги черны», но дело в том, что заработок кузнеца – честный заработок.

IX. Если человек не умеет беречь свои заработки, то он должен быть готов ко всему. Нужда может нагрянуть на него, «как вор ночью». Бережливость имеет магическое [368] действие **:** раз начавшись, она обращается в привычку и дает человеку сознание удовлетворения, силы, безопасности. Гроши, отложенные в шкатулку, в сберегательную кассу, служат владельцу порукой за удобство во время болезни, за спокойствие в старости. Человек, бережливый имеет при себе щит против нужды, а не умеющий беречь должен знать, что между ним и горькой, жестокой бедностью нет решительно никакой преграды.

Но мужчина, быть может, и склонен беречь деньги, откладывать их на случай болезни или для других целей; однако ж не может выполнять этого, если ему не пособляет в том жена. *Благоразумная, бережливая, трудолюбивая женщина составляет, поистине, венец счастья для своего супруга.* Она содействует ему во всех добрых решениях, может обнаружить его лучшие качества путем спокойной, кроткой поддержки; своим примером она в состоянии насадить в нем возвышенные начала (т.е. мысли, намерения, желания), служащие семенем наибольших жизненных добродетелей.

Самый скромный рабочий, благосостояние и хорошая жизнь которого наглядно показывают его товарищам, чего можно достигнуть посредством труда, умеренности, заботливости и уменья преодолевать низшие, чувственные соблазны, – показывают, каким дорогим делается домашний кров от этих качеств, даже среди бедности, – такой рабочий приносит столько же добра, как любой красноречивый писатель. Если бы в народе нашлось несколько таких лиц, то их благодетельное влияние скоро было бы замечено целым обществом. *Хорошо прожитая жизнь стоит многих речей, потому что пример гораздо красноречивее слов:* это – поучение в лицах, правила мудрости на деле.

X. Повседневная жизнь человека служит лучшим пробным камнем и его нравственного и общественного положения. Возьмем двух рабочих по одному и тому же ремеслу, зарабатывающих одинаковые деньги; как различны могут быть эти два человека по отношению к их настоящему положению! Один смотрит совершенно свободным человеком, другой – рабом. Один живет в уютном домике, другой – в грязной лачуге. На одном всегда одето приличное платье, другой в лохмотьях. У одного дети

опрятны, хорошо одеты, ходят в школу; у другого грязны, жалки и нередко валяются в канавах. Один обладает обыкновенными жизненными удобствами, даже многими удовольствиями, предметами комфорта [369] , напр. хорошо составленной библиотекой; у другого мало отрадного: нет ни удовольствий, ни развлечений, ни книг, а между тем заработок обоих одинаков. Что за причина такой разницы?

Вот причина. Один умен и предусмотрителен; другой – напротив. Один жертвует собой для пользы своей жены, семьи, домашнего крова; другой не отказывает себе ни в чем, но живет под гнетом дурных привычек. Один – человек трезвый, находит удовольствие в том, чтобы сделать свой дом привлекательным, доставить семье удобство; другой вовсе не заботится ни о доме, ни о семействе, а тратит большую часть своих заработков в питейной лавке или трактире; один смотрит вверх, другой вниз. У одного высокая мера удовольствий, у другого низкая. Один любит книги, развивающие и возвышающие его ум; другой предан пьянству, которое стремится его принизить и оскотоподобить. Один бережет свои деньги; другой их мотает.

«Вот что, – товарищ», сказал последний первому, однажды вечером, на обратном пути с работы, – «скажите-ка мне, как вам удается устраивать свои дела? каким образом вы можете содержать и одевать семью так, как теперь, да еще сверх того, откладывать деньги в сберегательную кассу? вот я, кажется, добываю столько же, как и вы, да еще и деток у меня меньше, и ведь едва могу сводить концы с концами!...»

«Хорошо, я вам скажу, в чем секрет: это все только благодаря моей заботливости о *сбережении наживаемых копеек*».

«Как! И тут вся причина?»

«Да, и причина хорошая. Не наберется и из 50 человек один, который бы знал этот секрет. Например, вы не знаете».

«Я? Как это так? Любопытно бы знать!»

«Теперь, когда вы спросили мой секрет, я расскажу вам все. Только не обижайтесь, если я буду говорить прямо. *Я ничего не трачу на питье*».

«Ничего? Но это значит, что вы не платите угощением за угощение, а блюдолизничаете у соседей?»

«Никогда! Я пью воду, которая не стоит ничего. Старинная пословица говорит, что за каждым пьяным днем идет горькое похмелье; я стараюсь, чтобы у меня не было дней похмелья, когда болит голова и трясутся руки, и берегу деньги. Пей воду: не заболеешь и не задолжаешь, да и жена не останется скоро вдовой. А ведь это составляет значительную разницу в наших издержках».

«В том и состоит весь ваш секрет?»

«Да; заботьтесь о каждой мелкой монете – вот и все. Я берегу, и потому не терплю нужды, а вы нуждаетесь. Очень просто, не правда ли?»

«Просто-то просто; только из этого нет никакого толку». «А вот такой толк, что вы должны были спросить, почему я живу хорошо и еще откладываю, тогда как вы, при тех же доходах, едва сводите концы с концами. Деньги значат независимость, и они складываются мало-помалу. Сверх того, я да и вы также работаем так много, что мне даже не хочется тратить деньги на питье, когда я могу отложить эти трудовые гроши на черный день. В этом все и дело; ведь *отрадно подумать* , что – какая бы случайность меня ни постигла, мне не будет нужды ни просить, ни идти в рабочий дом. Сбережения делают меня человеком свободным. Человек, который всегда в долгу, или без гроша под рукой, немногим лучше раба».

(Заимствов. с сокращ. из соч. С. Смайльса: «Бережливость»).

13. Пустынник

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыне скройся ты, чтоб там огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.

(А. Майков).

14. Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон [370] ,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира [371] ,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он, в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира

Не клонит гордой головы.
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы.
(А. Пушкин).
15. Пророк
С тех пор, как вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий, –
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.
Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна, там земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо, –
Там старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите:вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами;
Слепец хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»
(Лермонтов).
16. Слезы [372]
Сколько слез я пролил!
Сколько тайных слез

Скрыться приневолил
В дни сердечных гроз!
Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства оживились
Свежей их росой.
Слезы, что отсели
На сердечном дне,
К язвам прикипели
Ржавчиной во мне.
(Кн. Вяземский).

17. Выхожу один я на дорогу

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит;
В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так, трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я б хотел забыться и заснуть...
Но не тем холодным сном могилы
Я б желал на веки там заснуть, –
Чтоб в груди дрожали жизни силы,
Чтоб вздымалась тихо грудь,
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.
(Лермонтов).

18. Темница

Черные стены суровой темницы
Сырость одела, покрыли мокрицы,
Падают едкие капли со свода, –
А за стеною ликует природа.
***

Связка соломы лежит подо мною,
Червь её точит.
Дрожащей рукою
Сбросил я жабу с нее... а из башни
Видно и небо, и горы, и пашни.
***
Вырвался с криком из груди холодной
Вопль, замиравший неслышно, бесплодно;
Глухо оковы мои загремели,
А за стеною малиновки пели.
(Щербина).
19. Слезы
Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.
(Тютчев).
20. На кладбище
Сквозь деревья освещаются гробницы
По плитам скользит узорчатая тень,
В знойном воздухе поют и реют птицы,
Над усопшим ликует красный день.
Разрослись деревья, преизбыток силы
Дышит в каждой жилке влажного листка,
И кругом, куда ни взглянешь на могилы,
И цветы нарядны, и трава густа.
И сидел я долго на плите гробницы.. .
От ветвей узором колебалась тень,
Воздух знойный пеньем оглашали птицы,
Над могилами сиял веселый день.
И мгновенной жизнью пользуясь беспечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храме пели радость жизни вечной,
Грустно пели: «со святыми упокой».
(А. Жемчужников).
21. Утешение
Пред Господом Богом я грешен!

И кто же не грешен пред ним?
Но тем я хоть мало утешен,
Что брат я всем братьям моим;
***
Что слезы мне все симпатичны [373] ,
Что с плачущим плачу и я,
Что в сердце есть отзыв привычный
На каждую скорбь бытия [374] ;
***
Что дух мой окреп под ненастьем,
Что в язвах созрела душа,
Что жизнь мне не блеском и счастьем,
А тайной тоской хороша.
***
Что в мире и его обаянья
Недолго вдаваться я мог,
Но все его понял страданья
И чувство для них уберег;
***
Что тайная есть мне отрада
Внезапно войти в Божий дом
И там, где мерцает лампада,
С молитвой поникнуть челом;
Что дня не проходит и часу,
Чтоб внутренним слухом не внял
Я смерти призывному гласу
И слух от него уклонял;
***
Что в самой житейской тревоге
Сей голос не чужд для меня,
И мыслью стою при пороге
Последнего, страшного дня.
(Кн. П. Вяземский).
22. Труженик
По жестким глыбам сорной нивы,
С утра до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
Довольно, дикою враждою

И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлен, я утомлен.
Пора на отдых. О дубравы!
О тишина полей и вод
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю!
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!
Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха! вперед, вперед!
Взгляни на ниву – пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой пеною,
Крестом и кровью куплен ты:
Сгибайся ж, пахарь,над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!
Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом:
А Ты безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь для сева Твоего.
(Л. Хомяков).
23. Сяду я за стол [375]
Сяду я за стол
Да подумаю –

Как на свете жить
Одинокому. –
Нет у молодца
Молодой жены;
Нет у молодца
Друга верного, –
Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны, сохи,
Коня – пахаря...
Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талант –
Силу крепкую. –
Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю размыкала.
Сяду я за стол,
Да подумаю
Как мне век дожить
Одинокому.
(Кольцов).

24. Ах, ты ночь ли, ноченька

Ах, ты ночь ли,
Ноченька!
Ах, ты ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем,
Все темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,

Ноченька,
Как со мною
Молодцем,
Грусть – злодейка
Сведалась!
Как заляжет
Лютая
Там глубоко
На сердце:
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю Ж
есткую,
Как в могилу,
Кинешься.
(Дельвиг).
25. Песня бедняка
Беден я, но что за дело? –
Безбоязненно и смело
Я вперед иду;
Свыкся я с нуждою злою;
Пред нежданною бедою
Духом не паду.
Приучив к работе руки,
Я не знаю праздной скуки;
Ропот и тоска
Сердцу с роду незнакомы;
Мне не надобны хоромы:
Будет уголка.

И в угле дышу я вольно.
Пусть богач живет раздольно,
Хлеба ест кусок, –
Сыт и бедный также точно.
Было б сердце непорочно, –
Бедность – не порок!
Зависть я считаю басней.
Чем богатых я несчастней?
Пусть я небогат;
Но зато я сплю спокойно;
Дни мои проходят стройно;
Сердца не страшат
Ни заботы, ни печали.
Знаю я, что Бог и в мале:
К вышнему Царю
Горячо мое моленье;
И за бедности лишенья
Я благодарю.
Благо всякое даянье!
Бедным помощь – упованье,
Их надежда – Бог;
Здесь им скорбь, а там отрада,
Здесь им бедность,там награда...
Бедность – не порок!
(Жуковский).
26. Ах, ты поле мое поле, поле чистое!
Ах, ты поле мое поле, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое!
Уж ты всем поле изукрашено,
И травушкой – муравушкой,
И цветочками – василечками.
Ты одним поле обесчещено,
Что посреди тебя, поля чистого,
Вырастал тут част ракитов куст,
Что на кусточке, на ракитовом,
Как сидит тут млад сиз орел,
В когтях держит черна ворона:,
Он точит кровь на сыру землю.
Под кустиком, под ракитовым,

Что лежит, убит добрый молодец,
Избит, изранен, исколот весь.
Что не ласточки, не касаточки
Вкруг тепла гнезда увиваются:
Увивается тут родная матушка;
Она плачет, как река льется,
А родна сестра плачет, как ручей течет,
Молода жена плачет, как роса падет:
Красно солнышко взойдет, росу высушит!
(Народ, песня).

27. Ах, кабы на цветы да не морозы

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ах, кабы на меня да не кручина,
Ни о чем бы я не тужила,
Не сидела бы я подперши ся,
Не глядела бы я во чисто поле.
И я батюшке говорила:
«Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;
Не с богатством мне жить – с человеком,
Не в хоромах нужда, а в свете».
(Народ. песня).

28. Идет кузнец из кузницы

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Несет кузнец три молота,
Слава!
Кузнец, кузнец, ты скуй мне венец,
Слава!
Ты скуй мне венец и золот и нов,
Слава!
Из остаточков золот перстень,
Слава!
Из обрезков
булавочку,
Слава!

Мне в том венце венчатися,
Слава!
Мне тем перстнем обручатися,
Слава!
Мне тою булавкою убрус притыкать.
Слава!
(Народ. Песня).
29. Дружба
На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана.
Пусть вихорь мчится и шумит.
И сломит кипарис высокий, –
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!...
(Лермонтов).
30. Лучший перл таится
Лучший перл таится
В глубине морской;
Зреет мысль святая
В глубине души.
Надо сильно буре
Море взволновать,
Чтоб оно, в бореньи,
Выбросило перл;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтоб она, в восторге,
Выразила мысль.
(Жадовская).
31. Товарищу
Что ты ходишь с нуждой.
По чужим по людям!
Веруй силам души,
Да могучим плечам.
На заботы ж свои,
Чуть заря, поднимись,
И один во весь день,

Что есть мочи, трудись.
Неудачи, беда –
С грустью дома сиди;
А с зарею опять
К новым нуждам иди.
И так бейся, пока
Случай счастье найдет,
И на славу твою
Жить с тобою начнет.
Та же сила тогда
Другой голос возьмет,
И чудно, и смешно
Всех к тебе прикует.
И те ж люди – враги,
Что чуждались тебя,
Бог уж ведает как,
Назовутся в друзья.
Ты на них не сердись;
Но спокойно, в тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньям души.
(Кольцов).
32. Мать
Бедный мальчик весь в огне,
Все ему не ловко.
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь сказочку скажу:
Жил был мальчик с пальчик. **..**
Нет не хочешь?... сказки – вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!...
...Я малинки наберу
Полное лукошко...

Во сыром-темном бору...
Тише! засыпает...
Словно птенчик, все в жару
Губки открывает...
*«Во сыром бору»*поет
Мать, и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит –
Мать поет... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздрогнув, встрепенется –
" *Во темном-сыром бору»*
Снова раздается...
Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит, средь всех тревог,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил, –
Вдруг ей ясно стало,
Что любви, что чудных сил
Сердце в ней скрывало!...
(А. Майков).
33. К детям
Бывало, в глубокий полуночный час,
Малютки, приду любоваться на вас;
Бывало, люблю вас крестом знаменать,
Молиться – да будет на вас благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно ваш детский покой,
Подумать о том, как вы чисты душой,
Надеяться долгих и счастливых дней
Для вас, беззаботных и милых детей,

Как сладко, как радостно было!
Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни, кроватка пуста;
В лампаде погас пред иконою свет...
Мне грустно: малюток моих уже нет!
И сердце так больно сожмется!
О дети, в глубокий полуночный час,
Молитесь о том, кто молился о вас,
О том, кто любил вас крестом знаменать –
Молитесь – да будет и с ним благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
(А.С. Хомяков).
34. Жена ямщика
Скоро будет полночь.
Тишина в избе;
Только ветер воет
Жалобно в трубе.
И горит лучина,
Издавая треск
И вокруг дрожащий
Разливая блеск.
В старом зипунишке,
Прислонясь к стене,
Дремлет подле печки
Мальчик на скамье.
Слабо освещает
Бледный огонек
Детскую головку
И румянец щек.
С дремлю щим малюткой
Рядом мать сидит
И, лаская сына,
Кротко говорит:
«Ты бы лег, касатик;
Ведь уж ночь давно;
На-ка вот шубенку;
Вишь, как холодно».
– А зачем же, мама,
Ты сама сидишь,

И вечор все пряла,
И теперь не спишь?»
«Ох, мой ненаглядный,
Прясть то нет уж сил,–
Что-то так мне грустно,
Божий свет не мил!
Пятая неделя
Вот к концу идет,
А досель отец твой
Весточки не шлет.
«Ну, Господь помилуй!
Если с мужичком
Грех какой случился
На пути глухом.
«Дело мое бабье, –
Как тогда мне быть?
Кто нас, горьких, станет
Одевать, кормить?»...
«Полно плакать, мама!»
Грустно сын сказал
И, подняв головку,
Тихо с места встал.
И к щеке родимой
Он прильнул щекой
И, заплакав горько,
Мать обнял рукой.
«Я не стану плакать;
Ляг, усни, дружок, –
Я тебе соломки
Принесу снопок.
«Постелю постельку;
А Господь пошлет –
Твой отец гостинец
Скоро привезет.
«Новые салазки
Сделает опять,
Будет в них сыночка
По двору катать»...
И дитя забылось...

Снова мать прядет;
Ей от дум – заботы
Сон на ум нейдет.
Дымная лучина
Чуть в светце горит;
Только вьюга как-то
Жалобней гудит.
Мнится, будто стонет
Кто-то у крыльца –
Словно провожают
С плачем мертвеца...
Вот в сенях избушки
Кто-то застучал.
– «Ах, отец!» проснувшись,
Мальчик закричал.
«Вишь, мороз как крепко
Дверь то прихватил!»
Грубо гость знакомый
Вдруг заговорил.
И мужик рукою
Сильно дверь рванул,
В избу вшел, снял шапку,
С платья снег стряхнул.
Осенив три раза
Грудь свою крестом,
Почесал затылок
И сказал потом:
«Здравствуешь, соседка!
Как живешь, мой свет?...
Экая погодка!
Следу в поле нет!
«Ну, не с доброй вестью
Я к тебе пришел:
И лошадок ваших
Из Москвы привел».
«А мой муж?"–спросила
Ямщика жена, –
И белее снега
Сделалась она.

«Да, в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И Господь бедняге
По́-душу послал.
«На дворе с ним вместе
Мне пришлось стоять, –
И меня лошадок
Упросил он взять».
Горько зарыдала
Бедная вдова,
Выслушав соседа
Первые слова.
Опустив ручонки,
Сын ее стоял –
Бледный и всем телом
В ужасе дрожал.
«Вишь, какая притча»!
Думал так мужик:
«Верно я не впору
Развязал язык.
«А ведь жалко бабу
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-миру ходить.
«Полно горевать-то»,
Вслух он ей сказал:
«Стало неча делать –
Бог, знать, наказал!
Лошади-то ваши
Тут вот у двора:
Так поди, возьми их;
Мне домой пора».
«Да! ведь эка память,
Все стал забывать:
Вот отец сынишке
Крест велел отдать.
«Сам он через силу
С шеи его снял,
В грамотке мне отдал

В руки и сказал:
– «Вот благословенье
Сыну моему:
Пусть не забывает
Мать, скажи ему!»
(Никитин).

35. Подвиг

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпеньи,
Любви и мольбе.
Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, –
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья,
Выше мраков земных, –
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!
(А. Хомяков).

36. Не осуждай!

Не осуждай – за тем, что все мы люди,
Все слабы, немощны, опутаны грехом;
Волнуют страсти наши груди;
В грехе родимся и живем.
Не осуждай!.. Чтоб ближних быть судьею,
Спроси у совести, ты сам-то лучше ль их?
О, брат, кто точно чист душою,
Тот снисходителен к погрешностям других!
Не осуждай!.. Ведь слову нет возврата

Смотри, чтоб, как сказал Спаситель, неравно
Увидишь спицу в глазе брата,
А проглядишь в своем бревно.
Не осуждай – за тем, чтоб обличеньем
Не пал и на тебя тот камень с высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которым в брата бросишь ты.
Не осуждай – за тем, мой брат, что право
Судить и миловать принадлежишь Тому,
Пред Кем открыт наш мир лукавый,
Кто может светом сделать тьму.
(Розенгейм).
37. Последняя борьба
Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.
Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле – силу, в сердце – жар.
Что погибель! что спасенье!
Будь, что будет – все равно!
На святое Провиденье
Положился я давно!
В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна;
Бесконечно в ней стремленье,
В ней покой и тишина... Н
е грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой;
Готов биться я с тобою.
Но не сладишь ты со мной!
У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом – моя могила,
На кресте – моя любовь!
(Кольцов).
38. Все люди братья

О, как бы он счастлив был, свет этот старый,
Да люди друг-друга понять не хотят,
К соседу сосед не придет и не скажет:
«Ведь, люди все братья – дай руку мне, брат!»
Зачем мы разлад и вражду не покинем,
Зачем не составим одну мы семью?
Один бы другому сказать мог с любовью:
«Приди! мы все братья – дай руку свою».
«Богат ты и носишь нарядное платье;
Я беден, на мне кафтанишко худой;
Но честное сердце в груди у обоих,
Так дай же мне руку, мы братья с тобой».
«Тебе ненавистны измена и подлость:
Но правды закон тебе дорог и свят;
Я тоже любовью к добру пламенею,
Приди! мы все братья – дай руку мне, брат!
"Ни сильный, ни слабый тобой не обманут.
За слово свое, как и ты, я стою.
Не тоже ль, что я – называешь ты счастьем?
Мы братья с тобою, – дай руку свою».
«Ты матерью нежно, глубоко любим был,
Моя и жила и дышала лишь мной;
Пускай мы стоим на различных ступенях,
Но руку подай мне, – мы братья с тобой!»
«Мы любим вечернего солнца сиянье;
Всего нам дороже родимый наш край,
И жизнь для борьбы послана нам обоим;
Мы братья... Так братски мне руку подай!»
«Грозит уж обоим нам хилая старость,
И смерть неизбежная ждет нас за ней;
И оба мы в темную ляжем могилу.
Да! люди все братья... Дай руку скорей!»
(*Из Роберта Николи в перев. А. Плещеева).*
39. Нравоучительные четверостишия
Все возвещает нам: есть Вечный, есть Творец!
Он таинство уму, но чувству Он потреба.
Благоговей пред Ним! – се глас земли и неба.
Люби Его! се глас признательных сердец.
***

О смертный! мир твоим потребностям покорен.
Ты Богом щедро награжден;
И если ты Его подобье, – будь, как Он
И милосерд, и благотворен.
***
Успех надменности не верен,
С тщеславием граничит стыд:
Тот низок, кто высокомерен,
Возвышен тот один, кто гордость победит.
***
При качествах ума приветливость есть тоже,
Что прелесть кроткая для женской красоты:
Приветливость – печать сердечной доброты,
А доброта всего дороже.
***
Страшитесь лени, сей тоски однообразной:
Лень – ржавчина ума и порча всех даров,
И честь и радости – плоды одних трудов,
А скука и позор суть дети неги праздной. –
***
Будь первой славой нам, будь первым наслажденьем – Благотворительность, сей чистый жар души!
Благотворишь ли ты, – свой дар удвой забвеньем;
Тебе ль благотворят, – ты разгласить спеши. –
***
Не будь горяч: худой советник неприязнь,
Обидой ближнему себе наносим рану.
Спеша отмстить врагу, мы жертвуем обману
И совести своей лишь ускоряем казнь.
(Кн. П. Вяземский).

40. Человек

Я – человек, хотя еще и маленький, потому что у меня есть такая же душа и такое же тело, как и у других людей. Я еще не велик, и не очень силен, когда сравню себя с взрослыми людьми но прежде был еще меньше и еще слабее, даже, как говорят, не мог ходить и говорить, хотя и не помню этого времени. Пройдет еще несколько лет, я вырасту, сделаюсь большим и сильным, сделаюсь взрослым человеком. Пройдет еще десятка три лет, и, я начну стариться; потом придется мне и умереть, тело разрушится и превратится в землю, из которой оно создано, но душа

моя не умрет никогда, потому что Бог, давший мне смертное тело, дал мне *бессмертную душу*.

Я понимаю, что мне говорят, могу выражать свои мысли и желания словами, так что меня понимают другие люди: у меня есть *дар слова* **.**

Я могу выучить урок и потом вспомнить и рассказать то, что выучил; помню лица и имена знакомых людей, помню названия различных предметов: у меня есть *память.*

Я понимаю не все, что мне говорят, и не все, что читаю в книге, но, когда мне объяснять хорошенько, мне становится понятным и то, чего я прежде не понимал. Я теперь знаю немного, но прежде знал еще меньше; а чем больше буду учиться, тем более буду знать и понимать. У меня есть *ум.*

Когда я выучу свой урок, сделаю все, что должно, когда за мной нет никакой шалости, тогда у меня на душе спокойно и легко; когда же я поленюсь, или не послушаюсь, или нашалю, тогда душа моя беспокоится и не довольна моими поступками: у меня есть *совесть.*

Мне иногда но хочется учиться; но я могу принудить себя сесть за дело, зная, что должно трудиться, и лениться стыдно. Мне иногда не хочется сделать того, что мне приказывают, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или повиноваться: у меня есть *свободная воля.*

Я не видел и не могу видеть Бога, потому что Он есть Дух; но я *верю,* что Бог существует, видит все, знает все и всем управляет.

У меня есть желание быть умным, добрым, и я могу сделаться таким, если постараюсь: у меня есть *желание* и возможность сделаться умнее и добрее.

Все эти способности, которыми я наделен от Бога: дар слова, память, ум, совесть, воля, вера в Бога, желание и возможность сделаться лучше – называются *душевными способностями.*

Мне приятно, когда меня хвалят, и неприятно, когда бранят; я люблю своих родителей, люблю многих из своих товарищей. Когда мне сделают добро, я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мне досаждают, смеюсь, когда мне весело, плачу, когда мне грустно. У меня есть различные внутренние душевные чувства.

Человек одарен жизнью, одарен свободной, разумной и бессмертной душой, желающей добра и верующей в Творца вселенной. Душа человека невидима, она живет в прекрасно устроенном теле и всем управляет; без души тело наше, несмотря на прекрасное устройство свое, было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться.

41. Мельник (Басня)

У Мельника вода плотину прососала:
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день ото дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далеко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные»! кричит: «хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю, где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хвать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье,
Видал я иногда, Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйство подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорехонько пойдет вверх дном.
(Крылов).
42. Крестьянин в беде
(Басня)
К крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор,
Забрался в клеть и, на просторе

Обшаря стены все и пол, и потолок,
Покрал бессовестно, что мог.
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик-бедняк
Богатым лег, а с голью встал такою,
Хоть по миру пойти с сумою;
Не дай Бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родню сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
«Нельзя ли», говорит, «помочь беде моей»?
Тут всякий с мужиком толкует,
И умный свой дает совет.
Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».
Сват Климыч говорит:
«Вперед, мой милый сват,
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить»! –
«Эх, братцы, это все не так»!
Сосед толкует Фока:
«Не то беда, что клеть далеко,
Да надо на дворе лихих держать собак.
Возьми ка у меня щенка любого
От жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить»!
И словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог;
А делом ни один бедняжке не помог.
(Крылов).
43. Лжец (Басня)
Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет», говорит: «что я видал,

Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко.
То солнце спрячется, то светит слишком ярко...
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь – так душе ограда!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо.
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый Божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме [376] , например, я видел огурец...
Ах, мой Творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? Ну, право, был он с гору».
– «Что за диковина!» приятель отвечал:
«На свете чудеса рассеяны повсюду,
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит?
Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет –
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
– «А какова у вас река?»
– «Да не мелка...
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том...
Ведь с гору? кажется, ты так сказал о нем?»
– «Гора хоть не гора, но, право, будет с дом.
– «Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А все чуден и мост, но коем мы пойдем,

Что он лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста [377] да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
– «Ну, не такое еще диво!
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по нашему хоромы;
Что там за домы?
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать ни сесть!»
– «Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост ать наш каков,
Что лгун на нем пяти не сделает шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
– «Послушай ка,» тут перервал мой Лжец:
«Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».
(Крылов).

44. Пушки и паруса (Басня)

На корабле у пушек с парусами
Восстала страшная вражда.
Вот, пушки, выставясь из портов [378] вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновенье?
Что делают они во весь наш трудный путь?
Лишь только ветер станет дуть,
Они надув спесиво грудь,
Как будто важного какого сану,
Несутся гоголем [379] по океану
И только чванятся; а мы громим в боях!
Не нами ли царствует корабль наш на морях?
Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?
Нет, не хотим жить боле с парусами;

Со всеми мы без них управимся и сами.
Лети же, помоги, могущий нам Борей [380] ,
И изорви в клочки их поскорей!»
Борей послушался: летит, дохнул, и вскоре
Насупилось и почернело море;
Покрылись тучей тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
Борей ревет и рвет в лоскутья паруса.
Не стало их, утихла непогода;
Но что ж? Корабль без парусов
Игрушкой стал и ветров, и валов
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим, стал скоро решетом,
И с пушками, как ключ, он ко дну канул.
Держава всякая сильна.
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием – врагам она грозна,
А паруса – гражданские в ней власти.
(Крылов).
45. Щука и кот (Басня)
Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачить пирожник:
И дело не пойдет на лад;
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубить
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.
Зубастой щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил;
Но только вздумала кота она просить,

Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
Стал щуке Васька говорить:
Смотри, кума, чтоб не осрамиться:
Не даром говорится, Что дело мастера боится»
– «И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
– «Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся кот,
И кумушку проведать он идет;
А щука, чуть жива, лежит, разинув рот, –
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, щука.
Тебе науки.
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.
(Крылов).

46. Гуси (Басня)

Предлинной хворостиной
Мужик гусей гнал в город продавать;
И правду – истину сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиный.
На барыши спешил к базарному он дню.
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе об этом толковали,
И, встретяся с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, гусей, несчастнее найти!
Мужик так нами помыкает,
И нас как будто бы простых гусей гоняет:
А этого не смыслить неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем, –
Что мы свой знатный род ведем от тех гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем;

Там даже праздники им в честь учреждены!»
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прохожий их. – «Да наши предки...»
– „Знаю,
И все читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
– «Да наши предки Рим спасли...»
– «Все так, да вы что сделали такое?»
– «Мы? ничего!» – «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им по делом была и честь, –
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».
Баснь эту можно бы и боле пояснить,
Но чтоб гусей не раздразнить...
(Крылов).
47. Орел и крот (Басня)
Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.
Со стороны прибыв далекой
В дремучий лес, орел с орлицею вдвоем
Задумали на век остаться в нем,
И, выбравши ветвистый дуб, высокий,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится,
Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится,
Так чтоб орел гнезда на нем не вил.
Но кстати ли орлу принять совет из норки
И от крота! А где же похвала, что у орла
Глаза так зорки?
И что за стать кротам мешаться сметь в дела
Царь-птицы!
Так многого с кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря, –
И новоселье у царя
Поспело скоро для царицы.

Все счастливо: уж есть и дети у орлицы.
Но что ж? Однажды, как зарей
Орел из-под небес к семье своей
С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит: дуб его свалился,
И подавило им орлицу и детей.
От горести не взвидя свету,
«Несчастный!» он сказал:
«За гордость рок [381] меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный крот совет мог добрый дать?»
– «Когда бы ты не презрел мною»,
Из норки крот сказал: «то вспомнил бы, что рою
Свои я норы под землей
И что, случаясь близ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней».
(Крылов).

48. Роща и огонь (Басня)

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет,
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять ясней,
Послушай басенки моей.
Зимою огонек под рощей тлелся;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу огонь слабее становился;
Дров новых нет; огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так роще говорить:
«Скажи мне, роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?»
– «За тем, что вся в снегу;
Зимой ни зеленеть, ни цвесть я не могу».
Огню так роща отвечает.
– «Безделица!» огонь ей продолжает:
«Лишь подружись со мной, тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою

Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об огне:
Зимой, когда кругом и снег, и вьюга веет,
Там все или цветет, иль зреет:
А все за все спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в роще огонек
Становится огнем! Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю рощу вдруг объемлет.
Погибло все в конец, и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?
(Крылов).
49. Гребень (Басня)
Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешок.
Не выпускает вон дитя из рук обновку;
Играет иль твердит из азбуки урок,
Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашком завитые
И мягкие, как тонкий лен,
Любуясь гребешком, расчесывает он.
И что за гребешок! не только не теребит,
Нигде он даже не зацепит:
Так плавен, гладок в волосах,
Нет гребню и цены у мальчика в глазах.
Случись однако же, что гребень затерялся,

Зарезвился мой мальчик, заигрался,
Всклокочил волосы копной.
Лишь няня к волосам, дитя подымет вой
«Где гребень мой?»
И гребень отыскался,
Да только в голове ни взад он, ни вперед,
Лишь волосы до слез дерет.
«Какой ты злой, гребнишка!»
Кричит мальчишка;
А гребень говорит: «мой друг, все тот же я;
Да голова всклокочена твоя».
Однако ж мальчик мой, от злости и досады,
Закинул гребень свой в реку:
Теперь им чешутся наяды [382]
Видал я на своем веку,
Что также с правдой поступают:
Поколе совесть в нас чиста,
То правда нам мила, и правда вам свята,
Ее и слушают, и принимают;
Но только стал кривить душой,
То правду дале от ушей,
И всякий, как дитя, чесать волос не хочет,
Когда их склочет.
(Крылов).

50. Кривой толк

«Всяк человек ложь, и мы тож»! Так говорят люди в оправдание неправды своей. Но пословица эта не для того сложена, чтобы разрешить нас во лжи и неправде. Пословица эта сложена в духе смирения и кротости; ей сказано тоже, что «один Бог без греха». Она учит, чтобы мы прощали друг друга. Если меня кто-нибудь обидел или оболгал и покаялся – я прощаю его и скажу: «Всяк человек ложь, и мы тож»!

Но кто прилагает эту пословицу в оправдание лжи своей, тот как журавль межи не знает и через нее шагает.

Много есть пословиц, над которыми подумать надо.

Говорят: «Живут же люди неправдой – так и нам не лопнуть стать». Пословица эта сложена на смех и стыд тем, кто живет в неправде, как же ее принимать в прямое поучение?

Сказал цыган, что краденая кобыла не в пример дешевле купленной приходится, так отчего бы вам и не воровать? Говорят и так: «кто украл, на

том один грех, а у кого украли, на том десять». К чему это сказано?

Это сказано для того, чтобы люди остерегались поклепу: кого обокрадут, тот в сердцах всякого клепать готов: вот отчего сказано, что на нем десять грехов. А случалось, что вор на эту пословицу ссылается; «на мне меньше греха, чем на том, кого я обокрал», говорит он.

Думай над каждой пословицей, прежде чем прилагать ее, и бойся пуще злого слова – кривого толка.

(В. Даль).

51. Пословицы об обязательствах по договорам

Уговор лучше денег. – До слова крепись, а дав слово, держись. – Не тот тужи, кто берет, но кто заем дает.– Знай толк – не давай пьяному в долг. – Долг платежом красен. – Легче брать, чем отдать. – В долг брать легко, а платить тяжело. – Чужой долга добром отнеси к хозяину в дом. – Как ни вертись, а с долгом расплатись. – Хотя продай ржи, а долгу на себе не держи. – Голод мучит, а долг крушит. – Заплатить долг скорее, так будет веселее. – Долг не ревет, а спать не дает. – Долг есть тягостное бремя: отнимает сон и время. – Если изверишься в алтыне, то не поверят и в рубле. – Обманешь на полтине, не поверят и алтына.

52. Пословицы и поговорки, относящаяся к закону вообще

Неведением закона нельзя отговариваться. – Всуе законы писать, когда их не исполнять. – Всуе законы писать, когда их не хранить. – Не делай другому того, чего сам себе не желаешь. – Держи над собой честь и берегись, чтобы кого до беды не довести. – Кто сам к себе вначале строг, того хранить и царь, и Бог. – Кто себя от зла хранит, того чести никто не повредит. – Всем – добро, никому – зло, то – законное житье. – Где добры в пароде нравы, там хранятся и уставы.

53. Пословицы о земледелии

Без хозяина земля круглая сирота. – Земля тарелка: что положишь, то и возьмешь (т.е. каково обработаешь, сколько назему положишь, каковы посеешь семена). – Где лишняя навозная колышка, там лишняя хлеба коврижка. – Навоз отвезем, так и хлеб привезем. – Топор сохе первый пособник (о заработках). – Веретеном оденусь, сохой укроюсь. – Иглой да бороной деревня стоит. – Лучше голодай, а добрым семенем засевай. – Кто рано сеет, семян не теряет. – Днем раньше посеешь, неделей раньше пожнешь. – Сей под погоду, будешь есть хлеб год от году. – Посеешь в погоду, больше приплоду. – Сейки в ненастье, а сбирки в ведро. – Яровой сею – по сторонам гляжу; ржаной сею, шапка с головы свалится – не подыму. – Много снегу – много хлеба; много воды – много травы. – Как в мае дождь, так будет и рожь. – Мокрый снег на озимь – тот же назем. –

Хорош урожай – продавай раньше; плох урожай – продавай позже. – Картофель хлебу подспорье. – На хорошей земле сей яровое раньше, на худой – позже. – Земля согрелась – сей яровое. – Пшеницу сей, когда весна стоит красными днями. – Лягушка с голосом – сей овес. – Не столько роса, сколько пот удобряет почву. – Много муки перенесет пшеница до калача.

54. Пословицы о трудолюбии и праздности

Бог труды любит. – Кто работает, тому Бог помогает. – Труд человека кормит, а лень портит. – Где работают, там и густо, а в ленивом доме пусто. – Лень добра не делает, без соли обедает. – Когда станешь лениться, будешь с сумой волочиться. – Кто ленив, тот и сонлив. – Праздность есть мать пороков. – Праздный живет, только небо коптит. – Гуляя много смолоду, умрешь под старость с голоду. – Игра игрой, а дело делом. – Делу время, а потехе час. – Маленькое дело лучше большого безделья. – Ешь до сыта, работай до поту. – Кто потеет на ниве, да молится Богу в клети, тот с голоду не умрет. – Хотя хлеба хороши, а пашню паши. – Не будет пахотника, не будет и бархатника. – Мни лен доле, волокна будет боле. – Не всякий хлеб пашет, да всякий его ест. – Хата бела да без хлеба беда. – Не красна изба углами, красна пирогами. – Готовь летом сани, а зимой телегу. – Всякому овощу свое время. – Куй железо, пока горячо. – Что посеешь, то и пожнешь. – Не спи до зари: заря деньгу дает. – На ретивую лошадь не кнут, а вожжи. – Всякое дело мастера боится, а иного дела и мастер боится. – Без топора не плотник, без иглы не портной. – Приказывай слуге, да делай сам, так и делу лад. – Не говори, что не могу, говори, что не хочу.

Отдел второй. Мир Божий

1. Земля, как она вертится, как ходит вокруг солнца и какой имеет вид

I. Говорится: солнце течет вокруг земли, солнце восходит и заходит, а на деле земля наша бежит вокруг солнца, ворочаясь сама через себя, и от этого бывает день и ночь, зима и лето, и счет годами. Как земля сама на себя оборотилась – так и сутки прочь; который бок земли смотрит на солнце, на том боку день; а который смотрит прочь от солнца, там потемки, ночь. На окраинах, промеж дня и ночи, промеж света и потемок, сумерки; но одному краю заря утренняя, по другому вечерняя; там восходит солнце, тут заходит. По самой середине между восходом и закатом, на той полосе земли, которая стоит прямо по отвесу против солнца – будет полдень; а по другую сторону шара земного, супротив полудня, будет полночь.

II. Из этого видно, что утро и вечер, полдень и полночь, по мере того как земля катится, обходят кругом всю землю, и что поочередно для всех жителей земных бывает день и ночь. Из того же видно, что для всякого места бывает свой полдень и своя полночь; и стало быть у всякого места свои часы. Петербургский час на московский не приходится: если поставишь в Петербурге часы по солнцу, и приедешь с ними в Москву, то они будут не верны; ставь их по московскому солнышку. Чем дальше на восток, тем солнце раньше восходит, раньше приходит на полдень, раньше заходит; а именно на каждые 1.500 верст к востоку люди живут часом вперед. «Рассчитать это не мудрено, если знать, что поперечник земли 12.000 верст, а окружность ее 36 тысяч верст; если она в двадцать четыре часа оборачивается вся через себя, то на каждый час времени приходится из окружности земли по 1.500 верст.

III. В 365 суток земля обегает вокруг солнца, и это мы называем годом. Заметим, что земля обходит солнце, но указанному ей Создателем пути, не ровно в 365 дней, а еще в шесть часов; эти-то шесть часов в четыре года составляют сутки: и вот почему у нас каждый четвертый год бывает високосный: для верного счета мы прибавляем один накопившийся день.

Земля летает вокруг солнца скорее всякой птицы перелетной, да и без всякого сравнения скорее. Чем ядро, пущенное из пушки: ядро пролетает в одну секунду $\frac{383}{}$ не более полуверсты, а земля – страшно вымолвить – двадцать одну версту в секунду!

IV. Наша земля вращается сама около себя, точно колесо около оси; – оттого-то и говорят, что земля вращается около оси, хотя оси этой на самом деле нет. [384] Места на поверхности земли, через которые должна бы была проходить та ось, если бы она существовала, называются полюсами или бегунами.

V. Теперь еще скажем, что самый большой круг земля делает своей серединой. Это легко понять, если взять яблоко и, проколов его тоненькой палочкой или прутиком, начать крутить это яблоко так, чтобы оно обращалось само около себя. Замечается тогда, что середина его делает самый большой круг, а чем ближе до тех мест, сквозь которые идет палочка, тем круги все будут меньше.

Также и на земле: середина делает самый большой круг; чем ближе к полюсам – концам оси, тем круги все будут меньше, а возле полюсов почти совсем не будет никакого круга; самые же полюсы неподвижны.

Один полюс называется полуночным (северным), а другой полуденным (южным); означить их место на земле можно так: если мы станем лицом (к востоку) к восходу солнца, то влево от нас будет полуночный, а вправо полуденный полюсы; сзади же будет закат солнца (запад).

VI. Узнавши все это, может, кто-нибудь скажет: ведь люди живут по всей земле; значит, и против нас, на другом боку земли; как же они не попадают?

На этот вопрос и я тоже отвечу вопросом: а куда же им падать?

И ответят мне: известно, вниз. – Хорошо! теперь я снова спрошу вас: что называете вы низом? – Обыкновенно то, что под ногами. Что же под ногами? – Земля. – Да и у них земля. Но послушайте дальше: верхом называется то, что у нас над головой – небо; и у тех, что живут на другом боку земли, над головой – небо; куда же им падать? – Еще скажу: нам *кажется* , что они вверх ногами стоят; а им тоже *кажется* про нас.

Ко всему этому еще прибавлю, что земля имеет в себе такую силу, которой притягивает к себе все, что на ней есть; подобно тому, как, может, кому из нас случалось видеть, а то и иметь у себя магнитную пластинку: так, если положишь на столь иголку, либо гвоздик, да дотронешься до них тем магнитом, то гвоздик, либо игла, сейчас и пристанут к нему. Иногда же довольно только приблизить к магниту иголку, либо гвоздик, они сами придвинутся и прилипнут к нему. Но магнит имеет в себе силу притягивать только железо, тогда как земля притягивает к себе все, что на ней находится, без исключения. Кинете вы, примерно, камень вверх, он не останется там, а непременно упадет на землю; тоже бывает и с человеком,

который скачет вверх. Он чувствует в это время, что точно кто-нибудь тянет его к земле. – Нужно при этом заметить, что чем тверже (плотнее) какое-либо вещество, тем оно сильнее притягивается землей; как, гвоздь скорее пера падает на землю, когда кинем их разом с какой-либо высоты; ибо гвоздик плотнее пера. От этой силы зависит вес всякого тела.

Вот то, что мы сказали теперь, будет нам очень пригодно для объяснения того, как земля, вращаясь около оси, еще движется в то же время и около солнца.

VII. Солнце имеет такую же силу притягивать к себе все, как и земля, но только в нем эта сила гораздо больше, чем у земли, и земля, сама притягиваясь солнцем, спокон века идет по той дороге, которую положил ей Бог, и не может она свернуть с этой дороги, или оборваться, так же точно, как не обрывается, примерно, камень, который, если мы навяжем на веревочку, да будем крутить вокруг руки, будет делать круги все по одной дороге. Если же бы не было веревочки, или бы она разорвалась, то, конечно, камень полетел бы куда ни попало; так и земля: если бы не было у солнца силы притяжения, то и она полетела бы Бог знает куда. [385]

VIII. Обдумаем же теперь, что следует из движения земли около солнца. Вот что: земля обходить около солнца ровно в год и во время пути идет не все одним боком обернувшись к солнцу. Ось земная наклоняется к солнцу то одним своим концом, то другим. Так, обращена к солнцу то полуночная (северная) половина земли, то полуденная (южная) половина. Отсюда следуешь, что когда земная ось наклоняется к солнцу полуночным концом, то на северной половине земли, на которой и мы живем, на которую прямее падут солнечные лучи, начнется весна – потому что вы знаете, что солнце греет так же, как, примерно, и огонь, а чем ближе к огню какая-либо вещь, тем и тепла больше в ней, – в своем дальнейшем пути ось наклоняется еще ближе – и на северной стороне настает лето. Так земная ось обращена полуночным концом к солнцу до 10 сентября. С этого времени она начинает наклоняться к солнцу полуденным концом, а полуночным отклоняется; от этого у нас начинается осень, а на полуденной (южной) половина – весна; после 10 декабря наиболее наклоняется южный полюс и тогда на полуденной половине земли будет лето, а у нас лютая зима.

Кроме всего сказанного, еще прибавлю, что на земле есть такие места, где зимы никогда не бывает, где целый год стоит самое жаркое лето. Эти места лежать по середине земного шара, на равном расстоянии от обоих полюсов.

IX. Рассмотрим же теперь, от чего зависит это тепло. Объяснить это

очень легко: держите вы, примерно, над свечей руку, ее жжет; когда же вы будете отодвигать руку все дальше и дальше в сторону, то легко заметить, что чем далее отодвинули вы от огня руку, тем он жжет слабее. То же самое происходит и с землей; на те места, про которые мы сказали, лучи солнечные падают прямо (отвесно), как на руку, когда держим ее над свечей; на те же места, которые ближе к полюсам, лучи солнечные падают косее, а чем косее падают лучи, темь меньше от них тепла. Это можно видеть на самом солнце: рано утром лучи его падают косвенно; оттого утром бывает холоднее, нежели в полдень, когда лучи солнечные падают на землю как раз прямо (отвесно). Если бы все те места, в которых, как мы говорили, стоит целый год жаркое лето, опоясать поясом, то вышел бы очень большой круг; этот круг называется равноденник (экватор), потому что во всех местностях этого круга день всегда равен ночи; день 12 часов и ночь 12 часов.

X. И снова спросят меня: отчего это так?

Вот отчего: – равноденник идет как раз по середине земного шара, а середина земли всегда стоит одинаково к солнцу, т.е. ни приклоняется к нему, ни отклоняется от него; поэтому-то там день и равен ночи. У нас же иначе: когда та половина, на которой мы живем, приближается к солнцу, то у нас в это время бывает должайший день, чем на другой половине, что всякому и видно летом. Когда же земля наклоняется к солнцу другой своей половиной, тогда уже на противоположной половине настают более продолжительные дни, чем у нас, потому что тогда на нашу половину меньше падает лучей, чем ни другую.

XI. Мы сказали, что экватор, или равноденник, идет как раз посредине земли и, следственно, он, равно удаленный от обоих полюсов, делит землю на две равные половины: полуночную (северную) и полуденную (южную).

Теперь еще скажем вот что: когда с того места, где вы стоите, вести круг по земле через полюсы, то такой круг зовется полуденником (меридианом) и разделяет землю тоже на две половины: восточную и западную. Меридиан – слово чужеземное, по-русски означает полуденная линия.

Называется же этот круг полуденником потому, что как станет солнце над этим кругом, то во всех тех местах, через которые он проходит, с той его стороны, где солнце светит, будет полдень, а на противоположной – как раз полночь.

Оно и действительно так, потому что как только станет солнце над тем местом, от которого начали вести круг, то человек, стоящий в этом

месте, увидит солнце как раз над головой, а каждый из нас хорошо знает, что солнце над головой бывает только в полдень.

XII. Земля, как уже мы знаем, кругла как ядро, как арбуз, как мяч. Поэтому и зовут землю нашу – земным шаром.

Спросите: почему люди дознались, что *земля наша шар* , что она кругла? А вот по каким приметам, слушайте:

Когда смотришь вперед ли, назад ли, по чистому месту, например, по морю, хоть бы на корабль, или на приморский город, то видишь, что не только земля, которая покрыта вся горами, да пригорками, но и вода и море стоят горбом, и закрывают от нас больше или меньше то место, куда смотрим. Корабль, например, когда далек от нас, виден только в половину – сверху: а станет подходить, либо подплывать ближе, и корабль открывается все больше и больше; стало быть, снизу его закрывало круглым горбом море; а море, как вода, не могло бы стоять горбом, если бы не вся земля наша была кругла, как шар.

Если поставить что-нибудь, например, книжку, промеж свечки и стены, то всякому ясно, что тень книжки упадает на стену, и на стене увидишь ту же книжку; и видишь и на тени, что книжка о четырех углах. Также точно, когда земля наша станет промеж солнца и луны, то тень земли падает па луну, и видишь ты на тени, что земля кругла. От тени этой луна меркнет, и мы называем это затмением (лунным).

А самое важное и главное доказательство на то, что земля наша кругла, это то, что люди обошли ее на судах, на кораблях, вокруг. Если поплывешь ты на судах из какого-нибудь места, положим на восток, и все будешь идти прямо на восток, будешь только обходить встречные острова да отмели, так придешь ты опять туда же, откуда вышел, *обойдешь землю вокруг* . Стало быть она кругла. А будь она плоская, напр. доской, так кругом обойти было бы нельзя: через край, через ребро, не перевалишься, и будь она брусом, четырехугольная, также не обойдешь: углов не минуешь; стало быть она, земля наша, кругла и называется шаром.

(По Далю и книг: «Свет Божий»).

2. Обзор земного шара

I. План, изображающий какую-нибудь страну, называется *картой.* Поверхность же всего земного шара можно изобразить только на шаре. Такой шар, на котором изображена поверхность всего земного шара, называется *глобусом.* Когда же хотят изобразить земной шарь на бумаге, то его изображают не иначе, как по частям. Для этого чертят два круга и на каждом из них изображают одну какую-либо половину земного

шара. Такие карты называются *картами полушарий.* Полушария бывают – северное и южное,

II. Суша на поверхности земного шара представляется огромными островами, окруженными со всех сторон водой; между этими огромными островами находится еще множество малых островов.

Все огромное пространство воды на поверхности земного шара составляет один *нераздельный океан* , по частям этого океана дают разные названия: одну часть называют *Атлантическим* , другую *Тихим* , третью *Индийским* , четвертую *Северным-Ледовитым,* пятую *Южным-Ледовитым* океаном.

Части же этих океанов, лежащие вблизи материков, называются *морями.* Например, у нас в России *Балтийское море* составляет часть Атлантического океана, *Белое* часть Северного Ледовитого океана.

III. На восточном полушарии находятся четыре части света: *Европа, Азия, Африка* и *Австралия.* На западном же полушарии находится пятая часть света – *Америка,* которая разделяется на северную и южную.

В Европе больше, нежели во всех других частях света, распространено христианство и образование. В Азии находится известная всякому христианину страна *Палестина* , в которой родился, жил и страдал Господь наш Иисус Христос и откуда учение Христа распространилось по всему свету; в Палестине же находится дорогой для каждого христианина город *Иерусалим* , с храмом гроба Господня.

В Африке находится известная нам из священной истории ветхого завета страна *Египет.*

Америка стала известна жителям Европы после Азии и Африки, а потому ее называют *новым светом* Европу же, Азию и Африку – *старым светом.*

Мы живем в старом свете; меньшая часть нашего государства находится в Европе и называется *Европейской Россией* остальная же часть России: *Сибирь и Туркестан,* находится в Азии и называется *Азиатской Россией.*

Америку открыл один моряк, по имени *Колумб,* только 400 лет тому назад; а о существовании Австралии жители Европы узнали еще позже.

IV. На карте полушарий мы видим, что суша имеет различные очертания. В одних местах вода вдается более или менее глубоко в сушу и образует большие и малые *заливы.* Обширные, заливы называются *морями.* Так, например, Северный Ледовитый океан у северных берегов Европейской России образует обширный залив, который называется *Белым морем.* Малые заливы называются просто *заливами и бухтами.* Так,

например, у нас Балтийское море образует *Финский залив*, Черное море – *Севастопольскую бухту*.

В других местах, напротив, суша вдается в воду и образует *полуострова*. Например, у нас суша вдается в Черное море и образует *Крымский полуостров*.

В одних местах части суши соединяются узкой полосой земли, которая называется *перешейком* ; в других местах два океана или моря соединяются узкой полосой воды, которая называется *проливом*. Например, у нас Крымский полуостров соединяется с остальной Европейской Россией *Перекопским* перешейком, а Черное море соединяется с Азовским морем – *Керченским* проливом.

V. Мы видели,что берега суши представляют большое разнообразие. Не менее разнообразна и поверхность суши. Местами она представляет *низменные равнины* ; такова, например, у нас юго-восточная часть европейской России.

В других местах суша значительно возвышается над морем и образует *сплошные возвышенности;* такова, например, у нас *Валдайская сплошная возвышенность*, лежащая почти в самой средине европейской России. Встречаются на земном шаре равнины, покрытые сыпучим песком, на которых не растет ни деревьев, ни кустов, и только кое-где видны тощие, жесткие, горькие травы, и очень редко попадаются источники воды.

Такие бесплодные равнины называются *пустынями. У* нас пустыни находятся на восток от Каспийского моря.

На земном шаре есть и такие равнины, на которых растет в изобилии только трава, а лесов очень мало, или вовсе нет; такие равнины называются *луговыми степями*. Таковы наши южно-русские степи. Бывают также *солончаковые* степи или просто *солончаки*, т.е. равнины, почва которых пропитана солью; таковы наши *Прикаспийские* степи.

Но поверхность суши не везде ровная. В одних местах она образует небольшие возвышения, называемые *холмами* ; в других местах она образует высокие *горы*, как напр. наши *Кавказские* горы; но есть на земном шаре горы, которые гораздо выше Кавказских. Между горами проходят *долины; узкие* долины называются *ущельями*, как напр. у нас в Кавказских горах *Дарьяльское* ущелье. Из гор земного шара особенное внимание обращают на себя те горы, которые выбрасывают изнутри себя водяной пар, пепел, раскаленные камни и расплавленную массу.

VI. Мы уже видели, что на земном шаре находятся пять океанов: Атлантический, Тихий, Индийский, Северный-Ледовитый и Южный-Ледовитый.

Вода в океанах зеленоватого цвета и горько-соленого вкуса.

Вода на поверхности земного шара находится не только в океанах, но и на самой суше; здесь она наполняет различные углубления. Такие скопления воды на суше называются внутренними водами. Вода эта отличается от воды океанов пресным вкусом. Внутренние воды бывают *стоячие* и *текучие*. Стоячие воды занимают впадины и низменные места на поверхности суши и носят название *озер* и *болот.* Наше *Каспийское море* – одно из самых больших озер на земном шаре; потому его и называют морем. Озеро Эльтон, которое находится на юго-востоке Европейской России, отличается от других русских озер соленой водой. На севере России находятся огромные промерзшие болота, которые называются *тундрами.* Текучие воды, пробиваясь из земли в виде ключей (родников), пролагают себе путь по скатам земной поверхности, образуют ручьи, речки, большие реки и вливаются в озера, моря и океаны. Движение воды в реках зависит от покатости дна. Иногда дно реки вдруг круто понижается, образуя один или несколько уступов; в таких местах вода с шумом падает вниз, и это явление на реке называется *водопадом.* Так у нас в Олонецкой губернии, на р. Суне, впадающей в Онежское озеро, замечателен водопад *Кивач.* На некоторых реках дно бывает местами покрыто камнями, подводными или выступающими над водой, которые затрудняют судоходство. Такие места называются *порогами. У* нас в России известна своими порогами река *Днепр.*

VII. Весь земной шар по количеству теплоты, получаемой от солнца, разделяют на пять поясов: *жаркий* , два *умеренных* и два *холодных.* Каждому поясу свойственны свои растения и животные, и природа одного пояса значительно отличается от природы других поясов; но человек способен применяться ко всяким внешним условиям, и люди живут во всех поясах земного шара. Самый же благоприятный пояс для человеческой жизни есть пояс умеренный и особенно северная часть его. Вот почему в Европе и в Северной Америке живет большая часть самых образованных народов земного шара.

Люди, живущие в разных частях света, различаются между собой и цветом кожи, и другими особенностями, и весь человеческий род обыкновенно делят на пять главных *племен* или *рас :* племя кавказское, монгольское, американское и др.

Из всех государств земного шара более других имеют значение для России: Германия, Австрия, Швеция, Англия, Франция, Италия, Турция, Китай и Северо-Американские Соединенные Штаты.

*Германия*находится в соседстве с нами, на запад от России; в ней

главный город *Берлин*.

*Австрия*тоже наша западная соседка; столица Австрии – *Вена*.

*Швеция*лежит к западу от Финляндии; в ней главный город Стокгол*ьм*.

*Англия*находится на двух больших островах Атлантического океана; главный город в ней *Лондон*.

*Франция*лежит на западе от Германии; столица Франции *Париж*.

*Италия*находится на юге Европы; в ней главный город *Рим*.

*Турция*находится на юго-востоке Европы, на *Балканском* полуострове; столица Турции *Константинополь*.

*Китай*находится в Азии, к югу от Сибири; в нем главный город *Пекин*.

*Северо-Американские Соединенные Штаты*занимают среднюю часть Северной Америки; главный город в них *Нью-Йорк*.

(Извлеч. с сокращ. из кн. «В школе и домах Бунакова»).

3. Солнце

I. Несмотря на то, что солнце светить и согревает все, оно не состоит из огня (оно не есть пламя) и не горит на нем ничего. Солнце также шарообразно, как и наша земля, но гораздо больше ее. Что солнце есть шар, этого, кажется, не надо и объяснять, ибо каждый видит это. Но, может быть, кто подумает, что оно такое же, как тарелка, т.е. только кругло, но не выпукло. Что это неверно, можно узнать вот как: пусть кто-нибудь держит тарелку, а мы будем обходить около и смотреть на нее. Когда мы станем против тарелки, то она покажется нам круглой; когда же взглянем на нее с боку, то увидим только ребро ее. Мы же знаем, что в продолжение года земля обходить около солнца. Если бы солнце не было выпукло, то иногда оно казалось бы нам кругло, а иногда мы видели бы только края его, как от тарелки; но этого никто не замечали.

II. Солнце не горит, и ничего на нем не сгорает, ибо если бы так было, то оно сгорало бы, как и все другое, что горит. Трудно себе объяснить, как может что-либо светить, не горев; однако мы имеем ясный пример этого на светляке: хотя в нем ничто не горит, но в летнюю ночь тело его светится очень заметным светом.

III. Свет солнечный очень яркий, так что глаз человеческий не может стерпеть его. Мы знаем, что самое большое пламя от пожара за 3 или 4 мили (за 21 или 28 верст) кажется маленьким светом. Что же сказать про солнце, которое отстоит от нас на 20 миллионов миль (140 миллионов верст) и все-таки мы не можем стерпеть его света. Чтобы представить себе громадность расстояния между солнцем и землей, скажем, что если бы кто-либо выстрелил из пушки на солнце и если бы ядро летело всегда с

одинаковой быстротой, то оно только через 25 лет упало бы на солнце, а известно, что ядро летит версту в секунду. Солнце так велико, что из него можно сделать полтора миллиона таких шаров, как наша земля. Но если солнце такое большое, отчего же оно кажется нам таким маленьким? Оттого, что оно *очень далеко* от нас: а всякий знает, что чем какой-либо предмет находится на большем расстоянии от нас, тем он меньше кажется нашему глазу.

IV. Вокруг солнца движется много планет, вместе с ними и наша земля. Планеты эти, как и наша земля, темны и получают свет от солнца. Все планеты вместе называются *солнечным миром.*

Ярко светит солнце, однако ученые люди, наблюдая в подзорные трубы, заметили, что на нем есть темные пятна. Что такое эти пятна, до сих пор ясно не узнано. Известно только, что они мало-помалу подвигаются к западному краю солнца, исчезают и потом опять появляются на восточном краю его. Таким-то образом и поняли, что солнце, как земля и другие планеты, *вращается* около своей оси.

(Из кн. Свет Божий).

4. Звезды

I. Выйдешь иногда в тихую, ясную ночь на улицу, да взглянешь вверх на то синее – синее небо, что широким шатром раскинулось над головой, и вот, как свечки, блестят на нем яркие звезды, то по одиночкам, то целыми кучками. Светят они с темного неба, сами вы знаете, так тихо и приветно, что многие добрые люди говорят про них, что это ангелы Божьи, которые, открыв окна небесные, глядят да утешаются нашей землей.

А чтобы подумали люди, когда бы кто сказал им, что почти каждая из этих звездочек, из этих небесных свечек, больше земли нашей? Они покачали бы головами и сказали: уж не приврал ли тут чего-нибудь добрый человек?

Нет! Это действительно так и есть.

Стоите вы, например, возле высокой горы, такой высокой, что даже шапка свалится, когда посмотришь на ее вершину. Видите вы, что на вершине той человек ходит – и кажется вам из-под горы тот человек таким же маленьким, как какая-нибудь букашка. Или вот вам пример еще лучше: посмотрите, как на высокой колокольне жаром сияет позолоченный крест.

Как длинен вам кажется этот крест?

В аршин какой-нибудь или и того меньше. А в самом деле, он в сажень или две. Когда на такой небольшой высоте все кажется меньше, чем оно есть в действительности, то что же сказать про те звезды, из

которых ближайшая отстоит так далеко от нас, что для определения этого расстояния на земле и счету такого еще не придумали; отстоит она, примерно, на два биллиона верст. [386]

II. С давних времен настойчиво работали люди мыслью над тем, чтобы уразуметь великое дело рук Божьих: долго думали, как бы помочь глазу человеческому видеть на самых далеких расстояниях, чтобы выдумать такой прибор, посредством которого можно было бы разглядеть отдаленную звезду так, как бы она стояла перед самыми глазами.

Долго бились они над этим – и работа разумных людей не была напрасна: выдумали они, спасибо им, трубу, что называется подзорной, при помощи которой можно видеть далеко, – и все, на *что* в эту трубу ни взглянешь, точно стоит перед тобой.

И досмотрелись люди, что иные звезды все стоят на одном месте, – дали они таким звездам название *неподвижных звезд. П* отом, приметив, что некоторые двигаются около неподвижных, взяли и прозвали эти звезды *двигающимися (блуждающими)* или *планетами.* Планет видно нам на небе гораздо меньше, нежели неподвижных звезд, ибо планеты неизмеримо меньше, чем неподвижные звезды, – и нам поэтому видны только те планеты, которые ближе к нам; почти все видимые нами звезды – суть неподвижные, и как же много их рассыпано на всем пространстве небесном и редко рассыпаны они по одной, а все больше кучами! Наука дала каждой куче особое название.

III. Каждому приходилось видеть в тихую звездную ночь, как по небу идет широкая, ясная дуга. Если посмотреть на ту дугу в подзорную трубу, то заметим много, много маленьких звездочек, которые стоят от земли так далеко, что их и не видно глазу человеческому, а вся их куча кажется ясной, белой дугой, которая далеко простирается, почти по всему небу, сияя тихим светом над землей. [387]

IV. И солнце, и неподвижные звезды светят своим светом, иные звезды яснее, другие темнее. Это зависит, во-первых, оттого, ближе, или дальше от нас звезда; во-вторых, оттого, большая ли она, или малая. Когда, примерно, разложим огонь и будем отходить от него все дальше и дальше, то огонь будет казаться все меньше и меньше. Если же посмотреть на него подальше, так едва только можно будет заметить, как он мигает. То маленькое огнище, а большой (сильный) пожар был бы виден ясно. Точно также и звезды: не все они одной величины: большую видно дальше и светит она яснее, а меньшая и кажется меньше, а когда она уже очень далеко находится от нас, то ее и совсем не видно.

(Оттуда же).

5. Луна (месяц)

I. После солнца наибольшее внимание людей обращает на себя месяц. Всякий видел его, но далеко не всякий вполне знает его. Очень часто приходится слышать такие разговоры про месяц, что как будто есть 12 братьев месяцев, которые поочередно сменяют друг друга. Другие толкуют, будто на месяце Каин держит Авеля на вилах и многое другое. Если бы настоящим образом сознавали люди, что такое месяц, то не рассказывали бы про него такие басни. Вот теперь мы и хотим рассказать кое-что про месяц.

II. Месяц также, как солнце и земля, имеет вид шара, только он в пятьдесят раз меньше земли. Около своей оси месяц обращается в 28 дней; в точно такое же время он вместе с землей обходит около солнца, ибо он также движется и держится около земли, как земля около солнца. Из этого видно, что месяц имеет троякое движение: около оси, около земли, и, вместе с землей, около солнца. Расстояние между землей и месяцем равно 50 тысячам миль, которые равняются 350 тысячам наших верст. Если бы от земли до месяца можно было устроить железную дорогу и отправить по ней человека, то он доехал бы до него, проезжая по 4 мили (28 верст) в час, в 521 день, а это составит почти полтора года.

III. Месяц не имеет своего света, но отражает от себя солнечный свет. Это покажется чудно, но чудного тут ничего нет. Всякий знает, что зеркало не имеет своего света, но если его навести на солнце, то от зеркала отсвечиваются солнечные лучи. Так иногда забавляют детей, пуская на стену, так называемых, зайчиков. [388]

Ежели бы месяц имел собственный свет, то он всегда бы был виден всем своим полным кругом, – так как видно нам солнце. Месяц же видим мы иногда как круг, иногда как полукруг, иногда как серп без ручки. Перемены в освещении месяца зависят от того, что он не всегда одинаково стоит относительно земли и солнца. [389] Всех перемен месяца четыре: *молодик, первая четверть, полный месяц* и *последняя четверть.*

Прежде, чем появится молодик, мы совсем не видим месяца, потому что он тогда обращен к нам неосвещенной стороной. Через два дня после того месяц виднеется как серп.

Через семь дней после молодика месяц показывается нам в виде полухлеба – это четверть месяца. После этого месяц полнеет с каждым днем, пока совсем не сделается похожим на круг (полнолуние). [390] Далее месяц уже начинает убывать, потому что освещенная сторона его отвертывается от нас. [391] После этого снова настает молодик и т.д.

V. Месяц вращается гораздо тише земли, ибо он только раз обернется

около своей оси в 28 дней, как мы уже упомянули об этом; потому день и ночь на месяце гораздо длиннее наших. Лунный день имеет 14 земных дней и столько же земных ночей заключает в себе лунная ночь.

Кто пристально рассматривал месяц, тот верно заметил на нем пятна. Говорят, что это Каин держит Авеля на вилах; другим кажется, что они видят на месяце нос, глаза, рот, поэтому-то немыслящие маляры и рисуют месяц с человеческим лицом. Но это совсем уже глупо.

Люди ученые, которые не раз и не два рассматривали в подзорные трубы месяц, пришли к тому, что те темные пятна – не что иное, как горы и долины, которые, как и на земле, есть и на месяце.

(Оттуда же).

6. Путешествие воды

I. Кому только не нужна вода! И травке, и зверю, и птице, и человеку. Вот почему Бог наполнил водой большие моря и океаны.

Но в морях вода горькая и соленая, да не все и живут у самого моря. Как же очистить воду? Как перенести ее за тысячи верст? Как поднять на высокие горы?

II. Работу эту задал Господь прилежному солнышку. Своими теплыми лучами переделывает солнышко воду в легкие пары. Водяные пары оставляют соль в море, поднимаются кверху и кажутся нам серебряными облаками на голубом небе.

III. Подымутся пары облаками; но не стоят же им над морем. Выходит тут на работу ветер и разносит громадные облака, как легкие перышки, во все стороны света белого. В каждом таком облике так много воды, что если бы она вся разом хлынула на землю, то затопила бы города, села, людей и животных. Но Господь устроил дело иначе: вода из облаков сеется, как сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзает и летит пушистыми снежинками.

IV. Освежит вода луга и нивы, и начнет просачиваться в землю. В земле, капля за каплей, собирается она в маленькие струйки. Струйка льется к струйке, и вот пробьются она из под земли светлым, холодным ключом. Бьет ключ и льется по земле, ручейком. Прорoет себе ручеек русло в земле и бежишь, журчит по камешкам; встретится со своим братом, таким же говорливым ручейком, – сольются и побегут они вместе. Бегут они вместе, а к ним по дороге пристанет третий, четвертый, пятый товарищ...

V. Глядишь! уже порядочная речка течет в зеленых берегах. Поит речка людей и животных, освежает растения на лугах, вертит мельничные колеса, носит бревенчатые плоты и легкие лодки; а в ее прохладных струях

уже играют веселые рыбки, блестя серебряной чешуей.

VI. Бежит речка, встречается с другой, – сольются и побегут вместе. К ним по дороге пристанет третья, четвертая... И вот огромная река, со множеством притоков, пробегает, из края в край, большое государство или десятки малых. Плывут по реке тяжелые барки, нагруженные до верху товаром; шумят пароходы; а на берегах стоят промышленные села и торговые города, один богаче другого. Несет река большие богатства из страны в страну, в далекое море, и вносит в него своим широким устьем уже не маленькие лодки, а большие корабли, одетые парусами, словно крыльями.

VII. Много воды вливает река в море, а солнце все работает: опять подымает воду в облака и рассылает ее по целому свету.

Льются вечно реки в моря и никак вылиться не могут; черпает вечно солнышко воду из морей и никак вычерпать не может: так премудро устроил это дело Создатель.

(Из Р. Сл.).

7. О теплоте

Под теплотой мы подразумеваем частью чувство, которое мы ощущаем при прикосновении к известным телам, частью причину этого чувства, или самое состояние тела [392] , которое вызывает в нас это ощущение. Важнейшие источники тепла суть: солнечные лучи, трение, давление и горение. Холод – это только недостаток тепла.

1. Почему отскакивают искры, если ударить кусочком стали о кремень?

Потому, что от сильного удара стали о твердый кремень отскакивают маленькие кусочки стали, которые накаливаются вследствие жара, происшедшего от трения, и, падая на трут, зажигают его. Если заставить искры падать на белую бумагу и потом рассмотреть через увеличительное стекло, то можно совершенно явственно разглядеть расплавленные кусочки стали. Точно также от железных копыт лошади, бегущей по мощеной улице, отскакивают огненные частички, как это можно видеть вечером. Если, взяв два кремня, ударить их один о другой, то от них также отскакивают. раскаленные кусочки. Главным образом теплота возбуждается трением и сильным давлением. Молот нагревается при долгой работе, и кузнец искусными ударами может накалить гвоздь.

2. Почему надо смазывать оси колес?

Потому, что при вращении колес около осей вследствие трения развивается теплота, достаточная для того, чтобы оси могли загореться; но смазывающая жидкость уменьшает это трение.

3. Почему у металлических чайников и кофейников обыкновенно бывают деревянные ручки?

Потому, что металл очень хороший проводчик тепла и потому он очень скоро и в высокой степени принимает в себя весь жар налитой в сосуд горячей жидкости, тогда как дерево, как дурной проводник, принимает в себя тепло только в незначительном количестве и притом очень медленно, так что деревянная ручка дает нам возможность брать в руки чайник, наполненный горячей жидкостью. Те тела, которые очень хорошо принимают и быстро распространяют тепло, называются хорошими проводниками тепла, а тела с противоположным качеством – дурными; к самым хорошим проводникам относятся металлы, к наиболее дурным: перья, шерсть и особенно волосы.

4. Почему, посыпав руку пеплом, можно положить на нее раскаленный уголь, не боясь быть обожженным?

Потому, что пепел, будучи очень дурным проводником тепла, воспринимает последнее очень медленно, и также медленно отдает его руке. По той же причине печи, в которых много золы, отопляют хуже, потому что они воспринимают тепло пламени очень медленно и распространяют его в незначительной степени.

(Из соч. «Почему и потому?» Отто Уле).

8. Отчего бывает роса, иней, дождь, снег и град?

Если вскипятим воду в каком-нибудь глиняном или металлическом
393 сосуде, то часть воды испарится; но, наблюдая за поднимающимся столбом пара, мы заметим, что водяной пар, пока он сохраняет всю свою теплоту, совершенно *невидим* и *прозрачен* ***;*** поэтому в воздухе может содержаться огромное количество пара, поднимающегося из рек и морей, и оставаться незамеченным. Но чем более пар удаляется от нагреваемого нами сосуда, тем более охлаждается и наконец принимает вид беловатого облачка, состоящего из небольших водяных пузырьков, очень похожих на мыльные пузырьки, только в гораздо меньших размерах. Следовательно, от теплоты вода обращается в невидимый прозрачный; *пар*, который, коснувшись холодного воздуха, обращается, как бы, в *туман.* Тоже самое бывает и в природе. Из озер, рек и болот пары поднимаются постоянно, и если воздух холоднее испаряющейся воды, то пары охлаждаются в воздухе и образуют туман, который, прикасаясь к холодным предметам, превращается в водяные капли или *росу* **.**Когда предметы на земной поверхности так холодны, что касающиеся их пары замерзают, то происходят небольшие ледяные иглы, называемый *инеем.* Итак, иней есть замерзшая роса. Если же поднимающиеся пары

охлаждаются в высших слоях воздуха, то они образуют *облака*. Облако или поднимается вверх и достигает более холодного и влажного слоя воздуха, или, встретившись с холодным ветром, еще более сгущается; пузырьки, прикасаясь друг к другу, сливаются и, образуя капли, в виде *дождя* падают на землю. Зимой при значительно холодном воздухе, водяные пары превращаются в мелкие *снежинки*. От постоянного соединения с водяными парами эти снежинки увеличиваются, получают форму красивых фигур и наконец падают на землю. Иногда водяные капли от холода замерзают в облаках и падают на землю в виде *града*. Нечего удивляться, что град обыкновенно падает тогда, когда в воздухе бывает тепло, потому что внизу, у земли, может быть и тепло, а выше, там, где носятся облака, могут быть и очень холодные ветры.

9. Газы

1. Воздух бывает разный, хотя он всегда светлый и невидный...

Вода расходится в воздухе, делается летучей; и когда много воды в воздухе, он бывает сырой, когда мало – сухой.

Когда в закрытом месте надышат люди, воздух бывает дурной, *нездоровый ;*а на открытых местах, или в лесу, – воздух здоровый, хороший. Это бывает оттого, что в закрытой комнате к обыкновенному воздуху прибавился тот дурной воздух, который выдыхают из себя люди и все животные.

Стало быть, в воздухе есть разные части, и их глазом нельзя отличить: все похожи на обыкновенный воздух.

2. Для дыхания нужнее всех частей воздуха одна, называемая кислородом. Если собрать этот воздух отдельно и всунуть в него курилку, то она сейчас загорится огнем. Стало быть, от него дерево и всякая другая вещь горит сильнее. А если кислорода нет в воздухе, и всунуть в такой воздух курилку, она погаснет.

Оттого воздух и нужен для горения, что в нем есть кислород. Чтобы огонь разгорелся, на него дуют, машут; а если хочешь, чтобы загоревшаяся вещь погасла, – сделай так, чтобы вокруг нее не было воздуха; накрой ее, зажми со всех сторон – и она погаснет.

Другая часть воздуха – азот. В нем дышать нельзя, и вещи не могут гореть.

Третья часть воздуха – углекислый газ, углекислота. Она тоже не годится ни для дыхания, ни для горения. Когда же ее наберется много, то она опускается и собирается внизу, потому что она тяжелее других газов.

Четвертая часть воздуха – водяные пары, летучая вода.

3. Когда мы дышим, то кислород уходит в наше тело, и в том воздухе,

который мы выдыхаем, кислорода меньше, чем в обыкновенном воздухе, а зато больше углекислоты. Вот отчего воздух становится дурным от дыхания.

Деревья, травы и все растения тоже дышат, только они не втягивают в себя воздух, как мы втягиваем грудью, а вбирают его всеми листочками и молодой корой. И из всех листочков тоже незаметно выдыхается воздух; и этот воздух тоже не такой, как обыкновенный: в нем меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть, растениям нужна углекислота, которая ненужна и вредна животным. И вот отчего в лесу воздух такой здоровый: там углекислоты меньше, а кислорода больше.

(Гр. Л. Толстой).

10. Непроницаемость

Непроницаемость есть то общее свойство тел, посредством которого в пространстве, занятом одним каким-нибудь телом, не может в то же время поместиться другое тело.

1. Почему, если мы опустим палец в доверху наполненный водой стакан, то часть воды выльется из него?

Потому, что палец, вследствие своей непроницаемости, вытесняет воду из того пространства, которое он стремится занять. Поэтому количество вылившейся воды равно объему погружаемого тела. Это относится также и к порошко-образным телам, как напр. песок, сахар и др.

2. Почему вода не вливается в пустую бутылку через плотно вставленную воронку?

Потому, что воздух, заключающийся в бутылке, не находить себе выхода из нее, и вода вследствие этого не может вливаться в бутылку. Если же воронка вставлена не плотно, то воздух выходит из бутылки между горлышком и стенками воронки, и вода беспрепятственно в нее вливается.

(Из соч. «Почему и потому?» Отто Уле).

11. Центр тяжести

Во всяком теле есть точка, которую достаточно лишь подпереть, чтобы предохранить тело от падения. Эта точка называется точкой опоры или центром тяжести. Она лежит таким образом, что частицы тела расположены вокруг нее равномерно.

1. Почему мы откидываемся назад, спускаясь с горы?

Потому, что откидываясь при спуске назад, мы сохраняем линию тяжести между ногами, которая при прямом положении нашего тела лежала бы впереди нас, так что центр тяжести не был бы ничем поддерживаем – и мы упали бы.

2. Почему несущие перед собой тяжести должны откидываться

назад?

Потому, что центр тяжести тела перемещается вследствие впереди висящей тяжести и подвигается по направлении вперед так, что линия тяжести должна упасть тоже вперед. Откидыванием своего тела назад эта линия снова проходит между ногами несущих.

3. Почему люди, несущие тяжести на спине, нагибаются вперед?

Потому, что этой тяжестью изменяется положение центра тяжести в человеческом теле; он отодвигается назад. Линия тяжести прошла бы при выпрямленном положении позади нас. Чтобы избегнуть этого, тело наклоняется вперед.

(Оттуда же).

12. Сцепление

Сцеплением называется притяжение, действующее между частицами одного и того же тела, и сила, посредством которой они притягиваются друг к другу, есть сила сцепления.

1. Почему вытянутая металлическая проволока гораздо крепче литой металлической нитки?

Потому, что сила сцепления тем сильнее, чем ближе находятся частички какого-нибудь тела. При вытягивании проволоки металл прогоняют через очень узкое отверстие, и частицы его, особенно на поверхности, сближаются с громадной силой. Тоже самое происходить при ковке и прокатывании; кованое железо втрое крепче литого, а прокатанное серебро вдвое тверже обыкновенного.

2. Почему сукна и материи вследствие валяния делаются плотнее?

Потому, что чем больше сближаются посредством валяния ниточки и волоконца материи, тем сила сцепления между ними действует сильнее, и связность частиц становится больше.

(Оттуда же).

13. Притяжение волосных трубочек

Волосными трубочками называются трубочки, которые так узки, что через них может пройти только волос.

1. Почему намокшие веревки укорачиваются?

Потому, что волокна льна вбирают своими волосными трубочками влажность и вследствие этого разбухают. При этом они становятся толще и закручиваются назад. Сила, производящая это укорачивание веревок так велика, что обелиск [394] в Риме, весом в 9.000 центнеров [395] , которого не могли поднять никакими машинами, был поднят только намокшими канатами, которые его поддерживали.

(Оттуда же).

14. Делимость

Всякое тело может быть разделено на большее или меньшее число частей. Свойство это называется *делимостью.*

1. Почему можно выбелить целую стену несколькими фунтами мелу?

Потому, что истолченный мел дробится на бесконечно малые частицы; разбавленный же водой он превращается в кашицу, которая распадается на отдельные комья. Каждый такой ком может быть размазан на большой поверхности; при этом вода, испаряясь, дробится на такие мелкие части, что они увлекаются воздухом и оставляют на стене лишь мелко раздробленный мел.

2. Почему запах одной монашенки распространяется по всей большой зале?

Потому, что при сгорании монашенки образуются частички, наполняющие все пространство большой залы в мелко-раздробленном виде. Гораздо большей делимостью обладает мускус, зерно которого целые годы наполняет комнату своим запахом. Всякий запах происходить от мелкого раздробления пахучих веществ. Мореплаватели узнают за несколько верст близость Моллукских островов по тем пахучим веществам, которые наполняют их атмосферу.

(Оттуда же).

15. Гром и молния

I. Молния происходит от особой силы, которую открыли случайно. Замечено было уже очень давно, что если взять, например, какую-нибудь смолу, хоть янтарь или сургуч, и натереть её сукном, то она притягивает к себе деревянные опилки, легкие перышки и маленькие куски бумажек. Если хорошо смолу натереть и поднести к ней палец, то в темноте можно видеть, что прежде чем палец прикоснется к смоле, из нее выскочит маленькая искра. Ясно, что есть, значит, в некоторых вещах сила, которая хотя и невидима, но может быть вызвана наружу. Вот эту-то силу люди и назвали электричеством; название же такое мудреное дали потому, что на греческом языке похожим словом называется янтарь.

II. Прошло долгое время прежде чем доказали, что молния происходит от того же самого электричества. Теперь уже делают такие машины, посредством которых можно получить не только искру, но целые молнии и с громом, который опять таки не более как взрыв этой искры и сотрясение воздуха. Машины эти называются электрическими.

Хотя человек и не знает, что такое именно электричество, однако он убедился, что бывает электричество двух родов, которые между собой соединяются, или друг от друга отталкиваются; одно электричество

назвали положительным, а другое – отрицательным. Оба они между собой соединяются и дают искру; положительное же с положительным или, наоборот, отрицательное с отрицательным не соединяются никогда. Электричество, хотя и скрытое до времени, находится однако везде: в земле, воздухе и воде: то или другое, т.е. положительное или отрицательное.

Зная все это, можно легко объяснить, почему происходить молния.

III. Солнце превращает влагу в пар, который, поднимаясь вверх, образует облака; там, в облаках, всегда электричество положительное. Туча с этим электричеством подходит ближе к земле; в земле же между тем есть электричество и отрицательное, и положительное. Что же должно произойти? Мы уже сказали, что одинаковые электричества не притягиваются, а отталкиваются, разные же притягиваются. Следовательно, когда туча с положительным электричеством близко подойдет к земле, то находящееся на земле отрицательное электричество начинает притягиваться вверх и входит на высокие предметы. Тогда говорится, что предметы уже заряжены электричеством. Над местом, где много скопилось отрицательного электричества,'в туче накопляется наоборот много положительного. Когда скопится довольно электричества положительного в облаках и отрицательного в земных предметах, тогда оба эти электричества бросаются друг другу навстречу, дают сильную искру, а вслед затем потрясенный воздух оглашается громом. Если наша маленькая искра, получаемая от электрической машины, дает треск, то какой же шум должна поднять искра от облаков, которые тянутся на десятки верст? Какой величины должна быть такая искра? Как это ни трудно измерить, однако ученые дошли и до этого. Один из них однажды видел молнии в 17 верст длиной.

IV. Кто не знает силы и вреда грозы? Но трудно вообразить, как иногда убивает гроза. Были случаи, что убитые молнией тотчас же обращались в груду пепла. Один хотел укрыться под деревом; но молния ударила в это дерево, расколола дерево, и убила человека, раздела его и раскидала лохмотья. Иногда молния разрывает на куски одежду, а кожа не получает никакого вреда, а иногда бывает совсем наоборот.

Вообще никогда не следует укрываться под деревьями и быть вблизи *высоких* предметов. Мы уже говорили, что около них-то и скопляется электричество. На этом-то и основано устройство громоотводов. На высоких зданиях ставят металлические шесты и проводят их в землю. Тогда молния ударяет именно в эти шесты, и электричество проходить в землю.

16. Размышление по случаю грома [396]
Гремит!... благоговей,сын персти!
Се Ветхий деньми с небеси
Из кроткой благотворной длани
Перуны сеет по земле!
Всесильный! с трепетом младенца
Целую я священный край
Твоей молниецветной ризы
И – исчезаю пред Тобой!
Что человек? парить ли к солнцу,
Смиренно ль идет по земле:
Увы! там ум его блуждает,
А здесь стопы его скользят.
Под мраком в океане жизни
Пловец на утлой ладии,
Отдавши руль слепому року [397] ,
Он спит – и мчится на скалу.
Ты дунешь – и двинешь океаны,
Речешь – и вспять они текут:
А мы?... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Пред тайной вечностью Твоей –
Едва минутное мечтанье,
Луч бледный утренней зари.
(И. Дмитриев).
17. Труды солнышка
Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Луч погашает за лучом
И, алым, тонким облачком
Задернув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей, тем свету дай,
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвиною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей,
А тех на гнездышке согрей.
И вишням дай румяный цвет,
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.
А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.
А где под острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел,
И с ними ряд возов скрипел.
И так совсем не мудрено,
Что разгорелося оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах,
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: добрый сон!
(Жуковский).

18. Гроза

I. Полуденный воздух, накаленный знойными лучами солнца,

становился душен и тяжел. Вот и солнце спряталось. Стало темно. И лес, и дальние деревни, и трава – все облеклось в безразличный, какой-то зловещий цвет. С запада тянулось, точно живое чудовище, (жи)(рное, безобразное пятно, с медным отливом по краям, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромные крылья по сторонам. Все тосковало в природе. Коровы понурили голову; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали **,** встряхивая гривой. Пыль под их копытами не поднималась вверх, но тяжело, как песок, рассыпалась под колесами. Туча надвигалась грозно. Вскоре медленно прокатился отдаленный гул. Все притихло; как будто ожидало чего-то небывалого. Куда девались эти птицы, которые так резво порхали и пели при солнышке? Где насекомые, что так разнообразно жужжали в траве? Все спряталось и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, разделяли зловещее предчувствие. Деревья перестали покачиваться и задевать друг друга сучьями; они, выпрямились; только изредка наклонялись верхушками между собой, как будто взаимно предупреждая себя шепотом о близкой опасности. В деревне все старались убраться во время по домам. Наступила минута всеобщего торжественного молчания.

II. От лесу, как передовой вестник, пронесся свежий ветерок, повеял прохладой в лицо прохожему, прошумел по листьям, захлопнул мимоходом ворота в избе и, вскрутя пыль на улице, затих в кустах. Следом за ним мчится бурный вихрь, медленно двигая по дороге столб пыли; вот ворвался в деревню, сбросил несколько гнилых досок с забора, снес соломенную кровлю и погнал вдоль улицы петухов и кур, раздувая им хвосты. Пронесся. Опять безмолвие! Все суетится и прячется, только глупый баран не предчувствует ничего: он равнодушно жует свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядит в одну сторону, не понимая общей тревоги; да перышко с соломинкой, кружась по дороге, силятся поспеть за вихрем. Упали две-три крупные капли дождя – и вдруг блеснула молния. Старик встал с заваленки и поспешно повел маленьких внучат в избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянул гром и, заглушая людской шум, торжественно прокатился в воздухе. Испуганный конь оторвался от коновязи и мчится с веревкой в поле; тщетно преследует его крестьянин. А дождь так и сыплет, так и сечет, все чаще и чаще, и дробит в кровли и окна, сильнее и сильнее. Беленькая ручка боязливо высовывает на балкон предмет нежных забот – цветы.

(Гончаров).

19. Море

Как хорошо ты, о, море ночное!
Здесь лучезарно, там же черно!
В лунном сияньи, словно живое,
Ходит и дышит и блещет оно.

***

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдьи ночном!

***

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты...

***

В этом волненьи, в этом сияньи,
Вдруг онемев, я потерян стою,
И как охотно бы в их обаяньи
Всю потопил бы я душу свою.

(Тютчев).

20. Море и утес

И бунтует, и клокочет,
Плещет, свищет и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот!
Ад ли, адская ли сила,
Под клокочущим котлом,
Огнь геенский разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверх дном?
Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,

Ты стоишь, наш великан!
И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв...
Стой же ты, утес могучей!
Обожди лишь час другой:
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой!
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь она,
И, без вою и без бою,
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.
(Тютчев).

21. Тучи

(1840 г.)

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготить преступление?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодный, вечно свободный,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.
(М. Лермонтов).

22. Бесы [398]

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
Эй, пошел, ямщик!... «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит видно,
Да кружит по сторонам.
«Посмотри; вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещаешь снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... Что там в поле?
"Кто их знает: пень иль волк!»
Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят!
Кони снова понеслися;
Колокольчик динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре

Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...
(А. Пушкин).

23. Лесной царь

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.
«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
–Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне с густой бородой.
"О нет, то белеет туман над водой».
«Дитя, оглянися; младенец, ко мне!
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи,
Из золота слиты чертоги мои».
–Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».
«Ко мне, мой младенец! в дубраве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».
–Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
«О нет, все спокойно в ночной глубине:

То ветлы седые стоять в стороне.
«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
–Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал....
В руках его мертвый младенец лежал.
(Из немецк. поэта Шиллера в переводе Жуковского).
24. Ярко звезд мерцанье
Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.
В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.
Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.
По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.
Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.
Шапку вверх кидает,
Ловит – не глядит,
Пляшет – приседает,
Соловьем свистит.
Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор.
Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души.
(Никитин).

25. Гора

Взойди, вон, на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор,
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.
Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор, логовища лавин,
Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые холмы, поляны, леса,
И грады и села внизу под тобою;
А выше тебя – лишь одни небеса!
(Н. Языков).

26. Утро

Вверх, по недоступным
Крутизнам встающих
Гор, туман восходит
Из долин цветущих.
Он, как дым, уходит
В небеса родные,
В облака свиваясь
Ярко-золотые
И рассеиваясь.
Луч зари с лазурью
На волнах трепещет;
На востоке солнце
Разгораясь блещет.
И сияет утро,
Утро молодое.

Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!
Ни единой тучки
На лазурном небе!
Ни единой мысли
О насущном хлебе!
О, в ответ природе
Улыбнись, от века
Обреченный скорби
Гений человека!
Улыбнись природе!
Верь знаменованью!
Нет конца стремленью,
Есть конец страданью!
(Я. Полонский).

27. Вечер

И скрылась крикливая чайка!
Качается белая пена
У серого камня, как в люльке
Заснувший ребенок; как перлы,
Росы освежительной капли
Повисли на листьях каштана,
И в каждой росинке трепещет
Зари догорающей пламя.
(Я. Полонский).

28. Ночь

Веет тихо, веет сладостно
Мне дыханье ветерка;
Светят звезды в небе радостно;
Отражает их река;
И, в раздумьи, наклонилися
Ветви гибкие дерев;
И, как звезды, засветилися
Светляки среди кустов.
Дышит все святой отрадою
На земле и в вышине;
Ночь весенняя прохладою
Освежает сердце мне.
Что-то в душу чудно просится,

Проникает в глубину,
И, невольно, мысль уносится
Все туда, все в вышину!
Веет тихо, веет сладостно,
Мне дыханье ветерка;
Светят звезды в небе радостно...
Спит на дне души тоска!
(Жадовская).

29. Мир обновления

Свежесть утра, роз дыханье,
Говор светлых вод,
Гибких веток колыханье,
Ясный неба свод, –
Все мне в душу обаянье
И надежду льет.
Все печальное забыто,
Новый мир встает,
И о том, что уж прожито,
Вспомнить не дает.
Тайной силой обновленья
Дышит грудь моя,
Впредь печали и сомненью
Не отдам себя.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню –
Веру сердца, пыл молитвы
И любовь мою.
(Жадовская).

30. Уединение

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне [399] счастья и забвенья!
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,

Где парус рыбаря белеет иногда;
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты, –
Везде следы довольства и труда!
(А. Пушкин).

31. Мак ***400***

I. Все мы знаем мак и с удовольствием смотрим на красивый цветок, когда он распустится во всей своей красе. Познакомимся теперь с жизнью этого растения, с той пользой, которую он приносит людям, скажем и о том, как люди сумели употребить во вред даже и этот прелестный цветок.

Вот кустик мака: корень его толстый, и когда вырвете его из земли, то увидите, что он белый и идет веточками, – значит *ветвистый.* От корня вверх поднимается зеленый, прямой, круглый стебель, весь усаженный волосками. Листья сидят на нем по очереди, то с одной, то с другой стороны и по краям они глубоко надрезаны, так что кажется будто один и тот же лист состоит из нескольких листиков. Сверху вы видите на них волоски и жилки; снизу средняя жилка чрезвычайно ясно видна. Пожмите покрепче стебель – видите, какой идет беловатый, млечный сок. Попробуем тоже сделать с листьями – и тут такой же сок.

II. Наверху стебля и ветвей, на длинных ножках, сидят крупные, чрезвычайно красивые разных оттенков цветы. Вот несколько кустиков мака. Сколько на них больших, висящих книзу почек, точно яйца маленькой птички, только зеленые и все покрытые волосками! Некоторый почки уже несколько раскрылись и виден красный или розовый цветок, но красивее всего цветы, которые уже совсем расцвели. Одни из них ярко красные с темными пятнами, другие бледно-розовые с беленькими краями, а затем и совсем белые, разве с легким фиолетовым оттенком. А вон картинки, где цветок мака совсем отцвел, и уже висят зрелые головки: пойдем и натрясем себе вдоволь маку. Оборвите осторожно зеленое покрывало почки: видите, какой в нем скомканный цветок! ничего, – все расправится, когда он начнет распускаться. Вот эти два зеленые листика, которыми обтянут цветок, называются *чашечкой.* Но куда же девались эти листики или *чашечка* у расцветшего мака? Когда солнышко согрело растение, а дождь и роса смачивали сухую землю, цветок рос все больше и больше; скоро ему стала тесна, да и надоела его душная темница. Он высунулся из окошка, сильно потянул в себя пищу из земли, окреп, выпрямился и сбросил с себя последние цепи. *Чашечка* (т.е. два зеленые

листика) опала, засохла, а ветер разметал ее по белому свету.

III. Теперь возьмем совсем расцветший цветок мака и будем считать листики цветка; их четыре. Листики в каждом цветке, в отличие от тех, которые вы видите на ветвях и на стволе разных растений, называются *лепестками.* Теперь мы знаем, что у цветка мака четыре *лепестка* , а все лепестки вместе называются *венчиком* цветка. Скажите мне, какой венчик мака! *Лепестки* мака крупные, сидят попарно один против другого, а та пара, что внутри, меньше наружных.

Оборвем все четыре лепестка: мы видим множество темных нитей, которые на конце немного толще. Эти нити называются *тычинками,* а кончики этих тычинок, что потолще – *пыльниками.* Между *тычинками* в самой середине, как пуговка, сидит *пестик.* Видите ли, сверху *пестика* точно звездочка – эта часть пестика называется *рыльцем.* Если сосчитаем черные лучи звездочки и потом срежем все рыльце, то мы найдем внутри столько перегородок, сколько насчитали лучей.

Когда цветок отцветет, т.е. когда лепестки и тычинки отпадут, пестик мака (та часть, которая сидела между тычинками) начинает все более и более разрастаться, так что скоро превращается в довольно большую головку. Внутри головки находится множество семян. Когда эти семена совершенно созреют, они сами выпадут через дырочки, которые находятся под крышечкой головки. Мак в деревнях сеют оттого, что где его ни бросишь горсти две, его вырастет множество, и уже много лет потом он сам сеется.

IV. Чего только не делают из семян мака! Из него можно выжимать масло, печь и жарить на этом масле, вместо коровьего, булки, рыбу и разные печенья в постные дни. Его растирают в ступке, делают из него молоко и пьют с чаем и кофе, едят с кашей и киселем. – Маком обсыпают булки и крендели. В каждой лавке продаются маковники – мак, вареный в меду. Но детям не нужно бросаться на эти маковники: у них от меду выступает сыпь на теле, появляются и другие болезни. Как ни плохи маковники, они все-таки не так вредны, как маковый сок, что дают грудным детям в деревнях, когда они блажат, а родителям некогда с ними возиться. Дитя действительно успокаивается, засыпает и долго, долго спит после этого. Но когда оно просыпается, то уже не воркует по-прежнему как голубок, а полуоткрытыми глазами смотрит вяло, безжизненно – точно оно еще не совсем проснулось, плохо ест и скоро опять засыпает. Матери обыкновенно радуются, что дитя так много и спокойно спит, но чем чаще дают ему соску с маковым снадобьем, тем более ребенок теряет аппетит и слабеет; наконец у него пухнет головка, страшно худеет все

тело, а живот толстеет, и дитя засыпает навеки. Мать удивляется, отчего умер ее ребенок в то время, когда он был так покоен: ей не понять, что *этот покой она купила ценой ее жизни!* Когда крепкий и здоровый ребенок выживает при этом, то и тут еще немного радости: он навеки останется хилым, болезненным человеком.

Есть страны, где маком засевают целые огромные поля. Когда головки еще не совсем созрели, их надрезают и оттуда вытекает молочный сок; на воздухе сок этот твердеет и называется опиумом. Когда больной лежит в страшных страданиях и ни минуты не может спокойно уснуть, опиум служит благодетельным средством, доставляя ему сон. При очень многих болезнях желудка с большой пользой дают опиум. Но что помогает больному, то часто отравляет здорового. В этой же самой стране, где приготовляют опиум, есть множество людей, которые пьют его и курят без всякой меры. Начинают употреблять его обыкновенно понемногу, но чуть увеличивают приемы, человек привыкает к нему, и привычку эту впоследствии почти невозможно победить. Вы конечно спросите: да что же так тянет человека к этому горькому опиуму? После его приема он на время становится необыкновенно весел, забывает все свое горе, все труды и заботы, часто не чувствует страшной болезни, которая его перед тем мучила. Вначале, со свежей головой, он чрезвычайно легко все соображает, потом засыпает, и его прельщают очаровательные сны. Люди, пьющие опиум, страшно платятся целую жизнь за несколько минут наслаждения! За возбужденным состоянием следует полное ослабление сил. Те, которые много лет принимали опиум, возбуждают в других ужас и отвращение: их лица искажены постоянными судорогами, которые сводит им руки и ноги, глаза их дико бегают и сверкают, колени трясутся; от потери аппетита такой человек превращается в скелет, и на его до омерзения истощенном и исхудалом лице, трясется каждая жилка. Но хуже всего для него то, что он отлично понимает, до чего себя довел и чувствует, что он всем людям в тягость.

(Из «Русск. жизни и природы» Водовозовой).

32. Мои садик

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых тень...
Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки

Возвышает мак один,
Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку
Всю поросшую травой...
Но люблю я садик скромный;
Он душе моей милей
Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.
И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
В круг черемухи жужжат.
(Плещеев).
33. Роза
«Роза, весенний цвет,
Скройся под тень
Рощи развесистой;
Бойся лучей
Солнца палящего,
Нежный цветок!»
Так мотылек златой
Розе шептал.
Розе невнятен был
Скромный совет;
Роза пленяется
Блеском одним!
«Солнце блестящее
Любит меня.
Мне ли, красавице,
Тени искать?»
Гордость безумная!
Бедный цветок!
Солнце рассыпало
Гибельный луч:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запах исчез!

(Жуковский).

34. Анчар

В пустыне чахлой и скупой,
На почве зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит один во всей вселенной.

***

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

**

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зноя,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

***

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет, лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

***

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

***

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.
Принес он смертную смолу,
Да ветвь с увядшими листами, –
И пот по бледному челу
Струится хладными ручьями.

* *

Принес – и ослабел, и лег
Под сводом шалаша, на лыки –
И умер бедный раб у ног

Непобедимого владыки.
***
А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.
(А. Пушкин).
35. Цветок
Весело цветики в поле пестреют,
Их по ночам освежает роса;
Днем их лучи благодатные греют,
Ласково смотрят на них небеса.
С бабочкой пестрой, с гудящей пчелою,
С ветром им любо вести разговор;
Весело цветикам в поле весною,
Мил им родимого поля простор!
Вот они видят: в окне за решеткой,
Тихо качается бледный цветок...
Солнца не зная, печальный и кроткий,
Вырос он в мрачных стенах – одинок.
Цветикам жаль его, бедного, стало,
Хором они к себе брата зовут:
– Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стены, зачахнешь ты тут.
«Нет, – отвечал он, – хоть весело в поле,
И наряжает вас ярко весна;
Но не завидую вашей я доле,
И не покину сырого окна.
Пышно цветите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливых людей;
Я буду цвесть для того, кто судьбою
Солнца лишен и полей.
Я буду цвесть для того, кто страдает.
Узника я утешаю один.
Пусть он, взглянув на меня, вспоминает
Зелень родимых долин».
(А. Плещеев).
36. Речи цветов
I. Издавна было на земле много людей бедных, обремененных

нуждами и сокрушающихся о том, как им век прожить, чем прокормиться, во что одеться. Много, очень много таких людей и теперь. Им не мало говорят полезного иные люди, и не всегда без пользы. Не скажут ли им чего-нибудь и весенние цветы?

О, да, – они многое скажут им, если кто из бедных охотно их послушает; они уже издавна к ним говорят!

«Бедные, жалкие люди, вот что говорят цветы, – бедные, суетные люди! Зачем вы так сокрушаетесь о том, как вам век прожить, чем прокормиться, во что одеться? Посмотрите получше на нас! Вот мы нынче цветем, а завтра нас пожалуй сорвет кто-нибудь, либо потопчет. А между тем Господь заставляет землю и нас поить – кормить, и нас одевает. Да иные из нас так одеваются, что и вельможи, и сами цари ваши не смогут иметь такой одежды. Маловерные! Неужели Отец небесный меньше о вас заботится, чем о нас? – Нельзя совсем не думать о пропитании, об одежде, о себе и семье своей; надобно для этого трудиться, надобно об этом и молиться. Но не об этом *больше всего* думать, не для этого больше всего трудиться, не об этом прежде всего молиться! Молитесь прежде: «да приидет царствие Твое, Господи, да будет воля Твоя».., а потом уже и о хлебе насущном. Будете искать прежде всего царствия Божьего и правды его, будете больше всего стараться быть людьми верующими и благочестивыми – даст вам Господь и все остальное, что необходимо. Душа не дороже ли пищи и одежды? Если станете заботиться больше всего о душе своей, то Господь и пропитает вас, и оденет вас, помогая вам в трудах ваших, – как и нас питает, и нас одевает».

Эти речи цветов, уже истолкованы нам самим Спасителем (Лк. 12:27). Поучительные, утешительные речи!

II. Не мало на земле издавна было и богатых людей, т.е. не только имеющих в достатке, чем прокормить и одеть себя и чем воспитать детей своих, но еще имеющих избыток, иногда далеко превосходящий меру должного достатка. Такие люди – не все, но очень многие – часто бывали и бывают горды, живут изо дня в день в свое удовольствие, о будущем заботятся мало, о других людях, не имеющих достатка, еще меньше.

Что говорят таким людям цветы?

– «Гордые, богатые люди, жалкие люди! Что вы гордитесь вашим богатством, что вы величаетесь вашими палатами, да вашими пирами, да вашими нарядами? Посмотрите лучше на нас! Видите, как многие из нас разубраны? Что значат ваши шелковые и бархатные одежды перед нашими дивными тканями, что все ваши искусственные мертвые цветы перед

нашей живой красотой? А вот, быть может, сегодня же вечером мы уже не будем более цвести; быть может не сегодня, так завтра надломит нас играющей рукой дитя или подрежет острой косой трудящийся крестьянин и – поникнут наши разубранные головки, побледнеют наши краски, засохнуть ниши чудные, живые ткани. Вспомните, подобное и с вами может статься!.. Что же вы гордитесь, что величаетесь, зачем забываете о том, что и вам прежде всего нужно помнить? – Ах, трудно вам, богатые, войти в царствие Божье! Чем больше у вас избытка, тем больше у вас искушений... Но невозможное для одних сил людских возможно при помощи самого Господа. Молитесь же, молитесь Ему, жалкие, неразумные люди, гордящиеся богатством своим! Молитесь, чтобы Он помог вам употреблять ваши избытки не на собственные пустые прихоти, не на удовольствия нечистые, а на служение Ему Самому – в лице тех, у кого нет достатка! Думайте почаще о душе своей, заботьтесь побольше всего душой своей о нуждающихся ближних ваших – и Господь милосердый и вас помилует, и вас облечет светлой небесной одеждой праведности, которая несравненно светлее и ваших и наших земных одежд»!

Эти речи также отчасти уже объяснены нам – еще ветхозаветным пророком Божьим (Псал.89:5,6). Речи грозно–поучительные, но опять и отрадные!

37. Нива

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь – повсюду рожь густая!
Иду – с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо...
Иду и наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день,
О, Божья благодать!., о, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я – на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;

Вон – на заре стучат проворные цепы:
В амбарах воздух полн и розана, и меда;
Везде скрипят возы; средь шумного народа
На пристанях кули валятся; вдоль реки,
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влаге ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, –
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленые зерна
Пустили свежие ростки свои проворно –
О, дай нам солнышка! Пошли Ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать,
И позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!
(Майков).

38. Вода и лес

Полная красота всякой местности состоит в соединении воды с лесом. Природа так и поступает: реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом или кустами. Исключения редки. В соединении леса с водой заключается другая, великая цель природы. Леса – хранители вод: деревья закрывают землю от палящих лучей летнего солнца, от иссушительных ветров: прохлада и сырость живут в их тени и не дают иссякнут текучей или стоячей влаге. Убыль рек, в целой России замечается, происходит, по общему мнению, от истребления лесов.

(Аксаков).

39. Чернолесье

Все породы деревь, теряющие свои листья осенью и возобновляющие их весной, как-то: дуб, вязь, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другие, называются черным лесом или чернолесьем. К нему принадлежать ягодные деревья: черемуха и рябина, которые достигают иногда значительной вышины и толщины. К чернолесью же надобно причислить все породы кустов, которые также теряют зимой свои листья: калину,

орешник, жимолость, шиповник и проч.

По большей части чернолесье состоит из смешения разных древесных пород, и это смешение особенно приятно для глаз; но иногда попадаются места отдельными гривами или колками, где преобладает какая-нибудь одна порода: дуб, липа, береза или осина, растущие гораздо в большем числе, в сравнении с другими древесными породами, и достигающие объема строевого леса. Когда разнородные деревья растут вместе и составляют одну зеленую массу, то все кажутся равно хороши, но в отдельности одни другим уступают. Хороша развесистая, белоствольная, светло-зеленая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвета, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русский народ. Хорош и клен с своими лапами и листами; высок, строен и красив бывает он. Коренаст, крепок, высок и могуч, в несколько обхватов толщины у корня, бывает многолетний дуб, редко попадающейся в таком величавом виде; мелкий же дубняк не имеет в себе ничего особенно привлекательного: зелень его темна или тускла, вырезные листья, плотные и добротные, выражают только признаки будущего могущества и долголетия.

(С. Аксаков).

40. Краснолесье

Все породы дерев смолистых, как-то: сосна, ель, пихта и проч., называются красным лесом, или краснолесьем. Отличительное их качество состоит в том, что вместо листьев они имеют иглы, которых зимой не теряют, а переменяют их исподволь, посте- пенно , весной и в начале лета; осенью же они становятся полнее, свежее и зеленее, следовательно встречают зиму во всей красе и силе.

Лес, состоящий исключительно из одних сосен, называется бором.

Красный лес любит землю глинистую, иловатую, а сосна – преимущественно песчаную; на чистом черноземе встречается она в самом малом числе, разве где-нибудь по горам, где обнажился суглинок и каменный плитняк.

(С. Аксаков).

41. Рубка леса

Сколько тут было кудрявых берез!
Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели;
Там поднимался дубок молодой;
Птицы царили в вершине лесной;

По низу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились –
Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал – и вон побежал;
В темную нору забилась лисица;
Машет крылом осторожнее птица.
В недоуменьи тащат муравьи,
Что ни попало, в жилищи свои.
С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился;
С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк;
Старую сосну сперва надрубали,
После арканом ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла по плотней.
Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.
Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин;
Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы
И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,
И над поверженным лесом луна
Остановилась кругла и ясна
Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали;
Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном,
Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает,
Праздно лежащим оружьем звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!
Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;
Низко летали, вились колесом

Совы шарахаясь о земь крылом;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да как безумная галка кричала.
(Некрасов).

42. Почвы

I. Верхний слой земли, в котором распространяются корни растений, называется *почвой.* Она состоит из смеси минеральных частиц и перегноя листьев, корней, костей и т.п.

Почвы бывают песчаные, глинистые, известковые, рухляковые, болотные, или торфяные и лучшие черноземные. Бывают и смешанные: суглинок и супесок, т.е. почва с малой или большой примесью глины либо песку.

II. Каждый сорт хлебов любит свою почву и тем охотнее растет, чем больше находит в ней питательных соков. Так на песчаной почве лучше родится рожь, а на супеске растет еще охотнее: песчаная почва скоро и сильно нагревается и долго остается теплой; в супеске глина дольше задерживает влагу и не так скоро сохнет. На глинистой почве лучше родится пшеница, а если в ней есть примесь извести, то – ячмень и овес; в суглинке же, где глины и песку поровну, – всего скорее и лучше вырастает ячмень, но и другим хлебам в нем меньше опасности: это самая лучшая почва.

Чернозем для всех благодетель: тяжелые глинистые почвы он делает рыхлее и легче, песчаные, т.е. легкие и рассыпчатые, податливые на дождях и ветрах, чернозем делает связными, – и все улучшает. Для пшеницы это самая благодатная и любимая почва.

Болотные почвы для хлебов не годятся и требуют для превращения в пахотные поля продолжительных, усиленных и усердных хлопот и великих трудов.

Если след сохи, нарезая борозды, лоснится, и на пашне остаются глыбы, которые так и засыхают и не рассыпаются, и земля прилипаешь к ногам, – то почва глинистая. Если глыбы сами собой крошатся, – то земля известковая. Когда всего этого незаметно, то почва легкая, песчаная или супесок.

III. Подмесь недостающих веществ в почве приносит большую пользу и иногда неизбежна. Делали наблюдения над овсом и заметили, что без извести растение умерло уже при образовании второго листа; без железа оно оставалось очень бледным, слабым и неправильным; без фосфора овес развился правильно, но был слаб и не дал зерна. Когда овес питался железом, то поражал темно-зеленым цветом, сильным ростом и

надлежащей твердостью.

Есть и пословица: «всякому зерну своя борозда», т.е. всякому растению требуется своя почва и своя пища.

Беловатая почва означает присутствие извести, желтоватая и красноватая – железа; темно-коричневая или черная – чернозем. На глинистой почве дождевая вода застаивается, а на песчаной или известковой проходить насквозь; на бесплодной, где много песку, вода получает вид сыворотки.

Деревья и другие растения любят каждое свою почву и обходят другие: ива, береза, сосна, подорожник и гвоздика любят песчаную почву; пырей, тимофеева трава – глинистую; шалфей, клевер, можжевельник и ясень – известковую. Если хорошо растет осока и другие кислые травы, криво вырастает береза и ольха, – то почва болотная. Это может быть указанием при первоначальном посеве хлебов.

Навоз пахотный – земле и хлебу пища. Всего более хлеб любит навоз коровий. Этот навоз жиже, медленнее перегнивает и бродит.

Холодные и глинистые почвы освежаются лучше навозом коневьим. Этот навоз силен и горяч; скорее других начинает перегорать и рассыпаться в пыль. За ним должен быть усердный присмотр. На сухих и песчаных полях коровий навоз – плохой слуга, равно и навоз овечий. Свиной навоз прежде хвалили, но теперь убедились, что он не лучше других.

Хороши все сорта навоза, когда перемешаны: чего недостает одному, добавляет другой. Конский с коровьим медленнее загорается и рассыпается.

IV. Чем дольше стоит скот в хлевах **,** тем больше навозу; чем ему там теплее, тем навоз лучше: подстилка больше вберет в себя навозной жидкости. Догадливые хозяева прибавляют к постилке хвою, листа, подсыпают и землю. Но чем дольше держится скот на навозной грязи, и чем сильнее гниет и бродит подстилка, тем скоту хуже и опаснее. Надо искать середины, соображать время, не лениться, пойти да посмотреть.

Если крепко пахнет в хлеве навозом, – надо выгребать навоз в яму; яму прикрывать, чтобы не жгло солнце, не разжижал снег или дождь. Если появится плесень, – значит он пересох и перегорел; надо облить его навозной жижей и прикрыть тонким слоем 8емли. Словом, надо глядеть, чтобы навоз не прогорал снизу и жижа не уходила бы в землю. Опытные хозяева для этого роют ямы в глиннике: он не пропускает сквозь себя воду.

(Максимов).

43. Сев и бороньба

Как только провяла земля, начались полевые работы, то есть, посев ярового хлеба, и отец стал ездить всякий день на пашню. Всякий день я просился с ним, и только один раз отпустила меня мать. Вид весенних полей скоро привлек мое внимание, и радостное чувство овладело моей душой. Поднимаясь от гумна на гору, в увидел, что все долочки, которые тянулись по скатам крутых холмов, весело зеленели сочной травой, и были осыпаны розовыми цветочками, издававшими сильный ароматический запах. На горах расцветала вишня и дикая акация или чилижник. Жаворонки так и рассыпались песнями вверху; иногда проносился крик журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнеп; стрепета поднимались с дороги и тут же садились. Не один раз отец говорил: «жалко, что нет с нами ружья». Это был особый птичий мир, совсем непохожий на тот, который под горой населял воды и болота, и он показался мне еще прекраснее. Тут только, на горе, почувствовал я неизмеримую разность между атмосферами внизу и вверху! Там пахло стоячей водой, тяжелой сыростью, а здесь воздух был сух, ароматен и легок; тут только я почувствовал справедливость жалоб матери на низкое место в Багрове. Вскоре зачернелись полосы вспаханной земли, и, подъехав, я увидел, что крестьянин, уже не молодой, мерно и бодро ходил взад и вперед по десятине, рассеивая вокруг себя хлебные семена, которые доставал он из лукошка, висящего у него через плечо. Издали за ним шли три крестьянина за сохами; запряженные в них лошадки казались мелки и слабы, но они, не останавливаясь и без напряженного усилия взрывали сошниками черноземную почву, рассыпая рыхлую землю направо и налево, разумеется не новь, а мякоть, как называлась там несколько раз паханная земля; за ними тащились три бороны с железными зубьями, запряженные такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свежесть, все люди были в одних рубашках, босиком и с непокрытыми головами. И весь этот, по-видимому, тяжелый труд производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущиеся фигуры людей и лошадей, я забыл окружающую меня красоту весеннего утра. Важность и святость труда, которых я не мог тогда вполне ни понять, ни оценить, однако глубоко поразили меня. Отец пошел на вспаханную десятину, стал что-то мерить своей палочкой и считать; а я – оглянувшись вокруг себя, и увидя, что в разных местах много людей и лошадей двигались также мерно и в таком же порядке взад и вперед, – я крепко задумался, сам хорошенько не зная о чем. Отец, вернувшись ко мне и найдя меня в том же положении, спросил:

«что ты, Сережа»? Я отвечал множеством вопросов о работающих крестьянах, и мальчиках, на которые отец отвечал мне удовлетворительно и подробно.

(С. Аксаков).

44. Хлеб растет

Стелется по полю рожь колосистая. Если посмотреть на нее, когда пройдет по ржаному полю вольный ветер и начнешь шевелить стеблями и наклонять колосья, глазам легко обмануться: ржаное поле кажется морем, по зеленому ковру его как будто бегут серебряные волны. Вид этот тем обманчивее, чем гуще заросло поле. Во ржи колос составляет со стеблем одно, поэтому и волнение ржаного поля, равномерно колеблемого ветром, напоминает волнение моря, временами до полного обмана. Но зато, как красивы те поля, на которых выросли хлеба с цветами, не в колосьях, а метелками, каково, напр., овсяное! Когда тихий ветерок слегка колеблет стебли еще зеленого или полудозревшего овса, в нем в это время являются чудные, нежные волнистые отливы, особенно если поле освещено светом, противоположным направлению наших глаз. В таких случаях овсяные поля представляют одну из редкостных и красивых картин в природе. Для большей полноты ее и прелести природа озаботилась снабдить хлебные поля такими цветами, которые окрашены самым нежным голубым цветом, редко встречающимся на других цветах. Это васильки, без которых никогда почти не растет рожь, и сами васильки почти исключительно любят садиться и красоваться лишь на хлебных полях. Очарователен голубенький василек: солнечный луч здесь тот чародей, который приготовляет и наводит краски и привлекает к себе, на тепло и пригреву, и самый стебель из земли. Солнце затем поднимает выше и ближе к себе растение, чтобы свободнее оживлять и лелеять его. В тени, без света, в густой темноте растение хилеет и слабеет; под теми лесами, которые дают длинную и долгую тень, оно вовсе не растет, да там и хлебных растений не сеют. Крестьяне говорят, что под увеем, т.е. на всем том месте, на котором лежит тень от восхода до заката солнца,"под увеем хлеба не растет».

В тепле и свете с растением творятся чудеса роста: из одного хлебного зерна вырастают десятки и сотни зернышек. У нас, даже на холодном севере, посеянный ячмень на пятой неделе колосится, на десятой его жнут, тогда как в Германии для полного роста вместо 10 ему надобно от 14 до 16 недель. Все это оттого, что на севере длинные дни, в течение которых солнышко не сходит с неба, не закатывается.

(С. Максимов).

45. Как живут и питаются растения?

В каждом растении есть узкие волокнистые канавки, и когда земля влажна, т.е. когда она напоена водой, то вода поднимается вверх по этим канавкам и разливается по всему растению, по стволу, ветвям, листьям и т.д. Вместе с водой растение всасывает в себя из земли и другую пищу, разные вещества, находящиеся в земле, которые вода растворяет.

Из этого видно, что растение питается, как человек и животное, хотя у него (.....) только пища у растения другая, нежели у животного, и потом оно иначе ее и ест, но также, как люди и животные, без пищи жить не может.

Когда долго нет дождя, и земля высохнет, то растения, не находя в почве воды для своего питания, не могут извлечь пищи, вянут, засыхают и погибают, но стоит только упасть обильному дождю, и растения если еще не совсем умерли, тотчас оживают, зеленеют, принимают веселый вид, и тотчас радостно перешептываются с вольным ветерком.

Канавки у растений, благодаря которым травы и деревья могут питаться и жить, так узки, что их можно разглядеть только сквозь увеличительное стекло.

(С. Крамшти́ка).

46. Конь

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей:
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей;
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь – и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.
Сам, как ветер: круг ли встанет
На пути? отважный прянет –
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? – мигом,
Он широким перепрыгом
Через них – и был таков!
Веселися, конь ретивый!

Щеголяй избытком сил!
Не на долго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Не на долго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые...
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!
Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно – верными шагами
Ты пойдешь под седоком.
(Языков).

47. Журавль

I. Журавль, так сказать, самая видимая, всем известная, мало укрывающаяся, отлетная птица. Он живет и в речи, и в пословицах, и в приметах народных. Длинношеего или длинноногого человека как-раз прозовут журавлем; не желая менять верное малое на неверное большое, говорят: «не сули журавля в небе, а дай синицу в руки». Выражение «в небе» уже показывает высоту журавлиного полета. Кто не слыхал их пронзительного *курлыканья,* похожего на отдаленные звуки валторн [401] и труб, падающего с неба, с вышины, недоступной иногда глазу человеческому? Весело слушает крестьянин весной эти звуки и верит им, хотя бы стояла холодная погода: эти звуки обещают близкое тепло; зато в жаркие дни, какие изредка бывают у нас в исходе августа и даже в начале сентября, крик высоко летящих журавлей наводит грусть на его сердце: «быть рано зиме», говорит он, – «журавли пошли в поход», – и всегда почти верно бывает такое предсказание.

Полет и крик журавлиный имеют в себе что-то привлекательное. Иногда станица их очень долго кружится на одном месте, с каждым кругом забираясь все выше и выше, так что наконец не увидит их глаз, и только крик, сначала густой, резкий, зычный, потеряв свою определенность, доходит до нас в неясных, мягких, глухих и вместе приятных звуках.

Вообще журавли весной прилетают не рано, позднее другой дичи, и сейчас разбиваются на пары. Осенью отлегают, собравшись предварительно в большие стаи, в весьма различные сроки – иногда в начале августа, иногда в исходе сентября; летят всегда днем. Они никогда не летят кучей, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого по большей части гораздо длиннее. Такой неправильный треугольник летящих журавлей очень верно называют на юге России «журавлиный ключ», потому что он имеет совершенное сходство не с нашими железными немецкими ключами, а с простым, самодельным, деревянным ключом, которым запираются и задвигаются деревянные же внутренние засовы клетей и амбаров. Впрочем изредка полет журавлей представляет фигуру тупого и почти равностороннего треугольника.

II. Вообще журавль довольно осторожная птица, и к журавлиной стае подъехать и даже подкрасться очень мудрено; но в одиночку или в паре, особенно если найдешь их около тех мест, где они затевают гнездо, журавли гораздо смирнее, и на простой телеге или охотничьих дрожках иногда можно подъехать к ним в меру ружейного выстрела. Обыкновенным образом стрелять журавлей очень трудно и мало убьешь их, и надобно употреблять для этого особенные приемы и хитрости, т.е. подкрадываться к ним из-за кустов, скирдов хлеба, стогов сена и пр. Можно также, узнав предварительно, куда летают журавли кормиться, где проводят полдень, где ночуют и через какие места пролетают на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное место и ожидать в нем журавлей на перелете, на корму или ночевке; ночевку журавли выбирают на местах открытых, даже иногда близ проезжей дороги; обыкновенно все спят стоя, заложив голову под крылья, вытянувшись в один или два ряда и выставив по краям одного или двух сторожей, которые только дремлют, не закладывая голов под крылья, дремлют чутко, и как скоро заметят опасность, то зычный [402] , тревожным криком разбудят товарищей, и все улетят.

III . Журавль – сильная птица; но к этой силе присоединяются особенные оборонительные оружия, которыми снабдила его природа; они состоят в крепости костей его крыльев, удар которых ужасно силен, в длинных ногах и крепких пальцах, с твердыми когтями, и, наконец, в довольно длинном, очень крепком и остром клюве. При помощи такого оружия, легко раненый журавль делается опасной птицей для охотника и собаки, если они вздумают неосторожно его схватить. Сначала подстреленный журавль бежит прочь и очень шибко, так что без собаки трудно догнать его; скорость своему бегу придает он подмахиванием

крыльев или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, он на всем бегу бросается на спину, начинает защищаться ногами и носом, проворно и сильно поражая противника. Я видел печальные следствия такой обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку; и тот и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненого журавля.

IV. Когда журавль серьезен и важно расхаживает по полям, подбирая попадающийся ему корм всякого рода, в нем нет ничего смешного; но как скоро он начнет бегать, играть, приседать и потом подпрыгивать вверх с распущенными крыльями, то нельзя без смеха смотреть на его проделки; до такой степени нейдет к нему всякое живое и резкое движение! Несколько журавлей, выплясывающих друг перед другом, способны заставить расхохотаться всякого несмешливого человека. Разумеется, такие сцены можно видеть или издали, или подкравшись так осторожно, чтобы журавли не приметили человека.

(С. Аксаков).

48. Ерш

I. Имя ерша очевидно происходить от его наружности: вся его спина, почти от головы и до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединенными между собой тонкой, пестрой перепонкой; щеки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытащишь его из воды, то он имеет способность так растопырить свои жабры, так взъерошить свой спинной хребет и загнуть хвост, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз его увидел человек.

II. Складом своим ерш совершенно сходен с окунем, хотя никогда не питается рыбой. В реках средней полосы России он не бывает и четырех вершков длиной, но в Петербурге, в устье Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я сам видал их в пять вершков длиной. Слыхал также об огромных ершах сибирских. Ерш имеет необыкновенно большие, на выкате, темно-синие глаза; от самой головы, как я уже сказал, идет у него жесткий гребень, почти в вершок вышиной, который он может поднимать и опускать; он оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это место занято у него другим небольшим гребешком, уже мягким, похожим на обыкновенное плавательное рыбье перо; ерш колется, как окунь, если взять его неосторожно; он весь пестрый, кроме брюшка, но пестрины эти какого-то темного цвета; он весь блестит зеленовато-золотистым лоском, особенно щеки; кожа его покрыта густой слизью в таком изобилии, что ерш превосходит в этом отношении линя и налима.

Хвост и верхние перья пестроваты, нижние перья беловато-серые.

III. Ерши водятся только в чистых водах, и в большом количестве в реках песчаных и глинистых, также и в озерах, заливаемых полой весенней водой. Где ершей много и они крупны, там уженье их необыкновенно изобильно и приятно; клюют гораздо жаднее со дна, чем на весу; удочки для них употребляются средние.

(С. Аксаков).

49. Заяц

I. Наружность зайца известна всем, но он имеет в себе замечательную способность: это – устройство его задних ног, которые гораздо длиннее, толще, сильнее передних и снабжены необыкновенно эластическими [403] крепкими, сухими жилами. Отсюда происходит диковинная легкость прыжков, иногда имеющих в длину до трех аршин, и вообще чудная резвость заячьего бега. Присев на задние ноги, т.е. сложив их на сгибе, упершись в какое-нибудь твердое основание, заяц имеет способность с такой быстротой и силой разогнуть их, что буквально бросает на воздух все свое тело; едва обопрется он о землю передними лапками, как уже задние, далеко перепрыгнув за передние, дают опять такой же толчок, и бег зайца кажется одной линией, вытянутой в воздухе. Без сомнения, быстроте прыжков много способствует крепость спинного хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бежать под гору и, наоборот, очень ловко – на гору или в гору. Первого он всегда избегает; но, вынужденный иногда к тому преследованием врагов, преимущественно борзых собак, он нередко скатывается кубарем с вершины до самой подошвы горы. Заяц не ходит, а только прыгает; он даже не может стоять вдруг на всех четырех ногах: как скоро он останавливается на своем бегу, то сейчас присядет на задние ноги, – так они длинны. Он особенный мастер вдруг сесть на всем бегу, и охотники говорят, что заяц садок. Надобно еще заметить, что шея у зайца не повертывается, и он не может оглянуться назад; услыхав какой-нибудь шум сзади или сбоку, он упирается на задние ноги, перекидывает всего себя в ту сторону, откуда послышался шум, садится на корточки, как сурок, и насторожит свои длинные уши. Зайцы положительно травоядные животные, хотя имеют очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмут их в руки неловко: живого зайца должно всегда держать за уши и за задние ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ей, также древесными листьями, всякими хлебными посевами и особенно любят озимь. Зимой гложут они древесную кору предпочтительно молодых осин и таловых [404] кустов, а в степях всякую травяную ветошь [405] , разгребая для того своими лапками

довольно большие снежные сугробы. Плодовые сады могут жестоко пострадать от зайцев в продолжение зимы, если не будут взяты известные предохранительные меры.

II. Заяц – самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всех торопливых его движениях и утверждена русской пословицей: «труслив, как заяц». Мне самому случалось видеть, как он дрожит, сидя в своем логове, слыша какой-нибудь приближающийся шум и готовясь вскочить каждую минуту. Он по справедливости боится и зверя, и птицы, и только ночью или по утренним и вечерним зарям выходит из своего дневного убежища, встает с логова; ночь для него совершенно заменяет день; в продолжение ее он бегает, ест и жирует, то есть резвится и вообще исполняет все требования природы; с рассветом он выбирает укромное местечко, ложится и с открытыми глазами, по особенному устройству своих коротких век, чутко дремлет до вечера, протянув по спине длинные уши и беспрестанно моргая своей мордочкой, опушенной редкими, но довольно длинными белыми усами. В долгие осенние и зимние ночи заяц исходит особенно по открытым полям и горам несколько верст, что каждый охотник, сходивший русаков по маликам [406] , изведал на опыте.

III. Русский народ называет зайца косым. Его глаза, большие, темные, на выкате – не косы: это знает каждый; но, будучи пуглив, тороплив и не имея способности оглядываться, он набегает иногда прямо на охотника или на пенек; оторопев, круто бросается в другую сторону и опять на что-нибудь набегает. Вероятно, вследствие таких неловких движений назвали его косым, и даже человека, пробежавшего второпях мимо того предмета, который он ищет, или забежавшего не туда, куда следует, приветствуют шуточным восклицанием: «Эх, ты, косой заяц», или: «Куда забежал скосу?» К тому же заяц, сидя на логове, закатывает под лоб иногда один глаз, иногда и оба; вероятно, это дремота, но при первом взгляде заяц покажется косым.

Зайцев истребляют все, кто может: волки, лисы, дворные и легавые собаки, которые сами собой ходят охотиться за ними в лес, даже горностаи и ласки. Но, кроме врагов, бегающих по земле и отыскивающих чутьем свою добычу, такие же враги их летают и по воздуху: орлы, беркуты, большие ястреба готовы напасть на зайца, как скоро почему-нибудь он бывает принужден оставить днем свое потаенное убежище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степным кустарником (разумеется в чистых полях), то непременно и там увидит его зоркий до невероятности, черный беркут (степной орел),

огромнейший и сильнейший из всех хищных птиц, похожий на копну сена, почерневшую от дождя, когда сидит на стогу или на сурчине – увидит и, зашумев, как буря, упадет на бедного зайца внезапно из облаков, унесет в длинных и острых когтях на далекое расстояние и, опустясь на удобном месте, съест почти всего, с шерстью и мелкими костями. Мало этого; даже ночью сторожат зайцев, на мирных гулянках, большие совы и филины. Мне рассказывали охотники, что совы и филины ловят по ночам зайцев следующим образом: они подстерегают их на тропах; одной ногой сова вкогтится в зайца, другой ухватится за ветку куста или дерева и, таким образом, держит его до тех пор, пока он не выбьется из сил; тогда сова вкогтится в него и другой лапой и окончательно задушит.

(С. Аксаков).

50. Золото и железо

1. Сходство **.**И золото и железо – металлы. И золото и железо находят в недрах земли: очень редко находят их в чистом виде, а почти всегда в виде руды, т.е. с примесью других веществ. Как золото, так и железо добываются в рудниках рудокопами, плавятся и не горят. Оба металла мягки и ковки; они тяжелее воды. И золото и железо приносит пользу человеку.

*2. Различие.*Золото встречается в земле не только в виде руды, но и в виде россыпей; этого не бывает с железом. Золото плавится легче железа, а железо куется лучше золота. Золото употребляется на выделку монет и различных украшений, а железо на различные полезные изделия. Из золота не делают вещей, не добавляя к нему другого металла; из железа же приготовляются различные изделия, без всякой к нему подмеси; поэтому на железа не выставляют пробы, а на золотых вещах всегда есть проба. Золото полируется гораздо лучше железа и больше его блестит. Фунт железа стоит около пяти копеек, а фунт золота пятьсот рублей, значит, золото почти в десять тысяч раз дороже железа. Золотом покрывают другие металлы, а железо не имеет такого назначения. В природе встречается вода, в которой есть железо; но нет такой воды, в которой было бы золото. Мы знаем три вида железа: чугун, полосовое железо и сталь; золото не производит различных видов при переработке. Железо не только гораздо доступнее человеку, чем золото, по цене, но и совершенно необходимо, между тем как без золота человеку легко обойтись. Золото – желтое, а железо – черное; железо тверже и более упруго, чем золото. Золото не ржавеет, а железо от сырости покрывается ржавчиной; золото не покрывают слоем краски, а железо красят, Золото называют драгоценным, а железо – простым металлом. [407]

51. Птица и рыба

*Сходство.*Как птица, так и рыба принадлежат к царству животных. Они одарены дыханием, способностью быстро двигаться, добывать себе пищу и переваривать ее в красную кровь. В обоих этих видах животного царства природа выказала удивительную изобретательность и чрезвычайное разнообразие как в величине, так и в наружности. Даже в самом наружном убранстве рыб и птиц есть нечто сходное – это перья. Некоторые виды рыб и птиц живут исключительно хищничеством. Человек одинаково пользуется обоими видами животного царства, ибо он питается не только мясом и яйцами птиц, но также мясом и икрой рыб.

Вот сходство двух названных видов животных, но есть между ними и много различных признаков.

Различие **.**Птица одета перьями и у ней есть крылья, чтобы летать, а рыба покрыта чешуей и приспособлена природой к плаванию. Стихия птицы – воздух, а рыба живет в воде. У птицы есть клюв и ноги, а у рыбы плавательные перья и плавательный пузырь. Все птицы имеют голос или издают звуки, а многие даже пленяют наш слух своим пением, тогда как немота и безголосье рыб вошли в пословицу. Рыба мечет в пресной воде множество крошечных яичек, оставляя их на произвол солнца, тогда как птицы сами высиживают птенцов из немногих яиц. У рыбы холодная кровь, а у птиц теплая.

52. Дерево и трава

У дерева крепкие корни, твердый, толстый ствол, раскидистые суковатые ветви, покрытые или листьями или иглами.

У травы корень легко вырвать из земли, стебель ее тонкий, мягкий, веточки небольшие.

Деревья растут целыми лесами; в лесу тесно, прохладно, сыро. Там водятся всякие звери, там много грибов, ягод.

Трава зеленеет как ковер на лугу, и на нем пестреют желтые, белые, красненькие, синие цветы. На лугу просторно, кругом видишь небо, солнце жарко мечет, но легкий ветерок спасает от зноя.

Дерево идет на дрова, на постройки; трава служит кормом скоту.

53. Конь и верблюд

1. Верблюд – драгоценное животное в степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не может перенести того, что переносит здесь верблюд. Лошадь все-таки избалованное животное, требует ухода, а если и может обойтись без овса, то всегда нуждается в чистой и вкусной воде, в сочной траве; она не станет ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А где прикажете взять и ту, и другую, когда караван

408 приходится на длинных переходах, иногда несколько дней сряду, тянуться по бедной и бесплодной степи, на которой только и растет ковыль, или горькая полынь, или осока и другие противные для лошади травы; откуда взять чистую воду, когда и горькая вода – редкость в степи? Совсем другое дело – верблюд. Верблюд переносчив: он пьет и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; он может день, два, три дня пробыть без пойла, и так же усердно носит свою ношу, как будто никогда не был знаком с водой. Обыкновенно же поят верблюда водой летом, один раз в продолжение двух или трех суток, если нет хорошего водопоя. За лошадью много ухода: и без того уж усталому работнику надо тратить силы, чтобы ее распрячь или развьючить, потом ее нужно выводить, потом напоить, стреножить, целую ночь пасти, глядеть за ней с осторожностью, чтобы она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы к чужому табуну; наутро ее надо снова напоить и снова, при больших трудах, навьючить, т.е. работнику нужно высоко над собой, на руках, поднимать тяжелые вьюки, чтобы взвалить их ей на спину; потом должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюком в продолжение целой дороги.

2. С верблюдом хлопот меньше. С окончанием перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную к колышку, продетому у животного сквозь ноздри – и верблюд становится на колени; работник без труда сбрасывает с него тюки и пускает верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: он сам найдет себе пищу, сам себя упасет и не отойдет далеко от стоянки. Верблюд скоро наедается и потом всю ночь лежит, не вставая с места; только немногие, как исключение из общего правила, или бродят ночью по близости лагеря, или стоят на одном месте, не сгибая колен. К утру верблюд, по слову «чок», опять падает на колени; киргиз без чувствительной траты сил и без особенных хлопот наложит ему ношу и кое-как перепутает ее веревками, не опасаясь, что они развяжутся в дороге от движения животного, и что чужой товар может свалиться с горбатого «корабля пустыни». Только зимой с верблюдом немного больше хлопот, именно потому, что он никогда ни на снег, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести с назначенного для ночлега верблюдов места снег и вскопать промерзлую землю особенным орудием, называемым кептон: это род круглого топора и вместе заступа, надетого на длинноватую палку в нарочно устроенное для того отверстие. Место для ночлега верблюдов выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было от непогоды, например: лог или увалы между холмов, или заросшее кустарником

пространство. Ежели по близости оттуда растет камыш, то сгребают снег, а землю не вскапывают, но только покрывают ее камышом. В таком приюте верблюды целого каравана ложатся рядом все вместе. Но если бы случилось, что на притоне нет удобного места для укрытия животных, то верблюдов на ночь окружают высокой стеной или оградой, сложенною из товарных тюков. На этом-то животном, прозванном кораблем пустыни, и совершается в степи караванная торговля.

(В. Даль)

54. Ничего не пропадает

Правда ли, что ничего не пропадает? А вот, околела лошадка, бросили ее, зарыли в поле, – и конец. Нет, тут еще не все кончено: труп лошадки истлеет, часть его высохнет, часть обратится в землю, из земли вырастет трава, а этой травой будет кормиться другая молодая лошадка. Рассыпался камень, стал песком; а из песку вышел вон тот холм, на котором растет столько сосен. Овраг высох, вода ушла в воздух, а глядишь: потом опять где-нибудь упала из облаков и течет в речку. Так бывает природе; а и человек заботится о том, чтобы ничего не пропадало. Сколько сору и всякой нечистоты выбрасывают из избы, из домов в тесных городах! Сор и нечистота, оставаясь на дворе, заразили бы воздух, и всем известно, что холера более всего губила народу там, где люди жили грязно. Но умный человек и то, что вредно, сумеет обратить в пользу. Помойные ямы и вообще места, где скопляется всякая гниль, засыпают известью вместе с толченым углем: так они не портят воздуха и потом дают отличное удобрение для пашни. А затем тряпичники ходят в городах собирать всякую дрянь: обглоданную кость, обломки железа, обрывки кожи, всякое негодное тряпье. Все это на фабриках идет впрок **.** Из костей и кожи вываривают клей; из костей же добывают такое белое, горючее вещество, называемое фосфором, которое, вместе с серой, вы найдете на кончике зажигательной спички. Спичка и загорается от фосфора, да один фосфор быстро сгорел бы, не успев зажечь дерева, из которого сделана спичка; так чтобы этого не было, прибавляют серы; фосфор зажигает горючую серу, а сера спичку. фосфор похож цветом на воск, сера желтая, а кончики спички бывают красные, зеленые, всякие – от краски, которой тут еще прибавляют. Так знай же, что частица кости, которую ты глодал, может быть, очутилась в той самой спичке, которую ты теперь рассматриваешь. Потри ее кончик в темноте хоть между пальцами, ты увидишь свет и на пальцах: это горит фосфор, добываемый из кости. Только смотри, не обожги руки: фосфор ядовит, и тут от обжога может быть очень опасная рана. Древесная зола, какая остается в печи,

идет на добывание поташа, который примешивают к песку, когда топят из него стекло, и к салу, когда варят из сала мыло. Всякий ржавый гвоздь и обломки железа можно переплавить, и на заводе из них может выйти красивый топор, ножик. Шерстяные лохмотья тоже могут пригодиться: на шерстяных фабриках их снова треплют, перемывают и опять получают шерсть, из которой приготовляюсь платье. Если это шерсть тонкая, дорогая, то выгодно собирать такие остатки старой одежды. А старое полотняное тряпье служить для приготовления бумаги, на которой ты пишешь. Думал ли ты, что твоя рубашка может обратиться в писчую бумагу? Там, где народ промышленный, идет впрок все, что в другом месте бросают.

(Из «Кн. для перв. чт.» Водовозова).

55. Явления природы должны возбуждать в нас как благодарность к Богу, так и благоговение пред Ним

I. По благости Божьей *замерзание воды* является могущественным средством для поддержания жизни в природе. Особенно замечателен тот закон, отличающий воду от многих других тел, по которому вода при своем замерзании расширяется и лед бывает легче воды. А потому вода замерзает только на поверхности. В каком-либо большом пруде количество воды, превратившейся в лед, оказывается весьма незначительным в сравнении с количеством воды, остающейся в жидком состоянии. Между тем ледяная кора защищает находящуюся под ней воду от дальнейшего охлаждения, так что даже в сильные морозы вода рек и прудов содержит в себе слишком три градуса тепла. Пробивая ледяную кору, человек и зимой может удобно доставать для себя воду. Жизнь рыб и других тварей, обитающих в воде, продолжается и в холодное время года.

II. Весной и особенно летом у нас не редко замечаются явления *молнии и грома.* Эти явления много способствуют благорастворению (т.е. очищение) воздуха, но еще большее значение имеют они для нашей души, возбуждая в нас спасительный страх и с силой напоминая нам о непрочности земного и о том, что наша земная жизнь легко может прекратиться, и что продолжение ее находится в полной власти Господа Бога.

III. В теплое время года мы иногда видим явление *радуги* **.** Это явление происходит вследствие преломления лучей солнца в каплях дождя и отражения от них, причем солнечный свет разлагается на семь цветов.

Красоту этого явления так описывает Иисус, сын Сираха: «взгляни на

радугу и прославь Сотворившего ее; прекрасна она в сиянии своем! Величественным кругом своим она обнимает небо; руки Всевышнего распростерли ее» (Сир.43:12,13). Но особенно дорого для нас явление радуги, как напоминание о завете, который после всемирного потопа заключил Господь Бог с человеческим родом (Быт.9:8–17); при сем радуга поставлена знамением того, что «не будешь более вода потопом на истребление всякой плоти» (ст. 15).

IV. Плодородие земли зависит от обилия *света, тепла и влаги* **,** и равно от соразмерного и правильного течения явлений природы. Но нередко замечаются частые нарушения этой правильности. Так иногда летние жары действуют с чрезмерной силой и при недостатке дождей производят страшные засухи; иногда обилие дождей препятствуешь уборке хлеба и трав и бывает опустошительным; иногда поздний холод гибельно действует на растения; иногда влага выделяется из атмосферы в виде града, побивающего засеянные поля; иногда появляются в огромном количестве мелкие животные и насекомые, которые много вредят хлебу и другим произрастениям земли. Но значение всех таких явлений, разрушительных для внешней жизни, ясно раскрыто нам в слове Божьем. По учению его, эти явления свидетельствуют о правосудии и благости Божьей: потому, что с одной стороны посылаются в наказание за грехи людей, а с другой служат средством для исправления их. Пророк Моисей обещает народу израильскому плодородие земли только в случае покорности его воле Божьей и говорит: «откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих» (Втор.28:12); но за грехи и нечестие угрожает «засухой, палящим ветром» и другими бедствиями (ст. 22–24). Пророк Иоиль, говоря об истреблении плодов и хлеба в земле Иудейской саранчой и другими насекомыми, призывает народ к покаянию, и обещает снова плодородие и помилование (гл. 1 и 2). Святая Церковь не напрасно установила и общие молитвы об изобилии плодов, и особые моления, когда предстоит опасность неурожая. И опыт древних и новых времен ясно показывает, как сильны и действенны бывают эти молитвы, приносимые с покаянием и верой.

Так, «милостив Господь, и праведен, и милосерд Бог наш» (Псал.114:4). «Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих» (Псал.117:17). И в грозных явлениях природы открывается Его благость, многоразличными средствами устрояющая наше спасение.

(Д.Ф. Голубинский).

Отдел третий. Родина

1. Русское государство

I. Россия есть самое обширное из всех государств на свете: она тянется от севера к югу на четыре тысячи верст, а от запада к востоку на тринадцать тысяч верст. На севере земли русские примыкают к Ледовитому океану, на западе – к Балтийскому морю, а на юге к Черному и Каспийскому морям. Ледовитый океан далеко вдается в землю и образует залив, называемый Белым морем. Балтийское море образует три залива: Рижский, Финский и Ботнический, а Черное море – один залив, называемый Азовским морем.

От Ледовитого океана к Каспийскому морю тянутся Уральские горы, которые делят Россию на две неравные части: большая часть России лежит к востоку от Уральских гор, в Азии, и называется Сибирью; меньшая же часть России, по сю сторону Уральских гор, называется Европейской Россией. Между Черным и Каспийским морями находятся Кавказские горы; внутри России лежать невысокие Валдайские горы, которые замечательны тем, что с них текут самые большие реки России.

Не мало скопилось воды и внутри России; в ней есть озера, которые тянутся в длину на сотни верст, а реки прорезывают ее по всем направлениям. Из рек особенно замечательны: Северная Двина, Нева, Западная Двина, Неман, Висла, Днепр, Дон, Волга с притоками Окой и Камой и Урал.

II. Как обширно наше отечество, так разнообразна и его природа. На крайнем севере большую часть года свирепствует зима, а на юге в иных местах зимы почти совсем не бывает. На севере растет один только мох, а на юге растут самые разнообразные деревья, которые круглый год покрыты зеленью. Одни местности сплошь покрыты дремучими лесами, а в других местах нет ни одного деревца. В России есть плодородные черноземные местности, но есть и бесплодные, песчаные пустыни, которые тянутся на сотни верст.

2. Русская земля

I. Северный край Росс ии

1. По всей длине своей, с севера, Россия прилегает к громадному океану, который называется Ледовитым, потому что покрыт не тающими льдами. В этом заключается самое большое несчастье русских. Целую вечность, от сотворения мира, бродят льды в океане с места на место. На мелких местах набивается их столько, что они кажутся волшебными

замками белого, как мел, или серого цвета. На глубоких местах льды громоздят целые высокие горы. Крепкие, устойчивые и продолжительные ветры приносят ледяные горы ранней осенью, на всю зиму, к России. Здесь они уже находят намерзший у берегов молодой лед, так называемые припаи, толщиной до двух сажен. Выходя из чудовищного громадного ледника и проходя по неоглядным ледяным полям, океанские ветры приносят на берега необычайное количество стужи. Стужи этой хватает на большую половину России; хватило бы ее и на все наше отечество, если бы холод ветров, в течение их, не удерживали попутные горы, не умеряли громадные леса, не смягчали теплые пары возделанных земель, и если бы не осиливало их встречное течение южных (теплых) ветров.

Летом прибрежные припаи и океанские льды уйдут частью в даль, частью растают на солнечных лучах: океан у берегов сделается открытым и чистым; океанская вода от солнечного жара начнет испаряться, сдавать туманами. Туманы до того густы, что застилают свет Божий и в течение всех трех-четырех месяцев затрудняют плавание, и столь часты и насыщены влагой, что влаги этой достаточно для образования громады облаков. Облака покрывают северное русское небо в таком обилии, что дожди весной и осенью и большую половину лета льют почти беспрерывно.

Частым дождям и глубоким снегам удалось превратить землю в рыхлые, мокрые, неоглядные и глубокие трясины и болота. В этом второе несчастье нашего отечества от соседства его с Ледовитым океаном и с теми частями его, которые, в виде морей и губ (заливов), врезались в твердую землю. Таковы моря: Белое и Карское, губы: Обская, Енисейская, Ленская и другие.

Итак – весь северный берег России примыкает к студеному океану. Если мы придем на его берега и вглядимся в них, то на первых же шагах у самой воды натолкнемся на мертвый, голый и холодный камень – гранит. В гранитные камни эти, как в рамку или оправу, закованы все берега океана на всем беспредельном протяжении своем во всю длину России. Везде, на всех тех местах, которые обращены прямо к морю и северу, холодные ветры иззнобили всякую растительность, выветрили даже самый гранит. Ветры разбивают его на мелкие камни, рассыпают эти камни в мелкий песок, и песок смывает вода или уносят те же ветры прочь с берега. Прозябанию здесь негде быть, не за что уцепиться; а если и появляется оно от животворных лучей летнего солнца,, то укрепляет корни под водой, растет в воде, и потому называется водорослями. Самый берег мертв и пустынен. Бьют в него вечно-холодные

волны, вздымаемые морскими ветрами до пяти сажен высотой. Обмывают каменные твердыни, гранитные громады и песчаные пустыри приливы и отливы воды, которая два раза в сутки прибывает и два раза отливает назад. В течение шести часов лезет море на берег и, дойдя до известной границы, в высоту иногда до 8 сажен, начинает отходить в продолжение следующих шести часов. На самое короткое время вода остается неподвижной на той поверхности, которая всегда ниже всех мест на земле, даже дна самых глубоких оврагов. И снова вода пойдет прибывать, снова начнется на шесть часов прилив, – и так вечно и непрерывно.

2. Из морской глубины выйдем на берег и оглядимся.

На берегу лето. Живительное солнышко не сходит с неба в течение почти двух месяцев: с конца мая почти до конца июля. На берегах Ледовитого океана на место десятимесячной зимы стоит девятинедельное красное лето. Снег под лучами солнца исчез; его нет даже и в тенистых местах, где он вообще любит залеживаться. Кажут серым, мертвым цветом гранитные массы подле воды, и глядит голышом весь тот берег, который обращен к северу и подвержен веянию холодных и зимних ветров. Но мы видим и такие места, ложбинки, лощины, такие углубления, которых морские ветры продувать не могут: они дуют только поверх их. В углублениях этих мы разглядим прозябание и не ошибемся: везде там, где чуть успела прилепиться и улежаться хоть горсточка земли, везде там солнышко и теплота его сумели сделать свое дело, т.е. завязали растение. Сел желтоватый мох, распластался серый лишай, или ягиль. Подле них пустила корешок морошка, разбросала цепкие ветки и усики ягода вороница. Обе дали плод, т.е. ягоду, и обе не проросли корнями всю землю, хоть и земли этой всего только горсточка, но под ней всегда лежит холодный камень.

Только там, где земля ушла дальше от океана и где попадаются на ней склоны к югу и на теплые ветры, вырастает терпеливый можжевельник и цепко лепится книзу, к земле. Еще дальше – растет и березка, но такая несчастная и сиротливая, что с трудом признают ее за березу и называют сланкой за то, что нейдет она вверх, а стелется по земле. Выше аршина не поднимаются от земли эти три сорта деревьев, только три сорта. Больше и неспособна проращивать и держать на себе эта земля, насквозь пропитанная водой, рассыпчатая, распластанная на каменном подножии; это бурого цвета *тундра*. Тундра, летом и на солнечной жаре успевает оттаивать только на пол-аршина и в некоторых местах кое-где и кое-когда покрывается кой-какими цветами. И эта

жалкая, ни к чему непригодная земля, эта мертвая тундра с кустарниками, но без леса, с растениями, но без зелени, устилает весь север России, верст на 500 от океана и тысяч на пятнадцать верст во всю длину отечества нашего. Тундра тянется и дальше, входит в леса, и там имеет вид зыбунов и трясин и всем известна под общим именем болот. Болота и топи далеко и обильно распространились по русской земле.

В тундре постоянно может жить один только олень, и то потому, что он ничего больше не ест кроме ягиля и одарен таким чутьем, что слышит его и зимой, на аршин под снегом, и добирается до него, разбивая копытом ледяной череп. Разрыв снег в одном месте и съедая тут весь мох, олень идет дальше, туда, где мох не почат. Таким образом олень постоянно кочует, а с ним и за ним и человек, который пристроил жизнь свою к оленьим стадам и устроил ее так, что без этих животных и жить не может. Там, где по тундре расстилаются сухие пространства, являются и оленьи стада, а с ними и человек; а там, где пространство сухое защищено скалой или пригорком, человек ладит свое утлое жилище. Лопари строят вежи, самоеды – чумы, остяки, тунгусы, чукчи и алеуты – юрты. [409] И те и другие жилища народы эти разбирают так же скоро, как и установят, и везут их на иные, новые места, какие укажут им те же олени. Здесь не животное покоряется человеку, а человек повинуется животному. От оленя эти народы получают все, что им нужно: и пищу, и одежду; на оленях же кочуют они с места на место. Летом, когда оттает тундра и ее окружит бесчисленное множество комаров и оводов, не редко доводящих человека до изнеможения и смерти, олень бежит спасаться в воду, чаще на берег моря. Там стоит он в воде по самую шею в то время, когда хозяева его обложились кругом хворостом, зажгли его и сидят окруженные густым, черным дымом. В такую пустыню человек мог зайти случайно и остался в ней потому, что природа наградила его способностью привыкнуть и поселиться даже и там, где ни одно животное не выдерживает, и потому еще, что на тундре, кроме оленя, существуют разные приманки. Роет себе норы белый песец – лакомый кус дикарей – с теплым, густым мехом; играет на снегу маленький серебристый горностай; рыщет голодный волк и хищная рысь. Летом же прилетают сюда из дальних стран бесчисленные стаи перелетных птиц: первой – дикий белый лебедь, потом – четырех родов гуси, гага, гагары, каменная куропатка, а долгохвостая савка даже зимует здесь. На неизмеримых болотах, на морском берегу и в самом море, на берегах рек и на лесных опушках они находят себе пищу. В то же время в совершенной тишине и безопасности они могут устраивать и гнезда. В конце лета и осенью они летят через всю Русь на

юг, на тихие и теплые воды дальних морей. К зиме и лосось и осетр из рек уходят в море, и олень бежит в лес. Не зачем тут оставаться и человеку.

II. Умеренный край Росс ии

Умеренными странами почитаются именно те, в которых леса значительно расчищены и земля сильно возделана; но леса не все вырублены, они еще полезны своим добрым соседством, т.е. умеряют вредное влияние ветров и делают воздух здоровым; они привлекают к себе облака для того только, чтобы они могли давать дожди и влагу, нужные для орошения жатвы, освежать воздух грозами и оживлять растительность зарницами. Обильная влага на таких местах не затопляет полей, не заливает пахоты. Листья деревьев днем поглощают в себя то, что вредно для дыхания человека, и разливаюсь ночью в воздухе то, чем дышать здорово и полезно. Люди, живущие на открытых местах, вблизи лесов – самые здоровые и свежие люди. Листья деревьев принимают на себя весь жар и пыл солнечных лучей и иссушающую силу их удерживают на себе **.**

*Необыкновенно губительны и ужасны последствия совершенного истребления лесов.*Вырубка их ведет за собой то, что источники иссякают, реки мелеют с годами, ветер засыпает луга песком, которым реки затянутся вместе с илом; потом песок мало-помалу станет высасывать воду, и реки начнут иссякать. Многие губернии, которые лет двести-триста тому назад были густо и *сплошь* покрыты лесами, теперь стали такими пустырями, что народ пошел из этих мест в дальние заработки, выдумал особые промыслы, потому что родная земля его сделалась не хлебородной, бесплодной от песков, и это все оттого, что отцы, деды и прадеды наши не знали меры в истреблении лесов.

Лес полезно истреблять там, где суровый климат: в нашей Финляндии через это сделали плодородную почву, умягчили климат. В умеренных полосах надо вырубать лес с осторожностью и оглядкой; надо знать меру; горы служат пределом порубок. В теплых полосах надо садить и сеять лес, чтобы земля черноземная не перегорела, не превратилась бы со временем в солончаки или не выветрилась бы в песчаную, бесплодную пустыню.

Но леса наши все-таки обширны; лесная область занимает еще огромные пространства. В лесных губерниях народ еще не мог сделаться коренным земледельцем при всех стараниях и усилиях. Народ лесных губерний – все-таки беден. Бедность заставляет его не полагаться на одну землю, а принуждает искать в помощь земле других занятий. Вот почему у нас такая охота на фабрики и вот почему около Москвы много фабрик и заводов. Все они, и фабрики и заводы, большей частью приладились в тех местах, где кончаются леса и еще не начинались

благодарные хлебородные земли. Здесь служат подспорьем и реки (Ока, Кама и Волга), которые потекли именно туда, куда все эти товары требуются, где в них сильно нуждаются. Где не завелось фабрик, народ пошел для заработков на чужую сторону: костромичи ходят плотниками и малярами в столицы и большие города, владимирцы занялись тем же и в подспорье пустились в извоз, а из трех уездов (Вязниковского, Ковровского и малой части Суздальского) народ пошел заниматься мелкой торговлей: офенями, коробейниками, разносчиками. Для их торговли у них по соседству с десяток сел только и делают, что образа пишут; в других селах только тем и занимаются, что выковывают ножи, ножницы, замки из стали, кольца, серьги, запонки, пуговицы из меди, серпы, косы, топоры и слесарские вещи из железа. В одних местах, например, *по* Оке, все делают гвозди для барок, в других (в Ярославской губернии) только удила, скребницы, подковы, стремена и весь лошадиный прибор. Под Костромой в селе Красном приготовляют только жен *ские* украшения: подвески, кольца, серьги и проч. Там, где в болотах железной руды много, там добывают ее сами, разрезают в прутья и перековывают потом в гвозди, там все – кузнецы, как, напр., в Новгородской губернии. Где леса богаты пушным зверем, там скорняки. Но всего не перечтешь.

Известно, что где промыслы и ремесла, там и места для сбыта: там народ завел рынки, затеял базары, установил ярмарки; тут родилась торговля, и отсюда же по всему лицу земли русской разбрелись торговые люди. В самых дальних местах крупные купцы и мелкие торговцы – уроженцы лесных губерний. Эти губернии самые людные, и человек, который выходит отсюда, самый трудолюбивый, изворотливый, сметливый. Места эти расположились все по близости к Москве, приютились в ее окрестностях, редко дальше трехсот верст от нее. Белокаменная столица пришлась как раз в середине.

Но уже вблизи Москвы, в двух уездах Московской губернии (Рузском и Волоколамском) хлеб, удовлетворяя жителей, остается в избытке. Промышленность тут становится слабее. Хлебопашество увеличивается, почитается главным занятием. И чем благодарнее становится земля дальше к югу, тем охотнее отстает народ от побочных занятий, ремесла и промысла. Они не ведутся там, где земля – чернозем, и требует удобрения в пять, а дальше в десять лет один раз.

Такие места начинаются сейчас за Окой, которая отделила лесную полосу от черноземной. Леса, идущие дальше, уже не так велики и красивы, и притом их так не много, что безлесные пространства берут верх. Но если переправиться от Москвы за Тулу или за Калугу, или

за Рязань и направляться или на Киев или на Воронеж, лесов уж так мало, что они кажутся редкостью. Тут, куда ни взглянешь, везде встречаешь неоглядные поля, непрерывные пашни. Черным пластом лежит поднятый для пашен сочный чернозем, черной пылью бросается ветер. Лениво бегут небогатые водой реки, прорезаясь в мягкой земле и обставляясь невысокими, обрывистыми и обсыпчивыми берегами. Ровной гладью лежать во все стороны возделанные поля и желтеют спелые пашни. Глазу не мешают горы: кругом равнина. Горы на этих местах только пригорки, холмы. Древесная растительность по большей части встречается чаще в виде искусственно и нарочно разведенных садов, и притом сады эти фруктовые. На свежем воздухе, без больших усилий и без особенного труда, растут в них яблоки до 50-ти сортов, груши, бергамоты, вишни, черешня и сливы:, а дальше, где давно уже земля поднимает пшеницу, разводят даже виноград (на Дону, в Малороссии). На место огородов встают целыми полями бахчи с дынями и арбузами; на место непроходимых дремучих лесов являются неоглядные травяные степи. На место высоких домов, какими высятся и красуются лесные селения, здесь сначала утлые, низенькие бревенчатые хаты, а потом и везде уже глиняные мазанки. На севере лес ни почем и идет он в обилии на изгороди и заборы, которые служат и за пастуха и за хозяина; на юге пастушество – ремесло, а топливом дорожать больше, чем в лесных местах теплом самым.

Там не щадят для топлива и дуба, и березы, у которых есть лучшее, более стоящее их применение; здесь, за недостатком леса для освещения зимой вместо лучины употребляюсь коноплю, вместо березовых дров пускаюсь для топлива кизяк – животный помет, смешанный с соломой. Земля сделалась мягче. Соху сменил плуг. Вместо лошади работает вол.

За городами: тамбовским Козловым, тульским Ефремовым, орловскими: Ельцом, Ливнами и Орлом и губернским Курском черноземная полоса сменяется той полосой, которая называется полосой пшеницы. Города эти обставились мельницами, обзавелись купечеством, разбогатели, стали рынками, стали приемными местами, складами для пшеницы. В городах этих приготовляется крупчатка (лучший сорт крупчатки – елецкая); в них свозится гужом (на лошадях) вся та пшеница, которая выросла в благословенной стране Малороссии и назначена для России. Сама Малороссия тут уже близко.

Пшеницу везут малороссы-чумаки на волах к пристаням на морях Азовском и Черном, где берут ее на корабли и везут в иностранные земли. И хотя полоса пшеницы меньше полосы ржи, однако нарождается ее столько, что три заморские города: Одесса на Черном море, Таганрог на

Азовском и прусский город Данциг при Балтийском море сделались и людными, и торговыми. Все три на русской пшенице разбогатели: Одесса в пятьдесят лет выросла так, как другие города не вырастают и в пятьсот лет.

Пристани по Волге, куда свозят из ближних мест пшеницу для отправления ее на судах по воде до Петербурга, выросли такими богатырями, что Самара сделалась одним из богатых губернских городов и растет не по дням, а по часам, в Царицыне понадобилась железная дорога до Дона; город Волочок (Тверской губ.) кажет лучше многих губернских; село Балаково глядит красивым городом; село Лысково во сто раз богаче и краше своего начальника – горемычного уездного городишка Макарьева в Нижегородской губернии. Также разбогател и украсился Моршанск, город Тамбовской губернии, в котором мельница на Мокше реке о 23-х поставах, больше и лучше всех мельниц в России; она перемалывает до тысячи четвертей в сутки, и выстроена каменной двухэтажной.

III. Южный край Росс ии

Благодатная хлебная сторона идет в ширину от Оки до травяных новороссийских степей, а в длину от малороссийской границы до иностранных земель: Австрии и Турции. В Малороссии лучшие места располагаются по берегам трех больших рек: Буга, Днестра и Днепра, с притоками их и перерезают травяные степи. Потом, останавливаясь на песчаных пустынях подле Азовского моря, огромным клином – большим полуостровом – о бок Азовского моря врезаются через Перекоп в Черное море. Это Крым, самый цветущий, самый благодатный край во всей России, где Севастополь – самая большая бухта (защищенное и лучшее место для стоянки кораблей) изо всех бухт в целой Европе; здесь же и Южный берег с очаровательными садами, превосходным и целебным климатом, наш единственный русский рай земной.

К Черному морю идет наклоном вся та часть России, которая справедливо почитается хлебородной; сначала холмистая и нередко покрытая лесами, черноземная; от реки Оки до границ Малороссийских губерний идет страна, с избытком возделывающая лен и конопель; за этой страной потянулась ровная, гладкая, благословенная равнина Малороссии, сплошь засеянная пшеницей и в лучших местах кукурузой, или так называемой турецкой пшеницей. Малороссийская хлебная степь соединилась с настоящей травяной степью или равнинами, на которых растет только трава; здесь совсем уже нет леса и очень мало воды.

Степи травяные, называемые новороссийскими, примкнули к

Черному морю; некогда они служили соблазном для кочевых народов, которые валились сюда из дальней Азии с большими стадами домашнего скота, питались их молоком и мясом и одевались в их шкуры. К ним придвигались другие народы, сгоняли их с насиженных мест и в свою очередь были сгоняемы новыми народами, которые прикочевывали сюда из внутренних азиатских степей. Сюда же, впоследствии, уходили вольные русские люди; здесь завелось казачество. Когда весь край, около ста лет тому назад, завоеван был от турок, вместе с Крымом (при Екатерине Второй), стали выселяться в него русские люди изо всех тех черноземных мест, где от накопления народа стало жить тесно. Скоро все благодатные места Новороссийского края населились оседлым народом; кочевники скоро исчезли, превратившись в пахарей. Завелись большие города, а с ними явилась надежда и на то, что дитя степи сделаются такими же возделанными странами, каковы Малороссия и подстепье. От прежнего кочевого быта осталось теперь только то, что степные травы по прежнему воспитывают отличные породы рогатого скота. Из них трудолюбивый, терпеливый и необыкновенно сильный вол является главным товарищем и неоцененным помощником человека на лугах и пашнях; из своей шкуры на старости он дает сыромятную кожу, в молодости – опоек, из костей – клей и уголь, которым очищаюсь сахар-рафинад. В северных странах вол худо ведется; в южных он составляет выгодный предмет торговли. Отработав полевую службу, вол идет на мясо. Стада волов, под именем черкасского скота, гонят гуртами все отсюда: из степей малороссийских и новороссийских. Вместе с волом разводится там же баран, рост и тучность которого человек, при пособии степи, успел увеличить искусством своим и уменьем. Он же довел овечью шерсть до высокой доброты и необыкновенного разнообразия. Ткани из овечьей шерсти удовлетворяют различным потребностям людей; сало идет на свечи, шкура дает сафьян, из меха в северных холодных местах шьют зимнюю одежду. Овцеводство в травяных степях – самый важный и самый главный промысел. Сверх того, наши степи воспитывают многочисленные табуны лошадей, и Россия владеет лучшими породами этих животных, для которых и ярмарки установились по близости степных мест. Между ними тамбовский город Лебедянь и губернский Курск с коренной ярмаркой пользуются большой известностью. В степях у кочевников кобыла дает молоко, из которого татары, киргизы и калмыки приготовляют целебный и здоровый напиток, известный всюду под именем «кумыса».

(С. Максимов).

IV. Кавказский край

1. Начиная с границ Саратовской губернии и Земли Войска Донского до окрестностей главного Кавказского хребта край представляет равнину. Равнина эта разделяется на две полосы. Первая полоса начинается с северных границ и идет ъ югу до рек Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по течению их до берегов морей. Все это огромное пространство представляет степь. Лесу здесь нет, да и воды очень мало. Вследствие отсутствия лесов и недостатка вод дожди здесь редки. Почва земли, состоящая из глинистого легкого чернозема, суха, тверда, но плодородна, и при дождях дает хлеб и травы в изобилии. Зима здесь бывает с вьюгами и метелями, санный путь держится с декабря до начала марта; лето знойно и постоянно. По ручьям и речкам рассеяно редкое население края. У северных границ кочуют калмыки с своими стадами овец, рогатого скота и табунами тощих лошадей; оседлые жители состоят из линейных казаков, крестьян собственников и ногайцев; на востоке живут полукочевые кара-ногайцы. Промышленность находится здесь только на первой ступени развития; бедное хлебопашество и бедное скотоводство составляют единственный промысел жителей. Вторая полоса Кавказской равнины; простирается но подножию главного хребта, начиная с прибрежья Черного моря до берегов Каспийского, и представляет обширную долину, щедро наделенную дарами природы. С гор сбегают в эту долину большие реки и сотни малых ручьев и речек, освежающих теплый воздух. Леса наполнены фруктовыми деревьями, шелковицей; местами встречается дикий хлопчатый кустарник; в садах, на вольном воздухе, растут абрикосы, персики, превосходные груши и проч. Почва земли состоит преимущественно из глинистого или чистого чернозема, местами только паханная, все же остальное количество состоит из нови. От присутствия снеговых гор, лесов и обильных вод дожди здесь часты, и все роды хлебов дают обильнейшие урожаи; травы лучших сортов вырастают местами в человеческий рост. Народонаселение этой полосы несколько гуще, чем в первой, но сравнительно с пространством оно еще очень мало. Здесь живут линейные казаки, армяне, грузины, чеченцы, осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы и проч. Третья полоса этого края занята Кавказским хребтом. В горах на каждом шагу другой климат, другая природа и другое население. Горный промысел в этом крае мало развит: достают соль и каменный уголь. Но в целом мире нет страны богаче нефтью [410] , как предгорья Кавказа. На вершинах гор растет сосна, ель, лиственница; ниже их дуб, чинар, тополь, орешник; в долинах фруктовые деревья и плодовые кустарники, местами встречается дикий виноградник, хлопчатое и оливковое дерево. В лесах живут в большом

количестве волки, шакалы, лисицы, медведи, белки, выдры, куницы, олени, дикие козы, кабаны и зайцы. Барсы и гиены часто посещают горы, и нередко в долинах является с берегов Аракса огромный царский тигр. Всякого рода дичь находится в камышах, по устьям Кубани, Кумы и Терека.

2. Обитатели Кавказа делятся на линейных казаков, горцев и жителей Закавказья. Все народонаселение Кавказа, как русское, так и туземное, состоит из народа замечательно способного и доброго. По малому числу городов на линии и отсутствию мануфактурных товаров, казак должен изготовить для себя все сам: и борону, и соху, и телегу, и холстину, и кожу; даже оружие, кинжал, шашку и ружье он делает сам. И надобно прибавить, что все, сделанное казаком, очень хорошо, по крайней мере, прочно, чисто, исправно. Натура горца богата и полна; горец изящен в своей черкеске, в косматой шапке и бурке; манеры его просты и часто безупречны. Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса; превосходная работа галунов, выделка сафьяна и кожи, конская сбруя и разные украшения на оружии, все это делается со вкусом и старанием не из расчета, не на продажу, но для удовлетворения своего вкуса. Замечательные города на Кавказе: Тифлис, местопребывание главноначальствующего на Кавказе и средоточие торговли Закавказья, и Баку, с многочисленными заводами, выделывающими керосин.

(*Из кн. «Товарищ» Д. Попова. год третий).*

V. Сибирь

1. Сибирь делится на Восточную и Западную. В Западной Сибири местность по большей части низменная и ровная, Восточная же Сибирь почти вся наполнена отрогами гор и высотами. По природе своей и климату Сибирь представляет тундры, тайги и степи.

По всему побережью Ледовитого океана более или менее узкой полосой тянется бесконечная, пустынная, однообразная и безлесная тундра, покрытая летом желтоватыми мхами и серыми лишаями, и недоступная для человека во время девятимесячной зимы по страшным морозам, вьюгам и метелям. С наступлением весны там творится своеобразная жизнь. В реки, речки и озера из Ледовитого океана поднимается для метания икры в бесчисленном множестве разных пород рыба; поверхность болот, рек, речек и озер чернеет от бесчисленных стад уток, гусей, лебедей и чаек, прилетающих сюда на лето для вывода детей. Идут сюда и рыболов, и зверолов за богатой добычей.

2. Тайга состоит большей частью из дикого первобытного леса **.** В

иных местах он до того густ, что одни дикие звери в состоянии проникнуть в эти чащи. Летом в тайге климат зноен и удушлив и, при обилии сырости и травяной растительности, способствует обилию насекомых. От этого множества насекомых звери тайги бегут спасаться в тундры. Зима в северной тайге очень сурова. Особенно страшна пурга, во время которой снег поднимается на воздух, кружится со свистом и стоном, затемняет свет и слепить глаза. Степные пространства Сибири покрыты богатой травяной растительностью; они представляют самое благоприятное условие для скотоводства. В Минусинских степях главное занятие жителей состоит из земледелия; эти степи но своему плодородию считаются житницей Сибири. Здесь девственная почва в изобилии родит рожь, пшеницу и другие роды зернового хлеба.

По всей южной границе Сибири тянется полоса гор, снежные хребты которых дают начало могучим рекам. Замечательнейшие из них: Обь, Енисей, Лена, Амур. Реки эти многоводны и обильны рыбой. Озеро Байкал – самое обширное из пресноводных озер России.

Хотя 300 лет прошло с тех пор, как завоевана Сибирь, но она до сих пор крайне бедна народонаселением. Важнейшее богатство Сибири – бесконечные леса. Они идут на постройки, дают топливо и служат материалом для изделий. В северной и средней полосах Сибири по суровости климата земледелие невозможно. В южной же полосе свободно родятся хлебные растения и овощи. По всей Сибири сеют преимущественно яровые хлеба; озимые же хлеба вымерзают, и только на западе Сибири они даются хорошо. Прекрасные луга и степи и множество незанятых земель дают возможность разводить жителям южной полосы Сибири сотнями и тысячами голов рогатого скота, лошадей и овец. Горный промысел весьма распространен в Сибири, но он состоит главным образом в добывании золота и серебра. Первобытные жители Сибири делятся на бродячих и кочевых. Бродячие инородцы живут в тундрах и лесах; ведут бродячую жизнь и занимаются звероловством и рыболовством. Кочевые инородцы живут в степях и занимаются скотоводством. Городов в Сибири пока еще очень мало. Самые большее из них: Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита.

3. Кроме Сибири Россия в средней Азии владеет обширными землями. Земли эти занимают Каспийско-Аральскую впадину с поверхностью преимущественно плоской, отличающейся совершенно степным характером; но в крае этом встречаются и возвышенности. Северо-западная часть владений состоит из огромных, пустынных степей. Степи

эти по качеству почвы разделяются на ковыльные, солончаковые и песчаные. Ковыльные степи, благодаря хорошей почве, весной на сотни верст покрываются густой, высокой травой, а в остальное время года они по большей части бывают покрыты ковылем. Солончаковые степи состоять из глины и мергеля, сильно пропитанных солью; они почти бесплодны. Песчаные степи состоять или из твердого, или из сыпучего песку; они тоже почти бесплодны. В степных местах, где растет трава, кочуют равные народы татарского племени. Все они живут скотоводством. Нет ни одного киргизского семейства, которое не имело бы несколько десятков овец; у зажиточных они считаются сотнями, а у богатых тысячами. Не мало внимания кочевники обращают на разведение лошадей и верблюдов; есть киргизы, у которых имеются табуны лошадей в несколько тысяч голов. Рогатый скот можно встретить только у оседлого населения края и у киргизов-хлебопашцев, которые содержат по преимуществу быков для обработки полей. В юго-западной части средне-азиатских владений почва по большей части плодородна и есть значительные реки. Жители этой местности ведут жизнь оседлую, занимаются земледелием, шелководством и разными промыслами. В средне-азиатских владениях находится несколько торговых и промышленных городов. Замечательные из них: Уральск, Омск, Ташкент, Самарканд, Туркестан.

(Оттуда же).

3. Русская земля

По обеим сторонам столбового пути вновь пошли писать версты, станционные смотрителя, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы [411] , чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: «такой-то артиллерийской батареи», зеленые, желтые и свеже-разрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу [412] : бедна природа в тебе, не развеселят, не испугают взоров дерзкие ее дива, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в дома, в шуме и вечной пыли водопадов; не опрокинется назад

голова посмотреть на громоздящиеся без конца над ней и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, спутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто – пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся во всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и за чем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством?... Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшной силой отразясь во глубине моей, неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...

(Н. Гоголь).

4. Степь

1. Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда [413] весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленой девственной пустыней. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их! Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки [414] ; желтый дрок выскакивал вверх своей пирамидальной верхушкой; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный, Бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли целой тучей ястребы, распластав свои

крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одной черной точкой. Вон она перевернулась крыльями и блеснула перед солнцем.

2. Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело; испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру [415] , и вся степь курилась благовонием. По небу, изголубо-темному, как будто исполинской кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался к щекам. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другой. Пестрые овражки [416] выползали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трескание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш [417] ; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустив на траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. [418] На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву; весь их треск, свист, стрекотанье, – все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянной блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

(Н. Гоголь).

5. Река Урал

Яик, по указу Екатерины II переименованный в *Урал* , выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу, и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их,

поворачивает на запад, а потом близ города Уральска на юг, и протекая более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море.

Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков.

Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбой всякого рода; берега большей частью глинистые, песчаные и безлесные, но в местах поемных удобные для скотоводства. Близ устья оброс он высоким камышом, где кроются кабаны и тигры.

На сей реке в XV столетии явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю. [419] Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весной снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик.

(А. Пушкин).

6. Пятигорск

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветви цветущих черешен смотрят мне в окно, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бэшту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром [420] громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка! солнце ярко, небо сине – чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желания, сожаления?... Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество.

(Лермонтов) **.**

7. Кавказская дорога

I. Чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висевшие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса. Мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне, и одна за другой гасли по мере того, как бледноватый отблеск разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гут-гору. Мы шли пешком, сзади подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гут-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливала в голову, но, со всем тем, какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго, долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебный картины.

II. Вот, наконец, мы взобрались на Гут-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, т.е. я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

– Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинами? сказал я ему.

– Да-с, и к свисту нули можно привыкнуть, т.е. привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

– Я слышал, напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна?

– Разумеется, если хотите, она приятна; только все же потому, что сердце бьется сильнее. «Посмотрите», прибавил он, указывая на восток: «что за край!»

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, – и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки. Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам,» воскликнул он, «что нынче будет погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтобы они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин. Осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягая заранее уносных, – а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог дает не хуже их доедем: ведь нам не впервые» – и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако же все-таки доехали...

(Лермонтов).

8. Деревня

I. Последний день июля месяца; на тысячу верст кругом Россия – родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем – не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки;

лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей. – Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

II. Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщепленные ракиты. По оврагу бежит ручей, на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. – Вдали, на конце-крае земли и неба, синеватая черта большой реки. Вдоль оврага – по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно-закрытыми дверьми; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогривый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

III. Я лежу у самого края оврага, на разостланной попоне; кругом целые вороха только-что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке; а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни в чистых, низко-подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, – зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется, не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные, огнистые капли.

Передо мной стоит старуха хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котах. Крупные, дутые бусы в три ряда обвились вокруг смуглой, худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай седьмой десяток доживаешь старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным, неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломот еще теплого хлеба. – «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!»

Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертый теленок.

– «Ай да овес!» слышится голос моего кучера...

IV. О, довольство, покой, избыток русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе святой Софии в Царь-Граде, и все, чего так добиваемся мы, городские люди.

(И. *Тургенев).*

9. Император Петр Великий

I. С водворением на престоле дома Романовых Россия мало-помалу начала увеличиваться. Особенно же она расширилась и переродилась в царствование Петра Великого.

Петр Великий был младший сын царя Алексея Михайловича. По смерти отца он остался еще ребенком. Так как ближайшими наследниками престола были старшие братья его, то царевич Петр вскоре после смерти отца удалился вместе с своей матерью в село Преображенское, которое находилось недалеко от Москвы. Здесь царевич поселился и проводил свое детство. С ранних лет царевич Петр выказывал большие способности, был весьма любознателен и хорошо учился грамоте. В часы, свободные от занятий грамотой, Петр занимался военными играми с своими сверстниками. Из этих сверстников царевич составил две потешные роты, с которыми он строил и брал приступом небольшие земляные крепости. К этой забаве скоро прибавилась другая. Однажды царевич в сарае нашел лодку особенного устройства, которая называлась ботом. Лодка эта была испорчена, но один из иностранцев починил ее и спустил на воду. Петр был так доволен этим и так полюбил плавание, что скоро из нескольких подобных ботов создал целый потешный флот.

II. Когда Петр достиг совершеннолетия, он сделался царем и стал управлять государством!.. В первое время своего царствования Петр по-прежнему занимался своими потешными ротами и флотом. Но чтобы лучше изучить военное и морское дело, он задумал съездить за границу. Для этого он снарядил большое посольство к иностранным государствам и вместе с этим посольством отправился сам под именем дворянина Петра Михайлова. Во время путешествия за границей Петр

Великий не оставлял ничего без внимания: он осматривал крепости, заводы, фабрики, посещал школы, знакомился с учеными людьми и изучал чужеземную жизнь и порядки. Но больше всего его интересовало кораблестроение. Чтобы основательно изучить это дело, царь поступил в корабельную мастерскую и, как простой работник, работал там топором с утра до вечера. Получив звание корабельного мастера, Петр обратно поехал в Россию. Находясь за границей, Петр увидел, что русские во многом отстали от иностранцев. Поэтому, тотчас же по возвращении своем из-за границы, он начал заводить новые порядки. Прежде всего он вместо древних стрелецких полков учредил постоянное войско. Для заведования различными делами государства Петр учредил 12 коллегий; а для наблюдения за этими коллегиями он основал Сенат, который существует и до сих пор. Все же церковные дела, вместо патриарха, были поручены вновь учрежденному Святейшему Синоду, который также существует и доныне. Но больше всего Петр Великий заботился о народном образовании. Поэтому он устроил несколько учебных заведений, для духовных и дворянских детей, школу для мореходов и другие. При Петре Великом впервые на Руси стали печатать граждански книги. Много и других очень важных дел совершено Петром Великим на пользу нашего отечества, а потому народ и прозвал его *Великим Преобразователем* России.

III. Петр Великий вполне понимал всю ту громадную пользу, которую Россия может извлечь от прямого и непосредственного торгового сношения с западными иностранными государствами. А так как иностранную торговлю всего удобнее производить морем, то Петр Великий и задумал отвоевать от Швеции земли, прилегавшие к Балтийскому морю. Заключив союз с королями польским и датским, Петр Великий объявил войну Швеции, но первая встреча со шведами кончилась неудачей для русских: русские разбиты были наголову. Побивши русских, король шведский отправился воевать с поляками и пробыл в Польше довольно долго. В это время Петр Великий быстро составил новые полки, обучил войско, отлил пушки и двинулся со своим новым войском к Балтийскому морю. В этот раз он завладел берегами Финского залива и при устьях реки Невы заложил город Петербург, свою будущую столицу. Когда прослышал об этих завоеваниях король шведский, он быстро двинулся в Россию из Польши. Горячее сражение двух сильных армий произошло близ г. Полтавы. Наше войско здесь нанесло такое сильное поражение шведам, что сам король шведский едва спасся бегством. После Полтавской битвы война со шведами тянулась еще

несколько лет, но русские все-таки удержали за собой завоеванные по прибрежьям Балтийского моря земли. С этого времени Петр Великий принял титул Всероссийского Императора, а Русское царство стало называться Российской Империей.

(Из Хрест. Ермина и Волотовского).

10. Рассказы о Петре Великом

I. Бережливость Петра Великого. Император Петр, щедрый в награждении заслуг, показывал чрезвычайную бережливость во всем, что касалось до его собственности; и мог ли она жить расточительно, получая свои доходы с имения, в Новгородской губернии, в котором считалось только 969 душ? В первое путешествие по чужим краям, прибыв вечером инкогнито [421] с небольшой свитой в один город, он остановился в трактире и потребовал ужин. Ему подали 12 яиц, сыру, масла и две бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщик, вероятно, узнав, кто был его гость, запросил сто червонцев. Петр велел заплатить эти деньги, но не мог забыть такой издержки, и, угощая в Петербурге приезжавших на судах голландцев, всякий раз почти с упреком напоминал им о корыстолюбии трактирщика. «Мне мотать не из чего, говорил он: и жалования заслуженного у меня немного, а с государственными доходами надлежит поступать осторожно; я должен отдать в них отчет Богу». Часто ходил он в башмаках, им самим заплатанных, и чулках, штопанных его супругой; носил по году и по два одно платье. Ездил он летом в длинной, выкрашенной в красную краску одноколке, на низких колесах, парой; зимой, в санях, запряженных в одну лошадь, с двумя денщиками, одним, который сидел с ним рядом, и другим, ехавшим сзади верхом. Один только раз, 25 мая 1723 года, удивил он петербургских жителей необыкновенной пышностью. Увидели его окруженного отрядом гвардии, в выложенном красным бархатом длинном фаэтоне [422] тогдашнего вкуса – цугом, с лакеями позади в ливрее. Он поехал за город навстречу князю Долгорукову и графу Головкину, которые, пробыв около 15 лет в звании посланников при разных иностранных дворах, возвращались в Россию просвещенными европейцами. Петр, остановившись в 4 верстах от города, ждал их около четверти часа. Когда они подъехали, посадил к себе в фаэтон, провез по главным улицам столицы во дворец, куда созваны были знатнейшие особы, и тут, перед всеми, изъявил им свое благоволение.

II. Обращение Петра Великого с подданными. В Петербурге Царь был то же, что отец в большом семействе. Он крестил У одних, при чем родильницам давал на зубок, при поцелуе в голову, но рублю серебром;

пировал с другими, и ходил за гробом у иного. Случалось ли ему иметь к кому-нибудь дело, – вельможе, купцу или ремесленнику, он часто, взяв с собой камышовую трость с набалдашником из слоновой кости, известную более под именем *дубинки*, отправлялся к нему запросто пешком и, если находил хозяина за обедом, то без чинов садился за стол; приказывал подавать себе тоже, что подносили и другим, толковал с мужем, шутил с женой, заставлял при себе читать и писать детей, требуя, чтобы обходились с ним без чинов. Он был весьма приятен в обществе, в немногих словах говорил много и любил изъясняться аллегориями. [423] Чисто видали его на улицах идущим под руку с честным фабрикантом или иноземным матросом, – иногда бродящим в толпе и прислушивающимся к молве народной.

Но обращаясь открыто со всеми, он требовал того же от всех для себя, и худо тому было, кто позволял себе в разговорах или поступках с ним малейшую ложь. «За признание прощение, за утайку нет помилования», повторял он часто; «лучше грех явный, нежели тайный».

Он любил правду даже в таких случаях, когда она могла бы другому показаться оскорбительной: «Князь Яков в Сенате», отзывался он о Долгоруком, «прямой мне помощник. Он судит дельно, и мне не потакает; без краснобайства режет прямо правду, несмотря на лицо».

III. *Занятия Петра* **.**Во время своего пребывания в Петербурге, царь жил летом во дворце Летнего сада, зимой в Зимнем. Он ложился в 10 часов, вставал летом и зимой в три утра, и ходил час по комнате; читал в это время «С.-Петербургские Ведомости», которым иногда сам держал корректуру [424] или пересматривал в рукописи переводы книг, сделанные но его велению. Петр хорошо знал по-латыни, по-немецки, по-голландски и понимал французский язык, хотя и не мог на нем изъясняться. Ни одна книга не выходила из печати, не быв пересмотренной Петром. В 4 или 5 часов Петр, без чаю и кофе, выпив рюмку анисовой водки, отправлялся, с тростью в одной и записной книжкой в другой руке, смотреть производившиеся в Петербурге работы, а после того в свой кабинет, или в Адмиралтейство. [425] Однажды назначил он вновь приехавшему в Петербург прусскому посланнику фон-Принцу приемную аудиенцию [426] в 4 часа утра. Аудиенция эта была, конечно, единственная в своем роде. Посланник, полагая, что государь не может встать так рано, думал, что не опоздает, явившись во дворец в пять; но он уже не застал Петра. Он был на верфи и работал на марсе [427] какого-то военного корабля. Фон-Принц, имевший важные поручения и не могший вступить в переговоры с русскими министрами, не видев царя, принужден

был отправиться вслед за ним в Адмиралтейство. «Пусть побеспокоится взойти сюда, если не умел найти меня в назначенный час в аудиенц-зале», сказал Петр, когда ему доложили о приезде посланника. Тот принужден был по веревочной лестнице взбираться на грот-мачту [428] , и государь, сев на бревно, принял от него грамоту и обыкновенные при подобных случаях приветствия, под открытым небом, на корабельном марсе.

В шесть или семь часов Петр отправлялся в Сенат [429] или в которую-нибудь из Коллегий [430] , и оставался там до одиннадцати; слушал дела и споры присутствовавших, излагал свои мнения, надписывал на делах решения. Деятельность его при этом достойна удивления. Один современный писатель говорит, что он в один час делал более, нежели другой успел бы сделать в четыре. За то государь умел и беречь время. Это приметно в его разговорах, указах, письмах и во всем, что выходило из-под его пера. Нигде не найдете больше ясности и менее многословия. 6 Марта 1781 года, отправляясь в Прутский поход, написал он о совершенно разных предметах 32 собственноручных указа в Сенат, из которых ни один не занимал более 4 строк. В 11 часов Петр обыкновенно уходил из Сената, или Коллегии, при чем подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для приема просителей. Государь давал им аудиенцию в средней галерее Летнего сада, построенной на берегу Невы, или, в хорошую погоду, в главной аллее. Туда мог приходить всякий, – и богатый, и неимущей, и знатный вельможа, и человек простого звания. Петр отбирал у просителей просьбы, выслушивал их жалобы, и немедленно давал свои решения. В 12 часов ворота Летнего сада запирались. Царь садился за стол и всегда почти обедал в своем семействе. Чтобы кушанья не простывали, столовая его обыкновенно была рядом с кухней; повар передавал в первую блюда прямо из печи, через окошко, и всегда одно за другим, а не вместе. Молодой редис, лимбургский сыр, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка в кислом соусе, который приправлялся луком с огурцами, или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимым условием его обедов. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновой костью, ножик и вилка с зелеными костяными черенками; и дежурному денщику вменялось в обязанность носить их с собой и класть перед царем и тогда, когда ему случалось обедать в гостях. – Петр не терпел многочисленной прислуги, и вообще называл лакеев – шпионами, которые худо слышат, а еще хуже рассказывают слышанное. Дежурный денщик служил государю, императрице и великим княжнам. Он находился при царе безотлучно днем и ночью, был доверенной особой, и занимал

место камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петр ел мало вдруг, не был разборчив в пище, и не терпел причуд в других. Откушав, обыкновенно читал голландские газеты и делал на полях замечания карандашом, с обозначением, что должно переводить в «Петербургские Ведомости»; потом уходил на свою яхту [431] , стоявшую перед дворцом, ложился тут и отдыхал час или два. Иногда, во время торжественных обедов, он вставал для этого из-за стола, приказав однако же гостям не расходиться до его возвращения. В 4 часа уходил он в токарную или в кабинет; сюда являлись к нему по делам: канцлер [432] граф Головин, вице-канцлер барон Шафиров, Остерман, генерал-прокурор Ягужинский, генерал – Фельдцейхмейстер (начальник всей артиллерии) граф Брюс, граф Толстой, сенатор князь Долгорукий, князь Меньшиков, генерал-полицеймейстер Девиер или другой какой-нибудь из его министров. Одни только – князь Ромодановский и фельдмаршал Шереметев могли входить без доклада; их одних государь всегда провожал до двери кабинета; все прочие, даже сама Императрица Екатерина Алексеевна, должны были наперед сказаться. Окончив дела государственные, Петр развертывал свою записную книжку, в которой отмечал все, что ему приходило в тот день на мысль, и удостоверившись, что все означенное в ней исполнено, остальное время дня посвящал собственным занятиям. Ничто не поселит в нас столько уважения к памяти Петра, сколько сии занятия, предпринимаемые без свидетелей, или иногда в мирном кругу немногих искренних преданных царю особ, разделявших с ним труды его. По деятельности Петра, по его любви ко всему полезному не было ему равного между его подданными. «Трудиться надобно, братец», говорил Петр Ив. Ив. Неплюеву, когда определил лейтенантом [433] во флот; «я и царь ваш, а у меня на руках мозоли, и все для того, чтобы показать вам пример, и хотя бы под старость видеть в вас достойных помощников и слуг отечеству».

*IV. Взгляд Петра на правосудие.*Однажды Петр заболел весьма опасно горячкой. Сделалось всеобщее уныние, ибо уже совсем мало было надежды на выздоровление его. Во всех церквах день и ночь толпился народ, прося у Бога милости для своего царя. В древности в подобных случаях цари обыкновенно прощали нескольких преступников, грабителей и разбойников, осужденных на смерть с тем, чтобы осужденные молили Бога о царском здравии. Так и теперь судья явился во дворец и предложил ему, чтобы Петр, по старому обычаю, даровал жизнь девяти приговоренным к смерти разбойникам. Узнав о прибытии судьи, Петр призвал его к своей постели и приказал прочесть список приговоренных и их преступления. Прослушав это, Петр слабым голосом

отвечал:

– Неужели ты думаешь, что я буду правосуден и сделаю доброе дело тем, что прощу таких страшных злодеев? И неужели Бог за это будет ко мне милостив, и будет слышать молитвы таких злодеев? Поди и завтра же вели исполнить приговор над всеми девятью злодеями. Я думаю, что Бог через это правосудие скорее будет ко мне милостив и скорее за это дарует жизнь, и здравие, нежели за их прощение!

На другой же день приговор был исполнен, а царь затем начал чувствовать себя лучше, и через некоторое время совершенно выздоровел.

V. *Награда по заслугам.*Петр Великий, бережливый в своих расходах, щедро награждал людей, служивших ему верно. Он жаловал многих деревнями в завоеванных провинциях, даже вдовам и сиротам морских и полевых офицеров назначал пенсии. Однажды доложили ему об иностранце, который прослужил около 30 лет и теперь за старостью и слабостью здоровья не может продолжать службу, и просили разрешения государя: назначить ли ему при отставке полное или половинное жалованье. Государь отвечал с неудовольствием: «Как же! разве тот в старости должен терпеть нужду, кто лучшие годы свои посвятил мне на службу? Выдайте ему полное жалованье и не принуждайте его к службе, если он не в состоянии более служить; но советуйтесь с ним о делах, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусством. Кто бы захотел служить мне, если бы знал наперед, что я, которому он посвятил лучшие годы свои, в старости оставлю его в нужде и бедности»?

VI. *Царь и подданный* .Когда Петр Великий пожаловал одного из верных слуг своих великими милостями, и этот пал перед ним и назвал его отцом, то государь, назвав его по русскому обычаю братом, сказал:

«Встань, братец. Я приставлен над вами от Бога, и моя должность, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнимать. *Буде хорош будешь, то не столько мне, сколько сам себе и отечеству добра сделаешь;* а буде худ – то я истец на тебя буду. Бог от меня того за всех вас потребует, чтобы я за всякого ответ дал, *чтобы доброму и умному был простор добро творить, а злому и глупому не дать места вред делать.* Служи верой и правдой: тогда Бог и совесть твоя, а при нем и я, тебя не оставим. Тогда найдешь ты во мне и отца и брата».

VII. *Петр в Полтавской битве.* В русском лагере под Полтавой ожидали нападения шведских войск на 29 июня; между тем наступление шведов началось утром 27 числа. Петр еще спал, когда началась пальба. Проснувшись, он приказал полкам двинуться, сказав, что сам сейчас же

прибудет к войскам. Карл шведский так был уверен в победе над Петром, что, отдавая приказ о наступлении, не велел брать войскам своим хлебного запаса. «В русском лагере, сказа он, довольно хлеба; там могут наесться досыта».

Между тем Петр, двинув полки, оделся, помолился и вышел, сказав: «Теперь на начинающего Бог, а по Нем и мы». Сев на лошадь, он прискакал к войскам и лично предводительствуя, воодушевлял их. Во время жаркого боя, Петр, несмотря на просьбы окружающих его, постоянно находился на самых опасных местах. Уже пуля прострелила шляпу его. Когда близкие Петра упрашивали его беречь свою жизнь, он отвечал:

– Вы поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой и за народ российский. И для того не страшитесь славы неприятельской, но помните, сколько раз он был от вас самих побежден; следовательно и ныне, по храбрости своей, победить можете.

«А о Петре ведайте, что жизнь ему недорога; была бы жива Россия и благоденствие ваше», говорил Петр в приказе перед Полтавской битвой.

Когда, после битвы, в палатке, в собрании генералов, поздравляли Петра с победой и дивились шляпе его, пробитой пулей, то Петр отвечал:

– Ради благополучия государства, я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позор. Сия пуля не была жребием смерти моей; десница Вышнего сохранила меня, чтобы спасти Россию и усмирить гордость брата Карла. Сия баталия [434] – счастье наше: она решила судьбу обоих государств. Тако судил Промысл возвысить славой отчизну мою, и за то приносить будем благодаренье наше Богу в день сей на вечные времена.

На другой же день после битвы государь приказал вырыть могилы: одну для офицеров, другую для нижних чинов. По вырытии вокруг могил были выстроены войска, к которым вышел сам царь, и началась панихида. Сам Петр, со слезами на глазах, стоял среди певчих и пел вместе с ними. По окончании панихиды, царь сделал мертвым три земных поклона, сам начал засыпать могилы землей, сказал надгробную речь и своими руками водрузил над курганом крест с следующей надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровью венчавшиеся, лето от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня».

Тогда же отдан был им указ о вечном поминовении убиенных вовеки, что и совершается ежегодно.

В тот же день представлялись государю знатные шведские пленники. Петр принял их милостиво, возвратил им их шпаги, сожалел о их несчастии. Затем он угощал их в своей палатке и пил за здоровье их, высказав при этом следующее:

– Я пью за здоровье моих учителей, которые меня воевать научили!

(По *Карниловичу и др. источникам).*

10. Петербург

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы [435] ,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод – ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся.
В гранит оделася Нева [436] ;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова.
Люблю тебя, Петра творенье [437] ,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит;
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный. [438]
(А. Пушкин).

11.Полтавский бой [439]

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам,
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходить к небесам,
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули,
В кустах рассыпались стрелки;
Катятся ядра, свищут пули,
Нависли хладные штыки.

Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Тесним мы шведов рать за ратью,
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней [440] благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело! С Богом!...» Из шатра.
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
О весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожит, глазами косо водит
И мчится в прахе боевом
Гордясь могучим седоком.
Уж близок полдень. Жар пылает,
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: «ура!»
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,

Могуч и радостен, как бой;
Он поле пожирал очами.
За ним во след неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны –
Его товарищи – сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И – счастья баловень безродный –
Полудержавный властелин. [441]
И перед синими рядами [442]
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился,
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием [443] руки
На русских двинул он полки.
И с ними царские дружины
Сошлись в дыму, среди равнины,
И – грянул бой, Полтавский бой!...
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами [444] саблями стуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груду тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет,

Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон!
Но близок, близок миг победы...
Ура! мы ломим, гнутся шведы.
О, славный час! о, славный вид!
Еще напор, – и враг бежит...
И следом конница пустилась:
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.
Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен!...
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.
(Пушкин).

12. Петр Великий

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной;
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
(Пушкин).

13. Кто он?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.
Только вот – рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый

И бранился, и вздыхал.
Всадник подле – он не смотрит.
Всадник молвил: «здравствуй, дед!» –
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.
Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уже не такие...
Жди, да у моря сиди.
Вам, ведь, все ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретена,
Али конь для седока.
Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает – ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходить грех!
Чуть кого вдали завидишь –
Смотришь, в лес бы... Ведь грешно!...
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...
Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».
Всадник прочь с коня, и молча
За работу принялся...
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.
Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото –
И челнок на славу вышел,
А ведь был, что решето.
– Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье,
На Петрово, попытай. –
«На Петрово! эко слово
Молвил! думает рыбак:

С топором, гляди, как ловок...
А по речи... Как же так!»...
И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.
(Майков).

14. Домик Петра Великого в Сардаме

Деревянный домик, под черепичатой кровлей, в два окна, разделенный на две небольшие комнаты, с изразцовой печью для приготовления пищи, с глухой каморкой для кровати и с пристроенным при входе чуланчиком, в наиболее уединенной части Сардами: вот чертог, где поселился Петр, тщательно скрывая свой сан и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайне изучить искусство, которое должно было возвеличить Россию.

(Устрялов).

15. Памятник Петру Великому

I. Императрица Екатерина II воздвигла Петру Великому в Петербурге величественный памятник. Он состоит из большой гранитной скалы, на верху которой преобразователь России изображен, с повелительно поднятой рукой, скачущим на коне. Конь Петра давит громадного змея, как бы в знак того, что могучий царь- работник первый решился совершенно переделать русскую землю, вывести ее из тьмы на свет Божий и раздавить зло невежества – самого старого и страшного нашего змея.

Столицы Невской посетитель,
Кто б ни был ты – Петру поклон!
Сей медный всадник – это он.
Ее державный прародитель.
Как мощны конь и человек!
То Петр творящей мыслью правит.
Летит, отважный, в новый век
И змея древних козней давит...
И здесь руки простертой кисть
Еще в металле жизнью дышит,
Из медных уст – Россия слышит –
Гремит: «да будет свет!» И бысть.

16. Малое слово о великом

Много дел, «зело» успешных,

Тем царем совершено.
Им заложено в *Потешных*
Войска дивного зерно.
Взял топор и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик флотик,
Этот флотик флот родил.
Он – за истину прямую –
Дерзость дерзкому прощал,
А за ложь, неправду злую,
Живота «весьма» лишал; –
А иному на поминки
Кой о чем, на чистоту,
Делал с помощью дубинки
Дома в дружеском быту;
А, под совести порукой,
Правдой тычь не в бровь, а в глаз...
Царь вспылит, но вмиг почует
Силу истины живой,
И тебя он расцелует
За порыв правдивый твой...
И близ жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:
Друг Лефорт сердцеответный
Вплоть до двери гробовой,
Шереметев – муж советный,
Князь Голицын боевой; –
Князь Голицын – друг победам,
Личный недруг Репнину...
Царь с Данилычем вел дружбу,
А по службе все в строку, –
Спуску нет: сам начал службу
Барабанщиком в полку...
Как бы в мудрость иноземцев
Нам проникнуть? – думал он:
– Дай, поучимся у немцев!...
Только первый шаг мудрен.

Сердце бойко застучало...
Встал он, время не губя:
На Руси всему начало –
Царь; – начну же я с себя!»
И с ремесленной науки
Начал он, и – в деле скор –
Крепко в царственные руки
Взял он плотничий топор.
С бодрым духом в бодром теле
Славно плотничает царь;
Там – успел в столярном деле;
Там – глядишь – уж и токарь.
К мужику придет: «Бог помочь!»
Тот трудится, лоб в поту...
– «Что ты делаешь, Пахомыч?» –
«Лапти, батюшка, плету;
Только дело плоховато, –
Ковыряю, как могу,
Через пятое в десято...»
– «Дай-ка я те помогу!» –
Сел, продернет, стянет дырку, –
Знает, где и как продеть,
*И*плетет в частоковырку,
Так что любо поглядеть!
В поле к праздному владельцу
Выйдет он, найдет досуг
И исправит земледельцу
Борону его и плуг.
А на труд свой с недоверьем
Сам все смотрит... «Нет, пора
Перестать быть подмастерьем, –
Время выйти в мастера».
И, покинув царедворский
Штат, и чин, и скипетр свой,
Он поехал в край заморский:
«Человек-де я простой –
Петр Михайлов, плотник, слесарь,
Подмастерье» – говорит...
А на царстве там князь-кесарь

Ромодановский сидит – Федор Юрьич...
Он, ведь, спросит
От Петра и то, и се, –
И рапортом он доносит
Князю-кесарю про все.
«Вот – он пишет – дело наше
Подвигается; тружусь. –
И о здравьи Вашем Ваше
Я Величество молюсь.»
И припишешь вдруг: «однако,
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будет, князь, – смотри!»
Навострившись у Голландцев,
Заглянув и в Альбион [445] ,
У цеса́рцев [446] , итальянцев,
Поучился также он.
Для уроков же изустных,
Что он Руси дать желал,
Он учителей искусных
Ей из-за моря прислал...
– Полно втуне волочиться,
Дворянин, сади сынка
Букве, цыфири учиться,
Землемерию слегка. –
Только все успехи плохи,
И ученье ни к чему.
Русский смотрит: скоморохи
В немцах видятся ему, –
И учителям не хочет
Верить, что ни говори;
Немец – думает – морочит,
Все фигляры, штукари!...
И державный наш работник
Посмотрел, нахмурил взор,
Снова вспомнил, что он плотник,
Да и взялся за топор...
И давай рубить он с корня:
Роскошь прочь! Кафтан с плеча!

Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархат, и парча!
Раззолоченные тряпки,
Блестки – прочь! Все в печь вались!
Скидавай собольи шапки:
Просто – немцем нарядись!
Царь велел: слова коротки.
Простоты ж пример в глазах:
Сам, подкинув он подметки,
Ходит в старых сапогах.
Из заветных, тайных горниц,
Из неведомых светлиц
Вывесть велено затворниц –
И девиц, и молодиц –
В ассамблею [447] ... Душегрейки
С плеч долой! Таков приказ...
Женки слезы трут платком,
Царь же потчует радушно
Муженьков их – табаком;
Табакерки! Трубки!... В глотку
Хоть не лезет, а тяни!
Порошку возьми щепотку –
В нос пихни, нюхни, чихни!
Тянут, нюхают... Ну, зелье!
Просто, одурь от него.
Эко знатное веселье! –
А привыкнешь – ничего,
Сам попросишь... В пляс голландский
Хоть не хочется – иди!...
– Эй, ты там, сынок дворянский,
Выходи ка, выходи!
Откружил [448] – ступай в науку,
А научишься – служи!
Мало дома школьных храмин –
Заграницу поезжай;
А воротишься – экзамен
Царь задаст: не оплошай!
Сам допросит: вылож знанья –
Цифирь, линии, круги,

А не сдержишь испытанья,
И жениться не моги...
Не позволит! – Оглянулся:
Он уж там, – и снова весь
Мысль и дело; – покачнулся,
Задремал ты – он уж здесь.
Там нашел он ключ целебный,
Там – серебряный рудник,
Там устроил дом учебный,
Там богатств открыл родник;
Там взрываешь камней груду,
Там дворян зовет на смотр...
А меж тем наука всюду,
И в науке всюду – Петр.
Раз, заметив захолустье –
Лес, болотный уголок,
Глушь кругом, при Невском устье –
Заложил он городок [449] ...
– Шаток грунт – да сбоку море:
Расхлеснем к Европе путь!
Эта дверь не на затворе:
Дело сладим как-нибудь. –
Нынче сказана граница,
Завтра срублены леса, –
Чрез десяток лет – столица,
Через сотню – чудеса!
Смерть смежила царски очи:
Но бессмертные дела,
Но следы широкой мочи
Русь в наследье приняла.
(В. Бенедиктов).

17. Никита Демидов

I. Молодость его относится к первому времени царствования Петра Великого, т.е. к концу XVII века. Двадцати лет от роду он поступил в работники к кузнецу на тульских заводах, получая платы алтын в неделю. Весь свой заработок за первые пять недель Никита отдал своей матери, сказав: «Вот тебе, матушка, за то, что ты меня кормила и поила»! Когда его стали перезывать в другую мастерскую, обещая притом втрое большую плату, Демидов не согласился, а сказал о том своему хозяину, прибавив: «я

не хочу забыть твоего хлеба и соли: лучше ты сам прибавь мне что-нибудь».

II. Видя способности и прилежание Никиты, кузнец согласился. В 1699 году, по присланному Петром Великим иностранному образу, Демидов первый сделал ядро и алебарду [450] , а вскоре, заведя свою фабрику, сработал по иностранным же образцам первые русские ружья. Так как в то время начиналась война со Швецией, то изделия Демидова обратили на себя внимание Петра, который велел ему распространить свою фабрику, сказав, что сам его не оставит. На полученные от Государя деньги Демидов построил в Туле большой железный завод и на нем выделывал для казны ружья и другие военные снаряды, назначая за них цену дешевле обыкновенной. Пожертвования эти он продолжал делать во все время войны. За такие дела, конечно, он получал и хорошее вознаграждение: ему были даны земли в Сибири, с правом приобретать новые покупкой; там Демидов построил несколько железных заводов и один медный в нынешней пермской губернии. Дела Демидова пошли так хорошо, что впоследствии он владел уже многими заводами в разных губерниях и постоянно старался, устраивая свои дела, приносить вместе с тем пользу и государству; брал на себя казенные подряды, на выгодных для казны условиях, производил горные работы по добыванию гранита, порфира и меди в рудниках нынешней Иркутской губернии.

III. Человек вообще простой и скромный, Никита Демидов, хотя и прибрел уже большое богатство своими изделиями и работами на принадлежавших ему заводах, но решительно отказался от всех чинов и отличий, предложенных ему Петром Великим, и только едва принял дворянство. Этот Государь так ценил деятельность Демидова (которая в то время, при переустройстве государства и при военных обстоятельствах, действительно была очень полезна), что однажды сказал: «я счел бы себя счастливым, если бы имел пять, шесть или даже меньше таких людей, как Демидов». Петр Великий, сам человек характера энергического и деятельного, любил встречать те же качества и в других, и потому, как известно, взял многих своих приближенных из простого звания. А деятельность Никиты Демидова, поднявшегося из бедного крестьянина до богача-заводчика, была, сверх того, обращена на пользу молодого государства, чем объясняется и первоначальное его возвышение и позднейшее значение.

18. Ломоносов

Первый русский ученый и поэт

I. Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 году и был сын

крестьянина деревни Денисовки, Холмогорского уезда,

Архангельской губернии. Отец его был рыбак и сына своего готовил к тому же промыслу. Но Бог определил ему другую жизнь.

Мальчик как-то выучился грамоте и, будучи от природы очень умен и любознателен, пристрастился к чтению... Он прочитал все, что было под рукой – часослов, псалтирь и другие церковные книги; у соседа нашлись славянская грамматика и арифметика, напечатанные по повелению императора Петра для школ; Ломоносов выпросил их себе в подарок и с таким усердием читал, что выучил наизусть. Но вскоре его постигло горе. Он лишился матери, а отец женился на другой жене. Мачеха стала преследовать и укорять пасынка за то, что он все читает и не занимается «настоящим делом», не помогает отцу ловить рыбу.

II. Между тем жажда к знанию в молодом рыбаке день ото дня становилась все сильнее. Кроме того ему приходилось слышать рассказы от богомольцев и от купцов о великих делах Петра, о школах, заведенных им в Москве и Петербурге. Это еще более разжигало в нем желание учиться, и он решился пробраться в Москву, чтобы там поступить в школу. Но как же это сделать? проситься у отца – нечего было и думать: отец к сожалению ничего не понимал в науке; он, напротив, собирался женить сына и уже подыскал ему выгодную невесту. Тогда Ломоносов решился покинуть родительский дом: тайком от отца выхлопотал себе паспорт, выпросил у знакомого крестьянина китайчатое полукафтанье да несколько денег и в одну морозную ночь бежал, взяв с собой свои книги. Дорогой он нагнал обоз с рыбой и с этим обозом прибыл в Москву. Ему было тогда около 19 лет. Неприветливо встретила Москва молодого крестьянина, жаждавшего науки. У Ломоносова не было здесь ни родных, ни знакомых, а в кармане ни копейки. Первую ночь он должен был провести в санях под открытым небом. Но на другой день в обоз пришел какой-то земляк, который, узнав, зачем приехал парень в Москву, взял его к себе и обещался определить в школу в Заиконоспасском монастыре. При помощи знакомых дело было устроено. Но только Ломоносова, несмотря на взрослые лета, посадили в самый низший класс, так как он не знал латинского языка, который был необходим в этой школе. С жаром принялся Ломоносов за ученье; через полгода он был уже переведен в следующей класс и так в течение пяти лет прошел весь курс наук и выучился латинскому и греческому языкам. Но это стоило ему больших трудов, страданий и лишений. С одной стороны он терпел большую нужду в средствах: школа выдавала только 90 к. в месяц, или по алтыну в день, а этих денег едва доставало на хлеб и квас. С другой стороны его сокрушали

жалобы отца на то, что он покинул его. Все вынес и преодолел Михаил Васильевич *сгорая любовью к науке.* Но вот и московская школа не удовлетворяет Ломоносова. Он просится в Киев, где, по слухам, учили лучше и больше.

III. С котомкой за плечами и с палкой в руках прибыл наш ученый крестьянин в древнюю столицу России. Здесь, действительно, книг он нашел больше и с жадностью перечитал их. Но и это ученье не особенно понравилось ему. По возвращении из Киева Ломоносову представился случай продолжать образование.

По мысли и плану Петра Великого, в Петербурге учреждена была Академия Наук, т.е. собрание ученых, которые занимались науками. При Академии находилась также гимназия или школа, где учили молодых людей. И в эту-то школу потребовали теперь из Москвы несколько лучших учеников. Ломоносов был отправлен в числе этих лучших, несмотря на то, что туда принимали только дворянских детей. В Петербурге он поучился с год времени, а потом, тоже как лучший ученик, был отправлен за границу учиться у немецких профессоров. Михаил Васильевич был вне себя от радости. Теперь он мог узнать всю тогдашнюю премудрость. И действительно, уже одно пребывание в стране образованной принесло ему громадную пользу. Тут только он понял всю цену образования. " Те же люди, да не те», говаривал он; «какая бесконечная разница между образованным человеком и необразованным!» Но кроме того, за границей, в Германии, он попал в ученики к такому ученому человеку (Вольфу), который своей ученостью был известен всему свету. Ломоносов пробыл за границей около 4 лет и все это время работал неустанно. Профессора удивлялись его трудолюбию, его успехам и природным дарованиям. Он скоро усвоил немецкий язык, выучился французскому, узнал многие науки и, наконец, сделался таким образованным человеком, каких в России тогда не было.

IV. Живя за границей, Ломоносов удивил также и своих соотечественников талантом своим. В это время в России царствовала Анна Иоанновна. Она вела войну с Турцией. После Петра I турки и крымские татары были уже не страшны нам. Русские разбивали их на каждом шагу. Вот однажды мы взяли сильную турецкую крепость Хотин. Весть об этом облетела всю Европу. Ломоносов также услыхал об этой победе и пришел в восторг. Он написал по этому случаю стихи («Оду на взятие Хотина») и прислал их в Академию. Здесь все были поражены звучностью и легкостью их. Таких хороших стихов тогда еще никто в России не мог писать. Их представили императрице, читали при дворе, в

городе и везде с восторгом. С этих пор и пошла слава о рыбаке Ломоносове, как первом русском поэте, или стихотворце.

V. Но, несмотря на славу, Ломоносову пришлось еще много вытерпеть горя. Академия не слишком исправно высылала за границу жалованье своим студентам, и они принуждены были делать долги. Ломоносов же, кроме того, женился там на бедной девушке, дочери одного ремесленника; у него родилась дочь, расходы увеличились, и он впал в такие долги, что должен был скрыться от своих заимодавцев и тайком бежал в Россию, оставив до времени жену и дочь за границей. Несчастия Ломоносова этим не кончились.

По-видимому, следовало бы ожидать, что Академия с радостью примет такого талантливого и образованного человека, каков был Ломоносов. Оказалось противное. Академия наша была тогда наполнена немецкими учеными, которые старались не давать ходу русским. Когда Ломоносов, прибыв в Петербург, обратился к начальнику Академии, то этот сначала даже не принял его, и первому русскому ученому пришлось бы, по возвращении на родину, провести первую ночь на улице, если бы над ним не сжалился академический сторож, который пустил его переночевать к себе. Как ученейший человек, Ломоносов, несмотря на нежелание немцев-академиков, определен был, однако ж, профессором в Академию и теперь всего себя посвятил науке. Он преподавал и занимался разными предметами: русским языком, русской историей, физикой, химией и другими; он написал *первую* русскую грамматику, учебник русской истории. Множество мыслей роилось в голове этого гениального человека. Он первый объяснил русским, отчего бывает тепло, откуда берется дождь, что такое планеты небесные, кометы, отчего происходит северное сияние и многое другое. Много также Ломоносов сочинил стихов, а главное – показал, как нужно писать стихи, чтобы они выходили более или менее хороши. Усталости не знал этот человек. Он трудился, можно сказать, за целую Россию.

VI. Неутомимая деятельность Ломоносова тем более должна поражать каждого, что он, будучи уже профессором, продолжал терпеть нужду и разные лишения. Года через два только по возвращении из-за границы он мог перевезти к себе свою семью. Много огорчений и неприятностей испытывал он также от немцев-академиков. Положение Ломоносова стало улучшаться только с того времени, когда, в нем приняли участие люди сильные, например: Иван Иванович Шувалов, граф Воронцов и другие лица, имевшие большую силу при императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого. Они довели до сведения

императрицы об его ученых трудах, и она пожаловала ему мызу и деревню недалеко от Ораниенбаума. Еще более ценила первого русского поэта и ученого императрица Екатерина II. Она наградила его чинами и орденами; ласково принимала его во дворце и разговаривала с ним об ученых предметах

VII. Но не возгордился Михаил Васильевич ни высокой милостью царской, ни чинами своими великими, ни дружбой вельмож именитых. До конца дней своих оставался он все таким же простым да приветливым ко всякому, кто бы он ни был; никогда не стыдился он своего происхождения, всегда с большой радостью и лаской принимал своих холмогорских родственников и земляков.

Однажды ему говорят, что его ждет какой-то старичок... Ломоносов выходит и видит перед собой Пимена Никитича, того самого приказчика, который спас его от мороза и голода на архангельской дороге и помог добраться до Москвы. Как же обрадовался ему Михаил Васильевич! Не знал, куда усадить, чем угостить дорогого гостя. Сначала долго не решался Пимен сесть перед таким важным барином; но Михаил Васильевич так обласкал своего первого благодетеля, что старик скоро ободрился и начал рассказывать ему, как он разорился и теперь, в нищете, не знает, куда приклонить свою голову. На первое время Ломоносов приютил его у себя, а потом выхлопотал ему место в богадельне, часто навещал его там и помогал ему деньгами.

VIII. Неустанные и чрезмерные труды Ломоносова сильно расстроили его здоровье. На 54-м году его жизни недуги стали так крепко одолевать его, что он принужден был даже оставить свои занятия. В это время, уже под конец дней его, императрица почтила его последней и величайшей наградой: она посетила больного Ломоносова в его собственной квартире, уговаривала его беречь себя и утешала надеждой на выздоровление. Слезы радости текли из глаз его, когда он провожал царицу до ее экипажа, и в течение нескольких дней казался здоровым. Но болезнь брала свое, и 4-го апреля 1765 г. Ломоносов умер. И вот, беглого холмогорского крестьянина, за тридцать лет перед этим украдкой вошедшего в Москву, испытавшего затем в своей жизни много горя, лишений и всяких бед, провожали теперь в место упокоения знатнейшее духовенство и вельможи. Государыня пожаловала большую сумму денег на его погребение, которое было так пышно, как обыкновенно хоронят только очень важных особ.

Тело его погребено в С.-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, где покоятся первые вельможи русские и люди, особенно прославившиеся своими заслугами отечеству.

(По Рождественскому и друг.).
19. Отрок [451]
Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.
(Пушкин).
20. Ломоносов
Его избрал Господь от малых;
Ему открылся в блеске льдов,
В сияньи звезд и в зорях алых,
В раскате волн, в шуму лесов...
И, повелев оставить сети,
Повел его из града в град, –
Чтоб Русь познал от темной клети
До светлых княжеских палат.
Повел его на запад славный,
Чтоб восприял он в разум там
Все откровенное издавна
Великим, избранным мужам;
Чтоб от светильника их знаний
Светильник свой он воспалил
И, высоко держа во длани,
Весь край родной им озарил.
(Майков).
21. Школьник
–Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок –
Невеселая дорога...
– Эй! садись ко мне, дружок! –
Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
– Не стыдися! что за дело!
Это многих славных путь.
Вижу я в котомке книжку,
Так, учиться ты идешь?..
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.
Знаю, старая дьячиха

Отдала четвертачек,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.
Или, может, ты дворовый,
Из отпущенных?.. Ну, что-ж!
Случай тоже уж не новый –
Не робей, не пропадешь!..
Скоро ты узнаешь в школе,
Как Архангельский мужик,
По своей и Божьей воле,
Стал разумен и велик.
Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете [452]
Сон свершится на яву!
Тут уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, –
Столько добрых,благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди пустых, холодных
И напыщенных собой!
(Некрасов).

22. Императрица Екатерина Великая

I. Екатерина Великая, дочь владетельного немецкого князя, тринадцати лет приехала в Россию. В России Екатерина приняла православную веру и вышла замуж за наследника русского престола Петра III. Со дня приезда в Россию она усердно принялась изучать русский язык, русские обычаи, внимательно вслушивалась и всматривалась во все, что вокруг ее делалось, сносилась и беседовала с умными людьми и весь досуг свой отдавала чтению книг. После смерти супруга своего, императора Петра III, в 1762 г., Екатерина, тридцати с небольшим лет, сделалась самодержавной русской царицей, и тогда-то обнаружились накопленный в ней долгими годами мудрость, знание людей и опытность. В

тридцатичетырехлетнее ее царствование в России шла беспрерывная работа: то доканчивалось что–либо, начатое Петром Великим: то выполнялось только задуманное им, одно исправлялось и улучшалось, другое делалось заново. Из внутренних дел Екатерины особенно важны

следующие: она устроила новые лучшие суды и очень заботилась, чтобы всякий обиженный мог найти в них защиту и чтобы никто не страдал от суда безвинно. «Лучше», говорила мудрая царица, «оправдать десять виновных, чем осудить хоть одного невинного!» Для лучшего устройства и порядка Екатерина разделила Россию на 50 губерний, а каждую губернию на. уезды. Жителям городов она предоставила право самим ведаться в своих делах; для этого по городам устроены были думы, состоящие из выборных от горожан для заведования городским хозяйством. Подобные же права управляться самим посредством выборных, Екатерина даровала и дворянам, и купцам, и крестьянам!.. Во многих городах императрица открыла новые училища, как мужские, так и женские, и устроила несколько благотворительных заведений для вдов и сирот; очень много заботилась об увеличении в России фабрик и заводов и о расширении торговли; она со всеми европейскими народами заключила торговые договоры и издала очень много полезных для России законов.

II. Все это и многое еще другое Екатерина успела сделать среди длинного ряда войн, которые пришлось ей вести с соседями. Главными врагами России в то время были турки; султан турецкий два раза объявлял войну Екатерине и оба раза потерпел страшные поражения. В первую из этих войн начальником русских был Румянцев, который несколько раз жестоко побил турок; но особенно славна победа его была при реке Кагуле, где он с 17-ю тысячами русского войска разбил наголову 150 тысяч лучшего турецкого войска. В ту же войну русский флот, под начальством Орлова, взорвал и сжег все турецкие корабли при Чесме. Вторая война для турок была еще гибельнее первой; в эту войну прославился великий русский полководец Суворов. Из множества больших и малых побед его над турками самыми замечательными были: взятие штурмом неприступной крепости Измаила и уничтожение стотысячной турецкой армии при реке Рымнике. Эти славные победы русских войск принудили турецкого султана уступить нам. северный берег Черного моря и весь Крым. Кроме турок Екатерина вела еще несколько больших войн с поляками. Поводом к этим войнам были древние русские земли, которые еще во время татарской неволи отняты были у России Литвой, а потом подпали под власть поляков. Народ в этих областях исповедовал

православную веру, а поляки, чтобы укрепить эти земли за собой навсегда, старались обратить жителей этих земель в свою католическую веру. А как русский народ крепко стоял за свою веру, то поляки и делали ему различные притеснения. За этот-то угнетенный, народ и вступилась императрица. Войска наши разбили поляков к заняли Польшу. В Польше начались неурядицы, безначалие, смуты; тогда три соседние государства – Россия, Австрия и Пруссия разделили Польшу между собой. России при этом дележе досталась часть Балтийского побережья и старинные русские земли, бывшие под властью Польши. За блестящие победы Екатерины и ее мудрые внутренние порядки все единодушно назвали ее Великой.

(Из Хрест. Пуцыковича).

23. Екатерина Великая в домашнем и царском быту

I. Екатерина была среднего роста, стройна, пленительной красоты, следы которой не истребились до самой ее кончины. В голубых ее глазах изображалась скромность, доброта и спокойствие духа. Она говорила тихо, и приятная улыбка обвораживала всех. Как ни старалась она скрывать свой сан, но необыкновенно величественный вид ее вселял уважение во всяком; не видавший ее никогда признал бы в ней императрицу и среди толпы. Знаменитые иностранцы говорили об этой государыне, что она рождена быть владычицей народов.

II. Екатерина была нрава тихого, спокойного, веселого и, в противоположность тому, иногда вспыльчивого.

Оплошность, медленность, недогадливость служителей извиняла снисходительно, а при необходимости упрекала с кротостью, как мать, поучающая своих детей. Приветливость, одобрение, доставление какого-нибудь удовольствия входили в ее правила. Она обладала превосходным искусством давать оттенки всякой своей речи, всякому своему движению и даже взгляду.

Она кланялась, принимала вельмож неодинаково, по достоинствам, летам и заслугам каждого.

III. Екатерина пробуждалась всегда в 6 часов и не требовала себе никакой прислуги. Сама обуется, оденется, зажжет свечу, затопит камин, и тогда как почти все люди во дворце еще спали, императрица уже исполняла свои обязанности. До такой степени она дорожила спокойствием последнего из своих подданных!

Однажды, во время такого уединения, когда пылал огонь в камине, когда все вокруг ее безмолвствовало, раздался дикий голос: «потушите скорей огонь»! Изумленная Екатерина спросила: кто там, кричит? – «Я, отозвался сквозь пустоту камина трубочист, – я чищу трубу: погасите

скорей, мне горячо». – Императрица принесла кружку воды, залила дрова, и узнав, что труба от самого верха была прямая, приказала се исправить.

IV. По окончании занятий своих и утреннего туалета, государыня вступала в кабинет, куда приносили ей левантский кофе с густыми сливками. Потом опять садилась за дела и занималась до 9 часов. В это время являлись к ней разные должностные лица с бумагами. Первый входил обер-полицеймейстер с докладом о происшествиях, о ценах на жизненные припасы, потом приходили: генерал-прокурор, президент, статс-секретари и другие лица.

Все часы были распределены, бумаги по статьям лежали на определенных местах; особы с отличными способностями, разделяя с ней труды, пользовались ей доверенностью, привыкали к должностям, к ее нраву, правилам. Всякий знал, что когда делать, и единообразие в этом никогда не изменялось. Кто видел это при восшествии Екатерины на престол, тот не примечал никакой в том перемены через 34 года, до самой ее кончины.

V. Она была для домашних не повелительницей, а нежнейшей матерью; они малейшее ее неудовольствие принимали с прискорбием и легкий упрек почитали большим наказанием. Государыня обходилась с ними кротко, вежливо, извиняла их недостатки, входила в их положение, доставляла им разные удовольствия, покоила их, дорожила ими. Однажды захотела она пить, и зная, что дневальный камердинер в это время, по обыкновению своему, дремлет, несколько раз осторожно отворяла дверь и всякий раз без успеха возвращалась к своим креслам. Прошло более получаса в терпении, наконец она позвонила; выспавшийся камердинер принес ей воды с морсом, и тогда императрица объявила ему, что его дремота долго мучила ее жаждой.

VI. Екатерина садилась за обед в два часа. За столом находилось всегда восемь или десять особ. Обходились просто, говорили свободно. Рассуждали иногда об европейских новостях, о поступивших в свет сочинениях, о смешных или примечательных происшествиях в столице. Все позволялось, исключая обидных или острых слов насчет другого: Екатерина не терпела злословия. Гости видели в ней ласковую, любезную хозяйку, а не императрицу, и время, проведенное с ней, оставалось у всех надолго в памяти. Она дорожила самолюбием каждого; обращала внимание на его рассуждения, соображая, что, кто доволен собой, тот доволен и ей. Природа наделила Екатерину превосходным искусством восхищать взоры, душу и сердце.

VII. После обеда, выпив чашку кофе, Екатерина уходила в свой кабинет, садилась за рукоделье, вязала на длинных спицах из шерсти одеяла, фуфайки, а Иван Иванович Бецкой (начальник воспитательных заведений) читал перед ней книги. Ужинов, кроме праздничных дней, не было. В 10-ть часов она удалялась, ложилась в постель, пила отварную воду и спокойно засыпала.

VIII. Императрица исполняла с точностью все уставы веры, слушала в воскресные и праздничные дни заутрени, обедни, наблюдала посты и собой подавала пример в благочестии.

IX. Для парадного женского наряда при дворе Екатерина ввела русское платье. Она сохранила русские обычаи, знала многие пословицы, поговорки.

На святках пели при ней подблюдные песни, играли в жмурки, в веревочку, кошку и мышку, в хороводы. Она хотела поддержать старинные русские обыкновения и сама участвовала в играх.

X. Русский язык предпочитала всем другим. «Наш язык, – писала она к одному известному французскому сочинителю, – так богат, силен и выразителен, что из него можно делать все по желанию, а ваш столь беден, что надобно быть вами, чтобы изъясниться с такой приятностью».

XI. Она любила русское дворянство и вообще весь русский народ. Она говорила, что народ русский есть особенный во всем мире, что Бог дал ему особенные от других свойства. Она была рождена для нашего отечества, гордилась званием Северной Владычицы; все, что только принадлежало России, было для нее драгоценным. Когда после продолжительной болезни, она показалась собранию, все обрадовались, подходили к ней с приветствиями. «Лучше поздравьте меня сказала императрица, что мой доктор выпустил из меня последнюю немецкую кровь».

XII. В 1790-х годах служил в сенате секретарем Поздняк; вместе с тем он был домашним секретарем при Дм. Прокофьевиче Трощинском. Однажды Трощинский передал ему подписанный императрицей указ для снятия с него копии. Поздняк положил его отдельно от прочих бумаг и, дабы он не запачкался, вложил его в обложку. Придя домой, занялся разборкой бумаг и черновые, ненужные, начал разрывать; в числе этих нечаянно захватил обложку, в которой был указ императрицы, и вместе с указом, разорвал ее. Увидав сейчас же свою ошибку, он страшно испугался: сначала хотел броситься в Неву, но потом, не изменяя своего намерения, решился прежде зайти в Казанский собор и, перед смертью, помолиться и испросить у Бога прощения своему невольному

самоубийству. Во время молитвы ему почудилось, что будто кто-то советовал ему все это объяснить прямо императрице. Из собора он возвратился домой и, надев свой сенатский мундир, поехал в Царское, где в то время жила государыня. Там он остановился у священника, которому рассказал свое горе. Священник принял в нем участие и сказал ему, что обыкновенно, в 7 часов утра, императрица гуляет с одной дамой в саду, указал место ее гулянья и даже посоветовал, где ему остановиться и ждать государыню, – это было на повороте из одной аллеи в другую.

Он так и сделал.

На другой день, забравшись часов в 6, он ожидал с не- терпением императрицы. Действительно, в 7 часов показалась она в сопровождении одной дамы. Тогда он встал на колена; императрица заметила его, не доходя несколько шагов, и остановилась в нерешительности; но потом, видя сенатский мундир и смиренную коленопреклоненную позу, подошла к нему и спросила, что ему нужно. Он рассказал ей свое горе.

– Ты не лжешь, спросила его государыня, – действительно ты по ошибке разорвал мой указ?

– Бог свидетель, матушка, что ошибкой, отвечал Поздняк.

– А кто писал указ? спросила императрица.

– Я, матушка государыня, отвечал он.

– Ну, ступай перепиши и завтра, в это время, будь здесь.

Он так и исполнил.

На другой день, в 7 часов утра, он был уже на том самом месте: с ним была чернильница и перо.

Императрица опять явилась в сопровождении этой же дамы; увидев его, подозвала к себе, взяла указ, прочитала и, приказав ему наклониться, подписала у него на спине. Отдавая ему, сказала:

– Прежде всего благодари Бога, что он удержал тебя от самоубийства и внушил тебе мысль явиться ко мне, а потом, чтобы об этом никто, кроме тебя и меня, не знал.

Он свято исполнил волю императрицы: никогда и никому об этом не говорил. Прошло несколько месяцев, как требует его к себе Трощинский; он является.

– Давно ли ты задними ходами, мимо начальства, ходишь к императрице? – грозно спросил его Трощинский.

– Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я никогда не бывал у императрицы, отвечал Поздняк.

– Врешь! Матушка-царица жалует тебе 300 душ и Владимирский крест; на, возьми его и сейчас подавай в отставку. Я не хочу служить с

теми, кто забегает к государыне задними ходами.

Поздняк в испуге передал тогда Трощинскому все происшествие. Трощинский взял его за руку, подвел к образу, поставил на колена и сам встал, сказав: «будем молиться за матушку царицу, – такой другой нам не нажить,» – и оставил его на службе.

(«Рус. Стар». 1874 г. Т. II, стр. 370).

XIII. В один из торжественных дней, в которые Екатерина всенародно приносила в Казанском соборе моление и благодарение Господу Богу, небогатая дворянка, упав на колена перед образом Божьей Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу, и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в совершенную бедность. «Владычица»! говорит она в своей жалобе, просвети и вразуми благосердную нашу монархиню, да судит суд правый». – Екатерина приказывает просительнице через три дня явиться к ней во дворец. Между тем вытребует из сената ее дело и прочитывает его с великим вниманием.

Прошло три дня. Дама, принесшая жалобу Царице Небесной на царицу земную, является; ее вводят в кабинет; с трепетом приближается она к императрице.

– Вы правы, говорит Екатерина, – я виновата, – простите меня; один Бог совершен; а я ведь человек, но я поправляю мою ошибку; имение ваше возвращается, а это (вручая ей драгоценный подарок) примите от меня и не помните огорчений, вам нанесенных.

(Черты из жизни Екатерины II. «Древняя и новая Россия» Т. I).

XIV. Екатерина чрезвычайно любила маленьких детей. Она привязывалась даже к детям своих служителей или к сиротам, которых воспитывала и которыми постоянно окружала себя, забавляясь их проказами. Однажды полиция нашла на улице ребенка, подкинутого родителями. Императрица взяла его на свое попечение и так как он оказался красивым и умным мальчиком, то сама занялась его образованием и каждый день посылала в школу брать уроки немецкого языка. Раз ребенок возвратился из школы весьма печальный. Императрица посадила его к себе на колена и с участием спросила о причине горя.

– Ах, матушка, отвечал он, – я много плакал: наш учитель умер; его жена и дети в большом отчаянии; в школе говорят, что они очень несчастливы, потому что бедны и теперь у них нет никого, кто бы даль им обедать.

Выслушав это, императрица поцеловала ребенка и тотчас же послала одного из своих придворных к директору школы узнать подробнее о положении бедного семейства. Когда ей донесли, что учитель умер, оставив семью в крайней нищете, она приказала выдать вдове триста рублей, а детей поместить на казенный счет в одно из учебных заведений.

XV. Екатерина не терпела шутов, но держала около себя одну женщину по имени Матрену Даниловну, которая жила во дворце на всем готовом, могла всегда входить к государыне, звала ее сестрицей и рассказывала о городских новостях и слухах. Слова ее нередко принимались к сведению. Однажды Матрена Даниловна, питая почему-то неудовольствие на обер-полицеймейстера Рылеева, начала отзываться о нем дурно.

– Знаешь ли, сестрица, говорила она императрице, – все им недовольны; уверяют, что он нечист на руку.

На другой день, Екатерина, увидев Рылеева, сказала ему:

– Никита Иванович! пошли-ка Матрене Даниловне что-нибудь из зимних запасов твоих, право, сделай это, только не говори, что я присоветовала.

Рылеев не понимал, с каким намерением императрица давала ему этот совет, однако же отправил к шутихе несколько свиных тушь, индеек, гусей и т.п. Все это было принято весьма благосклонно.

Через несколько времени императрица сама начала в присутствии Матрены Даниловны дурно отзываться о Рылееве и выразила намерение сменить его.

– Ах, нет, сестрица, отвечала Матрена Даниловна, – я перед ним виновата: ошиблась в нем; все твердят, что он человек добрый и бескорыстный.

– Да, да, возразила императрица с улыбкой, – тебе нашептали это его гуси и утки. Помни, что я не люблю, чтобы при мне порочили людей без основания. Прошу вперед быть осторожнее.

(Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII в. Вейдемейера, СПБ. 1846 г. ч. II, стр. 158).

XVI. Камер-медхен императрицы, камчадалка Екатерина Ивановна, была очень забывчива. Однажды утром она не только забыла приготовить лед, составлявший обыкновенно умывание государыни, но даже сама ушла куда-то. Екатерина долго ее дожидалась, и когда, наконец, неисправная камер-медхен явилась, то императрица, вместо ожидаемого взыскания, обратилась к ней с следующими словами:

– Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты навсегда остаться у меня во

дворце? Вспомни, что тебе надобно выходить замуж, а ты не хочешь исправиться от своей беспечности. Ведь муж – не я: он будет строже меня взыскивать с тебя. Право, подумай о будущем и лучше привыкай заранее.

(Анекдоты об императрице Екатерине Великой. Москва. 1839 г.).

XVII. Во время одного из съездов ко Двору, императрица стояла у окна и заметила, что какой-то кучер, сойдя с козел, гладил и ласкал своих лошадей.

– Я слыхала, – сказала государыня присутствовавшим, – что кучерскими ухватками у нас называются грубые, жестокие поступки; но посмотрите, как этот кучер обходится с животными; он верно добрый человек, узнайте, кто его господин?

Ей доложили, что кучер принадлежит сенатору Я . П. Шаховскому. Императрица приказала позвать Шаховского и встретила его со следующими словами:

– К вашему сиятельству есть челобитчица.

– Кто бы это, ваше величество? спросил удивленный Шаховской.

– Я, отвечала Екатерина: – ваш кучер добросовестнее всех других; я не могла довольно налюбоваться на его обращение с лошадьми. Прибавьте, прошу, ему за это жалованье.

– Государыня! Сегодня же исполню ваше приказание.

– А чем же вы его наградите, – скажите мне?

– Прибавкой пятидесяти рублей в год.

– Очень довольна и благодарна, сказала императрица и подала Шаховскому руку.

(Черты из жизни Екатерины Великой. СПБ. 1819 г. 218).

XVIII. Однажды граф Салтыков поднес императрице список о производстве в генералы. Чтобы облегчить императрице труд и обратить ее внимание, подчеркнул он красными чернилами имена тех, которых производство, по его мнению, должно было остановить. Государыня нашла подчеркнутым имя бригадира князя Павла Дмитриевича Цицианова.

– Это за что? – спросила она.

– Офицер его ударил, отвечал Салтыков.

– Так что ж? Ты выйдешь от меня, из-за угла накинется на тебя собака, укусит, и я должна Салтыкова оставить? Князь Цицианов отличный, умный, храбрый офицер ; им должно дорожить; он нам пригодится. Таких людей у нас немного!

И собственноручно отметила: «Производится в генерал-майоры».

Екатерина не ошиблась: князь Цицианов оправдал ее мнение

(Рассказы Де Санглена. «Русск. Стар.» 188В г.).

24. Суворов

I. Василий Иванович Суворов, дослужившийся до чина полного генерала и имевший несколько деревень, вышел в отставку и поселился в одной деревне Новгородской губернии. Здесь жил с ним и сын его Саша.

Саша был резвый мальчик. Бегать, лазить по деревьям, купаться, ездить верхом – это была его страсть. Только за дверь – и пошел гулять подпрыгивая: там перескочит, там перелезет и очутится в поле. Бродит, пока не устанет: то камешек поднимет и рассматривает его; то сорвет цветок и любуется им; то смотрит вдаль и задумывается. Перед ним яма: если узкая, перескочит ее; если неглубокая, прыгнет туда и, без сомнения, пере-пачкается вдоволь, особенно на обратном пути оттуда. Перед ним лес: он туда, и лазит по деревьям, не обращая внимания на то, что из одной полы нередко выходили у него две-три, когда какому-нибудь сучку приходилось подружиться с его кафтанчиком. Вот стреноженная лошадь пасется в поле: он подходит к ней, гладит ее, поправляет гриву, ласкает морду, развязывает ноги, обеими руками вцепляется в гриву, взбирается на лошадь и мчится во весь опор, пока и тот, и другая не выбьются из сил. Перед ним ручеек, дай покупаться, и в минуту он уже в воде; часто купался он в позднюю осень, когда начинались заморозки. Погоды не разбирал: ветер ли сильный, дождь ли большой, грязи ли много, а уж если затеял прогулку, то непременно пойдет. Весь промокнет, бывало, запачкает и башмаки, и чулки, и кафтанчик **:** и все было ему ни почем. Точно готовил он себя для военных походов,

II. Саша как резвился отлично, так и учился прекрасно. Понуждать его к учению не нужно было: он занимался и усердно, и по доброй воле. Редкое он был дитя, – не требовал ни побуждений и поощрений к учению, ни похвал или порицаний, ни угроз и наказаний, как это необходимо бывает для других детей! Тогда не было у нас ни училищ, ни учителей, ни наук таких, какие теперь есть: и Саша сам учился уму-разуму через чтение книг, какие были в его библиотеке [453] и в библиотеке его отца; а домашний учитель сообщил ему только начальные сведения да выучил его французскому и немецкому языкам, Саша читал книги преимущественно такие, в которых описывались герои, походы, битвы, или речь шла о крепостях, пушках и т.п. Он разложит, бывало, на полу географические карты, возьмет в руки книгу, ложится на карты, читает в книге описание какой-нибудь войны, в то же время следит по карте за движением войск, потом берет бумагу и карандаш и сам чертит планы сражений. В это время разряжайся над ним гром – не услышит; кто ни приходи к нему – не заметит. Один раз в шутку унесли при нем все, что было у него на столе, –

и он тогда только заметил, когда перестал заниматься.

Зато на двенадцатом году Саша знал гораздо более многих пожилых людей тогдашнего времени. Приезжавшие к Василию Ивановичу его друзья и знакомые часто разговаривали с Сашей и удивлялись, как он много помнил из читанного им, как хорошо все понимал, как умно рассказывал, как дельно соображал и отвечал на делаемые ему вопросы.

III. Следя за всеми поступками и занятиями сына, Василий Иванович видел, что Сашу преимущественно занимает военное дело: и гулянья его походили на военные упражнения, и в книгах он любовался преимущественно военными действиями, походами, сражениями, геройскими подвигами полководцев. Когда отец делал ему выговоры за его шалости, Саша отвечал: «солдат должен привыкать ко всему», и он называл себя солдатом еще на седьмом году от роду.

Саша постоянно посещал храм Божий; там пел вместе с дьячком на клиросе и читал, что положено было по церковному уставу; изучил самый этот устав и порядок божественной службы так, что знал, что после чего следовало петь и читать. Василий Иванович как сам был благочестив, так то же благочестие внушил и своему сыну.

Через несколько времени Александр Васильевич был записан рядовым в гвардейский Семеновский полк и с величайшей радостью отправился в Петербург.

IV. Кто из дворян записывался в солдаты, тот до получения офицерского чина обыкновенно считался только по спискам. Суворов состоял на лицо в действительной службе и выполнял все ее требования: бывал на фронтовом учении, содержал караулы.

Были примеры, что солдаты из дворян нанимали за себя на службу других солдат, особенно в дурную погоду или в мороз. С Суворовым этого никогда не случалось: чего требовала служба, то он строго сам выполнял, сам даже чистил свое ружье и амуницию. Живя на вольной квартире, он постоянно посещал казармы: там хотел изучить солдат, их характер, их быт, их нужды. И изучил все это превосходно, разгадал русского солдата; потому-то ему и хотелось самому испытать солдатский быть. Он превосходно также изучил язык солдат, умел говорить их особенным наречием так хорошо, как никто бы не заговорил. Зато скажет, бывало, несколько слов, так и вспыхивало солдатское сердце.

Солдат любил он, как братьев, и более бедным из них раздавал остававшиеся у него деньги. Когда, в знак признательности, они искали случая, чтобы сделать ему что-нибудь угодное, он принимал от них одно: чтобы поучились фронту под его командой. Это было для него

величайшим наслаждением.

V. Суворов жил на вольной квартире, чтобы удобнее ему было заниматься науками. Он до того предан был наукам и дорожил временем, что редко посещал своих родных. Когда спрашивали его о причине такой странности, он отвечал: «мне нечему у них научиться, а время дорого». Часто говаривал он: «помни, что у худого пахаря хлеб худо родится; а за ученого двух неученых дают». Письма его к отцу всегда отличались необыкновенной краткостью, как потому, что он не способен был к разглагольствованию, так и потому, что слишком дорожил временем. Для примера вот одно из них: «Любезный батюшка! Я здоров, служу и учусь». А. Суворов.

Суворов прошел все степени солдатского звания: был сначала рядовым, потом капралом, или унтер-офицером, потом сержантом, или фельдфебелем; прошел их примерным образом, как проходит редкий солдат. «Научись повиноваться прежде, нежели будешь повелевать другими; будь добрым солдатом, если хочешь быть хорошим фельдмаршалом», говаривал он, и слова оправдывал на деле. Несмотря на то, прошло слишком 12 лет, пока он получил первый офицерский чин. Между сверстниками его лет Румянцев на 22 году был уже генералом-майором. Терпение его вознаградилось впоследствии: как не скоро достался ему первый чин, так быстро пошли следующее за ним. И Суворов обыкновенно говаривал: «не прыгал я смолоду, зато теперь прыгаю».

VI. Начиная с конца царствования Елизаветы Петровны, Суворов участвовал во всех почти походах и войнах, которые вела Россия с соседями. Командуя небольшими отрядами, исподняя поручения своих начальников, он везде обнаруживал быструю сообразительность и необыкновенную удаль и геройство. Он бил немцев, поляков, турок и татар. Но в полном блеске гений Суворова начал проявляться только со времени второй турецкой войны при Екатерине (1787–1791). Турция никак не могла забыть потери Крыма, и чтобы возвратить его, начала с нами новую войну. Екатерина назначила главнокомандующим своих войск Потемкина. Но главный победы над турками в эту войну были одержаны Суворовым.

Вторую турецкую войну мы вели в союзе с австрийцами. Вдруг на австрийцев сделал нападение сам турецкий визирь с армией тысяч в сто. Главнокомандующий австрийских войск, принц Кобургский, в ужасе пишет Суворову: «Спасите нас!» Герой ответил одним словом: «Иду!». И действительно, с невероятной быстротой явился он на помощь. Принц тотчас же послал просить его к себе. Но посланному сказали: «Суворов

Богу молится». Через несколько времени принц снова шлет. Ему говорят: «Суворов ужинает». На третье приглашение был ответ: «Суворов спит». Но Суворов вовсе не спал, а, взобравшись на высокое дерево, обозревал оттуда расположение неприятельского войска. Только на утро пришел он къ принцу и предложил ему немедленно напасть на турок. Принц ужаснулся. Ему казалось немыслимым с 26 тысячным войском , какое было у них, нападать на стотысячную армию. Но доверие к Суворову было так велико, что он не смел спорить. Турецкие войска были расположены близ р. Рымника. Суворов, зная уже, как они были размещены, тихо и незаметно подошел к ним и потом так быстро и неожиданно ударил, что турки все переполошились и пустились в бегство. Напрасно визирь останавливал их, убеждал, показывал им коран, или священную книгу их пророка Магомета; он приказал, наконец, стрелять в бегущих из пушек, чтобы остановить их. Ничто не помогло. Теснимые, поражаемые, преследуемые, турки без оглядки бежали, бросая по дороге оружие, одежду и все, что было у них. Тысячами трупов их покрылось поле битвы. Сам визирь вскоре умер от горя. Суворов же за эту блистательную победу был пожалован в графы с прозванием Рымникского, а имя его прогремело не только по всей России, но и за границей.

VII. Скоро Рымникскому герою представился случай снова прославить себя таким подвигом, который затмил собой все прежние его подвиги. Русские осаждали турецкую крепость Измаил. Осада ведена была вяло и нерешительно. Распоряжавшийся осадой генерал донес даже главнокомандующему, что взять ее, по крайней мере в скорости, невозможно. Между тем императрица Екатерина предписала нанести туркам решительный удар. Тогда Потемкин поручил взять Измаил Суворову. Но крепость эта считалась неприступной. Несмотря на то, Суворов решился взять ее. Как обыкновенно водится, он сначала потребовал добровольной сдачи крепости. Ему отвечали: «Скорее небо упадет на землю, а Дунай потечет вверх, нежели Измаил сдастся». Тогда русские стали готовиться к штурму. Суворов сам учил солдат как переходить ров, ставить лестницы, лезть на стены; всем отданы были самые точные приказания. Наступила темная, непроглядная декабрьская ночь (1790 г.). В три часа взвилась ракета. Войска встрепенулись. Через час была пущена другая ракета, потом третья. В пять часов войска стояли уже в боевом порядке и как волны устремились на крепость. Под губительным огнем со стен неприятельских они быстро переходили ров и смело лезли на вал, в иных местах даже без лестниц, втыкая в вал штыки и подсаживая друг друга. В одном месте солдаты смешались было,

но среди их явился священник с крестом в руках – и они ободрились и опять полезли. При таком самоотвержении, при таком забвении всяких опасностей ничто не могло остановить суворовцев.

К восьми часам утра они уже овладели стенами. Но в самом городе открылась еще более страшная резня: приходилось брать приступом каждую улицу, каждый дом; сражались даже турчанки и дети. И только к 3 часам пополудни Измаил стал русским городом. За то более 20 тысяч турок полегло здесь; спасся только один, который и принес верховному визирю горестную весть о падении крепости. Суворов так доносил Императрице о взятии Измаила: «Гордый Измаил у ног Вашего Величества», а Потемкину писал: «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но он взят». Покорение Измаила, как подвиг, которому до сих пор подобного не бывало, прославило Суворова на весь мир. Везде имя его произносилось с уважением; везде удивлялись этому великому русскому полководцу.

У Суворова, впрочем, было довольно врагов и завистников, которые победы его приписывали одному счастью. «Но, говорил Александр Васильевич, сегодня счастье, завтра счастье, всегда счастье; помилуй Бог! Дайте же сколько-нибудь и ума». Императрица Екатерина, однако же, вполне понимала Суворова и вполне ценила его талант.

VIII. В это время наступал конец Польше. Там уже давно происходили страшные беспорядки, которые предвещали близкое падение ее. Польские паны и шляхтичи совсем не слушались своего короля, между собой ссорились и дрались, а крестьян своих, особенно православных, сильно угнетали. Эти беспорядки причиняли много хлопот и соседям, в особенности России. Наконец императрица Екатерина решилась добиться во что бы то ни стало облегчения тяжкой участи православных русских христиан в Польше. Она силой оружия принудила к этому поляков. Но так как в Польше была полная неурядица: нынче отменяли то, что вчера положили, верить ничему нельзя было, – то Екатерина оставила свой гарнизон в Варшаве, столице польской. Поляки же раз ночью, в страстную пятницу, напали на сонных и безоружных русских солдат и несколько тысяч их перерезали. Императрица, узнав об этом, сильно встревожилась и немедленно отправила в Польшу армию, а главнокомандующим назначила Суворова. Суворову было тогда уже 64 года; но бодрость и живость его не изменились; неутомимость его была изумительна. Екатерина так верила в него, что, назначая его, сказала: «Я посылаю в Польшу двойную силу – армию и Суворова». И действительно, страх напал на поляков, когда они узнали о назначении Суворова.

Суворов прискакал к армии в простой тележке и остановился перед палаткой, приготовленной для него на лугу, близ лагеря. Мгновенно по всему лагерю пронеслась весть: «Суворов приехал!» Все встрепенулись и ожили, все почувствовали как будто новые силы в себе. В палатку к Суворову явились генералы и офицеры. Объявив им в кратких словах волю императрицы, он вдруг вытянулся, зажмурил глаза и скороговоркой произнес: «Войскам выступать, когда петух запоет. Идти быстро – полк за полком. Голова хвоста не ждет». Знавшие Суворова поняли этот приказ и поэтому, хотя до пения петухов было еще далеко, начали сейчас же готовиться к выступлению в поход. Действительно, через несколько времени и именно в семь часов вечера, из палатки главнокомандующего послышалось хлопанье в ладоши, подобное взмаху крыльев петуха, и протяжное кукареку. Это сделал сам Суворов. По этому сигналу мгновенно все поднялось на ноги и двинулось в поход. Суворов ехал тут же вместе с войсками. Объезжая ряды солдат, он со многими из них разговаривал. Так ободряя и воодушевляя солдат, быстро шел он к Варшаве. Осенью 1794 года русские войска подступили к Праге. Это было укрепленное предместье Варшавы, отделявшееся от нее р. Вислой. Штурм Праги, как и штурм Измаила, начался рано утром, когда еще было темно. Мгновенно вся окрестность озарилась пламенем и на валах крепости открылся отчаянный рукопашный бой. Суворов стоял на высоком холме вблизи вала, внимательно следил за всеми движениями и отдавал приказания. Через несколько часов Прага была взята; за ней сдалась и Варшава.

О взятии ее Суворов донес в следующих кратких словах: «Всемилостивейшая государыня! Ура, Варшава наша!» Екатерина ответила на это также кратко: «Ура, Фельдмаршал!» Этим она возводила его в фельдмаршалы **.** После взятия Варшавы судьба Польши была решена окончательно. И прежде от нее были уже отделены некоторые земли; теперь же она была окончательно поделена (1795 г.) между соседями: часть отошла к Пруссии, другая к Австрии, России же при падении Польши возвратила свои старинные земли: Белоруссию, Волынь, Подолию и другие. Из них только Галиция осталась за Австрией.

IX. Между тем для подвигов великого русского полководца открывалось новое поприще. В это время во Франции происходили страшные кровопролития. Французы ниспровергли правительство и начали губить и резать друг друга. Целые тысячи народа гибли иногда совершенно безвинно. В то же время у них появился молодой гениальный полководец, Наполеон Бонапарт, под предводительством

которого они стали нападать на чужие земли и завоевывать их. Императрица Екатерина нередко задумывалась над этими делами и советовалась с Суворовым. Старый фельдмаршал с радостью готов был идти против французов и даже просил об этом императрицу. «Матушка! писал он ей раз: пошли меня бить французов». Но прежде нежели решен был поход, она скончалась в 1796 году. На престол вступил сын ее, император Павел Петрович (1796–1801 г.), который хотел жить в мире со всеми. Для Суворова же наступило теперь время тяжкого испытания. По наветам врагов он подвергся гневу императора, был уволен в отставку и отправлен на житье в имение свое, село Кончанское, Новгородской губернии. Старый фельдмаршал повел здесь самую простую и оригинальную жизнь. Встав рано по утру, шел на колокольню звонить; во время церковной службы отправлял должность дьячка – читал и пел, подавал священнику кадило; гуляя по деревне, вмешивался в игры крестьянских мальчиков, бегал и прыгал с ними, играл в бабки. Живя в деревне, Суворов, казалось, всеми был забыт. Но слава прежних великих дел его скоро заставила вспомнить о нем.

Бонапарт отнял у немецкого императора итальянские земли и угрожал отнять еще более. Не надеясь на свои силы, император стал просить помощи у нашего государя, а вместе с тем просил прислать Суворова в предводители войск. Немедленно в село Кончанское поскакал курьер с собственноручным письмом императора Павла. Как будто ожил старый герой. Слезы радости покатились из глаз его. Он поцеловал письмо государя, отдал приказ сейчас же собираться в дорогу, а сам побежал в церковь и велел служить молебен; стоя на коленях, молился, пел и плакал.

Вот по улицам Петербурга мчится почтовая кибитка, а в ней сидит седой старичок. Кибитка останавливается у Зимнего дворца. Старичок бодро выскакивает из нее и бежит по лестнице. Это был Суворов. Император ласково принял его и долго разговаривал с ним. Через час во всем Петербурге заговорили о приезде Суворова. Невозможно себе представить общего восторга: с приездом его знакомые поздравляли друг друга как бы с праздником; народ бегал за его каретой по улицам, собирался толпами на парады, чтобы посмотреть на него. А вместе с тем в городе рассказывались тысячи анекдотов о разных его шутках и проделках. Так рассказывали, будто с одним вельможе он сыграл такую штуку. Пресерьезно разговаривая с ним о важных предметах, он вдруг, когда тот превратился весь в слух и внимание, остановился и запел петухом: «Как это можно!» воскликнул вельможа, оскорбившись. «Поживи с мое – запоешь курицей», ответил ему Суворов. Однажды застали его

прыгающим через чемоданы, в которые укладывались дорожные вещи. «Что это вы делаете?» спросили у него. «Учусь прыгать», ответил он. «Ведь в Италии то прыгнуть – ой, ой! велик прыжок! надобно поучиться».

Получив от государя полную волю действовать по своему усмотрению, Суворов на почтовых поскакал в Вену, столицу Австрии, вслед за русскими войсками. Австрийский или немецкий император принял его с большими почестями, сделал своим фельдмаршалом и вручил ему команду над своей армией **.** Но советники императора потребовали от Суворова самого точного плана кампании. Русский полководец, привыкший действовать по своим правилам, где главную роль играли глазомер, быстрота и натиск, отказался представить такой план и доказывал, что до личного обозрения места действия ни о каком плане и речи быть не может. Когда же главный советник и министр стал настойчиво требовать у Суворова плана, то он, как говорят, выведенный из терпения, развернул перед ним бланкет, или пустой белый лист бумаги, подписанный императором Павлом, и сказал: «Вот мой план!» Так, не добившись плана, австрийцы и отпустили Суворова в Италию воевать с французами. Весело шли (1799 г.) русские солдаты на Французов, считая себя непобедимыми под командой Суворова. Но однако воевать с французами было совсем не то, что с турками или поляками. Французы народ очень храбрый и искусный на войне, да и полководцы их были не то, что турецкие визири и паши, или польские паны. С французами трудно было справиться в Италии еще и потому, что их было здесь очень много и что почти все главные крепости находились в их руках. Несмотря на то, Суворов, с своими чудо-богатырями постоянно одерживал верх и над ними. Французы не могли надивиться его быстроте, сообразительности и искусству. Особенно замечательно одно дело с ними, где вполне выказался талант Суворова и его волшебное действие на солдат. Французские полководцы, действуя сначала на разных пунктах, задумали соединиться и общими силами ударить на Суворова. С этой целью они старались разными маневрами ввести в обман русского полководца. Но Суворов понял их хитрости и в свою очередь начал производить такие странные передвижения войск, что совершенно сбил их с толку и не дал им соединиться. Тогда он сам напал (при Требии) на один отряд, несмотря на то, что у того было больше войска. Битва продолжалась три дня в нестерпимый жар. Изнуренные зноем и неравной борьбой, русские под конец едва могли держаться. Суворов сам был в изнеможении. Но вот ему доносят, что русские полки колеблются. «Коня!» закричал он и поскакал в передние ряды в одной рубашке. Едва солдаты завидели своего старого

предводителя, заслышали его волшебную команду, как забыли усталость, ударили в барабаны и бросились на неприятеля в штыки. Французы подумали, что к русским на подмогу прибыли свежие войска, и с большим уроном отступили.

После этого поражения французы убедились, что им не сладить с русскими богатырями, и начали сдавать им один город за другим. В Петербурге и в Вене то и дело получали известия о победах и ключи от покоренных городов. В какие-нибудь четыре, пять месяцев Италия была свободна от власти французов **.** Они разбиты были в двух больших и шести малых битвах; у них взято было в плен до 80 тысяч человек, отнято 25 крепостей. Император Павел не знал уж чем наградить богатырские подвиги Суворова. «Вы поставили себя выше всех наград», писал он ему. Суворов уже получил титул светлейшего князя с прозванием Италийского. Наконец повелено было отдавать ему воинские почести, подобные царским, даже в присутствии государя. «Достойному достойное!» говорил император в своем рескрипте.

X. Но среди блистательных побед, среди необыкновенных почестей и наград, Суворов почти постоянно был скучен и печален.

Дело в том, что австрийцы стали завидовать славе русского полководца, который по-видимому, без всяких планов, всюду разбивал врагов, тогда как они до сих пор терпели от французов одни поражения, несмотря на все свои глубокомысленные соображения и планы. Своим вмешательством они старались вредить ему теперь на каждом шагу. Суворов приходил в отчаяние. Он писал, жаловался императору Павлу, даже просил об отзыве себя в Россию, но, убеждаемый государем, продолжал командовать.

XI. Вскоре, впрочем, император Павел, недовольный своекорыстными и коварными действиями австрийцев, повелел Суворову возвратиться в Россию. А вслед затем кончилась и самая жизнь его. Как будто жил он войной и для войны. Во все время похода он с изумительной твердостью и терпением переносил все трудности и лишения: то под проливным дождем, то в метель и вьюгу бодро ехал он на казацкой лошади, в обыкновенном плаще – и все сходило с рук семидесятилетнему герою. Но едва кончилась война, едва простился он с своими чудо-богатырями, как силы его начали слабеть, хотя лишений и трудностей уже не было никаких. Когда его привезли в Петербург, то он походил скорее на тень и постоянно впадал в беспамятство. Но и в предсмертном бреду ему грезились битвы, войска – и он отдавал им приказания. 6 мая 1800 г. великий русский полководец, непобедимый на поле битвы, был сражен

смертью. Вскоре император Александр Благословенный воздвиг Суворову памятник. Он и теперь стоит в Петербурге на площади, которая но памятнику называется Суворовской. Кроме того Суворов красуется на памятнике Екатерины Великой. Прах же его покоится в Александроневской Лавре. На простой каменной плите над его могилой написано: «Здесь лежит Суворов». Но память о нем будет жива до тех пор, пока будет стоять Русь. При одном имени его сильнее бьется русское сердце и горячее кипит русская кровь.

(По Новаковскому, Рождественскому, историч. журнальн. и др. источникам).

25. Солдатский катехизис Суворова

1. «Герои-молодцы! Кто грудью стоит за веру, отечество и царя – того Бог милует.

2. Храбрый солдат выполняет данную им перед Богом клятву.

3. Подлый трус нарушает ее и подвергается страшному Его суду **.**

4. Храбрый солдат не боится пуль, идет вперед, не выдает своих товарищей; у неприятеля дрожать руки от его храбрости, и одна разве случайная пуля достигает нашего солдата.

5. Мерзавец-трус боится и одного свисту пуль, бежит назад, прячется, неприятель ободряется его робостью – и десять верных пуль летят ему в тыл: негодный клятвопреступник погибает.

6. Молодцы! Кто вперед идет, тот одной пули боится, кто назад бежит, тот – десяти.

7. Храбрый солдат терпит раны, как мученик, а трус – как наказанный преступник.

8. Молодцы герои! Ваши начальники видят вашу нужду; болит у них сердце за вас; но не всегда пособить можно; наша участь терпеть: *Бог за все заплатит.*

9. Грабитель – не солдат: он не стоит ни Божьего милосердия, ни царской милости.

10. Друзья! Бойтесь Бога, помните присягу, повинуйтесь начальникам; деритесь храбро – и все падет перед вами»!

Суворовские служаки верно следовали завету своего отца-командира; за то он и хвалил их при всяком удобном случае. Однажды принц Кобургский спросил Суворова: «Много ли в вашей армии истинно-верных и преданных солдат?» – «Много, очень много, не сосчитать», отвечал князь; сотня – мало, тысяча – мало, корпус – мало, вся, вся армия! У меня, когда чудо-богатырь поцелует крест, то доколе дышит – своему долгу не изменит; пошли его в огонь – идет; пошли в воду – идет; уставь

против него десять штыков – идет; сел за кашицу, и закричи: вперед! – кашица в сторону, а он идет; ноги едва тащутся, но приударь в барабан – идет... Службу он любит, присяге не изменит, везде готов положить свою голову, только умей начальник его развеселить, только он не опрокинься и иди прямо; солдат же сам по себе никогда с прямой дороги не собьется: *для веры, России и государя он всегда, везде и на все готов, и целый свет подобного ему не представляет.*

26. Как в старину, при Суворове, готовились к бою наши православные р усски е воины

(Канун штурма [454]*Праги в 1874 году)*

I. «Все мы, как под венец», рассказывает один из участвовавших в бою, «надели на себя чистое белье и ждали исполнить волю Александра Васильевича (Суворова – главнокомандующего). Перед полуночью был поставлен близ огней наших ротный образ святого угодника Божьего Николая чудотворца, и затеплена перед ним свеча в фонаре. Богатырь – наш начальник Харламов, явился в кругу роты и говорил: «Слышите, дети, надобно нам, как христианам, как русским, помолиться Господу Богу и Его святому угоднику Николаю о победе над врагами и о покровительстве над нами... Да и помиримся со всеми. Слышите, друзья мои? Это хорошо будет, это по-нашему, это по-русски; это нужно!» – «А мы только хотели просить о том вас, ваше высокоблагородие, отец наш», говорили гренадеры...

II. И вот вся рота окружила образ святого Николая чудотворца. Впереди стал наш начальник с офицерами, и он, старик-великан, перекрестился, сказав громко: «Дети, Господу помолимся!» и ратники говорили, крестясь: «Господи, помилуй нас!» – Отец наш, начальник, опустился на колени, и вся рота за ним то же сделала. Всякий, воззревши на образ угодника, тихо про себя творил, с душевным умилением, Господу Богу молитву, и упадал челом своим к земле. Не в одной нашей роте, но в целом полку, да и во всей армии приносимо было Господу Богу Создателю моление.

III. После молитвы ротный начальник тут же говорил нам: «Слышите, дети, в драке помнить Бога! Напрасно неприятеля не убивать: они такие же люди; бить – храбро, дружно вооруженного неприятеля, и слушать моего голоса. Теперь спать я вам не советую: скоро настанет время идти на пир с друзьями, которые ждут нас со страстной недели». Отец наш сел на обрубке дерева. Между многими наставлениями он рассказывал нам примеры русского богатырства в былое время, и, между прочим, сказал: «Чем ближе к врагу, тем лучше. Храбрый впереди, – трусишку и позади

убивают; ему, если и жив останется, ни чести, ни места нет».

27. Суворов

Черная туча, мрачные крыла
С цепи сорвав, весь воздух покрыла;
Вихрь полуночный, летит богатырь:
Тьма от чела, с посвиста пыль;
Молньи от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежать позади.
Ступит на горы – горы трещат,
Ляжет на воды – воды кипят,
Граду коснется – град упадает,
Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет природа, бледнея пред ним,
Слабые трости щадятся лишь им...
(Державин).

28. Смерть капитана Миронова

Пугачев [455] сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами; высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его мне показалось знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице... Через минуту я увидел бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказал ему Пугачев, «государю Петру Феодоровичу!» – «Ты нам не государь», отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана, – «ты, дядюшка, вор и самозванец!» – Пугачев махнул опять платком – и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мной (Гриневым). Я глядел смело на Пугачева,

готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, я увидел, среди мятежных старшин, Швабрина, (офицер, товарищ Гринева, предавшийся на сторону Пугачева), обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» сказал Пугачев, не взглянув уже на меня, Мне накинули на шею петлю. Я сталь читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех, близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу: «не-бось, не-бось», повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные, погоди!» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной!» говорил бедный дядька: «что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут, а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня – старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и отпустили.

«Батюшка наш тебя милует», говорили мне. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка, Петр Андреевич!» шептал Савельич, стоя за мной и толкая меня: «не упрямься! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!), поцелуй у него ручку». Я не шевелился, Пугачев опустил руку, сказав с усмешкой: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе.

(А. Пушкин).

29. Иван Петрович Кулибин

(Механик-самоучка)

I. Иван Петрович Кулибин, сын Нижегородского мещанина, мучного лабазника, родился в Нижнем Новгороде 10-го апреля 1735 года. Кулибин выучился грамоте и выкладке на счетах у приходского дьячка. С малых лет пристрастился Иван Петрович к механике [456] , делал флюгера и водяные мельнички, которые ставил на маленьких ручьях; это его очень забавляло, несмотря на то, что отец его часто бранил и даже ломал и закидывал игрушки, отрывавшие сына от лавки. У Кулибиных в саду был пруд, куда часто пускали рыбу, но вода была стоячая, и рыба в ней засыпала. Кулибин придумал провести воду в этот пруд, с ближайшей горы, а из пруда выпустить лишнюю. Пруд стал проточный. Отец Кулибина, увидев, что рыба не только не засыпала, но даже водилась в пруду, не мало дивился хитрости сына и даже похвалил его. Это был его первый полезный труд.

II. Кулибин часто ходил на соборную колокольню; его занимало устройство часов: и захотев учиться механике, он стал читать ученые книги по этой части.

На восемнадцатом году он увидел у своего соседа стенные часы с дубовыми колесами, по образцу которых он сам попробовал сделать такие же, но неудачно: они не пошли. У него не было нужных инструментов. Неудача его не остановила, – Кулибин не унывал. По поручению городской ратуши [457] , которой нужен был человек грамотный и ученый (а грамотных тогда было еще меньше, чем теперь), Кулибин поехал в Москву.

III. В Москве он занялся часовым мастерством, купил все нужные для этого мастерства инструменты и, приехав в Нижний Новгород, стал делать часы деревянные с кукушками и медными колесами и починять карманные. Тогда в Нижнем нуждались в часовом мастере, и все стали отдавать свои часы Кулибину.

IV. Этого было мало для Ивана Петровича; он захотел сам устроить часы, и часы какие-нибудь небывалые. Он был уже тогда женат и имел детей. Ему не на что было бы закупить необходимые материалы и инструменты, если бы Костромин, Нижегородский купец, не вызвался ему не только помогать деньгами, но принять его к себе в дом с семейством и учеником Пятериковым. В это время Кулибин случайно увидел телескоп (зрительную трубу для рассматривания солнца, месяца и звезд на небе). Состав, из которого делались зеркала в этих трубах, был тайной англичан, но наш механик-самоучка своим умом дошел до этой тайны и сам сделал такой же телескоп.

V. Мая 22-го дня 1763 года приехала императрица Екатерина Вторая в Нижний Новгород. Губернатор представил Кулибина графу Владимиру Григорьевичу Орлову, который представил его Императрице. Екатерина долго говорила с Кулибиным, расспрашивала его про часы, и он ей объяснял их устройство по чертежам: часы не были еще готовы тогда, потому, уезжая, она пригласила его в Петербург.

После отъезда императрицы в Нижнем Новгороде была получена следующая бумага: «Не желает ли механический мастер Иван Петров Кулибин определиться в Академии, чтобы усовершенствоваться еще более»?

Когда Кулибин окончил часы, он поехал с Костроминым в Петербург и поднес их императрице. Она повелела: 1) часы и вещи, привезенные Кулибиным, поместить во дворце. 2) Кулибина причислить к Академии в звании механика и производить ему 300 рублей ежегодного жалованья. 3)

Выдать за часы 1000 рублей. 4) Костромину выдать тоже 1000 рублей и сверх того серебряную кружку с золотым портретом императрицы, за оказанную Кулибину помощь в его полезных трудах. Весь Петербург тотчас же узнал об этих милостях, – и у Кулибина стало много завистников.

VI. В Петербурге Кулибин сделал образец висячего моста, без свай и быков под ним. Мост, в 14 сажен шириной, сдер- живал около 6.000 пудов в продолжение трех недель без малейшего повреждения. Несмотря на насмешки и неудовольствия многих ученых, императрица пожаловала ему 2.000 рублей, а мост велела поставить в саду Таврического дворца. В 1775 году Кулибин и его семейство были исключены из подушного оклада, и кроме того Иван Петрович получил золотую медаль, в 34 золотника весом, с надписью с одной стороны: «Академия Наук механику Ивану Кулибину», а с другой: «Достойному для ношения на Андреевской ленте».

VII. Зная дороговизну и трудности, сопряженные с судовой работой на Волге, Кулибин изобрел водоходное судно, которое шло по реке против течения воды этой реки. Генерал-прокурор, князь Вяземский, с членами адмиралтейств [458] совета взошли на это судно, нагруженное четырьмя тысячами пудов балласта, и судно пошло вверх по Неве. Несмотря на то, что удобство и польза этого судна были доказаны и признаны всеми, видевшими его на деле учеными, оно не было принято купечеством и не заменило трудный способ, до сих пор употребляемый, посредством бечевы с приводами для людей и лошадей. Это был жестокий удар для добросовестного и некорыстолюбивого старика-труженика, который считал свой труд важным и полезным для России. *А польза России была для него всегда первой заботой.* Он изобрел еще самокатную тележку и искусственную ногу для безногих, позволявшую им не только ходить без палки, но даже бегать и плясать.

VIII. В 1800 году в присутствии Государя Павла Петровича в главном адмиралтействе спускали три корабля. Первые два сошли в воду благополучно, третий же остановился на полдороге. Еще до спуска Кулибин, рассматривая его, обратил внимание главного строителя на некоторые, по его мнению, важные неправильности. На эти замечания ему ответили, чтобы он не мешался не в свое дело. Теперь же, когда предостережения Кулибина оправдались, его вызвали из толпы, и он взялся на другой день спустить корабль. Целую ночь работал Иван Петрович, и когда на другой день все приготовления по его плану были сделаны, он взошел на палубу и махнул платком, рабочие дружно налегли

на канаты и рычаги, к которым поставил их Кулибин – и корабль плавно пошел в реку при криках толпы: «Спасибо русаку! Вот каков наш брат, бородач!» и громком «ура»!

IX. В 1801 году шестидесяти лет от роду Кулибин был отпущен на родину, получив 3.000 рублей ежегодного пенсиона и 6.000 рублей на уплату долгов.

В последние годы жизни Ивана Петровича Кулибина судьба послала на него несколько важных потерь и лишений. Так в 1813 году у него сгорел двухэтажный дом, который он построил по своему же плану. Бывший ученик его Пятериков принял его к себе с семейством, но Кулибин, не хотевший его стеснять, перешел к зятю своему Попову и наконец купил полуразвалившийся домик, куда перешел с семьей. Он часто страдал от холода, сырости и тесноты и занемог, так что последние три года часто должен был целые месяцы оставаться в постели, но и тут он всегда или работал, или чертил что-нибудь.

X. Июня 30-го 1818 года умер знаменитый русский механик Иван Петрович Кулибин, подвизавшийся всю жизнь на пользу отечества и сограждан и прославившийся сколько полезной и ученой деятельностью, столько же и высокими качествами добродетели и набожности. Пятериков, которому всегда казалось, что он еще не отплатил своему учителю за все, что он для него сделал, принял на себя издержки и хлопоты похорон. Учителя и ученики Нижегородской гимназии, как особенной чести себе просили, чтобы им позволили сопровождать останки всеми уважаемого и любимого Ивана Петровича. Гроб несли учителя гимназии, Пятериков и именитейшие купцы Нижнего Новгорода. Про народ, который им гордился и которому он помогал, чем мог, и говорить нечего: он в нем оплакивал своего друга.

(Из «Пчелы» Н. Щербины).

30. Отечественная война

I. В 1812 году, когда царствовал император Александр Павлович, вторгнулся в Россию Наполеон, император французов. Он привел с собой несметную силу войска.

Когда появились к нам непрошенные гости, Александр Павлович прибыл в Москву и приказал оповестить жителей, что будет держать речь всем сословиям в своем слободском дворце. В назначенный день сошлись все во дворец. Стал говорить царь, что пришли на нас сильные враги и что он положил все свое упование на Бога и на верность своих подданных. И вдруг он прослезился, дрогнул его голос. Все вокруг него заплакали и крикнули: «Отец наш! бери, что хочешь! веди нас: умрем или

истребим злодея»! Тут же купцы обещали денежное пожертвование, а дворяне объявили, что составят ополчение из своей среды.

И закипели приготовления к войне.

II. А Наполеон, лишь к нам вступил, так послал сильный отряд на петербургскую дорогу, потому что думал и Петербургом завладеть, а сам пошел другим путем. Подступил он к Смоленску. Наши войска защищали грудью город, но вышли из него, когда он уже был до половины разрушен неприятельскими ядрами, и отступили на московскую дорогу. Наполеон назначил свое начальство в Смоленске и пошел за нами.

А мы все разрушали на своем пути, чтобы ничего не оставлять неприятелям и сокрушить их голодом.

Главнокомандующий наш Барклай де-Толли был из немцев, а человек преданный, и свое дело знал. Однако царь решил поставить на его место князя Михаила Илларионовича Кутузова, потому что войско бывало с ним в походах и любило его, опять же свой брат – русский.

Князь приехал из Петербурга, нагнал нашу армию в полутораста верстах от Москвы и принял команду; отступил он еще немного и остановился в Можайском уезде, около села Бородина. Тут он сразился с Наполеоном в самый день Владимирской Божьей Матери. [459] Целых пятнадцать часов бились не на живот, а на смерть. Как у неприятелей, так и у нас легло тысяч по сорока на мать-сыру землю. Да мы-то были дома и могли пополнить наши войска; Бонапарту же не кем было заменить своих убитых.

Главнокомандующий дал вздохнуть войскам и подвинулся еще к Москве, а Наполеон пошел опять за ним. Под самым городом князь собрал своих генералов на военный совет, и решили, что не будут отстаивать Москвы, что отдадут ее врагам для спасения России, потому что Наполеон попадет в Москву, как волк в капкан. Так и было.

Давно уж говорили, что, может быть, Москва попадет во вражьи руки, и как только прошел этот слух, все стали из нее выбираться. Поднялась везде суматоха: в домах, в храмах, в присутственных местах и лавках. Иные зарывали в землю свое добро; другие свое вывозили. По улицам тянулись день и ночь экипажи и обозы; и сновали пешеходы с узелками, либо корзинами в руках. Женщины несли детей. Все покидали город. Оставались в нем лишь бедняки, которым некуда было уходить, прислуга в господских домах, да часть братии в святых обителях.

III. В Семенов день [460] архиепископ служил обедню в Успенском соборе, а после обедни молебен Владимирской Божьей Матери. Он увозил с собою икону. Когда он молвил: «Спаси от бед рабы Твоя, Богородице»,

народ зарыдал. Лишь только все приложились, вынесли образ в карету архиерея, и толпа бросилась его провожать по Красной площади. Тогда же увезли и икону Иверской Божьей Матери.

На другой день, с утра, наше войско проходило Москвой, и солдаты плакали, когда шли, с опущенными знаменами, мимо Кремля. К вечеру Наполеон вступил в город. Его французы стали голодать, лишь только перешли за нашу границу, и кормились одним грабежом. От границы до Москвы они шли около трех месяцев, то и дело приходилось им отстреливаться от наших, и совсем изнурились солдаты. Не вспомнили они себя от радости, когда заняли Москву. Думали бедняки, что тут им готовый провиант и покойные квартиры, и рассыпались по пустым домам. Потаскали они из погребов, что было съестного, наелись досыта и улеглись спать. Да не надолго привел им Бог у нас отдохнуть. В ту же ночь вспыхнул в нескольких местах пожар. На беду поднялся ветер, а на другой день превратился в бурю, так что огонь разлился настоящим морем и стал охватывать улицу за улицей.

Наполеон сначала расположился квартировать в кремлевском дворце; но как уж очень разыгрался пожар, то он переехал в Петровский парк.

Там он провел трое суток, по ночам не спал, а все смотрел на пламя, и вернулся в Кремль, когда стал утихать пожар, и уже выгорели три четверти города. Жутко было Бонапарту. Он воображал, что, как войдет в Москву, наш царь попросить у него мира, а царь и не думал с ним мириться. Между тем осень наступила, солдаты совсем износились, им нечем было прикрыться, а какая оставалась провизия в Москве – почти вся погибла во время пожара. Стал Наполеон посылать по окрестностям своих полковых начальников, отыскивать пищи людям и корму лошадям. Да наши крестьяне зарывали в землю свои запасы овса и ржи, а сами жили в лесах. Французы к ним захаживали и отбивали у них скотину, да этой малостью прокормиться было невозможно. Опять же наши казаки показывались то и дело около Москвы, нападали зачастую на французов и истребляли их.

Горемычные жители Москвы искали себе утешения в молитве. В нескольких церквах, где уцелели престолы, шло богослужение. Французские начальники не запрещали нам совершать службы. Они приставляли даже караул к храмам вовремя обедни и по просьбе священников присылали красного вина для литургии и пшеничную муку на просвиры; ладан, свечи и масло мы добывали в погребах и лавках. Лишь только раздавался благовест, москвичи, которые приютились по соседству, спешили в церковь. Бледные, исхудалые, они становились на

колени и изливали свое горе перед Богом. Матери подымали детей на руках и восклицали сквозь слезы: «Пресвятая Богородица, спаси невинных младенцев!» А когда на ектеньи дьякон молился о «царствующем граде», то рыдания раздавались во храме.

IV. Уже больше месяца стоял Наполеон в Москве. Он боялся, чтобы князь Кутузов не напал на него врасплох, и послал своего зятя разведать, где стоит русская армия. Зять его наткнулся на наш лагерь по старой калужской дороге, и один из генералов Кутузова напал на него, да так его разбил у села Тарутина, что французы бежали без оглядки. Как узнал об этом Наполеон, то увидал, что податься ему больше некуда, и тотчас же велел оповестить войскам, чтобы они были наготове, потому что на другой же день он выступает из Москвы.

И точно, вывел он сам свою армию из Москвы. Которые из наших видели тогда его несчастных солдат, говорили, что больно было взглянуть на них. Изнуренные, в лохмотьях, они походили на нищих. Кто прикрывался женской юбкой, кто священнической ризой, у кого одна нога была в дырявом сапоге, а другая босая. За ними шли пушки, фуры и множество повозок с награбленным добром, так что армия и обоз тянулись на целых тридцать верст.

V. Весть об отступлении Французов разнеслась, что молния, по городу, и обрадовались несказанно бедные москвичи. Но их ожидало еще новое горе. Наполеону хотелось, со злости, истребить совсем Москву, чтобы не оставалось в ней камня на камне. Сам-то он ушел, а оставил здесь несколько отрядов и приказал начальникам, чтобы они взорвали Кремль и все здания, что уцелели от пожара.

В ночь с 10 на 11-е октября жители Москвы были пробуждены страшным взрывом. За первым взрывом прогремели еще два других, и вспыхнул местами пожар. Да пошел, на счастье, дождь и не дал огню разыграться. Москвичи пробродили всю ночь по улицам или среди дворов, молились и ожидали смерти, а что еще погибло в несчастном городе, того никто не знал. Когда начало светать, все взглянули на Кремль: золотая глава Ивана Великого блестела на солнце. Многие бросились к Кремлю и такое увидали страшное разрушение, что сердца их замерли. Повалились одни из крепостных стен; Москворецкую башню перебросило целиком на другой берег реки; дворец сгорел; Ивановская колокольня дала страшную трещину сверху до низу, а верх Никольской башни был оторван. Но икона Чудотворца, что стоит и теперь на ней, осталась невредима, и не разбилось даже стекло киота.

VI. А наполеоновским солдатам выпали на долю неслыханные

бедствия. Наша армия их преследовала с боков и с тылу. Они гибли тысячами то от холода, то от наших сил. Снег валил хлопьями, а приютиться было некуда на дороге, где не оставалось ни кола, ни двора. Несчастных сокрушили окончательно битва под городом Красным, а несколько дней спустя переправа через реку Березину. Только успела она встать, тонкий лед ломался под тяжестью обозов, и много, много трупов похоронила река. Вошли в Москву сто пятьдесят тысяч человек, а вернулись к нашей границе всего тысяч шесть. Из всей армии Наполеона уцелел лишь тот отряд, что он послал на петербургскую дорогу. А сам Наполеон чуть не попал к нам в плен и спасся, переодетый, в санках, которые отнял на пути у какого-то помещика.

VII. Стала Москва отстраиваться, а государь повел нашу армию во Францию, чтобы одолеть окончательно врага. А Наполеон уже успел набрать новое войско. Но мы его разбили, заняли Париж, столицу Франции, и Наполеон должен был отказаться от престола. Русский народ с восторгом встретил своего государя, спасителя России, и прозвал его Благословенным.

(Толычевой) **.**

31. Сказание о 1812 годе

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходить
Славной армии остатки,
Егеря [461] и гренадеры [462] ,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой, –
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, в разброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут – по всей дороге
Пушки брошены, лафеты [463] **;**
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...

Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествами лишь да победам...
В пошевнях [464] на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, вспыливши, император –
«Князь, вы видите» – воскликнул –
«Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:
Император ваш – на что же
Он надеется – на что же?»
«Государь!» в ответ посланник,
«Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»
Он тогда расхохотался, –
А теперь – теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...
Вспомнил он дворец петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город.
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира –

Мира нет!.. и днем, и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева – их мильоны
Там в лесах... «Так вот что значит –
«Весь народ!» И безнадежно
Вдаль он взоры устремляет.
Что-то грозное таится
Там за синими лесами,
В необъятной этой дали...
(Майков).

32. Рассказ очевидца о Бородинском сражении
(26 Августа 1812 года)

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов; дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетевших над шалашом нашим, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим – густой туман лежит над нами и ими. Заря только что начала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместные. Одни шалаши валятся, другие пылают. Войска бегут к ружью и в огонь. Все это происходило в средине, а на левом крыле нашем давно уже свирепела гроза в беспрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть сего ужасного дня проводил я то на главной батарее [465] , где находился светлейший [466] , то на дороге, где перевязывали раненых... Мой друг! я видел сие неимоверно жестокое сражение, и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слыхал и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с ним – сшибка. Те, которые были под Прейсиш-Эйлау [467] , делают почти такое же сравнение. Подумай только, что до четырех сот тысяч лучших воинов, на самом тесном, по многочисленности их, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием; две тысячи пушек гремели беспрерывно. Тяжко воздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожделенного конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней, знаменитой столице; другие помнили, что

заслоняют собой сию самую столицу, сердце России, мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о помощи и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему: мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты восходило. Густой дым заступал место тумана. Седые облака клубились над левым крылом нашим и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило сие мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее... Сколько потоков крови! сколько тысяч тел! – Не заглядывайте в этот лесок, сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны: – там целые костры отпиленных рук и ног! – В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородиным было оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не иссыхали. Никогда не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей.

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули, а сколько здесь пролетело пуль!.. Но это сражение неописанно.

(Из «Писем русского офицера» Ф. Глинки).

33. Бородино

(26 августа 1812 г.)

«Скажи ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые;
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля –
Немногие вернулись с поля:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы, молча, долго отступали,
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут. [468]
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут, как тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою:
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке,
Что толку в эдакой безделке!
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак [469] открытый:
Кто кивер [470] чистил весь избитый;
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом [471] ,
Он спит в земле сырой.
И молвил он сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.
Ну ж, был денек! Сквозь дым летучий
Французы двигались, как тучи,
И все на наш редут:
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени;
В дыму огонь блестел;
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось.
Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны, –
Товарищей считать...
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля –
Немногие вернулись с поля:
Когда б на то не Божья воля –
Не отдали б Москвы!
(Лермонтов).

34. Подвиг генерала Раевского

Знаменитое сражение при Дашковке, происходившее 11 июля 1812 года, между корпусом генерал-лейтенанта Раевского и французскими войсками, под начальством маршала Даву, ознаменовано достопамятным, геройским подвигом генерала Раевского. Русские войска должны были взять приступом две неприятельские батареи, занимавшие весьма сильные позиции. Несколько раз храбрые полки бросались в огонь, но принуждены были отступать с большим уроном; ядра и картечь, как градом, осыпали смельчаков, вырывая целые ряды. Тогда генерал Раевский, зная, насколько пример начальника одушевляет подчиненных, взял за руку двух своих сыновей, еще не достигших двадцатилетнего возраста, и пошел с ними впереди атакующей колонны на одну из батарей, говоря:

«Вперед, ребята, за царя и за отечество! Я и дети мои, которых я приношу ныне в жертву, откроем вам путь!» Войска с криком «ура» последовали за своим любимым вождем и батарея была взята. Но к общему сожалению, при этом отчаянном, кровопролитном приступе тяжело был ранен, пулей в грудь, один из сыновей генерала Раевского, семнадцатилетний юноша. Его перенесли в село Дашково, и там молодой герой скончался от раны. Его похоронили в ближайшем лесу. Несчастный отец, оплакивая кончину своего любимого сына, воздвиг над его прахом памятник. По окончании войны и до самой кончины своей Раевский по нескольку раз в год приезжал молиться над прахом погибшего героя, имея только утешением сознание, что исполнил свой долг, не щадя, для пользы отечества, ни жизни своей, ни жизни детей своих.

(Заимствов. из «Рассказ. о военных подвигах» изд. ред. журн. «Чтение для солдат»).

35. Подвиг подполковника Энгельгарта и коллежского ассессора Шубина

I. Французы, заняв покинутый русскими разоренный Смоленск

спешили заготовить хлеба и фуража для наполнения наскоро устроенных магазинов; но исполнить это было довольно затруднительно. Посылаемые для закупки хлеба комиссары [472] и отряжаемые для фуражировки [473] команды или гибли под ударами русских, или возвращались избитые и израненные. Тогда неприятели вознамерились устрашить жителей казнями. Они захватили в плен двух помещиков, предводительствовавших вооруженными крестьянами и дворовыми людьми: отставного подполковника Энгельгарта и коллежского ассессора Шубина; привезли их в Смоленск и, посадив в Спасскую церковь под стражу, стали строго допрашивать. Энгельгарт, не колеблясь духом, отвечал: «Я русский подданный; я исполнил свой долг. Мы должны разить врага, дерзнувшего нарушить наше спокойствие и напасть на нашего государя. Оковы мои лишают меня теперь отрады мстить врагам моего отечества». Выслушав затем бестрепетно смертный приговор, он прибавил: «Вы не поработите Россию, вы сами погибнете *; а я благодарю Бога за то, что умираю как верный сын отечества.*Ведите меня скорее к месту моего торжества». Враги предлагали ему жизнь и свободу, если он согласится вступить в их службу и присягнет Наполеону. Герой отвечал: «Свобода моя принадлежит Богу и русскому царю; русские дворяне умеют умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника». Его отвезли в ров, близ разрушенных смоленских стен, и хотели завязать глаза. Отбросив платок, Энгельгарт сказал: «русский не боится смерти». Французы прострелили сначала ему ногу и опять старались поколебать его верность, обещая залечить рану, если он согласится на их предложение; но Энгельгарт остался непреклонен и пал под неприятельскими пулями за верность царю и отечеству.

II. Такой же участи подвергся и Шубин. Через год после того император Александр, находясь за границей, вспомнил заслугу Энгельгарта и Шубина и повелел наградить родных их, как следует по-царски. «Удостоверившись в истине», сказано было в Высочайшем указе Правительствующему Сенату, «Я поспешил воздать справедливый долг сим усердным сынам отечества, при бедном состоянии, не прельстившимся на искушение неприятельское , пребывшим непоколебимыми в привязанности к государству своему и пожертвовавшим жизнь за веру и верность». Государь повелел производить пенсии: брату Энгельгарта по 6 тысяч р.; племяннику его и племяннице по 3 тысячи руб., вдове Шубина по 10 тыс., матери по 6 тыс. и двум сестрам девицам по 3 тыс. ежегодно. Впоследствии, именно в 1835 году, по повелению Императора Николая Павловича, на месте казни

Энгельгарта воздвигнуть чугунный памятник, с надписью: «Подполковнику Павлу Энгельгарту, умершему в 1812 г., за верность и любовь к отечеству».

(Заимствов. оттуда же.).

36. Савва Беляев

В 1812 году, в октябре французы подступили под Малоярославец; тут река Лужа, а на реке мост. Казаки подоспели со стороны города и сожгли мост, а сами отступили. Французы стали наводить понтоны [474] Работа кипела; все было тихо: ни пальбы, ни сопротивления; только стук раздавался, да клики и команда на вновь наводимом мосту. В городе войск не было; жители не ожидали так скоро неприятеля и не успели уйти; теперь же все стали выглядывать из-за углов и переулков на подходящие по ту сторону реки колонны и на работы французов. Мало-помалу народ сделался смелее, высыпал большими толпами на возвышенный берег реки и с любопытством смотрел на подступающего во множестве неприятеля. Тут стоял также и секретарь уездного суда Савва Беляев. – «А что», подумал он, «если разорить теперь плотину у мельницы, что стоит повыше этого моста, то французскому мосту не устоять! Ребята, кто за мной? – «Идем!» Выискались ребята посмелее, спустились с горы, и Беляев начал свою работу: поднял все заставки на плотине – вода хлынула; там стали ломать шлюз [475] , раскопали самую плотину, указав воде дорогу, и скоро плотины не стало: разнесло ее прорвавшейся водой. Пруд за мельницей был огромный, верст на семь, вода высока; она с такой силой понеслась на не неприятельский мост, что его в один миг как не бывало: понтоны разорвало; французы едва сами успели выскочить на берег, и вода вскоре залила всю окрестность, весь низменный берег, где расположились было французы, которые, таким образом, от сопротивления одного человека, Беляева, на этот раз в город не попали. Вот что значит патриотизм [476] во время войны!

37. Слуга царский и его жена

В 1812 году, Коломенской округи, пожилых лет крестьянин, Павел Петров, имевший двух женатых сыновей и внучат, возгорел желанием вступить в ряды воинов – поселян. Несмотря на все убеждения семейства своего, явился он к начальнику, набиравшему коломенское ополчение. «Хотя я стар», сказал он: «но рад умереть за землю русскую, за веру и за царя православного. Не смотрите на мои лета: верой и правдой постою против врагов». Начальник, похваляя его усердие, убеждал однако, чтобы за старостью лет он остался дома. Но видя непреодолимую его ревность, согласился наконец принять его.

Уже ополченцам сказан был поход. Поручая себя Богу, радостно приготовились они на смертный подвиг. Крестьянин Павел Петров, благословив свое семейство, стал в ряды и отправился. Жена его Ксения Васильева, почти равных с ним лет, запаслась на дорогу чем могла, и пустилась за ним вслед; настигла его и сказала: «Сердце мое не утерпело; жаль мне стало тебя, нашего кормильца: пока велит Господь Бог, буду с тобой неразлучна»!

Без малейшего ропота, с твердостью и терпением делила она с мужем своим в походе все тягости, заготовляла для него все нужное, и от всего сердца радовалась, что хотя мало, но могла успокаивать того, с кем Бог велел ей жить и умереть. Непрестанные труды истощили силы этой крестьянки, оставившей дом, детей и внучат, чтобы только облегчить тягости престарелому мужу. К неутешной его скорби, она умерла на пути к Смоленску, оставив детям и внучатам примерь супружеской любви.

В награждение за ревность к службе государевой помещик уволил Павла Петрова от оброка и всех повинностей. В кругу детей и внучат Павел часто вспоминал жену и говорил: «Тоска, как камень, лежит на моем сердце: я думал, что она мне закроет глаза, а она не пожалела для меня жизни своей... Но да будет воля Божья! Господь Бог наградить ее в небесах»!

(Из писем Ф. Глинки).

38. Великая панихида

(1812 г.)

Не от ливня, не от града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлеба на поле:
То под матушкой Москвою,
По долам и по равнинам,
Много храбрых ратей русских
И французских полчищ много
Ко сырой земле приникло,
Переколотых, побитых
Палашами и штыками,
И дождем и пуль, и ядер...
Дети матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радельцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили

За народ свой и за землю,
В память вечную вам, братья,
Мы отпели панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свете
И не слыхано доныне!...
Но за всех вас, славно павших,
Свеч у вас не доставало,
Воску вдоволь не хватало;
И под небом, храмом
Божьим,
Мы зажгли от всей России
Лишь одну свечу большую–
Матушку Москву родную,
Чтобы та свеча горела
Вам за упокой душевный,
А врагам на посрамленье!...
(Н. Щербина).

39. Из жизни императора Александра I

I. Проезжая в 1824 году через Екатеринославскую губернию, император Александр I-й остановился на одной станции пить чай. Пока ставили самовар, государь разговаривал со станционным смотрителем и, увидев у него на столе книгу Нового Завета, спросил:

– А часто ли ты заглядываешь в эту книгу?

– Постоянно читаю, ваше величество.

– Хорошо. Читай, читай, – заметил император. Будешь искать блага для души, – найдешь и земное счастье. А где ты остановился в последний раз?

– На евангелии св. Матфея, ваше величество.

Государь выслал зачем-то смотрителя и в его отсутствие проворно развернуть книгу, отыскал одну из страниц евангелия от Матфея и, положив в нее несколько ассигнаций [477] , закрыл книгу.

Прошло несколько недель. Возвращаясь обратно по той же дороге, государь узнал станцию и приказал остановиться.

– Здравствуй, старый знакомый, – сказал он, входя к смотрителю. А читал ли ты без меня свое Евангелие?

– Как же, ваше величество, ежедневно читал.

– И далеко дошел?

– До св. Луки.

– Посмотрим. Дай сюда книгу.

Государь развернул ее и нашел положенные им деньги на том же месте.

– Ложь – великий грех! – сказал он, вынув бумажки и, указав смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавил: – Читай!

Смотритель с трепетом прочитал: «Ищите прежде всего царствия Божьего, а прочее приложится вам».

– Ты не искал царствия Божьего, – заметил государь, – а потому не достоин и царского приложения.

С этими словами он вышел, отдал деньги на бедных и уехал.

II. Император Александр с самой юности обнаруживал стремление к добру и спешил на помощь ближнему, не соображая ни средств своих, ни обстоятельств. Случилось ему услышать, что какой-то старик, иностранец, некогда служивший при Академии [478] , находится в крайней бедности, – он поспешно вынул 25 рублей и поторопился отослать их к бедному, хотя у него самого не оставалось более денег. В другой раз, узнал он, что один из штукатуров, работавших у дворца, упал с лесов и сильно расшибся: отправить его в больницу, послать к нему своего лейб-медика, приказать хирургу [479] пользовать его, дать на все это деньги, подарить больному некоторую сумму, постель, свою простыню, – было для него делом одной минуты. Мало этого, – он справлялся и заботился о больном каждый день, пока тот не выздоровел, скрывая от всех свой поступок, «который – как он сам выразился – считал долгом человечества, к чему всякий непременно обязан».

III. *Человеколюбивый поступок императора Александра I Благословенного.* Это было в 1823 г. в Петербурге, под вечер, в зимнюю и довольно ненастную пору на набережной Мойки. Тут у портомойни какая-то баба–прачка тащила на взвоз салазки с вымытым мокрым бельем. Белье, разумеется, было тяжелое, и прачка чуть его могла тащить; а как довезла до взвоза, по которому надо подниматься на набережную, – тут и началась для нее настоящая мука, потому что по этому взвозу водовозы таскали кадки с водой, которая плескалась и до того ровно облила весь взвоз, что он обледенел, осклиз, и подняться по нем было чрезвычайно трудно, особенно с тяжестью. Бедная баба с своими салазками, в обмерзших сапогах, карабкалась, карабкалась, и едва дотягивала до половины, как ноги ее в обмерзшей обуви скользили и она опять съезжала вниз. Досада ее брала, и она стала горько плакать, чему некоторые редкие в этом месте Мойки прохожие имели жестокость смеяться вместо того, чтобы, схватив салазки за веревку, помочь бедняге выйти из беды.

Из числа проходивших тут в эту пору были два кадета [480] лет 14–15, в полной своей кадетской форме при киверах [481] , тесаках и в шинелях в рукава, да только без отпускных билетов, потому что они тайком ушли из корпуса в гости к какому-то двоюродному братцу, балованному бабушкину внучку. Мальчики также поглядели на неудачное карабканье прачки и также имели глупость и малодушие посмеяться над ее горем. Но в это самое время они издали, не взирая на снежную заметь и легкий туман, привычным кадетским глазом завидели вдали императора Александра Павловича, ежедневно прогуливавшегося, несмотря ни на какую погоду. Зная свою провинность и опасаясь попасться на глаза государю, – кадетики юркнули с быстротой молнии в полузапертые ворота какого-то дома, и оттуда, невидимые, стали наблюдать.

Император остановился против взвоза и стал осматриваться – нет ли свидетелей того, что он намеревался сделать. Убедись, что на набережной ни души и не подозревая двух мальчуганов в кадетских шинелях и киверах, спрятавшихся тут, он мгновенно сбросил на гранитный парапет [482] свою ваточную шинель и в одном семеновском мундире поспешил на помощь прачке, взял из ее рук веревку салазок, перекинул через плечо и, согнувшись, шибко взвез салазки с бельем на тротуар.

– Дай Бог здоровья твоему благородию! – кричала ему снизу поднимавшаяся баба, очевидно, принявшая его за простого офицера.

– Хорошо, матушка, хорошо, – буду здоров! – отвечал он и, накинув шинель, скоро пошел своей дорогой, вероятно спеша согреться.

IV. В 1813 году, во время пребывания в Дрездене, государь, по обыкновению, совершал свои прогулки по городу пешком, один, без всякой свиты. Одна крестьянка, увидев его прогуливающимся таким образом, в изумлении сказала: – «Смотрите ка! ведь это русский император идет один! Право, видно, у него чистая совесть».

V. В 1816 году, находясь в Киеве, император Александр послал сказать известному в то время по святости своей жизни схимнику Вассиану, что вечером в восемь часов его намерен посетить князь Волконский. В назначенный час ожидаемый гость тихо вошел в келью слепого старца и стал говорить с ним. Вассиан спросил гостя: женат ли он? имеет ли детей? давно ли служит государю? – «Благодарение Господу Богу, продолжал схимник, – что государь удостоил и Киев и Лавру своим посещением. Он вчера в Лавре всех обрадовал своим благочестием и своей кротостью».

– Да он здесь, сказал посетитель.

– В Киеве? спросил Вассиан.

– Он у вас, отвечал Александр, – благословите меня! Еще в Петербурге я наслышался о вас и пришел поговорить с вами; благословите меня!

Вассиан хотел поклониться в ноги царю, но Александр не допустил его до этого, поцеловал его руку, говоря:

– Поклонение принадлежит одному Богу. Я человек, как и прочие, и христианин, исповедуйте меня и притом как всех, как вообще духовных сынов своих.

После исповеди и долгой беседы, государь пожелал знать, кто в Лавре более других заслуживает внимания, и когда схимник назвал наместника иеромонаха Антония, приказал послушнику позвать наместника, будто бы к князю Волконскому, ожидающему его у Вассиана. Когда же Антоний, узнав государя, хотел отдать ему должную честь, Александр удержал его, сказав:

– Благословите, как священник и обходитесь со мной как с простым поклонником, пришедшим в сию обитель искать путей к спасению, потому что все дела мои и вся слава принадлежит не мне, а имени Божьему, научившему меня познавать истинное величие.

Только в полночь государь вышел от Вассиана, запретив наместнику провожать себя, а на другой день послал ему и Вассиану по бриллиантовому кресту.

VI. Во время одного путешествия императору Александру Павловичу вздумалось пройтись пешком, как он часто это делал; он вышел из экипажа с постоянным своим спутником, князем Петром Михайловичем Волконским. Экипажу же велено было ехать сзади шажком, а они пошли вперед по дороге. В полуверсте от дороги виднелась деревенька малороссийская. Государь зашел в крестьянскую хату-мазанку, отличавшуюся, как и все хохлацкие хатки, примерной чистотой и опрятностью, о которых рачительно заботятся домовитые хозяюшки-хохлачки. Государю захотелось, увидев по близости ключ студеной воды, напиться. Хозяйка была старушка-вдова. В избушке, несмотря на крестьянскую бедность, во всем был порядок, везде чистота: пол хоть и земляной, доведен старанием до цельности черепка, печь расписана разными цветными глинами; образа убраны были живыми цветами: все веяло свежестью и манило к отдыху. Государь сел на небольшой лавке у стола и попросил пить. Хозяйка подала только что принесенной ей ключевой воды и, подавая, сказала радушное малороссийское приветствие: «здоровы пейте»! – Когда государь и князь Волконский, простясь с

хозяйкой, уходили, последний, отдавая ей синюю (пятирублевку) ассигнацию, сказал:

– Ну, помни, тетушка, у тебя царь был сегодня в гостях и угощался твоей водой.

– Царь, сам царь! только и могла вымолвить старуха, и долго, долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом, вбежав в избу, очертила место на скамейке, где сидел государь, мелом, а очертив, взяла буравчик – и ну сверлить на том месте дырочки, и набила в эти дырочки колышков. С тех пор она никому не позволяла сидеть на том месте.

– Это место святое! Тут сам царь, сам Александр Павлович сидел, говорила она простодушно, и такой запрет налагала она до самой своей смерти.

(Из журн. «Досуг и Дело», «Ист. царствов. Александра Благослов.» Богдановича и др. источн.).

40. Оборона Севастополя ***483***

I. Турки издавна владеют ключами от Гроба Господня в Иерусалиме и делают притеснения православным поклонникам. Издавна, со времени взятия Константинополя (1453), турки угнетают православных славян, живущих в пределах Турции. Покойный император Николай I вступился за права своих единоверцев и единоплеменников.

Началась война с турками. Турецкий флот почти был уничтожен при Синопе Нахимовым (18-го ноября 1853 г.). Но за турок заступились французы, англичане. Огромный союзный флот пристал 2-го сентября 1854 г. к берегам Крыма, близ Евпатории, и высадил многочисленную армию. Наши войска, малочисленные, сравнительно с неприятельскими, встретили врагов близ реки Альмы, в 30 верстах от Севастополя, и должны были отступить. При этом, чтобы преградить путь неприятельскому флоту в Севастопольскую бухту, при входе в нее, было затоплено несколько кораблей.

Тогда неприятели отправились на южную сторону Севастополя, и, не решаясь напасть на город вдруг, штурмом – повели правильную осаду с сухого пути, откуда Севастополь, как город приморский, был беззащитен, так как все укрепления и батареи находились со стороны моря и обстреливали вход в бухту.

II. При таком беззащитном положении, город легко мог сделаться добычей сильного врага. Но храбрые черноморские моряки решились лечь костьми, а не отдавать горячо любимый город: со слезами топят дорогие свои корабли, перетаскивают с кораблей пушки на берег и вооружают ими батареи; из моряков перерождаются в пехотинцев и, под начальством

своих адмиралов: Корнилова, Нахимова, Истомина и др., совершают беспримерные подвиги. В виду неприятеля началось укрепление Севастополя под руководством искусного инженера Тотлебена. Вокруг всего города, на окружающих его холмах, копались рвы, насыпались валы; валы покрывались и обставлялись мешками с песком, корзинами с землей, плетушками с каменьями. Все люди и вещи, находившиеся в городе, были употреблены на защиту. Фургоны, телеги и всякие частные экипажи возили на батареи землю, снаряды; с рассвета до поздней ночи, 5–6 тысяч человек неутомимо работали по оборонительной линии. Другие продолжали работу и ночью, при свете факелов и фонарей, работали дружно, весело. Те, которые не принадлежали к военному сословию, составили из себя стражу для содержания караулов и ночных обходов; другие же помогали войскам на батареях. Даже девицы, женщины и дети оказывали посильную помощь. За неимением корзин и тачек, носили землю для насыпей в подолах. Одна батарея насыпана была одними женщинами и до конца осады сохранила название *Девичьей* **.**Арестанты, выпущенные из тюрем, не воспользовались свободой, а испросили себе позволение принять участие в общей работе.

Таким образом вокруг Севастополя, на протяжении 8 верст, явилась цепь укреплений или земляных окопов и насыпей, уставленных пушками и соединенных траншеями (рвами в рост человека с небольшим валом, по которым могли бы безопасно переходить солдаты с одного укрепления на другое). На более возвышенных местах устроены были бастионы, т.е. четырехсторонние земляные укрепления, с высоким валом и глубоким рвом впереди; за валом помещаются на дощатых помостах (платформах) пушки, концы которых выглядывают из прорезов (амбразур) в этом валу. В средине бастиона обыкновенно находились пороховые погреба, землянки (блиндажи), поперечные стенки для защиты (траверсы).

На севастопольской оборонительной линии главных бастионов было семь: четыре – 1, 2, 3 и Малахов курган – защищали южную бухту и Корабельную сторону с адмиралтейством, а три: 4, 5 и 6 – город. Между бастионами было много промежуточных батарей, т.е. мелких земляных укреплений. Ближайшим к городу бастионом был четвертый, а, по своему высокому положению на всей линии, Малахов курган представлял самое выгодное место для обороны. Им воспользовались защитники отлично: на кургане поставлено было 63 орудия, так что он имел вид небольшой отдельной крепости. Необходимо было укрепить курган еще и потому, что он защищал собой бухту с судами и адмиралтейскими постройками, которые как-раз находились

сзади него.

III. Против наших укреплений неприятели возвели свои, и – началась знаменитая в летописях мира Севастопольская осада и беспримерная Севастопольская оборона, длившаяся 11 месяцев (с 12-го сентября 1854 по 27-е августа 1855 годов). Но каждый месяц этой обороны, в силу огромности подъятых в это время трудов и геройских подвигов, по причине громадности опасностей и утрат, понесенных нашим славным воинством, Высочайше повелено считать за год.

В продолжении этих 11 месяцев – годов произошло четыре генеральных сражения: при Альме – 8-го сентября, при Балаклаве – 12-го октября, Инкерманское – 24-го октября 1854 и на Черной речке 4-го августа 1855 г., и множество вылазок, которые стоят настоящих сражений. Защитники Севастополя выдержали шесть страшных опустошительных бомбардирований, три общих штурма или приступа... В эти 11 месяцев брошено врагами в многострадальный город 2.128.000 штук метательных снарядов, истрачено 330.000 пудов пороху и бессчетное множество пуль. Вой происходил на земле и под землей, – в минных [484] галереях и подкопах. Сильный враг стоял лицом к лицу лишь на расстоянии 70 сажен от наших бастионов. Три наших укрепления (Камчатский, Селенгинский и Волынский редуты) по причине ужасного огня, который на них был направлен и который они мужественно выносили, прозваны были «тремя отроками в пещи»... Малахов курган, в последние месяцы осады, пехотинцы называли «бойней», моряки – «толчеей»... Сколько на этой бойне пало жертв любви к родине, сколько смолото людей в этой огненной толчее!! Бывали дни, когда люди падали не сотнями, а тысячами, десятками тысяч! Бородинский бой – замечательный в истории войн. Немного было до 1812 года таких сражений, когда –

В дыму огонь блестел;
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Представьте себе, что не день, а 349 дней длится такой бой, что земля тряслась, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой... Оборонителей Севастополя не страшил ни адский огонь, ни сыпавшийся на них чугунный град; презрение к выстрелам они выразили в различных прозвищах: пули на их языке были «мухи», ядра – «галки», картечь – «картошка», бомба – «жеребец»... Не перечислишь всех подвигов

доблести, совершенных храбрыми защитниками Севастополя. Между Севастопольскими героями были даже дети! Хоть через 11 месяцев и пал Севастополь, потому что «и для героев есть невозможное», по словам государя, но в эти 349 дней –

«Изведал враг не мало,
Что значит русский бой удалый –
Наш рукопашный бой!»

Севастопольцы смело и с гордостью могут сказать:

Да, были люди в наше время –
Могучее, лихое племя –
Богатыри!...
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...

(Из «Родины» Радонежского).

41. Севастополь в 1854 и 1855 г.

I. Если вы в первый раз въезжаете в Севастополь, то напрасно вы будете искать хотя на одном лице следов суетливости, растерянности или даже готовности к смерти, решимости, – ничего этого нет: вы видите людей, спокойно занятых будничным делом. Но сходите на бастионы [485] , посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты, или, лучше, зайдите прямо в дом, бывший прежде Севастопольским Собранием и на крыльце которого стоят солдаты с носилками, – вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные, грустные, великие, изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах 40 или 50 самых тяжелораненых больных, одних на койках, большей же части на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы – это дурное чувство; идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите посредине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

– Ты куда ранен? спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого, исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто

переносит их.

– В ногу, отвечает солдат; но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. – Слава Богу, теперь, прибавляет он: – на выписку хочу.

– А давно ты уже ранен?

– Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

– Что же болит у тебя теперь?

– Нет, теперь не болит ничего; только как будто в икре ноет, когда непогода, а то ничего.

– Как же ты был ранен?

– На 5-м бастионе, ваше благородие, как первая бандировка [486] была: навел пушку, стал отходить, эдаким манером, к другой амбразуре [487] , как он [488] ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился, – глядь, а ноги нет.

– Неужели больно не было в эту первую минуту?

– Ничего; только как горячим чем меня пхнуло в ногу.

– Ну, а потом?

– И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно, первое дело, ваше благородие – не думать ничего; как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше от того, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье и повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как быв ранен, остановил носилки, с тем, чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему 25 рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем, чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря все это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто не слушая ее, щиплет у себя на подушке корпию, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

– Это хозяйка моя, ваше благородие! замечает вам матрос с таким выражением, как будто говорит: «уж вы ее извините. Известно, бабье дело – глупые слова говорит».

– Ну, дай Бог тебе поскорее поправиться, говорите вы ему и останавливаетесь перед другим больным, который лежит на полу и, как кажется, в нестерпимых страданиях ожидает смерти.

Это белокурый, с пухлым и бледным лицом человек. Он лежит навзничь, закинув назад левую руку, в положении, выражающем жестокое страдание. Сухой открытый рот с трудом выпускает хрипящее дыхание;

голубые оловянные глаза закачены кверху, и из подбившегося одеяла высунут остаток правой руки, обвернутый бинтами. Тяжелый запах мертвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас.

– Что, он без памяти? спрашиваете вы у женщины, которая идет за вами и ласково, как на родного, смотрит на вас.

– Нет еще, слышит, да очень плох, прибавляет она шепотом. – Я его нынче чаем поила; что же, хоть и чужой, все надо жалость иметь, – так уж не пил почти.

– Как ты себя чувствуешь? спрашиваете вы его.

Раненый поворачивает зрачки на ваш голос, но не видит и не понимает вас.

– Усердце гхорить (т.е. чувствую жар около сердца).

Немного далее вы видите старого солдата, который переменяет белье. Лицо и тело его какого-то коричневого цвета и худы, как скелет. Руки у него совсем нет: она вылущена в плече. Он сидит бодро, он поправился.

С другой стороны, вы увидите на койке страдальческое бледное и нежное лицо женщины, на котором играет во всю щеку горячечный румянец.

– Это нашу матроску 5-го числа в ногу задало бомбой [489] , скажет вам ваша путеводительница: она мужу на бастион обедать носила.

Что ж, отрезали?

– Выше колена отрезали.

II. Теперь пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции (операцией называется отрезание больных или пораненных частей тела). Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными, угрюмыми лицами, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое, здоровое тело, – увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство, – увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку, – увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет, не только от боли, сколько от страданий ожидания, – увидите ужасные, потрясающие душу зрелища.

Выходя из этого дома страдания, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но вместе с тем, в созерцании этих страданий,

почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости, войдете на бастионы...

«Что значит смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?.

Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой и развевающимися хоругвями; до слуха вашего долетят, может быть, звуки стрельбы с бастионов.

Пройдя церковь и баррикаду [490] , вы войдете в самую оживленную внутренней жизнью часть города. С обеих сторон – вывески лавок, трактиров. Купцы, женщины в шляпках и платочках, щеголеватые офицеры – все говорит вам о твердости духа, самоуверенности, безопасности жителей.

(Гр. Л. Толстой).

42. Рассказы об императоре Николае Павловиче

I. Во время крымской войны император Николай был очень занят, так что ни одной ночи не спал спокойно, а иные напролет просиживал. Но за этими занятиями он не забывал первого долга христианина, долга молитвы. Однажды (рассказывал его камердинер) государь, умывшись поутру, стал молиться Богу; камердинер его дожидался в другой комнате, когда он его позовет; проходит 15 минут – все еще тихо в кабинете; еще пять, еще несколько минут, наконец, камердинер, видя, что уже почти полчаса прошло, в беспокойстве тихонько отворяет дверь и видит, что государь, как стоял на коленях перед образом и земно поклонясь, так и заснул. В первую минуту камердинер так испугался, что потихоньку позвал людей, и, с осторожностью подойдя к царю, стал его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказал: – «Как я устал! Даже на молитве заснул!»

II. Петербургское народонаселение, рассказывает поэт Жуковский, испуганное распоряжениями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитие холеры, а может быть и настроенное некоторыми злонамеренными людьми и, во всяком случае, побуждаемое варварским невежеством, произвело мятеж в Петербурге. Кричали об отраве, обвиняли докторов, что они хотели воспользоваться Бог знает чем. Напоследок на одной из Петербургских площадей собралась толпа человек тысяч в 5 или 6. Кидаются в одну больницу, находят там несчастного доктора в то время, как он подавал помощь умиравшему от холеры. Его убивают, больница опустошена; больных разносят с их постелями по разным домам, откуда они поступили в больницу. Полиция ничего не

может сделать против мятежа: но появляются строевые войска – и сходбище рассеяно. Весь Петербург в тревоге: беспокойство овладевает жителями; ждут общего восстания. Извещенный о положении дел император решается ехать в Петербург. Он отплывает из Петергофа на пароходе. Он прибыл. Зловещие донесения встречают его. Он садится в коляску и направляется по самым многолюдным улицам, прямо к тому месту, которое накануне было театром беспорядков. Бесчисленная толпа бежит за ним; несколько раз он останавливается для разговора с теми, кто теснился вокруг самой его коляски. Наконец, доехав до площади, он останавливается возле церкви, окруженный толпой от 20-ти до 35-ти тысяч человек. Тогда он встает: представьте себе эту прекрасную фигуру, этот громкий и звучный голос, этот внушающий и строгий вид, и эту толпу, накануне столь мятежную, столь сильную в своей смуте, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствием самодержавного величия и магическим обаянием геройской отваги. Вот слова, им произнесенные: «Венчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядок и законы. Я исполню мою присягу. Я добр для добрых: они всегда найдут во мне друга и отца; но горе злонамеренным: у меня есть против них оружие! Я не боюсь вас: вам меня бояться! Нам послано великое испытание – зараза. Надо было принять меры, дабы остановить ее распространение. Все эти меры приняты по моим повелениям; стало быть, вы жалуетесь на меня. Ну, вот я здесь! и я приказываю вам повиноваться. Вы, отцы семейств, люди смирные; я вам верю и убежден, что вы всегда прежде других уговорите людей несведущих и образумите мятежников. Но горе тем, кто позволяет себе противиться моим повелениям! К ним не будет никакой жалости! Теперь расходитесь. В городе зараза. Вредно собираться толпами. Но наперед следует примириться с Богом. Если вы оскорбили меня вашим непослушанием, то еще больше оскорбили Бога преступлением: совершено было убийство; невинная кровь пролита. Молитесь Богу, чтобы Он вас простил». При этих словах, он обнажил голову, обернулся к церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движению, пала ниц с молитвенными возгласами. Император уезжает, народ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознанием своего проступка.

(Жуковский).

43. Дедушка Крылов

I. Дедушку Крылова звали Иваном Андреевичем. Родился он не в Петербурге, а в Москве, слишком сто лет тому назад. Отец его был военный и служил сперва в Москве, а потом в Оренбурге, и наконец

переехал в Тверь, где поступил на службу по гражданской части. Ивану Андреевичу было всего 11 лет, когда отец его умер, оставив его с матерью в крайней бедности; кроме сундука с книгами, после отца почти ничего не осталось, и несчастная вдова только с трудом могла прокормить себя и сына.

Мать Ивана Андреевича была женщина очень добрая, и он любил ее всем сердцем. Марья Алексеевна – так звали ее – сама учила своего Ванюшу читать и писать по-русски, да нашелся добрый человек, который научил его читать и по-французски. За каждый хорошо выученный урок мать давала ему по нескольку копеек, а он копил эти деньги и покупал на них самые необходимые вещи, как-то: сапоги, шапку и т.п. В свободное время он часто ходил гулять и с особенным удовольствием посещал народные сборища, торговый площади, качели и кулачные бои, вмешивался в толпу и с жадностью прислушивался к разговору простолюдинов; нередко сиживал он по целым часам на берегу Волги и слушал, что и как говорят собиравшиеся тут из разных месть рабочие. Тут-то он и научился тому выразительному и чисто русскому языку, которым отличаются все его басни. Но самым любимым занятием его было чтение, и он перечитал все книги, которые остались от отца; особенно же ему нравились вымыслы о волшебниках, которых часто выводили на сцену [491] в старинных комедиях. [492] Подобные пьесы [493] до того занимали его, что он почувствовал охоту сам сочинить что-нибудь в этом роде, и действительно написал целую оперу [494] под названием Кофейница. В этой опере представлена женщина, которая ворожит на кофе. Ему тогда было только 14 лет.

II. Ничему еще порядочно не научился Иван Андреевич, как ему уже пришлось поступить на службу; матери одной слишком трудно было зарабатывать хлеб, и потому он должен был помогать ей. Но жалованье ему дали такое маленькое, что оно никак не могло улучшить их положения. Тогда мать решилась ехать в Петербург, чтобы хлопотать о пенсии [495] по службе мужа. Сына она взяла с собой. В Петербурге Ивану Андреевичу удалось продать свое сочинение «Кофейница» одному книгопродавцу за 60 рублей, и на эти деньги он купил себе французских книг. Это были большей частью все пьесы для игры на театре [496] , к которому Иван Андреевич сильно пристрастился. Вскоре за тем он поступил на службу и в свободное время стал писать театральные пьесы, из которых некоторые потом были играны на театре. Но все его сочинения, написанные в молодости, были вовсе не так хороши, как впоследствии его басни. Это оттого, что Иван Андреевич сам должен был до всего доходить,

сам всему учиться. У него не было хороших учителей, и потому он потратил много времени на чтение бесполезных книг; не с кем было посоветоваться о выборе их. Мать ему в этом помочь не могла, потому что сама была не ученая; да к тому же она скоро умерла, и Иван Андреевич на 21 году своей жизни остался совершенно один. Долго еще он писал пьесы для театра и разные мелкие стихотворения.

III. Мать Ивана Андреевича, как я уже сказал, была женщина очень хорошая, и сына своего тоже научила быть хорошим, добрым и честным; а между тем Иван Андреевич, то и дело, встречался с людьми, которые вовсе не были такими, каким мать его научила быть. Одни из них часто лгали, другие хитрили, третьи брались не за свое дело, многие ссорились из-за пустяков, многие были недовольны тем, что имели, и т.д. Все это видел Иван Андреевич; жаль ему стало этих людей, и ему захотелось исправить их, помочь им быть правдивыми, честными, миролюбивыми и довольными. А как помочь? Сказать им прямо, что они поступают дурно, – они могут обидеться; а обижать он никого не хотел. Да, пожалуй, и не исправятся, а останутся такими же, какими были. Надо было так устроить, чтобы люди сами видели, как смешны они бывают, когда делают какие-нибудь глупости, и как худо жить на свете тем, кто думает только о себе и не заботится вовсе о других. Думал он так, да как-то раз и случилось ему прочесть басни одного французского писателя. Они ему очень понравились; он перевел несколько басен на русский язык и показал свой перевод друзьям. Те похвалили перевод и советовали Ивану Андреевичу продолжать эту работу. Он перевел еще несколько басен, а за тем попробовал и сам сочинить, и его собственные басни вышли еще лучше переводных. Теперь он понял, каким образом он может учить людей и показывать им все их недостатки. Рассказывая про хитрых и льстивых лисиц, глупых обезьян, жадных волков и т.д., говорящих и действующих совершенно так, как люди, он этим не только никого не обижал, но и доставлял еще всем удовольствие; а между тем, читая эти живые и забавные рассказы, всякий понимал, что тут дело идет вовсе не об этих животных, а о похожих на них людях. В это время Ивану Андреевичу было около сорока лет. С этих пор он уже не сочинял более пьес для театра, а стал писать одни только басни; и так как он прожил еще около сорока лет, то и успел написать их более двух сот. Этим он принес людям большую пользу. Все читали его басни, все восхищались ими, а дети в школе и дома заучивали их наизусть; всем они были понятны: и знатным, и простым людям, и взрослым, и детям, всех они учили уму-разуму. В Петербурге личность Ивана Андреевича сделалась до

того известной, что, когда он шел по улице, матери показывали его детям, говоря: «Смотрите, вот идет дедушка Крылов, который написал столько прелестных басен».

Иван Андреевич умер в 1844 году, прожив 76 лет, а по другим известиям – ровно 80 лет.

(Из второй учебной книги Паульсона).

44. Александр Сергеевич Пушкин

(Род. в 1799 г., ум. в 1887 г.)

«И долго буду я народу тем любезен,
Что чувства добрые в нем лирой пробуждай,
Что прелестью живой стихов *я* был полезен
И милость к падшим призывал»

(Памятник, ст. Пушкина).

I. Родина Пушкина – Москва; в ней он получил воспитание и первоначальное образование. Отец Пушкина принадлежал к высшему московскому обществу и для своего времени был человек хорошо образованный, хотя это образование было чисто светское: он отлично владел французским языком, даже писал на нем стихи, был известен в обществе, как веселый и остроумный собеседник, и славился искусством выразительного чтения.

Как человек светский, отец Пушкина хотел дать и сыну такое образование, какое было принято в богатых домах: светское – французское. И вот Пушкин попадает в руки гувернанток [497] и гувернеров – французов. При их настойчивости он быстро сделал навык во французском языке. Но занятия научными предметами и при многих учителях, вследствие лености ученика, не сопровождались блестящими успехами. Каким же образом Пушкин приобрел многосторонние знания, без которых трудно сделаться хорошим литератором? Дело в том, что Пушкин плохо занимался только тем, чем его заставляли заниматься; но в нем была сильная любознательность, и он вознаграждал себя чтением. Кроме того, достигнув лет, когда человек располагает сам своими действиями, он неутомимо трудился над самообразованием: *он учился всю свою жизнь.*

Изучая все уроки на французском языке, слыша вокруг себя французскую речь, Пушкин рано освоился с этим языком, и когда в нем пробудилась страсть к чтению, которую поощрял отец, сам читая иногда детям лучшие литературные произведения, – Пушкин естественно взялся за книги французские. В чтении он не имел недостатка: отец его, отлично знавший французскую литературу, имел хорошую библиотеку

французских писателей. Будущий поэт забирался в эту библиотеку и проводил в ней по нескольку часов и даже целые ночи, читая все без разбора.

II. К счастью, французское влияние [498] ослаблялось влиянием старой няни Пушкина, Арины Родионовны, под ближайшим надзором которой он развивался в эти годы детства. Эта простая женщина как нельзя короче знала весь русский сказочный мир и передавала его чрезвычайно оригинально: (т.е. своеобразно) поговорки, пословицы и присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин знал очень много, он слышал от Арины Родионовны. Можно сказать, что ее рассказам и песням он обязан знакомству с лучшими образцами народной речи и развитию фантазии [499] народными образами. Добродушная и ворчливая, нежно расположенная и притворно строгая, она оставила в сердце нашего поэта неизгладимые воспоминания. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы славы и возмужалости беседовал с ней по целым часам и увековечил потом память о ней многими прекрасными стихами.

III. Когда Пушкину исполнилось 12 лет, в это время около Петербурга только что открылось учебное заведение «Царскосельский Лицей», имевшее задачей образование юношества, предназначенного к важным должностям государственной службы, и Пушкин был отдан в лицей. Учебная жизнь Пушкина была так же блестяща, как и дома; в лицее, как и дома, он не утомлял себя усидчивыми занятиями, не напрягал своего внимания.

Годы, проведенные Пушкиным в лицее, остались навсегда лучшими годами его жизни; в лицее он встретил друзей, которые имели на него хорошее влияние; в лицее впервые развернулись основные черты его характера: обнаружилось любящее и доверчивое его сердце, расположение к насмешке; в лицее развился и его поэтический талант под влиянием литературной обстановки: литература [500] в лицее была любимым предметом и занятием в свободное время.

В первые годы лицейской жизни Пушкин продолжал писать и по-прежнему – на французском языке. Но, под влиянием занятий русской литературой, Пушкин начал писать стихи на русском языке, сперва опять-таки в подражание французским писателям, а затем – уже и русским поэтам.

В непродолжительном времени стихи его начинают распространяться, и он делается известным, как диковинный мальчик, много обещающий в будущем. Впоследствии произведения, написанные в

лицее, сделались известными под именем «лицейских».

IV. По выходе из лицея, Пушкин поступил на службу в иностранную коллегию, вошел в круг светской жизни и очутился среди тогдашних знаменитых писателей, которые приветствовали его восторженными похвалами.

Между тем за одно свободное стихотворение, где осмеивались важные лица, Пушкин был выслан из Петербурга на юг России, где пробыл четыре года. Это обстоятельство имело большое влияние на развитие его, как поэта. Удалившись от шумной столичной жизни, Пушкин имел много времени подумать о своем призвании и серьезно отнестись к своей задаче: в нем возбудилась жажда к учению, самообразование, поднялись вопросы, для решения которых требовалась привычка к размышлению и круг знаний, до сих пор у него не достававших. И вот он начинает собирать народные песни, легенды, читать и делать выписки из прочитанного. Кроме того пребывание на юге России дало Пушкину материал для его произведений. Суровые красоты Кавказа с его дикими, воинственными горцами, очаровательные виды Крыма – порождали в душе его новые образы и возбуждали чувство. Следствием этого явился целый ряд поэм. [501] Большинство произведений Пушкина, написанных в это время, отличается грустным чувством, ибо Пушкин находился под влиянием Байрона, чрезвычайно грустного английского поэта.

V. Это влияние прекращается с переселением Пушкина на родину – в село Михайловское, Псковской губернии. Здесь он поселился в одной из комнат запущенного дома и стал жить жизнью затворника, проводя время – днем за работой, а вечером в беседах со старухой-няней; только спустя некоторое время его стали посещать знакомые и друзья. Беседуя с Ариной Родионовной, Пушкин внимательно слушал ее рассказы, записывал их и тем самым вознаграждал, как сам говорит, недостатки французского воспитания. Живя в одиночестве, Пушкин получил еще большую возможность глубже сосредотачиваться и продолжать самообразование. Еще на юге он стал собирать книги, и теперь у него образовалась хорошая библиотека, которая оказывала немаловажную помощь в занятиях. Он усердно предается чтению, перечитывает по нескольку раз лучшие сочинения, делает заметки, наполняет тетради множеством выписок, свидетельствовавших о большой его начитанности, изучает Шекспира, английского драматического [502] писателя, и русскую историю. Под влиянием истории Карамзина здесь создается одно из лучших произведений: «Борис Годунов». Вообще время, проведенное в Михайловском, богато поэтической деятельностью. Проведя около 3-х лет

в деревне, Пушкин оставил Михайловское и с этого времени не имеет определенного место-пребывания: живет и в Петербурге, и в Москве, и в Михайловском, совершает поездку на Кавказ. И самая жизнь его в это время идет неровно: он то начинает жить светской жизнью, то оставляет общество и ищет успокоения в деревенской жизни; от полной беззаботности переходит к кипучей деятельности; наслаждения славой сменяются усталостью и разочарованием. Затем Пушкин женился и поселился почти на постоянное жительство в Петербурге, окружив себя знакомством. Пушкин благоговел к памяти Петра Великого. Он задумал написать историю этого государя. Изучая материалы для этого труда, в архиве (т.е. место хранения старинных рукописей) он случайно натолкнулся на бумаги о пугачевском бунте, которые и дали поэту канву для повести «Капитанская дочка» и навели на мысль написать «Историю пугачевского бунта». Желая ознакомиться с местом действия описываемых событий, Пушкин ездил в Казань и Оренбург.

Несколько лет Пушкин думал об издании журнала. И вот в 1836 году он стал издавать журнал «Современник». Но ему не суждено было долго быть издателем этого журнала. Светские сплетни, касавшиеся его семейной жизни, были причиной дуэли его с сыном голландского посланника Гекерна, на которой наш великий поэт был смертельно ранен; через два дня после дуэли он умер, 38 лет от роду, в пору самого блестящего развития своего таланта.

VI. Как человек, Пушкин отличался благородством, мягкостью и живостью. Он был весьма впечатлителен: каждое явление оставляло в нем глубокий след; он не любил изысканности, принужденности и утонченности. Его сердце располагало его к простоте и прямоте обращения с другими. Он был вполне русский человек. Истинно русский человек искренно верует в Бога; религиозность (т.е. набожность) составляет национальную (т.е. народную) нашу черту. Все наши великие писатели были весьма религиозны. Таков был и Пушкин.

Как писатель, Пушкин имеет громадное значение: он улучшил литературный язык, придал ему большую легкость и музыкальность, обогатил нашу литературу многими прекрасными произведениями, развил вкус публики и еще большую любовь к чтению.

(Извлеч. и сокращ. из соч. Павлова «Биографии русск. образц. Писателей».)

45. Царствование Императора Александра II

I. В 1818 году Их Императорские Высочества, Великий князь Николай Павлович и Великая княгиня Александра Феодоровна осчастливили

Москву своим посещением. Здесь 17 апреля Господь даровал Им сына первенца, великого князя Александра. Василий Андреевич Жуковский, знаменитый поэт того времени, приветствовал это событие стихотворением, в котором замечательны следующие пророческие слова:

«Да встретит он обильный честью век;
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек!»

Прошло семь лет. В 1825 году восшел на Всероссийский престол Николай Павлович, и первенец его провозглашен был Наследником престола. С самых юных лет великий князь Александр Николаевич находился под руководством наставников, которые были знамениты и своим разумом, и прекрасными качествами. Во главе их стоял Василий Андреевич Жуковский. Августейшие родители цесаревича желали, чтобы наставники воспитали из него прежде всего доброго человека. Наставники находились с ним неотлучно; обучали его наукам, направляли его волю к добру для народа, над которым предназначено было ему царствовать. «Могущество государя», поучали они Августейшего воспитанника, «состоит в благоденствии его подданных». Они научили его жить только для народа; для блага всех себя позабывать. Доброта души цесаревича показалась с самых отроческих лет. Войдя в возраст, цесаревич отправился по России, для знакомства с своим народом. Объехал он почти всю Россию, побывал даже в далекой Сибири.

II. 18 февраля 1855 года скончался император Николай Павлович. «Служи России! завещал он на смертном одре своему наследнику, – мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное, счастливое... Провидение судило иначе!» Страшные, тяжкие дни переживала Россия, когда восшел на престол Александр Николаевич. Враги нападали на нее со всех сторон: с севера и востока, с запада и юга. Твердыни Севастополя, громимые пушками четырех соединенных царств, начали колебаться и наконец не выдержали. Но и неприятели не желали больше вести войну, так как они потеряли множество войска и потратили много денег. Вскоре заключен был мир. Государь видел, что Россия нуждалась в мире. Он возвестил своим подданным, что для славы России сделано достаточно, но что и для героев есть невозможное.

Окончив войну, император обратил особенное внимание на внутренняя дела России и совершил много разных преобразований. Первым и самым важным делом было освобождение крестьян от

крепостной зависимости. Изстари, с самого начала русской земли, крестьяне считались людьми вольными. Некоторые из них имели собственную землю, но большая часть жили на чужой земле и рядились с вотчинником. Вотчинник отводил им землю, давал рабочую скотину и все, что нужно на хозяйство. За это крестьяне пахали на него пашню, косили луга, работали и всякую другую работу, которую по рядной записи порядились отбывать. Если житье крестьянам у вотчинника не нравилось, они отходили к другому. Сначала крестьяне переходили с одной земли на другую, когда хотели, а потом на это установился срок: они могли уходить только около Юрьева осеннего дня, покончив с хозяином все расчеты по уговору. При царе Борисе Годунове был издан указ, по которому крестьяне должны были оставаться на тех местах, на которых они в то время жили. С той поры крестьяне были прикреплены к земле и стали *крепостными.* Сначала крепостные не видели ничего худого, помещики давали землю, а крестьяне за это работали 2–3 дня в неделю на своих господ. Но чем дальше, крестьянам становилось все хуже и хуже. Дошло наконец до того, что помещики получили право продавать своих крестьян с землей и без земли, семьями и в одиночку. Нередко почти все шесть дней крестьяне должны были работать на помещиков. Крестьяне даже не могли сами собой жениться, ни распоряжаться своим добром и не находили себе защиты от самых жестоких притеснений; иногда они и пробовали жаловаться, да толку не было: суды были совсем не такие, как теперь. Но Государь Александр Николаевич имел у себя хороших наставников, многое он слышал от них, иное читал сам и видел он довольно горе народное в свои поездки по России. Он был свидетелем постоянных забот своего отца, Императора Николая, об освобождении крестьян. Ему прежде всего хотелось исполнить то, что покойный родитель его всегда желал. Он обратился к дворянам с милостивым выражением полного доверия, старался привлечь их к себе и их содействием произвести освобождение крестьян. «Я уверен, – говорил он, – что дворянство будет в начале всего доброго... Крепостное право не может продолжаться вечно»... Сначала он почти никого не имел, кто бы помог ему, а было очень много людей, которые употребляли все усилия, чтобы помешать ему. «Но дело это» – говорил Государь, «меня постоянно занимает; надо довести его до конца; я более чем когда-либо решился». И начал он скромно и осторожно; многие думали, что дело это так и станет; но Государь не пропускал случая подвигать его, подбирал сочувствующих людей, настаивал, чтобы не откладывали дела в долгий ящик; назначил своего брата Михаила Николаевича – членом, потом председателем комитета, и не раз повторял:

«Это моя непременная воля... Я желаю только блага России». Первыми отозвались на это помещики западных губерний, потом нижегородские, петербургские, московские, а за ними и все другие стали соглашаться на волю крестьян, только без земли; но Государь хорошо понимал, что бездомные крестьяне будут вредны и для помещиков, и для государства, что без земли крестьянам не прожить, и убеждал дворян уступить некоторую часть земли, по выкупу, в течение нескольких лет, при помощи казны. Государь твердо настаивал на том; чтобы наделить крестьян землей. Он поручил помещикам, в каждой губернии, составлять из себя комитеты для обсуждения, каким бы образом получше это устроить.

И вот наконец 19 го февраля 1861 года Государь подписал замечательнейший в истории Высочайший манифест о свободе крестьян, который начинался следующими достопамятными словами. « *Осени себя крестным знамением, православный русский народ, и призови с Нами Божье благословение на твой свободный труд – залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»!*

Эти царские слова раздавались во всех церквах обширного русского государства, раздавались, как благовест небесный, во всей русской земле. Более двадцати миллионов, страдавших целые века в неволе, как бы воскресли к новой гражданской жизни. Освобождение крестьян приветствовано, как величайший праздник, не одними крестьянами, но всей мыслящей и чувствующей Русью. «Христос воскрес, во истину воскрес! – восклицает поэт Розенгейм, – блеснул свободы луч и нам с родных небес. Разбита рабства цепь! Вставайте мертвецы, вставайте Лазари из гроба векового. Христос воскрес! Хвала и честь Тому, Кто вызвал свой народ от рабства!»

Еще яснее выразил от лица всей России значение 19-го февраля 1861 года русский поэт, князь Одоевский. Слова его обращены к самому Царю-Освободителю:

«Тобой свершилося желанное веками;
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднует народ молитвой и слезами
Великий первый день свободного труда».

Но трогательнее всего выразилось отношение народа к великому событию народной свободы. Спокойно народ ждал конца дела, и еще спокойнее и трезвее праздновал он великое событие. Не слышно было праздничного разгула. Все внимание старого и малого сосредоточено было на одном – на Царском манифесте о воле. Вот бедная крестьянская избушка. На самом видном месте, при свете лучины, читает манифест

малютка-девочка. Какая чудная картина! На лицах внимательных слушателей спокойствие и какая-то торжественная задумчивость. Так и видно, что каждый всей душой ушел в смысл и значение царских слов.

А вот другая картина. По улицам шумного Петербурга едет Государь-Император. Народная толпа освобожденных крестьян встречает Монарха-Благодетеля. Государь велел остановиться. Старики на коленях подносят хлеб-соль. Все, как один человек, проникнуты глубоким чувством беспредельной благодарности Царю- Освободителю.

IV. Для наблюдения за правильным наделом земли и составлением между помещиками и крестьянами «Уставных грамот» (в которых определялось количество земли и выкупа) Государь назначил особых людей – «мировых посредников». За усадьбы, за полевые угодья, крестьяне выплачивали помещикам, по частям, определенный, по взаимному согласию, денежный оброк. Выкуп был рассрочен на 49 лет; а кто мог, откупался и раньше, и сразу. Государь велел казне выдавать крестьянам денежную ссуду, в долг. Таким образом казна выдала вперед 760 миллионов рублей, да кроме того роздано крестьянским обществам около 120-ти миллионов десятин казенной земли. Дом и двор каждого крестьянина и все, что у него было, принадлежало уже ему самому. Обрабатывая свою землю, занимаясь у себя дома, он пользовался заработками для себя, для семьи, для общества. Понятно, что каждый добросовестный, работящий человек скоро стал бодрее духом, зажиточнее. Крестьянам даровано право производить, без особых пошлин, разрешенную им торговлю, открывать и содержать фабрики, заводы, мастерские и другие заведения, записываться в купечество, заниматься подрядами и проч. Детям их открыта дорога к науке и службе, и не один уже из них, слава Богу, стал умным человеком и полезным членом общества.

V. В 1874 г. Государь уравнял всех своих подданных перед законом и судом. Он желал, чтобы порядки в наших судах были более правильные, чем прежние. «Правда и милость да царствуют в судах!» возвестил Государь, и народ получил суд правый, скорый, милостивый и для всех равный. В прежнее время суд велся в тайне, обвиняемые не могли приносить оправданий при всем народе, *гласно* , и потому часто как было угодно судье, так и выходило. Нередко виновные оправдывались, а невинные страдали. Эти старые суды заменены новыми – *мировыми и окружными.* В первых разбираются незначительные дела, а вторые ведают (т.е. решают) дела более важные. Когда в *окружных* судах

обвиняется кто-нибудь в тяжком преступлении, например в убийстве, то на разбирательстве присутствуют' выборные лица из местных жителей, которые называются *присяжными заседателями.* Они решают вопрос: виновен ли подсудимый или нет? а судьи по закону назначают наказание. В тех и других судах все дела разбираются *гласно,* в присутствии всех желающих слушать, и для всех одинаково – перед судом все равны.

VI. После судебной реформы особенно важное значение имела реформа воинской повинности. До реформы солдаты в наше войско набирались главным образом из крестьян, на которых главным образом и лежала эта повинность, или рекрутчина. Служба военная продолжалась 25 лет и была служба трудная, тяжелая, особенно для крестьян, взятых прямо от сохи... Много и много горьких слез пролито было в дни наборов: отцы, матери и жены оплакивали своих сыновей и мужей, точно похороненных заживо. Государь видел это горе народное и всеми силами стремился облегчить для народа воинскую повинность. Государству нельзя быть без защитников, а особенно такому большому, как Россия; нельзя оставаться без постоянного многочисленного войска. Государь решил во 1-х, уравнять и в этом своих подданных, во 2-х не отрывать солдата навсегда или на слишком многие годы от его обществ, от его семьи и дома. Он повелел сократить срок военной службы и ввел общую повинность. С этих пор не одни уже крестьяне, но и дворяне, купцы, словом, все сословия должны были поступать в ряды защитников отечества и отбывать срок своей службы, сократившийся до 6 лет и даже менее. При этом каждый, поступивший в солдаты, не удаляется навсегда из своего общества или своей деревни, и сохраняет права на свою землю, на свой участок. Самая военная служба стала почетной, изменилась к лучшему, сделалась много легче, вольнее... Прежде сдавали в рекруты людей опороченных и негодных для обществ, теперь же таких и вовсе не принимают на военную службу. Звание и обязанность солдата почетны, и нужны честные люди, верные сыны родины, чтобы свято выполнить высокий долг воина.

VII. В 1859 году был окончательно покорен Кавказ: шестьдесят лет боролись русские с полудикими племенами Кавказа. Высочайшие и крутые кавказские горы долго мешали русским войскам овладеть Кавказом. Наконец в 1859 году был взят в плен предводитель горцев Шамиль, и все кавказские племена изъявили покорность. Вслед за покорением Кавказа России усмирила Кокан, Бухару и Хиву. Это три небольшие царства в средней Азии, населенный разбойническими племенами; эти хищники дерзко нападали на русских людей, особенно

купцов, грабили их, убивали, или же, захватив в плен, продавали на своих рынках, как скот.

VIII. Император Александр Николаевич решил кроме того освободить наших братьев славян, которые находились под властью турок. Он сначала потребовал от турецкого султана, чтобы он улучшил положение славян; когда же это не было исполнено, Император объявил Турции войну. «Исчерпав до конца миролюбие Наше», сказано было в Высочайшем манифесте, «Мы вынуждены к действиям более решительным». – «Не для завоеваний идем мы», гласил приказ Главнокомандующего [503] , «а на защиту поруганных братьев наших и на защиту веры Христовой».

Началась война, – с ней, за немногими неудачами, ряд побед и геройских подвигов русского воинства. В апреле 1877 года две русские армии перешли русскую границу. Одна из них двинулась на Кавказ, а другая – к реке Дунаю (впадает в Черное море). Сами Государь Император и Государь Цесаревич Наследник отправились в действующую армию.

Турки сражались отчаянно, но все-таки не могли устоять; их армия одна за другой были разбиты и забраны в плен со всем оружием. Русские двигались быстро и не останавливались ни перед какими препятствиями. Зимой в жестокий мороз они перешли Балканские горы и подошли к турецкой столице – Константинополю. Турки должны были смириться и заключить мир. По этому миру почти все славяне были освобождены от власти турок.

Государь Император терпеливо переносил все трудности походной жизни. Он везде являлся великим утешителем раненых и умирающих воинов.

16-го июня 1877 года Государь посетил Зимницкий госпиталь... Глубоко прочувствованными словами он выразил страдальцам свою признательность за их молодецкую службу.

– Постараемся, Ваше Императорское Величество, постараемся, отвечали ему израненные воины.

«Чего – постараетесь! – сказал Император – уже постарались и большое Мое и России вам за это спасибо, ребята!»

Тут же лежал тяжко раненый офицер гвардии.

«Ты очень страдаешь?» – спросил его Государь.

– Да, Ваше Величество, – отвечал раненый – дайте руку поцеловать!..

«Нет! Я тебя поцелую!» отвечал Государь, обнимая доблестного воина.

«Что за люди!» говорил Император. «Ни одной жалобы! ни одной

просьбы! Одно только желание, одно у всех стремление: поскорее в полк, чтобы идти на неприятеля!»

Посещая раненых, Государь показывал столько доброты, столько душевной простоты и нежного обращения, что трудно себе и представить. Он глубоко чувствовал страдания храбрых воинов и искал в своем сердце всех средств, которые могли бы облегчить страдания.

19-го февраля 1880 года исполнилось первое двадцатипятилетие царствования Императора Александра Николаевича. Вся России радостно встретила этот день, все молили Бога, чтобы Он продлил драгоценную жизнь. Но Бог судил иное: 1-го марта 1881 года Царь-Освободитель был тяжело изувечен несколькими злодеями и принял кончину мученика и не погрешим, если скажем – венец мученика.

Все царствование Императора Александра II прошло в делах правды и человеколюбия. Народ назвал его своим Царем-Освободителем и всегда будет о нем возносить самые горячие, самые сердечные мольбы ко Престолу Всевышнего, до тех пор пока будет стоять русское царство и пока будет жить на земле русский народ.

(По брош.: «Император Александр II Николаевич.» С. П. Б. 1887 г. Изд. ред. журн. «Чтение для солдат. и друг. Источн.).

46. Завет старины

(На манифест 19-го февраля 1861 г.)

Снилось мне: по всей России
Светлый праздник: древний храм,
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам, –
На амвоне ж, в фимиаме,
Точно в облаке, стоит
Старцев сонм, и нам, во храме
Преклоненным, говорит:
«Труден в мире, Русь родная,
Был твой путь; но дни пришли –
И в свой новый век вступая,
Ты у Господа моли,
Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло;
Чтобы ты была готова, –
Сердце чисто, дух велик, –

Стать на Судище Христово
Всем народом каждый миг;
Чтоб в вождях своих сияя
Сил духовных полнотой,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой
В свет – к свободе бесконечной
Из-под рабства суеты, –
На исканье правды вечной
И душевной красоты»...
(А. Майков).
47. Картинка
(После манифеста 19-го февраля 1861г.)
Посмотри: в избе, мерцая,
Светит огонек;
Возле девочки малютки
Собрался кружок;
***
И с трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя.
***
Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат;
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят.
***
Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь.
***
Даже с печи не слезавший
Много много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.
***
Что ж так слушают малютку, –

Аль уж так умна?...
Нет! одна в семье умеет
Грамоте она.
***
И пришлося ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть.
***
Самой вести смысл покамест
Темень им и ей:
Но все чуют над собою
Зарю новых дней...
***
Вспыхнет, братья, эта зорька!
Тьма идет к концу!
Ваши детки уж увидят
Свет лицом к лицу!
***
Тьма пускай еще ярится!
День взойдет могуч!
Вещим оком я уж вижу
Первый светлый луч.
***
Он горит уж на головке,
Он горит в очах
Этой умницы малютки
С книжкою в руках!
***
Воля, братья, – это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день.
(А. Майков).
48. На освобождение крестьян
(19-го февраля 1861 г.)
День встает багрян и пышен.
Долгой ночи скрылась тень;
Новой жизни трепет слышен,

Чем-то вещим смотрит день,
С сонных вежд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна,
Вышла, с Богом, на работу
Пробужденная страна.
Так торжественно-прекрасно
Блещет утро на земле;
На душе светло и ясно,
И не помнится о зле:
Об истекших днях страданья,
О потрате многих сил
В скорбных муках ожиданья,
В безвременности могил.
Пусть почиют мирно гробы
Тщетно ждавших столько лет!
Память им... Но в сердце злобы,
Ни вражды, ни мести нет.
Все простит он без расчета,
Устоявший в дни тревог,
Он, чей дух годину гнета
Пережил и перемог...
Слышишь, новому он лету
Песню радости поет:
«Благо всем, ведущим к свету,
Братьям, с братьев снявшим гнет;
Людям – мир, благоволенье!
Долгих мук исчезнет след...
Дню вчерашнему – забвенье,
Дню грядущему – привет!»
(И. Аксаков).

49. Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии! [504]
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;

Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый Лях, иль верный Росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? – вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда!
Для вас безмолвны Кремль [505] и Прага [506] ,
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы [507]
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постель,
Не в силах завинтить свой Измаильский [508] штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново,
Иль Русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди не чуждых им гробов.
А. Пушкин.

50. Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты [509] , и дворцы!
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах.
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!
Исполинскою [510] рукою
Ты, как хартия [511] , развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.
На твоих церквах старинных
Вырастают дерева.
Глаз не схватит улиц длинных:
Это матушка Москва!
Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колокол поднимет?
Кто царь пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?...
Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!
Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!
Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!

Град срединный, град сердечный,
Коренной России град.
(Ф. Глинка).

51. Кремль

Кремль – алтарь наш и твердыня!
Он собрал Русь, скрепил, воздвиг;
Он – наша сила и святыня,
Молельник и архистратиг.
Князь Вяземский.

Москва – сердце России; Кремль – сердце Москвы. Слово *Кремль* по-татарски значит *крепость* **.**

При вступлении в Кремль, вас встречает гигантский [512] столб Ивановской колокольни, храмы, дворцы, палаты, терема. Весь Кремль громаднейший исторический памятник; каждый шаг в Кремле ознаменован историческим событием; всякий зубец кремлевских стен облит кровью доблестных защитников нашей родины.

Вот Успенский собор. Здесь коронуются наши государи. Около правого клироса почивают мощи св. митрополита Филиппа, страдальца и мученика за правду!

Подле Успенского стоит Архангельский собор – усыпальница князей и царей. Среди пятидесяти пяти гробниц – одна гробница Грозного, находящаяся в южном приделе, покрыта черной пеленой, так как он перед смертью постригся в монахи.

Посредине собора серебряная рака с мощами Димитрия царевича.

Стражем-исполином Кремля стоит Иван Великий. У ног его, словно огромный шлем, лежит Царь-колокол.

Французы, в 1812 году, уходя из Кремля, взорвали некоторые башни, унесли из храмов сосуды и даже сняли крест с колокольни Ивана Великого, в предположении, что он из чистого серебра.

Здесь же, в Кремле, Оружейная Палата. В ней хранится старинное оружие, царское древнее облачение, венцы, короны, святые бармы [513] и шапка Мономаха, которые возлагали на себя, при короновании, русские цари; короны царей покоренных царств: Астраханского, Казанского, Сибирского; державы, жезлы, посохи, старинная золотая и серебряная посуда, древние мечи, копья, самопалы, сабли, оружие, сверкавшее на страх врагам в руках наших богатырей, славных людей: Димитрия Донского, Иоанна Третьего, Иоанна Грозного, Петра Великого, и носилки им побежденного шведского короля Карла XII, на которых носили раненого героя по полю Полтавского сражения.

В Кремле находятся терема – древний дворец царя Алексея Михайловича. Здесь посетитель видит, как скромно жили-поживали встарину наши цари, как заседали в думной палате; – видит сени темные и переходы, по коим невидимо проходили в церковь царицы и царевны.

В Кремле патриаршая ризница – хранилище облачение первосвятителей московских: митрополитов и патриархов. Там же хранятся сосуды для мироварения.

Среди памятников дорогой старины, перед посетителем Кремля красуются два дворца: один, поражающий своим величием, большой Кремлевский дворец, знаменитый красным (т.е. красивым, парадным) крыльцом, по ступеням которого шествуют наши Государи при больших выходах в соборы. Особенно пышно шествие в Успенский собор бывает для священного коронования; и другой – дворец, скромный, похожий скорее на частный дом; но этот скромный дом – чертог для русского человека: в нем колыбель-Царя-Освободителя.

Без шапки входит посетитель в Кремль через Спасские ворота и выходит через них с обнаженной головой.

52. Святая Русь!

Как я люблю твое значенье
В земном, всемирном бытии,
Твое высокое смиренье
И жертвы частые твои,
Твое пред Промыслом покорство,
Твое бесстрашье пред врагом,
Когда идешь на ратоборство,
Приосенив себя крестом.
Горжусь венцом многодержавным,
Блестящим на челе твоем,
И, некогда не меньше славным,
Твоим страдальческим венцом.
Мне святы все твои скрижали:
Из них стереть бы не хотел
Я ни одной твоей печали,
Ни одного из громких дел.
Мне святы старины могилы,
И дней грядущих колыбель,
И наша церковь – благ и силы,
И душ и доблестей купель.

Мне свят язык наш величавый:
Столетья в нем отозвались;
Живая ветвь от корня славы,
Под нею царства улеглись.
На нем мы призываем Бога,
Им братья мы семьи одной
И у последнего порога
На нем прощаемся с землей.
Святая Русь! родного слова
Многозначительная речь!
Завет нам Божьего покрова,
И оклик наш средь бурных сечь!
Из слов земных живей и чаще
Звучишь ты сердцу и уму,
Всех песней ласковей и слаще
Поешь ты слуху моему.
О, дорожи своим залогом,
Блюди тобой избранный путь,
И пред людьми и перед Богом,
Святая Русь, святою будь!
О, будь всегда, как и доныне,
Ковчегом нашим под грозой,
И сердцу русскому святыней,
И нашей силой пред враждой!
(Кн. Вяземский).
53. Родина
Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не победит ее рассудок мой:
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья,
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю, – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз,
И на холме, средь желтой нивы,
Чету [514] белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.
(Лермонтов).

54. Любовь к отечеству

I. Человек любит место своего рождения и воспитания. Эта привязанность есть общая для всех людей и народов. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни; она есть первое счастье, а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. Переселите нас на юг, мы взором и сердцем будем обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в нашей душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают нам отечество! – Самое расположение нервов, образованных в человеке по климату, привязывает нас к родине. Не даром медики [515] советуют иногда больным лечиться ее воздухом. – Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней, но красоты эти и выгоды не бывают главным основанием привязанности людей к отечеству.

II. С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их сообразуется с нашей, делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. Эта любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть вторая или нравственная любовь к отечеству. Надобно видеть двух единоземцев, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат излить душу в искренних разговорах! Они видятся в первый раз, но уже

знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества!

(Карамзин).

Отдел четвертый. Церковь

1. Что такое церковь Христова?

(Выписки из сочинений Святителя Димитрия М. Ростовского)

I. Она есть град великий Царя небесного, куда укрываются все, наветуемые от проклятого дьявола. Господь утвердил церковь Свою

II. Господь соделал Свою Церковь непогрешимой, Она есть *столп и утверждение истины* (1Тим.3:15). Она пребудет на земле до последнего дня судного, и *врата адова,* по слову Господа, никогда *не одолеют ей.* Непреложны слова Господа нашего, пречистыми устами Его изреченные: *Аз есмь с вами во вся дни до скончания века* (Мф.28:20). *Верен Господь в словесех Своих* (Пс.54:13). *Небо и земля прейдут, а словеса* Его *не мимо идут* (Мф.26:35). Значит никогда не отнимет Господь благодати Своей у церкви, потому что где Христос, там и благодать Его (Розыс. 530–1). *Господь в церкви святей Своей* (Пс.10:4), в церкви святей православной, апостольской; хотя бы враги и озлобляли ее, притесняли и терзали, однако же она непреодолима: с ней Господь, и кто удаляется от нее, тот удаляется от Господа и от своего спасения (Ч.II,117). Сию церковь хранит Дух Божий, по слову псалмопевца: *не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля* (Пс.120:4) (стр. 172). От сего Духа все дарования, в церкви сияющие. Со времени сошествия Св. Духа на апостолов св. церковь процвела, как маслина плодовитая, различными ветвями – ликами праведников (–173). Пострадав за нас на кресте Господь Иисус соделался Главой церкви и ее начальником. После него – вождями церкви были апостолы, за ними учители, святители, священники, и таким образом дошел до нас сей жребий святительского и священнического служения, и после нас пребудет до скончания века (Роз. 120).

III. Как между пшеницей, пока она не сжата, нельзя не быть плевелам: так и во св. церкви, пока она пребывает, как пшеница на ниве, в сей юдоли плачевной, нельзя не найтись между добрыми – и грешным. Однако же ради грешных Господь не оставляет церкви Своей, и не оставит до конца веков, как Сам обещал сие (Мф.28:20). (Роз. 528). В Христовой церкви есть и добрые и злые, и праведные и грешные, есть овцы и козлища, но церковь, как нужная мать всех детей своих питает и согревает, добрых любя, а недобрых терпя и жалея (Ч.II,117).

IV. Кроме церкви нельзя найти нигде благодатного освящения (I,67). Те добрые дела, которые делаются помимо православной церкви, хотя бы были и очень добрыми, однако же не могут заслужить человеку спасения,

ибо Глава церкви – Христос говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает* (Лк.11:23). *Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие. Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, изверженется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю, и во огнь влагают, и сгорает* (Ин.15:4–6). Кто присоединился к церкви Христовой, тот присоединился Христу, Который неразлучен с Своей церковью, как глава с телом. А кто чуждается Христовой церкви, тот чуждается Самого Христа – главы церковной; без Христа же все его добрые дела, которые он думает собирать во спасение, – он не собирает, а расточает, и спасения себе ими не заслужит. Член, отсеченный от тела, главой оживляемого и управляемого, может ли быть живым членом и действовать? Ветка, отрезанная от лозы виноградной или отломленная от яблони, может ли плоды приносить? Никогда. Вот так же и человек – христианин, хотя бы он и проходил жизнь добродетельную, как скоро отлучится от единения с церковью православной, – не может получить спасения. Послушайте, что говорит святейший Афанасий, патриарх александрийский, в своем символе: «кто хочет спастись, тому надобно содержать веру православную; и кто не сохранить ее в целости и чистоте, тот, без всякого сомнения, погибнет на веки». Из сих слов святителя очевидно, что никто не может спастись помимо православной церкви кафолической, как во дни Ноя никто не спасся от потопа кроме тех, кои находились в ковчеге. И Сам Господь сказал: *аще* кто не слушает *церкви, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф.18:17).

2. Из жизни св. Василия Великого

I. Св. Василий был непоколебимый столп православной веры. Он жил в то время (в IV в.), когда православные терпели большие притеснения от еретиков ариан [517] , на стороне которых быль император Валент. Зная силу св. Василия, архиепископа Кесарийской церкви, он очень желал с ним сблизиться. Собираясь сам ехать в Кесарию, он сначала послал туда первого сановника империи, префекта (губернатора) Модеста, арианина, поручив ему расположить Василия к арианам; в случае же неудачи – изгнать его из Кесарии. Сколько ни старался Модест преклонить на свою сторону Василия, он в этом не имел никакого успеха. Раздраженный Модест стал угрожать св. Василию изгнанием из Кесарии,

отнятием имущества, мучениями, смертью. Но святителя не испугали никакие угрозы, и он смело отвечал: «Если можешь, угрожай чем-нибудь другим, а этого я не страшусь. Кто ничего не имеет, у того нечего отнимать; разве потребуешь это волосяное рубище и, немногих книг, в

которых все мои пожитки; изгнания не знаю, ибо вся земля Господня. А истязания что причинят мне, когда нет у меня тела? Смерть же для меня благодеяние: она скорее соединит меня с Господом, для Которого живу и тружусь и к Которому давно поспешаю». Модест был поражен величием и неустрашимостью св. Василия. «Никто еще так со мною не говорил», сказал Модест. Василий отвечал: «Вероятно, тебе еще не случалось говорить с епископом; иначе, без сомнения, говоря о подобном предмете, услышал бы такие же слова. Мы во всех других случаях кротки, смиреннее всякого: этого требует от нас заповедь Божья; а когда дело идет о славе Божьей – тогда, презирая все, имеем в виду одного Бога. Огонь, меч, звери и железные когти скорее будут для нас наслаждением, нежели произведут ужас». Видя, что никакие угрозы не действуют на святителя, Модест думал склонить его лаской и обещаниями. Но если великого святителя не могли заставить отречься страшные угрозы, то как же можно было от него ожидать отречения ради наград, которые он презирал? – «Не почитай маловажным, – сказал Модест, – что великий император хочет соединиться с твоей паствой... не противься его воле. Он хочет только, чтобы исключено было из символа одно слово: единосущный». Но св. Василий решительно отвечал: «царю стать членом церкви – очень важное дело, ибо важно спасение души; но исключить в символе веры хотя бы одно слово, или прибавить к символу веры что-либо, даже переменить в нем порядок, никак не соглашусь». Отпуская Василия, Модест советовал ему подумать до следующего дня. «Не нужно, – решительно и спокойно отвечал великий святитель: я ныне и завтра таков же».

II. Вскоре затем и сам Валент прибыл в Кесарию. Модест донес ему о своей неудаче. Валент, и прежде слышавший о непоколебимой твердости святителя, все же не потерял надежды склонить его на свою сторону. К св. Василию были посланы высшие чиновники двора. Василий был непреклонен. Ариане советовали употребить против него силу; но Валент не согласился и решился иметь с ним свидание.

Наступил праздник Богоявления Господня; Валент отправился в православную церковь, где служил Василий, и так был тронут торжественностью служения, что не мог беседовать с Василием. Валент пришел в другой раз в православную церковь. Св. Василий не служил и пригласил его в алтарь, где долго с ним беседовал. Слова Василия сильно подействовали на Валента, и он оставил епископа в покое. Но благое впечатление было непродолжительно. Ариане продолжали вооружать Валента против св. Василия и, наконец, убедили его подписать приговор об изгнании епископа. Когда Валент хотел подписать приговор

об изгнании, престол, на котором он сидел, покачнулся, и трость переломилась; он взял другую, но и с другой и с третьей тоже повторилось; рука его затряслась, и он в страхе разорвал бумагу. И это чудо не вразумило врагов Василия! Вскоре они снова вооружили Валента. Он готов был изгнать Висилия. Уже была назначена ночь для изгнания, готова была и колесница для святителя; враги его радовались, а друзья скорбели. Василий, гонимый за правду, спокойно готовился к отъезду. Но Господу было угодно образумить Валента несчастием. Единственный сын царя – Галат заболел горячкой так сильно, что никто не мог ему помочь. Валент понял, что его наказывает Господь за преследование Василия, отложил приговор об изгнании, пригласил к себе святителя и сказал ему: «Помолись о здоровье моего сына». Св. Василий отвечал: «Царь, твой сын будет жив, если ты присоединишься к православной вере и помиришь церкви». Царь обещал это исполнить, если выздоровеет его сын. Св. Василий помолился – и младенец выздоровел. Ариане, узнав об этом чуде, убедили Валента, что и они могли бы сделать такое чудо, так что он дозволил им крестить своего сына. Когда же Ариане взяли ребенка крестить, он умер. Это чудо всех поразило. Вскоре после этого очень опасно захворал Валент. Больной просил помолиться св. Василия: он помолился – и Валент выздоровел. Слух об этих событиях быстро распространился, и имя Василия сделалось славным во всей империи.

(Ч.-М.).

3. Святитель Григорий Богослов

I. Великий вселенский учитель, сверстник, друг и сподвижник св. Василия Великого, Григорий Богослов, родился в самом начале второй четверти IV века, в малоазийской Каппадокийской области, в селе Арианзе, вблизи города Назианза. Отец Григория Богослова, по имени также Григорий, был сначала язычником и обращен был ко Христу уже после своей женитьбы, своей благочестивой

супругой Нонной; впоследствии за свою благочестивую христианскую жизнь он был избран епископом Назианза. От этого благочестивого супружества родился благословенный сын – первенец Григорий – плод усердных матерних молитв. Одаренный от природы блестящим умом и мягким впечатлительным характером, Григорий, под руководством своей матери, с раннего детства усвоил себе правила и дух христианства. «Ты рожден у меня по молитвам моим; я обещала тебя Богу: исполни же, сын мой, мое желание; дорожи бесценным сокрови- щем христианским», говорила ему часто мать, поучая его в законе Божьем и предлагая для чтения книги Св. Писания.

И добрый сын в совершенстве исполнил волю своей матери.

II. По окончании домашнего воспитания, в котором деятельное участие между прочим принимал один родственник – Амфилохий, отличный наставник в красноречии, родители Григория, располагая достаточными средствами, отправили своего сына для продолжения воспитания сначала в Кесарию Каппадокийскую, потом Кесарию Палестинскую, затем в Александрию, а наконец и в Афины, особенно славившиеся в то время своими школами.

В Афинах Григорий встретился с своим давнишним товарищем Василием каппадокиянином, с которым некоторое время учился в Кесарии Каппадокийской. В Афинах молодые товарищи так сблизились между собой, что их нежная дружба не прекращалась уже до конца их жизни.

III. Прибыв по окончании образования к родителям в Назианз, Григорий только теперь принял христианское крещение, по обычаю тогдашнего времени; Василий в это уже время жил в своем прекрасном уединении, близ реки Ириса, невдали от обители, где жили его мать и сестра. Из глубины пустыни он звал к себе и своего друга Григория, рисуя ему картину своего прекрасного местопребывания. Рвался всей душой в это пустынное уединение к своему другу для совместного духовного делания Григория; но разные обстоятельства, особенно семейные дела его родителей, удерживали его от этого, к крайнему его огорчению.

По временам, впрочем, Григорий уединялся и к своему другу Василию, в его прелестную пустыню. Здесь святые друзья вполне наслаждались излюбленной ими подвижнической жизнью.

Святые друзья часто переписывались между собой, находясь в разлуке, – и эта переписка их обоих много утешала и ободряла. Святые друзья живо принимали к сердцу и тогдашнее положение церкви Христовой, волнуемой разными ересями, особенно арианской; они много писали в обличение этих ересей; но, как истинные ратоборцы, они предпринимали для этого и другие, более действительные средства. По смерти своего отца в 374 году, св. Григорий, по желанию паствы назианзской, был некоторое время ее местоблюстителем в сане уже епископа. Скоро скончался и друг его св. Василий. У Григория теперь не было уже в живых тех лиц, к которым он был привязан и узами родства, и узами дружбы: родители Григорий и Нонна были уже покойники; умерли уже перед тем и его присные – благочестивый брат Кесарий и блаженная сестра Горгония; не стало теперь и друга Василия. Душа св. Григория томилась жизнью на земле и жаждала горнего жилища, созерцанием

которого он утешал себя в уединении. Но промысл Божий судил св. Григорию еще один великий подвиг на земле ко благу церкви Христовой.

IV. В восточной Римской империи, при жизни Василия и Григория, царствовали после Константина Великого, арианин Констанций, богоотступник Юлиан и арианин Валент. В Константинополе в это время арианство оказалось господствующим. В продолжение 40 лет православная церковь в Константинополе была в крайнем запустении; православные не имели даже ни одного храма для своих молитвенных собраний: все столичные храмы были в руках ариан . Тогда взоры православных цареградцев устремились к светильнику того времени, скрывавшемуся под спудом, к Григорию, в надежде только через него поправить дела своей церкви; к Григорию они теперь между прочим обратились и потому, что он, живя в пустыне 10 лет, оставался епископом без церкви. И антиохийский собор в 378 году, рассуждавший о делах Константинопольской церкви, признал именно Григория благопотребным для устроения здешних церковных дел. Григорий согласился остаток дней своих посвятить на великий подвиг служения угнетенной столичной церкви.

V. Прибыв в Константинополь, св. Григорий устроил в доме своих родственников, у которых на первых порах нашел для себя приют, небольшой храм, названный им потом Анастасией (что с греческого значит воскресение), в память восстановления отсюда православия в столице, и начал проповедовать об истинах православия. Сильные красноречивые слова его, особенно слова о св. Троице, доставившие ему звание Богослова, гремели в храме Анастасии и привлекали толпы народа, даже из ариан и язычников. Ариане находили теперь в Григории опаснейшего для себя соперника и старались вредить ему, чем только можно: то они обносили его публичными ругательствами, то бросали в него камнями, когда он появлялся на улицах; то клеветали на него перед судьями и подвергали суду; то целыми толпами делали открытые нападения с палками и дрекольями на его храм во время его торжественных священнослужений; то наконец подсылали к нему тайных убийц. Но все эти огорчения великий святитель сносил великодушно с свойственным ему смирением и с христианским всепрощением; и Господь видимо хранил благопотребного в ту пору святителя.

VI. Так как в это время, кроме осужденных уже соборами ересей, оказалась в Константинополе и еще новая, так называемая македонианская (от имени лжеучителя Македония), духоборческая, унижавшая достоинство Св. Духа, и таким образом продолжавшая дело Ария: то

Григорий уговорил императора созвать вселенский собор в Константинополе для произнесения суда над этой новою ересью и вообще для умиротворения церкви. В 381 году созван был второй вселенский собор в числе 150 епископов, под председательством Мелетия, епископа антиохийского, как старейшего, по смерти которого председательство перешло к самому Григорию. На этом соборе, к концу его, был поднят вопрос о назначении Григория на столичную кафедру. К сожалению, на соборе были и такие недоброжелатели Григория, которые оспаривали правильность его избрания на упомянутую кафедру.

Не желая возмущать мира церковного, святитель Григорий решился пожертвовать собой, или, лучше сказать, своим положением, тем более, что он теперь особенно чувствовал слабость своих сил для великого первосвятительского служения в столице. «Пастыри церкви!» говорил святитель отцам собора; «я пришел сюда не по своей воле, не по собственному вызову, но призванный, принужденный и покорный страху и Духу. Народ, кипя ревностью и гневом, несмотря на мой вопль и слезы, возвел меня на этот престол. Мужи и сопастыри! Стыдно вам враждовать и спорить, когда вы других должны учить любви и миру. Прошу вас устройте мирно дела церкви. Если я причиной волнений, то, как пророка Иону, бросьте меня в море, и утихнет буря, которой я не воздвигал. Отнимите у меня престол, изгоните меня; я на все согласен и довольно удручен болезнью, чтобы жаждать тихой и спокойной кончины». Многие из отцов собора и из Константинопольской паствы со слезами умоляли святителя Григория не оставлять паствы, для которой он так много сделал в продолжение краткого времени пребывания у них, всего только трех лет; и император Феодосий удерживал в столице высокочтимого святителя; но Григорий быль непреклонен в своей решимости и оставил после трогательного прощания свою паству.

VII. Последние дни жизни своей святитель Григорий провел в уединении, в отеческой веси своей Арманзе, не переставая однако же и отсюда заботиться о делах церкви и помогать ей своими писаниями. В уединении старец-подвижник любил также вспоминать и о прошлом своей жизни, находя в этом отраду, «как престарелый лебедь, пересказывающий сам себе звуки крыльев»; много размышлял он теперь и о суетности человеческой жизни. «Много путей многобедственной жизни», писал он в одном из своих предсмертных творений, «и каждый исполнен своих скорбей. Богатство – неверно, бедность – оковы, красота – краткий блеск молнии, красноречие – парящая птица, слава – воздух, изобилие – притеснитель, супружество – иго,

многочадие – трудная забота, безчадие – болезнь... Все здесь скорбь для смертных: все здешнее тень, пух, призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, ветер, прах, круг, всегда кружащийся и все одинаково вращающийся... И это есть определение Твоей премудрости, Творче и Слово! Все непостоянно, чтобы мы сохранили в себе любовь к постоянному! Одно прекрасно и прочно для человека: взять крест и переселяться отселе... Прекрасно жить жизнью чуждой жизни, и один мир переменять на другой, терпеливо переносить все горести!»

В 389 году, 25 января, Григорий скончался в Назианзе, имея от роду около 62 лет. Здесь, в Назианзе, он был и погребен. В 950 году, при императоре Константине Багрянородном, мощи св. Григория были перенесены из Назианза в Константинополь. Часть мощей св. Григория ныне хранится в Риме, в церкви св. Петра. Глава же Григория Богослова в 1654 году, вместе с Влахернской иконой Божьей матери, прислана была из Царьграда в Россию, в дар царю Алексею Михайловичу.

(*Займст. из Четь-Минеи).*

4. Св. Иоанн Златоуст

I. Святой Иоанн Златоуст был архиепископ константинопольский (397–404). Он родился в Антиохии (в 347 г.), от благородных и богатых родителей. Отец его – *Секунд* был начальником войска в Сирии, а мать – *Анфуса* отличалась глубоким благочестием. Лишившись своего мужа в ранней молодости (20 лет), она не решилась вступить во второй брак и посвятила себя единственно воспитанию своего сына. И первые уроки матери в христианском благочестии так глубоко напечатлелись в уме и сердце св. Иоанна, что ни что впоследствии не могло изгладить их из души его: ни образование в школах языческих наставников, ни примеры товарищей, ни увлечения молодости. После первоначального домашнего воспитания он учился в Антиохии и был одним из лучших учеников знаменитого в то время языческого оратора *Ливания.*

По окончании образования, св. Иоанн сначала поступил на гражданскую службу [518] ; но вскоре, убедившись в суетности мирских почестей и удовольствий, предпочел им подвиги духовной жизни, стал ревностно изучать Священное Писание и часто ходить в церковь, и наконец совсем оставил гражданскую службу. Приняв крещение от епископа антиохийского Мелетия, он хотел было удалиться в пустыню; но, по усиленной просьбе матери своей, остался вместе, с ней до ее кончины и стал вести самую строгую жизнь. По смерти же матери, раздав все имущество свое бедным, он удалился в монастырь близ

Антиохии. Сюда стало стекаться к нему множество посетителей, одни – для советов и наставлений, другие – для исцеления болезней. Желая избежать славы

человеческой, он через четыре года удалился отсюда в уединенную пещеру. Но расстройство здоровья от чрезмерных подвигов побудило его через два года возвратиться в Антиохию. Здесь вскоре, он посвящен был в диакона, а через пять лет – во священника.

II. В этом сане двенадцать лет он был проповедником в соборной церкви в Антиохии, и своим красноречием приобрел себе, всеобщую любовь и уважение народа. Слова его, как бы сами собой, лились из златых уст его и во многих невольно возбуждали слезы и рыдания; а другие охотно оставляли мирские развлечения, желая лучше слушать знаменитого проповедника. Иногда слушатели невольно прерывали его речь похвалами и рукоплесканиями. [519] А одна, женщина из среды народа однажды воскликнула: «учитель духовный, Иоанн, златые уста! Кладезь учения твоего слишком глубок, а вервия ума нашего слишком коротки»! С того времени св. Иоанн начал говорить свои беседы гораздо проще, а народ сталь называть его *Златоустом.*

III. Слух о таких достоинствах знаменитого проповедника достиг столицы империи. И когда в 897 г. кончил жизнь архиепископ константинопольский св. *Нектарий* , преемник св. Григория Богослова, тогда император *Аркадий* избрал на кафедру константинопольскую св. Златоуста. Но, зная сильную привязанность к нему жителей Антиохии и, опасаясь волнения между ними по случаю удаления его, император потребовал его в Константинополь тайно. Здесь с восторгом принят был великий проповедник. Но – для него самого это назначение послужило поводом ко многим огорчениям.

Сначала св. Златоуст, пользуясь расположением императора, свободно занимался и в столице делами пастырского служения. Стараясь отвлечь православных от посещения арианских собраний, он ввел в православных церквах *стройное пение,* установил *всенощным бдения* и *крестные ходы,* и не только сам несколько раз в неделю проповедовал истинное учение, но старался водворить веру Христову и в других странах. С этой целью он отправлял проповедников в *Персию, Финикию, Скифию, Фракию.* Но особенно он заботился об исправлении нравов своей собственной паствы. И эта ревность вооружила против него многих в Константинополе.

Особенно же восстали против св. Златоуста ариане и сама императрица *Евдоксия.* Первые возненавидели архиепископа за то, что он силой

своего красноречия привлекал всех к православию, и не дозволял им совершать богослужения в самом Константинополе; императрица, зараженная сребролюбием, оскорблялась, с одной стороны, строгими обличениями св. Иоанна, с другой, частым ходатайством его за обиженных. Каждую беседу его против сребролюбцев она относила к себе и более и более вооружалась против него. Таково было влияние бесед св. Златоуста на высшее общество и духовенство! – Один только простой народ был в восторге от этих бесед и безгранично любил великого проповедника, как своего отца и истинного пастыря, и во множестве стекался слушать его слова.

Между тем, враги святого Златоуста старались воспользоваться нерасположением к нему императрицы. И когда один из них, – архиепископ александрийский *Феофил* , вызван был в Константинополь для оправдания по многим жалобам на него, он вместо того составил из преданных ему епископов собор против св. Иоанна. На этом соборе враги его, пользуясь покровительством императрицы, обвинили его в оскорбительных словах против нее и во многих других преступлениях, и объявили его лишенным епископской кафедры. Император утвердил решение собора и осудил св. Иоанна на изгнание в *Вифинию* **.**

Узнав об этом, св. Златоуст старался успокоить народ. «Сильные волны, говорил он в последнем слове своем, жестокая буря! Но я не боюсь потопления, потому что стою на камне». И едва он оставил Константинополь, как узнавший об этом народ пришел в сильное волнение, а следующую затем ночь произошло в столице великое землетрясение. Это привело императрицу в такой страх, что в ту же ночь она послала святителю письмо, в котором уверяла его, что нисколько не виновата в его осуждении, и умоляла его возвратиться в столицу. Таким образом, через два дня, св. Златоуст снова был в Константинополе, где народ встретил его с великим восторгом.

IV. Новый собор, учрежденный после того в Константинополе, объявил не действительным низложение св. Иоанна и возвратил ему константинопольскую кафедру. Но недолго продолжалось его служение. Враги нашли новый повод к низложению его. Вскоре в Константинополе, на площади, близь Софийского храма, поставлена была серебряная статуя императрицы. По этому случаю начались здесь песни, пляски и музыка. Все это нарушало порядок богослужения, совершаемого в самом храме. И св. Златоуст не мог не восстать против этого злоупотребления. Он произнес сильную обличительную речь против зрелищ. Императрице

донесли, что в этой речи сказаны были оскорбительные для нее слова. Гнев ее еще более усилился, когда ей сказали, что св. Иоанн начал одну беседу к народу следующими словами: «Опять Иродиада беснуется! Опять Иродиада пляшет! Опять требует главы Иоанна!». После того императрица поклялась лишить Иоанна епископской кафедры и исполнила свою клятву. Снова созван был в Константинополе собор из врагов св. Златоуста. И он снова был низложен и осужден на изгнание в *Кукуз* , бесплодное местечко в Армении.

В течение 70 дней он принужден был идти в Армению пешком, под воинской стражей. [520] Но враги не ограничились и этим. Через три года они убедили слабого императора Аркадия сослать его еще далее, именно – в *Питиус,* на берег Черного моря (в нынешней Абхазии). И это приведено было в исполнение самым жестоким образом. Не обращая внимания на болезненное состояние св. Иоанна, его вели и в зной и в проливной дождь, и святитель, изнуренный страданиями, кончил жизнь на пути, в городе *Команах* (в 407 году, 14 сентября).

Через 30 лет после того, святые мощи его обретены были нетленными и с торжеством перенесены были в Константинополь. [521]

*Замечательные из творений св. Иоанна Златоустого.*Из творений св. Иоанна Златоуста особенно замечательны его *беседы,* заключающая в себе толкование на многие книги Священного Писания (таких бесед до 800). Все они отличаются как ясностью и глубиной в объяснении слова Божьего, так особенно живым изложением правил христианской нравственности и сильным обличением пороков. Замечательны также шесть слов его *о священстве.* В них ясно и живо изображена высота священного сана, а вместе и соответственный этой высоте свойства истинных пастырей церкви Христовой. Но особенно замечательна из творений св. Златоуста *литургия* Его. Она сокращена из литургии Василия Великого. Это сокращение сделано по снисхождению к христианам, которые тяготились продолжительностью литургии Василия Великого. Впрочем, сокращение это касается только молитв, тайно читаемых священником при совершении таинства св. Причащения. В сущности же литургия св. Златоуста совершенно сходна с литургией Василия Великого.

5. Свв. и равноапостольные Кирилл и Мефодий

I. *Жизнь их до выступления на дело проповеди.* Они были сыновья правителя Солунской области *Льва,* который, по мнению некоторых ученых, был славянского происхождения, а по другим – грек. Св. Кирилл, до пострижения в монашество, назывался *Константином,* а за высокую ученость свою прозван был *философом.* Отличаясь прекрасными

дарованиями и любовью к наукам, оба брата получили лучшее, по своему времени, воспитание. Мефодий, по окончании образования в Солуни, поступил в военную службу и вскоре получил в управление славянскую Струмскую область. А Константин, желая получить высшее образование, отправился в Константинополь к знатному родственнику своему великому логофету Феоктисту, который был один из опекунов несовершеннолетнего императора греческого Михаила III. Здесь он изучил высшие науки, под руководством лучших ученых того времени, – Льва, главного наставника высшей константинопольской школы, основанной правителем империи Вардой, и Фотия, бывшего впоследствии патриархом константинопольским. Особенное расположение имел Константин к богословским наукам; любимым занятием его после Свящ. Писания, было чтение творений св. Григория Богослова. Покровитель его Феоктист готовил ему почетное место при дворе и богатую женитьбу. Но Константин отказался от того и другого, принял монашество и решился посвятить свою жизнь служению Богу и занятиям науками. Его сделали наставником и библиотекарем Софийской библиотеки. Здесь он приобрел большую известность своей ученостью и успешным исполнением важных поручений. Так он с успехом вел спор с приверженцами иконоборства, которые оставались еще в Константинополе. Потом в 851 году, по поручению греческого императора, он отправлялся ко двору митиленского эмира, для рассуждений о вере с арабскими учеными, а здесь твердая защита им христианства привела в сильное раздражение магометанских ученых. – Св. Мефодий также оставил светскую жизнь и, приняв монашество, прославился своими аскетическими (т.е. строго монашескими) подвигами. Его хотели избрать в митрополиты, но он отказался от этого, и с трудом убедили его принять игуменство в монастыре св. Полихрония. Такой жизнью оба брата приготовили себя к апостольским подвигам.

II. *Обращение хозар* (около 840 года). Когда *хозары* , около половины IX века (ок. 840 г.), обратились к греческому императору Михаилу III с просьбой прислать к ним проповедников истинной веры, тогда правительство греческое избрало для этого свв. Кирилла и Мефодия. Познакомившись в Херсоне с языком хозарским, они немедленно отправились в землю хозар. [522] Здесь они принуждены были вступить в борьбу с магометанами и евреями, которые старались склонить хозар в свою веру. Доказав превосходство христианского учения перед магометанским и иудейским, они успели до 200 человек хозар обратить в веру Христову. Сам хан (т.е. князь) хозарский и многие из

вельмож и народа приняли крещение. Оставив у хозар священников, прибывших из Херсона, Кирилл и Мефодий возвратились в свое отечество.

Здесь – в Солуни они продолжали проповедовать веру Христову между славянами *македонскими* . [523] И для большего успеха в этой проповеди, св. Кирилл решился положить начало *письменности* между славянами, не имевшими у себя собственной азбуки. Приступая к такому святому и великому делу, Кирилл постился 40 дней и усердно молил Господа о помощи. В этих трудах помогал ему брат его св. Мефодий. И *наконец* с помощью Божьей св. Кирилл совершил великое и многополезное дело: он составил *славянскую азбуку*, по образцу греческой [524] , и стал переводить на славянский язык священные и богослужебные книги. [525] Этот перевод вскоре принес большую пользу, по случаю отправления проповедников к славянам моравским.

III. Обращение моравов (в 862 году). В 862 году, моравские князья Ростислав и Святополк и Панионский Коцел просили греческого императора Михаила III прислать к ним таких учителей, которые бы знали славянский язык и могли сделать понятным для славян богослужение. Моравы готовы были принимать христианство, но затруднялись тем, что немецкие проповедники, находившиеся у них, совершали богослужение на непонятном для них латинском языке. Император и патриарх Фотий отправили в Моравию св. Кирилла и Мефодия. И они имели здесь великий успех, которому много содействовал сделанный ими перевод богослужебных книг на славянский язык. Славяне моравские и панионские с радостью слушали богослужение на родном языке и охотно принимали православную веру Христову.

IV. Отношение св. Кирилла и Мефодия к римскому папе. Успехи проповеди св. Кирилла и Мефодия в Моравии и Паниониии возбудили зависть к ним в соседних немецких епископах. На них донесено было папе Николаю I, что они отделяют от римской церкви принадлежащие ей славянские области и совершают богослужение не на священном языке. [526] Поэтому св. Кирилл и Мефодий принуждены были отправиться в Рим. Они взяли с собой часть мощей св. Климента римского, обретенных ими в Херсоне, и приняты были в Риме с большой честью. Здесь они вполне доказали правоту своего дела, и папа Адриан II одобрил сделанный ими перевод священных книг и осудил тех, которые старались препятствовать их проповеди. Но св. Кирилл вскоре сильно занемог в Риме. Перед кончиной он принял схиму и имя Кирилла. Умирая, он просил брата своего не покидать дела проповеди между славянами. «Брат мой», говорил Кирилл: «до сих пор мы были с тобой как бы два вола, запряженные в один

плуг; вот я умираю и падаю на борозду. Но молю тебя: не оставляй нашего дела,

Впоследствии он снова вызван был в Рим для оправдания в том, будто явно отступает от учения римской церкви и не хочет совершать богослужения на латинском языке. Явившись в Рим, св. Мефодий доказал папе Иоанну VIII, что его исповедание символа веры совершенно согласно с постановлениями 6-ти вселенских соборов и древним учением римской церкви. А употребление славянского языка при богослужении он представил столь полезным для славян, что сам папа согласился на это, только с тем условием, чтобы Евангелие на литургии читано было сначала на латинском, а потом на славянском языке. После того св. Мефодий в сане архиепископа еще несколько лет трудился в Моравии для церквей славянских и до конца своей жизни принужден был вести борьбу с латинским духовенством. Он успел перевести Библию на славянский язык и кончил жизнь в 885 году.

V. *Особенное значение их для русской церкви.* Апостольские труды святых Кирилла и Мефодия среди славянских племен имели особенное значение для нашей русской церкви. Перевод священного писания и богослужебных книг на славянский язык, сделанный ими для моравов, впоследствии весьма содействовал распространению и утверждению веры Христовой в России. Потому русская Церковь с особенным благоговением чтить память первых славянских просветителей.

(По Ч. М. и др. источн.).

6. Гимн в память свв. Кирилла и Ме фодия

Уж десять столетий промчалось, собратья,
С тех пор как родные по плоти нам братья,
Кирилл и Мефодий, с любящей душой
Внесли в мир славянства свет веры святой:
Пришли нам открыть наши грешные очи,
И тьму разгоняя, как звезды средь ночи,
Нам путь к Богу Слову собой осветить,
И в сердце отрадное чувство пролить.
Восхвалим же, братья,
Апостолов веры,
И в общем семействе
Славянском своем,
С открытой душою,
Не как лицемеры,

Хвалебную песнь им
Достойно споем!
***
Уж десять столетий труды их святые
Вливают нам в сердце потоки живые
Божественных истин посредством письмян,
Что создали братья на благо славян...
С тех пор и простое народа преданье,
И жизнь его в мире, и быт, и страданье,
И целые груды деяний людских
Мы можем хранить на страницах живых.
Восхвалим же, братья,
Ревнителей веры!
И в общем семействе
Славянском своем
Слова их святые,
Святые примеры,
Как высшее благо,
Века соблюдем.
***
Хвала вам, апостолы веры Христовой,
Хвала вам, Мефодий и светлый Кирилл!
Приход ваш к славянам и Руси путь новый
К познанию истинной веры открыл...
Дай Бог, чтоб учение ваше святое –
" *Быть крепкими в вере и братской любви* "
Хранило всегда наше племя родное
В своей благородной, славянской крови!
Восхвалим же, братья,
Ревнителей веры!
И в общем семействе
Славянском своем
Слова их святые,
Как высшее благо,
Века соблюдем.

(Из «Азбуки рус. и церк.-слав. язык» епископа Викторина).

7. Преподобный Феодосий

I. С юных лет Феодосий стремился душей к жизни для Бога. На 14 году лишась отца, не знал он иного утешения, как ходить в церковь. Раз

случилось ему встретиться с странниками; плененный мыслью о их подвиге, он тайно идет с ними в св. землю. Мать, узнав о сем, догоняет его, бьет, приводит в дом и на несколько дней заключает в оковы. Продолжая ходить в церковь, Феодосий видит, что иногда не бывает литургия за недостатком просфор и решается печь просфоры; в этом занятии проходят два года. Мать уговаривает его оставить занятие, низкое, по ее понятно; сын еще год продолжаешь тот же труд. Мать, то угрозами, то побоями, доводит его до того, что он удаляется в другой город и там у одного пресвитера (т.е. священника) занимается по-прежнему печением просфор. Довольно времени спустя, мать находит его и опять возвращает, в дом. Тогда *властелин града*, видя смирение и благочестие его, дозволяет ему пребывать у своей церкви, Феодосий тайно заказывает вериги и носит их. Раз властелин давал пир; Феодосию надобно было явиться для угощения в чистой одежде; при перемене белья, мать, и прежде слышавшая о веригах, увидела на одежде кровь от вериг и с яростью сняла с сына вериги. Все эти препятствия к жизни святой не погасили в Феодосии желания святой жизни, – он рвется к монашеской жизни. В отсутствие матери удаляется из дома в Киев, находит Антония, и постриженный Никоном, вступает в подвиги. Это было в 1032 году. Четыре года спустя, мать является и в Киев за сыном, но сын был уже столько крепок духом, что, но молитве его, сама мать переменяет свои желания и остается в женском монастыре. Феодосий поставлен в пресвитера. Жизнь собиравшейся к Антонию братии была вообще строга, но Феодосий не щадил себя. Пищей были: ржаной хлеб, и только в субботу и воскресенье – сочиво, а за недостатком его травяная снедь; чтобы иметь хлеб, занимались простым рукоделием и, купив зерна, мололи сами; по окончании утрени шли в огород и копали; после литургии опять труд. Феодосий, крепкий телом, брал на себя часть трудов у других, носил другим воду, рубил дрова, молол рожь и относил каждому муку. Иногда, в знойную ночь, нагой, отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам, – кровь текла по нем, а он покойно прял волну.

II. В начале 1062 года, братия, по благословению Антония, избрали Феодосия в игумены. Феодосий присовокупил к прежним подвигам своим тяжкую бдительность игумена, устроил монастырь и общежитие, ночью обходил он кельи иноков, чтобы видеть житие их; кого заставал на молитве, благодарил Господа; а если слышал беседу двух или трех, ударял в двери и на утро давал краткое наставление о внимании к своей душе. И словом, и примером одушевлял паству свою на подвиги. Каждый день делал своими руками, приходил в пекарню и весело трудился с

хлебопекарями, месил тесто, пек хлебы: всех немощных учил, укреплял и утешал. Раз перед праздником келарь говорил, что некому носить воду; блаженный поспешно встал и начал носить воду; один из братии увидел это и поспешил сказать о том нескольким братьям; те побежали делить труд с игуменом. В другой раз некому было нарубить дров для общей кухни. «Я празден», говорил игумен, «и пойду»; братии повелел идти за трапезу, так как было время тому, а сам стал рубить дрова. По окончании стола, братия, увидев, что преподобный игумен их усердно рубит дрова, взяли каждый топор свой и наготовили дров на много дней. На трапезе он довольствовался сухим хлебом и щами без масла, но никогда не видали его дряхлым и невеселым на трапезе. Никто и никогда не видал, чтобы он для сна ложился на бок, а обыкновенно засыпал он сидя и проснувшись становился на молитву; никогда не омывал тела водой, кроме лица и рук. Одежда его была шерстяная, и та весьма худая, которую часто покрывал он заплатами, чтобы не видно было власяницы на его теле; нередко осуждали его за эту худую одежду, – он укоризну выслушивал с радостью. Раз в.к. Изяслав, любивший и уважавший его, приказал по случаю позднего времени отвезти его в покойной тележке; слуга видит инока в худой одежде и говорит: ты, черноризец, каждый день празден, а я живу в хлопотах и трудах; садись на лошадь, а я лягу на твоем месте и отдохну. Преподобный, не сказав ни слова, обменялся местом и в обители угостил слугу лучшим образом. Ночи проходили у него без сна, в слезной молитве за себя и за братию, что много раз замечали церковные будильники, хотя подвижник Божий старался скрывать, свои подвиги от людей. Такие труды столько очистили и возвысили дух его, что преподобный получил дар исцелений и прозрения и творил знамения по вере своей. Полный любви к бедным и страждущим, для которых построен им был и дом, он отдавал последнее требующим и награждаем был сторицей. Бояре и князья приходили исповедовать ему грехи свои и выслушивать наставления его; он говорил каждому правду с любовью, а иногда и с строгостью. Последнее испытал на себе кн. Святослав, выгнавший брата своего Изяслава из Киева. Так как число братий весьма умножилось, и место становилось тесно, пр. игумен избрал другое место для обители (получившей впоследствии название Киево-Печерской лавры); разные знамения обозначили основание нового каменного храма в честь Богоматери; положив основание ему, пр. Феодосий скончался в следующем 1074 г. мая 3 дня. [527]

8. Киево-Печерская обитель

I. *Вход в Киево-Печерскую обитель.* Вот послышался звон колокола,

вот доносится тихий благовест. Это призыв к молитве в Печерскую Лавру. Войдемте же в это святилище... Мы уже миновали крепость, прошли мимо громадного арсенала [528] , обставленного пушками, бомбами и ядрами, прошли через пространство, отделяющее самую крепость от стен обители... Вот и святые врата, вдавшиеся между двумя изворотами стены, исписанными священными изображениями, и над вратами церковь Св. Троицы. Это истинно святое место: это вход в святилище. На этом месте слишком за 750 лет до нашего времени (в 1106 году) была сооружена церковь и устроена больница черниговским князем Николаем, именованным Святошей, и сам он, постригшись, не устыдился быть здесь привратником.

Отсюда, пройдя под сводом самой церкви, вы видите улицу, обставленную двумя рядами невысоких келий, осененных ветвистыми деревьями грецких орехов и оживленных изображениями из св. истории. Здесь на крыльцах или под тенью деревьев часто сидят старцы, углубившиеся в чтение книг. В конце улицы взор невольно останавливается на главном храме Успения Божьей Матери, а несколько правее подъемлется громадная колокольня.

По помосту от святых врат ко храму идут на поклонение Богу и св. угодникам люди, притекшие почти из всех стран русского царства. Двери храма отверсты и спокойно приемлют каждого; вошедшие в них исчезают от взора один за другим, и вы только слышите, как оттуда доносится священное пене.

II. *Храм Успения.* Одна наружность храма Успения говорит о его внутреннем великолепии: это – четвероугольное здание, занимающее более 20 саж. в длину и столько же в ширину, со впадиной с запада, украшенной живописью, с двумя притворами с боков и пятью выпуклостями с восточной стороны; его стены исписаны священными изображениями; навес над его входом горит золотом; над ним возносятся семь позолоченных глав с куполами из червонного золота, осененные семью позлащенными крестами, из которых средний подъемлется над зданием от основания земли на 22 сажени.

Вступая в храм, невольно поражаешься богатством и великолепием иконостаса, залитого золотом и серебром. С него взирают лики Спасителя, Божьей Матери и святых угодников, полуозаренные светом лампад и обложенные золотыми и позлащенными [529] окладами, украшенные драгоценными камнями. Взирая на это богатство, забываешь ценность золота и всех драгоценностей и видишь в них одну готовность жертвовать земным достоянием для украшения Божьего храма. За

царскими вратами установлен престол, и на нем водружено распятие, украшенное яхонтовыми и другими каменьями. Направо и налево в самой церкви, за крестообразными столпами и темными входами устроены для монахов места, обнесенный перилами, с отдельными дверцами для каждого: там они пребывают во время службы, и их вид, почти неподвижный, их лица, смиренно обращенные к иконам, их черная одежда и четки, а за ними по стенам изображения святых и всех князей, покровительствовавших обители, полусвет, разлитый за переходами, духовное пение, служба, воскурения. глава св. Владимира, поставленная при самом входе, и тысячи великих воспоминаний, и толпы народа, притекшего издалече, – все это вливает чувство новое, неведомое для не посещавших Печерской обители, и возносит душу от всего земного к лону Создателя.

При храме устроено девять приделов, из которых в одном, во имя св. Стефана, сооруженного Борецкими, находится икона Божьей Матери, перед которой молился, почти за 750 лет, князь Игорь Ольгович, убитый в 1147 году.

На этом-то месте была основана еще при св. Антонии церковь во имя Успения Божьей Матери, оконченная постройкой почти за 850 лет до нашего времени.

В большой церкви Успения покоится князь Константин Иоаннович Острожский (1533), ревностный христианин, распространитель училищ и покровитель немощных; генерал-фельдмаршал Гудович (1821); архимандрит Печерский Гизель (1683); граф Румянцев-Задунайский.

В обители находится *братская трапеза* на том же месте, где была при св. Феодосии, разные кельи, хозяйственные строения, библиотека, устроенная при великой церкви, типография, заведенная не позже 1618 года, гостиница для бедных богомольцев, церковь Всех Святых, за южной стороной стены, над Экономическими вратами, сооруженная гетманом [530] Мазепой. Далее за стеной к востоку находятся пещеры и собственно печерские здания, не раз измененные в своем виде, кроме главных улиц, и не раз скрывавшая под спудом своим мощи святых от хищения и неистовства врагов.

III. *Ближние пещеры.* Выйдем северными дверями церкви Успения и последуем за потоком народа. Наш путь извивается то к северу, то к востоку, то к югу, то снова к северу и востоку, пока мы не оставим за собой монастырских зданий и стены. Пройдя их, мы увидим церковь на отлогости горы, изрытой оврагами и зеленеющей полянами и садами, а далее опять виден Днепр, и за ним снова синева леса и синева дали.

Церковь Ближних пещер сооружена в 1700 году, во имя Воздвижения Честного Креста полтавским полковником Герциком. Главы и кресты на ней, равно и на колокольне, позлащены червонным золотом, а купола покрыты зеленой краской. На стене, предохраняющей церковь и самые пещеры от обвала, построены две башни: в одной из них хранится печерская ризница, а в другой сделан открытым сводом вход в галерею, ведущую к Дальним пещерам.

Начало Ближним пещерам положено св. Антонием, когда он удалился для уединения из первой пещеры, ископанной Илларионом. Вход в Ближние пещеры сделан из церкви Воздвижения Креста Господня. Здесь почти во всякое время дня встретите толпу народа, стекшегося из Украины, России, с Дона, даже из Сибири, с своими особенными наречием и одеждой.

Более сотни богомольцев, с выражением ожидания, смотрят, скоро ли откроется дверь в подземелье. В руках каждого теплится свеча. В храме тишина, один или два монаха.

Вот железная дверь отворилась, и толпа народа тронулась, шагнула и сжалась у входа, но нет ни шума, ни беспорядка, и все идут медленно, руководимые монахом. Переступив за дверь, взгляните, как живая река народа движется в этом сжатом сероватом своде, полуозаренном одними свечами и склоненном отлогой покатостью в глубину земли. Народ останавливается перед каждым святым, творит молитвы, расспрашивает о его жизни, движется далее и далее, и исчезает, разливаясь по переходам.

Каждый святой покоится в четырехугольном углублении пещеры, в деревянной гробнице, а иные в украшенных серебром и золотом, и под каждым изображены его имя и жизнь. В иных местах пещер видны наглухо запертые двери с небольшим окошечком; они ведут в кельи почивающих там затворников.

В иных местах покажется из-за железной решетки огонь, освещающий подземную келью и слышится молитва и тихое пение: здесь совершается служба. Так следуете вы по всем проходам пещер, доколе не достигнете выхода, где снова озарить вас свет дня, повеет свежестью воздух.

Но вот и галерея [531] с окнами и деревянным помостом, ведущим к Дальним пещерам. В ней располагаются убогие и калеки, испрашивая духовными песнями насущного хлеба.

IV. Дальние пещеры. При Дальних пещерах, из которых иные существовали еще до принятая христианской веры св. Владимиром, а другие начаты Илларионом, находятся церкви Рождества Богородицы и

Зачатия св. Анны, с главами позлащенными червонным золотом.

Входов в пещеры два: западный и восточный, Расположение их хотя другое, нежели на Ближних, но общее устройство то же. По народному сказанию, в них есть завалившийся ход под Днепр, и даже на противоположный его берег.

*V. Колокольня Киево-Печерской Лавры.*Теперь, поклонившись святыне и обозрев все достопамятное, взойдем на главную колокольню Печерской обители. Она установлена в 20 саженях от великой церкви, в направлении к юго-западу. Она выше всех русских колоколен и даже выше московской колокольни Ивана Великого слишком пятью саженями: в ней 43½ сажени и 10 вершков до основания креста. Купол покрыт листовым железом, а глава позолочена через огонь. Она кончена постройкой в 1745 году. Главный ее колокол, называемый Успенским, весит 1000 пудов. Вверху колокольни устроены часы.

Если подниметесь на колокольню, то увидите под собой все монастырские здания, кресты и главы церквей, переходы, дорожки, зелень садов, каменную стену около обители в окружности более версты, и за ней с одной стороны – крепость с своими строениями, а с другой – здания печерские. Это место называлось некогда – Берестовым.

(Из соч. Пассека).

9. Обитель

За Киевом, где Днепр широкий
В крутых брегах кипит, шумит,
У рощи, на горе высокой
Обитель иноков стоит.
Вокруг нее стена с зубцами,
Четыре башни по углам,
И посредине Божий храм
С позолоченными главами;
Ряд келий, темный переход,
Часовня у святых ворот
С чудотворящею иконой
И подле ключ воды студеной
Журчит целительной струей
Под тенью липы вековой.

(Козлов).

10. Летний снег

(Из жизни преп. Варлаама Хутынского)

I. Шел июнь месяц 1192 года. Теплая летняя ночь спустилась на

землю и окутала своим мглистым покровом дома, храмы и башни великого Нова-града. Под этим покровом мирно спит вольный город, утомясь от дневной суеты и шума; безмолвие царит и на Софийской стороне, и в столь шумных днем концах Торговой стороны; притих сам буйный Волхов и неслышно катит свои сонные воды во мраке ночи.

Тихо и на Ярославском дворище, там, где висит страж новгородской свободы, вечевой [532] колокол; не шелохнется его медный язык, столько раз сзывавший всех граждан на шумное вече. Один только сторожевой воин у колокола еще бодрствует, но и его начинает одолевать дремота. Чтобы прогнать сон, пробовал он петь, но как-то странно слышались в ночном безмолвии звуки тропаря св. Софии и скоро оборвались. Не смог старый рубака, много на своем веку одолевший и немцев и белоглазой Чуди, одолеть сладкой дремоты и задремал, опершись на широкий бердыш. [533] И снова все тихо, как в могиле. Не спять только звезды, кротко мерцая среди темной синевы неба и словно любуясь уснувшим Божьим миром...

II. Утренняя заря ярко-алой полоской только что начала заниматься на далеком востоке, как вдруг что-то разбудило спавшего стража. С трудом он поднимает отяжелевшие веки, озирается кругом... и внезапно вскакивает, словно ужаленный. «С нами крестная сила... Мать Пресвятая Богородица, Никола угодник, святая София... Уж не во сне ли мне снится? Что за диво дивное»?! – шепчет он, в испуге крестясь.

И было чему подивиться: точно по мановению волшебного жезла, лето вдруг превратилось в зиму; июньское тепло внезапно сменилось рождественским морозом; с потемневшего неба густыми хлопьями валил снег и белым саваном покрывал землю. Крутясь и вздымаясь, летали в воздухе тучи этих хлопьев, и с каждой минутой все толще и толще становился пушистый снежный ковер.

«Уж не дьявольское ли наваждение»? – думает испуганный воин – «Да воскреснет Бог... Отыди, сгинь ты, лукавый»! – крестясь, шепчет он, – но снег все гуще валит с неба.

Не зная, что делать, бежит страж к вечевому колоколу и дрожащей рукой дергает за веревку... Звонко раздается в ночной тиши отрывистый звук, гулко проносится в ночном воздухе и замирает вдали... Еще и еще – и скоро колокольный звон разносится во все концы Нова-города.

Знакомые звуки скоро поднимают на ноги весь Новгород: просыпаются посадник [534] и тысяцкий, посадские люди и заморские гости-купцы. Спавший город оживает. Недоумевая о причине звона, вольные новгородские вечники выходят на улицы и, при виде покрывающего землю снежного савана, останавливаются в смятении и

ужасе. Во всех домах поднимается тревога: плач детей, причитания женщин смешиваются со словами молитв; у многих мелькает в голове мысль о последнем дне и кончине мира **...** А снег все валит и валит, словно желая похоронить под собой весь Новгород.

Вот раздается гул колоколов на всех городских колокольнях. Отверзаются темные дотоле храмы и наполняются молящимся людом. В трепете простираются и пастыри, и паства перед святыми иконами, умоляя Господа умилосердиться над Новым-градом, призывая помощь Небесной Заступницы и всех святых... Кротко глядят озаренные мерцающим светом лампад лики с образов на коленопреклоненную толпу... Рыдания по временам заглушают голос певцов и чтецов и прерывают служение умилительных молебнов.

Долго лилась горячая молитва новгородских граждан, долго со слезами молили иереи Господа не предать до конца стадо своих верных. Уже брезжил рассвет, уже пламенная заря огненным пожаром охватила полнебосклона, а трепет новгородцев перед грозным и дивным явлением не стихал. Наконец перед самым восходом перестали сыпаться снежные хлопья. Когда яркое летнее солнце показалось на небе, оно озарило своими лучами чудное зрелище: ослепительно-белая пелена покрывала землю и зелень, дома и башни, стены и церкви Великого Новгорода; точно алмазы и жемчуг, горели и переливались снежные кристаллы под лучами дневного светила.

За одну ночь, точно в сказке, город совершенно переменил свой вид.

С раннего утра Ярославов двор был залит густыми толпами народа, но, против обыкновения, на вече не слышно было шума и крика. В безмолвии, с обнаженными головами стояли новгородцы: посадник, тысяцкий, именитые люди, гости, дружинники и все посадские вольные люди. Никто не решался говорить. – «Прогневали мы Господа, люди новгородские», – начал, было, посадник, но тотчас смолк. Только глубокие вздохи нарушали безмолвие. Все ждали, не придет ли какого совета гражданам или указания от владыки.

III. В это время в город, по той дороге, что шла по самому берегу Волхова, въезжали простые сани-пошевни, запряженные в одну лошадь. Высокого роста инок, одетый в бедное одеяние схимника [535] сидел в санях. Чуден был вид этого инока: в то время, как на лицах всех прохожих, попадавшихся навстречу, изображались страх и тревога, на его постническом, изможденном лице виднелось совершенное спокойствие.

Вот незатейливый экипаж перебрался через Великий Волховский мост, поехал Софийской стороной и остановился у владычних покоев.

Чередной монах, завидев приезжего, тотчас выбежал к нему навстречу, почтительно принял благословение инока и повел его в палаты архиепископа.

Этот бедно одетый инок был славившийся своей святостью и прозорливостью игумен Варлаам, настоятель Хутынской обители.

IV. Через несколько минут Софийский дьяк, сломя голову, бежал от владычного дома по направлению к Ярославову дворищу. Прибежав на вече, он протолкался сквозь толпу к посаднику и, отдав ему поклон, проговорил: «от владыки». Посадник дал знак, и дьяк [536] вошел на красное место. Мертвое молчание тот- час воцарилось в толпе, все насторожили уши, ожидая, что скажет посланный архиепископа.

– «Мужи новгородские», – торжественно начал дьяк, отвесив предварительно поясные поклоны на все четыре стороны, – «шлет вам, своим детям, отец ваш владыка, свое владычнее благословение, тако ж и всему Великому Нову-граду. Посетил нас Господь в сию ночь Своим предивным посещением, молитвами отца нашего Варлаама. Сей бо, быв у владыки нашего, при прощании прорек: «если благословит Бог, приеду к святыне твоей на санях в пятницу первой недели поста святых апостолов». И ныне сбылось все по глаголу. Вы же не смущайтесь, мужи новгородские; сие бо не в пагубу сотворилось, но в благостыню и спасение».

С этими словами дьяк, снова поклонившись народу и властям, сошел с красного места. Глухой вздох облегчения, вырвавшийся из уст многочисленной толпы, сопровождали, его речь. Затем на вече раздался шумный говор. Среди гула голосов можно было расслышать имя Варлаама, – Хутынский игумен был известен всем новгородцам; они считали его святым и верили его прорицаниям. Тем радостнее для них было слышать, что необычайное явление было «не в пагубу», но «в благостыню».

Толпа вечников продолжала шумно волноваться, когда к Ярославову дворищу подъехали упомянутые сани-пошевни, из которых вышел св. Варлаам. Мгновенно святой игумен был окружен народом. Благословив новгородцев, он успокоил их, дал им проникнутое отеческой любовью наставление и предсказал в этом году обильный урожай. Когда он кончил речь и, снова благословив народ, сел в сани, – толпа бросилась за ними и далеко провожала преподобного по дороге к Хутыни.

Снова в этот день отверзлись и наполнились молящимся людом новгородские храмы, снова полились горячие молитвы граждан, но не умилостивительные, а благодарственные; снова слезы оросили церковные помосты, но не слезы трепета, а слезы умиления.

V. Наступил вечер этого достопамятного для новгородцев дня. Солнце

клонилось уже к западу. В воздухе было по-прежнему морозно, и снег хрустел под ногами прохожих.

Вдруг новая перемена произошла в природе: в воздухе пахнуло теплом, горячее стали солнечные лучи, и снег начал быстро таять. Еще не успело солнце сесть, а уже земля освободилась от зимних оков, снежный ковер исчез также быстро, как и появился; снова зазеленели поля, луга, сады и леса, снова защебетали на деревьях летние пернатые гости.

И когда пригородные селяне вышли взглянуть на свои поля, то увидели, что воистину, по слову чудотворца, необычайное явление природы «было им в благостыню»: кишевший в полях червь, во множестве появившийся весной этого года, был совершенно истреблен морозом. И пронеслось с того времени имя славного угодника Божьего Варлаама по всей области новгородской и по всей земле русской.

Почти семь веков прошло с тех пор, но сказание о чуде преподобного живет и до сих пор среди местных жителей, которые ежегодно, в пятницу первой недели поста святых апостолов, вспоминают о нем, совершая крестный ход из Новгорода в Хутынскую обитель.

(Русск. Паломн. № 44, 1887 г.).

11. Преподобный Се ргий Радонежский

I. Преподобный Сергий Радонежский был основателем Троицкой Лавры.

Он происходил из боярского рода. Родители его, Кирилл и Мария некоторое время жили в Ростове. Здесь в 1314 году родился Богоизбранный младенец.

Святое призвание Сергия проявилось очень рано.

В 1328 году, в смутное для Ростова время, боярин Кирилл переехал на житье в город Радонеж, теперь село Городок, верстах в 50-ти от Москвы.

В Радонеже четырнадцатилетий Сергий всецело посвятил себя духовному подвижничеству, почему и получил прозвание Радонежского. Он строго постился, в среду и пятницу не принимал никакой пищи, а в другие дни хлеб да воду. День проводил в чтении слова Божьего, пении псалмов, большую часть ночи в усердной молитве; ревностно посещал церковные службы. Детские игры и забавы его не тешили.

Избегая мирской суеты, желая в уединении славить Творца, Сергий убеждал отца с матерью отпустить его в пустыню. Родители не противились, но просили привести это в исполнено после их кончины.

Сергий послушался любимых родителей. Вскоре они скончались, приняв перед смертью иноческий чин.

II. По смерти родителей, Сергий, отдав свое имущество младшему

брату Петру, уговорил старшего брата Стефана, овдовевшего к этому времени и принявшего обет монашества, искать места для пустынножительства.

В двенадцати верстах от Радонежа братья выбрали для подвижничества в дремучем лесу то место, где теперь расположена Троице-Сергиева лавра. Там в то время не было кругом на несколько верст никакого жилья, теперь же понастроили много церквей и целый посад. Св. Сергий оживил пустыню. «До Сергия здесь была непроходимая пустыня, а теперь все видит вокруг обители мирские поля, села и деревни многолюдные. Прежде здесь и тропинки не было для людей, а теперь явились большие дороги и проезд, людный днем и ночью. До Сергия это место было безводное; но с тех пор множество источников открыто в окрестности обители. Множество гадов и змей нарушали безмолвный покой Сергия, а теперь вы не встретите их».

Сергий и Стефан начали рубить лес, носить бревна, чтобы устроить кельи. Затем братья построили маленькую церковь. Митрополит московский, по просьбе устроителей, прислал священника для освящения сооруженного храма. Церковь освятили во имя Святой Троицы.

Житье братьев в пустыне было трудное, суровое: кругом бесконечный, необитаемый лес, оглашаемый ревом диких зверей; даже птицы не залетали сюда, веселого щебетанья их не было слышно. Ягоды да травы составляли пищу отшельников; воды не было близко, – приходилось часто нуждаться в питье.

Стефан не мог долго выносить тяжести уединения; от лишений вскоре впал в совершенное изнеможение, ушел в Москву, в Богоявленский монастырь, где нашел более спокойную, безбедную жизнь.

Сергий остался среди дремучего леса с товарищами – зверями, которых он кротостью к себе приручил; звери приходили кормиться из его рук. Один медведь привык ежедневно являться к пустыннику за своим обедом; случалось иногда, что оба голодали от недостатка пищи. Безмолвие, грозная буря, ненастная вьюга, лишения только закаляли мужество молодого отшельника, укрепляли его душу.

Подготовив себя постом, умерщвлением плоти, молитвой, Сергий призвал из Москвы игумена Митрофана, для принятия от него монашеского чина. Пострижение происходило в церкви св. Троицы, 7-го октября 1337 года, в день памяти св. мученика Сергия. После пострижения Сергий прожил в совершенном одиночестве еще два года, строго соблюдая иноческий устав.

Весть о святости жизни подвижника быстро разнеслась по

окрестностям.

III. К святому стали стекаться христиане за наставлением, за исцелением разных недугов. Молитвами Боголюбца больные исцелялись, падшие духом укреплялись. Всякий встречал в кельи Сергия ласку, привет, ободрительное слово.

К одинокой кельи Сергия стали приходить иноки, усердно прося позволения поселиться и разделить с ним его образ жизни. Серий, привыкший к одиночеству, отклонял просьбы. «Знайте прежде всего», говорил он, «что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселию, но к трудам, печалям, напастям, ибо многими скорбями должно нам войти в царствие Божье. Узок и скорбен путь, вводящий в жизнь вечную». Однако по промыслу Божьему святой согласился на совместное жительство, исполняя слово Спасителя: «грядущего ко Мне не изжену вон».

Пришельцев собралось двенадцать. Сергий взял с каждого обет строгого воздержания, братства, повелел инокам срубить себе кельи. Кельи были обнесены высоким тыном или забором.

Так возникла дорогая для каждого русского обитель.

IV. В первое время обитель была очень бедна: случалось, что не было воску для свеч, в церкви вместо них горела лучина; книги, нужные для богослужения, писались на березовой коре.

Братия со смирением переносила нищету. Препод. Сергий во всем всегда подавал пример: был всем слугой, сам носил воду, рубил дрова, молол муку, делал обувь, кроил, шил одежду, а по ночам молился.

Иноки просили св. Сергия принять на себя игуменство в обители, но он по смирению своему не соглашался сделаться настоятелем братии, говоря: «желаю лучше учиться, чем учить, лучше повиноваться, чем начальствовать; вы хотите возложить на меня бремя выше сил моих».

Чтобы окончательно отклонить от себя сан игуменский, Сергий отправился к преосвященному Афанасию, который управлял тогда московской и всея Руси митрополией, с просьбой прислать в Троицкую обитель игумена. Афанасий радушно встретил святого подвижника и громко объявил, что никто более Сергия не достоин быть игуменом. Когда же Сергий начал отказываться, то епископ промолвил: «Возлюбленный! ты все стяжал, а послушания иноческого не имеешь». Смиренному Сергию оставалось только согласиться: «как Господу угодно», произнес он, «так и да будет. Благословен Господь во веки!»

Через несколько дней состоялось посвящение его сначала в пресвитера, а потом в сан игумена.

V. Возвратясь в свою обитель, препод. Сергий не изменил образа жизни, по-прежнему служил братии, подвизался в непрерывной деятельности, – посте и молитве. В церковь на литургию являлся первым, уходил последним. Никогда не видели его праздным. В свободное от работы время умудрял он братию духовными беседами.

О Троицкой обители начали говорить в дальних областях русской земли. Не только простые чернецы, но и высшие иерейские чины, наслышавшись о святости жизни преподобного, являлись внимать речам праведника. Смоленский архимандрит Симон так был пленен ими, что, оставив свое настоятельство в Смоленске, поступил к Сергию послушником. Стали приходить иноки из других монастырей. Игумен принимал всех, но постригал только после долгого испытания.

Число братии заметно увеличилось; вместе с тем в пустыне все сильнее и сильнее чувствовался недостаток в самом необходимом; хлеба на всех не доставало: инокам часто приходилось голодать. Ходить же в соседние села за подаянием было строго запрещено игуменом.

Слава о великом игумене троицком все росла. И богатый вельможа, и бедный простолюдин шли к убогой кельи, ища здесь утешения, совета, благословения. Едва заметная тропинка, ведшая к обители, стала делаться большой проезжей дорогой.

Тогдашний князь московский Иоанн Иоаннович сильно полюбил смиренного проповедника жизни евангельской.

При своих посещениях обители князь заметил крайнюю ее бедность: священнослужители облекались в ветхие полотняные ризы, братия приобщалась из простой деревянной чаши, низенькая деревянная церковь освещалась лучиной при богослужении.

Вспомнилось тогда князю, что у государей русской земли искони ведется обычай не щадить издержек на благолепие храмов, наделять их землями, всяким добром.

Соблюдая обычай предков, Иоанн Иоаннович подарил обители Св. Троицы окрестные участки земли, щедро наделил ее деньгами, хлебом, приказал сделать церковную утварь из золота и серебра.

Посыпались многоценные вклады и от усердных ревнителей христианства, являвшихся поклониться Св. Троице, взглянуть на прославленного угодника. Монастырь быстро стал богатеть. Воздвигли большую церковь. Золото, драгоценные камни заняли на иконах и сосудах, появилась драгоценная утварь в той обители, где несколько лет раньше, за недостатком свечей, горела лучина, где игумен носил полотняную ризу.

Окрестности Св. Троицы стали заселяться, вырубались леса,

строились новые деревни, проводились большие дороги. Уединенная хижина отшельника превратилась в цветущую обитель, глухой лес стал удобным жилищем человека.

VI. Слава об обители Св. Троицы пошла далеко за пределы русской земли и достигла Цареграда.

Патриарх цареградский Филофей, в знак уважения, прислал препод. Сергию крест и схиму, благословил обитель, посоветовал устроить в ней общежитие, как образец строгого монашества.

Сергий внял совету, устроил монастырскую общину: все богатство обители сделал общим, запретил инокам иметь отдельную собственность, ввел одинаковую для всех суровость относительно образа жизни. Братия была распределена по службам: назначили келаря для ведения хозяйства, казначея для общей монастырской казны, назначили поваров, хлебников, больничных служителей. Все постановления святых отец должно было соблюдать.

Некоторым не понравилась эта перемена, они тайно ушли из монастыря.

При таких порядках появилось во всем изобилие. Явилась возможность к широкой благотворительности: Сергий устроил приемный покой для странников, больных, нищих; в обители Св. Троицы никому не отказывалось ни в пище, ни в пристанище. До сих пор этот обычай неизменно соблюдается, до сих пор богомольцы получают в лавре даровой обед и квартиру.

Монастырь богател, а игумен смирял себя более всех. Раньше он ходил в рубище, теперь носил ту одежду, которую бросали другие иноки за негодностью. По-прежнему день пребывал в труде, а ночь, стоя на коленях, молил Бога не оставить обитель. Царь Небесный внимал молитвам Своего избранника.

VII. Двадцать пятого сентября 1392 года окончилось земное служение Сергия Господу; на 78 году от рождения последовало преставление преподобного. Шестью месяцами раньше св. Сергий предупреждал учеников, что в этот именно день Бог возьмет его к Себе, в горние селения. Так и случилось. Перед кончиной же он назначил игуменом своей обители старца Никона, а сам удалился в келью, чтобы в безмолвии приготовиться предать чистую душу свою в руки Господни.

Со слезами похоронила братия незабвенного наставника вблизи церкви Св. Троицы, им самим сооруженной.

Спустя тридцать лет, 5-го июля 1422 г., обретены были нетленные мощи св. Сергия; над ними тогда же заложен новый храм из белого камня.

Православная церковь причислила препод. Сергия к лику святых и установила праздновать в этот день обретение честных мощей угодника.

(А. Майков).

12. Троице-Сергиевская лавра и ее окрестности

I. В шестидесяти верстах от Москвы находится знаменитая Троице-Сергиевская лавра, которую ежегодно посещают десятки и сотни тысяч богомольцев со всех сторон России. В Троице-Сергиевскую лавру идет и богатый и бедный, и здоровый и убогий. Святая обитель принимает всех с одинаковым радушием. Особенно же большое стечение богомольцев в обители бывает 5-го июля – в день обретения св. мощей преподобного Сергия.

Троице-Сергиевская лавра расположена на невысоком холме. Это тот самый холм, на вершине которого стояла когда-то среди густой чащи леса убогая келья св. Сергия. По скатам холма зеленеют монастырские сады, внизу струится небольшая речка, а над садами вьется высокая монастырская стена. За стеной виднеются золотые купола, главы и кресты лаврских храмов, а между ними возвышается громадная колокольня, золоченый верх которой далеко блестит при ярких лучах солнца.

II. Главное сокровище обители составляет древний собор Пресвятой Троицы. Собор этот построен на том самом месте, где стояла маленькая деревянная церковь св. Троицы, срубленная самим препод. Сергием. В этом соборе почиют нетленные мощи основателя обители. При входе в храм прежде всего бросается в глаза высокий иконостас, который весь обложен вызолоченным серебром. По правую сторону царских врат неугасаемая лампада озаряет драгоценный золотой оклад древней иконы. Это чудотворный образ Живоначальной Троицы, украшенный усердием царя Бориса Годунова. По левую сторону царских врат сверкает золотом и драгоценными каменьями другой образ Живоначальной Троицы, украшенный царем Иоанном IV Васильевичем. Над южными вратами находится складень, на котором изображено видение преподобному Сергию Царицы Небесной. Этот складной образ, устроенный из гробовой доски преподобного Сергия, не раз сопутствовал русским воинам; он был и с московским ополчением в 1812-м году, и с храбрыми защитниками многострадального Севастополя. Под серебряной сенью (под навесом на столбах) возвышается драгоценная рака, в которой почиют нетленные мощи препод. Сергия. Возле раки в особом шкапе хранится убогая утварь и облачение св. Сергия: крашенинная риза, такие же поручи и епитрахиль, деревянный посох, келейная икона Николая Чудотворца, нож и ложка.

В юго-западном притворе Троицкого собора находятся гробницы многих угодников Божьих и между ними гробница знаменитого архимандрита Дионисия, который своими грамотами поднял русский народ на освобождение Москвы от поляков в смутное время.

III. В нескольких шагах от Троицкого собора находится церковь во имя сошествия Св. Духа, построенная иждивением царя Иоанна IV Васильевича. В южном приделе этого храма, во имя Филарета милостивого, почиют два знаменитых русских архипастыря, московские митрополиты: Филарет и Иннокентий. Пастырские жезлы стоят у их скромных гробниц; иконы, поднесенные им в разное время, украшают стены придела. Тут же, в двух шкафах, хранятся архиерейские облачения почивших.

IV. Самый большой из храмов лавры – собор во имя Успения Пресвятой Богородицы. Он построен при царе Иоанне IV Васильевиче и отличается своим величественным видом.

V. Ризница. Двухэтажное здание, длиной в 24 саж., построено в 1788 году на западной стороне Троицкого собора, с которым оно соединяется крытой папертью. В нижнем этаже живут ризничий и пономари собора, а в верхнем, в четырех палатах, хранится драгоценная ризница Сергиевой Лавры, драгоценная не только по своему богатству, во и по древности и святости хранимых в ней предметов. Между ними первое место занимает так называемая ризница преподобных *Сергия и Никона,* вмещающая в себе: 1) *крест,* присланный преп. Сергию патриархом Константинопольским Филофеем, обложенный золотом и украшенный драгоценными камнями с подписью на задней стороне; 2) *евангелие* преп. Никона малое, писанное на пергаменте; 3) *св. сосуды,* из дерева, покрытые красной краской, в которых преп. Сергий священнодействовал; 4) *сосуды* из дерева преп. Никона; 5) *священная риза* преп. Сергия из темной бумажной ткани с крестиком под оплечьем и звездицей на подоле из крашенины; 6) *Священническая риза* преп. Никона из белой камки с оплечьем и крестом парчевыми; 7) *кадило* преп. Никона серебряное позолоченное, четырехугольное в виде церкви; 8) *сандалии* кожаные 30 лет бывшие на ногах преп. Серия во гробе.

Особенным великолепием отличаются священно-служебные сосуды; некоторые из них золотые с алмазами и бриллиантами. Сосуды, пожалованные императрицей Екатериной II-й, золотые, украшенные *антиками* [537] , обрамленными алмазами, а потир, принесенный в дар обители преп. Сергия за его предстательство в 1856 году императрицей Александрой Феодоровной, украшен драгоценными камнями и отличается

изящностью своей отделки.

Воздухи и покровы на священные сосуды, одежды на престол и жертвенник, плащаницы и покровы на мощи преп. Сергия, шитые шелком, серебром, золотом, жемчугом и драгоценными каменьями по камке, бархату, глазету и парче свидетельствуюсь о разновременности этих вкладов, большей частью принесенных в дар обители великими князьями и княгинями, царями и царицами.

Из риз святительских замечательны: 1) *парчевая серебряная* по малиновой земле, украшенная жемчугом и драгоценными каменьями из убора императрицы Анны Иоанновны, в котором она вступала в Москву для священного коронования; епитрахиль, набедренник и палица, вышиты собственными руками императрицы, как видно из надписи, сделанной 24 декабря 1736 года; 2) *пунцовая бархатная* с жемчугом и крестом из драгоценных камней на оплечье; под крестом вынизано жемчугом вензелевое имя Екатерины II, которой она была устроена в 1770 году. *Митр* достойных особенного внимания три: 1) *самая древняя* – вклад царя Бориса Феодоровича Годунова, из бархата с изображением различных святых на золоте; *низанная жемчугом* по вызолоченному серебру с драгоценными камнями, из коих один рубин оценен в двадцать тысяч рублей, пожалована императрицей Анной Иоанновной и 3) *золотая глазетовая* с жемчугом и каменьями – дар императрицы Елизаветы Петровны. *Панагий* весьма богатых несколько. Одна из агата, в котором самой природой очень ясно изображено Распятие и перед ним молящийся монах; она осыпана бриллиантами и жемчугом и устроена митрополитом Платоном.

Между образами, наполняющими собой все комнаты ризницы, нужно заметить:

Образ преп. Сергия со всеми святыми Троице-Сергиевой Лавры; изображения святых расположены в три ряда.

Кроме того в ризнице хранятся следующее предметы:

*1) золотое кадило,*украшенное драгоценными камнями, дар царя Михаила Феодоровича;

2) *паникадило, серебряное, обложенное золотом* , к раке пр. Сергия, данное царем Иоанном Васильевичем Грозным в 1568 году;

3) *блюдо золотое* , пожертвованное им же;

4) *трость с набалдашником,* осыпанным бриллиантами и изумрудами, пожалованная Императором Павлом Петровичем Митрополиту Платону;

5) *солоница* с изображением Российских гербов, пожалованная ему же

Императрицей Екатериной II;

6) *собственноручное письмо* Императора Павла I к Митрополиту Платону о рождении Великого Князя Николая Павловича;

7) *золотой посох* , украшенный бриллиантами, яхонтами и изумрудами, пожалованный Императором Александром II Митрополиту Филарету в день Священного Коронования 26 Авг. 1856 г. и три настольные портрета Императоров Александра I, Николая I, и Александра II, соединенные вместе и осыпанные бриллиантами, Высочайше пожалованы Митрополиту Филарету 5 Августа 1867 года в день 50 летнего его юбилея, в память незабвенного его служения церкви и отечеству в царствование сих государей.

VI. В двух верстах от лавры находится Гефсиманский скит. Он устроен тщанием митрополита московского Филарета в 1844 г. и назначен для иноков, желающих пребывать в безмолвии и удалении от мира. В ските находится шесть церквей, из которых одна устроена в пещерах. Главную святыню скита составляет чудотворный образ Черниговской Богоматери, находящийся в пещерном храме Архангела Михаила. Святой образ этот прославился многими чудотворениями, и привлекает постоянно множество богомольцев, особенно больных.

VII. В трех верстах от лавры лежит Спасо-Вифанский монастырь, основанный митрополитом Платоном. В стенах этого монастыря находятся две церкви, архиерейский дом и кельи братии, а вне стен – здания духовной семинарии. Соборный храм обители отличается особым устройством. Он двухэтажный, и внутри его сооружена искусственная гора, в подобии горе Фавору; она украшена мхом и цветами. Вьющаяся по склонам горы лестница ведет к вершине, где возвышается алтарь в честь Преображения Господня. Внутри горы, в пещере, устроен придел в честь воскрешения Лазаря. В другой пещере хранится дубовый гроб преп. Сергия. Тут же находится гробница митрополита Платона.

VIII. В 12 верстах от лавры, на пути в Москву, стоит на небольшой речке Хотьков женский монастырь, основанный ранее Троицкой обители. В Хотьковом монастыре погребены родители св. Сергия; здесь же был пострижен и старший брат преп. Сергия Стефан, с которым начал свои подвиги, преподобный Сергий. Соборный храм обители в честь Покрова Пресвятой Богородицы построен в начале настоящего столетия; главную святыню этого храма составляет Толгская икона Божьей Матери. Богомольцы, направляясь в Троице-Сергиевскую лавру, считают непременным долгом зайти в Хотьков монастырь, чтобы поклониться там родителям преподобного Сергия и тамошним святыням.

(По статье «Русск. Паломника» и брошюре кн. Горчаковой: «Свято-Троицкая Сергиева Лавра).

13. Иерусалим

I. Св. город Иерусалим, когда-то многолюдный и кипучий, теперь унылый, безмолвный и совсем мертвый город. Теперь он принадлежит туркам, народу не христианскому. Местность кругом него обожженная, пустынная, печальная, зелени не видно. Ни за городом, ни в городе не заметно движения народа, не слышно того шума, какой обыкновенно бывает в городах. Иерусалим стоит на четырех высоких холмах и обнесен кругом старой зубчатой стеной со множеством башен. В стене сделано четверо ворот, и при закате солнца все они запираются; кто же не успел попасть в город, тот ночуй под открытым небом. Отпираются они при восходе солнца, а в турецкий праздник – после полудня, потому что турки уходят тогда в свои мечети на молитву. Здесь на одной неделе приходится три праздника: у турок – пятница, у евреев – суббота, а у христиан – воскресенье.

Жителей в Иерусалиме тысяч двадцать. Есть тут турки, евреи, арабы, греки, армяне, – кто живет постоянно, а кто бывает только временно, наездом.

Дома в Иерусалиме такие же, как и везде в той стороне – каменные, с плоскими или круглыми крышами. Улицы узкие, кривые, неопрятные; ночью они вовсе не освещаются, – кто ночью выходит из дому, тот берет свой фонарь.

II. Русские богомольцы останавливаются или в городе по греческим монастырям, или за городом в русских подворьях, которые выстроены не так давно, по повелению нашего государя императора. Здесь платы никакой не берут, а в городе приходится платить за помещение. Прибыв в св. город, наши богомольцы почитают первым долгом посетить храм Воскресения Христова и поклониться самой главной в нем святыне. Для этого они обыкновенно собираются перед вечернями, когда турки отпирают для них двери. Обойдя святые места с провожатыми из тамошних православных монахов, многие из богомольцев остаются в храме на ночь. Кто хочет помолиться поусерднее и отстоять заутреню и обедню при гробе Господнем, тому надобно переночевать в самом храме, потому что православные службы совершаются ночью. Желающим отдохнуть отводят места на хорах.

III. Этот храм имеет только один вход с полуденной стороны – большой, украшенный сверху разными мраморными изображениями. Тотчас же направо от входа две мраморные лестницы ведут наверх в

придел, который устроен над самой Голгофой. По-еврейски Голгофа – значить лобное место, место казни. Священное Писание говорит, что здесь, на этом месте, Спаситель перенес самые ужасные страдания, будучи распят на кресте. Скала горы Голгофы обложена вся мраморными плитами. Над тем самым местом, где поставлен был крест Спасителя, стоит мраморный крест, открытый спереди. Под ним видно в скале круглое отверстие, или пробоина, в которую вставлен был крест Спасителя; пробоина обложена серебряным позолоченным окладом. Направо от креста видна в скале широкая и глубокая трещина, также обложенная сверху вызолоченным окладом. Она произошла в то время, когда Спаситель умер, и вся земля потряслась. Места, где стояли кресты двух разбойников, обозначены на мраморе, покрывающем скалу, черными кругами. Церковь украшена множеством дорогих лампад разной величины, висящих над престолом и по всему потолку; они пожертвованы разными усердными христианами и христианскими царями. Между ними есть и присланные из России.

IV. Под крыльцами, ведущими на Голгофу, у подножия голгофской скалы сделан нижний придел во имя св. Иоанна Предтечи и во имя праотца всех людей, первого человека, Адама, череп которого, говорят, похоронен здесь. За престолом этого придела сквозь железную решетку можно видеть самую скалу Голгофу и ее трещину, которая идет вниз сажени на четыре.

Если же не подыматься по лестницам, а идти от церковных дверей прямо, то на пути встретится камень. На этом камне положено было тело Спасителя, когда сняли Его со креста и помазывали, по еврейскому обычаю, душистыми мазями; он так и зовется «Камнем Помазания». Этот камень покрыть сверху мраморной плитой, и это потому, что прежде богомольцы портили его, откалывая потихоньку частички, чтобы унести их с собой. Впереди камня, на стене большая картина изображает снятие со креста тела Спасителя.

Если идти от «Камня Помазания» налево, то невдалеке от него показывают богомольцам то место, на котором стояла Матерь Божья, когда снимали со креста и помазывали на камне тело Ее Сына, Иисуса Христа. С этого места Она с глубокой скорбью смотрела на Него.

V. Задняя стена храма, что на закат солнца, выведена вся полукругом. На несколько шагов от нее, внутри церкви, сделано в роде круга из 18 каменных столбов, связанных между собой сводами. На этих столбах и сводах выведен огромный купол с отверстием на самом верху. Между полукруглой задней стеной и столбами устроены в два яруса хоры,

или полати. Этот круг – самое красивое место в храме, но, что всего важнее, здесь находится гроб Господень, или та пещера, в которой погребено было пречистое тело Спасителя.

Пещера гроба Господня находится в середине круга, под куполом церкви. Над ней построена небольшая мраморная часовня, очень красивая, словно балдахин, с полукруглой крышей. По бокам часовня украшена четырьмя резными столбиками, точно витыми, и большими подсвечниками. Над дверью поставлен образ Воскресения Христова. Поверх крыши, над часовней, протянуто полотно; это сделано для того, чтобы уберечь святое место от дождя. Дверь в часовню узкая и невысокая.

Внутри часовня имеет две части: первая часть от входа – сделана, как пещера, и называется приделом ангела. Здесь ангел Господень, отваливши камень от гроба Христова, сидел на нем. Обломок от этого камня вделан в мраморную подставку и служит престолом для служения обеден. Над ним, по потолку пещеры, висят ряды дорогих лампад.

VI. Из придела ангела узкий малый вход, без дверей, ведет в другую часть – в ту самую пещеру, в которой положено было тело Спасителя. Пройти в нее надобно согнувшись. Пещера вырублена вся из скалы и очень невелика, аршин около трех длиной и два шириной. Вся она: и снаружи и изнутри, обложена мраморными плитами; на потолке пробуравлено отверстие для прохода воздуха. Половина пещеры, во всю ее длину, занята каменным выступом, вырубленным, словно лавка, из той же скалы, в которой вырублена вся пещера. Этот-то выступ и есть тот гроб или камень, на котором лежало пречистое тело Иисуса Христа до Его воскресения; он приходится на правой стороне от входа в пещеру. Ноги лежавшего на нем Спасителя приходились к выходу из пещеры, стало-быть на восход солнечный, – так и у нас, православных, кладут в могилу покойников. Гроб Спасителя выложен спереди мрамором и поверх его положена мраморная плита. Сверху на стене сделан резной из мрамора образ Воскресения Христова.

По своду пещеры висит множество дорогих лампад, которые теплятся день и ночь над гробом Спасителя. Они принесены в дар от разных христианских царей, народов и благотворителей св. гробу Господню. Свежие цветы, в фарфоровых кувшинах, поставленные у гроба Господня, и дорогие духи, которыми прыскают на камень гроба, наполняют всю пещеру благоуханием.

Нельзя описать, с какой любовью, с каким усердием, с какой радостью поклоняются этой неоцененной святыне набожные богомольцы, притекающее сюда со всех стран света. Не словами, а слезами изливают

они здесь душу свою перед Спасителем мира, и эти слезы, конечно, приятнее нашему Спасителю, чем все драгоценные дары.

На самом гробе Господнем каждый день бывает православная греческая обедня, и после нее две обедни служатся не православными. Православная обедня начинается ночью, во втором часу; заутреня же и поздняя обедня отправляются в особом приделе – главном. Собственно для русских богомольцев служат иногда и на нашем языке.

VII. Прямо против часовни гроба Господня, к восходу солнечному, в самой середине храма, устроен главный придел во имя Воскресения Христова. Он принадлежит грекам и зовется соборной церковью. Придел этот очень обширный и занимает большую и главную часть всего храма, с большим куполом на четырех столбах. С боков он отделен от всего храма перегородками, на которых поставлены рядами св. иконы, а поверх их и позади главного иконостаса в алтаре сделаны хоры. Церковь украшена очень хорошо. Образа по большей части присланы из России; большие паникадила пожертвованы нашими православными царями. Главная святыня в этом приделе – довольно большая часть животворящего древа или креста, на котором был распят Спаситель. После обедни ее выносят из алтаря, и богомольцы прикладываются к ней.

В стене, что на восход солнца, есть спуск в подземелье, по лестнице ступеней в 30 слишком. В этом подземелье находится большая церковь, во имя святой царицы Елены, с приделом во имя покаявшегося на кресте разбойника. Она принадлежит не православным. Церковь вся под землей; только ее круглая крыша выходит наружу. На том месте, где она построена, сидела св. царица Елена, когда по ее повелению откапывали из земли крест Господень. Здесь же хранится и каменный стул, на котором сидела св. Елена. Из этой церкви, в углу ее, есть спуск в другое малое подземелье, еще глубже – ступеней на 13; здесь и был найденъ св. крест Господень.

(Извлеч. из «Чтений о св. земле» свящ. Певницкого).

14. Христос грешную душу к себе призывает

Почто [538] ты, человече, Меня оставил?
Почто тебе возлюбившего отвратился?
Почто паки [539] пристал к врагу Моему?
Помяни, яко [540] тебе ради [541] с небесе снидох.
Помяни, яко тебе ради плоть бых.
Помяни, яко тебе ради от Девы родихся.
Помяни, яко тебе ради младевствовах.
Помяни, яко тебе ради смирихся.

Помяни, яко тебе ради обнищах.

Помяни, яко тебе ради на земле пожих.

Помяни, яко тебе ради гонение претерпех.

Помяни, яко тебе ради злословие, поношение, ругание, бесчестие, раны, заплевание, заушение, насмеяние, укоризненные страсти приях.

Помяни, яко тебе ради с беззаконными вменихся.

Помяни, яко тебе ради поносною смертью умер.

Помяни, яко тебе ради погребен бых.

С небесе снидох, чтобы тебе на небо возвести.

Смирихся, чтобы тебе вознести.

Обнищах, чтобы тебе прославить.

Уязвихся, чтобы тебе исцелить.

Умер, чтобы тебе оживить.

Ты согрешил, а Я грех твой на Себя взял.

Ты виноват, а Я казнь приял.

Ты должник, а Я долг заплатил.

Ты на смерть осужден, а Я за тебя умер.

Но к сему любовь Моя, милосердие Мое привлекло Мене. Не мог Я терпеть, чтобы ты в таком страдал злополучии. Сию ли ты Мою любовь пренебрегаешь?

Вместо любви ненависть воздаешь.

Вместо Мене грех любишь.

Вместо Мене страстем работаешь.

Но что ты сыскал по Мне отвращения достойное? Чего ради не хочешь ко Мне придти?

Добра ли себе хочешь? Всякое добро у Мене.

Блаженства ли хочешь? Всякое блаженство у Мене.

Красоты ли хочешь? Что краснейшее паче Мене?

Благородства ли хочешь? Что благороднее Божьего Сына?

Высоты ли хочешь? Что выше Царя небес?

Славы ли хочешь? Кто славнее паче Мене?

Богатства ли хочешь? У Меня всякое богатство.

Премудрости ли хочешь! Я – премудрость Божья.

Дружества ли хочешь? Кто любезнее и любительнее паче Мене, Иже душу за всех положил?

Помощи ли ищешь? Кто поможет кроме Мене?

Врача ли ищешь? Кто исцелить и увеселить кроме Мене?

Утешения ли в печали ищешь? Кто утешит кроме Мене?

Покоя ли ищешь? У Меня обрящеши покой твой.

Мира ли ищешь? Аз есмь мир душевный.
Живота ли ищешь? У Меня источник живота.
Света ли ищешь? Аз есмь свет миру **.**
Истины ли ищешь? Аз есмь истина.
Пути ли ищешь? Аз есмь путь.
Вождя ли к небеси ищешь? Аз есмь вождь вечный.
Что убо, чего ради не хочешь придти ко Мне?
Приступить ли не смеешь? К кому удобнейший приступ?
Просить ли опасаешься? Кому Я, просящему с верой, отказал?
Грехи ли не допускают тя? Я за грешников умер.
Смущает тя множество ли грехов? Более у Меня милосердия.
Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы(Мф.11:28).
(Из тв. св. Тихона Задонского).

15. Не божись понапрасну

«Слуга не смеет назвать господина своего по имени без нужды и как случилось, а мы имя Господа ангелов произносим с такой небрежностью»! говорит св. Златоуст. «Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже собственной головой, а мы до того не щадим славы Господа, что всюду влечем Его! Ты – червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть поручителем! Какая дерзость! Какого же достоин ты наказания? Но ты говоришь: я привык божиться, язык сам повторяет слова клятвенные... На это я тебе вот что скажу: один ученый имел глупую привычку, идя, беспрестанно подергивать правым плечом; ему заметили это, и он стал класть на оба плеча острые ножи, и страхом раны отучил член от неуместного движения. Сделай тоже и ты с языком; вместо ножа наложи на него страх наказания Божьего, проси других, чтобы следили за твоими речами и вразумляли тебя, и Бог даст – ты бросишь худую привычку свою; и будешь бояться клятвы, как боишься ты яда». (Златоуст).

16. Почему не все равно богаты?

Блаженный Феодорит, решая этот вопрос, приходит к следующим размышлениям: «При равном разделе золота, если бы все были одинаково богаты им, – как же бы люди доставили себе необходимые вещи? И кто согласился бы служить другому, имея одинаковый с ним достаток? Если бы не заставляла бедность, – кто захотел бы сидеть у печи и готовить снеди? Кто стал бы изготовлять хлеб, и на мельнице молоть пшеницу? Кто повел бы рабочих быков под ярмо, и стал бы пахать землю? Кто занялся бы

каменоделанием, чтобы приготовить камни на постройки, и, искусно складывая их, строить дома, если бы не заставляла нужда и не побуждала к деятельности? Кто бы взялся за корабельное мастерство? Принял ли бы кто на себя должность кормчего или труд корабельного работника? Кто бы стал работать в ткацкой или швейной? Захотел ли бы кто быть горшечником или медником? При равном у всех количестве денег, один не стал бы служить другому, а было бы необходимо одно из двух: или каждый должен бы был тщательно изучать все нужные искусства, или все оставались бы при одинаковом недостатке необходимых вещей. Нет нужды доказывать, что одному человеку невозможно изучить все искусства... Остается, следовательно, то, что *равное у всех обилие денег для всех было бы гибельно,* и стало бы с ними, что бывает с людьми, которые от пресыщения теряют удовольствие вкуса. Но перестанем доказывать; и здесь мы видим попечительность Божью, по которой так называемое неравенство есть причина житейских удобств и основание благоустроенного общежития.

17. О литургии в древности (Письмо)

I. Я уверен, что тебе часто казался непонятным или произвольным ход торжественных обрядов литургии, которая, как некое духовное зрелище, совершается на возвышенном месте перед лицом христиан; в особенности на тебя должна была производить подобное впечатление обедня, совершаемая без полного благолепия в селах, где внешний взор и слух менее могут иметь удовлетворения, при недостатке разумного внимания к молитвам. Но сие неблагоприятное чувство может случиться и во время великолепнейшего служения архиерейского, если ты в мыслях своих разорвешь цепь, соединяющую нынешнюю обедню, с первоначальным ее установлением от самого Спасителя – цепь постепенного образования ее подробностей, в течение нескольких веков, по вдохновению св. апостолов и св. отцов. Они-то узаконили неизменными обрядами, словом и действием, свободное в начале, представление и как бы повторение *Тайной Вечери* Христа, и таинственно изобразили всю Его жизнь течением одной Божественной литургии. В первые времена христианства все верные, составлявшие из себя церковь, собирались в особую храмину, определенную для общих молитв и тайнодействия, и приносили с собой, смотря но своему достатку, хлеб и вино, для совершения таинства тела и крови Христовых и для общей *трапезы любви* , в которой бедные довольствовались обильными приношениями богатых. Епископ, или пресвитер, иногда сам, а иногда через диаконов, то есть служителей церкви, принимал сии приношения, *просфоры* (по-гречески),

и они полагаемы были в особом месте приготовления, что ныне жертвенник, который бывает в больших храмах отделен от алтаря. Там пресвитер избирал и приготовлял один хлеб, собственно для таинства, а чтобы и прочие приносители и приношения равномерно были приняты и представлены Христу, в молитве и тайнодействии – из каждого хлеба частица полагаема была к хлебу, избранному для таинства, в память приносителя; самый же хлеб оставался для трапезы любви. И теперь то же самое повторяет у жертвенника священник, приготовляя для священнодействия хлеб, называемый *агнцем*, именем, заимствованным от Агнца пасхального, и вынимая из прочих просфор части, в честь и память Богоматери и всех святых, и в жертву за живых и мертвых, что составляет первую часть обедни – *проскомидии*, иначе приготовление.

II. Потом священнодействующий, один или с помощью диакона, призывал верных к молитве и молился, во услышание всех, о благах временных и вечных; следовало пение псалмов, чтение книг пророческих и посланий апостольских. Тогда диаконы приносили из хранилища святое Евангелие на середину церкви, и из сего-то хождения образовался нынешний малый вход с Евангелием, знаменующий вместе и открытие проповеди Христовой, когда Сам Он явился после приготовительной проповеди последнего перед ним пророка, Иоанна Крестителя. Евангелию следовали толкование слова Божьего и молитвы о кающихся и тех, которые только были еще оглашены первоначальным учением веры, но не просвещены крещением. Их удалением оканчивалась и оканчивается ныне вторая часть обедни, называемая *литургией оглашенных.*

III. Третье отделение, – *литургия верных*, начиналась двумя краткими молитвами и третьей безмолвной. Так и теперь, кроме того, что третья, тайная, молитва священнодействующего, для предстоящих закрыта пением так называемой *Херувимской* песни. В сие время священнослужителям нужно было идти за приготовленными дарами в место их приготовления, чтобы принести оные на *св. трапезу* , где долженствовало совершиться тайнодействие, и вот основание другого великого входа с св. дарами, который ты теперь видишь в православной *церкви*, с великолепием, подобающим святыне; ибо сие таинственное перенесение воспоминает также и вольное шествие Спасителя на искупительное страдание. Теперь престол Христа Царя становится вместе крестным Его жертвенником и гробом живоносным, возвышенность алтаря представляет Голгофу. В древние времена сие таинственное зрелище открыто было для всех верных, потому что все, или почти все, приступали к причащению святых таин. По времени оно закрыто преградой и завесой от тех, которые

сами признали себя недостойными быть причастниками. Впрочем, и доныне, как в первые века, в некоторых церквах палестинских, престол остается открытым.

IV. По освящении даров и приобщении пресвитеров и народа, возносились общие благодарения Богу за Его щедроты, и верные совокуплялись на братолюбивую *трапезу* , в части храма, которой она и оставила свое название. Впоследствии, по вкравшимся злоупотреблениям, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественного обеда верных, сохранилась в самом слове: *обедня.* Так совершалось сие служение в древности.

(Письма о Богослужении восточной кафолической Церкви. А. Муравьева).

18. Надежда

Мой дух доверенность к Творцу!
Мужайся, будь в терненьи камень!
Не Он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага
Я град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу в бедстве сохранить –
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной,
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый неизменный?
Он! Он! Его весь дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар Его! и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны,
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах

И обновлю существованье?
(Батютков).
19. Выбор креста
Усталый шел крутой горою путник,
С усилием передвигая ноги;
По гладким он скалам горы тащился
И наконец достиг ее вершины.
С вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небес склонившегося солнца;
Свершив свой путь, великое светило
Последними лучами озарило,
Прощаясь с ним, полузаснувший мир,
И был покой повсюду несказанный.
Утешенный видением таким
Стал странник на колени, прочитал
Вечернюю молитву и потом
На благовонном лоне муравы
Простерся, и сошел ему на вежды [542]
Миротворящий сон, и сновиденьем
Был дух его из бренныя [543] телесной
Темницы извлечен. Пред ним явилось
Господним ликом пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небес,
Подножием Господних ног земля;
И к Господу воскликнул он: «Отец!
Не отвратись во гневе от меня,
Когда всю слабость грешныя [544] души
Я исповедаю перед Тобою.
Рожден, свой крест нести покорно должен;
Но тяжестью не все кресты равны:
Мой слишком мне тяжел, не по моим
Он силам; облегчи его, иль он
Меня раздавит, и моя душа
Погибнет. Так в безмолвии он Бога
Всевышнего молил.
И вдруг великий
Повеял ветер, и его умчало
На высоту неодолимой силой;

И он себя во храмине увидел,
Где множество бесчисленное было
Крестов; и он потом услышал голос:
«Пред тобою все кресты земные
Здесь собраны: какой ты сам из них
Захочешь взять, тот и возьми».
И начал кресты он разбирать, и тяжесть их
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобней;
Но выбрать было не легко: один
Был слишком для него велик; другой
Тяжел; а тот, хотя и не велик
И не тяжел, но неудобен: резал
Краями острыми ему он плечи;
Иной быль слит из золота, зато
И не в подъем, как золото. И, словом,
Ни одного креста не мог он выбрать,
Хотя и все пересмотрел. И снова
Уж начинать хотел он пересмотр,
Как вдруг увидел он простой, им прежде
Оставленный без замечанья крест;
Был не легок он, правда: был из твердой
Сработан пальмы; ни за то, как будто
По мерке для него был оделан: так
Ему пришелся по плечу он ловко.
И он воскликнул: «Господи, позволь мне
Взять этот крест». И взял. Но что же? Он
Был самый тот, который он уж нес.
(Жуковский).

20. Вечерняя песнь

Солнце скрылось, дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада:
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.

***

Ветер приносит прохладу ночную.
Тихою славой горят небеса.
Братья, оставим работу дневную,
В песни сольем голоса:

***
«Ночь на восходе с вечерней звездою;
Тихо сияет струей золотою
Западный край.
Господи! путь наш меж камней и терний,
Путь наш во мраке: Ты свет невечерний – нас осияй!
***
В мгле полунощной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,
В тяжкой борьбе –
Всюду сиянье солнца Святого,
Божия мудрость и Сила, и Слово...
Слава Тебе!»
(А.С. Хомяков).
21. Подражание псалму XIV
Кому, о Господи, доступны
Твои Сионские высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал:
Но верой в Бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед Ним.
И свет, о Боже, Твой избранник!
Мечем ли руку ополчит?
Великий Господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он? Его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу? дивной силой
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба Твоего!

(Н. Языков).

Отдел пятый. Церковно-славянское чтение

1. Житіе́
ст҃а́го равноап҃ льнаго вели́кагѡ кн҃зѧ кі́евскагѡ
Влади́мїра,
наре́ченнагѡ во всѧто́мъ креще́нїи васі́лїа. всеѧ҆ рwссі́и самоде́ржца и просвѣти́телѧ.

І. Вели́кїй влади́мїръ, кня́зь кі́евскїй, и҆ всѧхъ рwссі́йскихъ стра́нъ, самоде́ржецъ, сы́нъ б҃ж҃ [545]свѧтосла́вовъ, вн҃ъ и҆ горѧ и҆ свѧты́ѧ о҆ льги, а҆ пра́вн҃ъ р҃ика, ѿ варѧ҆гъ на кнѧже́нїе рwссі́йское при́званнагѡ.

Е҆гда҆ пребл҃гі́й бг҃ъ, не хотѧ́й сме́рти гр҃шника҃мъ, но ѡ҆браще́нїѧ и҆ мъ въ живо́тъ [546]жела́ѧй, ѿ превели́кагѡ и҆ неизрече́ннагѡ милосе́рдїѧ своегѡ҆ благоизво́ли рwссі́йскимъ страна́мъ, тмо́ю і҆дwлобр҃сїѧ помраче́ннымъ, не до конца҆ погы́бн҃ути, но св҃томъ свѧты́ѧ в҃ры просвѣще́ннымъ бытѝ, и҆ на п҃ть спасе́нїѧ наста́витисѧ: и҆збра҆ и҆ мъ на то҆ руководи́телѧ, сего҆ вели́кагѡ кн҃зѧ влади́мїра, коже дре́вле ри́млянwмъ и҆ гре́кwмъ вели́каго царя҆ кwнстанті́на, а҆ въ нача́лѣ всѧ҃мъ зы́кwмъ свѧта́го а҆по́стола па҃ла. Рекі́й [547]бо [548]и҆з҆ тмы҆ свѣт҃ возсїѧ́ти, возсїѧ҆ въ се́рдцѣ влади́мїровомъ та́инственнагѡ свѣта҃ зарю҆, и҆ возд҃ѝ въ не́мъ жела́нїе позна́нїѧ и҆ сти́ны, претворѝ того҆ и҆з҆ нечести́вагѡ і҆дwлопокло́нника въ благочести́ваго хр҃тїа́нина, и҆ и҆з҆ гони́телѧ (коже и҆ногда҆ са҃ла) въ ко́каго рwссі́анwмъ апо́стола и҆ оу҆чи́телѧ, и же толи́кїѧ рwссі́йскїѧ наро́ды ѿ а҆дскагѡ поглоще́нїѧ и҆ вѣ҃чныѧ сме́рти и҆схи́тивъ приведѐ на ѿрожде́нїе въ жи́знь вѣ҃чн҃ю свѧты́мъ креще́нїемъ.

ІІ. Просла́вивш҃ сѧ влади́мїр҃ хра́бростїю [549], самоде́ржствомъ и҆ вели́чествомъ ца́рства своегѡ҆, па́че [550]и҆ны́хъ царе́й и҆ кн҃зе́й ко всей подсо́лнечной, нача́ша приводи́ти къ нем҃ разли́чнїи наро́ды, хва́лѧще том҃ свою҆ в҃р҃ . По си́хъ всѧхъ [551], ѿ царе́й гре́ческихъ васі́лїа и҆ кwнстанті́на, а҆ ѿ патрїа́рха цареград҃скагѡ нїкола́а хрⷭ҇сове́рха, прїи́де ко влади́мїр҃ посо́лъ съ да́ры, м҃жъ и҆зра҆денъ [552], слове́сенъ и҆ бг҃од҃ хнове́ненъ, кⷭ҇ри́ллъ фїлосо́фъ. [553](Не то́йже сѐ кⷭ҇ри́ллъ фїлосо́фъ, иже съ меѳо́дїемъ бра́томъ свои́мъ пе́рвѣе въ коза́рѣхъ, та́же въ мора́вїи хр҃та҆ пропов҃да, и҆ кни҃ги съ гре́ческагѡ ѧ҆зы́ка на славе́нскїй преведѐ, но и҆ нъ тогѡ́же и҆ мене). Се́й фїлосо́фъ кⷭ҇ри́ллъ (и҆лѝ кⷭ҇ръ) бес҃дова на мно́з къ влади́мїр҃ ѡ҆ хрїстїа́нстѣй в҃рѣ, наче́нши ѿ созда́нїѧ ми́ра, по всѧ҃мъ проро́чествїѧмъ да́же до воплоще́нїѧ хр҃ то́ва, и҆ до под҆а́тагѡ во́лею страда́нїѧ и҆ кре́стныѧ сме́рти спасе́нїѧ ра́ди челов҃ческагѡ, и҆ до

триднéвнагw иꙋ́ мéртвыхъ воскресéнїѧ и҆ на небесà вознесéнїѧ, коже w҆ тóмъ преподóбный нéстеръ печéрскїй пи́шетъ простра́ннw. Послѣди́ же предложи́въ сло́во w҆ второ́мъ прише́ствїи хр҃ то́вомъ, w҆ воскресе́нїи мéртвыхъ, w҆ стра́шномъ с҃ дѣ̀, w҆ безконе́чной м҃ цѣ, гр҃шнымъ оу҆гото́ванной, и҆ w҆ воздаѧ́нїи пра́веднымъ въ небе́сномъ ца́рствїи, дадѐ є҆́м посла́вшихъ его̀ въ да́ръ за́пон [554]вели́к златотка́нн , на не́йже хи́тростнымъ тка́нїемъ и҆ꙁwбраже́нъ бѧ́ше стра́шный с҃ дъ бжїй, и҆ раздѣле́нїе грѣ́шныхъ w҃ пра́ведныхъ: и҆ сто́ѧх пра́веднїи w҆десн҃ ю [555]с҃ дїй, на то́йже стран̀ десне́й и҆ ра́й и҆ ца́рство небе́ное и҆ꙁwбражено̀ бѧ́ше: грѣ́шнїи же сто́ѧх w҆ш҃ ю́ю [556], на ко́ей странѣ̀ гее́нна о҃ гненна́ѧ, и҆ стра́шнїи ви́ды де́мwнскїѧ, и҆ разли́чныѧ во а҃ де м҃ ѣ̂ки и҆ꙁwбражены̀ зрѧ́х с҃ѧ. На все́ же то̀ влади́мїръ прилѓжнw смотрѧ́, вопроша́ше фїлосо́фа w҆ ко́ейждо ве́щи. Фїлосо́фъ же всѧ̂ подро́бн сказ ѧ́ є҆́м҃ глаго́ла: є҆гда̀ прїи́детъ хр҃ то́съ бг҃ъ въ сла́вѣ свое́й съ небесѐ на зе́млю, с҃ ди́ти живы́хъ и҆ ме́ртвыхъ, и҆ возда́ти ком҃ ждо по дѣлwмъ є҆гẁ: тогда̀ є҆ли́кихъ w҆бря́щетъ пра́ведныхъ, поста́витъ и҆ хъ w҆десн҃ ю себѣ̀, и҆ по́слетъ и҆ хъ въ ца́рствїе св҃ небе́сное на вѣ҃чное весе́лїе. Е҆ли́кихъ же w҆бря́щетъ гр҃шныхъ, т҃хъ поста́витъ w҆ш҃ ю́ю, и҆ по́слетъ и҆ хъ въ гее́нн о҃ гненн҃ ю не гаси́м҃ ю, безконе́чныѧ м҃ ѣ̂ки. Влади́мїръ же то̀ слы́шѧ, воздохн҃ , и҆ речѐ: блаже́ни сі́и, и҆ же ста́н҃ тъ, w҆десн҃ ю, го́ре же т҃мъ, и҆ же б҃ д҃ тъ w҆ш҃ ю́ю. И҆ рє҆ є҆́м҃ фїлосо́фъ: а҃ ще и҆ ты̀, царю̀, w҃ sлы́хъ дѣлъ престáнеши и҆ прїи́меши ст҃ѣ крещенїе, w҆десн҃ ю стоѧ́ти сподо́бишисѧ: а҃ ще же въ нече́стїи преб҃ деши то̀ и҆ твоѐ мѣсто w҆ш҃ ю́ю б҃ детъ. Влади́мїръ же внѧ̀ глаго́лемымъ w҃ фїлосо́фа, и҆ размышлѧ́ѧ, речѐ: пожд҃ є҆́щѐ ма́лw, до́ндеже и҆ꙁвѣстнѣе и҆́спыта́ю w҆ всѣ́хъ вѣрахъ, и҆ w҆дари́въ фїлосо́фа и҆ и҃ же съ ни́мъ, w҃п҃ стѝ и҃ съ че́стїю въ ца́рьградъ.

III. Г҃Ѡше́дш же гре́ческом фїлосо́ф [557], созва̀ влади́мїръ всѣ́хъ свои́хъ болѧ́ръ и҆ старѣ́йшинъ, и҆ речѐ [558]и҃ мъ: сѐ [559]приходи́ша ко мнѣ̀ w҃ разли́чныхъ наро́дwвъ м҃ дрецы̀, w҃ м҃ хаммедáнъ, и҆ нѣ́мцевъ, и҆ ри́млѧнъ, и҆ жидwвъ, и҆ w҃ про́чїихъ ꙗ҆зы́кwвъ, хва́лѧще кі́йждо w҃ ни́хъ свою̀ вѣ́р҃ . Послѣди́ же всѣ́хъ прїидо́ша и҆ гре́цы, и҆ ска́зовах па́че и҆ны́хъ мнwга ди҃вна́ѧ во свое́й вѣ́рѣ, повѣств҃ юще бы҃вша́ѧ въ поднебе́снѣй дѣѧ̂нїѧ w҃ нача́ла ми́ра да́же досе́лѣ: и҆ глаго́лютъ и҆ны́й бы́ти вѣ́къ [560], и҆ и҆н҃ ю жи́знь, и҆ кw по сме́рти всѝ человѣ́цы воскре́сн҃ тъ, и҆ а҃ ще кто̀ что̀ до́брое въ с҃ѣ вѣ́цѣ содѣ́ла, то́й въ б҃ д҃ щемъ и мать ра́доватисѧ жив҃ щи безсме́ртною жи́знїю: а҆ гр҃шнїи во вѣ́ки м҃ читисѧ б҃ д҃ тъ. И҆ рекоша́ къ нем҃ боля́ре є҆гẁ и҆ старѣ́йшины: никто́же когда̀ своѐ что̀ х҃ литъ, но па́че хва́литъ. Ты́ же, вели́кїй кнѧ́же, а҃ ще хо́щеши достовѣ́рнѣе и҃ стин҃ позна́ти, и҃ маш҃

мно́жество люде́й м ́дрыхъ, послѝ ѿ ни́хъ и҃зра́днѣйшыѧ по разли́чнымъ земля́мъ и҃ наро́дамъ, да оу҃ви́дѧтъ, и҃ оу҃вѣ́даютъ, всѧ́к ю вѣ́р , и҃ ка́кѡ кто́ сл ́житъ бо́г своем ѝ, и҃ пото́мъ возврати́вшесѧ, и҃звѣ́стѧ́тъ тебѣ́ и҃ на́мъ, ѡ҃ все́мъ подро́бн , и҃ соверше́ннѡ, кѡ самови́дцы. Таково́а҃ѡ совѣ́та влади́мїръ посл ́шавъ, посла́ м ́жи смы́сленныѧ и҃ раз ́мныѧ въ разли́чныѧ зе́мли, согля́дати вѣ́ры и҃ сл ́жбы коегѡ́ждо наро́да и҃ ꙗ҆зы́ка.

IV. О҆ни́ же проше́дше мнѡ́гїѧ страны́ и҃ ца́рства, прїидо́ша по́слѣжде и҃ къ царю́граду , и҃ сказа́ша царе́мъ гре́ческимъ, васи́лїю и҃ кѡнстанти́н , вин ѝ пришествїѧ своегѡ̀. [561]Цари́ же возра́довашасѧ, и҃ а бїе [562]свѧтѣ́йшем патрїа́рх ѡ҃ ни́хъ возвѣ́сти́ша: патрїа́рхъ же повел҃ оу҃краси́ти це́рковь, и҃ сотворѝ пра́здникъ, и ѡ҃блече́сѧ въ дража́йшаѧ свѧти́тельскаѧ ѡ҃блаче́нїѧ со мно́гими є҆пі́скопы и҃ свѧще́нники и соверша́ше бж҃е́ственн ю лїт ргі́ю. Прїидо́ша же къ лїт ргі́и царѝ съ по́сланными ѿ влади́мїра, и҃ введе́ше и хъ въ це́рковь, поста́виша на таково́мъ мѣ́стѣ, ѿнюд же и мъ всѧ̂ ви́дѣ́ти и҃ слы́шати оу҃до́бно бо́ле. О҆ни́ же ви́дѧще неизглаго́ланн ю хвалы́ бж҃ї́ѧ красот ́, каковыѧ нигдѣ́же когда́ ви́дѣ́ша, и҃ слы́шаще пресла́дкїѧ церко́внагѡ пѣ́снопѣ́нїѧ гла́сы, и же никогда́же слы́шаша, оу҃дивля́х сѧ sѣ́лѡ̀, и҃ не на земли́, но на небесѝ мна́х сѧ стоя́ти: ѡ҃сїя́ бо и хъ въ то́ вре́мѧ свѣ́тъ небе́сный, и҃ бы́ша а ки [563]внѣ себѣ́ ѿ ра́дости д хо́вныѧ, є к сердца́ и хъ тогда́ и҃сполнишасѧ. По соверше́нїи же бж҃е́ственныѧ лїт ргі́и царѝ и ꙗ҆патрїа́рхъ послѡ́мъ о нымъ рѡссі́йскимъ сотвори́ша че́сть ве́лїю, и҃ оу҃чрежде́нїе, и҃ дара́ми мно́гими оу҃дово́льствовавше, ѿп сти́ша.

V. И҃ є҆гда́ ті́и къ влади́мїр возврати́шасѧ, па́ки [564]влади́мїръ созва́ бола́ры своѧ̀ и҃ стар҃е́йшины, и҃ повел҃, да возвра́щшїйсѧ посла́нники ска́ж тъ пред҃ вс҃ми, же гд҃ ви́дѣ́ша и҃ слы́шаша. Ті́и же нач҃е́нше, ска́зовах всѧ̂ по ра́д ѡ҃ вѣ́рѣ́ коегѡ́ждо зы́ка, и҃ ѡ҃ сл ́жбахъ и хъ: но вс҃мъ слы́шащимъ не оу҃го́дны бы́ша ты́ѧ вѣ́ры. Та́же нача́ша ска́зовати, є же въ гре́цѣ́хъ ви́дѣ́ша: є҆гда́ прїидо́хомъ (реко́ша) въ ца́рьградъ, введо́ша на́съ гре́цы въ це́рковь свою҆ и҃дѣ́же о҆ни́ бг҃ своем ѝ сл ́жатъ, и҃ ви́дѣ́хомъ та́мо таков ́ю красот ѝ и҃ слав , є҆ма́же ѧ҆зы́къ на́шъ и҃зрещѝ не мо́жетъ: о҆де́жды ї҆ере́евъ и хъ пред҃ чн ́дны, и҃ сл жѐнїѧ чи́нъ sѣ́лѡ̀ че́стенъ, и҃ предсто́ѧнїе всѣ́хъ люде́й благоговѣ́йно, пѣ̂нїѧ же то́ль сла́дѡстнаѧ, каковы́хъ нигдѣ́же слы́шахомъ, и҃ ѡ҃бѧ́ на́съ ра́дость нѣ́каѧ, и҃ не ч ́вствовахомъ себѐ, ни познава́хомъ, на земли́ ли, и҃ли́ на небесѝ є҆смы́. И҃ нѣ́сть таковыѧ лѣ́поты и҃ пресла́внагѡ бг҃охвале́нїѧ во все́й поднебе́сной, коже оу҃ гре́кѡвъ: сегѡ̀ ра́ди вѣ́р емъ, кѡ и стиннаѧ є сть вѣ́ра и то́кмѡ людьмѝ живе́тъ бг҃ъ и стинный. И҃ реко́ша бола́ре къ влади́мїр : а бы вѣ́ра гре́ческаѧ не была́ добра́ и҃ и стиннаѧ, то ба́ба твоѧ̀ о льга не прї

бы тоѧ вѫгры, женà бо бѧше sѣлẁ [565]прем ́дра. Тогдà влади́мїръ, дѫйств ющей въ не́мъ бл҃года́ти ст҃а́гw дх҃а, начà по ма́л просвѣща́тисѧ во оу҆мѣ своемъ и҆ познава́ти пра́в ю хрїстїа́нск ю вѫр , и҆ жела́ти є҆ѧ̀. Но поне́же никто́же бѣ при не́мъ тако́въ, и же бы є҆го̀ къ соверше́нїю намѣрева́емагw дѫла ско́рw приве́лъ, всѫмъ болѧ́рwмъ и҆ совѫтникwмъ тмо́ю нече́стїѧ помраче́ннымъ бы́вшымъ: тогẁ ра́ди продолжи́сѧ оу҆вѣре́нїе и҆ креще́нїе є҆гẁ до нѫкоегw вре́мене, да́же и҆зẁбрѫте совѫтъ себѣ, є же пойтѝ на гре́ческ ю зе́млю бра́нїю, и҆ прїѧ́ти гра́ды и хъ, и҆ пол чи́ти оу҆чи́телей хрїстїа́нскихъ, и же бы є҆го̀ вѫрѣ на чи́ли. Собра́въ, оу҆бо си́л во́инск ю, по́йде къ таvрїкі́и (же ны́нѣ переко́помъ нарица́етсѧ), и҆ взѧ̀ пе́рвѣе ка́ф гра́дъ, гре́ческїй, та́же [566]прїи́де под҆ херсо́нъ [567], сто́льный землѝ тоѧ̀ гра́дъ, при бре́зѣ є҆vx̑і́нскагw по́нта [568]сто́ѧщъ, при не́мже и҆зря́дное кораблє́мъ приста́нище. И҆ w̓бсѣ́де гра́дъ о ный, и҆ ра́тованїе на то си́льнw не ма́лое вре́мѧ, и҆ не мо́жа́ше взѧ́ти: бѫ бо крѫпокъ гра́дъ, и҆ во́инство въ не́мъ гре́ческое м жественнw проти́в борю́щееѧ бѧ́ше. И҆ глаго́лаше влади́мїръ херсо́нѧнwмъ, да во́лею покоря́тсѧ є҆м̀ , а ще хотя́тъ оу҆ негẁ пол чи́ти ми́лость: а ще же нѝ, то́ и мать под҆гра́домъ и хъ и҆ до трїе́хъ лѫтъ стоѧ́ти до́ндеже во́зьметъ, и҆ въ то́й ча́съ не б детъ и мъ поми́лованїѧ. Но херсо́нѧне небрежа́х w҆ словесѫхъ є҆гẁ и҆ тѣснот̀ въ гра́де терпѧ́х : оу҆же́ бо ше́сть мц ей бѧ́х во w̓бсѣдѫнїи, и҆ и҆мѫѧх ск дость н ждныхъ. Бж̑і́е же смотре́нїе недовѫдомыми с дьба́ми поле́знѣйшее не то́кмw гре́кwмъ, но и҆ всем̀ рwссі́йском ро́д оу҆смотрѧ́ѧ, оу҆стро́и то̀, да херсо́нъ гра́дъ покори́тсѧ влади́мїр , є же бы́сть си́це: прwтопо́пъ херсо́нскїй а҆настáсъ написà ко влади́мїр на стрѣлѣ си́це: царю̀ влади́мїре! хо́щеши ли взѧ́ти гра́дъ, и҆щѝ w̑ восто́чныѧ страны̀ въ землѝ тр бъ, и миже вода̀ сла́дкаѧ тече́тъ во гра́дъ, ты́ѧ є҆гда̀ пресѣче́ши и҆ w̑и́меши гра́д во́д , оу҆до́бь поко́ѧтсѧ тебѣ жа́ждею оу҆бѣжде́ни. Та́кw прwтопо́пъ на стрѣлѣ написа́въ, напра́же л къ и҆ и҆сп стѝ о н ю къ шатр влади́мїров , и҆ падѐ стрѣла̀ пред҆ шатро́мъ, и҆ а бїе оу҆зрѣ́вшїи т ю взѧ́ша, ви́дѣвше на не́й писа́нїе гре́ческое, ко влади́мїр принесо́ша: и҆ призванъ бы́сть гре́ческагw ѧ҆зы́ка толкова́тель. И҆ є҆гда̀ прочтѐ напи́санное, повелѣ̀ влади́мїръ прилѣ́жнw и҆ска́ти въ землѝ w̑ восто́чныѧ страны̀ о ныхъ тр бъ во́дныхъ, и҆ w̓брѣ́тъ пресѣчѐ о ныѧ, и҆ не бы́сть воды̀ гра́д , и҆ и҆знемого́шл лю́дїе w̑ жа́жды: тогда̀ и҆ не хотѧ́ще покори́шасѧ влади́мїр , и҆ прїе́мъ влади́мїръ гра́дъ херсо́нъ, вни́де въ него̀ торже́ственнw, лю́демъ нико́егwже сотвори́въ sла̀, ни w̓би́ды.

VI. По взѧ́тїи херсо́на и҆ все́й таvрїкі́и, посла̀ влади́мїръ къ царе́мъ гре́ческимъ, глаго́лѧ: сѐ взѧ́хъ сла́вный гра́дъ ва́шъ херсо́нъ и҆ всю̀ зе́млю таvрїкі́йск ю. Слы́ш же, kw и мате сестр̀ дѣви́ц кра́сн [569], дади

оу́ бо мнѣ т́ю въ жен̀: а ще же не́ восхо́щете мнѣ да́ти є́а̀, сотворю̀ ва́шем царю́град то̀, є́ же сотвори́хъ херсо́н . Таково̀ ѿ владі́мїра посла́нїе прїе́мше царѝ гре́честїи, бы́ша въ печа́ли нема́лой, сестра̀ бо и хъ є́ йже и мѧ а нна, не хотѧ́ше и́тѝ за пога́нина [570]: мно́гїѧ же рwссі́йских во́євъ си́лы и́ хра́брости влади́мїровы бо́ѧх сѧ гре́цы. И́ воспису́ша царѝ къ нем̀ си́це: не досто́итъ на́мъ хрїстїа́нwмъ за пребыва́ющаго въ нечести́вой вѣрѣ ѿда́ти сестры̀ на́шеѧ: а ще же и́мѣти о н ю хо́щеши, то ѿве́ржисѧ і дwлwвъ твои́хъ, и́ вѣр й во хр та̀ и стиннаго бѓа, коже и прїимѝ свѧто́е креще́нїе, тогда̀ невозбра́ннw по́ймеши тебѣ въ с пр́жество сестр̀ на́ш , и́ съ на́ми кw є́диновѣренъ въ любвѝ преб́деши, є́щѐ же и́ небе́сное наслѣдиши ца́рство. Тако́въ ѿвѣтъ царе́й гре́ческихъ влади́мїръ прїе́мъ, па́ки посла̀ къ ни́мъ, глаго́лѧ: возлюби́сѧ мнѣ вѣра ва́ша ѿ тогw вре́мене, є́гда̀ по́сланнїи ѿ менѐ и́спытовати разли́чные вѣры, бы́вше оу́ ва́съ, возврати́шасѧ къ на́мъ, и́ сказа́ша подро́бн , кw вѣра ва́ша є сть л́чша па́че всѣхъ вѣръ, и́ сл жене́ї, и сл́жите бѓ ва́шем , є сть и́зра́днѣйшее па́че всѣхъ наро́дwвъ. Хощ́ оу прїѧ́ти вѣр ваш , вы́ же посли́те ко мнѣ є́пі́скопа, да мѧ̀ крести́тъ, и́ са́ми съ сестрою ва́шею прїиди́те къ на́мъ, и́лѝ сестр́ посли́те мнѣ въ с пр́жество, а зъ же возвращ̀ ва́мъ херсо́нъ со все́ю таурїкі́ею. 'Гаков́ю до́бр ю вѣсть царѝ гре́честїи прїе́мше, возра́довашасѧ ра́достїю ве́лїею, и́ сестр̀ свою̀, да по́йдетъ за влади́мїра, оу́вѣщава́ша съ моле́нїемъ, глаго́люще: оу́милосе́рдисѧ над́ ца́рствомъ хрїстїа́нскимъ: а ще бо не по́йдеши за него̀, то̀ не преста́нетъ о нъ плѣни́ти земл́ на́шеѧ, и́ бо́ѧзненно є сть, да не сотвори́тъ и́ царю́град , коже херсо́н , а ще ж ра́ди влади́мїръ крести́тсѧ, и́ тобо́ю ѡ́братитъ гд ь къ себѣ зе́млю рwссі́йск ю, и́ гре́ческ ю ѿ тѧ́жкихъ и́ ча́стыхъ бра́ней и́ нахожде́нїй рwссі́йскихъ свобо́дн сотвори́тъ, вѣчн ю сла́в , и́ безсме́ртное ѿ всѣхъ блаже́нство и́мѣти б́деши. Царе́вна же а нна а ще и́ не хотѧ́ше, о́ба́че [571]рдзсмотрѧ́ѧ спасе́нїе толи́кагw ро́да рwссі́йскагw, къ бѓ ѡ́брати́тисѧ хотѧ́щагw, є́ще́ же и́ оте́честв своем̀, гре́ческом ца́рств , ми́ра жела́ѧ, соизво́ли сов̀т и́ моле́нїю бра́тїй свои́хъ, и́ речѐ со слеза́ми: во́лѧ гд нѧ , б́детъ. И́ посла́ша т́ю царѝ мо́ремъ въ кораблёхъ со а̓рхїереемъ мїхаи́ломъ, и́ со сщ́е́нники, и́ съ честны́ми болѧ́ры. Дости́гшей же є й херсо́на, сѣтена бы́сть сла́внw, и́ въ пала́т ца́рск ю введена̀. Въ то вре́мѧ, за немно́гїѧ пред́ прише́ствїемъ царе́вны днѝ, влади́мїръ возболѣ о́чи́ма, и́ ѡ́слѣпѣ. И́ нача̀ оу́с мнѣва́тисѧ ѡ́ свѧтѣй вѣрѣ и́ ѡ́ креще́нїи, и́ см щѧ́сѧ въ себѣ, глаго́лаше: бо́зи рwссі́йстїи разгнѣвашасѧ на мѧ̀, кv хощ̀ ѡ́ста́вити и хъ, и́ ѝн́ ю вѣр прїѧ́ти, и́ тогѡ̀ ра́ди слѣпоты̀ ка́знь на посла́ша. Царе́вна же посла̀ къ нем́, глаго́лющи: а ще хо́щеши здра́въ бы́п

и̓ ви́дѣти о̓чи́ма, креще́нїе сѧто́е прїимѝ вско́рѣ, и̓на́кѡ бо ѿ слѣпоты̀ твоеѧ не и̓зба́вишисѧ, а ще же кристи́шисѧ, то̀ не то́чїю слѣпоты̀ тѣле́сны но к пнѡ и̓ д ше́вныѧ свободи́шисѧ. Сїѐ слы́шѧ влади́мїръ, ѿтвѣща̀: а ще и стинненъ б детъ глаго́лъ се́й, то̀ ѿ сегѡ̀ позна́ю, кѡ вели́къ є сть бг̑ хрїстїа́нскїй. И̓ а бїе призва́въ є̓пи́скопа, просѧ́ше ст̑а́гѡ креще́нїѧ. Є̓пи́скоп же пе́рвѣе w̓гласѝ є̓го̀, и̓ w̓ ст̑ѣ́й вѣ́рѣ до́брѣ по чѝ, та́же въ це́ркви сва̀тыѧ софі́и, посредѣ̀ гра́да бы́вше́й, крестѝ и̓ наречѐ є́м и ѧ васі́лїй. Бы́сть же въ креще́нїи є̓гѡ̀ ч до, подо́бное о ном , є же въ дамаскѣ на са́ѵлѣ, це́рк бжїю гони́вшемъ и̓ ѿ w̓блиста́вшагѡ є̓го̀ на п тѝ небе́снагѡ свѣ́та w̓слы́шемъ, содѣ́ѧсѧ: є̓гда́ бо влади́мїръ w̓слѣпле́нъ, сы́й о̓чи́ма, вни́де во свѧт ю к пѣ́ль, а̓ є̓пі́скопъ по чи́н креще́нїѧ возложѝ на него̀ р к , а бїе ѿпадѐ ѿ о̓че́съ є̓гѡ̀ слѣпота̀ кѡ чеш ѧ, и̓ прозрѣ́ просла́ви бг̑а, ѧ привидѐ є̓го̀ въ и стинн ю вѣ́р , и̓ бллгодаря́ше хр та̀ гд а, ра́д ѧсѧ и̓ весели́сѧ. То̀ ч до ви́дѣвше боля́ре є̓гѡ̀ и̓ воинство, крести́шасѧ, и̓ бы́сть ра́дость ве́лїѧ рwссі́анwмъ и гре́кwмъ, а̓ наипа́че свѧты́мъ а гг̑лwмъ на небесѝ: а ще бо w̓ є̓ди́номъ гре́шницѣ ка́ющемсѧ ті́и ра́д ютсѧ, кольмѝ па́че w̓ то́ль мно́гихъ д ша́хъ, бг̑а позна́вшихъ, возра́довашасѧ, и̓ сла́ва въ вы́шнихъ бг̑ ! воспѣ́ша. Соверши́сѧ креще́нїе влади́мїрово, и̓ боля́ръ є̓гѡ̀, и во́євъ, въ херсо́нѣ, въ лѣ́то бытїѧ̀ ми́ра ⁄syvs воплоще́нїѧ же бг̑а сло́ва въ лѣ́то цп̑и. По креще́нїи же приведена̀ бы́сть влади́мїр царе́вна а нна, гре́ческихъ царе́й сестра̀, w̓бр че́нїѧ ра́ди, и̓ не по мно́гихъ дне́хъ вѣнча́нъ бы́сть съ не́ю въ зако́нный бра́къ. И̓ возвратѝ гре́кwмъ херсо́нъ со все́ю таѵрїкі́ею, и̓ ми́ръ съ ни́ми оу̓твержди́въ, возврати́сѧ въ свою̀ зе́млю. Поѧ́тъ же съ собо́ю прише́дшаго и̓з̓ царѧграда съ царе́вною а̓рхїере́а мїха́ила, и̓ бы́сть о нъ пе́рвый митрополі́тъ всеѧ̀ рwссі́и. Е̓ще́ же со а̓рхїере́емъ и̓з̓ херсо́на влади́мїръ поѧ́тъ и̓ свѧще́нники мнwгїѧ, и̓ клири́ки, и̓ мона́хи. Взѧ́ же ѿт д и̓ мо́щи ст̑а́гѡ сщ̑е́нном ченика клі́мента па́пы ри́мскагѡ [572]и̓ оу̓ченика̀ є̓гѡ̀ фи́ва, и̓ свѧты́ѧ їѡа́ны, и̓ кни̑ги, и̓ всѧ́к ю оу тварь церко́вн ю. Поѧ́тъ же и̓ о̓нагѡ̀ а̓наста́са прwтопо́па, и же стрѣло́ю на чѝ є̓го̀, ка́кѡ взѧ́ти херсо́нъ гра́дъ, и̓ прїи́де влади́мїръ въ кі́евъ съ ра́достїю ве́лїею, сла́вѧ хр̑та̀ бг̑а. И̓ а бїе нача̀ прилага́ти тща́нїе w̓ просвѣще́нїи сто́льнагѡ гра́да своегѡ̀ кі́ева, и̓ всеѧ̀ рwссі́йскїѧ держа́вы своеѧ̀.

VII. Въ нача́лѣ повелѣ̀ влади́мїръ кресити́ сынwвъ свои́хъ, и ихмѣ́ѧше двана́десѧть ѿ разли́чныхъ же́нъ: и̓зѧсла́ва, мстисла́ва, яросла́ва, всево́лода ѿ рохми́ды кнѧжны̀ полте́цкой: свѧтопо́лка ѿ гре́кини жены̀ бра́тней: вышесла́ва ѿ че́хини кнѧжны̀: свѧтосла́ва и̓ станисла́ва ѿ др гі́ѧ че́хини: бори́са и̓ гл̑ѣба ѿ во́лгарѧныни: брѧчисла́ва и̓ с дисла́ва ѿ и̓ны́ѧ н̑ѣкі̑ѧ. И̓ креще́ны бы́ша ѿ митрополі́та мїха́ила во є̓ди́номъ и̓сто́чницѣ, и̓сто́чникъ же той̀ въ гор̑ѣ над̓ днѣпро́мъ, и же ѿ о нагѡ

вре́мене, и҃ до ны́нѣ просла҄ креща҄тикомъ. Та́же посла҄ проповѣ҃дники по всем҄ гра́д҄ , повелѣва́ѧ, да во оу҃ трїе собер҄тс҃ вс҃и на рек҄ (почна́йню, и҃ дн҃пръ впада́ющ҄ ю), ста́рїи и҃ млади́и, вели́цыи и҃ ма́лїи, бога́тїи и҃ оу҃бо́зїи, м҄жескъ по́лъ и҃ же́нскъ: а҄ ще же кто҄ не wб҃ра́щетс҃ въ то҄ вре́ма҃ и҃ рѣц҃, то́й бг҃ъ и҃ вели́ком҄ кна́зю ҃вит҃с҃ проти́венъ. И҆ бы́вш҄ оу҃ тр҄ , пр҃ са́мъ кна́зь съ бола́ры на рѣк҄ , и҃ а҃рхїере́й съ ни́мъ и҃ вс҃и сва҃щенницы, и҃ собра́с҃ ве́сь гра́дъ къ рѣц҃, вс҃ка́гw чи́на и҃ во́зраста, о҆́боегw҄ по́ла безчи́сленное мно́жество на то́мъ м҃стѣ, и҃д҃же ны́нѣ це́рковь сва҃ты́хъ страстоте́рпцевъ бори́са н гл҃ба. И҆ повелѣно҄ бы́сть и҃ мъ, о҆де́жды совле́кш вни́ти въ во́д҄ , о҆со́бь м҄ жеском҄ по́л҄ , о҆со́бь же́нском҄ , стар҃йшымъ въ гл҄ вочайша҃ мѣста҄, ма҃лымъ же близ҆ бре́га: и҃ стоа҃х҄ въ водѣ҃ о҄ вїи до вы́и, о҄ вїи же до по́а҃са, рдздѣ҃льшеса҃ на полкѝ: сва҃ще́нницы же во їерейскихъ wб҃лаче́нїа҃хъ стоа҃ще при бре́зе на дска́хъ, нарочнw тогw҄ ра́ди оу҃стро́енныхъ, чта҃х҄ , над҆ наро́домъ моли́твы креще́нїю подоба́ющыа҃, и҃ и҃мена҄ и҃ мъ нарица́х҄ , коем҄ ждо полк҄ о҄ собь и҃ ма҃ є҆ди́но, и҃ три́жды погр҄ зи́тиса҃ и҃ мъ въ водѣ҃ вела́х҄ : са́ми же взыва́х҄ над҆ ни́ми, и҃ ма҃ сть҃ тр҄ ы по чи́н҄ креще́нїа҃ призыва́юще. И҆ та́кw креще́нъ бы́сть ве́сь наро́дъ кі́евскїй въ л҃то бытїа҃ ми́ра ѯсуч҃з, воплоще́нїа҃ же бг҃а сло́ва въ л҃то цн҃ѳ, во второ́е же по креще́нїи владимїровомъ. Смотра́ же сва҃ты́й влади́мїръ на креще́нїе толи́кагw наро́да, ра҄довашеса҃ д҄ хомъ, и҃ возве́дъ о҆́чи҄ къ небеси́, и҃ р҄це воздѣ҃въ, рече҄: гд҄ и бж҃е, сотвори́вый не́бо и҃ зе́млю, приз́ри на новокрещенныа҃ лю́ди твоа҃, и҃ да́ждь и҃ мъ и҃ стиннw позна́ти тебѐ бг҃а и҃ стиннаго, и҃ оу҃твердѝ и҃ хъ въ правосла́вной вѣ҃рѣ, и҃ мнѣ҃ помози҄ на ви́димыа҃ и҃ неви́димыа҃ врагѝ, и҃ просла́ви въ рwссі́йскихъ страна́хъ и҃ ма҃ твоѐ пресва҃то́е! По креще́нїи же наро́да, а҄ бїе влади́мїръ повел҃ сокр҄ шати і҄ дwлы, и҃ хра́мы і҄ дwльскїа҃ до wб҃нова́нїа҃ разора҃ти. Пе́рвѣйш і҄ дwла пер҄ на повел҃ прива҃за́ти къ коню҄ за хво́стъ, и҃ влещѝ съ горы҄ къ днѣпр҄ , и҃ приста́ви м҄ же́й двана́деса҃ть, да влеко́маго і҄ дwла па́лицами бїю́тъ: сїе́ же сотворѝ не҄ кw wщ҄ щати і҄ дwл҄ каков҄ ю болѣ҃знь, с҄ щ древа́н҄ , безд҄ шн҄ и҃ неч҄ вственн҄ , но да бо́льшее нанесе́тъ бѣ҃с безче́стїе, и҃ привле́кше ко бре́г҄ , ввергоша́ въ дн҃пръ, и҃ запове҃да, да нигдѣ҃же прип҄ ста́тъ і҄ дwла того҄ къ бре́г҄ , до́ндеже мине́тъ поро́ги, и҃ ж с҄ ть вни́зъ днѣпра҄. Нижее́ же поро́гwвъ приве́рже є҆го҄ вѣ҃тръ и҃ волна҄ под҆ є҆ди́н҄ го́р҄ вели́к҄ , же и҃ до ны́нѣ пер҄ нова́ рица́етс҃. И҆ вс҃и про́чїи і҄ дwли повел҃нїемъ вели́кагw кна́за҃ сокр҄ ше́ни, о҄ вїи въ во́д҄ , и҃ни́и же о҄ гнь ввержени бы́ша. Кі́евла҃не же, є҆ли́цы ба́х҄ без҄ мнїи, ті́и ви́да҃ще богwвъ дре́внихъ сокр҄ ше́нїе и҃ погибель, пла́ках҄ по ни́хъ и҃ рыда́х҄ , смы́сленнїи же глаго́лах҄ : раз҄ менъ є҄ сть кна́зь, и҃ бола́ре є҆гѡ҄ вѣ҃да́ть, кото́рый є҄ сть бг҃ъ л҄ чшїй: и҃ бо а҄ ще бы добры҄ бы́ли сі́и бо́зи, не бы́

повелѧли сокр шáти и хъ, ни и҃збрáли бы и҃ныѧ вѣры: л ́чшее и҃збрáша, х ́ждшее ѿри҃н ша.

VIII. По сокр шéиїи же і дwлwв, и҃ по разорéнїи і дwльскихъ храмwв повелѣ владúмїръ на тѣхъ мѣстѣхъ созидáти свтыѧ цéркви. Въ начáлѣ создà цéрковь стáгw спc̃а на томъ мѣстѣ, и҃дѣже бѣ і дwлъ пер ́нъ: та́же цéрковь во и мѧ свтáгw васúлїа велúкагw, понѐже [573]и҃ сáмъ въ крещéнїи свѧтóмъ васúлїй нарече́нъ бѣ, и҃ и҃ны́хъ церквéй мнóжество повсю́д оу҃строи́. Приложи́ же тща́нїе [574]и҃ w҃ оу҃чéнїи кни́жномъ: сынwвъ бо свои́хъ, а҃ при ни́хъ и҃ болѧ́рскихъ дѣте́й мно́жество повелѣ, оу҃чúти писа́нїю гре́ческом , и҃ глаго́льском (нарица́емом ны́нѣ pwссúйском), приста́вивъ и мъ оу҃чи́телей и҃ск ́сныхъ: є҃щѐ же и҃ простыхъ люде́й о҃трокẃвъ повелѣ взи́ма́ти во оу҃че́нїе кни́жное, ма́тери же без ́мныѧ пла́каx сѧ по дѣ́тѣхъ свои́хъ а ки по ме́ртвыхъ. Не то́чїю [575]же кúевъ, но и всю̀ держа́в свою̀ влади́мїръ свѣтомъ вѣры свѧтыѧ просвѣти́ти хотѧ̀, посла́ во всѧ̀ гра́ды pwссúйскїѧ крести́ти наро́ды, на нехотѧ́щыѧ же крести́тисѧ бо́льш ю да́нь оу҃ставлѧ́ше. И҃ живѧ́ше влади́мїръ бг҃о го́днw и҃ пра́веднw, премѣни́въ дре́внїѧ свои́ о҃бы́чаи, въ нече́стїи бы́вшыѧ. На всѧ́к ю же добродѣтель наставлѧ́емый бы́сть честно́ю с пр ́жницею свое́ю царе́вною а нною, съ не́юже по зако́н хрїстїа́ном живѧ́ше. Про́чыѧ же пре́жнїѧ своѧ̀ жены̀, же є́м ` пре́жде креще́нїѧ бы́ша, бога́тствы оу҃дово́ливъ ѿп стѝ.

Посе́мъ посла̀ влади́мїръ въ ца́рыградъ къ свѧтѣйшем патрїа́рх , въ т вре́мѧ наста́вшем се́ргию, молѧ̀ є҃го̀, да є҃щѐ по́слетъ къ нем а҃рхїере́и и҃ їере́и: поне́же жа́тва бѧ́ше мно́га, дѣлателей же ма́лw, мно́зи бо pwссúйстїи гра́ды тре́бовах просвѣще́нїѧ, люде́й же въ pwссúйскихъ къ д хо́вном чи́н оу҃до́бныхъ є҃щѐ не дово́льнw бѧ́ше: неда́внw бо въ ни́хъ кни́жное оу҃че́нїе нача́сѧ. Прислà оу бw свѧтѣйшїй патрїа́рхъ се́ргїй ѿ гре́кwвъ є҃пúскопа їwакúма херсо́нѧнина, и҃ и҃ны́ѧ є҃пúскопы, и҃ пресвѵ́терwвъ нема́лw. Пое́мши оу бо владúмїръ прише́дшыѧ къ нем ` є҃пúскопы, по́йде съ ни́ми в зе́млю славе́нск ю, въ стран ` залѣсск ю во о҃ бласть ростóвск ю и҃ с ́ждальск ю, и҃ поста́ви над҃ рѣко́ю клѧ́змою гра́дъ, и҃ нарече́ то́й пе́рвымъ свои́мъ и менемъ Влади́мїромъ, и҃ созда̀ въ не́мъ це́рковь преч тк бц ы҃, и҃ повелѣ крести́ти люде́й всю́д , и҃ це́ркви созида́ти, и҃ дадѐ и мъ є҃пúскопа. ѾТ д ше́дъ въ ростóвъ, созда̀ це́рковь древѧ́н , и҃ дадѐ є҃пúскопа: пото́мъ въ велúкїй но́вградъ прїи́де, и҃ посадѝ въ не́мъ їwакúма херсо́нѧнина а҃рхїепúскопомъ. То́й а҃рхїеп кпъ разр шѝ та́мw і дwла пер подо́бна бы́вша кúевском , и҃ повелѣ wцѣпúвше того̀ влещѝ въ рѣк ` во́лховъ, и҃ны́хъ же м же́й приста́вити влеко́ма і дwла па́лицами би́ти на

бо́льшее де́мwн по́р га́нїе. Лю́дїе же привле́кше є́го̀ бїе́ма на мо́стъ, ври́н ша въ рѣк ` во́лховъ, и᷾ а бїе погы́бе съ ш ́момъ. Влади́мїръ же сѧты́й и᷾ прẃчїѧ наро́читыѧ держа́вы своеѧ̀ гра́ды проше́дъ, и᷾ всю́д наро́ды крести́въ, и᷾ це́ркви созда́въ, є᷽пі́скопы же и᷾ пресвѵ́теры жи́ти оу᷾стро́ивъ, и᷾ мно́г ю по́льз все́й землѝ pwссі́йстѣй содг҃лавъ, возврати́сѧ въ кі́евъ сто́льный гра́дъ сво́й, и᷾ раздѣлѝ зе́млю pwссі́йск ю на двана́десѧть кнѧже́нїй, двана́десѧти сынẃмъ свои́мъ. Въ пе́рвыхъ старг҃йшаго сы́на своего̀ вышесла́ва посадѝ въ вели́комъ новг҃градѣ, и᷾зѧсла́ва въ по́лоцке, сваѧтопо́лка въ т ́ровѣ, и᷾ ѵ᷾росла́ва въ ростове́ѣ. Оу᷾ме́рш же вышесла́в въ вели́комъ новг҃градѣ, на мг҃сто є᷽гẁ преведѐ из᷾ ростова᷾ ѵ᷾росла́ва: а᷾ въ ростов҃г҃ посадѝ бори́са, глг҃ба же въ м ́ромѣ, сваѧтосла́ва въ древлѧнѣхъ, все́волода во влади́мїрѣ, мстисла́ва въ тм тороканѣ, станисла́ва въ смоле́нскѣ, брѧчисла́ва на волы́нѣ въ л ́цкѣ, с дисла́ва въ псково́ѣ. И᷾ заповг҃да и мъ крг҃пкw, є же жи́ти въ любвѝ и᷾ согла́сїи, и᷾ є же не wѵ́би́дѣти др ́га др ́га, ни прест па́ти предг҃лwвъ ком ́ждо wѵ́предѣле́нныхъ, но всѧком своегẁ кнѧже́нїѧ оу᷾дг҃ломъ дово́льствоватисѧ. Не мнг҃е же заповг҃да и᷾ сїѐ, да всѧкъ въ кнѧже́нїи свое́мъ оу᷾множа́етъ сла́в хр та̀ бг҃а, и᷾ и щетъ спасе́нїѧ д ́шъ челов҃ческихъ, нев҃рныѧ въ в҃р приводѧ̀, и᷾ цр҃кви созида́ѧ. Чесẁ ра́ди всѧком дадѐ є᷽пі́скопа же и᷾ пресвѵ́теры, и᷾ та́кw и хъ оу᷾стро́ивъ, и᷾ на кнѧже́нїѧ и хъ разосла́въ, са́мъ пребыва́ше въ кі́евѣ, оу᷾жѐ ста́ръ сы́й, и᷾ прилѣжа́ще дwѵ́брымъ дѣла́мъ, це́ркви и᷾ монастырѝ стро́ѧ и᷾ оу᷾краша́ѧ, и᷾ ми́лостыню неwск ́дн всг҃мъ подава́ѧ, и᷾ трапе́зы и᷾зѕ҃оби́льныѧ въ дворѣ́ свое́мъ ни́щихъ ра́ди ча́стw поставлѧ́ѧ. А и᷾ же бѧ́х нед ́жнїи, ни мог ́щїи дойтѝ до двора̀ кнѧ́жагw, тг҃мъ на воза́хъ всѧ́к ю пи́щ и᷾ пити́е посыла́ше. И᷾мѣѧше же ми́ръ и любо́вь съ о᷾кре́стными гос да́рствы, съ по́льскимъ, съ оу᷾ горскимъ и᷾ съ че́шскимъ, престо́авъ w̑ бра́ней: съ є᷽ди́ными то́кмw печенѣ́гами є᷽м ` ра́ть быва́ше, но побѣжда́ше (коже и᷾ дре́внїй кwнстанти́нъ) сопроти́вныѧ си́лою їи᷾̈съ хр то́вою. Посе́мъ приближа́шесѧ блаже́нное скончани́е сваѧто́м влади́мїр , но пе́рвѣе с пр ́га є᷽гẁ вели́каѧ кнѧги́нѧ а нна, царе́вна гре́ческаѧ, вино́вна бы́вшаѧ просвѣще́нїѧ всеѧ̀ землѝ pwссі́йскїѧ, и᷾ то́ль безчи́сленныхъ д ́шъ людски́хъ спасе́нїѧ, за трѝ лѣ́та пред᷾ є᷽гẁ конча́ниою престо́ависѧ ко гд .

И᷾ болѣ́въ влади́мїръ днѝ дово́льны, и᷾ всѧ̀ конча́нѣ хрїстїа́нстѣй подоба́ющаѧ соверши́въ, въ до́бромъ и᷾сповѣ́данїи предадѐ пра́ведн ю свою̀ д ́ш въ р ́це бж҃їи мѣ́сѧца ї᷾ лїа въ пѧтыйна́десѧть де́нь, въ лѣ́то бытїѧ̀ ми́ра ѧ҃sфк҃г (по и᷾счисле́нїю сваѧта́гw не́стора лѣтопи́сца пече́рскагw), воплоще́нїѧ же бг҃а сло́ва ѧ҃аєі. Та́кw скончаѧ́сѧ сваѧты́й вели́кїй кнѧ́зь

влади́мїръ, наречѐнный во сѧто́мъ крещѐнїи васи́лїй, пребы́въ на вели́комъ кнѧжѐнїи кі́евскомъ (прешѐдши и҃з҃ вели́каw нова́града) три́десѧть пѧ́ть лѣ́тъ, пред҃ крещѐнїемъ о҃ смь лѣ́тъ, по крещѐнїи два́десѧть се́дмь лѣ́тъ, и҃ нѣ́коликw мѣ́сѧцей, въ два́десѧть же о҃смо́е лѣ́то скончáсѧ. И҃ стеко́шасѧ всѝ кі́евлѧне и҃ о҃кре́стнїи къ честно́м є҆гѡ̀ тѣ́л , д хо́внїи и҃ мїрсти́и, пла́ч ще и҃ рыда́юще kw по о҃тцꙋ свое́мъ и҃ ходата́и спасѐнїѧ, и҃ сотвори́ є҆м̀ погребѐнїе сла́вное и҃ въ то́йже це́ркви созда́ннѣй ѿ негѡ̀ въ гро́бѣ мра́морнѣмъ положи́ша. Та́же и҃ па́мѧть є҆гѡ̀ пра́здновати оу҃ста́виша, kw сѧта́гw и҃ а҃по́столwмъ ра́внагw, всю̀ зе́млю рwссі́йск ю просвѣти́вшагw сты́мъ крещѐнїемъ. (Из Ч. М.).

2. Тропарь св. благоверн. вел. кн. Владимиру

Оу҃подо́бнлсѧ є҆сѝ к пц̀ , и щ щем до́брагw би́сера, славнодержа́вы влади́мїре, на высотꙋ стола̀ сѣдѧ̀ ма́тере градѡ́въ, богоспаса́емагw кі́ева, и҃спыт ѧ же и҃ посыла́ѧ къ ца́рском гра́д оу҃вꙋдѣти правосла́вн ю вꙋр wб҃рꙋлъ є҆сѝ безцꙋнный би́серъ, хрїста̀, и҃збра́вшаго тѧ̀ kw втора́го па́вла, ѿрѧ́сшаго слѣпот ́ во сѧтꙋй к пꙋли д ше́вн ю, вк ́пѣ и҃ тѣле́сн ю: тꙋмже пра́здн емъ твоѐ оу҃спе́нїе лю́дїе твои́ с ́ще, молѝ спасти́сѧ держа́вы твоеѧ̀ рwссі́йскїѧ нача́льникwмъ, хрїстолюби́вом їмпера́тор , и҃ мно́жеств владо́мыхъ.

3. Тропарь св. благоверному великому князю Александру Невскому

Позна́й свою̀ бра́тїю, Россїйскїй Ґо́сифе, не въ Е҆гу́птѣ, но на небесѝ ца́рств ющїй, благовꙋрный кня́же А҃ле҆ѯа́ндре, и҃ прїимѝ моле́нїѧ и хъ, оу҃множа́ѧ жи҃та лю́демъ плодоно́сїемъ землѝ твоеѧ̀, гра́ды влады́чествїѧ твоего̀ ѡ҃гражда́ѧ моле́нїемъ: и҃ насл҃дникwмъ твои҃мъ Бл҃говꙋрнымъ И҃МПЕРА́ТОРАМЪ на́шымъ на сопроти́вныѧ спобо́рств ѧ.

4. Тропарь святителю и чудотворцу Николаю

Пра́вило вꙋры и҃ о҃бразъ кро́тости, воздержа́нїѧ оу҃чи́телѧ ѣ҃вѝ тѧ̀ ста́д твоем ` же вещей и стина: сегѡ̀ ра́ди стѧжа́лъ є҆си́ смире́нїемъ высѡ́каѧ, нището́ю бога҃таѧ, о҃ чт҃е свѧщеннонача́льнnче Нїко́лае, молѝ Хр҃та Бг҃а, спасти́сѧ д ша́мъ на́шымъ! 576

5. Тропарь свв. Мефодию и Кириллу – 11 мая

kw а҃п толwвъ є҆динонра́внїи и҃ слове́нскихъ стра́нъ оу҃чи́телїе, Кѵ̀рі́ Меѳо́дїе Бг҃ом ́дрїи, Вл к всꙋхъ молите, всѧ̀ ѣ҃зы́ки слове́нскїѧ оу҃тверди́ въ правосла́вїи и҃ є҆диномы́слїи, оу҃ми́рити ми́ръ, и҃ спастѝ д ́шы на́ша.

6. Тропарь трем святителям (Василию В., Григорию Богослову и Иоанну Златоусту) (30 Января)

ко а҃п лwвъ є҆динонра́внїи, и҃ вселе́нныѧ оу҃чи́телїе, Вл к всꙋхъ м ми́ръ вселе́нной дарова́ти, и҃ д ша́мъ на́шымъ вѣ́лїю ми́лость.

7. Тропарь преподобному

Въ тебѣ, о че, и҃звѣстно сплсе́сѧ є же по о браз : прїи́мъ бо кр тъ послѣ҃довалъ є҆сѝ Хр ст `, и҆ дѣ҃ѧ оу҆чи́лъ є҆сѝ, презира́ти оу҆ бw плоти, прехо́дитъ бо, прилѣжа̀ти же w҆ д шѝ ве́щи безсме́ртнѣй. Тѣ҃мже и҆ со а гг҃лы сра́д етсѧ, прп ҆бне (и мѧ ре́къ) д ҆хъ тво́й.

8. Тропарь мученику

Мч҃нкъ тво́й, Гд и, (и мѧ ре́къ) во страда́нїи свое́мъ вѣне́цъ прїѧ́тъ нетлѣ҃нный w҃ Тебѣ̀ Бг҃а на́шего: и҆мѣ҃ѧй бо кр҃пость твою̀, м ҆чителей низложѝ, сокр шѝ и҆ де́мwнwвъ немощны́ѧ де́рзwсти: того̀ мл҃твами спасѝ д ҆шы на́шѧ.

9. Тропарь св. великомученику Пантелеймону

Страстоте́рпче сты́й и҆ цѣле́бниче Пантелїи́мwне, молѝ милости́ваго Бг҃а, да прегрѣше́нїй w҆ставле́нїе по́дастъ д шама́ъ на́шымъ.

Приложение. Письменные упражнения

*Задача 1.*По прочтении рассказа: «Максим Иванов» (стр. 1) закрыть книгу и написать в тетрадь, что осталось у вас в памяти оъ этого рассказа, стараясь по возможности передавать рассказ словами книги. [577]

Задача 2. То же сделать с рассказом: «Смерть и похороны Черного» (стр. 3).

Задача 3. То же сделать с рассказом: «Федор Коробейник» (стр. 7).

*Задача 4.*То же сделать с рассказом: «Капитан Бопп» (стр. 10).

Задача 5. То же сделать с рассказом: «Злой челов'ек"(стр. 19).

*Задача 6.*То же сделать с рассказом: «Прохожий» (стр. 24).

*Задача 7.*По прочтении басни: «Мельник» (стр. 50), изложить письменно содержание этой басни возможно короче. [578]

*Задача 8.*То же сделать с басней: «Крестьянин в б'ед'е"(стр. 51).

*Задача 9.*То же сделать с басней: «Лжец» (стр. 51).

*Задача 10.*То же сделать с басней: «Пушки и паруса» (стр. 53).

*Задача 11.*То же сделать с басней: «Щука и кот» (стр. 54).

*Задача 12.*То же сделать с басней: «Гуси"(стр. 55).

*Задача 13.*То же сделать с басней: «Орел и крот» (стр. 55).

*Задача 14.*Тоже сделать с басней: «Роща и огонь» (стр. 56).

Задача 15. То же сделать с басней: «Гребень» (стр. 57).

Задача 16. По прочтении статьи: «Комната Плюшкина"(стр. 18) опишите классную комнату вашего училища, отвечая письменно на следующие вопросы: 1. В котором этаже (верхнем, нижнем или среднем) училищного здания находится ваш класс? 2. Куда выходит окнами? 3. Какая его величина в длину, ширину и высоту? 4. Чем украшены стены (первая, вторая, третья и четвертая) и класс потолка? 5. Сколько в нем окон, дверей и печей? 6. Какая в комнате мебель? 7. К каким комнатам примыкает ваш класс?

*Задача 17.*Опишите ваш дом, отвечая письменно на следующие вопросы: 1. Где он находится? 2. Каков ваш дом снаружи? 3. Из чего он сделан? 4. Какое внутреннее расположение в нем комнат? б. Каковы его преимущества или недостатки сравнительно с другими соседними домами? 6. Кто его строил?

Задача 18. Но прочтении статей: Киево-Печерская лавра и Троице-Сергиева лавра (см стр. 240 и 253), опишите вашу церковь, отвечая письменно на следующие вопросы: 1. Какова местность, где построена церковь? 2. Какая церковь – деревянная или каменная? 3. Какой наружный

вид ее? 4. Какая высота, ширина и длина ее? 5. Что видите вы внутри вашей церкви (т.е. алтари, иконостасы, иконы, хоругви, стенная живопись, пол, хоры, утварь, облачения и т.д.). 6. В честь кого она построена? 7. Кем и когда она построена? 8. Какова колокольня храма? 9. Сколько колоколов и каков их вес? 10. Каков вид с колокольни? 11. Усердно ли она посещается богомольцами? 12. Приятно ли у вас бывает на душе, когда вы стоите за службой в своем храме? 13. Какое чтение и пение в нем?

*Задача 19.*По прочтении статьи: «Мак» (стр. 89) опишите рожь.

*Задача 20.*По прочтении статьи: «Журавль» (стр. 102) опишите гуся по следующему плану (т.е. порядку): 1. Описание главных членов его тела. 2. Его крик и шипение. 3. Его польза.

Задача 21. Составьте описание петуха.

*Задача 22.*Составьте описание голубя.

Задача 23. По прочтении статьи: «Ерш» (стр. 104) опишите щуку.

Задача 24. По прочтении статьи: «Конь и верблюд» (стр. 109) напишите сравнение коровы с лошадью.

Задача 25. Напишите сравнение овцы с козой.

Задача 26. Напишите сравнение ели с березой.

*Задача 27.*Напишите сравнение осени с весной.

*Задача 28.*Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Тише едешь – дальше будешь».

Задача 29. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Терпение и труд все перетрут».

*Задача 30.*Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Кто родителей почитает, тот во век не погибает».

Задача 31. Придумайте и напишите рассказ на пословицу. «Азбука к мудрости ступенька».

Задача 32. Придумайте и напишите рассказ на пословицу. «Ученье свет, а неученье тьма».

*Задача 33.*Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Учись доброму, так худое на ум не пойдет».

Задача 34. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто».

Задача 35. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Кто сирых питает, того Бог не забывает».

Задача 36. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Не рой другому ямы: сам в нее попадешь».

Задача 37. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «С Богом хоть за море, а без Бога ни до порога».

Задача 38. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Задача 39. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Родимая сторона – мать, чужая – мачеха».

Задача 40. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «Как ни путай, а Божья воля все распутает».

Задача 41. Придумайте и напишите рассказ на пословицу: «За Богом молитва, а за царем служба не пропадают».

*Задача 42.*Напишите письмо к брату, который лежит в городской больнице. [579]

*Задача 43.*Напишите письмо к отцу, которого поздравьте с праздником Рождества Христова и поблагодарите его за все его заботы о вас.

*Задача 44.*Напишите письмо к матери, в котором поздравьте ее с днем ее ангела и поблагодарите за присланные гостинцы.

Задача 45. Напишите письмо своему другу, который, поступив на фабрику и сдружившись с дурными товарищами, предался пьянству. Посоветуйте ему во имя дружбы и вечного спасения души его отстать от его гибельной страсти.

1. Письмо гимназиста к родным

Дражайшая бабушка!

Извините меня, что я долго не писал к Вам, дражайшая бабушка. Покорно Вас благодарю, что Вы прислали мне гостинец. От всего сердца желаю Вам благополучия и долголетней жизни, при чем остаюсь

Ваш покорный внук

Полтава Н.Гоголь.

Полтава

1820 г.

2. Письмо Александра Васильевича Суворова к отцу

Любезный батюшка!

Я здоров, служу и учусь.

Александр Суворов.

3. Письмо сестры к брату

Милый и дорогой брат!

День и ночь мучусь я мыслью, что ты страдаешь, и так бы полетала, чтобы излить в твою душу все то горячее участие к тебе, которым так полна душа моя. Не могу примириться с мыслью, что болезнь твоя неизлечимая; а если уж так решено, то все-таки молю Господа, чтобы продлил твою жизнь и послал тебе свои божественные утешения.

Обнимаю тебя и призываю на тебя небесную благость. Да исцелит тебя милосердный Бог, для Которого все возможно.

Сестра твоя Юлия (Жадовская).

Конец

Примечания

[1] - Примеч. для учителя .Само собой разумеется, что учитель перед чтением выясняет ученику, что называется учебной принадлежностью, что называется пищей, напитком, земледельческим орудием и т.д.

[2] - Примеч. Здесь помещены басни, сказки и легенды – как такие произведения, которые по своей форме и содержанию весьма удобны для детей самого младшего возраста, не требуя от них почти никакого умственного напряжения.

[3] - Вместо: воротами.

[4] - Кичка (кика) – головной женский убор.

[5] - Легенда – народное мало достоверное предание о каком-либо чудесном событий.

[6] - Посконь – конопля.

[7] - Знатный – знаменитый, славный, важный.

[8] - Удовольствие – чувство радости, приятности.

[9] - Пряность – то, чем приправляют пищу: перец, корица, лук, горчица и т.п.

[10] - Стяжать – приобрести.

[11] - Дюжина – 12 однородных предметов, напр. дюжина ложек. Полдюжина, следовательно, равняется шести.

[12] - Партия детей – толпа детей.

[13] - Кузовок – корзинка.

[14] - Т.е. снег.

[15] - Глыбочки или глыбы – комья земли.

[16] - Куцый – короткохвостый или бесхвостый.

[17] - Мгла – туман.

[18] - Форма – наружный вид предметов.

[19] - Масса – толща, значительная груда веществ.

[20] - Валек – деревянное орудие с рукояткой, которым колотят белье при полоскании.

[21] - Быт. 1-я.

[22] - Борть – дупло дерева в лесу, в котором поселился рой пчел.

[23] - Рать – воинство, брань, сеча.

[24] - Острог – укрепление из заостренных сверху бревен, плотно одно

подле другого, стоймя вкопанных в землю.

[25] - Заразиться прежде значило «убиться».

[26] - Урядить – приводить в порядок, снарядить.

[27] - Полон – плен.

[28] - Стенобитные орудия.

[29] - Примет – лес и др. зажигательные вещества, которые во время осады прикидывали к строениям для зажжения их.

[30] - Живот – жизнь.

[31] - Т.е. приступом.

[32] - Батый – племянник татарского хана Октая, с 300.000 воинов вторгнувшийся в Россию.

[33] - Дмитрий – боярин, которому была поручена столица.

[34] - Могольскими – татарскими: татары иначе – моголы или монголы.

[35] - Дебри – рощи и леса.

[36] - Бренный – слабый, легко разрушаемый.

[37] - Вежи – палатки.

[38] - Лукоморье – морской излучистый берег.

[39] - Патриотический – вытекающий из любви к родной земле. Патриотизм – любовь к родине, отечеству.

[40] - Эскадрон – отряд конницы.

[41] - Драгун – конный воин, который может сражаться на коне и пеший.

[42] - Знатный – знаменитый, известный, важный.

[43] - Язычник – идолопоклонник, не знающий истинного Бога.

[44] - Скитаться – бродить, переходить с места на место, странствовать.

[45] - Легион – отряд римского войска в 6.000 человек.

[46] - Выя – шея.

[47] - Инок – монах, отшельник, подвижник.

[48] - Папа – епископ, архиерей города Рима.

[49] - Святой мученик Варлаам, уроженец Антиохии Сирийской, жил в царствование Диоклетиана. Память его ноября в 10 день.

[50] - Псал. 143:1.

[51] - Десница – правая рука.

[52] - Авва – отец, старший инок, настоятель монастыря.

[53] - См. Пролог на 21 июля.

[54] - По другому преданию: зажглась не лампада, а свеча, во время молебна, который митрополит служил всенародно в соборе перед своим отъездом.

[55] - Ярлык – ханская грамота, указ.

[56] - Изящная – красивая, прекрасна сделанная.

[57] - Сонм – собор.

[58] - Зиждется – строится.

[59] - Мириада – неисчислимое множество.

[60] - Дух.

[61] - Сущий.

[62] - Нас.

[63] - Теперь.

[64] - Всегда.

[65] - Который.

[66] - Неожиданно.

[67] - Откроются.

[68] - Въ нечаѧнїи – в беспечности.

[69] - Во єже оутреневати – чтобы я встретил утро.

[70] - Держа́ва – сила.

[71] - Доспѣти – достигнуть.

[72] - Прейтѝ въ ми́рѣ – провести, мирно благополучно.

[73] - Живота̀ – жизни.

[74] - Попер – покорю.

[75] - Благослове́на – прославленна, удостоена милостей Божьих.

[76] - Пло́дъ Чре́ва – младенец (здесь разумеется Иисус Христос).

[77] - kw – потому что.

[78] - Спа́съ – Спаситель.

[79] - Блажи́ти – ублажать, прославлять.

[80] - на сопроти́вныѧ – на врагов.

[81] - бл҃говре́менїи – в надлежащее время.

[82] - Ра́звѣ – кроме.

[83] - Е҆ли҆ка – который, сколький.

[84] - Вс ́е – напрасно.

[85] - Послшествовать – свидетельствовать.

[86] - Блаженъ – счастлив.

[87] - Мзда̀ – награда.

[88] - На́съ ра́ди – за нас.

[89] - За ны̀ – за нас.

[90] - Ча́ю – ожидаю.

[91] - То́чїю – только.

[92] - Издше – пал.

[93] - Течѐ – пошел.

[94] - Речѐ – сказал.

[95] - Вельмѝ – очень.

[96] - Сп ́дъ – мера зернистого хлеба.

[97] - Па́ки – опять, снова.

[98] - Отай – тайно.

[99] - Понѐ – по крайней мере, хотя.

[100] - Заметка для учителя.Само собой разумеется, что учитель объясняет детям всякую задачу, показывает ее требования, прежде нежели предложить ее детям для исполнения.

[101] - Заметка для учителя.Впоследствии ученику нужно будет дополнить это правило так: слог, состоящий из одной буквы, нельзя ни оставлять, ни переносить на другую сторону.

[102] - З аметка для учителя. После выписки каждой пары предложений ученик пусть и расставляет ударения. Этим способом механическое списывание будет одновременно оживляться умственным упражнением.

[103] - Заметка для учителя.Цель всех изложенных до сих пор задач состоит в том, чтобы постепенно приучить зрение детей к внимательному наблюдению за каждой буквой списываемого слова и слух их к отчетливому различению звуков диктуемого слова, без чего дальнейшие письменные работы не могут совершаться надлежащими образом.

[104] - Заметка для учителя. Эта задача, как и некоторые другие значительные по объему, исполняется не в один, а в несколько приемов – смотря по летам и развитию детей.

[105] - Заметка для учителя. Здесь выбраны такие примеры, относительно которых существует правило: пиши каждое слово так, как оно произносится. Детям нужно только напомнить, что всякая речь начинается с прописной буквы, а в конце ее нужно ставить точку. К этому нужно добавить, что каждое слово нужно писать отдельно.

[106] - Здесь же, хотя под строкой, не излишне сказать, что басни нами отнесены к первому отделу (человек), потому что, хотя в них выведены животные, но всякому известно, что под ними и их речами нужно разуметь человека, его заблуждения, недостатки и пороки. – Пословицы же о животных отнесли к отделу: мир Божий (где между прочим говорится о животных) единственно потому, что в них речь только о животных , а отнюдь не о человеке.

[107] - Удельные имения – царского дома, не помещичьи.

[108] - Погодки – один старше другого на год.

[109] - Подушное – подать с души, т.е. с человека.

[110] - Сваты и сватьи – родственники и родственницы жениха.

[111] - Бюро – род комода, с открывающимся столом и ящиками.

[112] - Ассигнации – бумажные деньги.

[113] - Низовой житель – житель города, лежащего по Волге ниже Симбирска.

[114] - Символ – знак, образ, выражение.

[115] - Дежурный адъютант московского военного генерал-губернатора, гвардии штабс–ротмистр, князь Абамелек.

[116] - Московского военного генерал-губернатора.

[117] - Аллегория–иносказание, т.е. рассказ, в котором под видом одних предметов и лиц нужно понимать другие предметы и лица.

[118] - Стольник – придворный чиновник, имевший смотрение за царским столом.

[119] - Бранный – военный.

[120] - Бой – битва, сражение.

[121] - К – Г. г. Казань.

[122] - Кафтан – верхняя одежда, в роде сюртука, которую носили в прошлом столетии.

[123] - Камзол – платье без рукавов, которое носили под кафтаном, как теперь жилеты.

[124] - «Аврора» латинское слово – утренняя заря. «Любимцем и певцом авроры» соловей здесь назван потому, что он обыкновенно поет на заре.

[125] - То-есть: такой человек может оговорить невинных лиц в краже, чем конечно, тяжко согрешить.

[126] - Бирюза – драгоценный камень светло-голубого цвета.

[127] - Опал – драгоценный камень молочно-белого цвета.

[128] - Зодчий – строитель.

[129] - Зардеть – покраснеть, покрыться румянцем.

[130] - Лазурь – светло-синий цвет.

[131] - Вешний – весенний.

[132] - Утро года – весна.

[133] - Келья восковая – ячейка, куда пчелы кладут мед.

[134] - Апреля 23-е.

[135] - Красная горка – народное название понедельника Фоминой недели. Радуница – вторник Фоминой недели.

[136] - Поэт, конечно, сам не верит в домового, говорит же о нем в насмешку, применяясь к поверью простого народа.

[137] - Старый слуга.

[138] - Псал.91:13–14;

[139] - Пс.LXI

[140] - 1Кор.15:54–55 .

[141] - Караваны гусей – длинные вереницы или большая стая гусей.

[142] - Ликовать – радоваться.

[143] - Щедрый – милостивый, охотно делающий добро.

[144] - Т.е. чрезвычайно много.

[145] - Т.е. собирать грузди.

[146] - Бирка – палочка, на которой зарубками обозначается счет вещей.

[147] - Поярок – шерсть, снятая с ярки (т.е. молодого барана).

[148] - Караван – длинная стая птиц.

[149] - Зефир – тихий летний ветерок.

[150] - Климат – воздух сухой, сырой, теплый, умеренный.

[151] - Траурный – печальный.

[152] - Денница – утренняя заря.

[153] - Тлетворный – вредный, губительный.

[154] - Лилия – луковичное растение, цветок.

[155] - Откровенный – истинный, прямодушный, чистосердечный.

[156] - Благодать – помощь свыше, милость, обилие.

[157] - Дарования – способности, уменье.

[158] - Куща – то же, что сень, палатка; здесь нелепой кущей названа листва дерева.

[159] - Вьюки – так называются кожаные или холщовые мешки, которые

перекидывают через спину вьючного животного (лошади, осла, верблюда) так, чтобы с обеих сторон тяжесть была равна.

[160] - Лукой называется изогнутая передняя часть седла.

[161] - Фарис – наездник.

[162] - Махровый – раскидистый, роскошный.

[163] - Пальмы здесь названы питомцами столетий потому, что они росли несколько сот лет.

[164] - Урочный – положенный, заранее назначенный.

[165] - Сага – древнее народное сказание.

[166] - Колоссальный – большой, величественный.

[167] - Канитель – верхняя часть столба, колонны.

[168] - Эмблема – знак.

[169] - Грациозно – прекрасно.

[170] - Во Мценском (Орл. г.), Чернском и Белевском (Тульск. г.) уездах.

[171] - Минералами называются металлы (т.е. золото, серебро, железо и т.п.), глины, драгоценные и простые камни.

[172] - Масса – значительная груда веществ, толща .

[173] - Шахта – углубления в земле для добывания камня, руды и т.п.

[174] - Бытие – жизнь.

[175] - Океан – большое море.

[176] - Ландшафт – картина природы, сельский вид.

[177] - Это значит – мы ее подчинили твоей власти.

[178] - Атаман – предводитель, начальник казаков.

[179] - Струг – плоскодонное гребное судно.

[180] - Слыть – прослыть – быть у людей в добром или дурном мнении.

[181] - Т.е. к 15 числу Августа месяца.

[182] - Т.е. власть какого царя признают?

[183] - Собрал круг – собрал казаков для совета.

[184] - Т.е. просить о чем-нибудь, кланяться до земли.

[185] - Крамола – мятеж, смута.

[186] - Самозванцу Лжедимитрию, Василию Ивановичу Шуйскому и наконец польскому королевичу Владиславу.

[187] - Сарматы – поляки.

[188] - Вотще – напрасно.

[189] - Изящество – любовь к прекрасному, благородному.

[190] - Форт – отдельное укрепление для обороны.

[191] - Воскликнуть – говорить громко, кричать, вскрикивать.

[192] - Мановение – знак рукой, головой или глазами, в виде приказания.

[193] - Изменить – нарушить верность, перейти к противнику.

[194] - Непоколебимый – твердый, стойкий.

[195] - Преданность – приверженность, верность, искренняя любовь.

[196] - Сион – св. гора в Иерусалиме, на которой был построен храм Соломонов. Здесь – небо.

[197] - Былинка – маленькая травка.

[198] - Карниз – стенное украшение под потолком.

[199] - Руина – старое, развалившееся здание.

[200] - Философ – любитель мудрости.

[201] - Сенатор – член сената, высшего правительственного места.

[202] - Епархия – область (губерния), духовные дела которой находятся под управлением архиерея.

[203] - Ариане – еретики, нечестиво и ложно учившие о Сыне Божьем.

[204] - К Римл.13:1,2.

[205] - Мумия – труп человека, сохранившими целым в продолжение нескольких веков. Это зависело от тех мазей и порошков, которыми намазывали и посыпали тело покойника.

[206] - Эфир – тончайшее вещество (воздух), который, по мнению ученых, наполняет собой все небесное пространство.

[207] - Мириада – неисчислимое множество.

[208] - Изящное – прекрасное.

[209] - Эконом – смотритель за хозяйством монастыря.

[210] - Руфин. Жит. отцев. Кн. 3:158.

[211] - Достопам. сказ. о подвижн. – Москва, 1846 стр. 114.

[212] - Я не христианка

[213] - Гра́дъ – город.

[214] - Живѧ́ше – жил.

[215] - Бы́сть – была.

[216] - Ча́до – дитя.

[217] - Занѐ – потому что.

[218] - Моли́ста – молились.

[219] - Ве́лїю – великую.
[220] - Дще́рь – дочь.
[221] - же – которая.
[222] - Послѣдѝ – впоследствии.
[223] - Є́же – которое.
[224] - же бы́сть – которая была.
[225] - Лѣта – года.
[226] - Ѻтроковѝца– девочка.
[227] - Дще́рь – дочь.
[228] - Ѻбле́кшеѧ – одев ее.
[229] - Велелѣ́пнw – величественно, торжественно.
[230] - Є́мже – которому.
[231] - Цѣлова́нїе – приветствие.
[232] - Речѐ – сказал.
[233] - Ве́лїй – велик.
[234] - Ѝдѣ́же – когда.
[235] - Тѣ́мже – поэтому.
[236] - ѺТѝде – отошел.
[237] - Написа́ти всю̀ вселе́нн ю – сделать перепись по всей земле.
[238] - Владѧ́щ Сѷ̀рїею Кѷ̀ринѝю – в правление Квириния Сириею.
[239] - Ко́ждо – каждый.
[240] - Нарица́етсѧ – называется.
[241] - Зане́ бы́ти є́м – потому что он был.
[242] - Ѻте́чества – рода.
[243] - Є́гда̀ бы́ша та́мw – когда были там.
[244] - Повѝтъ Е го̀ – спеленала его.
[245] - Бдѧ́ще – не спя и содержа ночную стражу.
[246] - Сѐ – вот.
[247] - Ста̀ въ ни́хъ – стал среди них.
[248] - Бо – ибо, потому что.
[249] - же – которая.
[250] - Зна́менїе – знак.
[251] - ѺБрѧ́щете – найдете.
[252] - Внеза́п – внезапно, вдруг.

253 - Множество вѡ́й – многочисленное воинство.
254 - Бѣ – был.
255 - Ча́ѧ – ожидая.
256 - Пре́жде да́же – доколе.
257 - Є҆гда̀ введо́ста – когда ввели.
258 - То́й прїе́мъ – он взял.
259 - По глаго́л – по слову.
260 - Во ѿкрове́нїе – ко просвещению.
261 - А бїе – тотчас.
262 - Разводѧ́щасѧ – разверзающаяся.
263 - На́нь – на Него.
264 - Не́мже – о Котором.
265 - Поѧ́тъ – взял.
266 - Ри́зы – одежды.
267 - ви́стасѧ – явились.
268 - Здѣ̀ – здесь.
269 - Аще – если.
270 - Сѣ́ни – тени, кущи.
271 - Е҆щѐ же є҆м ` глаго́лющ – когда он еще говорил.
272 - Падо́ша ни́цы – пали на лица.
273 - Sѣлѡ̀ – очень.
274 - То́кмѡ – только.
275 - Ве́сь – село.
276 - Ѳ҃Ѻрѣши́вша – отвязав.
277 - Є҆ю̀ – их.
278 - Ѧ – их.
279 - Всл҃дств ющїи – сопровождающие.
280 - Зва́х , глаго́люще – восклицали, говоря.
281 - О҆са́нна – благословение.
282 - И҆ вше́дш Е҆м ` – когда он вошел.
283 - Въ ве́черъ же с ббѡ́тный – по прошествии субботы.
284 - Свѣта́ющи во є҆ди́н ѿ с ббѡ́тъ – на рассвете первого дня недели.
285 - Трсъ – землетрясение.
286 - Зра́къ – вид.

287 - Вѣ́мъ бо – ибо я знаю.
288 - Рцы́те – скажите.
289 - Варѧ́етъ вы̀ – предваряет вас.
290 - Тео́стѣ – побежали.
291 - Е҆гда – когда.
292 - стѣсѧ – ухватились.
293 - Т – там.
294 - Во́нъ до Виѳа́нїи – вон из города (Иерусалима) до Вифании.
295 - Воздви́гъ р цѣ – поднял руки.
296 - Та́кожде – также.
297 - И мже ѻбразомъ – каким.
298 - Вы́н – всегда.
299 - Вк ́пѣ – вместе.
300 - kw иоси́м дыха́нїю б́рн – как во время сильного ветра.
301 - Бѧ́х сѣдѧ́ще – они сидели.
302 - На є҆дно́мъ ко̀емждо – на наждом из них.
303 - Благоговѣ́йнїи – именитые.
304 - ҆зы́ки – народ.
305 - Смѧте́сѧ – взволновался, встревожился.
306 - Въ со́нмѣ – с множеством.
307 - Прїѧ̀– принял.
308 - Ѻдръ – постеля.
309 - Ве́сь – селения, деревня.
310 - Тре́мъ дне́мъ мин вшымъ – по прошествии трех дней.
311 - Не ѡ҆бр҃тесѧ – не оказалось.
312 - При́снw – всегда.
313 - На не́мже – на котором.
314 - Пло́тїю – телом.
315 - Ѻ҆бр҃тенъ бы́сть – найден был.
316 - Воспрїѧ̀ – принял.
317 - Си́рѣчь – то есть.
318 - Сегѡ̀ ра́ди – поэтому.
319 - Нарече́сѧ – назван был.
320 - М ѧ̀– меня.

321 - Щедро́та – милость.

322 - Наипа́че – более всего.

323 - Азъ – я.

324 - Вы́н – всегда.

325 - kw да w҃правди́шисѧ... с ди́ти – так что ты праведен в приговоре твоем и чист в суде твоем

326 - V҃ссѡ́пъ – трава, употреблявшаяся у евреев для кропления жертвенной кровью.

327 - Па́че – лучше, более.

328 - Во оу҃тро́бѣ мое́й – внутри меня.

329 - Оу҃блажѝ – облагодетельствуй.

330 - Плещма̀, плещѝ – плечи, рамена.

331 - Сра́щъ – нападение; зараза.

332 - Полденный – бывающий в полдень. Бѫ съ пол ́денный – в рус. пер. зараза, опустошающая в полдень; с греч. языка – бешенство, бываемое в полдень от палящих лучей солнца.

333 - О҃ба́че – впрочем, однако.

334 - А спїдъ и҃ василі́скъ – ядовитые змеи.

335 - Заметка для учителя.Здесь помещены такие упражнения, которые по исполнении их могут дать ученику значительный навык писать настолько правильно, насколько этого возможно достигнуть в течение второго учебного года. Во всяком случае ученик, решив приложенные здесь грамматические задачки, будет в состоянии избегать самых грубых, наичаще встречающихся ошибок, и вместе с тем получить возможность к более успешному исполнению письменных упражнений в связи с книгой для чтения.

336 - Заметка для учителя.Если ученики на уроках рус. грам. ознакомились уже с понятием корня и производного слова, то после этих упражнений им можно предложить правило: если в корне слова пишется ѣ , то и во всех производных словах удерживается эта буква.

337 - Заметка для учителя.По образцу предложенныхздесь письменных задач – изложить содержание статьи по вопросам, списать какое-либо место статьи, ответить на какой-либо вопрос по прочтении статьи или поставить к ней вопросы – учитель сам может составить неограниченное число задач.

338 - Для каковой цели было между прочим назначено «Д. Сл.» в

первом своем издании.

[339] - Капитан – начальник корабля.

[340] - Экипаж – служащие на корабле.

[341] - Штурман – помощник капитана.

[342] - Каюта – место на корабле, назначенное для жительства офицеров.

[343] - Бюро – шкаф для бумаг с выдвижным столом.

[344] - Антресоли – верхний полуэтаж дома.

[345] - Компатриотка – соотечественница, землячка.

[346] - Мозаика – изображения, составленные из отдельных, цветных камешков или стеклышек, подбираемых по оттенкам, на основании известного рисунка.

[347] - Пресс – машина, составленная из двух плоскостей и винтов, которые их сближают и служат к тому, чтобы пригнетать, сплющивать, сдавливать предметы.

[348] - Гравюр – картина.

[349] - Аул – деревня.

[350] - Кушетка – мебель для лежания.

[351] - Пассажир – путешественник, едущий сухим путем или водой.

[352] - Гавань – безопасное место у берега для корабля.

[353] - Руль – снаряд, посредством которого корабль приводится в нужное направление.

[354] - Трюмом называется нижняя часть корабля; в нем хранятся припасы и разные вещи.

[355] - Борт – бок корабля.

[356] - Гигант – великан.

[357] - Пост – должность, служба.

[358] - Результат – следствие.

[359] - Пропорционально – соразмерно.

[360] - Характер – дух, нрав, отличительное свойство души.

[361] - Атмосфера – воздух, окружающий землю. Здесь – все внешние условия жизни человека.

[362] - Физический – телесный.

[363] - Практика – жизнь, дело.

[364] - Адъютант – офицер при генерале, принимающий его приказания

для сообщения по принадлежности.

[365] - Фраза – оборот речи, выражение, слова.

[366] - Проект – предположение.

[367] - Ферма – хутор, имение.

[368] - Магический – волшебный, необыкновенный.

[369] - Комфорт – удобства жизни.

[370] - Аполлон – языческий бог, мнимый покровитель литературы, поэзии, художеств. Первые два стиха можно передать так: пока на поэта не нашло священное вдохновение.

[371] - Лира – музыкальный инструмент, здесь – дар поэтического вдохновения и словесного его проявления.

[372] - Это стихотворение, как и всякое, в котором выражается грустное чувство, относится к разряду элегии.

[373] - Симпатичный – сострадательный, сочувственный.

[374] - Бытие – жизнь, существование.

[375] - Это стихотворение, как и следующее за ним, относятся к разряду художественных песней.

[376] - Рим – главный город в Италии.

[377] - Журналист – чиновник, занимающийся письмоводством.

[378] - Порт – окно в стене корабля.

[379] - Гоголь – нестись гоголем – нестись спесиво, гордо.

[380] - Борей – северный холодный ветер.

[381] - Рок – судьба, в которую верили язычники.

[382] - Наяды – мнимые богини рек и ручьев у язычников.

[383] - Сутки, как известно, имеют 24 часа,; каждый час = 60 минутам, каждая минута = 60 секундам.

[384] - В каждом вращающемся теле будет ряд точек, находящихся в покое; эти точки составят прямую линию, которая и есть ось вращения; концы оси называются полюсами. Телом называется всякий чувственный предмет: вода, воздух, земля, камень и т.п.

[385] - Может быть кто-либо спросит: почему же солнце не совсем дотягивает к себе землю, почему земля не пристанет к солнцу, как иголка к магниту? А потому что почему не падает на руку камень, привязанный к нитке, за которую тянешь его к себе, ворочая его около руки. Если бы земля не двигалась около солнца, она прильнула к солнцу, как бумажка к сургучу, как кончик к магниту, как ноги человека к земле, да, может быть,

прильнувши и сгорела бы совсем.

[386] - Биллион равен тысяче миллионов.

[387] - Эта дуга называется также млечный путь.

[388] - От каждого предмета свет отражается в ваш глаз, потому только мы и видим.

[389] - Значит от его движения около земли и от того, что месяц тело темное и только освещается солнцем.

[390] - От первой четверти до полного месяца проходит почти неделя.

[391] - Через семь дней увидим опять четверть; это последняя четверть. Продолжается убыль – опять достигнет серпа – и затем месяц опять сделается невидим (новолуние).

[392] - Телом называется все, что занимает какое-нибудь пространство, (т.е. место) напр. песчинка, камень, дерево, воздух, человек и т.д.

[393] - Металлический сосуд – сосуд (посуда), сделанный из металла – железа, олова, меди, серебра, золота и т.п. металлов.

[394] - Высокий четырехугольный каменный столб из цельного камня.

[395] - 1 центнер равняется 100 пудам.

[396] - Это стихотворение может служить образцом оды, где изображаются высокие чувства и мысли о Боге, отечестве и т.п. возвышенных предметах.

[397] - Рок – слепая судьба, в которую верили язычники.

[398] - Это стихотворение может служить образцом баллады, в которой изображается какое-либо народное суеверие или предание.

[399] - Лоно – недро, грудь; ночное блаженство.

[400] - Заметка для учителя.При чтении этой статьи, как и всех подобных ей, учитель прекрасно сделает, если покажет детям самый предмет, напр. в данном случае засушенное растение мака.

[401] - Валторна – музыкальный духовой инструмент, называемый лесным охотничьим рогом.

[402] - Зычный – издающий громкий крик.

[403] - Эластический – упругий, растяжимый.

[404] - Тал – особое растение.

[405] - Ветошь – здесь значит иссохшую и изгнившую траву.

[406] - Сходить зайца по малику – значит отыскать его по следам.

[407] - Заметка.Определить сходством различие двух предметов – значит сравнить их. Теперь мы показали, чем золото похоже на

железо и чем оно не похоже на него; следовательно, мы сравнили золото с железом.

[408] - Караван – обыкновенно ряд верблюдов, нагруженных товарами, торговый обоз в степи, в пустыне. Караванная торговля такая, которая ведется посредством верблюдов.

[409] - Вежи, чумы и юрты – род шалашей.

[410] - Нефть – горное масло.

[411] - Шлагбаум – перекладина на заставах, поднимающаяся и опускающаяся

[412] - Поэт писал эти строки, находясь заграницей, вдали от России.

[413] - Лет двести тому назад.

[414] - Волошки – васильки.

[415] - Амбра – благовонное вещество.

[416] - Овражка – маленький зверок, род пестро-серенького хомячка.

[417] - Кулиш – похлебка из воды, муки и сала.

[418] - Свитка – род полукафтанья.

[419] - Хвалынское море – Каспийское море.

[420] - Амфитеатром громоздятся – постепенно возвышаются одна гора над другой .

[421] - Под чужим именем, скрытно.

[422] - Фаэтон – экипаж, род коляски.

[423] - Аллегория – иносказание.

[424] - Держать корректуру – исправлять ошибки наборщика, перед отпечатанием книги.

[425] - Адмиралтейство – место для достройки судов, при котором помещается высшее управление флотом.

[426] - Аудиенция – прием, свидание.

[427] - Марс – площадки из досок или решеток около мачт.

[428] - Грот-мачта – самая большая мачта на корабле.

[429] - Сенат – высшее правительственное учреждение в России.

[430] - Коллегия – присутственное место.

[431] - Яхта – небольшое судно.

[432] - Канцлер – лицо, заведующее министерством иностранных дел и имеющее чин первого класса.

[433] - Лейтенант –чин во флоте.

[434] - Баталия – битва, сражение.

[435] - Природа финских берегов бедная, суровая, как бы враждебно относящаяся (подобно мачехи) к людям.

[436] - Набережная Невы в Петербурге гранитная.

[437] - Петербург основан Петром Великим в 1703 году.

[438] - В Петербурге в мае месяце заря с зарей сходится.

[439] - Происходил. 1709 г. 27 июня.

[440] - Брань – сражение.

[441] - Здесь разумеется Александр Данилович Меньшиков, происходивший из простого сословия и впоследствии возвысившийся до светлейшего князя.

[442] - Цвет мундиров шведской армии синий.

[443] - Манием – движением.

[444] - Удилами.

[445] - Альбион – Англия.

[446] - Цесарцы – австрийцы.

[447] - Ассамблея – вечеринка, беседа.

[448] - Откружил – протанцевал.

[449] - Петербург.

[450] - Алебарда – длинная пика, на конце которой находится род топора.

[451] - Под отроком здесь разумеется Ломоносов.

[452] - Университет – высшее учебное заведение.

[453] - Библиотека – собрание книг.

[454] - Штурм – приступ или стремительное нападение войска на осажденное место с целью взять его у неприятеля.

[455] - Самозванец в царствование Императрицы Екатерины, выдававший себя за Императора Петра Феодоровича.

[456] - Механика – наука, занимающаяся законами движения и равновесия.

[457] - Ратуша – купеческая управа в малых городах и посадах.

[458] - Адмиралтейство – место, где строят военные корабли.

[459] - 26 августа.

[460] - 1-го сентября, церковный новый год.

[461] - Егерь – легко вооруженный солдат, принадлежащий к стрелков.

полку.

[462] - Гренадер – солдат из отборного войска отлич. высоким ростом и крепким сложением.

[463] - Лафет – станок на колесах для пушки.

[464] - Пошевни – широкие сани, обшитые внутри лубом.

[465] - Батарея – насыпь (со рвом впереди) для постановки на ней пушек.

[466] - Светлейший – князь Кутузов, главнокомандующий, занявший место Барклая де-Толли.

[467] - Под Аустерлицем и под Прейсиш-Эйлау русские сражались с Наполеоном.

[468] - Редут – небольшое укрепление в поле, обведенное земляным валом.

[469] - Бивак – временная остановка войска для отдыха.

[470] - Кивер – головное украшение в прежнее время в армии.

[471] - Булат – узорчатое стальное орудие.

[472] - Комиссар – лицо, заведующее надзором за поставкой съестных припасов, вещей и т.п.

[473] - Фуражировка – добывание продовольствия в военное время.

[474] - Понтоны – мосты, которые наводятся на реках для перехода войск.

[475] - Шлюз – плотина на реках.

[476] - Патриотизм – любовь к отечеству.

[477] - Ассигнации – деньги, кредитные билеты.

[478] - Академия – высшее учебное учреждение.

[479] - Хирург – врач, имеющий право делать операции, т.е. отрезать больные части тела.

[480] - Кадет – воспитанник военно-учебного заведения – корпуса.

[481] - Кивер – головное украшение военных.

[482] - Парапет – перила на мосту.

[483] - Севастополь – город в южной России (в Крыму) на берегу Черного моря.

[484] - Минный от мины, что значит подкоп, устраиваемый для произведения взрыва.

[485] - Бастион – укрепление, обнесенное высоким валом.

[486] - Бомбардировка – пальба из пушек.

[487] - Амбразуры – отверстия в бастионном валу для пушек.

[488] - Так называют русские неприятеля.

[489] - Бомба – ядро, начиненное разрывным составом.

[490] - Баррикада – загородка из бревен и досок.

[491] - Сцена – возвышенное место в театре.

[492] - Комедия – сценическое представление в театре, где выводятся смешные стороны некоторых лиц.

[493] - Пьеса – всякое сочинение, которое играют в театре.

[494] - Опера – сочинение с пением и музыкой, которое играют в театре.

[495] - Пенсия – деньги, получаемые за службу после оставления ее.

[496] - Театр – здание, устроенное для представления разных зрелищ.

[497] - Гувернантка – надзирательница за детьми.

[498] - Влияние – действие, воздействие, впечатление.

[499] - Фантазия – творческая сила воображения.

[500] - Литература – все словесные произведения какого-либо народа.

[501] - Поэма – поэтическое повествование о важном или занимательном действии.

[502] - Драматический – от слова «драма» – театральное сочинение, заключающее в себе много действия.

[503] - Брата Государя, Великого Князя Николая Николаевича.

[504] - Вития – искусный в слове, говорящий, оратор.

[505] - Кремль Московский, свидетель славы России и геройства ее сынов в 1812-м году.

[506] - Предместье Варшавы, взятое штурмом Суворовым при Императрице Екатерине II. «Прага у ног Вашего Величества!» писал Суворов в своем донесении Государыне. «Ура, фельдмаршал Суворов!» отвечала Екатерина II, хотя он не был тогда фельдмаршалом. Этим она возвела его в фельдмаршальское достоинство.

[507] - Разумеется 1812 год, когда Москва предана была сожжению во время вшествия в нее Наполеона I.

[508] - Измаил – крепость турецкая на берегах Дуная. Она взята была штурмом Суворовым при Императрице Екатерине II. «Двадцать четыре часа на размышление», писал Суворов сераскиру-паше, намереваясь штурмовать Измаил, – «и штурм. Мой штурм – смерть».

[509] - Палата – каменное здание, великолепный дом.

[510] - Исполин – величественный, огромный, сильный.

[511] - Хартия – древняя рукопись.

[512] - Гигантский – величественный, высокий.

[513] - Бармы – род воротника, сделаны из золотой материи, на них семь золотых блях с изображением из Св. Писания. Они присланы из Царьрада в в 1116 г. Бармы значит бремя. Шапкой Мономаха и этими регалиями до времен Петра I цари венчались на царство.

[514] - Чета – пара, двоица.

[515] - Медики – врачи.

[516] - Архитектон – строитель, основатель.

[517] - Ариане (от еретика Ария) унижали достоинство Сына Божьего.

[518] - Именно – он занял должность адвоката.

[519] - Св. Златоуст всегда останавливал такие выражения похвалы. «Что мне в ваших рукоплесканиях – говорил он своим слушателям; – исправление вашей жизни и обращение к Богу – вот похвала для меня!» И этой похвалы он достигал: жители Антиохии стали чаще посещать храмы Божьи, нежели зрелища, и в храмах своими слезами выражали раскаяние в прежней греховной жизни своей.

[520] - Во время пути св. Златоуст принужден был много терпеть и от зноя солнечного, и от набегов варваров– исавров, и отъ своих болезней. Но достигнув места изгнания, он нашел здесь покой и радушный прием от преданных ему христиан. Тогда, заботясь об истинных христианах константинопольской Церкви, онъ вошел с нами в сношения, старался утешить и успокоить их помощью Божьей. Поэтому враги его постарались заточить его еще далее – в нынешнюю Абхазию.

[521] - Император Феодосий младший, сын Аркадия и Евдоксии, выехал навстречу св. мощам в Халкидоне и, повергшись на землю, молил святителя простить его родителей, осудивших его на изгнание. (См. Подробное описание жизни и пастырской деятельности св. Иоанна Златоуста, составленное свящ. Василием Лебедевым).

[522] - Хозары жили в южны х пределах нынешней России, между Черным, Азовским и Каспийским морями. Под их управлением находились здесь, между прочим, и различные славянские племена.

[523] - Сколь успешна была эта проповедь святых Кирилла и Мефодия, видно из того, что в округе одного города Брегальницы (не далеко от Солуня) приняли крещение 4500 славян.

[524] - Именно к 24 буквам греческой азбуки он присоединил 14-ть

новых знаков, которые бы могли соответствовать особенным звукам славянской речи (напр. ж, ч, ш, щ и проч.). Эта азбука, по имени составителя ее, известна под именем Кириллицы. Она издревле употреблялась у славян, а ныне (с некоторыми изменениями) употребляется у восточных славян – (сербов, болгар и русских).

525 - И первыми словами славянской письменности были: В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. (Ин.1:1).

526 - Священными языками римское духовенство признавало только: еврейский, греческий и латинский, на которых была сделана Пилатом надпись на кресте Иисуса Христа. И приверженцы латинства старались доказать св. Кириллу и Мефодию, что только на этих трех языках можно проповедовать слово Божье. Святые Кирилл и Мефодий, в опровержение этого мнения, представляли, что Господь раздает дары своей благодати – солнечный свет, благорастворение воздухов и дожди плодоносные – всем людям, и следовательно все народы могут и должны славить величие и благодеяния Божьи каждый – на своем языке. В подтверждение этого они представляли свидетельства Священ. Писания и примеры восточной церкви, где различные народы, принимают христианство, имеют священные и богослужебные книги на своем языке.

527 - Несторово житие пр. Феодосия по ркп. Сп.. «Историю рус. церкви» – Филарета Гумилевского.

528 - Арсенал – здание, где хранится оружие.

529 - Позлащенный – позолоченный, покрытый позолотой.

530 - Гетман – прежний предводитель малороссийских казаков.

531 - Галерея – длинный ход с крышей.

532 - Вечевой от слова вече, – что значит народное собрание и самое место народного собрания.

533 - Бердыш – широкий на подобие полумесяца топор.

534 - Посадник – начальник общинной расправы, председательствовавший на вече.

535 - Схимник – монах, принявший схиму, т.е. великий ангельский образ, налагающий на принявшего его самые строгие правила.

536 - Дьяк – письмоводец.

537 - Выпуклое или равное изображение на самородном или драгоценному камне.

538 - Почто – для чего, зачем, почему?

539 - Паки – опять, снова.

[540] - Яко – что.

[541] - Тебе ради – ради тебя, для тебя.

[542] - Вежда – веки (по церковно-славянски).

[543] - «Бренныя», «грешныя», вм. «бренной, грешной» = церк. – славявск. окончание.

[544] -

[545] - Бѣ – был.

[546] - Живо́тъ – жизнь.

[547] - Реки́й – сказавший, повелевший.

[548] - Бо – ибо, потому что.

[549] - Когда Владимир прославился храбростью.

[550] - Па́че – более, лучше.

[551] - Т.е. после прихода разных народов, (магометан, евреев, римлян и др.), которые хвалили князю свою веру.

[552] - Изря̀денъ – превосходный, отличный.

[553] - Фїлосо́фъ – любомудр, поучающийся мудрости и других поучающий мудрости.

[554] - За́пона – завеса, покров, на котором искусно было выткано изображение страшного суда.

[555] - Ѻ́десню – по правую сторону.

[556] - Ѻ́шюю – по левую сторону.

[557] - Когда отошел греческий философ.

[558] - Речѐ – сказал.

[559] - Сѐ – вот.

[560] - Глаго́лютъ и҃ны́й бы́ти вѣкъ – говорят, что есть иная жизнь – загробная.

[561] - Сказа́ша вин прише́ствїꙗ своегѡ̀ – сказали, зачем они пришли.

[562] - А бїе – тотчас.

[563] - Аки – как бы.

[564] - Па́ки – опять, снова.

[565] - Sѣлѡ̀– очень.

[566] - Та́же – потом.

[567] - Или Корсунь.

[568] - По́нтъ – море.

[569] - Кра́сный – красивый, прекрасный.

[570] - Пога́нинъ – язычник, идолопоклонник.

[571] - О҃ба́че – однако, впрочем.

[572] - Па́мѧть є҆гѡ̀ ноє́мбрїѧ кѣ̀.

[573] - Понѐже – потому что.

[574] - Тща́нїе– старание, забота.

[575] - То́чїю– только.

[576] - Т.е. истина вещей (жизнь) показала тебя пастве твоей правилом веры, образцом кротости, учителем воздержания, – потому ты приобрел смирением высоту (неба), нищетой богатство (рая), отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога о спасении душ наших!

[577] - Чем больше будетъ сделано таких упражнений, тем лучше. Более, чем неразумно, требовать от ученика, чтобы он выражался «своими словами»: ученик еще не владеет «своими словами». Он учится устному и письменному слову, подражая уже готовым образцам... Весьма разумным правилом будет требование от ученика сначала сделать возможно краткий устный пересказ, а потом уже письменный.

[578] - Вот для примера такое краткое содержание этой басни. «У одного мельника вода начала просасывать плотину. Если бы мельник тотчас поправил плотину, беды не было бы никакой. Но он тогда только хватился ва ум, когда вода стала бежать сквозь плотину, как из ушата, и мельница перестала молоть. Осматривая течь, он увидал, что его куры пили воду у плотины. С досады и желая сберечь хоть немного воды, он бросил в них поленом – и остался без кур и воды». Чем больше будетъ сделано таких сокращенных опытов изложения статей и в особенности – рассказов, басен и т.п. произведений, тем скорее ученики научатся владеть письменным словом. Говорим это по опыту.

[579] - По недостатку места в книге, хотя в виде примечания приводим три следующие письма.

Содержание

Доброе Слово протоиерей Григорий Дьяченко 1
Первый год обучения 2
- Образцы рисования по клеточкам 3
- Предисловие 4
- Предварительные упражнения в чтении 10
- I. Первые опыты в осмысленном чтении отдельных слов 11
- II. Упражнения в чтении кратких предложений 14
- III. Упражнения в беглом чтении 2 17
- БАСНИ 18
- СКАЗКИ 22
- ЛЕГЕНДЫ 5 34
- Человек 37
- Басни 50
- Пословицы 56
- Отдел второй 58
- Мир Божий 59
- Отдел третий 84
- Родина 85
- Отдел четвертый 107
- Церковь 108
- Отдел пятый 137
- Церковно-славянское чтение 138
- Приложение 151
- Подготовительные письменные упражнения 100 152
- Конец 159

Второй год обучения 160
- Предисловие 161
- Отдел первый 164
- Человек 165
- Басни 216
- Отдел второй. Мир Божий 230
- Отдел третий. Родина 276
- Отдел четвертый. Церковь 312
- Отдел пятый. Церковно-славянское чтение 357
- Приложение. Письменные упражнения 364

Приложение. Письменные упражнения 364
Третий Год Обучения 373
Предисловие 374
Отдел первый. Человек 377
Отдел второй. Мир Божий 447
Отдел третий. Родина 505
Отдел четвертый. Церковь 622
Отдел пятый. Церковно-славянское чтение 668
Приложение. Письменные упражнения 679
Примечания 683